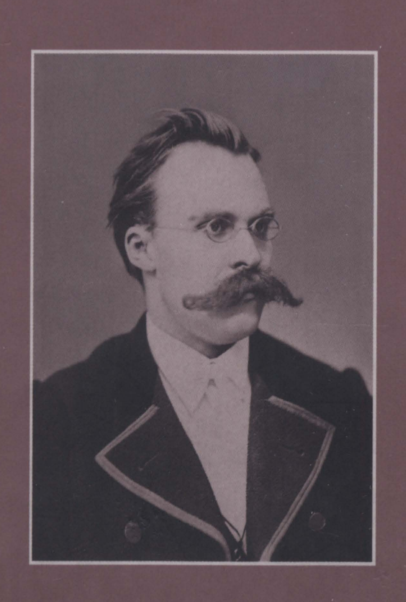
Фридрих Ницше

8

полное собрание сочинений

РЕВОЛЮЦИЯ
КУЛЬТУРНАЯ

Институт философии
Российской академии наук

Фридрих Ницше

полное собрание сочинений в тринадцати томах

Редакционный совет
*П. П. Гайденко, А. А. Гусейнов,
С. В. Казачков, В. Н. Миронов,
Н. В. Мотрошилова, Т. И. Ойзерман,
В. А. Подорога, В. А. Попов,
К. А. Свасьян, Ю. В. Синеокая,
В. С. Стёпин, И. А. Эбаноидзе*

Издательство
«Культурная Революция»
Москва

Институт философии
Российской академии наук

Фридрих Ницше

полное собрание сочинений

Восьмой том

Черновики и наброски 1874–1879 гг.

Перевод с немецкого
А.И. Жеребина, В.Г. Куприянова и А.В. Назаренко

Издательство
«Культурная Революция»
Москва 2008

ББК 87.3 Герм
Н70

Сверка, редактирование М.М. Беляев, И.А. Эбаноидзе
Научный редактор И.А. Эбаноидзе
Перевод А.И. Жеребин ($_7$32–$_7$38), В.Г. Куприянов (17–47),
А.В. Назаренко (1–16)
Оформление И. Бернштейн

Ницше, Фридрих.
Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-т философии.– М.: Культурная революция, 2005–
Т. 8: Черновики и наброски 1874–1879 гг. / Пер. с нем. А.И. Жеребина, В.Г. Куприянова и А.В. Назаренко; науч. ред. И.А. Эбаноидзе.– 2008.– 704 с.
ISBN 978-5-250-06042-4.

Предлагаемый перевод охватывает содержание рабочих тетрадей и записных книжек чрезвычайно значимого для становления философии Ницше периода – с 1874 по 1879 гг. Выполнен по немецкому академическому изданию под редакцией Д. Колли и М. Монтинари.
На русском языке издается впервые.

© Культурная Революция. 2008
© А.И. Жеребин. Перевод, 2008
© В.Г. Куприянов. Перевод, 2008
© А.В. Назаренко. Перевод, 2008
© И.А. Эбаноидзе. Редакция перевода, 2008
© И. Бернштейн. Оформление, 2008

Содержание

Черновики и наброски 1874–1879 гг.

$_{7}$32[1]. Зима–весна 1874

32 [1]

Является ли еще христианским все то, что так себя называет? Или, если задать вопрос более обстоятельный и одновременно более рискованный: что вообще в нашей нынешней жизни еще действительно христианское, а что, напротив, только так называется, по привычке или из робости? И существует ли нечто, что так себя больше не называет, <а> напротив, признает само, что является нехристианским? Чтобы ответить вначале на последний вопрос, назову, ради примера, науку: она сегодня нехристианская и хочет так называться.

32 [2]

Цицерон

Украшения.

Честность.

Декоративная культура.

И сегодня учиться у греков.

Моральная ущербность Цицерона объясняет его эстетическую ущербность (в том, что касается честности)?

Все новые времена страдают этой ущербностью: наш стиль вуалирует.

По примеру Цицерона надобно продолжать бороться с греками. Леопарди.

Сила и честность *его характера* проявляется в нем как в художнике. Но чистота его вкуса не так велика, чтобы он

---

1 В немецком издании данная группа фрагментов входит в 7-й том собрания сочинений. Во избежание путаницы при ссылках на фрагменты, входящие в данном томе в группы с 32-й до 38-ю, мы присоединяем к номерам групп, относящихся к 1874 году, подстрочную цифру 7.

мог подражать Демосфену, хотя он и рьяно с ним соперничает. (В<агнер> и Бетховен). Как художник он честен и выдает как раз то, что ему нравится. Но нравится ему чаще всего не лучшее, а азиатское. Это было очень по-римски.

Предчувствуется возможность цивилизации.

Для римской культуры важно обособление *«формы»*; благодаря ей прячут или приукрашивают «содержание». Можно отчетливо наблюдать подражание чужой, сложившейся культуре. Но так же делали и греки. В результате — новое образование. Римское красноречие достигло величайшей силы, и потому было способно ассимилировать чужое. В первую очередь роскошь, брутальность и обольстительность азиатской риторики, затем родосское, затем аттическое искусство: словом, возврат ко всё более простому.

32 [3]

Эпос (язык, генезис культуры) — «Труды» Гесиода.

Лирика (сюда же ритмика) — фрагменты.

Драма (государство и искусство) — «Хоэфоры», «Эдип-царь».

Оратор (греки и римляне) — Демосф. De corona[1].

Философы (борьба против религии) — «Федон».

Историки (борьба против мифа) — Фукидид.

32 [4]

Греческое и варварское

1. Рождение трагедии из духа музыки.
2. Платон и его предшественники.
3. Цицерон и Демосфен.

Несвоевременные размышления

Штраус.
История
Чтение и письмо.
Волонтеры на год.

---

1 Одна из самых известных речей Демосфена.

Вагнер.
Гимназии и университеты.
Христианское.
Абсолютные учители.
Философ.
Народ и культура.
Классическая филология.
Ученый.
Газетное рабство.

32 [5]

1874	Фук. I Персы. Горгий. Pro corona[1].	Оратор. Эпос.
1875	Фук. II Фрак. Ар. Этика. Речь.	Драма.
1876	Фук. 3 Антигона. Ар. Политика. Речь.	Лирика.
1877	Фук. 4 Эд. Кол. Плат. Государство. Речь.	Мифология.
1878	Фук. 5 Лягушки. Закон. Речь.	
1879	Фук. 6 Птицы. Феофр. Характ. Речь.	Историки.

32 [6]

	Произведение истории[2].
	Трагедия.
	Новелла.
Мораль и медицина.	О греческой литературе.

32 [7]

Философы.
Диоген Лаэрций.

---

1 Другой вариант латинского перевода названия речи Демосфена (см. 32 [3]).

2 В оригинале — Geschichts-Werk, образованное явно по аналогии с выражением Lebens-Werk, означающим «творчество» (как совокупность созданных произведений, труд всей жизни), либо (в контекстах биографических исследований) жизнь как произведение искусства, параллелизм творчества и внутренней биографии.

διαδοχαί[1].
Язык.

32 [8]

Если Гёте — живописец, Шиллер — оратор, то Вагнер — актер. Который ос<обое> внимание уделяет музыке —

32 [9]

Вагнер застал публику, которая была подготовлена очень неравномерно, одни судили о сценическом искусстве, другие — о музыке. Он отнесся к публике как к единству и объяснял ее благосклонные реакции единой причиной, т.е. предположил, что эффект складывается из одинаковых порций частных эффектов. Столько-то радости от музыки, *столько же* от сценического искусства, столько же от драмы.

И вот он убеждается, что великая актриса сбивает этот расчет, но одновременно вырастает идеал. *Каких* же вершин достигнет воздействие, если этому будет соответствовать столь же великая музыка и т.д.?

32 [10]

Неумеренность и неумение держаться в рамках, видимо, казались ему природными.

Гёте тоже не сомневался в том, что он *может* позволить то, что ему нравится. Его вкус и его возможности шли параллельно. Презумпция.

Что сильно воздействовало на Вагнера, то он и хотел сделать. В своих образцах он понимал не больше, чем он мог бы сам воспроизвести. Актерская натура.

Вагнер — натура законодательная: у него широкий, не вязнущий в мелочах взгляд на вещи, он все выстраивает по-крупному, и о нем неверно судить по изолированным частностям — музыка, драма, поэзия, государство, искусство и т.д.

Музыка сто́ит немного, поэзия тоже, драма тоже, актерское искусство часто лишь риторика — но все в целом представляет единство и находится на высоте.

---

1 Преемники (*греч.*). См. прим. к 7-му тому, фрагмент 2 [30].

Вагнер как мыслитель столь же велик как Вагнер — музыкант и поэт.

32 [11]

Первая проблема Вагнера: «Почему отсутствует воздействие, если я его испытываю?». Это побуждает его критиковать публику, государство, общество. Он устанавливает между художником и публикой отношение субъекта и объекта — очень наивно.

Дарование Вагнера — это разросшийся *лес*, а не отдельное дерево.

32 [12]

У него есть чувство *единства в различном* — поэтому я считаю его *носителем культуры.*

32 [13]

В некоторых гармониях у него есть что-то приятно-строптивое, как будто поворачиваешь ключ в сложном замке.

В великом Вагнер закономерен и ритмичен, в малом нередко действует силой и нарушает ритм.

Вагнер так привык питать свои чувства одновременно различными искусствами, что стал совершенно невосприимчив к новой музыке: так что он отвергает ее теоретически. Так же и с поэзией. Отсюда многочисленные недоразумения в отношениях с современниками.

32 [14]

Любое искусство проходит стадию риторики. Фундаментальное различие между поэзией и риторикой, или искусством и риторикой.

Зарождение у *Эмпедокла* характерно. Промежуточное звено.

Актер и оратор: первый — предпосылка второго.

Натурализм. Расчет на аффект. На большую публику.

Перечислить все, в чем риторика соответствует неморальному искусству.

Возникновение художественной прозы в качестве отзвука риторики.

Очень редко, когда кто-либо в качестве художника действительно *выдвигает* свою *субъективность*: большинство прячут ее с помощью усвоенной манеры и стиля.

Честное искусство и нечестное искусство — главное различие. Так называемое объективное искусство чаще всего лишь *нечестное* искусство. Риторика честнее потому, что прямо признает своей целью *создание иллюзии*. Она вовсе не намерена выражать субъективность, но <соответствует> некоему идеалу субъекта, могущественному государственному мужу и т.д., как его представляет себе народ.

Каждый художник начинает нечестно, поскольку говорит сперва как его учитель (эсхиловская пышность у Софокла). Как правило, контраст между постижением и способностью так и не сглаживается: тогда художник встает на сторону вкуса и навек остается нечестным. Цицерон — *декоративная фигура мировой империи*. Он воспринимает себя как совершенного человека и венец природы, отсюда его чувство славы. Его политические дела только декорация. Он пользуется всем, науками и искусствами, лишь в меру их декоративности. Изобретатель «пафоса как такового», прекрасной страсти. Культура как вуалирующая декорация.

Задача: психологически объяснить становление такой натуры.

32 [15]

Одно из качеств Вагнера: необузданность, безмерность — он доходит до глубочайших истоков своих сил, своих ощущений.

Веселость Вагнера — это чувство уверенности того, кто возвращается к себе, испытав величайшие опасности и эксцессы, возвращается в свои границы, домой. Все люди, с которыми он вступает в общение — ограниченные отрезки его собственного пути (по крайней мере сам он не видит в них ничего другого); вот почему он может быть здесь веселым и чувствовать свое превосходство — здесь он может *играть* со всеми нуждами и сомнениями.

Другое качество — это большой актерский талант, который смещен, направлен по другим путям, а не по первому и ближайшему: дело в том, что для этого у него

недостает внешних данных, голоса и необходимой умеренности.

Никто из наших великих музыкантов не был в свои 28 лет все еще таким плохим музыкантом, как Вагнер.

В «Тангейзере» он пытается мотивировать ряд экстатических состояний индивида: он, кажется, думает, что только в таких состояниях обнаруживает себя естественный человек.

В «Мейстерзингерах» и в некоторых частях «Нибелунга» он возвращается к самообладанию: в этом он более велик, чем в экстатической распущенности. Ограничение ему к лицу.

Человек, которого дисциплинирует его художественный инстинкт.

Он дает разрядку своим слабостям, наделяя ими современную эпоху: естественная вера в благо природы, когда она свободно царит.

Он все – государство, общество, добродетель, народ, – меряет мерой своего искусства: и в состоянии неудовлетворенности он желает, чтобы погиб весь мир.

Молодость Вагнера – это молодость разностороннего дилетанта, из которого не выйдет, казалось, ничего путного.

Часто я бывал так неразумен, что сомневался, обладает ли Вагнер музыкальным дарованием.

Его натура постепенно созревает и усложняется: наряду с Зигфридом, Вальтером, Тангейзером выступает Закс-Вотан. Он научается постигать мужчину, очень поздно. Тангейзер и Лоэнгрин – порождения его юности.

Он сбежал со своей должности, потому что не мог больше служить.

32 [16]

Как актер он хотел подражать человеку только в его подлинности и наибольшей действенности – в состоянии высшего аффекта. Поскольку его тяготеющая к крайностям натура видела во всех других состояниях лишь слабости и неправду. Опасность живописания аффектов для художника крайне велика. Опьяняющее, чувственное, экстатическое, внезапное, взволнованность любой ценой – разрушительные тенденции!

32 [17]

Музыка для Бекмессера превосходна: она не могла бы лучше выразить человека, который подвергается таким побоям и издевательствам. По-настоящему сострадаешь, будто издеваются над горбуном.

32 [18]

Рихард Вагнер в Байройте.

1. Причины провала. Среди них прежде всего непривычное. Отсутствие симпатии к Вагнеру. Труден, сложен.
2. Двойственная натура Вагнера.
3. Аффект. Экстаз. Опасности.
4. Музыка и драма. Рядом друг с другом.
5. Предпосланное.
6. Поздняя мужественность—медленное развитие.
7. Вагнер как писатель.
8. Друзья (вызывают новые сомнения).
9. Враги (не вызывают уважения, отсутствие интереса к тому, с чем враждуют).
10. Объяснить неприятное изумление: может быть возвышенное?

Девиз: ———

32 [19]

Тяготение к покою, верности—от необузданности, безграничности—в «Летучем голландце».

32 [20]

Вагнер—натура властвующая, только тогда он в своей стихии, только тогда уверен, ровен и тверд. Торможение этого влечения делает его неуравновешенным, эксцентричным, строптивым.

Вагнер—прирожденный актер, но в то же время, как и Гёте, художник, не обладающий хваткой художника. Его дарование ищет и находит другие выходы.

А теперь только представьте себе все эти сдерживаемые влечения во взаимодействии.

32 [21]

Можно вполне серьезно ожидать, что Вагнер отобьет у немцев вкус к занятиям отдельными, разрозненными видами искусства. Возможно даже, что из его влияния возникнет картина единого образования, которое не может быть достигнуто путем механического сложения отдельных умений и знаний.

32 [22]

Не следует забывать: язык, которым говорит искусство Вагнера — *театральный*; ему не место в комнатах, в camera. Это речь народа, и она немыслима без огрубления даже самого благородного. Она должна воздействовать на большом расстоянии и сплачивать народный хаос. Напр., Королевский марш.

32 [23]

Очень много ложных суждений связано с тем, что судья исходит из своего партийного (домашнего) искусства.

32 [24]

Он относится к музыке как актер: потому он умеет одновременно говорить голосом разных музыкантов и располагать рядом друг с другом совершенно разные миры (Тристан, Мейстерзингеры).

32 [25]

Не следует быть несправедливым и требовать от художника такой чистоты помыслов и бескорыстия, какими обладает Лютер и т.д. Однако натуры Баха и Бетховена излучают более ясный свет. У Вагнера экстатическое нередко насильственно и недостаточно наивно, к тому же слишком сильно подчеркнуто с помощью резких контрастов.

32 [26]

Его возвращение к природе, т.е. к аффекту, подозрительно оттого, что аффект оказывает наиболее сильное воздействие. Неверно, что возможно искусство как чистая

импровизация; по отношению к немецкой музыке наивно так думать. Органическое единство заложено у Вагнера в драме и потому не пронизывает (очень часто) ни музыку, ни текст. Последний создает впечатление импровизации (что хорошо только у сложившихся художников, но не у становящихся; но это всегда вводит в заблуждение, создавая впечатление богатства).

32 [27]

Между музыкой и языком возможна связь действительно органичная, — а именно, в песне. Зачастую также в целых сценах. Привести драму и музыку в такое соответствие — идеал. Образец — античный танец хора. Но цель чересчур высока: ибо мы еще не владеем стилем движения, наша оркестика разработана не вровень с богатством нашей музыки. Но принуждать музыку служить натуралистической страстности разрушительно и дезориентирующе для нее самой, — впоследствии это сделает ее неспособной решать общую задачу. Несомненно, искусство Вагнера представляется нам прекрасным, несомненно, что оно предвещает бесконечные возможности развития в будущем. Но немецкое чувство формы! Если только музыка не испортится и не лишится формы! На службе Ганс-Саксовых ужимок музыка должна выродиться (Бекмессер).

32 [28]

В этом есть что-то комическое: Вагнер не может убедить немцев относиться к театру серьезно. Они остаются холодны и безмятежны — он усердствует, будто от этого зависит спасение немцев. Тем более, что теперь немцы думают, будто бы у них появилось серьезное занятие, и им кажется смешным фантазерством то, что кто-то с такой торжественностью посвящает себя искусству.

Вагнер не реформатор, ибо до сих пор все остается по-прежнему. В Германии каждый относится серьезно к своему делу и смеется над тем, кто всерьез принимает только себя.

Влияние финансовых кризисов.

Общая ненадежность политического положения.

Сомнения в разумном руководстве судьбами Г<ермании>.

Время волнений по поводу искусства (Лист и т.д.) прошло.

Серьезная нация не желает, чтобы ее лишили некоторого легкомыслия, немцы — не в театральных искусствах.

Главное: значение искусства, какое утверждает Вагнер, не подходит к нашим социальным условиям и условиям труда. Отсюда инстинктивное неприятие того, что не годится в дело.

32 [29]

Для немца Вагнер слишком нескромен; вспомним Лютера, наших полководцев.

32 [30]

Как писатель Вагнер не передает свой верный образ. Он не компонирует: целое не становится предметом созерцания. В деталях он допускает отступления, он темен, не безмятежен и не стоит над своим предметом. У него нет уравновешенной ясности. Ему отказано во всякой грации, в изяществе, а также в диалектической остроте.

32 [31]

Каким образом Вагнер завоевал себе приверженцев? Певцы, которые имели драматический талант и получили совершенно новую возможность воздействия на публику, может быть, даже при отсутствии сильного голоса. Музыканты, которые учились у мастеров декламации: она должна быть настолько гениальной, чтобы текст не проникал в сознание иначе, как через само произведение. Оркестранты в театре, которые раньше скучали. Музыканты, которые стремились кратчайшим путем опьянить или околдовать публику и обучились цветовым эффектам вагнеровского оркестра. Недовольные всех мастей, которые при любом перевороте надеются что-то выиграть. Люди, поддерживающие любой так называемый «прогресс». Такие, кто скучал, слушая старую музыку, и теперь почувствовал, что их нервы возбуждаются сильнее. Люди, которые откликаются на все рискованное и смелое. На

его стороне были то виртуозы, то часть композиторов,— обойтись без него не могли и одни, и другие. Литераторы со всякими неясными стремлениями к реформе. Художники, восхищающиеся умением жить независимо.

32 [32]

«Ложное всевластие» развивает в Вагнере нечто «тираническое». Чувство, что у него нет *наследников*—поэтому он стремится придать своей реформаторской идее максимальную широту и продолжить себя словно путем усыновления. Стремление к легитимности.

Тиран не признает никаких других индивидуальностей, кроме своей и своего ближайшего окружения. Для Вагнера опасность велика, если он не признает Брамса и т.д., или евреев.

32 [33]

Вагнер—современный человек и не способен воодушевить и укрепить себя верой в Бога. Он не верит, что судьба его в руках благого существа, но верит в себя. Но человек не может быть вполне честен по отношению к себе, если он верит только в себя. Вагнер избавляется от всех своих слабостей тем, что переносит их на эпоху или своих противников.

32 [34]

Тираническое чутье *грандиозного.*

К нему не питают ни малейшего почтения, настоящий музыкант рассматривает его как чужака, того, кто вне закона.

32 [35]

Это просто счастье, что Вагнер не родился в высшем сословии, дворянином, и не ударился в политику.

32 [36]

Человек, чувствующий в себе способность к необычайным экстазам и непроизвольным выплескам, с трудом сохраняет скромность, ибо только знающий призван к скромности; несведуще-восторженный не ведает границ.

К этому добавляется культ гения, поддерживаемый Шопенгауэром.

32 [37]

Не следует больше раздражать Вагнера неудачами; так можно сделать его слишком свирепым.

32 [38]

Он будет теперь, вероятно, самым непредвзятым ценителем маленьких немецких добродетелей и слабостей, поскольку, видя, что они терпят поражение, он вступает с ними в тайный союз против победителей.

32 [39]

Он не удержался от раздумий о политических возможностях: на свое несчастье он связался также с к<оролем> Б<аварским>, который, во-первых, отказал ему в постановке его творения, во-вторых наполовину предал предварительными постановками и, в-третьих, создал ему чрезвычайно дурную славу, ибо эксцессы этого князя все приписывают Вагнеру. Так же неудачно связался он с революцией: он потерял состоятельных покровителей, вызвал страх и вместе с тем был расценен и социалистическими партиями как отщепенец: все это без всякой выгоды для своего искусства и без высшей необходимости, кроме того свидетельствует о его близорукости, ибо в 1849 году он совершенно не сумел оценить положения.

В-третьих, он оскорбил евреев, владеющих теперь в Германии большей частью денег и прессой. Когда он это делал, его ничто к этому не понуждало; позднее это была уже месть.

Был ли он прав, возлагая большие надежды на Бисмарка, покажет не слишком отдаленное будущее.

32 [40]

В своих оценках великих музыкантов он употребляет слишком сильные выражения, напр. Бетховена он называет святым. Настаивать на том, что главное в Девятой симфонии это привлечение слова—тоже сильное преувеличение. Он вызывает недоверие как своей похвалой,

так и порицанием. Ему не дано изящества и грации, как и чистой красоты, которая есть отблеск абсолютно уравновешенной души: он стремится их дискредитировать.

32 [41]

Его актерский дар проявляется в том, что он *никогда* не актерствует в личной жизни. Как писатель он ритор, лишенный силы убеждения.

32 [42]

Отказ от больших ритмических периодов, сохранение тактовых фраз, производит, правда, впечатление бесконечности, моря: но это художественное средство, а не регулярный закон, каковым его хочет сделать Вагнер. Мы прилагаем усилия, ищем периодов, снова и снова обманываемся в ожиданиях, и, наконец, бросаемся в волны.

32 [43]

Путь от танца к симфонии нельзя просто перескочить, в таком случае останется только натуралистическая альтернатива подлинной неритмической страсти. Но с нестилизованной природой искусство ничего не может поделать. Весьма сомнительные эксцессы в «Тристане», напр. необузданность в конце 2-го акта. Неумеренность в сцене побоев в «Мейстерзингерах». Вагнер чувствует, что в отношении формы он по-немецки неотесан, и хочет встать под знамя Ганса Сакса, а не французов или греков. Наша немецкая музыка (Моцарт, Бетховен) впитала в себя итальянскую форму, как и народная песня, и потому не соответствует более, с ее тонко дифференцированным богатством линий, крестьянско-бюргерской грубости.

32 [44]

Искусство Вагнера окрылено и трансцендентально, какое отношение к нему может иметь наша бедная немецкая низость! В нем есть словно некое бегство от этого мира, оно отрицает, а не проясняет его. Потому оно не воздействует на мораль непосредственно, а воздействует опосредствованно, по-квиетистски. Он деятелен и активен только затем, чтобы освободить в этом мире место своему

искусству: но какое нам дело до Тангейзера, Лоэнгрина, Тристана, Зигфрида! Но это уж, кажется, жребий искусства в такой современности как наша: оно отбирает у отмирающей религии часть ее силы. Отсюда союз Вагнера с Шопенгауэром. Это говорит о том, что, возможно, скоро искусство будет существовать только в форме монашеских, отшельнических сект, которые отвергают окружающий мир. Шопенгауэровская «воля к жизни» получает здесь художественное выражение: это бессознательное бесцельное действование, этот экстаз, это отчаяние, этот тон страдания и вожделения, этот акцент любви и пылкости. Редок яркий луч солнца, зато изобилие магического колдовского света.

В таком положении искусства и его сила, и его слабость: оттуда трудно возвратиться к простой жизни. Цель более не в улучшении действительности, а в ее уничтожении или разоблачении. Сила заключается в сектантском характере: она экстремальна и требует от человека безусловного решения.

Может ли человек стать лучше с помощью этого искусства и философии Шопенгауэра? Несомненно, в том, что касается правдивости. Если бы только во времена, когда ложь и условности так скучны и неинтересны, не была бы столь интересной правдивость! Столь волнующей! Эстетически привлекательной!

32 [45]

Художественная сила облагораживает необузданный инстинкт и суживает его, концентрирует (в желании придать данному произведению по возможности совершенную форму). Она облагораживает всю натуру Вагнера. Она тянется ко все более высоким целям, до той высоты, до какой хватает глаза: эти цели становятся все прекраснее, в конечном счете все определеннее и благодаря этому ближе. Так, Вагнер, каков он сегодня, это уже не Вагнер времен «Оперы и драмы», не Вагнер-социалист: прежние цели кажутся более высокимми, но в действительности они далеки и лишены определенности. Его нынешнее понимание бытия, Германии и т.д. глубже, хотя и намного консервативнее.

32 [46]

Простота в построении драм обнаруживает актера.

32 [47]

Сопоставление Шекспира и Бетховена — отважнейшая, безумнейшая мысль.

32 [48]

Отбрасывая вину и неправоту — поскольку он все время растет, то быстро забывает несправедливость: на новой ступени она кажется ему уже незначительной и зарубцовывается. Умеет утешить себя во всем, как Шопенгауэр.

32 [49]

Место у *Гёте* о человеке с предпосылками — на с. 27, 507.

32 [50]

Можно ли говорить применительно к Вагнеру о великолепной «музыкальной обрисовке действующих лиц»?

Перед его взором носится образ внутреннего мира, сделавшегося видимым, душевного процесса как наглядного движения — он хочет этому соответствовать: в высшей степени по-шопенгауэровски непосредственно схватить волю.

Музыка как отражение экзистенции во временной последовательности.

32 [51]

Опасность в том, что в движениях и действиях драмы заключены мотивы движения музыки, что они — *ведомая*. Нет необходимости, чтобы одно из двух было ведущим — совершенное произведение искусства оставляет в нас чувство необходимого соседства обоих.

32 [52]

Вагнер считает ошибкой оперного жанра то, что *средство выражения*, музыка, была превращена в цель, цель же выражения — в средство.

Следовательно, музыка представляется ему средством выражения, что очень характерно для актера. Но что это означает применительно к симфонии: если музыка здесь — *средство выражения*, то что же цель? Она не может, следовательно, заключаться в музыке. То, что по существу своему является средством выражения, предполагает то, что оно должно выразить: Вагнер имеет в виду драму. Без нее он считает музыку уродством: возникает вопрос «из-за чего шум?» Вот почему он считает высшим достижением Бетховена Девятую симфонию — подключение слова придает здесь музыке ее смысл: быть средством выражения.

Средство и цель — музыка и драма — старое учение.

Всеобщее и пример — музыка и драма — новое учение.

Если верно последнее, то всеобщее вовсе не должно зависеть от примера, т.е. абсолютная музыка в своем праве, а музыка драмы тоже должна быть абсолютной музыкой.

Но это все еще, скорее, метафора, образ — нет полной правды в том, что драма есть лишь пример, иллюстрирующий всеобщность музыки: жанры и разновидности, но в чем? Как движение звуков в противоположность движению образов (если говорить только о мимической драме).

Но ведь и движения образа могут быть всеобщими, ибо они выражают внутренние состояния, неизмеримо более богатые и нюансированные, чем внешние проявления этого движения, отчего мы так часто неверно понимаем жесты. Кроме того, во всяком жесте очень много конвенционального; абсолютно свободный человек — это фантазия. Но если оставить в покое подвижность образа и говорить о движении чувства, то тогда именно музыка будет общим, а подвижное чувство того или иного лица — специфическим. Музыка и есть именно подвижное чувство композитора, выраженное в звучании, т.е. во всяком случае нечто индивидуальное. И так было всегда (если отвлечься от чисто формалистического учения о звуках как арабесках). Так возникает абсолютное противоречие: совершенно специфическое выражение чувства в музыке, совершенная определенность — и наряду с этим драма, ряд выражений совершенно определенных чувств, дей-

ствующих лиц драмы, в словах и движениях. Как могут они совпадать? Конечно, композитор может сам прочувствовать ход драмы и воспроизвести его в виде чистой музыки (увертюра к «Кориолану»). Однако это отображение получает тогда по отношению к самой драме смысл обобщения, политические мотивы, причины, все опущено и говорит только глупая воля. В любом другом смысле драматическая музыка—это плохая музыка.

Перейдем теперь к требованию *одновременности* и точнейшего параллелизма! всего процесса, в музыканте и в драме. Тут музыка мешает драматургу, ибо, чтобы выразить нечто, она требует времени. Нередко для одного единственного движения драмы нужна целая *симфония*. Что делает в это время драма? Вагнер использует для этого диалог, вообще *язык*.

Но тут прибавляется новая властная сфера и новая трудность: язык. Он говорит понятиями. Они тоже имеют свои законы *времени*. Короче говоря:

Только мим выражает лежащее в основе чувство	каждый выражает это
Мир понятий	в разном масштабе
Музыка	времени.

В разговорной драме правит сила, которая требует наибольшего количества времени—понятие. Вот почему действие часто содержит состояния покоя, пластику, группы. Особенно в античности: покоящаяся пластика выражает состояние. Следовательно, мим в значительной степени определяется разговорной драмой.

Музыкант же нуждается совершенно в другом времени и, собственно говоря, ему вообще едва ли можно предписать какие-либо законы: чувство, охватившее музыканта, может у одного длиться долго, у другого коротко. Каково же тогда это требование, чтобы язык понятий и язык звуков шли параллельно!

Но, далее, ведь и сам язык содержит в себе музыкальный элемент. Сильно прочувствованное предложение имеет свою мелодию, которая выступает также и как образ самого общего движения воли. Эта мелодия может быть использована и истолкована эстетически, до бесконечности.

Соединение всех этих факторов представляется невозможным: музыкант будет передавать отдельные, вызванные драмой настроения, а большая часть драмы будет ему не нужна: отсюда, очевидно, речитатив и риторика. Поэт не будет знать как помочь музыканту, а потому не сможет помочь и самому себе: он хочет сочинять лишь то, что можно пропеть. Его представление об этом только теоретическое, это не опыт душевной жизни. Актер прежде всего должен опять-таки делать в качестве певца многое из того, что не имеет отношения к драматургии, открывать рот и т.д.; он нуждается в неких конвенциональных манерах. И переменится все только если актер окажется одновременно музыкантом и поэтом.

Он пользуется жестами, языком, мелодией речи и к тому же еще *признанными символами* музыкального выражения. Он предполагает очень высоко развитую музыку, в которой для уже очень многих движений души есть устоявшиеся, узнаваемые и повторяющиеся формы выражения. С помощью этих музыкальных цитат он напоминает слушателю определенное настроение, в котором желает быть воспринятым актер. Сегодня музыка действительно стала «выразительным средством»: поэтому в художественном отношении она стоит на низкой ступени, ибо она более не органична в самой себе. Хороший композитор все еще сумеет искусно сплести символы, но поскольку общая связь и план существуют лишь по ту сторону и вне музыки, она и не может быть органичной. Но было бы нечестно упрекать в этом драматурга. Ему разрешается применять музыку как средство на пользу драмы, так же как он использует в качестве средства живопись. Такая музыка в своей чистоте сравнима с аллегорией в живописи: собственный смысл заключен не в картине, потому она может оказаться очень красивой.

32 [53]

Опасности *драматической* музыки для музыки.

Опасности музыкальной драмы для драматического поэта.

Опасности для певца.

32 [54]

Все великое, тем более новое, заключает в себе опасность: по большей части оно ведет себя так, будто оно одно имеет право на существование.

Следует принять во внимание, какая именно эпоха творит здесь для себя искусство: абсолютно беспринципное, задыхающееся от спешки, безбожное, корыстное, бесформенное, лишенное надежного фундамента, почти отчаявшееся, ненаивное, насквозь сознательное, неблагородное, склонное к насилию, трусливое.

32 [55]

В качестве актера Вагнер репродуцирует лучше всего, он проникает в души других (музыкантов).

32 [56]

Искусство еще раз собирает вместе все, что еще может его привлечь; у современных немцев—характер, знание, все соединяется. Колоссальная попытка утвердить себя и доминировать—во враждебную искусству эпоху. Яд против яда: все сверхусилия полемически обращены против мощных враждебных искусству сил. Религиозные, философские элементы в том числе, тоска по идиллии, все-все.

32 [57]

Вагнер ценит простоту драматического плана, потому что она *воздействует* сильнее всего. Он собирает все *сильнодействующие* элементы в эпоху, которая вследствие своей притупленности нуждается в средствах крайне сильных и грубых. Роскошное, опьяняющее, приводящее в смятение, грандиозное, страшное, шумное, уродливое, экстатическое, нервное, все имеет право быть. Грандиозные масштабы, колоссальные средства.

Неправильное, ослепительный блеск и перегруженность украшениями производит впечатление богатства и роскоши. Он знает, чтó еще может действовать на «наших людей»: при этом он их еще идеализирует и придерживается высокого о них мнения.

32 [58]

Особая форма вагнеровского честолюбия заключается в том, что он вступает в общение с великими людьми и явлениями прошлого: с Шиллером-Гёте, Бетховеном, Лютером, греческой трагедией, Шекспиром, Бисмарком. Только с Возрождением не нашел он точек соприкосновения. Но он открыл немецкий дух, вопреки романскому. Интересная характеристика немецкого духа по его образцу.

32 [59]

Своего рода контрреформация: трансцендентные размышления крайне ослаблены, красота, искусство, любовь к бытию крайне вульгаризованы, под воздействием протестантского духа. Идеализированное христианство католического типа.

32 [60]

Речь, доведенная до максимума своей выразительности, — аллитерационный стих. Оркестр также. Высшее в нем — не отчетливость языка, а опьяняющая сила *предчувствия.*

32 [61]

Вагнер пытается обновить искусство с опорой на единственный еще сохранившийся базис, на театр: здесь все еще масса действительно приводится в возбуждение и не обманывает себя, как в музеях и в концертах. Правда, это очень сырая масса, и вновь установить власть театрократии до настоящего времени оказывалось невозможно. Проблема: должно ли искусство навечно остаться сектантским и изолированным? Возможно ли привести его к господству? В этом значение Вагнера: он пробует установить тиранию с помощью театральных масс. Нет сомнений, что будь Вагнер итальянцем, он бы достиг своей цели. Немец не питает уважения к опере, он всегда рассматривал ее как нечто импортированное и ненемецкое. Да и театр в целом он не принимает всерьез.

32 [62]

Война.

Победитель, как правило, глупеет, побежденный озлобляется.

Война упрощает. Трагедия для мужчин. Каково влияние на культуру?

Опосредованное: она насаждает варварство и приближает таким образом к природе. Она—зимняя спячка культуры.

Прямое: прусский опыт с рекрутами-одногодичниками—увязать известное облегчение службы с культурными условиями.

Поучительный жизненный опыт.

Аббревиатура бытия.

Греки назначили Софокла военачальником, за то он и был побит.

Научная война.—Безразличие отдельного человека и его долг. Выполнение долга, противоречащее человечности—крайне поучительный конфликт. Не «государство» ведет войны, а князь или министр, не надо позволять обманывать себя словами.

Смыслом государства не может быть государство, еще меньше общество: но отдельные люди.

Природа ведет себя так же как война—безразлично к ценности одиночек.

Я знаю, что так же, как я, будут чувствовать в недалеком будущем многие немцы: потребность жить свободным от политики, национального вопроса, газет. Идеал образовательной секты.

32 [63]

Я считаю, что изучив политику невозможно оставаться способным к действию. Отвратительное ничтожество всех в совокупности партий, включая церковные, для меня очевидно. Я мечтаю о спасении от политики: и об исполнении ближайших гражданских обязанностей в общинах. В Пруссии представительная конституция кажется мне излишней, даже крайне вредной. Она прививает политическую лихорадку. Должны же существовать круги, подобные монашеским орденам, но только более

широкие по содержанию. Или такие, как сословие философов в Афинах. Воспитание силами государства достойно презрения.

32 [64]

Если кто-либо не связан с кем-то другим ни старым долгом благодарности, ни узами товарищеского союза и тем не менее желает его помощи — а это именно наш случай, — то он должен доказать две вещи: прежде всего, что его просьба принесет другому выгоду или, по крайней мере, не нанесет ущерба, а затем, что можно с уверенностью расчитывать на благодарность с его стороны. Если ему не удастся развеять все сомнения относительно этих двух пунктов, то у него нет никакой причины впадать в ярость, когда просьба его будет отклонена.

32 [65]

Натура Вагнера.
Его произведение искусства.
Борьба со временем.
Оправданное сопротивление.
Попытка насильственного переворота.

32 [66]

Значение, которое Вагнер приписывает искусству, — не *немецкое*. Здесь отсутствует даже декоративное искусство. Отсутствует всякое общественное внимание к искусству. Отношение к нему ученое или совершенно пошлое. Там и сям разрозненные устремления к прекрасному. Существует только музыка. Но даже она не смогла ни создать организацию, ни даже сдержать импорт театральной музыки.

Человек, который сегодня аплодирует в театре, завтра этого стыдится: ибо у нас есть свой домашний алтарь, Бетховен, Бах — тут воспоминание обрывается.

32 [67]

О времени.

Природа не добра — антидогма против ложного, слабовольного мнения и обмирщения.

Смысл жизни заключается не в сохранении институтов и не в их прогрессе, а в индивидах. Те же должны быть сломлены.

Когда кто-либо принимает на себя задачу справедливости, то ее значению его учит бытие.

Устройство жизни должно быть не максимально удобным и легко переносимым, но строгим. Любым способом следует держаться метафизического смысла.

Благодаря неустойчивости всего окружающего мы быстрее учимся уму-разуму. Не надо ничего *щадить*, следует говорить правду и будь что будет.

Наша задача—вырваться из плена всей этой неопределенности и половинчатости и не обманываться насчет бытия. Ибо все человечество *впало* сегодня в *оплощение* (естественно и религиозные партии, и ультрамонтаны, коль скоро они бессовестно настаивают на sensu proprio[1] истинности совершенно мифического выражения и хотят удержать свою внешнюю власть).

Эллинство Гёте, во-первых, ложно исторически, и кроме того слишком изнеженно и немужественно.

Опасности изнеможения не существует: справедливость—одна из труднейших обязанностей, а сострадание —великий стимулятор.

Если бы нашей задачей было скользить поверх жизни, тогда рецептов было бы достаточно, в том числе рецепт Гёте.

Размышлять о вещах хорошо, но *быть* ими страшно.

Добровольное страдание правдивого— обращать на себя личные обиды.

Страдание есть смысл существования.

Многочисленные покровы, в которые мы запрятаны, тьма, скрывающая от нас нашу собственную сущность, не дают нам проникнуть в смысл жизни. *Мужество, которое необходимо, чтобы знать самих себя, учит видеть существование без драпировок*. И наоборот.

32 [68]

Метафизика культуры.

---

1 В собственном смысле (*лат.*).

Следует способствовать всему, что придает этой жизни метафизическое значение.

Религиозное более не возможно в чистом виде, а только в замещенном.

Откуда берется тяга к воспитанию, к знаниям и т.д.? Преимущества в борьбе за существование?

Бессмертие гения, воли к гению.

32 [69]

Смысл Баха и Генделя немецкий.

32 [70]

Немцы не выдержали мелкодержавия, стали униженными, робкими и богатыми духовно.

А если бы они смогли выдержать великодержавие! —чванство, душевная пустота.

32 [71]

Немецкая культура

Никто не выдвинул до сих пор великих целей немецкой культуры.

Опасность политического сознания.

Как сильная нация мы несем непомерное обязательство: идти впереди! Совершенно невозможно уйти в себя подобно улитке.

Политический перевес при отсутствии собственно человеческого перевеса наносит большой вред. Следует стремиться к тому, чтобы устранить политический перевес. *Стыдиться* своей власти. Использовать ее во спасение.

Все думают, что немцы могут почивать на своем моральном и интеллектуальном превосходстве.

Полагают, что как раз теперь время для чего-то другого—для государства. А до того было время «искусства» и т.д. Это—позорное недоразумение; появились ростки, предвещающие великолепное развитие человека. И вот они должны погибнуть во имя государства! Что же такое это государство!

Эпоха ученых миновала. На ее место должны прийти филалеты. Чудовищная сила.

Единственный способ правильно применить нынешнюю немецкую *власть*—это осознать громадные *обязательства*, которые на нее возложены. Ослабление культурного строительства сделало эту власть отвратительной тиранией.

32 [72]

Время

—Уничтожение Просвещения.

—Восстановление метафизического смысла существования.

—Враждебность к христианству, поскольку оно этого смысла не видит.

—Против революционной мысли.

—Не ориентироваться на *счастье*: «истина»—не в удобном спокойствии, но героическая и твердая.

—Против переоценки государства, национального элемента. Я<коб> <Буркхардт>.

Неверно понятый Шопенгауэр.

Безлюбость или только непродолжительное чувство.

32 [73]

Воспитание философа

С помощью путешествий в раннем возрасте отвлечь от национального.

Знать людей, мало читать.

Избегать кабинетной культуры.

Просто относиться к государству и обязанностям. Или эмигрировать.

Не надо учености. Никаких университетов.

Не надо и истории философии; он должен искать правду для себя, а не для того, чтобы писать книги.

32 [74]

Допустим, что сейчас мы видим довольно слабое поколение таких философов. Но лучшее *не выдержит наших университетов*.

32 [75]

Университетская философия
на службе у теологов
у истории (Тренделенбург).
Философ как ученый среди ученых.
Не образец.
Он вправе не занимать никакой должности.
Как экзаменовать молодых людей по философии.
Их молодость и воспитание для их профессии.

32 [76]

1) Их совсем не так много, как нужно государству — отсюда *ухудшение*, они слишком *молоды* и т.д.

2) Они находятся в рамках *ученых* учреждений.

3) Они должны давать уроки каждому юноше, который этого *хочет, и в определенные* часы, и даже по определенным дисциплинам.

4) Им препятствует теология.

5) Равно как и государственные задачи.

6) Они должны быть хорошо образованными и знать *историю* (и *критику*) науки.

7) Следует ли вообще *молодежь*, еще не имеющую никакого опыта, посвящать (или портить?), подвергая экзамену?

У греческих юношей было больше опыта.

8) *Имеют ли они право* вообще сказать: бросьте все и идите за мной? Этого не позволило бы ни государство, ни университет.

9) Они еще не имеют места в жизни и оттого не имеют опыта. А там так много враждебных условий, что этот род и в самом деле зачах.

Отсюда возникает — *презрение к философии.*

Замечая это, они злятся и всеми способами отказывают в признании истинным философам. Коварно трудятся они в своем углу, товарищество и т.д.

За исключением некоторых достойных уважения ученых: но даже они именно ученые, а не образцы для подражания; их исторические труды хуже, чем у филологов. Греческую философию надо избавить от проклятия скуки: читайте лучше Лаэрция, как ваши предки.

Да и их жалованье—это не гонорар в собственном смысле, не почетное вознаграждение; они продаются на определенных условиях, т. е. это не проявление добровольной заботы со стороны государства.

32 [77]

К главе IV

Отличие от человека Руссо. Он не хочет земного счастья и не стремится к нему ради человечества.

<Отличие от человека> *Гёте.* Он не хочет обманываться относительно жизни, и не хочет жить для себя одного, замкнувшись в благородном эгоизме.

Противоречие с эпохой, возникающее из-за его правдивости.

против доброй природы
против Просвещения
против выродившегося христианства
против революционной мысли
против преклонения перед государством
против исторического
против торопливости

Создание *метафизического смысла.*

Искаженные образы шопенгауэровского человека:

в направлении Мефистофеля, без доброты
в комфортном направлении Гёте, увлечение познанным *внове* и *по-иному*, без последствий.

Отсутствие *героического.* Заключение.

32 [78]

В чем состоит *горе от правдолюбия?*

Разрушаешь свое земное счастье.
Приходится быть врагом тех, кого любишь.
Приходится разоблачать и оставлять учреждения, с которыми тебя связывает симпатия.
Часто приходится быть несправедливым в стремлении к справедливости.
Нельзя щадить индивидов и приходится страдать с ними.
Как часто наши помыслы не чисты, запятнаны ненавистью и презрением.

Часто будет казаться, что ты защищаешь учреждения и выступаешь как союзник чего-то презренного.

Внутренний настрой правдивости:
чистота, отсутствие личного интереса
не быть холодным и научным
всегда жертвовать собой
без брюзжания и угрюмства
с сознанием страданий, которые отсюда проистекают.

32 [79]

Вера в бога и спасителя есть также лишь мифологический орнамент и не имеет ничего общего с сущностью религии.

32 [80]

Глава V. *Германская культура*

Всякая великая власть несет в себе великую *вину*.

Поэтому большие обязательства, большие цели.

Запрещается жить для себя и давать спокойно жить другим.

Неверно говорить, что теперь немцы становятся политическим народом, а были эстетическим.

Немцы искали идеал — в своем Лютере; немецкая музыка — выше всего, что мы знаем о культуре.

Должно ли это искание прекратиться, поскольку они обрели политическую власть? Именно власть (вследствие ее причастности злу) должна вести их к этому решительнее, чем прежде.

Он должен *использовать* свою власть для достижения своей высокой культурной цели.

Бороться с обмирщением.

Борьба с католической церковью есть акция просветительская, не более того, и непропорционально ее укрепляет, что совсем нежелательно. Конечно, в общем и целом права церковь. Если бы государство и церковь сожрали друг друга!

Поклонение современному государству может даже привести к уничтожению всякой культуры.

Метафизический смысл жизни — это и смысл культуры.

Этому противопоставляют задачу достижения элегантности и изящества!

32 [81]

Телеология Шопенгауэра в среде немцев.

Гений и смысл жизни.

Правдивость как мост, ведущий к культуре.

Такие люди нуждаются в искусстве.

32 [82]

Персы: метко стрелять, хорошо скакать на коне, не брать в долг и не лгать.

32 [83]

Общие враги культуры и метафизического смысла — Просвещение, революция, природа и т.д. Поэтому они все связаны.

Конец просветительской образованности, которая враждебна метафизическому, и Возрождению, которое представляло себе античность так же неправильно, как Гёте.

В полном расцвете музыка. Как бесконечно выше стоит Бетховен, чем Гёте!

Ее смысл был понят Шопенгауэром.

Проблема новой культуры.

Вопрос, национальна ли она?

К чему стремятся теперь немцы в качестве национальной культуры: к элегантности.

Дюбуа-Раймон.

733[1]. Январь–февраль 1874

33 [1]

Если для Гёте поэтическое творчество было своего рода средством замещения не выбранной им профессии художника, если о драмах Шиллера можно говорить как о замещенном красноречии народного трибуна, то, возможно, у Вагнера первичный талант—актерский, которому не дано было найти себе удовлетворения кратчайшим путем и который находит для себя выход и спасение в сведении всех других искусств к великому актерскому идеалу.

33 [2]

Публика, посещающая наши театры, очень по-разному и неравномерно подготовлена к восприятию различных искусств, которые объединяет в себе театр; степень ее осведомленности и способность чувствовать в музыке иные, чем по отношению к драматической поэзии. Вагнер рано обратил внимание на то, что именно действует на эту публику, и в качестве объяснения этих воздействий предположил, что симпатии и антипатии этой публики обусловлены глубокими причинами в ней самой и восходят к единому корню в ее существе. Он стал искать, следовательно, источник воздействия за внешними различиями, в живом ядре индивидуумов. В отношении оперы он, напр. инстинктивно предположил, что ни один слушатель не в состоянии отделить наслаждение, получаемое им от музыки, драмы и от актерского искусства, и что эффект, определяющий всю оперу, складывается из суммы отдельных эффектов, в которой доля каждого из искусств абсолютно одинакова. Позднее эти его расчеты спутала великая актриса, Шредер-Девриент, которая своей игрой до-

---

1 См. прим. на с. 11.

водит незначительную музыку и поверхностную, едва ли не кукольную пьесу до трагического величия; но и идеал Вагнера тотчас же вырастает еще, а он исправляет свои расчеты тем, что ставит вопрос, какого же уровня может достичь воздействие, если музыка и драма будут соответствовать величию такой актрисы.

33 [3]

Вагнер мог бы сказать о себе словами Гёте: «Никогда не видел я более амбициозного человека, чем я сам; и то, что я это говорю, уже показывает, что мои слова — правда. Никогда я не думал, что должен чего-то достичь, я всегда думал, что это уже имею; мне можно было бы возложить на голову корону, а я бы счел, что это само собой разумеется. И как раз благодаря этому я был таким же человеком, как все; но вот то, что я старался освоить превосходящее мои силы, заслужить полученное незаслуженно — этим я отличаюсь от действительно сумасшедшего». Так и Вагнер никогда не сомневался в своей способности к тому, что ему нравится; его вкус и его способности срослись. То, что сильно на него воздействовало, то он и хотел делать сам; в своих образцах он на каждой ступени понимал не более того, что мог воспроизвести.

33 [4]

Вагнер обладает натурой законодателя. Он одним взглядом охватывает всевозможные соотношения и не вязнет в мелочах. Он все выстраивает в большом масштабе; и оценивать его, исходя из частностей, значит, оценивать неправильно, как в музыке, так и в драме, и даже в его воззрениях на государство и общество.

33 [5]

О самых ранних его произведениях можно было бы сказать, что музыка стоит в них немногого, как и поэзия, и драма, актерское искусство — часто только натуралистическая риторика, но все сплавлено в единство, достигает больших высот, и в этом его величие. Не исключено, что Вагнер-мыслитель стоял бы так же высоко, как Вагнер-музыкант и поэт.

33 [6]

Самая ранняя проблема Вагнера в следующем: почему нет воздействия, хотя я его ощущаю? Это вызывает в нем критику публики, общества, государства. Его инстинкт вел его в первую очередь к тому, чтобы предположить между художником и публикой отношение субъекта и объекта. Его опыт показывает ему, что отношение здесь совсем другое, и он становится критиком своей эпохи.

33 [7]

Дарование Вагнера – это растущий лес, а не растущее дерево. Его главная сила в том, что он чувствует единство в различном, причем и вне самого себя, в качестве художника, и в себе, в качестве индивидуума. Его зрение от природы направлено на связь искусств между собой, на связь государства, общества и искусства.

33 [8]

В некоторых гармонических рядах Вагнера я улавливаю нечто приятно сопротивляющееся, к<ак> при поворачивании ключа в сложном замке. Удивительно, как закономерно ослабевает сопротивление.

33 [9]

Ритмическое и закономерное проявляется у Вагнера только в самом большом масштабе, в деталях он часто произволен и неритмичен.

33 [10]

Вагнер настолько привык воспринимать и творить одновременно в различных областях искусства, что по отношению к отдельным искусствам он часто бывает невосприимчив и несправедлив. В период наибольшей теоретической строгости он даже отрицал право на существование этих отдельных видов искусства, и именно отсюда проистекают многие недоразумения между ним и современниками.

33 [11]

Одно из свойств Вагнера – необузданность и отсутствие чувства меры. Он всегда поднимается до последней

ступени своих возможностей, своего чувства и думает, что только там он на воле. Другое его свойство — это исключительное актерское дарование, которое заторможено и замещено и направлено по другим путям, не по ближайшему и напрашивающемуся. Чтобы быть актером ему недостает фигуры, голоса и необходимой ограниченности.

33 [12]

Веселость Вагнера — это чувство уверенности того, кто возвратился назад в свои пределы и свою вотчину после величайших опасностей, эксцессов и экстазов. Все люди, с которыми он общается — такие ограниченные отрезки его собственного безграничного пути (по крайней мере, он не воспринимает в них ничего другого); вот почему он может общаться с ними весело и с барской доброжелательностью: ведь все их страдания, нужды, сомнения в сравнении с его собственными — лишь странные причуды.

33 [13]

Ни один из наших великих музыкантов не был на своем двадцать восьмом году таким слабым музыкантом, как он.

33 [14]

В «Тангейзере» он стремился мотивировать ряд разнообразных экстатических состояний как выражение индивида. Тогда он, вероятно, думал, что только в этих состояниях обнаруживает себя естественный и свободный человек. В «Мейстерзингерах» и в частях своего «Нибелунга» он добровольно возвращается к самообладанию и самоограничению. В этом он более велик, чем в своей ранней экстатической вольнице.

33 [15]

Вагнер — человек, чья нравственная природа дисциплинируется все более жесткими требованиями его художественного инстинкта. Его натура постепенно разделяется подобному тому, как ствол дерева расходится наверху ветвями; рядом с Тангейзером, Вальтером, Зигфридом

появляются Закс и Вотан. Он учится постигать мужчину, и научается этому очень поздно. Тангейзер и Лоэнгрин — отражения юноши. Молодость Вагнера — это молодость разностороннего дилетанта, из которого не выйдет ничего путного. Но я и сам за последние годы два или три раза испытывал бесполезные сомнения, есть ли у Вагнера вообще музыкальный талант.

33 [16]

Он все мерил своим искусством — государство, общество, юность, дарования народов, вообще все; в состоянии неудовлетворенности он, наверное, желал бы, чтобы весь этот современный мир провалился в преисподнюю. Он избавляется от своих слабостей, если он их <вообще> осознал, тем, что переадресует их современному <миру>. Он верит в добрую <природу> человека при условии, что она свободна, и все <недост>атки сводит к рабству и невозможности свободного развития. <Чтобы> обрести свободу и как художник, он оставил свою должность в Дрездене, ибо ни за что не хотел больше служить, и воспользовался революцией, чтобы выйти из роли придворного капельмейстера.

$_{7}$34. Весна–лето 1874

34 [1]

Шопенгауэр как воспитатель и дрессировщик немцев

Весна 1874 г.

34 [2]

Зигфрид, философ в стадии становления.

34 [3]

Ослабление *религиозности* с древних времен.

Вероятно, что через несколько столетий она вообще перестанет встречаться в чистом виде, а только в качестве инкрустации.

Утомленность символами.

34 [4]

Человек Шопенгауэра:

добровольно страдающий

беспощадный

трагический – ибо он должен быть порой несправедливым, он должен оскорблять тех, кого любит.

он живет по истине – и потому воздействует на других, так, как воздействует жизнь, предоставляя свободу и проповедуя метафизический смысл жизни.

34 [5]

Что должен он делать в культуре?

Он борется с любой размягченностью существования. Элегантность не для него.

Благодаря своей любви к истине он понимает, в чем смысл культуры: снова и снова создавать людей, понимающих жизнь метафизически.

34 [6]

Как способствовать возникновению философского гения? Путешествия, свобода от национального. Не с помощью университетских профессоров.

34 [7]

Описание эпохи: безнадежно ли, не имеет для Шопенгауэра значения. Поскольку он *честен*, он восстановит первоначальную природу и смысл жизни. Нет никакой *надежды* на земное счастье: достаточно и того, что люди благодаря этой честности признаются себе в том, что оно *никогда* не было возможным. Смысл жизни индивида всегда один и тот же, в любую эпоху. Он *должен* не иметь надежды на счастье, но надеяться, что он сам сможет лучше понять смысл жизни. Очищение культуры представляется ему прежде всего как честность по отношению к подлинным потребностям. Но не красота и блеск жизни.

34 [8]

Шопенгауэр воспитал себя самого *вопреки* своему времени, и, борясь с его сознанием, он боролся с самим собой. Так он стремится возвратиться к центру своей личности, туда, где он гений, который знает высшие возможности человечества. Оттуда говорит он о бытии, как гений и просветитель мира говорит о мире — о том, что он ничего не стоит, даже мир гения.

Он представляет собою образец в том, как приходит он к себе и себя превосходит. В сущности, гений — каждый, поскольку он существует *единственный раз* и устремляет на вещи новый взгляд. Он *приумножает* природу, он оплодотворяет своим новым взглядом.

34 [9]

Как воспитывались персы: стрелять из лука и говорить правду.

34 [10]

План.

Введение к 4. главе. См. слева.

Затем, картина времени.

Три образа.
Вырождение шопенгауэровского человека. Я<коб> Б<уркхардт> и т.д.

34 [11]

Своего рода стоицизм у немцев—от флегмы: с. 392, Парерга II.

34 [12]

Свобода воли в esse—осознать ее? Может быть, счастье в том, что большинство ее не осознают (поскольку их esse слишком злое).

34 [13]

Я далек от того, чтобы думать, будто я правильно понял Шопенгауэра, но себя самого я, благодаря Шопенгауэру, научился понимать немного лучше. За это я испытываю к нему величайшую благодарность. Но мне вообще кажется, что не особенно важно, как нередко полагают сегодня, говоря о каком-либо философе, доискиваться точного и буквального смысла его высказываний, что он имел в виду, а что нет. По крайней мере такое знание непригодно для людей, которые обращаются к философии ради самой своей жизни, а не в поисках нового теоретического знания для своей памяти. Наконец, мне представляется невероятным, что этого буквального смысла действительно можно доискаться.

34 [14]

Как после таких мгновений возвышенного одиночества люди возвращаются к так называемой жизни? Как только удается ее выносить? Чувство такое, будто ты только что бодрствовал, и сразу же следом на твою душу набрасываются сны, сковывая тебя сотней колец и извивов, как клубок змей; и уже охваченное снами, это чувство сменяется противоположным: начинает казаться, что ты только что видел сон и вот теперь проснулся.

34 [15]

То, что называется *культурой*, состоит из влияний и взаимодействий государства, зарабатывающих на вос-

питании, нуждающихся в воспитании, ученых. Все они вжились друг в друга и больше не враждуют между собой. Большой шум и видимый успех.

Но только настоящее испытание никогда не бывает выдержано: великие гении, как правило, с этим враждуют. Достаточно вспомнить о Гёте и ученых, о Вагнере и Государственном театре, о Шопенгауэре и университетах. Очевидно, не желают признавать, что великие люди — это вершины, ради которых существует все остальное.

Условия для возникновения гения вовсе не *улучшились*, а *ухудшились*. Всеобщее неприятие оригинальных натур. Сократ не дожил бы у нас до семидесяти лет.

34 [16]

Мне что-то не особенно верится в прочность этого современного мира. Может кое-что еще случиться. Вот почему мы ничего не хотим скрывать и высказываем правду, исходя из веры в метафизику культуры, пока нам оставляют такую возможность. Несомненно, по ходу времени кое-что должно еще произойти и перемениться. Удастся ли найти соответствующее учреждение? В любом случае следует начать с прояснения понятий и с усовершенствования некоторых учреждений. Человечество должно научиться заботливее обращаться с благороднейшими своими созданиями.

34 [17]

Людям становится чрезвычайно трудно поддерживать оригинальность.

34 [18]

То, что создание отдельных великих экземпляров

этот колоссальный, безостановочный труд человечества

Он требует преодоления еще более, чем понимания, — — —

34 [19]

Для того, чтобы еще раз в сжатой форме выразить, что же значила для меня шопенгауэровская философия, чем была и есть она как моя воспитательница, я сделаю это в — — —

34 [20]

О том, что постигает человек в такие мгновения возвышенного одиночества, никто не имеет права говорить в тех же выражениях, в каких описывает этот свой опыт Шопенгауэр, и каковые являются и навсегда должны остаться его неотчуждаемой собственностью. Еще большее негодование испытываешь, когда в сухих, тощих выдержках, например, в очерках по истории философии, встречаешь те слова, которые ничего не скажут ни обыденной жизни, ни обыденному сознанию. Скорее должно быть законом: каждый имеет право высказывать свой внутренний опыт только в том случае, если он уже нашел для него свой собственный язык. Ибо неприлично и по существу непорядочно обращаться с языком великих умов так, будто он не является их собственностью и просто валяется на дороге.

34 [21]

Ибо ни от чего не предостерегает нас философия Шопенгауэра больше, чем от преуменьшения и затуманивания того глухого ко всему, безжалостного, даже злобного исходного характера бытия; ничем не вызывает она в нас столь трепетного чувства возвышенного, как тем, что переносит нас в чистейшую атмосферу ледовых альпийских вершин, дабы мы могли читать древние письмена природы, высеченные в граните. Кто здесь не выдерживает, у кого дрожат колени, пусть скорее бежит вниз к мягкому ложу своего просветительского образования.

34 [22]

Вот почему так враждебно ярятся они против каждого, кто, подобно Шопенгауэру, распознает их потребности и подобно наезднику обуздывает их; тогда они корчат рожи и жестикулируют, так грубо и развязно, что с них окончательно спадает маска «элегантности» и «прекрасной формы». Но если на них навалится целое войско таких наездников, тогда конец их культуре: ибо стоит им снять с себя узду и потерять искусственное самообладание, как их власть вообще прекратится. Ведь как только будет обнажено уродливое содержание, они никого больше не смогут обманывать.

Здесь, однако, все зависит от того, что под взглядом сознания это уродливое содержание человека———

Именно на это *содержание* направляют свой взор те правдивые———

34 [23]

Превосходящая доброта и человечность наших душ и превосходство современного интеллекта.

Не то, чтобы в это веришь: но должно *казаться*, что веришь.

Ложный вывод, к которому приходит эта лже-культура: «прекрасная форма» должна свидетельствовать в пользу «доброго содержания»; должно явственно казаться, что современный человек доволен собой и живет счастливо, т.е. что он, так как прежние времена были очень собою недовольны, далеко превзошел их не только силой интеллекта, но и в естественной доброте и человечности.

На самом деле скорее предоставляется полная свобода собственному алчному эгоизму, вплоть до греховной распущенности, какой не знало никакое другое время — но все это неизменно прикрывается броней всей современной науки. Все происходящее научились философски обосновывать и нравственно просветлять.

Вообще «просветлять» — это теперь излюбленный прием в отношении вещей, которые далеко не чисты: государство, война, финансовый рынок, неравенство людей.

34 [24]

Каждое мгновение нашей жизни несет нам какую-то весть, но мы не хотим слышать; мы боимся, когда сидим одни и в тишине, что нам прокричат что-то в уши — и потому ненавидим тишину и одурманиваем себя общением. Человек изо всех сил избегает страдания, но еще больше — смысла перенесенных страданий. Ставя себе все новые цели, он пытается забыть то, что осталось за спиной. Когда бедный и измученный восстает против судьбы, которая вынесла его именно на этот безутешный берег жизни, он избегает того глубокого взора, который вопрошает его из сердцевины его страдания, как будто хочет сказать: разве не легче тебе теперь понять жизнь? Блаженны нищие!

И если тех, кто кажется осчастливленными, действительно снедает беспокойство, и они бегут от самих себя, чтобы не видеть естественное зло, господствующее в природе вещей, например, государства, или работы, или собственности, то у кого же могут они вызвать зависть!

34 [25]

Когда задумываешься, например, о жестоком законе «труда», под властью которого истощает себя вся масса человечества за единичными исключениями———

Так повсюду слышны речи———

34 [26]

Это один и тот же инстинкт заставляет бедных и угнетенных восставать против угнетения и делает государство и богатых такими бесчеловечными: они совершенно не желают *полезного применения*. Государство страшится этого умонастроения, оно пытается по возможности искоренить его с помощью своей культуры; государственное искусство должно развлекать и соблазнять. Государство опоясывает себя слоем «образованных».

Описание моего «образованного». Он встречается во всех сословиях, на всех уровнях обученности. Глубокая жажда возрождения в образе святого и гения. Понимание общего страдания и иллюзорности. Острое чутье на однородное и однородно-страждущее. Глубокая благодарность к немногочисленным избавителям.

34 [27]

Всякое действие должно постепенно окрашиваться убеждением, что наша жизнь требует расплаты. «Благословенный труд!» — это сладостная привычка, радость, что удалось что-то закончить и т.п. Но смысл таков: удержать себя в жизни, и при том не от желания жизни — ведь каждый охотно готов умереть сей же миг. Но урок ведем не мы: мы не вольны закончить его, когда захотим.

34 [28]

Но в целом: какой же пустой и холодной должна была стать душа, чтобы довольствоваться столь отвратительной пищей, которую ей теперь бросают.

34 [29]

И вправду достаточно безразлично, выказывает ли человек в этом хороший или дурной «вкус»: ведь до тех пор, пока он относится к искусству лишь как «гурман», оно есть и останется делом, заслуживающим презрения и не пригодным для людей по-настоящему действующих и страдающих. Когда я слышу призывы к «прекрасной форме», к «элегантности», так полюбившиеся нашим писателям-искусствоведам, я не вижу в этом особых отличий от пожеланий индейца, чтобы ему сделали татуировку или вставили в нос кольцо.

34 [30]

Древние искали счастья и истины — ограничимся тем, чтобы всюду выискивать в вещах неправду и несчастье.

34 [31]

Он хочет все познать
Он жертвует собой и не принимает себя слишком всерьез.
Он не желает только развлечений, как гётевский человек.
Он больше не надеется, как человек Руссо (ибо то, на что он надеется, невыразимо и не имеет ничего общего со сменой человеческих установлений. От того, так или иначе ведут себя люди, тут мало что зависит).
Наконец, он *говорит* об этом людям, не замалчивает.
Обратное воздействие правдивости против его становящегося.
Новый идеал теоретического человека. Он участвует в жизни государства и т.д., но только как в *игре*.
Такова высшая человеческая возможность — все превратить в игру, за которой таится серьезность.
Музыка — Шопенгауэр познает ее сущность.
Сон, в который уже вторгается явь жизни.

34 [32]

Шопенгауэр напомнил нам о том, что мы почти забыли и во всяком случае хотели бы забыть: что жизнь отдельного человека может быть значительна не тем, что она исторична, исчезает в роде и в больших, изменчивых конфигурациях, таких, как нация, государство, общество, или в таких маленьких, как община и семья. Тот, кто толь-

ко историчен, не понял урока жизни и ему придется учить его заново. Слишком охотно облегчает человек себе задачу и верит, что отдает существованию достаточную дань тем, что строит большие корабли и всегда остается на поверхности. Он не хочет в глубину. Но все эти общности отчуждают тебя от тебя самого, в том числе и под именем церкви, науки. В тебе задана загадка бытия, никто не может решить ее за тебя, только ты один. Человек избегает этой задачи, отдаваясь вещам. – Но стоит измениться точке обзора, стоит ему увидеть себя со своей бедой, как он тотчас же осознает лживость всех этих общностей. От них он больше ничего не ждет; все, на что он теперь надеется, это что все люди правильно поймут урок жизни. Ему придется участвовать в делах государства и проч., но безо всякого страстного нетерпения – ведь ничто не может прийти к нему извне. Это все больше будет становиться для него игрой. Он почувствует, что по-настоящему блаженны те времена, когда народы не всерьез, а только «понарошку» являются народами и государствами, когда они только играют в коммерсантов и ученых – с чувством превосходства над всем этим. Чтобы объяснить, как все может быть только игрой, по существу, только блаженством, существует музыка. Вот почему она – искусство просветляющее, насквозь метафизическое.

34 [33]

Мир никак не может быть лучше, чем человек: ведь он существует только благодаря человеческим ощущениям.

34 [34]

Чем могли бы мы в себе восхищаться, что осталось незыблемым! Все измельчало. Правдивость по отношению к себе самим – вот высшее, чего мы можем от себя добиться: ибо большинство с собой лукавит. С искренним презрением к себе доходим мы до нашей вершины: мы видим, насколько вещи и творения таких людей презренны, и не позволяем больше массам нас обманывать.

Пессимизм. Глубина презрения к себе; христианство слишком узко.

Почему разрушение должно быть делом отрицания! Ведь мы устраняем наши оковы и соблазны.

34 [35]

Древние философы искали счастья для отдельного человека: ах, они не могли найти его, потому что искали. Шопенгауэр ищет несчастья: и величайшее утешение в том, что такой человек не может, собственно говоря, отыскать несчастье, потому что он его ищет. Вот так по-разному вознаграждает искание.

34 [36]

Глава 3/4. Он — *гений героической правдивости.* Главой об опасностях доказано, каким образом он сам себя воспитал. Но *благодаря чему* достиг он этого?

Благодаря стремлению быть *честным.*

Это стремление — *разрушительное,* уничтожающее, но индивид становится от него *великим* и *свободным.* Может быть, он погибнет от этого внешне, но не внутренне.

Глава 4. Шопенгауэр как *освобождающий разрушитель* в свою эпоху. Ничто не достойно более пощады. Все половинчато и гнило.

Глава 5. Так же относится он и к *немецкой культуре.* Освобождающий разрушитель.

Глава 6. Продолжение его труда. Для этого необходимо воспитать поколение филалетов. Как будет оно воспитано?

34 [37]

Каждый философ является философом во-первых для себя, а кроме того для других: избежать этой двойственности отношений он не может. Даже если он со всей строгостью отделил себя от других людей, то именно эта отделенность должна стать принципом его философии: она становится публичным учением, показательным примером. Самый подлинный продукт философа — это его жизнь, которая представляет собой его произведение искусства, и как таковая обращена, с одной стороны, к своему творцу, с другой — к другим людям. Государство, общество, религия, даже земледелие и садоводство — все могут спросить: что мне до этого философа? Что может он нам дать, чем помочь, чем навредить? — И так спрашивает, в связи с Шопенгауэром, и *немецкая культура.*

Я называю его, также и в этом важном вопросе, воспитателем немцев. Как сильно нуждаются они именно в таком воспитателе, становилось мне с каждым часом яснее после войны с французами; хотя прозорливый едва ли нуждался бы в этих новейших поучениях. «Мы должны учиться у французов». Но чему? «Элегантности!» Вот каково, кажется, наставление, которое немцы привезли с этой войны. До войны такой призыв слышался еще довольно редко: хотя было достаточно литераторов, которые ревниво заглядывались на Париж. Элегантность Ренана, например, не давала покоя вначале перу Штрауса, а теперь и теолога Хаусрата [...]

34 [38]

4. О Шопенгауэре как воспитателе людей.
5. немцев.
6. философов.

34 [39]

Эта деятельность философа не изолирована, она включена в цикл.

Культура. Ее главный характер.

Лжекультура.

На службе
прибыли
государства.

Прекрасная форма, иллюзия.

Основной настрой, из которого вырастает истинная культура.

34 [40]

Таков идеал, отдельный человек чувствует себя перед ним пристыженным. Как он может поставить себя в естественное, *деятельное* отношение к нему? Как отыскать путь к воспитанию?

Этот его настрой *использует* секуляризированная культура, ее цели лежат ближе, и она не так отягощает индивида.

Необходимо *установить* метафизический смысл подлинной культуры. Первый тезис воспитания.

Создание гения – *практическая* задача.

34 [41]

Идеал.

Набросок: он вынуждает жить двояким образом, связующая деятельность не находится.

Более последовательные возвращаются к более низким целям.

Против: это относится к кругу идеалов, культуре.

Та более низкая цель не является ступенью на этом пути, но другой, враждебной точкой зрения.

При всем величии картины — две опасности:

1) что от великой цели откажутся (заблудшая культура)
2) цель сохранится, но не будет найдена деятельность, которая нас с нею связывает. Более слабые натуры сдаются, вот почему Шопенгауэр — нечто только для самых деятельных.

Значение заблудшей культуры.

Попытка вывести *обязанности* из полноты этого понятия.

В отдельные моменты мы во власти этого.

Нужно найти более низкую ступень, на которой мы действительно можем устоять, где не кружится голова.

34 [42]

Но таковы отступления и признаки новичков, юношей в философии. Должна существовать возможность жить более мужественно и настойчиво, вне этих ослепляющих контрастов тьмы и света, бодрствования и сна — таким образом, чтобы мой взор, холодный и сияющий, возвращался от природы вещей к моей собственной природе, не к чему-то новому и другому, а к одному-единственному примеру, который мало значит и который, чем меньше на него обращают внимания, тем больше исчезает. Когда это Я будет в нас, наконец, выплавлено, и мы не будем больше страдать как индивиды, но как сознательно-живущие вообще, тогда настанет и то преображение, которого никогда не достигнет никакая игра становления, и родится человек, к которому потянется вся природа, чтобы увидеть себя в его зеркале.

34 [43]

Начало

Именно эта проблема должна быть рассмотрена подробнее: как выстоял Шопенгауэр в своей эпохе без того, чтобы не сделать попытку стать ее реформатором?

И не ослабила ли слабость современной эпохи нарисованную им картину жизни?

Против 1) он—освобождающий разрушитель. Свободный дух.

Против 2) как гений он выступает против слабости эпохи и потому знает природу во всей ее мощи.

34 [44]

Последняя глава

Как мы воспитываем философа?

Того, кто провозгласит своим девизом справедливость!

34 [45]

Одиссей принес жертву, чтобы тени———

Принесем же в духе Шопенгауэра подобную жертву, сказав: Philosophia academica delenda est[1].

34 [46]

Ils se croient profonds et ne sont que creux[2].

34 [47]

(II) Глава.

Удивительно, как Шопенгауэр вообще появился и мог существовать.

Опасности: исходившие от Канта.
Одиночество.
Атмосфера немецкого образования.

---

1 Академическая философия должна быть уничтожена (*лат.*, фраза построена по аналогии с «Карфаген должен быть разрушен»).

2 Они считают себя глубокими, а на самом деле они бессмысленны (*фр.*).

Внутренний конфликт: la Trappe и гений. (В этом чувстве ограниченности заключается его величие, оно ничего общего не имеет с эпохой: вечный конфликт).

Пример: шаг от Канта к Шопенгауэру в жизни.
Преодоление ученого.
Преодоление романтического.
Дополнение классического идеала.
Подстегивающее презрение к своему времени.

(III) Глава. Имел ли он *успех*?
Где можно его ожидать: а) в отношении философии, университета.
Гл. IV. б) познание и исправление эпохи.
Гл. V. в) полезное применение для немцев: генезис гения.

34 [48]

Как писатель: честен
ясен духом
мужественен (никогда ничего старческого) и не сентиментален, он не жалуется.

$_7$35. Весна–лето 1874

35 [1]

Существует этическая аристократия, к которой никто не может примкнуть, если он не принадлежит к ней уже по рождению.

То, как в ней действуют, достойно пристального внимания.

Этику Шопенгауэра упрекают в том, что в ней отсутствует императивная форма, и что она даже принципиально эту форму отвергает.

35 [2]

Но сфера истины не совпадает со сферой добра.

35 [3]

Глубокомыслие, выраженное сильно, твердо, резко и требовательно, заслуживает особого уважения, — между тем у немцев оно присутствует по большей части туманно, размягченно, расплывчато. Мужественные ученые — редкость. Деятельные и твердые мыслители в Германии встречаются еще реже.

35 [4]

Аристипп говорил, что лучшая польза, которую он извлекает из своей житейской мудрости, это способность с каждым говорить свободно и откровенно, —

Аристон говорил — ванна и речь, которые не оказывают очищающего действия, ни на что не годны.

35 [5]

Философия
в
тупике.

Попутные и разрозненные заметки.

35 [6]

Гёте: «Друзья, делайте все серьезно и с любовью, эти качества так идут немцам, при том, что столь многое им не к лицу.»

35 [7]

Страшно подумать, что, когда немцам говорят о недостатке у них культуры, они слышат в этом упрек в недостатке элегантности.

35 [8]

Шопенгауэр среди немцев. Что означает появление его именно здесь? Какой смысл имеет молодость Шопенгауэра среди народа, в котором философия гибнет? Какой смысл имеет философия в среде немцев?

Он вполне мог бы родиться среди итальянцев: смотри Леопарди.

Леопарди: «Уменьшить может лишь она (мысль о прекрасном)

Вину судьбы суровой
Что так бесплодно на Земле
Нам выпало претерпевать.
И лишь она порой способна,
Пусть не для всех—для благородных душ,
Жизнь сделать слаще смерти».

35 [9]

Таких, видимо, очень мало—тех, кто способен воспринять и признать этого шопенгауэровского человека своим идеалом.

35 [10]

Этот шопенгауэровский человек—идеал мистический и сверх того опасный: скажут люди боязливые и приземленные; какое нам до него дело?—

35 [11]

Шопенгауэр прост и честен, ему не нужны пышные фразы, фиговые листочки. Он говорит, обращаясь к погрязшему во лжи миру: «Смотрите, вот таков человек!»

Как сильны все его концепции, учение о воле, (связывающее нас с Августином, Паскалем, индусами), об отрицании, о гении рода; в его изложении нет беспокойства, это светлая глубина моря, неподвижного или мерно катящего свои воды под лучами солнца. Он прост и груб как Лютер. Доныне самый строгий образец немецкой прозы; никто не относится к языку с большей серьезностью, никто не осознает сильнее ответственность, накладываемую им. Как много в нем достоинства и величия, можно видеть e contrario при сравнении с его подражателем Гартманом, (который на самом деле – его *противник*). Величие его исключительно, он сумел снова заглянуть в сердцевину бытия, без философской схоластики и утомительных блужданий среди ученых абстракций. Читать после него цеховых философов есть смысл только для того, чтобы увидеть, как они тотчас же оказываются в той точке, где возможны только ученые «за» и «против», глубокомыслие, противоречия, но где невозможно *жить*. Он не признает светской поверхности, но также и грубой, ведущей к варварству власти наук, он пробуждает колоссальные потребности, подобно Сократу. Современность забыла, чем была религия и какое значение имело для жизни искусство. Шопенгауэр противоречит всему, что именуется сегодня культурой; Платон – всему, что тогда *было* культурой в Греции. Он – посланец будущего.

35 [12]

5.

Философ как подлинный антагонист обмирщения, разрушитель любого кажущегося и соблазнительного счастья, всего того, что сулит в человеческом мире такое счастье – государств, революций, богатства, почестей, науки, церкви, – такой философ должен – во спасение нас всех – родиться еще бесчисленное количество раз; одно только хрупкое явление Шопенгауэра ничего не решает. Но для всех последующих времен он останется тем, что он есть: самым значительным воспитателем и освободителем тех немногочисленных людей, которым до известной степени сроду присущи героическое чувство правды и в то же время, как его инструменты, острота и широта

взгляда. Возможны, конечно, и совсем другие откровения такого несвоевременного и враждебного миру умонастроения, — народные, более образные, более исполненные любви и красноречия — и еще немало их несет в себе, должно быть, наше время, отмеченное таким лихорадочным, бездумным стремлением к обмирщению и балансирующее вместе с тем на грани смертельной угрозы всякому посюстороннему счастью. Обозначить весь этот цикл возможных откровений одним словом — кто смог бы сделать это, не вызвав недоразумений? Но, как бы то ни было, я хочу произнести слово «культура» и выразить тем самым смысл всего этого нарождающегося цикла.

Цель этой грядущей культуры — не посюсторонний мир, подобно тому, как и величайшие явления культур прошлого указывают на некий невыразимый финал, вступая в противоборство с миром и со становлением. Разве не ведет любое истинное произведение искусства к признанию лживости положения, выдвинутого Аристотелем? Разве не природа подражает искусству? Разве не бормочет она, отягощенная проклятием становления, невнятные, смутные слова, безуспешно пытаясь пересказать ясную речь художника? Разве не тоскует она о художнике, который придет и освободит ее от ее несовершенства? Гордо и глубоко сказал об этом Гёте: «Я часто повторял и буду повторять всегда, что causa finalis сует мира и человека есть драматическая поэзия. Ибо на что еще может сгодиться вся эта чепуха?». Разве не стремится любая культура к тому, чтобы изъять отдельного человека из круговерти мутного исторического потока и дать ему понять, что он существо не только исторически обусловленное и ограниченное, но и внеисторически-бесконечное, с которого все началось и с которым прекратится все бытие? Я не хочу думать, что человек — это и есть то, что с тупым и безрадостным усердием ползет по жизни, учится, строит расчеты, занимается политикой, читает книги, производит на свет детей и покорно ложится умирать — это же только личинка насекомого, нечто презренное и преходящее, всего лишь видимость. Жить так — значит, видеть дурной сон. И вот художник и философ окликают этого сновидца, обращают к нему слова из мира яви; разбудят ли они того,

кто беспокойно ворочается от тяжелых снов? Редко это случается: обыкновенно ему не дано расслышать в этих звуках того, что могло бы рассеять его сон, он вплетает их в свои сны, увеличивая смуту и скорбность своей жизни.

Так наблюдаем мы своего рода *заблудшую культуру*, приемлющую мир и становление, упорно стремящуюся заключить человека в границы его исторического существования. Именно с ее помощью решается задача настолько высвободить духовные силы нынешнего поколения, насколько это необходимо, чтобы заставить его служить интересам существующих установлений, государства, общества, церкви, — но только до известного предела: подобно тому, как при помощи плотин и каналов отводят часть сил речного потока, заставляя его вращать мельничное колесо; между тем неразделенная его сила смела бы с лица земли и всю мельницу. Такое высвобождение равносильно оковам. Когда великие исторические силы отваживаются на попытку примирения с по существу враждебной миру культурой, то под примирением понимается всегда такое вот перегораживание потока и отведение его на свои мельницы. Если это удается, так, например, как удалось это современному государству, то перед нами возникает картина интенсивнейших и многословнейших усилий, направленных на то, чтобы обеспечить этой культуре, ослабленной, принятой на службу и принявшей мир, права особые и исключительные, будто только она и должна называться культурой. И сама она, эта во зло обращенная культура, кукарекает громче всех, ибо она отпала от своей сущности и прекрасно осознает свою вину. Таково христианство, одно из величайших, уникальнейших откровений неисчерпаемо богатой, враждебной миру культуры. Его так часто и так безжалостно заставляли лить воду на мельницу светской власти, что от этого оно до основания прогнило и изолгалось; и даже последнее событие его истории, немецкая Реформация, была бы ничем иным, как внезапно вспыхнувшей и погасшей искрой, если бы мировые державы, прежде всего папская и германская, не раздули из нее большое пламя. Если христианские теологи и теперь еще утверждают, будто культура современного государства должна примириться с христианством,

то это только слова: ибо христианство и так не существует ни в какой иной форме, кроме как в виде государственной культуры.

А нынешнее *искусство*? Оно-то как раз и призвано оправдать современный образ жизни, являясь отражением присущего ему лихорадочно торопливого обмирщения, средством развлечения и рассеяния сил, которое всегда наготове и с неисчерпаемой фантазией изобретает все новые способы возбуждать и щекотать нервы, подобно лавке пряностей, торгующей всеми снадобьями Востока и Запада, на любой вкус, будь-то вкус к благовониям, или к резким дурным запахам, к утонченному или к простонародно-грубому, к греческому или к китайскому, к трагедии или фарсу. И при этом безразлично, хороший это вкус или дурной. Ведь до тех пор, пока искусство выступает как вопрос вкуса, оно остается делом пустым и презренным и ничего не может дать тому, кто действует всерьез и страдает всерьез. Когда я слышу призывы к «прекрасной форме», к элегантности, так полюбившейся нашим критикам, это звучит для меня приблизительно так же, как если бы индеец требовал, чтобы ему сделали татуировку или продели в нос кольцо.

Желания такого рода немцы принесли, кажется, домой с последней войны против Франции. Для многих эта война была первым путешествием на элегантную половину мира; какой благородной выглядит непредвзятость победителя, который не стыдится позаимствовать у побежденного его «культуру». В особенности прикладное искусство все снова испытывает побуждение к соревнованию с соседями: обстановка немецкого дома должна походить на французскую. И даже немецкий язык должен при помощи основанной по французскому образцу академии усвоить «здоровый вкус» и очиститься от того сомнительного влияния, которое оказал на него Гёте. Наши театры давно уже, причем, в отличие от члена Берлинской академии Дюбуа-Раймона, не на словах, а на деле, доказали, насколько и они воодушевлены тем же влечением к «здоровому вкусу» и французской элегантности. Изобретен даже тип элегантного немецкого ученого, и теперь следует ожидать, что все, что не желает подчиниться этому закону элегант-

ности, немецкая музыка, трагедия и философия, будет постепенно отодвигаться на второй план как ненемецкое или, как принято нынче элегантно выражаться, «не согласующееся с империей». Согласуется же с империей одна только элегантность — смилуйся, Боже, над тем и над другим! Или, если выразиться наконец по-немецки, черт бы побрал такую империю, которая хочет навязать нам эту отвратительную прививку элегантности. Поистине, ради немецкой культуры не стоило бы пошевелить и пальцем, если бы под «культурой» немец, который ею еще не обладает и только должен обрести, понимал бы всего лишь любезные манеры, а еще точнее, известную изысканность, свойственную танцмейстерам и обойщикам, если бы в языке он подчинялся только диктату академических правил да хорошим манерам. Но более высокие требования последняя война и сравнение с французами едва ли были способны породить; похоже, немцы решили по собственной воле избавиться от тех старинных обязательств, которые налагает на них их чудесный дар, их своеобразные меланхолия и глубокомыслие; немец решил лучше валять дурака, обезьянничать, обучаться хорошим манерам и таким искусствам, которые сделают его жизнь более изящной, а не таким, которые способны наполнить ее светом и благородством. Невозможно опозорить немецкий дух больше, чем обращаясь с ним так, как если бы он был из воска, и позволял лепить из себя все что угодно, даже элегантность. И если верно, к сожалению, что большая часть немцев позволяет лепить себя и придавать себе какую угодно форму, то, противодействуя этому, следует повторять до тех пор, пока тебя не услышат: среди вас вообще нет больше места тому немецкому характеру, который, правда, тверд, резок и строптив, но представляет собою драгоценный материал, работать над коим позволено лишь величайшим художникам, ибо только они его достойны. То, из чего состоите вы, — это материал податливый и вязкий, как каша: делайте с ним, что хотите или, вернее, что можете, лепите из него смешных кукол и национальных идолов, а потом замрите перед ними в элегантных молитвенных позах; здесь также подойдут слова Рихарда Вагнера: «немец угловат и негибок, когда пыта-

ется казаться изысканным; но обожженный в огне, он становится возвышенным и превосходит всех». Адепты элегантности имеют все основания беречься этого огня, иначе настанет день, когда он пожрет их вместе со всеми их куклами и идолами.

Но если уж говорить не только о немцах: вся эта псевдокультура, с ее приятием мира и становления, докатилась ныне до того, что внешне она требует манерности и соответствия новейшей моде, внутренне же – жадного освоения и эксплуатации всего эфемерного, даже моментального, и ничего более! Воплощением ее становится гнилая сущность журналиста, раба трех М: момента, мнения и моды. И чем больше с этой культурой смиряешься, тем больше походишь на журналиста. Самое ценное в философии и есть то, что она последовательно противопоставляет себя всякому журнализму, храня нас от того, чтобы мы придавали мгновению слишком большой вес и позволяли ему увлечь себя. Цель философии в том, чтобы закалить человека для борьбы с любыми ударами судьбы, вооружить его против любой неожиданности. Вот почему она – величайший враг торопливости, задыхающейся ловли мгновения, поспешности, которая заставляет срывать с ветвей плоды еще зелеными, гонки и охотничьего азарта, от которых морщинами покрываются человеческие лица и словно татуировкой метится все, что ни делает человек. В людях словно бродит какой-то напиток, который не позволяет им больше спокойно дышать, принуждает их рваться вперед, как будто они гонимы какой-то неприличной озабоченностью: нехватка достоинства особенно бросается в глаза, и потому вызывает необходимость прибегать к той обманчивой элегантности, которая маскирует недостойный недуг торопливости. Ибо модная жажда так называемой «прекрасной формы» тесно связана с *уродливым содержанием* современного человека: одной надлежит прятать, другому прятаться. «Быть образованным» означает лишь научиться не замечать, насколько мы нищи, плохи, насколько хищны мы в наших стремлениях, как ненасытны в накоплении, как себялюбивы и бесстыдны в наслаждениях. Так выстраивается ужасающая последовательность: чем больше денег, тем больше образования, или, говоря иначе: чем больше вожделений и дикости,

тем больше притворства и лоска. Тот, кто любой ценой хочет сказать «да» существованию, должен вести себя так, будто он сам есть душистый и приятный плод того самого древа и будто существование вообще достойно того, чтобы сказать ему «да», ибо этим он соблазняет и других в это поверить. До тех пор, пока богач будет демонстрировать фокус «прекрасной формы», бедняк будет стремиться к тому, чтобы сделаться богачом.

Уже много раз, когда я указывал на отсутствие немецкой культуры, мне возражали: «но это же естественно, потому что немцы были до сих пор так бедны: дайте нашим соотечественникам сначала разбогатеть, тогда появится и культура!» Блажен, кто верует, но этот род веры делает меня несчастным, потому что я чувствую, что та немецкая культура, в будущее которой верят эти люди,— манерная и вылощенная культура богатых—представляет собой самую враждебную из альтернатив той немецкой культуре, в которую верю я. Верно, что тот, кто вынужден жить среди немцев, тяжело страдает от печально известной серости их жизни и чувств, от бесформенности, тупоумия и вялости, от неловкости, разрушающей самое тонкое общение, а более всего, от лукавства, от известной скрытности и нечистоплотности характера; его ранит и оскорбляет всюду одерживающее верх пристрастие к лживому и неподлинному, к дурному подражанию, к переводу хорошего иностранного на плохой родной. Но особенно отвратительно думать, что все эти болезни и слабости никогда не подвергаются основательному лечению, а лишь прикрываются слоем белил—при помощи той самой культуры роскоши, которой во все времена окружало себя бесчеловечное богатство, чтобы придать себе видимость человечности. Такую культуру, как покрывало сотканное из показной религиозности, показного искусства, показной науки, показной философии, набрасывают на пошлое, звериное лицо дикой жажды существования, [+ + +]

35 [13]

Шопенгауэр высказался однажды в том смысле, что хорошо отставать от своего времени, когда видишь, как оно само возвращается вспять.

35 [14]

Говоря о корнях всей этой нынешней культуры, приемлющей время и становление, я обыкновенно сосредотачиваю внимание на двух вещах: с одной стороны, на стремлении общества к роскоши, накоплению и обладанию, с другой, на разумном эгоизме современного государства. Земное счастье: так называется в обоих случаях наживка, с помощью которой культуру заманивают в сети; богатый, могущественный человек, свободная личность, государство культуры—таковы обещания, которые должны обмануть наших современников. Понимание того, что речь идет именно об *обмане*, снисходит на нас тотчас же, как откровение, едва мы хотя бы на миг спустимся в то подземелье, где таятся корни истинной, враждебной миру культуры.

Наиболее глубокие люди во все времена жалели животных именно потому, что, страдая от жизни, они лишены сил обратить жало страданий на самих себя и понять свое существование метафизически; вид же бессмысленного страдания возмущает и потрясает особенно глубоко. Вот почему в одном из уголков Земли родилось предположение, что души повинных людей живут в животных и потому их на первый взгляд возмутительно бессмысленное страдание приобретает перед лицом вечной справедливости смысл и значение наказания и покаяния. Но можно ли измыслить более суровое наказание, чем жить вот так, как животное, во власти голода и вожделения, не осознавая своей жизни, быть, к примеру, хищником, гонимым через пустыню мучительным голодом, редко знающим насыщение, которое и само оборачивается мукой, заставляя вступать в смертельную борьбу с другими животными, порождая отвратительную алчность и пресыщение. Быть так слепо и страстно привязанным к жизни не ради чего-то более высокого, чем она, не ведая, за что и почему ты так наказан, испытывать, напротив, такую глупую и страстную жажду этого наказания, как будто бы оно—счастье—это и значит быть животным; и, если природа тянется к человеку, то это потому, что он нужен для ее избавления, потому что он—зеркало существования, в котором жизнь предстает более не бессмысленной, но

имеющей метафизическое значение. Но где же кончается зверь, где начинается человек? До тех пор, пока мы желаем жизни как величайшего счастья, наш взгляд еще не проникает за линию горизонта, открытого и животным, он только более осмысленно ищет того же, что ищет животное, подчиняясь слепому инстинкту—это означает, что большую часть нашей жизни мы проводим в состоянии животных, мы сами словно животные, предаемся, кажется, бесмысленному страданию.

Случаются, однако, мгновения, когда облака рассеиваются и мы, вместе со всей природой, устремляемся к человеку. С трепетом оглядываемся мы, застигнутые этой внезапной ясностью, вокруг нас и на то, что осталось позади: мы видим, как мчится стадо высших животных, видим среди них самих себя. Люди носятся по великой земной пустыне, основывают города и государства, ведут войны, неустанно собирают и разбрасывают, разъясняют и снова путают, учатся друг у друга и обманывают, оставляют в дураках и топчут, кричат от боли, ликуют от радости—и все это продолжение звериного начала. Как будто человек намеренно оказался отброшен вспять, а в том, что касается его метафизических задач, его нарочно вводили в заблуждение; как будто природа, так долго тосковавшая о человеке и над ним трудившаяся, вдруг отшатнулась от него и пожелала вернуться назад, к бессознательности инстинкта. Ах, она нуждается в познании и ее охватывает ужас перед познанием, которого ей, в сущности, так недостает; и вот пламя беспокойно колеблется, словно пугаясь своего предназначения, и охватывает сначала тысячу вещей, прежде чем объять то, во имя чего природа и испытывает потребность в познании. Мы все сознаем в отдельные мгновения, какие далекие обходные пути выбирает наша жизнь, чтобы избежать выполнения предназначенной нам задачи, как охотно прячем мы куда-нибудь свою голову, чтобы нас не настиг взгляд стоглазой совести, как поспешно отдаем мы свое сердце государству или коммерции, науке, свету только для того, чтобы его не было больше у нас самих, как безоглядно и бездумно отдаем мы свои силы тяжелому повседневному труду, более безоглядно и бездумно, чем нужно для поддержания нашей

жизни,—потому что нам кажется более важным не опомниться. Повсюду мы видим страшную спешку, потому что каждый спешит убежать от самого себя, повсюду видим мы и боязливое стремление эту спешку замаскировать, ибо все хотят выглядеть довольными и не дать зорким зрителям заметить свое страдание. Повсюду царит потребность в новых, еще более звонких словесных украшениях, чтобы увешанная ими жизнь показалась чем-то по-праздничному шумным. Каждый по своему опыту знает, как внезапно всплывают иногда неприятные воспоминания и как мы тогда стараемся изгнать их с помощью резких жестов и слов—но общая картина нашей жизни подсказывает, что в таком состоянии мы пребываем всегда. Что же это такое, что так часто на нас нападает, какая муха мешает нам спать? Мы окружены призраками, каждое мгновение нашей жизни хочет нам что-то поведать, но мы не желаем слушать голоса этих духов. Мы боимся, оставшись в тишине и одиночестве, что странный шепот коснется нашего слуха; и потому ненавидим тишину, опьяняя себя общением. Человек изо всех сил избегает страдания, ставит себе все новые цели, чтобы, преследуя их, забыть о том, что за ними. Когда бедняк и мученик восстает на судьбу, вынесшую его именно на этот суровый берег жизни, то и он пытается лишь обмануть себя: он не умеет встретить тот глубокий взгляд, что обращен к нему из сердцевины его страдания, чтобы сказать ему: разве так не легче тебе понять смысл твоей жизни? А те, по видимости более счастливые, кто, снедаемые беспокойством, бегут самих себя, чтобы только не признавать естественного злого начала, сокрытого в вещах, в государстве, например, или в труде, или в собственности [+ + +]

36. Май 1874

36 [1]

Введение к Платону. 1874.
Античная метрика.
Диоген Лаэрций.
О Гомере.

36 [2]

1874.
Шопенгауэр.
Ученый.
1875.
Два несвоевременных.
1876.
Одно несвоевременное.

36 [3]

Прочитать:
2 Греческая литература.
1 Энциклопедия.
1 Метрика.

37. Конец 1874

37 [1]

Abarten degenerare (сын от отца)

abbrechen <срывать> слишком зеленый плод = спешить (...)[1]

Ваш *aberweises* <погрязший в *заблуждениях*> век (...)

Abgefuehrte <*путанные*> и лукавые умы (...)

Наш *abgesagtester* <*отъявленный*> враг (...)

Ты знаешь, что при свете seine Augen <зрение его> все больше *ablegen* <слабеет> (...)

Всякое вино должно *abliegen* <быть выдержано>, прежде чем его можно будет пить (...)

Ты бы мог на минуту *abtmuessigen* <*оторваться*> от своего писания (...)

37 [2]

Ebenmaass <соразмерность>

правильно писать *echt*[2], а не ächt.

ehe – неправильно: писать *eh*

с *ehester* <*ближайшей*> оказией

очевидно и eindruecklich <убедительно>

В местах диких и einoeden <глухих>

Он отломил большой кусок <Eis> льда.

---

1 Все слова и выражения этого фрагмента, выделенные курсивом – немецкие глаголы и существительные с префиксом ab. Ницше выписывает их в алфавитном порядке с aba до abs и приводит их толкование либо примеры употребления (в том числе диалектные). Поскольку данные примеры не несут иной нагрузки, кроме грамматической, а отделяемые приставки немецких глаголов не всегда позволяют корректно воспроизвести эти примеры в переводе, я счел нецелесообразным воспроизводить данный фрагмент целиком в русском издании (*прим. ред.*).

2 Подлинный (*нем.*). Этот фрагмент, как предыдущий, представляет собой грамматические примеры (на сей раз с немецкими словами на «e»).

37 [3]

Ценность латинского письма.
Перевод.
Степень и характер чтения.
Об образцах стиля.
Польза коллекций.
Мерность письма.
Говорение и слушание.
Положение логики.
Об украшениях.
Общий колорит.
Возникновение письменности—наброски.
Убеждать—поучать и другие намерения.
artem tegere[1].
Радость от письма как противовес чтению.
Предшествует ли большая или малая форма?
Общие пропорции должны чувствоваться.
Древние писали хорошо не от природы.
О цитатах (не должны нарушать колорит).
Воздержание от газет (при чтении, письме).
Простое—самое трудное и последнее.
Индивидуальное должно быть сначала выражено, затем преодолено.
Знаки препинания, тире и т.д.
Сохранение языка лишь в сочетании с художественной обработкой.

37 [4]

Переводить: но сочинение стихов портит язык.
Никогда не бояться излагать яснее, чем делает это автор.
«Чтение между строк» трансформировать в более открытые намеки.
Порой у Аристотеля слишком хорошо видны *белые кости* (хотя известная *худоба* вполне *уместна*).
Перспективы развития языка; пришло время посвятить ему всю жизнь.
Исходить из неудачных мыслей об академии—

1 Скрывать искусство (*лат.*).

Наши способы и пути создания культуры разрушают силы и здоровье культуры.

Проблема художественной прозы; в известные времена она необходима как то единственное, что еще может сохранить язык; но предполагает и колоссальные потери.

Борьба за прозу (письменная и устная проза).

Аморальные условия отдельных поэтических жанров, напр. нетерпение слушателя в драме; также и интеллектуальные ограничения, которые необходимы для каждого частного вида искусства.

О чтении: мы живем в эпоху, когда культура губится средствами культуры.

Келлер, Ауэрбах, Гейне, Гримм.

Ауэрбах не умеет ни писать, ни мыслить; он только притворяется, что умеет. И, напротив, он в своей стихии, когда может расплываться в размягченной, болтливой сентиментальности; но мы пребываем в его стихии неохотно.

Воздействие хорошего текста заключается в том, что он заставляет забыть о своей литературности; он воспринимается как слова и поступки хорошего друга; кому бы пришло в голову отдать нечто подобное в печать!

Упадок образования проявляется в обеднении языка; немецкий язык газет есть уже *κοινή*[1]. Оказать языку помощь можно *извне* (2-й и 3-й века после Р.Х.).

37 [5]

Бедность языка соответствует бедности мнений: достаточно вспомнить наши литературные газеты: как мало господствующих мнений! Когда обсуждается какая-либо книга, то сначала кажется, что имеешь дело сплошь со специалистами; теперь я вижу, что скрывается *за этим.*

Потери, связанные с единством нации, как и с единством церкви; благословение борьбы. В конкурентной борьбе наций строптивая, склонная к разъединению немецкая

---

1 Общий, разговорный язык (*греч.*).

сущность направляет свою агрессию вовне, становится жадной, устремляется к пышности, к наслаждениям.

Горе всякому, кто озабочен сегодня хорошим стилем: будьте тем, чем вы кажетесь, и так и пишите!

Пять лет пифагорейского воздержания от чтения.

Гёте диктовал; это его преимущество, близость к устной речи.

«Изящный стиль» – изобретение ораторов, произносящих торжественные речи.

«Почему надобно так возиться с языком!» Достаточно отчетливости, как полагал Эпикур. Показать, что утрачивается вследствие этого принципа отчетливости. Разве в человеке нет ничего, кроме логики?

37 [6]

Всякое общение между людьми основано на том, что один может читать в сердце другого; и общий язык есть звучащее выражение общей души. Чем искреннее и утонченнее становится общение, тем богаче язык; он развивается вместе с этой общей душой, или же увядает. Говорить – это, по существу, задавать вопрос другому человеку о том, общая ли у него со мною душа; древнейшие предложения были, как мне кажется, вопросительными, в их мелодии я улавливаю отзвук того древнего вопроса, который душа задавала самой же себе, но заключенной в другом теле: Узнаешь ли ты себя? Это чувство сопровождает каждую фразу говорящего; он предпринимает попытку монолога и диалога с самим собой. Чем меньше узнает он себя в другом, тем больше он умолкает, и от этого вынужденного умолкания душа его становится беднее и меньше. Если бы людей можно было принудить, чтобы отныне они молчали, то их можно было бы низвести в состояние лошадей, тюленей и коров; ибо по этим существам видишь, что такое не уметь говорить: а именно – то же, что жить с притупленной душой.

И действительно, многие люди, а иногда и люди целых эпох несут в себе нечто коровье; у них тупые и косные души. Они могут скакать, пастись и совокупляться, и у них всех остался только совсем маленький кусочек общей души. Следовательно, их язык *должен* быть обедненным или стать механическим. Ибо это неправда, что язык

порождается нуждой, нуждой индивида; разве что он порождается нуждой всего стада, племени, но для того, чтобы она могла ощутиться как общая всем, душа должна стать шире, чем индивидуальность, она должна отправиться в путь, на поиски самой себя, должна сначала *захотеть* говорить, прежде чем заговорит действительно; а эта воля не индивидуальна. Если представить себе мифологическое прасущество, с сотней голов и ног и рук, как форму существования прачеловека, то он стал бы разговаривать с самим собой; и только заметив, что может говорить с собой как с другим, третьим, сотым существом, он позволил бы себе распасться на части, на отдельных людей, потому что знал бы, что уже не может утратить свое единство. Ибо оно заключено не в пространстве, как все множество этих сотен людей, — это первоначальное мифологическое чудовище чувствует себя снова как целостность и единство тогда, когда эти люди говорят.

И разве напоминает великолепное звучание языка о нужде, о том, что она есть матерь его? Разве не произошло это рождение в радости и роскоши, свободно и со всеми признаками созерцательного глубокомыслия? Что общего может имеет обезьяноподобный человек с нашими языками! Народ, обладающий шестью падежами и умеющий спрягать свои глаголы в сотнях форм, имеет большую общую, через край переливающуюся душу; народ, создавший себе такой язык, распространил силы своей души и на все последующие поколения; в позднейшие времена эти силы переполняли поэтов и музыкантов, актеров, ораторов и пророков. Но когда эти силы были еще молоды и нерастрачены, они породили языкотворцев; то были продуктивнейшие люди всех времен, и они прорисовали тот контур, который характерен для музыкантов и поэтов всех времен: их души были больше, любвеобильнее, вместительнее и жили скорее даже во всех и в каждом, чем только в каком-то одном глухом углу. В них всеобщая душа вела разговор с самою собой.

37 [7]

Нужны ли будущему писателю *многие* языки? Или вообще иностранные языки? Тем более писателю немецкому? Греки довольствовались собой и не заботились об ино-

странных языках: скорее — о собственном. У нас — наоборот: изучение немецкого пробило себе дорогу лишь постепенно и ведется *так*, что сохраняет в себе нечто иностранное и ученое. Многое делается для обучения латинскому стилю, но на занятиях немецким изучают историю языка и литературы. Между тем эта история имеет смысл только как вспомогательное средство для практических задач. Уметь читать на немецком ранних периодов его развития — это нито или мало. Но очень важно осознать *упадок* современного языка и для этого обратиться к прошлому. Запас слов и выражений, находящийся ныне в распоряжении каждого, следует считать израсходованным, — в действительности язык намного богаче, чем можно судить по этому запасу. Так же истощены и возможности усложненного синтаксиса. Вот почему с языком мы должны обращаться как художники, если хотим избежать отвращения; я, например, не могу больше выносить мендельсоновские обороты, — мне нужен язык более сильный и волнующий. Писать поэтому, правда, сегодня много труднее, чем прежде; нужно создать себе свой язык. Это не поверхностное желание, не то, когда одна одежда вам надоела, и вы хотите сшить себе платье по новой моде. Ибо в нашем истощенном, набившем оскомину языке я узнаю отражение нашего ослабленного немецкого характера, нашей исчезающей индивидуальности. Борьба за язык есть протест против уничтожения того лучшего и сильнейшего немецкого характера, в который мы все еще верим. Учение о стиле, ориентированное на корректность и конвенцию, было бы последним, в чем *мы* нуждаемся, тогда как другим этого уже почти не нужно, ибо они невольно живут по этим законам, я имею в виду, по законам корректности и конвенции. Тот, кто еще верит в будущность немецкого языка, должен создать школу, направленную против нашего нынешнего немецкого. Придется смириться со многими неудачами и вымученными новациями; главное в том, чтобы *напрячь* силы, влить в язык новую жизнь и новую кровь. Прекрасное и безобразное — слова, которые не должны больше иметь для нас никакого значения, никакого «хорошего вкуса» быть тут не может. Смерть всякой изнеженности, всякому удобству.

Итак: обеднение и блеклость языка есть симптом усыхания общей немецкой души; тогда как великая гармония слова могла бы явиться противоположностью этого, была бы проявлением общей души, соответствующим политическому единству. По крайней мере можно было бы сказать: единство возникает путем усыхания и путем расширения; первый путь — нынешний. Чтобы убедиться в том, что мы не идем по второму, достаточно понаблюдать, как наши величайшие и богатейшие умы не в силах добиться понимания от своих сограждан. Они невольно становятся изгнанниками. Об этом же свидетельствует и то, какие писатели и художники соответствуют состоянию сегодняшней общей души немцев и встречают понимание: такие как Штраус, Ауэрбах и им подобные.

37 [8]

И как можно так серьезно относиться к одному только стилю и изложению! Ведь дело всего лишь за тем, чтобы изъясняться понятно. Но признаем: это нелегко и очень важно. Подумать только, <какое> сложное существо человек: как бесконечно трудно ему действительно *вы*разить себя! Большинство людей потому и остаются в самих себе и не умеют вырваться наружу, но это и есть рабство. Уметь говорить и писать, значит, стать свободным: хотя наружу выходит не всегда лучшее; но хорошо уже то, что оно становится видимым, воплощает себя в слове. Варвар — тот, кто не способен себя выразить, кто рабски издает нечленораздельные звуки.

«Изящный стиль» есть, конечно, не более, чем новая клетка, позолоченное варварство.

От книги я требую *настроения* как единства и меры; этим определяются выбор слов, характер и число метафор, ход изложения и его завершение.

738. Конец 1874 года

38 [1]

Когда уничтожили прежний мир олимпийцев и их власть, Прометей и его коршун были *забыты*.

Прометей ждет теперь избавления от человека.

Он не выдал Зевсу своей тайны, Зевс погиб от руки своего сына.

Молнии во власти Адрастеи.

Зевс хотел уничтожить людей – с помощью войн и женщин и их певца Гомера: in summa с помощью греческой культуры отравить жизнь всем последующим поколениям людей; он хотел погубить их, заставив подражать и завидовать грекам.

Его сын сделал их – чтобы защитить от этого конца – глупыми и боящимися смерти, и довел их до ненависти к эллинству; так он уничтожил самого Зевса. Эпоха средневековья сравнима с состоянием мира до прометеевского деяния, когда он принес им огонь. Так что этот сын Зевса тоже хочет разрушить человека.

Прометей посылает людям на помощь Эпимефея, который вновь возрождает совсем старую Пандору (история и воспоминание). И действительно, человечество вновь возрождается, и вместе с ним Зевс, который возрождается из *басни* в мифе. Легендарная Греция соблазняет жить – до тех пор, пока, познанная лучше, вновь не *уводит* от жизни: фундамент ее осознается как ужасный и не поддающийся воспроизведению.

(Прометей лишил человека способности видеть смерть, каждый мнит себя бессмертным индивидом и живет по сути иначе, как звено цепи).

Период *недоверия* к Зевсу и его сыну; также и к Прометею, потому что он послал им Эпимефея.

Подготовка хаоса.

Эпимефей указывает Прометею на ошибку, которую тот совершил, творя человека. Он *одобряет* свое собственное наказание.

Коршун не хочет больше клевать. Печень Прометея вырастает слишком большой.

Зевс, сын его и Прометей говорят друг с другом. Зевс освобождает его, Прометей должен еще раз переработать людей, заново создать форму, индивида будущего. Средство, при помощи которого создают массу, месиво. Чтобы ослабить боль подвергаемого переработке человека, сын дарит музыку.

Итак: уступка Прометею—люди должны возникнуть снова; уступка Зевсу и сыну—сперва они должны погибнуть.

38 [2]

О форме целого: коршун говорит один и рассказывает: я—коршун Прометея и благодаря весьма странным обстоятельствам со вчерашнего дня я *свободен*. Когда Зевс приказал мне клевать печень Прометея, он хотел меня удалить, потому что ревновал из-за Ганимеда.

38 [3]

Всякая религия чем-нибудь вредит человеку. Что бы произошло, если бы Прометей не схитрил в Микенах! Состояние мира под властью сына, при котором всё пожирают священнослужители.

38 [4]

«О я несчастный, я стал мифом!»

38 [5]

Христианство делает человека подобием грека в Аиде—такой же тенью. Пить кровь. (Войны).

38 [6]

Когда Прометей лепил людей, он ошибочно развел человеческую силу и опыт во времени: мудрость всегда имеет нечто от старческой слабости.

38 [7]

Боги глупы (коршун болтает как попугай); когда Зевс создавал Ахилла, Елену и Гомера, он страдал близорукостью и не знал людей; реальным результатом стало не уничтожение людей, а греческая культура. Потом он создал завоевателя как мужчину и женщину (Александр и Рим, наука), сын его Дионис создал преодолевающего мир (глупого фантаста, пускающего себе кровь, фанатическая тень подземного мира на земле, основание земного Аида). Преодолевающие мир восприняли идею завоевателей мира – и вот с человеком, кажется, покончено. Зевс при этом почти погибает, но то же происходит и с преодолевающим мир Дионисом. Прометей видит, как все люди стали тенями, испорченными в глубине души существами, боязливыми, злыми. Из жалости шлет он им Эпимефея с соблазнительницей Пандорой (греческая культура). Теперь в человеческом мире поселились призраки, он стал отвратительным бесформенным месивом. Прометей в отчаянии [+ + +]

1. Зима–весна 1875

1 [1]

Ромундт 9 января: 9–10 марта его книга должна быть готова, в крайнем случае — 10 апреля.

1 [2]

Место, где о Фаусте
Гёльдерлин
Завершение «Эмпедокла»

1 [3]

1875	4 5	Филолог. Вагнер.
1876	6	Пресса.
1877	7 8	Религия. Школа.
1878	9 10	Социал<изм>. Государство.
1879	11–12	Мой план. Природа.
1880	13	Путь освобождения.

1 [4]

Прелюдия. Филистер от образования.

1	История.		
2	Философия.		
3	Древность.		
4	Искусство.		
5	Религия.	1876	Пасха апрель май июнь
6	Школа.		июль август сентябрь
7	Пресса.		октябрь ноябрь декабрь
8	Государство.	1877	январь февраль март
9	Общество.		апрель май июнь
10	Человек как я.		июль август сентябрь
11	Природа.		октябрь ноябрь декабрь
12	Путь освобождения.	1878	январь февраль март

Пасха 1869 г. — Пасха 1876 г. 7 лет университета.

Пасха 1876 г. — Пасха 1878 г. 800 страниц за 24 месяца,

24 : 800 | 33, т. е. каждый день по странице, каждые
72 | три месяца — 1 «Несвоевременное».

Тогда к 33 годам я закончу «Несвоевременные».

1 [5]

С 13 до 19 лет — Шульпфорта.
19–24 Бонн, Лейпциг.
24–31 Базель
31–33 ?

2. До начала марта 1875

Заметки к **«Мы, филологи»**

2 [1]

Раковина внутри изогнута, снаружи — груба; стоит в нее подуть, и она загудит, и только тогда проникаешься к ней настоящим уважением (инд. пословицы, изд. Бётлингка, I 335).

Отталкивающий с виду духовой инструмент: в него надо только подуть.

2 [2]

Темы

Теория смешного. С примерами.
Теория ужасного. С примерами.

Описание моего музыкального опыта в связи с Вагнером.

Вопрос в музыке.

Надо завести большую книгу для записей мыслей, пережитого, планов и т. д. каждого дня, куда заносить вкратце и научные знания. Отставить все литературные планы. *Mihi scribere*[1]

2 [3]

Мы, филологи.

Примерный план.

1. Генезис нынешнего филолога.
2. Нынешний филолог и греки.
3. Влияние на нефилологов.

---

1 Писать для себя (*лат.*).

4. Наброски о греках.
5. Будущее воспитание филолога.
6. Греки и римляне—и христианство. Эмансипация Вольфа.

Лучше:

а. Предпочтение греков.
б. Генезис нынешних филологов.
в. Их воздействие на нефилологов.
г. Их отношение к настоящим грекам.
д. Будущее.

2 [4]

Возможно, против врагов античности вместе с Цицероном (Pison. c. 30): «Quid te, asine, litteras doceam? Non opus est verbis, sed fustibus»[1].

2 [5]

Очень *сомнительно*, можно ли на основе *языка* делать заключение о национальности и о *родстве* с другими *нациями*; часто (и отнюдь не закономерно) язык-победитель есть всего лишь знак того, что удалось взять верх. Где и когда существовали автохтонные народы! Вот пример полной неясности в понятиях—вести речь о греках, которые жили еще не в Греции. Собственно греческое есть в гораздо меньшей степени результат врожденной способности, нежели адаптированных институтов и притом с перенятым языком.

2 [6]

Я хочу сделать для своих учеников краткие катехизисы, к примеру:

— о письме и чтении,
— о греческой литературе,
— главные качества греков.
Греки и римляне.
Чему можно научиться у греков.

---

1 К Пизону, гл. 30: «Что толку учить тебя, осла, наукам? Тут потребно не слово, а палка» (*лат.*).

2 [7]

а. Предпочтение античности, основания для этого и их опровержение.
б. Генезис филологов до сегодняшнего дня, а также их практика.

2 [8]

Клингер утверждает: «Культура есть плод более свободных, более бесстрашных чувств».

3. Март 1875

Заметки
к
«Мы, филологи»

3 [1]

> Идите и, тая ваши добрые дела,
> исповедуйте перед людьми грехи,
> которые вы совершили.
>
> Будда.

3 [2]

Восьмое апреля 1777 г., когда Ф. А. Вольф придумал для себя звание stud. philol.[1], является днем рождения филологии.

1.

3 [3]

Против науки филологии нечего возразить, но ведь филологи суть в то же время и воспитатели. Вот где заключена проблема, которая делает возможным высший суд и над этой наукой. Да и существовала бы еще филология, если бы филологи не составляли учительское сословие?

3 [4]

Трудно оправдать то *предпочтение*, которым пользуется античность, ведь оно возникло из предрассудков:

1) из незнания других древностей,
2) из ложной идеализации—вплоть до некоего гуманистического человечества вообще; в то время как индусы и китайцы наверняка гуманнее,
3) из учительского самомнения,
4) из традиционного преклонения перед всем римским,

---

1 От лат. *studiosus philologiae* «изучающий филологию».

5) из протеста против христианской церкви или в ее поддержку,
6) из впечатления, которое производила длившаяся веками работа филологов, да и сама манера их работы: наверняка речь идет о золотых россыпях, — так полагал сторонний наблюдатель.
7) навыки и знания, полученные оттуда. Подготовительная школа науки.

In summa[1]: отчасти из-за *невежества, ложных суждений и неверных умозаключений*, но и вследствие *сословного интереса* филологов.

Затем, *предпочтение* античности художниками, которые исчисленную меру и выверенность непроизвольно принимали за свойство античности в целом. Чистая форма. То же самое и у писателей.

Предпочтение античности как некой аббревиатуры истории человечества, будто здесь какое-то автохтонное образование, в сравнении с которым можно изучать всякое становление.

В действительности же *основания для такого предпочтения устраняются* — постепенно, одно за другим, и если филологи не обязаны были этого замечать, то вне их круга это видели как нельзя более отчетливо. Свое воздействие оказала история; затем сильнейшее отвлечение, даже дезертирство среди филологов вызвало языкознание. Пока они сохранили за собой только школу — но надолго ли! Филология в ее *привычной форме* близка к *вымиранию*: из-под ее ног ушла почва. Очень сомнительно, сохранится ли вообще *сословие* филологов: в любом случае оно станет вымирающей расой.

3 [5]

Уже наша *терминология* показывает, насколько сильна наша склонность неверно оценивать древних; например, преувеличение смысла *литературы*, или то, как Вольф говорит о «внутренней истории античной учености», он называет это также «историей *ученого просвещения*».

---

1 В итоге (*лат.*).

3 [6]

Какая насмешка над «*гуманитарными*» исследованиями заключена в том, что их назвали еще и belles lettres (bellas litteras)[1].

3 [7]

Доводы Вольфа, почему египтян, евреев, персов и прочие нации Востока нельзя ставить на одну доску с греками и римлянами: первые не поднялись «вообще или едва на несколько ступенек над той формой организации, которую следовало бы назвать *буржуазной полисностью* или *цивилизацией*—в противоположность *высшей подлинной духовной культуре*». Чуть ниже он толкует ее как духовную, т.е. литературную; «у благополучно устроенного народа она может зародиться прежде, чем порядок и стабильность внешней жизни» («цивилизации»). Затем он противопоставляет азиатский Дальний Восток («подобный таким индивидам, которые не терпят недостатка в опрятности, благопристойности и удобстве жилья, платья и всего, что их окружает, но отнюдь не испытывают потребности в более высоком просвещении») *грекам* («у греков, даже у наиболее просвещенных аттических греков, на удивление часто встречалось обратное, и в пренебрежении, как незначительное, оказывалось то, в чем мы в силу нашей любви к порядку имеем обыкновение видеть основу самóго духовного облагораживания»).

3 [8]

«Под конец жизни Маркландом, как и многими ему подобными до него, овладело такое отвращение ко всякой ученой известности, что он частью выбросил, а частью сжег многие труды, на которые потратил много времени».

3 [9]

«В пору юности Винкельмана, собственно говоря, не было никаких иных занятий античностью, кроме как обыденного служения дисциплинам ради хлеба насущно-

---

1 Изящной словесностью (*франц.*, *лат.*).

го: в те времена древних читали и объясняли для того, чтобы получше подготовиться к истолкованию Библии и corpus juris»[1].

3 [10]

Ф.А. Вольф однажды напомнил, какими робкими и слабыми были первые шаги наших предков по формированию науки, как даже латинских классиков приходилось наподобие подозрительного товара под разными предлогами контрабандой протаскивать на рынок университетов; в плане лекций 1737 г. в Гёттингене И.М. Геснер заявлял оды Горация, «ut in primis, quid prodesse in severioribus studiis possint, ostendat»[2].

3 [11]

Ньютон удивлялся, что люди вроде Бентли и Хэйра могут устраивать баталии по поводу какого-нибудь сборника комедий (поскольку они оба были титулованными богословами).

3 [12]

Как трудно почувствовать самому хотя бы что-то из античности, надо уметь ждать, пока наш слух не начнет что-то различать. *Человеческое*, которое показывает нам античность, не следует путать с *гуманным*. Эту противоположность необходимо всячески подчеркивать, филология страдает тем, что старается подсунуть гуманное; молодых приводят только затем, чтобы они стали гуманными. Я думаю для достижения этого достаточно было бы давать побольше истории: брутальная самоуверенность бывает сокрушена видом такой переменчивости в вещах и оценках.

У эллинов «человеческое» кроется в некоторой наивности, с какой у них проявляется человек, государство, искусство, общественность, военное и международное право, взаимоотношения полов, воспитание, партии; это в точно-

---

1 Свод права (*лат.*).

2 Дабы первым делом показать, чего они могут достичь путем упорных трудов (*лат.*).

сти то же самое «человеческое», которое мы обнаруживаем повсеместно у всех народов, но у них — с такой степенью откровенности и негуманистичности, что их пример особенно поучителен. К тому же они создали бесчисленное множество индивидуальностей — вот почему они столь поучительны в отношении *человека* вообще; греческий повар — больше повар, чем какой бы то ни было другой.

3 [13]

Христианство преодолело античность — легко сказать. Во-первых, оно само есть часть античности, во-вторых, оно законсервировало античность, в-третьих, оно вовсе не боролось против античности в ее чистом виде. Напротив: чтобы сохраниться, христианство должно было позволить одолеть себя духу античности, например — в идее империи, общине и т. д. Наша беда — чрезвычайная нечистоплотность и неясность в отношении *человеческого*, в лукавой *лживости*, до которой довело людей христианство.

3 [14]

Греческая античность в целом до сих пор еще не подверглась оценке; я убежден, что, не имей она вокруг себя этого традиционного ореола, современный человек с отвращением оттолкнул бы ее прочь: значит, ореол-то ненастоящий, из позолоченной бумаги.

3 [15]

Большое преимущество филолога в том, что его наука настолько разработана, чтобы он мог, если *способен* на это, вступить во владение наследством — а именно: подвергнуть *оценке* весь эллинский образ мысли. Пока копались в мелочах, греки оставались *непонятыми*; надо обозначить *ступени этого непонимания*. (Софисты второго столетия, поэты-филологи Возрождения, филолог как школьный учитель высших сословий) (Гёте-Шиллер).

3 [16]

Подражание античности: разве этот принцип наконец не преодолен?

Бегство из действительности к древним: разве тем самым понимание античности не было искажено?

3 [17]

Неразвитым остается еще один подход: *понять*, как величайшие творения духа могут иметь фоном ужас и зло; *скептическое* рассмотрение: в качестве прекраснейшего примера, произведенного жизнью, испытанию подвергается античность.

Правильное суждение — трудно.

3 [18]

То, что образование можно получить *только* посредством античности — неправда. Хотя некоторое получить *можно*. Однако не то образование, которое нынче именуют этим словом. Такое образование, как у нас, можно было выстроить только на совершенно кастрированном и ложном изучении античности.

Чтобы убедиться, насколько бесплодна такая учеба, достаточно взглянуть на филологов: ведь они-то должны были быть *воспитаны наилучшим образом благодаря античности*.

2.

3 [19]

Как мала роль разума и насколько велика роль случая в жизни людей, заметно по почти регулярному несоответствию между так называемой профессией и предрасположенностью к ней: удачи здесь такое же исключение, как и счастливые браки, ведь и они тоже совершаются вовсе не по велению разума. Человек *выбирает* себе профессию, когда он еще неспособен выбирать; он не знает разных профессий, он самого себя не знает; потом он проводит в занятиях этой професией самые деятельные годы, посвящает ей все свои мысли, приобретает опыт; а когда достигает вершины своего разумения, то как правило бывает уже слишком поздно начинать что-либо заново, так что мудрости на земле почти всегда свойственно нечто старческое, какой-то недостаток мускульной силы.

Задачей по большей части является восполнить, както подправить то, что напутали вначале; вероятно, многие чувствуют, что поздняя пора жизни выказывает некоторую намеренность — результат первоначальной дисгармонии; живется тяжело. Но к концу жизни к этому все же привыкают — тогда можно и позаблуждаться насчет своей жизни, и похваливать собственную глупость: bene navigavi cum naufragium feci[1], и даже воспеть хвалу «промыслу».

3 [20]

И вот я задаю вопрос, как получается филолог, и утверждаю:

1) юноша еще никак не может знать, кто такие греки и римляне,
2) он не знает, годится ли он для того, чтобы изучать их,
3) и уж конечно не знает, в какой мере он во всеоружии этих знаний годится в *учителя*. Итак, им руководит не понимание себя и своей науки, а
   а) подражание,
   б) удобство — чтобы продолжать то, чем он занимался на школьной скамье,
   в) со временем также перспектива зарабатывать себе на хлеб.

Я полагаю, что 99 из 100 филологов *не следовало бы* быть ими.

3 [21]

Наиболее строгие религии требуют, чтобы человек воспринимал свою деятельность только как средство в рамках некоего метафизического плана: тогда неудачный выбор профессии можно трактовать как испытание индивидуума. Религии имеют в виду только спасение индивидуума: будь он рабом или свободным, торговцем или ученым — цель его жизни состоит не в его профессии, а потому ошибочный выбор — не такое уж большое несчастье. Пусть это послужит утешением филологам; но вот голая правда для подлинных филологов: что станется с наукой,

---

1 Пусть потерпел крушение, плыл-то хорошо (*лат.*).

которую творят остальные 99? Это, собственно говоря, негодное большинство подгоняет науку под себя и предъявляет к себе требования в соответствии со способностями и склонностями большинства: тем самым оно тиранит подлинно способного, того самого сотого. Коль скоро воспитание находится в руках этого большинства, оно вольно или невольно *воспитывает* по *собственному* подобию: во что же превращается в таком случае *классичность* греков и римлян!

Надо продемонстрировать

А) несоответствие между филологами и древними.

Б) неспособность филологов *воспитывать* с помощью античности.

В) *подложность науки из-за неспособности большинства, неверных требований, искажения подлинных целей этой науки.*

3 [22]

За счет чего же человек оказывается *наилучшим образом подготовленным* к подобной *оценке*? Во всяком случае не благодаря тому, как сейчас готовят филологов. Сказать, в какой мере средства делают здесь недостижимой конечную цель. — Итак, сам филолог *не* является целью филологии. —

3 [23]

Леопарди — вот современный идеал филолога; немецкие филологи не могут ничего *сделать*. (Изучить Фосса в связи с этим!)

3 [24]

Тщеславие — это непроизвольная склонность выдавать себя за индивидуума, тогда как таковым не являешься; т.е. выдавать за независимого, тогда как зависишь. Мудрость, напротив, подает себя зависимой, тогда как она независима.

3 [25]

Большая ценность античности заключается в том, что ее *сочинения* суть единственные, которые современный человек еще *читает, вникая.*

3 [26]

Перенапряжение памяти весьма обычно для филологов, менее развито суждение.

3 [27]

В воспитании нынешнего филолога следует отметить и оценить влияние языкознания; что же почти не касается филолога, так это вопросы о праистории греков и римлян, — они не имеют к нему отношения. Да и можно ли так портить собственную тему.

3 [28]

В филологах я замечаю:

1) недостаток уважения к античности,
2) мягкотелость и краснобайство, пожалуй, даже апологию,
3) банальное историзирование,
4) воображают о себе,
5) недооценку одаренных филологов.

3 [29]

История литературы Бергка — ни искорки греческого пламени и греческого смысла.

3 [30]

Я рад прочитать у Бентли: «non tam grande pretium emendatiunculis meis statuere soleo, ut singularem aliquam gratiam inde sperem aut exigam»[1].

3 [31]

Бентли ставит Горация перед судом, который тот должен был бы отвергнуть. То восхищение, которое выпадает на долю обладающего острым умом филолога, пропорционально редкости, с какой острый ум среди филологов встречается. В методе Бентли по отношению к Горацию есть что-то учительское, вот только не следовало бы выставлять оценок самому Горацию, а только его

---

1 Я не привык придавать своим конъектурам столь большое значение, чтобы надеяться получить за них какую-то особую благодарность или испытывать таковую (*лат.*).

переписчикам; но в действительности и по существу задетым оказывается именно Гораций. Для меня очевидно, что написать одну-единственную строчку, которая заслуживала бы комментария ученых последующих веков,— это больше, чем все заслуги самого великого из критиков. В филологе заложена глубокая скромность. Вносить конъектуры—развлекательная работа для ученого, вроде разгадывания ребусов; но не следует считать ее слишком важным делом. Худо, если бы античность говорила с нами менее внятно из-за миллиона мешающих делу слов!

3 [32]

Один школьный учитель сказал Бентли: «Master, я сделаю Вашего внука таким же большим ученым, как Вы». —«Как же это у тебя выйдет?—спросил Бентли.—Разве что забуду сейчас больше, чем ты когда-либо знал».

3 [33]

Бентли, уверяет Вольф, и как литератор, и как человек большую часть своей жизни был не оценен и гоним, если же и удостаивался похвал, то неискренних.

3 [34]

Вольф считает вершиной всякого исторического исследования умение подняться до великого общего обозрения целого и глубокомысленно уловить различие между процессами в искусстве и разными стилями. Но Вольф признает, что более простого таланта—филологической критики—Винкельману не доставало, или же он не проявлялся по-настоящему: «редкая смесь: с одной стороны—холодность духа и мелочная беспокойная озабоченность сотней самих по себе маловажных вещей; с другой—пламя, все одушевляющее, пожирающее все единичное, и провидческий дар, сам по себе возмущающий непосвященного».

3 [35]

«Критика демонстрирует свои лучшие возможности зачастую именно там, где она аргументированно доказывает, какой ступени убежденности с обеих сторон

можно достигнуть и почему то или иное выражение, то или иное место неизлечимы. Нам кажется, что искусству врачей, с которыми иногда сравнивают себя критики, знакомы очень похожие триумфы».

3 [36]

При зачастую столь глубокой *неуверенности* во *вдохновении*, время от времени дает о себе знать болезненная *мания*, во что бы то ни стало *верить* и желать надежности: например, по отношению к Аристотелю или в обнаружении числовых закономерностей—у Лахманна это почти болезнь.

3.

3 [37]

Теперь уже больше не удивляет, что при таких учителях современное образование никуда не годится. Я никогда не упускаю случая дать описание этой необразованности. И именно в отношении вещей, где у античности *необходимо* было бы учиться, если на это вообще способны (например, в письме, речи и т. д.).

3 [38]

Наряду с большим количеством неспособных филологов имеется, напротив, некоторое число прирожденных филологов, которые в силу разных обстоятельств не смогли стать таковыми. Но наиглавнейшим препятствием, удерживающим этих прирожденных филологов в стороне, служит то скверное представление о филологии, которое создают филологи, не призванные быть ими.

3 [39]

Фальшивое восхищение античностью, в котором живут многие филологи. Пока мы молоды, античность наваливается на нас, собственно говоря, массой тривиальностей, особенно же мы уверены, что пребываем по ту сторону этики. А Гомер и Вальтер Скотт—кому достанется награда? Если только быть честным! Будь восхищение столь велико, вряд ли из него стали бы делать профессию. Я полагаю: лишь *позднее* начинает брезжить, что мы мо-

жем обрести у греков, лишь после того, как пришлось многое пережить, многое передумать.

3 [40]

Где обнаруживается влияние античности? Его нет даже в языке, нет в подражании чему-либо, нет даже в извращенности, какую выказали французы. Наши музеи переполнены; когда я вижу чистые обнаженные фигуры в греческом стиле, я неизменно испытываю отвращение — перед готовым поглотить всё бездумным филистерством.

3 [41]

В школьных программах наше время и вправду сравнивают со временем Перикла, поздравляют друг друга с пробуждением национального чувства, а мне приходит на ум пародия на надгробную речь Периклу, сочиненная Г. Фрайтагом, в которой этот рожденный в накрахмаленных штанах поэт описывает счастье, испытываемое ныне 60-летними мужами.

Сплошь *карикатура*! Вот это влияние! Тому, кто успел *насмотреться* такого, остаются глубокая грусть, язвительность и уединение.

3 [42]

Они разучились говорить с другими, и оттого что не могут говорить с пожилыми, не могут этого и с молодыми.

3 [43]

Они не испытывают подлинного наслаждения от сильных сторон античности. Они начинают произносить панегирики и оттого становятся смешны.

3 [44]

Вольф утверждает: «Из хорошо переваренной учености повсеместно получается лишь небольшое количество того, что годится для духовной пищи».

3 [45]

«Только навык писания на манер древних, только собственный продуктивный талант позволяет нам впол-

не понимать чужие произведения такого рода и видеть в них больше, нежели просто некие второстепенные добродетели».

3 [46]

Вольф обращает внимание на то, что античность знала только такие теории ораторского и поэтического искусства, которые облегчают создание произведений, *τέχναι*[1] и artes[2], то есть образуют настоящих ораторов и поэтов; «мы же, нынешние, скоро получим теории, по которым написать речь или стихотворение будет так же трудно, как вызвать грозу по правилам бронтологии».

3 [47]

«В конце концов подлинными совершенными знатоками становятся, по-видимому, лишь немногие, кто, имея талант художника от рождения и вооружась ученостью, используют наилучшие возможности для того, чтобы практически и теоретически овладеть необходимыми техническими знаниями». Вольф. Верно!

3 [48]

Древние, по словам *Гёте*—это «отчаяние спешащих следом».

Вольтер говорил: «Если бы почитатели Гомера были искренни, то признались бы, как часто их любимец заставляет их скучать».

4.

3 [49]

Когда я говорю, что in summa греки были все-таки *нравственнее* современных людей—что это значит? Ведь вся обнажающаяся в действии душа их показывает, что они не имели стыда, у них не было угрызений совести. Они были более открытыми, более страстными, какими бывают художники, им присуща своего рода детская наивность, и потому при всей скверне они несут в себе какую-

---

1 Искусство, наука, ремесло как сумма приемов (*греч.*).

2 Искусство, наука, ремесло как сумма приемов (*лат.*).

то чистоту, нечто близкое к святости. На удивление много индивидуальности, разве в этом не должна быть заложена некая высшая нравственность? Если представить себе их характер в медленном становлении, то что же это такое, из чего в конце концов рождается так много индивидуальности? Может быть, *тщеславие*, соревновательность? Возможно. Отсутствие интереса к конвенциональному.

3 [50]

Стоит поразмыслить над тем, насколько по-разному передаются наука и какая-либо особая одаренность в семье. Наследственная передача конкретной науки есть нечто крайне редкое. Разве сыновьям филологов легче стать филологами? Dubito[1]. Никакой аккумуляции филологических способностей, на подобие того, как было, скажем, с музыкальными способностями в семействе Бетховена, не происходит. Большинство начинают с нуля, и именно через посредство книг, а не путешествий и т. д. Пожалуй, еще через воспитание.

3 [51]

Тени Аида у Гомера — с какого рода существ они собственно списаны? Думаю, это портрет *филолога*; лучше быть поденщиком, чем столь безжизненным напоминанием о прошлом — великом и малом. (Много овец в жертву.)

3 [52]

Позиция филолога по отношению к античности — *извиняющая* или внушенная намерением обнаружить в античности то, что высоко ценится нашим временем. Правильной исходной точкой является прямо противоположная: смотреть на прошлое, исходя из понимания извращенного характера современности, — тогда многое, что так смущает в античности, предстанет как мудрая необходимость.

Надо ясно понять, что *мы* выглядим совершенно *нелепо*, когда принимаемся защищать и приукрашивать античность: мы-то что такое!

---

1 Сомневаюсь (*лат.*).

3 [53]

Для высших образов любой религии найдется аналог в том или ином состоянии души. Бог *Магомета*—одиночество пустыни, дальний рык льва, видение ужасного воина. Бог *христиан*—все, что воображают себе мужчины и женщины при слове «любовь». Бог *греков*—то, что видишь в прекрасном сновидении.

3 [54]

У кого нет чувства *символического*, нет и чувства античности: это впрямую относится к скучным филологам.

3 [55]

Дело *свободного человека*—жить самому по себе, а не применяясь к другим. Вот почему греки считали ремесло делом непристойным.

3 [56]

Немногого добьешься работоспособностью, если голова тупая. Филологи, набрасывающиеся на Гомера, никак не могут этого уразуметь. Античность говорит с нами, когда это ей интересно, а не когда—нам.

3 [57]

Джоана, превосходная дочь Бентли, как-то пожалела отца за то, что он так много времени и таланта потратил на критику чужих трудов, вместо того чтобы создавать собственные. «Бентли некоторое время молчал, словно обратясь в себя; наконец он ответил, что ее замечание совершенно справедливо; он и сам чувствует, что ему, возможно, следовало бы найти и другое применение своим природным способностям: между прочим, в свое время он сделал кое-что во славу Божию и для блага ближних (он имеет в виду свою Confutation of Atheism[1]); но потом его поманил к себе гений древних язычников, и *в отчаянии от бесплодных попыток подняться до их высоты каким-либо иным путем*, он встал на их плечи, дабы хоть таким способом смотреть через их головы».

---

1 Опровержение атеизма (*англ.*).

3 [58]

«Люди нового времени обязаны грекам в особенности тем, что у них, всегда ищущих полезного и лишь потом — прекрасного, всякое знание не стало вновь кастовым, что более высокая культура не была совершенно оттеснена на роль служанки цивилизации, что даже всевозможные занятия, которые, будучи своего рода роскошью, не могут рассчитывать на оплату, по крайней мере не запрещаются тому, кто отказывается от помощи государства.»

3 [59]

Замечательно суждение Вольфа о любителях филологических знаний: «Если оказывалось, что они от природы располагали задатками, родственными духу древних или обеспечивавшими восприимчивость, благодаря которой легко проникнуться чужим образом мыслей или жизненной ситуацией, то от такого, пускай половинчатого, знакомства с лучшими писателями они больше причащались бы богатству сильных характеров и великих образцов мысли и действия, чем большинство тех, кто всю жизнь предлагал им себя в переводчики».

5.

3 [60]

Как человек относится к своему призванию — скептически-меланхолично, — так и мы должны относиться к высшему призванию того или иного народа: дабы *понять*, что такое *жизнь*.

3 [61]

Мое утешение адресовано прежде всего угнетаемым одиночкам: пусть они обращаются со всяким большинством просто как со своими подсобными рабочими, и еще: пусть они обратят себе во благо все еще распространенный предрассудок о пользе классического образования; им нужно *много* рабочих. Но им потребуется безусловное *понимание собственных целей*.

3 [62]

Филология как наука об античности, конечно, не вечна, ее материал можно исчерпать. Неисчерпаемо всегда новое приспособление каждой эпохи к античности, оценка себя по ней. Если ставить перед филологом задачу посредством античности лучше понять *собственное* время, то тогда его задача вечна. – Вот в чем автономия филологии: *античность* всегда понимали только *исходя из современности*, а не следует ли теперь *современность* понимать *исходя из античности*? Точнее: античность понимали на основе жизненного опыта и на основе полученной таким образом античности *оценивали*, взвешивали жизненный опыт. Конечно, *переживание* делается тем самым безусловной предпосылкой для филолога – но это значит: сначала стань человеком, только затем можно стать продуктивным в качестве филолога. Из этого следует, что люди пожилые годятся в филологи в том случае, если они *не были* филологами в наиболее богатую переживаниями пору своей жизни.

Но в общем – только через познание современности можно обрести *тягу к классической* античности. Без такого познания – откуда взяться тяге? Когда видишь, как мало филологов, если исключить тех, кто живет за счет своей профессии, можешь судить, как в сущности обстоит дело с этой тягой к античности: ее *почти* что *нет*, ибо нет бескорыстных филологов.

Поэтому надо поставить *задачу*: обеспечить филологии всеобщее воспитующее влияние. Способ: ограничение филологического сословия; сомневаюсь, знакомить ли с ним молодежь. Критика филолога. Достоинство античности – оно опускается вместе с вами: как же глубоко вы должны были пасть, чтобы это достоинство стояло ныне так низко!

3 [63]

Большинство людей, по всей видимости, *вовсе не* считают себя *индивидами*; это показывает их жизнь. Христианскому требованию, чтобы *каждый* стремился к собственному спасению и *только* к нему, противостоит обычная человеческая жизнь, в которой каждый есть лишь точка наряду с другими точками, есть не только всецело

результат предыдущих поколений, но живет также обязательно принимая во внимание поколения грядущие. Только три формы существования дают человеку возможность остаться индивидуумом: если он философ, святой или художник. Вы только посмотрите, на что убивает свою жизнь человек науки: что общего между учением о частицах в греческом языке и смыслом жизни?

Таким образом, и здесь мы видим, что бесчисленное множество людей своей жизнью служат лишь подготовке подлинного человека: например, филологи — подготовке философа, который сумеет воспользоваться их муравьиным трудом, чтобы высказать суждения о *ценности жизни.* Впрочем, при отсутствии руководства *бо́льшая часть* этого муравьиного труда — просто бессмыслица и излишня.

3 [64]

Большинство людей оказались на этом свете явно *случайно:* в них не видно никакой необходимости высшего рода. Они занимаются кто чем, их дарования посредственны. Как странно! То, как они живут, показывает, что они не ставят себя ни во что, они махнули на себя рукой, предаваясь вздору (будь то пустые страстишки или мелочи профессии). В так называемом «деле жизни», которое каждый обязан выбрать, кроется трогательная *скромность:* тем самым люди будто говорят — мы призваны приносить пользу и служить себе подобным, так же и сосед, и сосед соседа; таким образом каждый служит другому, никто не призван быть на этом свете ради себя, но всегда — ради других; и вот перед нами черепаха, покоящаяся на другой, на которой еще одна, и так далее. Если каждый имеет свою цель в ком-то другом, то *ни у кого нет своей внутренней цели существования;* а это «существование друг для друга» — наикомичнейшая из комедий.

3 [65]

У греков менее всего можно найти наиудачнейшую и наиудобнейшую форму политико-социального устройства; это цель наших вожделений о собственном будущем. Ужасно! Ведь судить о ней надо, исходя из такого масштаба: чем больше духа, тем больше страдания (как доказы-

вают греки). Следовательно также: чем больше глупости, тем больше удобства. Удобнее всех—филистеру от образования, другого такого создания свет не видывал; должно быть, у него есть надлежащая толика глупости.

3 [66]

Вот ложная мысль: «всегда существовала каста, управлявшая образованием того или иного народа»,—следовательно, *ученые* необходимы. Но ведь ученые обладают только знанием об образовании (да и то лишь в лучшем случае). Наверное, и среди нас найдутся люди, образованные более среднего, но вряд ли это каста; их может быть *очень мало*.

3 [67]

Заниматься культурными эпохами прошлого из благодарности? Чтобы уяснить себе современное состояние культуры, оглянись назад: панегирик нашему времени после этого, разумеется, не произнесешь, разве что это придется сделать, дабы не быть чересчур уж *суровыми* к самим себе.

3 [68]

Моя цель—вызвать полную вражду между нашей нынешней «культурой» и античностью. Кто пожелает служить первой, должен *возненавидеть* последнюю.

3 [69]

Максимально старательно размышляя о прошлом, приходишь к выводу, что мы суть результат взаимного перемножения многого минувшего: как же нам тут быть последней целью? Впрочем, почему нет? Но по большей части мы вовсе и не хотим быть ею, норовим побыстрее стать в строй, кропаем что-то в своем уголке в надежде, что это не будет совершенно потеряно для грядущего. Но ведь это поистине бочка Данаид: это ничего не дает, мы должны снова начать всё делать для себя и только для себя, поверяя собой, например, ту же науку, задавшись вопросом: что такое эта наука *для нас*? А вовсе не: что такое мы для науки? Право же, слишком облегчает себе жизнь

тот, кто воспринимает себя просто исторически и как нечто служебное. «Твое собственное благо превыше всего», —вот что обязан сказать себе каждый: и не существует такой институции, которую тебе следовало бы почитать больше, чем собственную душу.

Но вот человек узнает самого себя: он находит себя жалким, презирает себя, радуется, находя вне себя что-либо достойное уважения. Так он и ставит на себе крест, включая себя во что-нибудь, строго исполняя свой долг и искупая собственное существование. Он знает, что работает не ради себя; ему хочется помогать тем, кто отваживаются существовать ради самих себя—как Сократ. Большинство людей висят в воздухе наподобие связки воздушных шариков, любой ветерок приводит их в движение. **Вывод**: *ученый должен быть таковым в результате познания себя, т.е. пренебрежения к себе: иначе говоря, он должен знать, что служит кому-то высшему в сравнении с ним, который явится после него. В противном случае он дурак.*

3 [70]

Принято считать, что филология закончилась,—я же думаю, что она еще не начиналась.

Величайшие события, оказавшие воздействие на филологию,—это появление Гёте, Шопенгауэра и Вагнера: они помогают бросить взор еще дальше. Теперь нам предстоит открыть V и VI столетия.

3 [71]

Вместо латинского я посоветовал бы обучать греческому стилю, особенно с помощью Демосфена: простота. Указать на Леопарди, который является, пожалуй, самым большим стилистом нашего столетия.

3 [72]

«Graiis—praeter laudem nullius avaris»[1],—говорит Гораций. Их главным занятием он называет nugari (ep. II 93)[2]—характерно для римлян.

---

1 Грекам, которые не жаждут ничего, кроме похвал (*лат.*).

2 Заниматься пустяками (Послания II 93) (*лат.*).

3 [73]

Вольф: «Во всех отношениях предрассудок думать, будто история всемирных распрей становится достовернее в той мере, в какой она ближе к нашим дням».

3 [74]

Главные тезисы в отношении будущего значения античности.

1) Никакого—для молодежи, ибо она являет человека, свободного от стыда.
2) Никакого—в смысле прямого подражания, но она учит, каким путем было достигнуто наивысшее развитие искусства.
3) Она доступна немногим и требует полиции нравов, как требуется такая полиция против никчемных пианистов, исполняющих Бетховена.
4) Эти немногие оценивают по античности нашу современность, становясь критиками последней, и оценивают античность по собственным идеалам, будучи таким образом критиками античности.
5) Изучить контраст между Эллинским и Римским, а также между древнеэллинским и позднеэллинским.—Просвещение относительно различных разновидностей культуры.

3 [75]

Когда-нибудь я скажу, сколько всего, во что я уже больше не верю, а также во что я верю.

Посреди огромного вихря сил стоит себе человек и воображает, будто этот вихрь разумен и имеет разумную цель. Какое заблуждение!

Единственное разумное, что нам известно—это крохи человеческого разума: ему приходится их сильно напрягать, и для него всегда погибельно, вздумай он предаться, скажем, «провидению».

Счастье обретается только в разуме, весь остальной мир безнадежен. Но высший разум я усматриваю в произведении художника, который может ощущать его, разум, как таковой; должно быть, существует нечто, что, будь

возможность произвести его сознательно, вызывало бы еще большее чувство разумности и счастья: например, бег планет солнечной системы, зачатие и формирование человека.

Счастье — в быстроте чувства и мысли: весь остальной мир медлителен, степенен и глуп. Тот, кто смог бы почувствовать бег солнечного луча, был бы очень счастлив, так как свет очень быстр.

Думать о себе — мало счастья: если же это приносит большое счастье, то дело в том, что в сущности думаешь не о себе, а о своем идеале. Он далек, и только проворный достигает его — и радуется.

Устроение большого центра людей для создания лучших людей — вот задача будущего. Отдельный человек должен быть приучен к требованиям такого рода, чтобы, утверждая себя самого, он утверждал волю этого центра — к примеру, в отношении выбора женщины для себя, способа воспитания им своего ребенка. До сих пор не был свободен ни один индивидуум или только единицы, которые тоже находились под влиянием таких представлений, но только дурных и противоречивых. Организация индивидуальных намерений.

3 [76]

Если смотреть на *греков* с точки зрения смысла и нравов *католического средневековья*, то греки, конечно же, предстанут в сиянии более высокой *гуманности*: ибо все, в чем их можно было бы упрекнуть, следовало бы в еще большей степени поставить в упрек самому средневековью. Поэтому почитание древних в эпоху Ренессанса было совершенно искренним и правильным. Кое в чем мы пошли еще дальше, и именно на основе того пробуждающегося луча света. Мы обогнали греков в *прояснении мира*, посредством естественной истории и истории человечества, и наши знания — много обширнее, наши суждения — взвешеннее и справедливее. Распространилась также более мягкая человечность — благодаря эпохе Просвещения, которая *ослабила* человека, но эта слабость, переходя в сферу морали, выглядит очень почтенно и к нашей чести. Ныне у человека очень много свободы, и это его дело,

что он ею так мало пользуется; фанатизм мнений весьма смягчился. То, что мы в конечном счете все же предпочли бы жить в наше, а не в какое-либо другое время, является по существу заслугой науки, и, несомненно, ни одно поколение не располагало такой суммой благородных радостей, как наше, — хотя наше поколение как раз и не имеет желудка и нёба, которые позволили бы ему испытать особенно большие радости.

Но вот при всей этой «свободе» хорошо живется лишь тому, кто готов только понимать, но не соучаствовать, — вот в чем загвоздка современности. Соучаствующие выглядят на редкость непривлекательно; сколь глупы они должны быть!

Тем самым возникает опасность, что знание отомстит нам за себя, как незнание отомстило нам за себя в средние века. Религии, верящие в богов, в провидение, разумные миропорядки, чудеса и таинства, ушли в прошлое; туда же ушли и некоторые разновидности святой жизни, аскезы, потому что мы с легкостью подозреваем в них то повреждение ума, то болезнь. Нет никакого сомнения, что противоположность чистой бестелесной души и плоти почти устранена. Найдется ли кто-нибудь, кто еще верит в бессмертие души! Все благословенное и роковое, что покоилось на определенных ошибочных физиологических допущениях, утратило силу, как только эти допущения были признаны заблуждением. То, что ныне складывается на основе научных допущений, допускает толкование и использование как в направлении филистерского идиотизма и даже бестиальности, так и толкование в направлении благодатного и одухотворяющего. По сравнению со всеми предыдущими эпохами наш фундамент нов, и потому от рода человеческого еще можно кое-чего ожидать. *Относительно культуры* это значит: до сих пор мы знали только *одну* ее совершенную форму — это культуру греческих полисов, покоившуюся на своем мифологическом и социальном фундаменте, и *одну* несовершенную, римскую, что-то вроде декорации жизни, заимствованной у греков. Ныне же все фундаменты — мифологические и политико-социальные — изменились; наша мнимая культура неустойчива, так как построена на не-

прочных, почти уже исчезнувших порядках и мнениях. Вполне постигнув греческую культуру, мы, таким образом, увидим, что она канула в прошлое. Так что при нашей ситуации в образовании и воспитании филолог является *великим скептиком*: это его миссия. Счастье, если он, подобно Вагнеру и Шопенгауэру, провидит многообещающие силы, в недрах которых зреет новая культура.

4. Весна 1875

4 [1]
Нужно:

Приобрести и выменять **книги**.
Историков, например, всего Ранке.
Географов, например атлас Пешеля.
Биографов, например, Кардануса.
Церковных авторов в переводе.
Библию в новом переводе.
Греко-римских классиков, например, Аристотеля.
Шопенгауэра.
Естественнонаучную библиотеку.

4 [2]

Делать выписки из: «Народонаселение Альп» Рютимайера в «Ежегоднике Швейцарского Альпийского клуба», издается с 1864.

Затем из: «От моря до Альп» Л. Рютимайера, Берн, 1854, книгоиздание Дальпша.

4 [3]
До осени 1876.

Лето 1875. «Филология».
Осень и вплоть до Рождества. Подготовительная работа к «Вагнеру».
Лето 1875. История литературы.
Зима 1875–76. Хоэфоры наряду с критикой и герменевтикой.
Лето 1876.———
Проработать брошюру Буркхардта.

4 [4]

Трудность становления художника.

1) Ненаивное в воспитании — ограниченное понятие о природе.

2) Во что включить себя художнику? Музыка — язык, который становится внятен только при полной враждебности ко всей прочей культуре. Беспокойство художника, занимающего должность.

3) Как ему защититься от неверного понимания? Когда он пишет, кто служит ему публикой?

4) Игру он принимает всерьез (Сервантес — рыцарские романы, В<агнер> — театр), кажется, что пафос растрачивается попусту, если равные не видят в нем призыва или символа.

5) Он более эмоционально привязан к существованию, нежели прочие люди.

6) Нынешний художник должен иметь умысел.

4 [5]

Школа для воспитателей

Где имеется
врач
естестоиспытатель
экономист
историк культуры
знаток церковной истории
знаток греков
знаток государства.

5. Весна–лето 1875

5 [1]

Пытаться начать с начала всегда значит обманываться: даже то, что побудило нас к этому якобы «началу», уже есть воздействие и результат предыдущего. А такой резкий и решительный обрыв будет признаком прежнего сильного и даже чрезмерного нажима. Радикализм наших мнений и нашей истины – это следствие радикализма наших заблуждений и ошибок. Великий закон превращения – вот причина любого так называемого «прогресса». Нравственная оценка в принципе должна была бы всегда оставаться одной и той же. Рассудка и опыта прибавляется, тогда как моральное качество всего лишь испытывает превращения. В конечном счете мы оцениваем то или иное учение по его *воздействию*, скажем, много ли народу оно убило или заморочило; это несправедливо.

5 [2]

Построение античности в текстах – вот пока еще совершенно нерешенная задача.

5 [3]

Эта вера в индивидуальность, если бы от нее можно было как-нибудь абстрагироваться! Как бы то ни было, надвигаются времена, когда человеческие мнения, вероятно, подвергнутся сильной унификации; тем самым индивиды станут более схожими, но и более отделенными друг от друга. И при почти полном отсутствии различий тем острее будет тогда проявляться враждебность.

5 [4]

Надо четко сопоставить, почему греки и филологи *обречены* плохо понимать другу друга: при этом дать также характеристику греков.

5 [5]

Все религии в конечном счете покоятся на определенных физических допущениях, которые даны *заранее* и приспосабливают религию к себе. Например, в христианстве — противопоставление души и тела, безусловная важность земли как «мира сего», чудеса в природе. Если же изначально возобладали противоположные воззрения, например, строгая закономерность в природе, беспомощность и ненужность всех богов, узкое представление о душе как телесном процессе — *то ничего не выходит.* Между тем *вся греческая античность покоится на таких воззрениях.*

5 [6]

При чтении Фукидида — приятное ощущение, будто поворачиваешь в замке ключ: поддается постепенно и с усилием, но планомерно приближая к цели.

Читая Аристотеля, видишь белые кости.

5 [7]

Тираны духа тоже почти всегда гибнут от рук убийц и оставляют скудное потомство.

5 [8]

Передача движения есть наследование: такие слова напрашиваются по поводу воздействия греков на филологов.

5 [9]

Как можно прославлять и превозносить целый народ! Все дело в отдельных людях, и у греков тоже.

5 [10]

У греков тоже очень много *карикатурного* — например, забота о личном счастье у киников.

5 [11]

Меня занимает исключительно отношение народа к воспитанию отдельного человека; и тут у греков, конечно, было кое-что весьма благопрятное для развития от-

дельного человека, но не по *доброте* народа, а в результате борьбы злых инстинктов.

Великую индивидуальность можно воспитать совсем иначе и успешнее с помощью удачных изобретений, чем она до сих пор воспитывалась благодаря случаю. Вот на что я надеюсь: взращивание значительных личностей.

5 [12]

До сих пор греческая история всегда писалась оптимистически.

5 [13]

Желание располагать в эстетике чем-то надежным привело к преклонению перед Аристотелем; я полагаю, со временем можно будет доказать, что он ничего не понимает в искусстве и что восхищает нас у него всего лишь отзвук умных разговоров афинян.

5 [14]

Греки интересны и безумно важны, потому что у них такая уйма великих отдельных личностей. Почему так вышло? Вот что надо уразуметь.

5 [15]

С исчезновением христианства стала непонятнее и немалая часть античности, в особенности – вся религиозная основа жизни. Уже поэтому подражание античности – это ложная тенденция; филологи, которые еще помышляют об этом – обманщики или обманутые. Мы живем в эпоху сосуществования разных воззрений на жизнь, поэтому-то наше время на редкость поучительно, поэтому оно такое больное, ибо страдает недугами всех направлений сразу. Человек будущего: европейский человек.

5 [16]

Знать историю означает в наши дни понимать, как удобно устроились все те, кто верят в провидение. Его не существует. Когда человеческие дела идут сумбурно и без всякого порядка, не следует думать, будто некое божество добивается этим какой-то цели или будто оно допускает

это. В общем мы можем говорить о том, что история христианства на Земле—это одна из ужаснейших частей истории и что потому она *должна* однажды закончиться. Разумеется, вместе с христианством в наше время проникла и античность; и когда оно исчезнет, еще более ослабнет понимание античности. Сейчас самое время признать это; мы уже не руководствуемся предрассудками в пользу христианства, но мы еще понимаем его, а в нем—также еще и античность, в той мере, в какой она находится на той же линии.

5 [17]

Закат филологов-поэтов во многом объясняется червоточиною в них самих; впоследствии эта порода произрастет снова, чему примером такие явления, как Гёте и Леопарди. Вслед за ними ниву перепахивают чистые филологи-ученые. Вся эта порода появляется вместе с софистикой второго века.

5 [18]

Исход античности ознаменован фигурами, пока еще совершенно нехристианскими, которые прекраснее, чище и гармоничнее, чем любая христианская; таков, например, Прокл. Мистика его синкретизма—это вещи, в которых именно христианство не вправе его упрекать. Так или иначе, мне бы хотелось жить вместе с *ними.* По сравнению с *ними* христианство представляется всего лишь крайним огрублением на потребу толпе и гнуси.

5 [19]

На античности опробовали себя все направления науки истории; единственно чего нет—это **критического** рассмотрения. Только не следует понимать под этим конъектурно- и литературно-историческую критику.

5 [20]

Безо всякого *стеснения вывести на свет неразумие в человеческих делах*—вот цель *наших собратьев и соратников.* Тогда можно будет разобраться, что в них фундаментально и не подлежит исправлению, а что еще можно исправить.

Но от какого бы то ни было «провидения» надо держаться подальше, ибо это понятие придумано для облегчения жизни. Это намерение мне хотелось бы вдохнуть в науку. Развивать *знание о человеке*! Доброе и разумное в человеке —случайны они или мнимы, или являются оборотной стороной чего-либо крайне неразумного. Настанет время, когда будет господствовать одна мысль—о воспитании.

5 [21]

Покорности перед *необходимостью* я не учу—ибо сперва еще надо познать ее в качестве необходимости. Возможно, существует множество необходимостей; но в целом это все равно диван для лежебок.

5 [22]

В *знамения* и *чудеса* не верят, только «промысел» требует чего-то подобного. Ни от молитвы, ни от аскезы, ни от видéний помощи быть не может. Если все это—религия, то для меня больше нет религии.

Моя религия, если мне будет позволено назвать еще что-либо этим словом, состоит в труде по производству гения; все, на что можно надеяться,—это воспитание, все, что способно дать утешение, зовется искусством. *Воспитание есть любовь к произведенному*, избыток любви, выходящий за пределы себялюбия. Религией является *«любовь, выходящая за наши пределы». Произведение искусства— отражение такой любви, и притом совершенное.*

5 [23]

Глупость воли—величайшая из мыслей Шопенгауэра, если оценивать мысли по их мощи. Посмотрите, как Гартман тотчас же опять маскирует эту мысль. Нечто глупое никто не станет называть богом.

5 [24]

Итак, новизна всего будущего мирового процесса в том, что над людьми больше нельзя *господствовать* с помощью религиозных представлений. Поведут ли они себя хуже? Не думаю, чтобы под бременем религий они вели себя хорошо и нравственно; я не сторонник Демофелеса.

Страх перед потусторонним, да и вообще религиозный страх божьей кары вряд ли сделали человека лучше.

5 [25]

Там, где является нечто великое и достаточно надолго, там обнаруживается, что предварительно потрудились над возделыванием, например, у греков. Каким образом так много людей достигали у них свободы?

Воспитывать воспитателей! Но последние должны воспитать самих себя! Для них-то я и пишу.

5 [26]

Отрицания жизни теперь уже не так-то легко добиться: можно быть отшельником или монахом — много ли в том отрицания! Теперь это понятие стало глубже, это прежде всего *познающее отрицание, отрицание, жаждущее быть справедливым, а не все скопом.*

Пожелай ныне кто-нибудь быть добрым и святым, ему пришлось бы труднее: чтобы быть добрым, он не смог бы уже быть столь *несправедливым к знанию*, как прежние святые. Это должен был бы быть знающий святой, соединяющий любовь и мудрость; а до веры в богов, или полубогов, или в провидение ему не было бы никакого дела, как индийским святым. Ему пришлось бы быть здоровым и поддерживать свое здоровье, иначе он непременно стал бы подозрителен к самому себе. И, возможно, он вовсе не был бы похож на святого-аскета, возможно, даже скорее на весельчака.

5 [27]

Все способы обращения с историей уже были испытаны на примере античности. Но прежде всего накоплен достаточный опыт, чтобы извлечь пользу из истории античности, — и при этом не погибнуть от нее.

5 [28]

Немецкая Реформация отдалила нас от античности: было ли это неизбежно? Она заново открыла старое противоречие «язычество — христианство»; в то же время она была протестом против *декоративной культуры* Возрожде-

ния; это была победа над той самой культурой, которая была побеждена в начале христианства.

5 [29]

В отношении «мирских вещей» христианство законсервировало самые грубые воззрения древних. Все более или менее благородное в браке, рабстве, государстве не относится к христианству. Ему *были нужны* уродливые черты мирского, дабы с их помощью утвердить *себя.*

5 [30]

Я мечтаю о товариществе людей, которые лишены условностей, беспощадны и сознательно именуют себя «разрушителями»: ко всему они прикладывают мерило своей критики, принося себя в жертву истине. Обнажить дурное и ложное! Мы не хотим преждевременно строить, мы не знаем, сможем ли мы когда-либо строить и не лучше ли вообще не строить. Пассивных пессимистов, разочарованных на свете хватает — мы не желаем принадлежать к их числу.

5 [31]

Удивительная вещь — видное положение филологов: целое сословие, которому доверено юношество и которое призвано изучать этакую особую античность. По всей видимости, это античности придается наибольшее значение. Но если вдруг такая оценка античности неверна, то разом исчезает всякая основа под привилегированным положением филологов. Между тем античность оценивали очень *по-разному*, и с этим всякий раз сообразовывалась оценка филологов. Это сословие черпало свою силу из стойких предрассудков в пользу античности. — Это надо описать. — Теперь оно чувствует, что если наконец-то эти предрассудки наткнутся на основательные возражения и если античность будет изображена чисто, то названный благоприятный для филологов предрассудок немедленно испарится. *Следовательно, именно сословный интерес мешает развиться более чистому пониманию античности: особенно же пониманию того, что античность самым принципиальным образом делает человека несвоевременным.*

Еще один сословный интерес филологов не позволяет развиться более высокому представлению о профессии учителя, нежели то, которому они сами могут соответствовать.

5 [32]

Надеюсь, есть люди, видящие проблему в том, что именно филологам поручено быть воспитателями благородного юношества. Возможно, так будет не всегда.

Вообще говоря, было бы гораздо естественнее обучать юношество основам географических, естественнонаучных, национально-экономических, общественных знаний, постепенно подводить его к наблюдению за жизнью и потом, в конце, представлять ему наиболее замечательные истории прошлого, так чтобы *сведения об античности* усваивались в числе последних. Какое *положение античности* в системе воспитания *более почетно* для нее самой — *это* или обычное? Сегодня она используется в качестве пропедевтики, для обучения думать, читать и писать. *Было время, когда она служила квинтэссенцией светского знания и когда, изучая ее, хотели достичь именно того, чего сейчас можно достичь благодаря наиновейшему учебному плану (который изменился именно в соответствии с современными знаниями).* Стало быть, полностью изменилась внутренняя направленность филологического учительства, когда-то оно обучало *материальному, ныне же — только формальному.*

5 [33]

Связь между *гуманизмом* и *религиозным рационализмом* хорошо показана у Кёхли как черта саксонская: тип такого филолога — Г. Херманн.

5 [34]

Правда ли, что филолог, используя античность для *формального образования*, сам *образован формально*?

Но что за противопоставление: формально, материально! Материал здесь — это знания, факты. Формален способ, как думают, говорят, пишут, — словом, *как* приобретают знания и распространяют их.

5 [35]

Будь задачей филолога *формальное воспитание*, он должен был бы учить ходить, танцевать, говорить, петь, вести себя, поддерживать беседу: примерно этому и учились у формальных воспитателей второго и третьего века. Но как только заходит речь о воспитании *научного человека*, тогда «формальное» начинает означать: думать и писать, а умение говорить уже не важно.

5 [36]

Избранные пункты античности, как то: власть, огонь, взлет в восприятии музыки (благодаря первой пифийской оде), чистота в восприятии истории и благодарность за благословенные дары культуры, праздники огня, праздники урожая. Облагорожение ревности, греки – самый ревнивый народ. Самоубийство, ненависть к старости, скажем – к бедности. Эмпедокл о половой любви.

5 [37]

Я *сокрушаюсь* о *воспитании*, которое не дает возможности понимать Вагнера, после которого Шопенгауер груб и неблагозвучен; такое воспитание напрасно.

5 [38]

Налицо давняя борьба немцев против античности, т. е. против древней культуры: несомненно, в этом протесте участвует самое лучшее, самое глубокое, что есть в немце. Но главное все-таки вот в чем: этот протест оправдан только тогда, когда направлен против романизированной культуры; но последняя есть мусор культуры более глубокой и более благородной. Против нее немецкий протест не оправдан.

5 [39]

В филологах я вижу *общество заговорщиков, намеревающихся воспитывать юношество на античной культуре*; я бы не удивился, если бы это общество и его планы подверглись всесторонней критике. Многое зависело бы от того, что эти самые филологи *понимают* под античной культурой. – Если бы я видел, например, что их воспитание на-

правлено против немецкой философии и музыки, я стал бы бороться с *ними* или даже с *античной культурой*—с первыми, вероятно, путем демонстрации того, что эти филологи не поняли античной культуры. Ну а вижу я: 1) постоянные изменения в оценках филологами античной культуры, 2) что-то глубоко неантичное в них самих, несвободное, 3) отсутствие ясности в том, *какую* именно античную культуру они имеют в виду, 4) много искаженного в средствах, например, ученость, 5) слияние с христианством.

5 [40]

Здоровое ловкое тело, чистота и глубина взгляда на самые близкие вещи, свободная мужественность, вера в хорошую расу и хорошее воспитание, воинская доблесть, ревнивое стремление *ἀριστεύειν*[1], приверженность искусствам, уважение к свободному досугу, чутье на свободных индивидов, на символическое.

5 [41]

Семинар о «системе культуры».

1. Наконец-то ясно понятая цель культуры.
2. История целей и сопутствующих им заблуждений.
3. Средства культуры.

5 [42]

Планы на жизнь.

Несвоевременные размышления. На тридцатые годы моей жизни.
Греки. На сороковые годы моей жизни.
Речи к человечеству. На пятидесятые годы моей жизни.

5 [43]

Если гимназия призвана воспитывать для науки, то сейчас говорят: больше не может быть никакой подготовки ни к какой науке—слишком уж обширны стали эти науки. Следовательно, надо давать общую подготовку, т. е. для всех наук, т. е. готовить к *научности*—и этому-то *служат* классические дисциплины! Поразительный скачок! Оправ-

---

1 Быть лучшим (*греч.*).

дание от совершенного отчаяния! Существующее следует утвердить в его правах, даже после того как стало очевидно, что прежняя правота, служившая основанием, превратилась в неправоту.

5 [44]

В отношении простоты античности дело обстоит так же, как с простотой стиля; это наивысшее, что может быть познано и чему нужно подражать, но и последнее. Надо учесть, что классическая проза греков—это тоже поздний результат.

5 [45]

Фундамент, на котором основана распространенная оценка античности, образуют предрассудки: если их устранить, то эта оценка может обернуться глубокой ненавистью. Разделяют ли сами филологи эти предрассудки? В таком случае они не знают античности. Если же не разделяют—что тогда сказать об их порядочности! Но где свидетельства того, что они их намеренно рассеивают?

5 [46]

Знают ли филологи современность? При их суждениях о ней как о Перикловой, бестолковости их оценок, когда ведется речь о конгениальном Гомеру духе Фрайтага и т. п., при их поспешании вослед литераторам. При их отказе от языческого начала, которое сам Гёте угадывал как античное в Винкельмане.

5 [47]

Наше *отношение к классической древности является по сути дела глубинной причиной непродуктивности современной культуры*—ведь все это современное понятие о культуре мы унаследовали от эллинизированных римлян. Мы должны *провести различие* в самой античности: изучая ее единственно продуктивную эпоху, мы одновременно *выносим приговор* всей александрийско-романской культуре. *Но тем самым мы одновременно выносим приговор и всему нашему отношению к античности и нашей филологии!*

5 [48]

Вот способ заниматься филологией, причем распространенный: ты безотчетно бросаешься в какую-либо область или тебя бросают, оттуда озираешься то направо, то налево, находишь кое-что хорошее и новое — но однажды наедине с собой все же говоришь себе: а какое, черт возьми, мне до всего этого дело? Тем временем подошла старость, ты во власти привычки, и все продолжается дальше — точно так же, как в браке.

5 [49]

Общую путеводную нить современная филология потеряла: тех, кто вел ее прежде, сейчас отрицают; но в целом все ее воздействие и оценка все еще покоятся на славе тех прежних вождей, например, славе гуманистов.

5 [50]

Есть вещи, относительно которых опыт античности поучителен, но о которых мне было бы нелегко высказываться публично.

5 [51]

Почти забавно наблюдать, как почти все науки и искусства последнего времени снова произрастают из семени, занесенного из античности, и как христианство выступает здесь только в роли жестокой морозной долгой ночи, внушающей мысль, что с разумом и честью человека покончено навсегда. Борьба с естественным человеком породила неестественного человека.

5 [52]

В том, как молодых людей знакомят с древними, есть что-то непочтительное, хуже того — непедагогичное; в самом деле, к чему знакомиться с вещами, к которым юноше невозможно проникнуться сознательным уважением! Возможно, предполагается, что он обучится *верить* — почему-то я этого и не хочу.

5 [53]

Тем, кто говорит: «В качестве объекта чистой науки античность все равно останется, пусть даже вся ее воспи-

тательность будет отвергнута», – нужно ответить: что здесь считать чистой наукой! Нужно *выносить суждение* о деяниях и свойствах, и судящий должен стоять над ними; так что вам следовало бы сначала озаботиться тем, чтобы *преодолеть античность*. Пока вы этого не сделаете, ваша наука не чистая, а нечистая и ограниченная – что как раз и чувствуется.

5 [54]

Как обстоит дело с филологами, показывает их равнодушие к Вагнеру. Они могли бы научиться у него еще большему, чем у Гёте, – а они и ухом не ведут. Отсюда видно, что ими не руководит какая-либо сильная потребность, иначе они чувствовали бы, где для них есть чем поживиться.

5 [55]

План 1-й главы.

Положение *филологии* – до сего дня наиболее благоприятное из всех наук: наибольшая по численности, в течение веков пестуемая у всех народов, прибежище благородного юношества – и тем самым прекраснейший повод продлить свое существование и пробуждать *уважение* к себе. Откуда у нее взялось столько власти?

Перечисление различных предрассудков в ее пользу.

Что же, если эти предрассудки будут распознаны? Останется ли еще филология, если будет исключен сословный интерес, заработок? Если будет сказана правда об античности и ее пригодности для воспитания в современном мире?

Гл. 2.

Чтобы ответить на это, надо рассмотреть воспитание филологов, его генезис: он вообще больше не возникнет, если устранится указанный интерес.

Гл. 3.

Если бы у нашего общества открылись глаза на то, насколько античность в сущности несвоевременная вещь, не соответствующая современности, филологов больше не назначали бы воспитателями.

Гл. 4.

Только союз между филологами, которые не *хотят* или не *могут* понять античность, и общественным мнением, которое руководствуется относительно нее предрассудками, все еще придает филологии сил.

Гл. 5.

Филолог будущего как скептик в отношении всей нашей культуры и потому одновременно разрушитель сословия филологов.

5 [56]

Сохранилась бы филология как наука, если бы ее служители не были воспитателями, да еще платными? В Италии такие существовали. Кому бы пришло в голову поставить немца рядом со, скажем, Леопарди?

5 [57]

Воздействие на нефилологов равно нулю. Если бы они повели себя императивно и позволили бы себе отрицание, о, как бы их возненавидели! Но они уклончивы.

Действительные греки и их выхолащивание филологами.

5 [58]

До сих пор вся история писались под углом зрения успеха, причем предполагалась разумность успеха. Греческая история тоже: у нас пока что нет никакой. Но так обстоит дело повсеместно: где те историки, которые смотрят на вещи, не находясь во власти общепринятого вздора? Я знаю только одного — Буркхардта. Повсюду необъятный оптимизм в науке. Вопрос: «Что было бы, если бы не случилось того-то и того-то», — почти единодушно не принимается во внимание, а между тем это тот самый кардинальный вопрос, из-за которого все оказывается заслуживающим иронии. Стоит лишь взглянуть на собственную жизнь. Если искать в истории какой-то план, то его надо искать в устремлениях того или иного великого человека, возможно — того или иного знатного семейства, той или иной партии. Все остальное — неразбериха.

И в естественных науках – тоже это обожествление *необходимого.*

Германия стала инкубатором исторического оптимизма: должно быть, в том есть и вина Гегеля. А ведь нет ничего, в чем бы немецкая культура оказала более роковое воздействие. Все угнетенное успехом постепенно выпрямляется; история имеет вид насмешки победителей; подхалимство в мыслях и преклонение перед фактом – теперь это называют «чувством государственности»: как будто его следует еще и насаждать! Кто не видит, насколько жестока и бессмысленна история, тот никогда не поймет и порыва придать истории смысл. Посмотрите, как редко встречается такое пытливое осмысленное отношение к собственной жизни, какое было у Гёте, – что же разумного может выйти из всех этих зашоренных и слепых существований, хаотически то способствующих, то мешающих друг другу.

Особенно наивно выглядит, когда Хелльвальд, автор одной из историй культуры, отклоняет все «идеалы», потому что история всегда устраняла их один за другим.

5 [59]

Греки и филологи.

Греки поклоняются красоте	Филологи – болтуны и шалопаи.
они развивают тело	отвратительное гетто.
они хорошо говорят	заики.
религиозные прояснители обыденного	мерзкие педанты.
слушатели и созерцатели	буквоеды и ночные совы.
за символическое	неспособность к символике
свободная мужественность	усердные рабы государства
чистый взгляд на мир	замороченные христиане
пессимисты мысли	филистеры

5 [60]

Это правда, что гуманизм и Просвещение использовали античность как союзника: поэтому естественно, что противники гуманизма враждебны античности. Вот толь-

ко античность у гуманистов была плохо понятой и совершенно искаженной; при более ясном взгляде она есть как раз довод гуманизма, против изначальной доброты человеческой природы и т. д. Борцы против гуманизма заблуждаются, если вступают заодно и в борьбу с античностью: в ней они имеют сильного союзника.

5 [61]

Религии я расцениваю как *наркоз*; но если его дают таким народам, как германцы, он превращается в чистый *яд*.

5 [62]

Какое состояние служило для греков прообразом их жизни в Аиде? Бескровное, сновидное, слабое—всё это усугубление *старости*, когда память вовсю убывает и еще скорее ослабевает тело. Старость старости—такова наша жизнь в глазах эллинов.

5 [63]

Насколько *реалистичны* были греки даже в своих чистых фантазиях, насколько их вымысел был продолжением действительности, насколько их не влекло покинуть ее.

5 [64]

Воспитание есть в первую очередь учение о *необходимом*, а затем—о *сменяющемся* и *изменчивом*. Юношу ведут на природу, демонстрируя повсеместное господство законов; затем—законы гражданского общества, здесь уже шевелится вопрос: а *должно ли* это быть таким? Постепенно ему становится нужна история, дабы узнать, почему так получилось. Но тут-то он узнает, что может быть и иначе. Насколько велика власть человека над вещами? Вот вопрос, сопровождающий всякое воспитание. Чтобы показать, насколько все может быть иначе, пусть ему покажут, например, греков. Римляне нужны для того, чтобы показать, как это так *получилось*.

5 [65]

Греки как единственный *гениальный* народ в мировой истории; даже учась, они таковы, они умеют это луч-

ше всех и способны сделать из заимствованного не просто нарядное украшение, в отличие от римлян.

Полисное устройство — это финикийское изобретение: даже здесь эллины не оригинальны. Долгое время они, как радостные дилетанты, учились всему, что только видели вокруг; ведь и Афродита — финикийка. Они также вовсе не отвергают пришлое и неисконное.

5 [66]

Египтяне *куда более литературный* народ, чем греки. Это — против Вольфа.

5 [67]

Первый сноп в Элевсине, первая гроздь в Фивах, первая маслина, фиговое дерево.

5 [68]

Египтяне в существенной мере утратили свой миф.

5 [69]

Явления богов *во плоти*, как у Сапфо, призывающей Афродиту, *не* следует понимать как поэтическую вольность, это нередко были галлюцинации. Многое, в том числе и *желание умереть*, мы воспринимаем плоско, как риторику.

5 [70]

Греки — *гений* среди народов.

Детская натура. Легковерны.

Страстны. Неосознанно они живут ради порождения гения. Враги робости и косности. Боль. Неразумные поступки. Их своеобразное интуитивное понимание беды при золотом гениально-радостном темпераменте. Глубина в постижении и прославлении того, что близко (огонь, земледелие). Лживы. Неисторичны. Инстинктивно поняли культурное значение полиса; центр и периферия благоприятны для великого человека. (Обозримость городской общины, возможность говорить с ней как с целым.) Индивид достигает наивысшей силы благодаря полису. Зависть, ревность — как у гениальных людей.

5 [71]

Отдых спартанцев состоял в праздниках, охоте и войне: их повседневная жизнь была слишком суровой. В целом их государство все-таки—карикатура полиса и погибель для Эллады. Вырастить совершенного спартанца—но что в нем такого великого, чтобы его выращивание требовало столь брутального государства!

5 [72]

Греческая культура основана на повелевающем отношении одного немногочисленного класса к 4–5-кратному числу несвободных. По *массе* Греция представляла собой страну, населенную варварами. И как только можно считать древних *гуманными*! Противоположность гения и поденщика, наполовину тяглового и вьючного животного. Греки верили в различие рас: Шопенгауэр удивляется, что природа не соблаговолила вывести два различных вида.

5 [73]

К греку варвар относится так же, как «к свободно передвигающемуся или даже крылатому животному относится прилепленный к своим скалам моллюск, вынужденный ожидать, что ему уготовил случай». Шопенгауэровский образ.

5 [74]

«В единичном постоянно видеть всеобщее—именно в этом отличительная черта гения»,—Шопенгауэр. Стоит вспомнить Пиндара, *Προμηθεῖα*[1] и т. д. «Осознанность», по Шопенгауэру, коренится прежде всего в той *отчетливости*, с какой греки воспринимают мир и самих себя и благодаря этому приходят к осознанию.

5 [75]

«Далеко разошедшиеся друг от друга воля и интеллект» характеризуют гениев—и греков.

---

1 Прометея (*греч.*).

5 [76]

«Сопровождающая гения *меланхолия* происходит оттого, что *чем яснее интеллект освещает волю к жизни*, тем отчетливее та *убеждается в бедственности своего состояния*». Шопенгауэр. Ср. греков!

5 [77]

Как выделяются римляне с их сухой серьезностью на фоне гениальных греков! Шопенгауэр: «Твердая практичная серьезность, с какой римляне относились к жизни и которую называли gravitas, предполагает, что интеллект *не* отвлекается от служения воле и не блуждает в поисках того, до чего ей нет дела».

5 [78]

Умеренность греков в своих чувственных радостях, в еде и питье и их удовольствие от этого: олимпийские игры и их обоготворение—вот что показывает, чем они были.

5 [79]

У гения «интеллект обнаружит ошибки, которые обычно не заставляют себя ждать при пользовании любым инструментом, если он употреблен не на то, для чего предназначен». «Он зачастую очень некстати бросает волю на произвол судьбы: потому гений в большей или меньшей степени не пригоден для жизни, временами даже напоминая своим поведением безумца.»

5 [80]

«Когда чрезвычайно развившаяся познавательная способность вдруг со всей своей энергией направляется на обстоятельства и несчастия воли—туда, где все слишком живо, все краски слишком пестры, свет слишком ярок, все чудовищно преувеличено,—тогда индивидуум впадает в сплошные крайности.»

5 [81]

Грекам не хватает трезвости. Чрезмерная чувствительность, сверх всякой нормы обостренная жизнь нервов и мозга, порывистость и страстность желания.

5 [82]

Наисчастливейший жребий, который может только выпасть гению, – это несвязанность ничем и свободный досуг: греки умели это ценить. Благословение труда! Nugari[1] – называли римляне все эти заветные устремления эллинов.

Никакой благополучной биографии, противоречие и борьба с собственной эпохой. Таковы греки. Инстинктивно они старались построить себе надежное обиталище (в полисе). В конечном итоге все рухнуло из-за политики. Они были вынуждены сопротивляться напору извне: это становилось все труднее, в конце концов стало невозможным.

5 [83]

Слегка перефразируя Бэкона Веруламского, можно сказать: infimarum Graecorum virtutum, apud philologos, laus est, mediarum admiratio, supremarum sensus nullus[2].

5 [84]

Детский характер греков почувствовали египтяне.

5 [85]

Возведение современного в безмерное и вечное – например, у Пиндара.

5 [86]

Нематематическое колебание колонны в Пестуме, к примеру, – это аналог модификации темпа: оживление вместо машинообразной подвижности.

5 [87]

Дело любого воспитания – преобразовать сознательную деятельность в более или менее бессознательную: и в этом смысле история человечества есть его воспитание. Так филолог делает массу вещей бессознательно: когда-

---

1 См. сноску к 3 [72].

2 Наименьшие достоинства греков филологи хвалят, средними восхищаются, высших не замечают (*лат.*).

нибудь я займусь тем, насколько его сила, т. е. его инстинктивные действия, являются результатом некогда сознательной деятельности, которую он как таковую постепенно почти перестал ощущать. А ведь *то его сознание состояло из предрассудков. Его нынешняя* сила основана *на тех предрассудках*, например, — на высокой оценке ratio, как у Бентли, Германа. Предрассудки, по словам Лихтенберга, — это *искусственные инстинкты человека.*

5 [88]

От занятий древними ожидают *навыков*: раньше, к примеру, умения писать и говорить. Но каких ждут сейчас! — умения думать и делать выводы. Но этому научаются не *от* древних, а в лучшем случае *на* их примере, посредством науки. К тому же все исторические выводы очень условны и ненадежны: следовало бы предпочесть естественнонаучные.

5 [89]

Прокл, торжественно молящийся восходящей луне.

5 [90]

Наследственная дрессировка нынешних филологов: обнаружилась некая бесплодность основополагающих взглядов, ибо они двигают вперед науку, но не филологов.

5 [91]

Политическое поражение Греции — величайшая неудача культуры: ведь оно привело к возникновению омерзительной теории, будто культуру можно развивать, только вооружившись до зубов и натянув рукавицы. Появление христианства стало второй великой неудачей: грубая сила там, косность интеллекта здесь победили народ, который является аристократическим гением среди других народов. Быть филэллином значит быть врагом грубой силы и косного ума. Спарта была порчей для Эллады в той мере, в какой она заставила Афины стать на путь государственного федерализма и целиком посвятить себя политике.

5 [92]

В общем и целом *рост военной силы человечества* очевиден. Победа *более сильной* нации: постепенно это стало мерилом не только телесного, но, в еще большей степени, *духовного превосходства.*

5 [93]

В *Сократе* как бы открыто предъявляется нам *процесс сознания*, из которого впоследствии возникли *инстинкты теоретического человека.* Что некто готов-де скорее умереть, чем стать старым и едва смыслящим.

5 [94]

В лице христианства достигла преобладания религия, соответствовавшая догреческому состоянию человека: вера в повсеместные чудеса, кровавая жертва, суеверный страх перед наказанием на каком-то демоническом суде, отсутствие веры в себя, экстатическое мечтание и галлюцинирование, человек сам себе стал местом сборища добрых и злых духов и их борьбы.

5 [95]

Было бы гораздо удачнее, если бы греков подчинили себе *персы*, а не *римляне.*

5 [96]

Великолепное чувство порядка и *структуры* сделало государство афинян бессмертным.—Десять стратегов на одни Афины! с ума сойти! вот уж чрезмерная жертва на алтарь ревностности.

5 [97]

Устав общества несвоевременных.

Каждый обязан каждые три месяца присылать письменный отчет о своей деятельности.

О. Р. Г. Б. Н.[1]

---

1 Возможно, начальные буквы фамилий: Овербек, Роде, Герсдорф, Баумгартнер, Ницше. (*прим. Дж. Колли и М. Монтинари*).

5 [98]

К Введению для полного издания «Несвоевременных».

Описать возникновение: мое отчаяние от Байройта, я более не нахожу ничего, что не было бы преисполнено вины, при более глубоком размышлении я делаю открытие, что наткнулся на фундаментальнейшую проблему всех культур. Временами у меня пропадает всякое желание жить дальше. Но потом я снова говорю себе: если уж надо когда-либо жить, то сейчас. — Штрауса я, собственно, считал для себя слишком ничтожным: бороться с ним мне не хотелось. Несколько слов Вагнера в Страсбурге.

5 [99]

Если бы римляне пренебрегли греческой культурой, она, вероятно, погибла бы совершенно. Отчего было бы ей снова просыпаться? Христианство, римляне, варвары — это был бы штурм. Снесло бы полностью. Мы видим опасность, сопровождающую жизнь гения. Уже потому Цицерон — один из величайших благодетелей человечества.

Для гения не существует провидения — только для обычных людей толпы и их нужд: получив удовлетворение, они находят потом и оправдание ему.

5 [100]

Из взаимной смертельной вражды вырастает греческий *πόλισ* и *αἰὲν ἀριστεύειν*[1]. Эллинство и филантропия — противоположности, хотя древние изрядно льстили себе.

5 [101]

Гомер — панэллинский грек в мире эллинских раздоров.

Соревнование греков проявляется и на пиру, в форме остроумной беседы.

5 [102]

Гений налагает дань на всех полуодаренных: так персы сами отправляли свои посольства к греческим оракулам.

---

1 Всегда быть лучшим (*греч.*).

5 [103]

Для греческого политеизма требуется немало духа; иметь только одного <бога> в смысле духа конечно экономнее.

5 [104]

Мораль основывается не на религии, а на *πολισ*'е.

Существовали только жрецы отдельных богов, не было представителей религии в целом: т. е. не было сословия. Равным образом — никаких свидетельств святости.

5 [105]

«Легкоживущие боги» — наивысшая из прикрас, выпадавших на долю мира; с чувством того, как тяжело живется.

5 [106]

Много ли было *талантливых филологов*? Сомневаюсь; ибо разум слишком медленно прокладывает себе путь у них (считают рукописи и т. д.). Филология слова и предметная филология — глупый спор! — а потом преувеличенная оценка кого-нибудь смышленого из своих!

5 [107]

Гуманистичное насаждено мощной рукой Карла Великого, тогда как языческое он подавлял самым жестоким образом. Античную мифологию распространяли, с немецкой обходились, как с преступлением. Думаю, что дело здесь было в ощущении, будто христианство уже покончило с античной религией: ее не боялись, а построенную на ней античную культуру использовали. Немецких богов боялись.

Здесь должно было насаждаться *внешнее* восприятие античности, в которой ценили только ее формальные навыки и знания. Следует назвать мощные силы, которые мешали более глубокому пониманию античности. Прежде всего 1) древнюю культуру использовали как *приманку для принятия христианства*: она была как бы авансом за христианизацию, подслащением для тех, кто выпивал этот яд. Далее, к помощи античной культуры прибегали 2) как к *оружию* для идейной защиты христианства. Даже

Реформация не смогла в этом смысле обойтись без занятий античностью. Возрождение, напротив, начинает заниматься изучением античности в *более чистом*, но тоже полностью антихристианском значении; оно свидетельствует о пробуждении *добросовестности* на Юге, как Реформация — на Севере. Правда, друг друга они, конечно, на дух не выносили, поскольку настоящая склонность к античности делает нехристианином. В общем церкви *удалось* придать занятиям античностью *безвредный* поворот: *был изобретен филолог* — ученый, который в остальном выступает как священник или кто-то в этом роде; и даже в пределах Реформации ученого тоже удалось кастрировать. Вот чем замечателен Фридрих Август Вольф: он *освободил* сословие от опеки теологии; но его дело не было понято в полной мере, ибо наступательный активный элемент, присущий поэтам-филологам Возрождения, так и не развился. Освобождение пошло на пользу науке, но не человеку.

5 [108]

Ненародность новой культуры Ренессанса! Факт страшный!

5 [109]

Значит ли еще что-нибудь античность *сегодня*, перед лицом современного искусства, науки, философии? Она больше не сокровищница всех знаний: в познании природы и истории ее превзошли. Церковный гнет сломлен. Сегодня стало возможным *более чистое* понимание античности, но может быть в то же время и *менее действенное*, более слабое? — Это верно, если под воздействием понимать только *массовое воздействие*, но в деле создания величайших умов античность сильна *как никогда*. Гёте как *немецкий поэт-филолог*, Вагнер как еще более высокая ступень: ясное вúдение единственно достойного положения для искусства. Никогда ни одно античное произведение не оказывало столь мощного воздействия, как «Орестея» на Вагнера. *Объективно-кастрированный филолог*, который в остальном представляет собой филистера от образования и борца за культуру и при том занимается чистой наукой, — это, конечно, печальное зрелище.

5 [110]

Бентли был в то же время и defensor fidei[1]; а Скалигер был врагом иезуитов, и ему очень доставалось.

5 [111]

Между *нашим* наиболее высоким искусством и философией и между *по-настоящему* понятой **древней** античностью нет никакого противоречия: они подпирают и поддерживают друг друга. Вот на что мои надежды.

5 [112]

Есть области, где вмешательство ratio непременно оборачивается бесчинством, и потому филолог, у которого нет ничего, кроме ratio, теряется и в принципе не может увидеть истину — например, при рассмотрении греческой мифологии. Разумеется, и фантасту тут делать нечего: тут надо иметь греческую фантазию и кое-что от греческого благочестия. Даже поэту необязательно быть внутренне последовательным: и вообще последовательность — это последнее, с чем согласились бы греки.

5 [113]

Почти все греческие боги — сборные, один слой над другим, то сросшиеся, то кое как слепленные. Распутать все это средствами науки, мне кажется, вряд ли возможно, ибо для этого не найдется удовлетворительного метода: скромное суждение по аналогии здесь уже — очень хорошее суждение.

5 [114]

Насколько далеким нужно быть от греков, чтобы приписывать им такую тупую автохтонность, как это делает О. Мюллер! Насколько христианским, чтобы вслед за Велькером считать греков изначальными монотеистами! Как бьются филологи над вопросом, писал ли Гомер, не понимая много более важного: что греческое искусство испытывало давнюю внутреннюю враждебность к письменности и не желало быть читаемым.

---

1 Защитник веры (*лат.*).

5 [115]

Греков страшно мучило желание выдумывать. Даже в повседневном быту им было трудно удержаться от «мифического», от вранья. Как это весь народ-поэт одержим такой страстью ко лжи, притом невинной? Соседние народы, должно быть, находили это безнадежным.

5 [116]

Жить на горах, много путешествовать, быстро сниматься с места, — во всем этом мы уже сегодня можем сравниться с греческими богами. Мы тоже знаем прошедшее и почти что — будущее. Что сказал бы грек, увидев нас?

5 [117]

Боги делают человека еще *злее*; такова человеческая природа. Если мы кого-то не любим, мы хотим, чтобы он стал хуже и потом радуемся. Это входит в состав мрачной философии ненависти, которая пока еще не написана, потому что везде она — всеми ощущаемый pudendum[1].

5 [118]

Панэллину Гомеру приятно отмечать легкомысленность богов; удивительно, однако, как он умеет снова придать им достоинство. Впрочем, эта невероятная способность воспарять — греческая черта.

5 [119]

Фукидид о государстве.

Тиранический элемент подрастал в каждом аристократе: это выдают молитвы (Ксенофон, Сократ). Они взаимно сдерживали друг друга, а народ, со своей стороны, сдерживал их всех, насколько это удавалось.

5 [120]

Откуда происходит *зависть богов*? Никто не верит в спокойное тихое счастье, а только в высокомерное. Должно быть, у греков было плохо на душе, слишком легко ранимой она была: ее огорчало лицезрение счастли-

---

1 Предмет стыда (*лат.*).

вых. Это *по-гречески*. Там, где появлялся выдающийся талант, вероятно, собиралась огромная толпа ревнивцев; если его постигало несчастье, то говорили: «Ага! Этот тоже был слишком высокомерен». И каждый вел бы себя так же высокомерно, имей он талант, и каждый с удовольствием чуть-чуть играл бы в бога, насылающего несчастье.

5 [121]

Греческие боги не требовали, чтобы человек менял образ мыслей, и вообще они не были так навязчивы и обременительны: вот почему можно было принимать их всерьез и верить в них. Кстати, ко временам Гомера греческий нрав уже сложился: легкомысленность образов и фантазий необходима, чтобы как-то унять чрезмерно страстный характер, освободить его. Стоит заговорить в них рассудку—о, какой горькой и жестокой предстает жизнь! Они не обманываются. Зато они разворачивают вокруг жизни игру лжи: Симонид советовал воспринимать жизнь как игру: серьезность была им слишком хорошо известна как боль. Бедствия человека—наслаждение для богов, если воспеть для них это. Греки знали, что только благодаря искусству даже беду можно превратить в наслаждение: vide tragoediam[1].

5 [122]

Народ научный в собственном смысле слова, народ литературы—это египтяне, а не греки. То, что у греков выглядит как наука, происходит отсюда и впоследствии в Египет же и возвращается, чтобы снова слиться со старым потоком. Александрийская культура—это сплав эллинского и египетского. И если новый мир соприкасается с культурой древних, то он———

5 [123]

Ясновидец должен быть преисполнен любви, иначе люди не будут ему доверять: ср. Кассандру.

1 Смотри трагедию (*лат.*).

5 [124]

Классическая филология—очаг самого плоского просвещения: будучи постоянно используема недобросовестно, она со временем утратила всякое воздействие. Ее воздействие—еще одна иллюзия современного человека. Собственно говоря, речь идет всего лишь о сословии воспитателей, состоящем не из попов: здесь в деле заинтересовано государство.

Ее полезность полностью исчерпана, тогда как, к примеру, история христианства еще показывает свою силу.

5 [125]

Из речей о филологии, если их произносят филологи, ничего узнать невозможно, это чистейшей воды болтовня—например, Ян («Значение и место изучения античности в Германии»). Абсолютно никакого чувства, что надо оборонять, что защищать: так говорят люди, которые еще ни разу не задумывались над тем, что могут подвергнуться нападению.

5 [126]

Совсем неправда, будто греки устремляли свои взоры только на эту жизнь. Они тоже страдали от страха смерти и ада. Но никакого раскаяния и сокрушения.

5 [127]

«Злодейское взаимное истребление (неизбежное, пока сохранял жизнеспособность хотя бы один-единственный *πόλισ*), их зависть ко всему более высокому, их алчность, расшатанность нравов, рабское положение женщины, беззастенчивость в нарушении клятв, в убийстве.» Б<уркхардт>.

5 [128]

Невероятная сила самопреодоления—например, в гражданине, в Сократе, который был способен на любой дурной поступок.

5 [129]

В среднем эллине мы встречаем свойства гениального без гениальности — в принципе все наиболее опасные свойства души и характера.

5 [130]

«Терпеливец» — это по-эллински. Прометей, Геракл.

Миф о героях стал *панэллинским*; конечно, для этого еще нужен был поэт.

5 [131]

Вагнер формирует внутреннюю фантазию человека; последующие поколения станут свидетелями скульптурных форм. Поэзия обязана идти впереди изобразительного искусства.

5 [132]

«Классическое образование»! Что в нем находят! Вещь ни на что не годная, кроме докторской степени да освобождения от тягот военной службы!

5 [133]

Почувствовать сословие филологов как проблему.

5 [134]

Вагнер слишком высоко чтит свое искусство, чтобы забиваться в угол, как Шуман. Он либо подчиняется публике («Риенци»), либо подчиняет ее. Он выращивает ее до себя. Ничтожествам тоже желательно иметь публику, но они ищут ее не средствами искусства — скажем, через прессу, Ганслик и т. п.

5 [135]

Филологи, говоря о своей науке, никогда не добираются до *корней*, они никогда не представляют филологию как проблему. Дурная совесть? Или бездумность?

5 [136]

«Просвещение» и александрийское образование — вот чего (в лучшем случае!) хотят филологи. Не эллинства.

5 [137]

Последовательность, которую ценят в ученом, по отношению к грекам становится педантичностью.

5 [138]

Классическое образование! Да если бы на свете было по меньшей мере хоть столько же язычества, сколько нашел и восславил его Гёте в Винкельмане,—а там его было не так уж много. Но тут ведь все изолгавшееся христианство нашего времени в качестве приложения или даже в самой сердцевине—для меня это слишком, и когда-нибудь мне придется открыть спасительный клапан и дать волю своему отвращению. В отношении этого «классического образования»—форменная вера в колдовство; но, конечно же, именно у тех, кто больше других владеет античностью—филологов,—и следует больше всего искать этого образования. Но *что* в них классического!

5 [139]

Раньше свои искушения и страсти приписывали дьяволу или злым духам: сейчас это считается небылицами. В таком случае небылицей является и то, что нашими добрыми побуждениями и успехами мы обязаны какому-то богу. И то, и другое придумано для облегчения, так было удобнее. Надо доказать, как *религия* в самую первую очередь заботится об *удобстве*: в малом и в большом—отговорки и увертки.

5 [140]

Пятилетнее молчание. Ученики, наставник, воспитатель.

5 [141]

Что такое дарование? Высокая цель и средства желать ее.

5 [142]

Филологи—это такие люди, которые используют живущее в современном человеке глухое чувство собственной недостаточности, чтобы зарабатывать на нем деньги и пропитание.

Я знаю их, я сам из их числа.

5 [143]

Немецкие ученые и так называемые мыслители, далекие от реальной истории, сделали историю своей темой и, будучи прирожденными теологами, попытались доказать ее разумность. Боюсь, придет время, которое признает этот немецкий вклад в европейскую культуру самым скверным приданым: их история — ненастоящая!

5 [144]

Преподавая греков нашему юношеству, мы обходимся с ним так, будто оно состоит из осведомленных зрелых мужей. А *что* же в греческой сущности вообще пригодно для молодежи? В конечном итоге дело ограничивается *формальным, отдельными примерами.* Разве это материал для размышлений молодежи?

Однако даем мы все-таки юношеству общее представление о древних, о лучших и величайших? Или нет? На этом делается акцент при *чтении* древних.

Я думаю, занятия античностью *неверно* разместили на ступеньках жизни. Лет под тридцать начинает что-то брезжить.

5 [145]

Как-нибудь надо *пояснить* все сложности изучения истории на величайшем примере.

В какой мере наша молодежь не подходит для греков.

Последствия филологии:	высокомерная антиципация филистерство в области образования переоценка чтения и письма неосновательность отчуждение от народа и народных нужд.

Сами филологи (и историки, и философы, <и> юристы — все прокоптело насквозь).

Юношеству надо преподавать *настоящие* науки.

Точно так же *настоящее* искусство.

Тогда-то, в более зрелой жизни, появится и потребность в *настоящей* истории.

Филолог: происхождение вообще и сегодня.

Юношество и филолог.
Последствия филологии.
Задача филологии: гибель.

Негуманность: даже из «Антигоны», даже из гётевской «Ифигении».

Недостаток *просвещения.*

Политическое непонятно для молодежи.

Поэтическое — скверная антиципация.

5 [146]

Критика развития.

Неверное допущение *естественного* развития.

Вырождение следует за *каждым* великим явлением; в каждом мгновении присутствует начало конца. Вырождение заключается в легком подражании и внешнем понимании великих образцов: иными словами, образец провоцирует тщеславные натуры на подражание и на то, чтобы сравняться с ним или превзойти.

Цепочка от одного гения к другому редко представляет собой прямую линию: например, между Эсхилом и Софоклом — никоим образом. *После* Эсхила оставались открытыми еще множество путей развития; Софокл избрал *один* из них.

Роковая сторона всех великих дарований: они мощно увлекают за собой и оставляют вокруг себя глушь, подобную тому, какой окружен Рим. Так еще в зародыше подавляются многие силы.

Показать, насколько *преобладало* вырождение даже в Элладе, насколько редко и недолговечно великое, как неверно (не с той стороны) оценивалось.

Как неуклюже, должно быть, выглядели первые шаги трагедии у Фесписа, т. е. попытки воссоздать средствами искусства стихийные оргии! Так неуклюжа была поначалу проза в сравнении с реальной речью.

Опасности: одним нравится содержание, другие к содержанию равнодушны и стремятся к возбуждению чувств звуками и т. д.

Соревновательное начало также опасно для всякого развития; оно слишком заостряет творческий порыв. —

Самая большая удача для развития, если несколько гениев взаимно ограничивают друг друга.

Не подавляются ли в зародыше очень многие великолепные? Кто счел бы возможным, скажем, существование Феокрита в то время, если бы его еще не было?

Величайшим фактом всегда будет оставаться раннепанэллинский **Гомер**. Ведь все доброе идет от него: но в то же время он всегда оставался самой мощной преградой, какая только существовала. Он *упрощал*, и потому более серьезные так боролись против него. Но напрасно, Гомер всегда побеждал.

Подавляющая энергия всякой великой духовной силы воочию видна и здесь, но сколь велика разница: является ли такой силой Гомер или Библия!

Удовольствие от опьянения, удовольствие от *коварства*, *мести*, зависти, *брани*, *распутства*, — все это *признавалось* греками как человеческое и затем встраивалось в здание общества и в обычай. Мудрость их институтов состоит в том, что они не проводят резкой грани между добрым и злым, черным и белым. Природа, в том виде, в каком она выказывает себя, не отрицается напрочь, ей только *отводится свое место*, и она ограничивается определенными культами и днями. В этом корень свободомыслия античности; природным силам старались давать соразмерную разрядку, а не отрицать или уничтожать их.

Вся система нового порядка и образовала *государство*. Оно было выстроено сообразно не определенным индивидам, а постоянно встречающимся человеческим свойствам; в его создании заметны *острая наблюдательность* и *чувство реального*, в особенности — типически реального, что делало греков способными к науке, истории, географии и т. д. То не был ограниченный жреческий *закон о нравах*, который основывал бы государство в приказном порядке. Откуда у греков эта свобода? Видимо, уже от *Гомера*; но откуда она у него? Поэты отнюдь не самые мудрые и логически образованные существа, которые преуспели в логике, но они испытывают удовольствие от единичной реальности в любом виде, они не отрицают ее, но умеряют таким образом, чтобы она не умертвила все вокруг.

5 [147]

Необходимость разрядки, *κάθαρσις*[1] — основной закон греческой сущности.

Накопление и разрядка в мощных, разделенных временем ударах. Не здесь ли объяснение *трагедии*?

5 [148]

Когда-нибудь философские умы должны представить полный отчет об античности. Как только такой появится, она будет преодолена. Во всем ошибочном, что мучает нас, мы слишком сильно зависим от античности, чтобы и далее относиться к ней прекраснодушно. Самое чудовищное кощунство, совершенное человечеством, — допущение возможности христианства в той его форме, в какой оно стало возможно, — и это *вина* античности. Вместе с христианством будет упразднена и античность. Сейчас она еще дышит нам в затылок, и быть справедливым, разумеется, невозможно. Она самым отвратительным образом использовалась в целях угнетения, поддерживала религиозное угнетение, маскируя его под «образование». «Античность преодолена христианством» — в этом была главная шутка! Это было *историческим* фактом, и таким образом занятия античностью делались безвредными. И потом, это ведь так похвально — считать, что христианская этика «глубже» Сократа! С Платоном можно было вполне примириться! Это новое пережевывание той самой борьбы, которая уже имела место в первые столетия, с той лишь разницей, что ныне на месте античности, тогда вполне зримой, стоит какое-то бледное привидение, да и само христианство тоже довольно сильно смахивает на привидение. Это борьба *после* решающей битвы, это конвульсии. В конце концов, все те силы, из взаимодействия которых состояла античность, предстали в христианстве в своей наигрубейшей форме; ничего нового, экстраординарность только в количестве.

5 [149]

Ах, плачевная история — история филологии! Самая тошнотворная ученость, затхлые бездеятельные заседа-

---

1 Катарсис (*греч.*).

ния, робость и подчинение. Кто проявил хоть какую-то свободу?

5 [150]

Религиозный культ восходит к желанию *выкупить* или *выпросить* милость божества. Это становится нужно тогда, когда боятся его немилости, иными словами, когда не могут или не хотят добиться успеха *собственными силами*, ищут сил сверъестественных — для *облегчения жизненного труда.* Там, где *не* хотят или *не* могут поправить дело *с помощью поступка*, просят богов о милости и прощении, т. е. для *облегчения угрызений совести.* Боги изобретены для удобства человека: в конечном итоге их культ есть сумма всяческих *отдохновений и развлечений.*

Отними их, и всякое бремя покажется тяжелее, и станет куда меньше легкости. Там, где олимпийцы отходили на задний план, греческая жизнь мрачнела. Там, где мы *исследуем* и трудимся, греки праздновали. Они — *празднующие.*

Они не считают богов над ними господами, а себя — рабами, как иудеи. Это концепция некой более счастливой и могучей касты, зеркальное отражение наиболее выдающихся экземпляров собственной касты, т. е. некий идеал, а не противоположность собственной сути. Люди чувствуют взаимное родство с богами. У них есть обоюдный интерес друг в друге, своего рода симмахия, соратничество. Нужно быть о себе *высокого мнения*, чтобы сочинить себе таких богов. Тогда и в *вымаливании* и *выкупании их милости* есть нечто *благородное.* Это что-то вроде отношений между низшей и высшей знатью, тогда как религия римлян была что ни на есть крестьянской, со страхами перед домовыми и привидениями.

5 [151]

Я намерен настолько овладеть литературой, чтобы например,

сравнивать ἀναγνωρίσεις[1]
пролог в драме и т. д.

---

1 Узнавание (*греч.*).

5 [152]

Набросок 18 лекций

9. *Почести* в городах, среди знати, во время праздников, жертвоприношений и т. д. в отношении тиранов.
18. *Виды смерти.*
10. *Группы общения*, одинаковых устремлений.
11. *Распространение посредством ученичества.*
12. *Изменившие ученики.*
6. *Не-греки и греки*, географическое распределение.
7. *Рабы и люди самого низкого положения.*
8. *Очень знатные люди.*
13. *Личная вражда*, соревновательность.
17. *Влияние на государство* и стояние в стороне.
14. *Умалчивание.*
15. *Пренебрежение и не*понимание прежнего.
16. *Распространение путем докладов, путешествий*, книготорговли, через библиотеки.
2. *Наши потери*, величина, причины потери.
5. *Произведения искусства для всех* и для определенного круга.
3. *Некоторые принципы* изучения литературы.
1. *Критика развития*, абсолютная ценность.
4. *Подделки.* Литературно-историческая мифология.

5 [153]

Правитель — всегда карикатура, нечто перегруженное; и если народ все еще нуждается в правителе, это доказывает, что политический порыв каждого в отдельности еще слишком слаб. Кто отведал лучшего, с отвращением думает о необходимости смотреть снизу вверх и с сожалением о тех, кто должен изображать, будто бы смотрят «сверху» вниз.

5 [154]

Когда я вижу, как все государства поддерживают теперь классическое образование, я говорю: «Как оно, должно быть, безвредно!» И затем: «Как оно, должно быть, полезно». Благодаря ему эти государства снискали себе славу ревнителей «свободного образования». Стоит

только взглянуть на филологов, чтобы дать верную оценку этой «свободе».

5 [155]

В религиозном культе удерживается *более ранняя* степень культуры, он состоит из «пережитков». Эпохи, которые его торжественно отправляют, — не те, которые его изобретают. Это противоречие часто бывает кричащим. Греческий культ возвращает нас к догомеровским взглядам и нравам, это почти самое древнее, что мы знаем о греках, древнее, чем мифология, которая в том виде, в каком она нам известна, существенно преобразована поэтами. Можно ли назвать этот культ *греческим*? Сомневаюсь. Греки — завершители, а не изобретатели. С помощью этого прекрасного завершения они *консервировали*.

5 [156]

От древней культуры нас навсегда *отделяет* то, что ее *основа* стала для нас целиком и полностью *несостоятельной*. Критика греков является в то же время критикой христианства, потому что основа та же — вера в духов, религиозный культ, мифологизация природы. Многое еще и сегодня не преодолено, но это уже находится в процессе *отмирания*.

Вот **задача**: *обозначить безвозвратность греческой культуры, а с нею и христианства и нашего нынешнего фундамента общественной жизни и политики.*

5 [157]

Задача: *смерть старой культуры неизбежна*; греческую надо охарактеризовать как прототип и показать, насколько вся культура основывается на представлениях, которые уже несостоятельны.

Опасное значение *искусства* в качестве хранителя и гальванизатора отмерших и отмирающих представлений; истории — в той мере, в какой она возвращает нас к уже перечувствованному. «Историческое» восприятие, «справедливость по отношению к прошлому» возможны только тогда, когда мы уже вышли *за его пределы*. Но опасность такого восприятия велика: оставим лучше мертвецам хо-

ронить своих мертвецов, тогда мы сами не будем распространять трупный запах.

5 [158]

Смерть старой культуры.

1. Значение занятий античностью, которое им придается до сих пор, неясно, лживо.
2. Коль скоро они сознают свою цель, они обрекают себя на смерть: ибо их цель—дать образ самой античной культуры как подлежащей уничтожению.
3. Собрать все представления, из которых выросла эллинская культура. Критика религии, искусства, общества, государства, нравов.
4. Заодно отрицается и христианское.
5. Искусство и история—опасны.
6. Замена занятий античностью, которые стали непригодны для воспитания юношества.

Тем самым задача науки *истории* решена, и она сама становится излишней, если осужден весь внутренне взаимосвязанный круг прошлых устремлений. На ее место должна прийти наука *о будущем.*

5 [159]

Учитель чтения и письма, а также *корректор*—вот первые типы филологов.

5 [160]

Наши филологи являются подлинными воспитателями в такой же степени, как первобытные знахари—подлинными врачами. Сколь велико будет изумление далекого будущего!

5 [161]

Все—с критикой.

2. Литература.
2. Религиозные представления.
2. Нравственные представления.
1. Воспитание.
1. Общение: полов, стран и т. д., сословий.
2. Государство.

1. Искусство языка, понятие об образованности и необразованности.
2. Философия и наука.
1. О классической филологии и античности в новое время.
1. О греках и римлянах.
Через 5 с половиной лет, т. е. осень 1875—Пасха 81 г.
Пасха 82 г. + 7 с половиной = 89 с половиной, примерно 45–46 лет.

5 [162]

Поэты—отсталые существа, мостики к очень далеким временам, собственно, всегда эпигоны. Но тогда нужны ли они? В упрек им следует поставить то же, что и религии: они дают *временное успокоение* и несут в себе нечто паллиативное. Они удерживают человека от труда над настоящим совершенствованием тем, что устраняют и дают выход даже страстной неудовлетворенности.

5 [163]

Употребляемые людьми *средства против боли* в большинстве случаев *одурманивающего* действия. Религия и искусство относятся к таким вот наркотикам, действующим посредством представлений. Они примиряют и успокаивают; это *низшая* ступень *врачевания* душевной боли. *Устранение причины страдания* путем предположения—например, что после смерти ребенка его жизнь продолжается, что ему лучше, чем было, и что когда-нибудь состоится встреча. Поэтому религия с ее утешением необходима для несчастных.

Возможна ли еще трагедия для того, кто не верит в метафизический мир? Надо показать, что до сих пор даже *высшее* в человечестве произрастало на почве упомянутого низшего врачевания.

5 [164]

Оглядываясь, мы видим довольно длинную историю человечества; как будет выглядеть когда-нибудь, человечество, которое так же издалека будет оглядываться на нас? Которое найдет нас с головой погруженными в пере-

житки старой культуры. Которое находит свое утешение только в «помощи ближнему и доброте», отвергая все прочие утешения!

Вырастает ли и красота из старой культуры? Я думаю, наша *уродливость* связана с нашими метафизическими пережитками: причина – путаность наших нравов, негодность наших браков и т. д. Прекрасный человек, здоровый, умеренный, деятельный человек формирует прекрасное и вокруг себя – по своему подобию.

5 [165]

В характере греческих богов и в греческом культе можно найти все признаки того грубого и мрачного древнейшего состояния, которое сделало бы из греков нечто совсем иное, если бы им пришлось остаться в нем. Их освободил *Гомер* со своеобразной фривольностью своих богов. Преобразование *дикой мрачной религии* в гомеровскую – это же *величайшее событие*. А теперь обратите внимание на противоположные тенденции, на проявления старых представлений, на заимствование родственного, иностранного.

1. Грубые и мрачные первобытные времена. Поклонение фетишам. Человеческие жертвы и т. п. Страх перед покойниками и поклонение им.
2. Культовые зрелища.
3. Более поздние отзвуки и вспышки древнейшей мрачной религии.
4. Религия становится более легкой и фривольной. Ионические поэты.
5. Одурманивание и увертки перед лицом боли и трудностей жизни.
6. Толкование и додумывание мифа, примирение и смешение.
7. Безверие.
8. Искусство в его отсталости и антипросветительстве, воздействие в целом.
9. Государство ищет себе фундамент – в религиозном. Равным образом и общество.
10. Религия, чтобы отвлекать народ, оградить его от горя и скуки.

Культ.

1. Молитва. (Проклятие, клятва.)
2. Жертва.
3. Экстаз и его средства. Мантика. Оракул. Заклинание. Волшебство. Жрец.
4. Ориентация. (Ф<орма> храма.)
5. Очищение. (Мистерия.)
6. Сложные формы: празднества с представлениями.
   а) Государственные культы.
   б) Род<овые> культы.
   в) Домашний культ.
   г) Культ мертвых.

5 [166]

О религии.

I Любовь в ее многозначности — *искусный прием* христианства. (Половая любовь в античности у Эмпедокла схвачена в чистом виде.)

II Христианская любовь — на основе презрения.

III Деятельность христианина в противоположность буддийскому покою.

IV Никакой религии возмездия и справедливости! Евреи — *наихудший* народ.

V Контрабандные понятия: замещающая смерть.

VI Жреческое государство. Лицемеры. Неприятие серьезного взгляда на любую проблему. (Культ, жертвы, понуждение богов.)

VII Величайший грех против человеческого разума — историческое христианство.

VIII Бог совершенно излишен.

IX Гибель человечества: ничего вечного.

X Презренность всех мотивов, нечистота мышления, фундаментальные ошибки всех типов, сословий, устремлений.

XI Жить либо среди одних иллюзий, либо тяжело, без надежды, без обмана, без предопределений, без спасений и бессмертий — но со взором, исполненным милосердной любви к самому себе. Разделение двух мировоззрений — обыденного и редчайших мгновений чувства и мысли. (Презрение

и любовь, понимание и чувство равно могущественны.) Такой взгляд на религию требует науки (как инструмента презрительно-ясного понимания слабости и бесцельности человека.) Он все более усиливается по мере того, как возрастает познание мира. Борьба с необходимостью — один принцип жизни. Понимание обманчивости всех целей и милосердие к самому себе — другой.

5 [167]

Можно было бы поставить целью деятельное *преодоление* греческого начала. Но для этого его сперва необходимо было бы знать! Существует разновидность основательности, которая есть лишь предлог для бездействия. Вспомним, много ли понимал в античности Гёте, — наверняка меньше любого филолога и все же достаточно для того, чтобы вступить с ней в плодотворную борьбу. Более того: о любом деле *не следует* знать больше того, с чем можно справиться. Кроме того, попытаться *сделать* — и есть единственный способ действительно *познать* что-либо. Попробуйте жить по-античному и сразу же станете на сотню миль ближе к древним, чем со всей ученостью. По нашим филологам не видно, чтобы они хоть в чем-то *брали пример* с античности, оттого-то их античность никак не воздействует на учеников.

Изучение **соревнования** (Ренессанс, Гёте) и *изучение* **безнадежности**!

5 [168]

Какая в сущности разница, насколько верно правлен автор?

5 [169]

Ложная картина занятий древними тормозит даже лучших.

5 [170]

Возможно, когда-нибудь науками займутся женщины: мужчины должны духовно *творить*: государства, законы, произведения искусства и т.д.

5 [171]

Надобно изучать только *образцовую* античность, как изучают *образцового человека*, т. е. в меру понимания подражая, а если образ очень далек — обдумывая, как подобраться к нему и как подготовиться, *изыскивая* посредующие звенья.

Мера изучения состоит в следующем: нужно изучать *только то, что зовет к подражанию, что* схватывают с любовью и что требует продолжения. *Самым правильным* здесь был бы *прогрессирующий* канон образцовости, *соответствующий совсем юному, молодому* и *зрелому* возрасту.

5 [172]

Таким способом античность схватывал Гёте — всегда соревнуясь душой. А кто еще? Продуманной педагогики подобного рода не видно: кто может знать, что есть такое знание об античности, которое невозможно передать юношеству!

5 [173]

Отроческий характер филологии: она придумана учителями для учеников.

5 [174]

Всё *более обобщенная* форма *образцового*: сначала человек, затем институты, наконец, направления, намерения или их отсутствие.

Высшая форма: *преодоление образца* с возвращением от тенденций к институтам, а от институтов — к человеку.

5 [175]

Потворствование какой-либо науке в ущерб человеку — наивреднейшая вещь в мире. Ущербный человек — это регресс человечества; он отбрасывает *тень* на все эпохи, за пределы своей. Вырождаются убеждения, естественная цель отдельных наук, от этого они гибнут в конце концов и сами; им покровительствуют, но они не воздействуют на жизнь или воздействуют аморально.

5 [176]

Не использовать человека как *вещь*!

5 [177]

Весьма несовершенные филология и знания об античности источали свободу; наши же, высокоразвитые, порабощают и служат идолу государства.

5 [178]

Чем лучше устроено государство, тем бледнее человек.

Сделать так, чтобы индивидууму было *неуютно,* — моя задача.

Привлекательность освобождения одиночки в борьбе!

Духовная высота имеет свое *время* в истории, ей свойственна унаследованная энергия. В идеальном государстве всему этому конец.

5 [179]

Духовная культура Греции — это аберрация неимоверного политического инстинкта *ἀπιστεύειν. Πολισ* в высшей степени отрицателен по отношению к новому образованию. *Несмотря на это* культура существовала.

5 [180]

Высшее суждение о жизни проистекает только из высшей энергии самой жизни, дух должен быть как можно дальше от *вялости.*

В *середине* мировой истории суждение, надо думать, будет наиболее точным, поскольку тогда будут величайшие *гении.*

Создание гения как единственного, кто способен истинно *ценить* и *отрицать* жизнь.

5 [181]

Вальтер Скотт любил общество, потому что имел желание рассказывать; он упражнялся подобно тому, как в течение семи часов упражняется на рояле виртуоз.

5 [182]

Спасайте ваш гений! — надо крикнуть людям, — освободите его! Сделайте все, чтобы вызволить его из оков!

5 [183]

Вялые, духовно бедные не *имеют права* судить о жизни.

5 [184]

Когда добрые друзья и проч. хвалят меня, то я часто из вежливости и расположения делаю вид радостный и благодарный, на самом же деле мне это безразлично. Моя настоящая сущность очень лениво отзывается на это, и так ее ни на шаг не выманить с солнышка или из тени, где она покоится. — Но ведь люди хотят доставить радость своей похвалой и были бы огорчены, если бы их похвале не обрадовались.

5 [185]

От будущего человечества не следует ожидать того, что производили некоторые эпохи прошлого, — например, проявлений религиозного чувства. Видимо, тип святого возможен только при известной плененности интеллекта, вместе с которой он и проходит. Быть может, даже сама *высота* интеллигенции является уделом какой-то одной эпохи человечества. Чудовищная энергия воли, перенесенная на духовные устремления (aberration), возможна лишь, когда эти буйство и энергию держали в большой строгости. Вероятно, к своей цели человечество ближе на середине своего пути, чем в конце. — Может статься, отомрут силы, от которых зависит искусство — например, удовольствие от лжи, от неясного, символичного и т. п., осуждаемым может оказаться даже опьянение. И в принципе: если жизнь в идеальном государстве упорядочена, то поэзия *современности* больше уже не возможна, в лучшем случае она будет с тоской оглядываться назад, на времена неидеального государства.

5 [186]

Детство и отрочество самоцельны, а не *ступень.*

5 [187]

Хотелось бы книгу об *образе жизни ученых.*

5 [188]

Цели.

Ценность жизни может измерить только *высочайший интеллект* и самое горячее сердце.

Как произвести эти высочайшие интеллекты?

Цели *человеческого благоденствия* в общем совсем *иные*, нежели производить высший интеллект. Благополучие слишком высоко ценится и понимается чисто внешне, в том числе школа и воспитание.

Идеальное государство, мечта социалистов, разрушает *фундамент* великого интеллекта – сильную энергию.

Мы должны желать, чтобы жизнь сохраняла свой *насильственный* характер, чтобы высвобождались *дикие* силы и энергии. Суждение о ценности существования есть высший результат крайнего *напряжения* сил внутри хаоса.

Между тем чем горячее сердце, тем больше оно стремится к устранению этой насильственности и дикости, хотя само же из них и возникло! Оно желает устранения своего фундамента, на котором само же покоится! Иными словами, оно не интеллектуально.

Высочайшая интеллигенция и самое горячее сердце не могут сосуществовать в Одной личности. Высочайшая интеллигенция *выше* любой доброты, которая *сама* есть лишь нечто *подлежащее оценке* в общем расчете жизни, мудрец выше ее.

Мудрый обязан *противиться* мысли о неинтеллигентной доброте, ибо для него важно продолжить воспроизведение собственного типа. Во всяком случае он *не* может *способствовать* идеальному государству. Христос способствовал оглуплению людей, он задерживал создание великого интеллекта. Что ж, логично! Его противоположность, возможно, будет препятствовать порождению Христа. *Fatum tristissimum generis humani*[1]!

5 [189]

Prœmium[2]

Если бы я был уже *свободен*, то вся эта борьба была бы уже не нужна и я обратился бы к какому-либо труду и делу,

---

1 Печальнейший рок рода человеческого (*лат.*).

2 Введение (*лат.*).

в котором мог бы испытать всю свою силу. Сейчас же я смею только надеяться, что со временем стану свободен, и я до сих пор ощущаю, как становлюсь им все больше и больше. Так что, должно быть, еще придет и мой день настоящей *работы*, и эта подготовка к олимпийским играм закончится.

5 [190]

Мне еще предстоит высказать взгляды, *считающиеся позорными* для того, кто их придерживается; это насторожит и отпугнет даже друзей и знакомых. Что ж, и через этот огонь мне надо пройти. Тогда я все больше и больше буду принадлежать самому себе.

5 [191]

Тот, кто осознает, как рождается гений, и пожелает на практике применить метод, действующий в природе, должен будет стать таким же злым и беспощадным, как сама природа.

5 [192]

Я нахожу «Меморабилии» Ксенофона очень интересными. Сократа все еще должно признать за образец, которому хоть сейчас можно еще подражать. *Ανδραποδισταὶ ἑαυτῶν*[1] — это жалит меня.

5 [193]

Платоновский Сократ — это в подлинном смысле карикатура, преувеличение.

5 [194]

Истязайте человека, доводите его до крайности, причем в течение тысячелетий — и вот из-за *сбоя* в природе, из-за вырвавшейся искры происходит вспышка страшной энергии, и вдруг рождается гений.

Так вещает мне история. Ужасное видение! О, я не вынесу тебя!

---

1 Душепродавцы самих себя (*греч.*).

5 [195]

Греки периода империи — блеклы и вполне могут служить типом для последующего человечества. Они дружелюбно-человечны, особенно в сравнении с Римом, им отвратительны гладиаторские бои и т. п. Было бы совершенно неверно делать из этого заключения о греках периода их юности.

5 [196]

Гомер чувствует себя настолько дома в очеловеченном мире богов, ему как поэту настолько удобно в нем, что, должно быть, он был глубоко безрелигиозен. Он обращается с этим миром, как скульптор со своей глиной и мрамором.

5 [197]

Греческий полис исключает образование, его политический инстинкт действовал здесь как фактор в высшей степени сковывающий и стабилизирующий. В образовании не должно было быть никакой *истории*, никакого *становления*, оно должно было быть установлено раз и навсегда. Впоследствии так представлял себе дело и Платон. Высшее образование возникло *вопреки* полису, хотя опосредованно и благодаря ему, так как именно он развил до высшей точки честолюбие индивидуума. Как только грек обретал отличие в духовном отношении, он доводил это отличие до последней крайности.

5 [198]

Первоначальное население греческих земель — монгольского происхождения с культом дерева и змеи. По побережью — семитская кайма. Кое-где — фракийцы. Все эти составные части вошли в греческую кровь, в том числе все божества и мифы (в рассказах об Одиссее есть монгольские черты). Дорийское переселение — это *вторичный толчок*, после того как все уже давно было постепенно затоплено. Что такое «расовые греки»? Разве не достаточно предположения, что италики, восприняв фракийские и семитские элементы, стали *греками*?

5 [199]

Стоит лишь представить себе невероятную массу рабов на континенте: *греков* можно было встретить среди них только спорадически. *Высшая* каста ничегонеделателей, политиков и т. д. *Распри* поддерживали их в телесном и духовном напряжении. Они должны были удерживать свое *качественное превосходство* — в нем заключалась их колдовская власть над массами.

5 [200]

Речь Перикла — великий оптимистический обман, вечерняя заря, при виде которой забываешь о плохом дне, — следом приходит ночь.

6. Лето (?) 1875

6 [1]

Подражание античности.

Средство, филология, делает подражание невозможным для филолога. Знание без умения.

Поэтому: либо стала чисто исторической,
либо филология погибла (Шиллер).

Даже историческое познание античности опосредовано репродукцией, подражанием.

Гётевская греческость, (греческое *σωφροσύνη*[1] в искусстве, перенесенное на морального человека).

6 [2]

Греческая древность как классическое собрание примеров для объяснения всей нашей культуры и ее развития. Это средство *понять нас*, вынести на суд наше время и тем самым преодолеть его.

Пессимистический фундамент нашей культуры.

6 [3]

Признаться, *Сократ* мне так близок, что я почти всегда нахожусь в борьбе с ним.

6 [4]

Схватка науки и мудрости.

Наука (NB. *пока* она *еще* не стала привычкой и инстинктом) возникает

1) когда должным образом не почитают богов. Большое преимущество узнать что-либо *наверняка*.
2) эгоизм побуждает отдельного человека в определенных занятиях, например мореплавании, искать своей выгоды — посредством науки.

---

1 Здравомыслие (*греч.*).

3) иметь что-либо для знатных людей, для досуга. Любопытство.
4) в хаосе противоречивых мнений народа отдельный человек хочет обрести более прочный фундамент.

Чем отличается этот порыв к науке от порыва вообще учиться и усваивать что-либо? Только меньшей степенью эгоизма или большей его амплитудой. *Во-первых*, забвение себя во внешних вещах. *Во-вторых*—жажда себя, выходящая за пределы индивидуума.

Мудрость проявляется
1) в нелогическом обобщении и полете к конечной цели.
2) в соотнесении этих результатов с жизнью.
3) в безусловной важности, которую придают собственной душе. Нужно одно.

Сократизм—это, *во-первых*, мудрость в серьезном отношении к душе.
во-вторых, наука как страх и ненависть к нелогическим обобщениям.
в-третьих, нечто совершенно особое благодаря требованию сознательных и логически корректных поступков.
Отсюда возникает ущерб для науки, для этической жизни.

6 [5]

Схватка науки и мудрости, представленная на примере древнегреческих философов.

6 [6]

1) В каких красках предстает мир у этих древних греков?
2) Как они относятся к нефилософам?
3) Важны их *личности*: разгадать их—вот смысл моего рассмотрения их учений.
4) Схватка науки и мудрости у них.

5) Ироническая новелла: всё—ложь. О том, как человек цепляется за перекладину.

6 [7]

Есть и способ рассказать эту историю—*иронически* и *бесконечно печально.* Во всяком случае я намерен избегать серьезно-размеренного тона.

Сократ *опрокидывает все* в тот момент, когда он *ближе* всего к истине; в этом—особая *ирония.*

Все изобразить на фоне мифа. Его крайняя ненадежность и зыбкость. Стремятся к надежному.

Только там, куда падает луч мифа, жизнь грека освещена, в остальном она мрачна. И вот эти философы лишают себя мифа; как в таком случае они выдерживают этот мрак?

Индивидуум, который хочет опоры *в самом себе. Тогда ему нужно последнее знание*—нужна философия. Другим людям нужна медленно прирастающая наука.

Или скорее: для обладания таким последним знанием нужна вера. Такой степени доверчивости к собственному познаванию, какой обладали те древние греки, уже никогда больше не будет. Но душа их еще не прозревала трудности и опасности познания; они неколебимо верили в себя и этим побивали всех своих соседей и предшественников. Никогда в мире не бывало большего счастья от обладания истиной, но никогда и такой жестокости, высокомерия, *диктата.* В своих сокровенных желаниях каждый грек был тираном, и вообще им был каждый, кто только мог им быть, за исключением, возможно, Солона, если судить по его стихотворениям.

И независимость—только кажущаяся: в конечном итоге каждый примыкает к своему предшественнику. Фантазма—к фантазме. Странно принимать все так всерьез.

Вся древнейшая философия—как курьезная прогулка разума по *лабиринту.* Надо избрать тон мечтательный и сказочный.

6 [8]

Аристотель в своем эстетическом суждении.

против Эмпедокла.

в отношении трагедии.
Демосфен.
Фукидид.
изобразительное искусство.
музыка.

6 [9]

Наряду с *философией* развивается греческая *музыка*. Сравнение обеих в той мере, в какой обе высказывают эллинскую сущность. Впрочем, музыка известна нам лишь насколько она запечатлелась в виде лирики.

Эмпедокл — трагедия
Гераклит — Архилох
Демокрит — Анакреон
Пифагор — Пиндар
Анаксагор — Симонид.

Сакральная монодия
Ксенофан симпотически.

Всякое сравнение личностей хромает и глупо.

6 [10]

Философии в сравнении с греческой жизнью суть *тени Аида*: они отражают ее, но как бы в клубах дыма.

С таких людей надобно не спускать глаз, пока они не будут снова воссозданы поэтом: здесь должна работать дополняющая фантазия многих.

Они слишком редки, чтобы им можно было просто позволить убежать. То совсем немногое, что удается добыть с помощью критики, поворачивая во все стороны каждую строку и выколачивая из нее все, что в ней есть!

6 [11]

Введение. 1-я гл. Сравнение древнейших греческих философов с философами послесократовских сект.
2-я гл. Соотношения древнейших философов по времени.

Повествование.

От эволюции греческой культуры зависит так много, ведь она привела в движение весь наш западный мир: судьбе было угодно, чтобы наибольшую историческую силу проявил более поздний и выродившийся греческий

мир. Сверх того суждение о древнейших греках было всегда неверным. Точное знание более позднего необходимо для того, чтобы отличить его от древнейшего.

Существует еще очень много возможностей, которые даже не открыты: из-за того, что их не открыли греки. Другие были *открыты* греками, но позднее снова *спрятаны*.

6 [12]

Эти философы показывают, *какие опасности заключала в себе греческая культура*:

миф как удобная кушетка для мысли	— этому противостоит холодная абстракция и строгая наука. Демокрит.
изнеженность и удобство жизни	— этому противостоит умение обходиться малым, строгий аскетический взгляд у Пифагора, Эмпедокла, Анаксимандра.
свирепость в схватке и споре	— этому противостоит Эмпедокл со своей реформой жертвоприношения.
ложь и обман	— этому противостоит восхищение верностью каждого логического заключения.
податливость, чрезмерная общительность	— этому противостоит гераклитова гордость и одиночество.

6 [13]

Эти философы демонстрируют жизненную силу такой культуры, которая корректирует саму себя.

Как отмирает эта эпоха? Противоестественно. Где же скрываются ростки порчи?

Бегство лучших из этого мира было большим несчастьем. Начиная с Сократа: индивидуум разом стал считать себя слишком важным.

Вдобавок в Афинах — *чума*.

Потом, с *Персидскими войнами*, пришла *гибель*. Опасность была слишком велика, и победа далась слишком дорого.

Смерть великой мусической лирики и философии.

Сократ — это месть за Ферсита: блестящий Ахилл убил отвратительного Ферсита, человека из народа, разгневавшись на его слова при гибели Пентесилеи. Отвратительный представитель народа Сократ смертельно ранил *авторитет* великолепного греческого мифа.

6 [14]

Древнейшая греческая философия — это сплошь философия *государственных мужей*. Как убого обстоит с нашими государственными мужами! Впрочем, это больше всего отличает досократиков от философов после Сократа.

У них нет «того мерзкого притязания на счастье», как со времен Сократа. Отнюдь не все вращается вокруг состояния их души, ибо размышлять об этом небезопасно. Впоследствии Аполлоново *γνῶθι σαυτόν*[1] было понято превратно.

Кроме того, они не предавались такой *болтовне* и *брани*, да они и не *писали*.

Ослабленный греческий мир, романизированный, огрубленный, ставший декоративным и затем в качестве декоративной культуры принятый в союзники ослабленным христианством и насильственно распространенный среди нецивилизованных народов — вот история западной культуры. Фокус удался, и греческое соединено с поповским.

Я намерен подвести общую черту под Шопенгауэра, Вагнера и древнейший греческий мир: единый взгляд на великолепную культуру.

6 [15]

Сравнение древнейшей философии с послесократовской.

1) древнейшая сродни *искусству*, предлагаемое ею решение мировой загадки не раз подсказывалось искусством. Дух музыки и изобразительного искусства.

1 Познай самого себя (*греч.*).

2) она *не* есть отрицание иной жизни, а *вырастает* из нее как редкий цветок; она выговаривает ее тайны. (теория—практика)
3) она *не столь индивидуально-эвдемонологична*, без мерзкого притязания на счастье.
4) сами эти древнейшие философы обладают в своей жизни высшей мудростью, а не хладно-рассудочной добродетельностью. Их картина жизни—богаче и сложнее, сократики упрощают и банализируют.

6 [16]

Трехчастная история *дифирамба*:
1 Арионов—из него древнейшая трагедия
2 агональный государственный дифирамб, параллельно ему—укрощенная трагедия
3 миметический, гениально-разнузданный.

6 [17]

У греков *более древняя* форма часто является *более высокой*, например, в случае с *дифирамбом* и *трагедией*. Опасность, подстерегавшая греков, крылась во всяческого рода *виртуозности*; начиная с Сократа появляются виртуозы жизни; Сократ, новый дифирамб, новая трагедия, *изобретение ритора*!

Ритор—греческое изобретение! позднейшего времени. Они изобрели «форму саму по себе» (да и философа впридачу).

Как понимать борьбу Платона против риторики? Он *завидует* ее влиянию.

Древнейшие греки *проявили свои силы, породив череду философов*. С Сократом она *обрывается*: он пытается *сам творить себя*, отвергая все традиции.

Моя общая задача: показать, что жизнь, философия и искусство могут состоять друг с другом в глубинных и родственных отношениях, не делая философию плоской, а жизнь философа—лживой.

Прекрасно, что древние философы могли жить *столь свободно, не становясь при этом глупцами и виртуозами*. Индивидуальная свобода была чрезвычайно велика.

Ошибочное противопоставление vita practica и contemplativa[1] — азиатского происхождения. Греки понимали суть дела лучше.

6 [18]

Этих древнейших философов можно представить как таких, которыми греческие воздух и нравы воспринимались как *запрет* и *ограничение*, т. е. как самоосвободителей (борьба Гераклита против Гомера и Гесиода, Пифагора — против обмирщения, всех — против мифа, особенно Демокрит). В их природе есть некоторая пустота, в отличие от греческих художников и, пожалуй, также людей государственных.

Мне они представляются **предшественниками** некой греческой **Реформации** — но не сократовской. Их Реформация скорее не наступила, у Пифагора это осталось как нечто сектообразное. Есть группа явлений, которые все несут дух этой Реформации — *развитие трагедии.* Неудавшимся реформатором был **Эмпедокл**; после его неудачи не оставалось ничего другого, кроме как явиться Сократу. Таким образом, враждебность Аристотеля по отношению к Эмпедоклу вполне понятна.

Эмпедокл — республика — преобразование жизни — народная реформа — попытка с помощью больших эллинских праздников.

Трагедия также была одним из средств. Пиндар?

Они не нашли своего философа и реформатора, сравни Платона: он сбит с пути Сократом. Попытка характеристики Платона без Сократа. Трагедия — глубинное восприятие любви — чистая природа — отсутствие фанатического отвращения: вероятно, греки *были на пути к тому, чтобы обрести еще более высокий тип человека*, чем тот, который представляли собой древние, но тут-то и случился обрыв. Дело ограничивается трагической эпохой греков.

6 [19]

1. Образ эллинов в отношении угрожавших им опасностей и несчастий.

---

1 Жизнь практическая и созерцательная (*лат.*).

2. Противообраз трагических течений вопреки этому. Новая трактовка мифа.
3. Первые начатки реформаторов. Попытки построить картину мира.
4. Перелом — Сократ. *Сбитый с пути Платон.*

6 [20]

Страстность Мимнерма, ненависть *к старине.*

Глубокая меланхоличность Пиндара: человеческая жизнь вспыхивает только под лучом свыше.

Понять мир *изнутри страдания* — вот трагическое в трагедии.

6 [21]

Фалес — амифическое.

Анаксимандр — исчезновение и становление в природе с моральной точки зрения как вина и кара.

Гераклит — закономерность и справедливость в мире.

Парменид — иной мир по ту сторону этого; этот мир как проблема.

Анаксагор — строитель миров.

Эмпедокл — слепая любовь и слепая ненависть; глубоко неразумное в самом наиразумнейшем в этом мире.

Демокрит — мир совершенно лишен разума и инстинкта, свален кучей. Все боги и мифы ни на что не годны.

Сократ: в таком случае мне не остается ничего, кроме меня самого; страх за самого себя становится душой философии.

Старания Платона все додумать до конца, стать избавителем.

6 [22]

Изображению подлежат личности: так, как я изобразил Гераклита. Историческое вплести в саму ткань изображения.

6 [23]

Во всем мире царит *постепенность*, у греков дело быстро движется вперед, но с такой же страшной быстротой и назад. После того как эллинский гений исчерпал свои

высшие типы, произошло самое стремительное падение греков. Стоило возникнуть одной-единственной паузе, как великая жизненная форма осталась незаполненной — и момент уже был упущен; в точности, как в трагедии. Один-единственный могучий упрямец, вроде Сократа — и трещину уже не заделать. В нем происходит саморазрушение греков. Полагаю, немаловажно, что он был сыном ваятеля.

Если бы однажды все эти изобразительные искусства заговорили, они показались бы нам поверхностными; в Сократе, сыне скульптора, их поверхностность обнаружилась.

6 [24]

В средние века человек стал изощреннее; причиной тому — счет по двум мерам, изворотливость совести, толкование Писания. Такого способа *обострения* духа под давлением иерархии и теологии не было в античности. Скорее наоборот — при полной свободе мысли греки остались многоверными и плоскими, можно было по собственному произволу начать и столь же произвольно закончить верить во что-либо. Зато у них нет пристрастия к извращенному остроумию и, значит, к излюбленнейшему роду шутки нового времени. Греки были менее изощренны; вот почему ирония Сократа наделала столько шума. Платона в этом отношении я нахожу несколько неуклюжим.

6 [25]

В лице Эмпедокла и Демокрита греки были на верном пути, чтобы *дать правильную оценку* человеческому бытию, его неразумности, его страданию; но *это им так и не удалось* — благодаря Сократу. Непосредственного взгляда на человека нет ни у кого из сократиков, головы которых заняты чудовищными абстракциями «блага», «справедливости». Читая Шопенгауэра, спрашиваешь себя, почему древним так не хватало — *по-видимому*, не хватало — глубины и свободы взгляда? Я этого как раз не нахожу. Напротив. Из-за Сократа они теряют непосредственность. Их мифы и трагедии много мудрее, чем этики Платона или Аристотеля, а их «*стоический* и *эпикурейский*» человек —

беднее по сравнению с их более древними поэтами и государственными мужами.

6 [26]

Воздействие Сократа:

1) он разрушил непосредственность этического суждения;
2) уничтожил науку,
3) не имел понятия об искусстве,
4) вырвал индивида из его исторических креп,
5) способствовал диалектическому пустословию и болтовне.

6 [27]

Я больше не верю в *«естественное развитие»* греков: они были слишком даровиты, чтобы двигаться шажками, быть *постепенными*, как постепенны камень или глупость. Персидские войны — это национальное бедствие: успех был слишком велик, вырвались наружу все низменные инстинкты, отдельными людьми и отдельными городами овладевала тираническая жажда властвовать над всей Элладой. Господство Афин (в духовной области) привело к подавлению множества сил; достаточно вспомнить, сколь непродуктивны долгое время были Афины в отношении философии. Пиндар в Афинах был бы невозможен. Это показывает Симонид. Также невозможен был бы Эмпедокл, Гераклит. Все великое в сфере мусических искусств приходит почти извне. Афинская трагедия — отнюдь не величайшая из всех мыслимых ее форм. Пиндаровское начало в ее героях отсутствует начисто. И вообще: как ужасно, что борьба развернулась именно между *Спартой* и *Афинами* — не хватит никакой глубины, чтобы осмыслить это. *Духовное господство Афин стало препятствием той реформации.* Мысленно вернемся ко времени, когда этого господства вообще не было: оно вовсе не было необходимостью и стало таковой только вследствие Персидских войн, т. е. только после того, как было продемонстрировано физически политической властью. Милет, например, был много талантливее, да и Агригент.

6 [28]

Тиран, который может делать все, что захочет, т. е. грек, не удерживаемый в рамках никакой властью, представляет собой верх бесчинства: «он топчет обычаи родины, творит насилие над женщинами и убивает мужчин по собственному произволу». Столь же необузданно и тираническое свободомыслие, перед которым греки также испытывают страх. Ненависть к царям — признак демократического склада ума. Думаю, реформация была бы возможна, если бы тираном стал Эмпедокл или ему подобный.

Платон, с его постулатом о философе на троне, высказывал мысль, которую некогда можно было осуществить: но идея посетила его тогда, когда время для ее осуществления уже миновало. Периандр?

6 [29]

Без тирана Писистрата у афинян не было бы трагедии, ибо Солон был против, но тяга к ней уже пробудилась. Чего добивался Писистрат этими великими возбуждениями печали?

Солоново неприятие трагедии: вспомним об ограничениях, налагавшихся на посмертные траурные церемонии, о запрещении Threnoi[1]. Известно, что милетские женщины предавались *μανικὸν πένθος*[2].

Если верить анекдоту, Солону не нравилось притворство; налицо не приемлющее искусства естество афинянина.

Клисфен, Периандр и Писистрат покровительствуют трагедии как народному увеселению, страсти к *μανικὸν πένθος*. Солон требует умеренности.

6 [30]

Тенденции к централизации, возникшие вследствие Персидских войн — ими воспользовались Спарта и Афины. Тогда как в 776–560 годах ничего подобного не было: был расцвет полисной культуры; я имею в виду, что не будь Персидских войн, к идее централизации пришли бы через *реформацию духа*. Пифагор?

---

1 Погребальные плачи (*греч.*).

2 Безумной скорби (*греч.*).

Тогда было важно единство праздника и культа: здесь и началась бы реформа. *Идея панэллинской трагедии* — в ней развернулась бы сила, многократно более богатая. Почему этого не случилось? После того как Коринф, Сикион и Афины развили это искусство.

6 [31]

Наибольшая потеря, которая может случиться с человечеством — если не состоятся высшие жизненные типы. Нечто подобное тогда и произошло. Отчетливая параллель между этим идеалом и христианским. Использовать замечание Шопенгауэра: «люди лучшие, благородные скоро замечают эту воспитательную силу судьбы и с благодарной податливостью подчиняются ей; они сознают, что в мире счастья нет, а вот чему поучиться, пожалуй, есть, и в конце концов говорят вслед за Петраркой: «altro diletto, che 'mparar, non provo»[1]. Может дойти даже до того, что в осуществлении собственных желаний и устремлений они действуют в известной степени только для виду и мешкая, ожидая в сущности и всерьез в глубине души только научения, что придает им со временем оттенок созерцательности, гениальности, возвышенности» (Parerga I, 439). А теперь сравни с *сократиками* и погоней за счастьем!

6 [32]

Ужасные переговоры афинян с жителями Мелоса у Фукидида! При таких настроениях эллинское начало должно было под воздействием страха погибнуть. Вот, например, афинянин говорит: «Что до благорасположения богов, то мы не останемся в накладе, ибо мы не добиваемся и не делаем ничего, что выходило бы за пределы человеческой природы, ни в отношении веры в богов, ни в том, чего люди желают для самих себя».

6 [33]

Лютер: «У меня нет лучшего дела, чем гнев и ревность: ибо пожелай я сочинять, писать, молиться или проповедовать, мне надобно разгневаться, тогда вся

---

1 Не знаю иного наслаждения, кроме учения (*итал.*).

кровь моя свежеет, мой рассудок обостряется, а все пустые мысли и искушения отступают».

6 [34]

Вот прекрасная правда: тому, для кого совершенствование и познание стали жизненными целями, на пользу всякая вещь. И все же правда только отчасти: желающий познания принужден к утомительному труду, а совершенствующийся истощен и разбит болезнями! В целом, полагаю, бесспорно: кажущаяся преднамеренность судьбы — это деяние каждого в отдельности, кто устраивает свою жизнь и от всего учится, всасывая познание, как пчела мед. Но судьба, постигающая народ, постигает целое, которое неспособно обнять мыслью свое бытие и поставить ему цели; таким образом, преднамеренность у народов есть лукавая выдумка псевдомыслителей. Нет ничего легче, чем продемонстрировать отсутствие такой преднамеренности — например, тем, как эпоха в своем полном расцвете бывает внезапно поражена снежной бурей, убивающей все. Здесь все столь же глупо, как и в природе. До известной степени, видимо, любой народ даже при наинеблагоприятнейших обстоятельствах может добиться кое-чего, что соответствовало бы его дарованию. Но для того чтобы он мог развернуться в полной мере, некоторые несчастья должны все-таки пройти мимо. Греки в полной мере так и не развернулись.

И афиняне стали бы чем-нибудь бо́льшим, если бы не политическое беснование после Персидских войн: вспомним Эсхила, сформировавшегося в доперсидскую эпоху, который был недоволен современными ему афинянами.

6 [35]

Из-за неблагоприятного положения греческих городов после Персидских войн сошли на нет многие условия, благоприятствовавшие возникновению и развитию великих индивидуальностей: таким образом, рождение гения все-таки зависит от судьбы народов. Ведь предпосылки гениальности имеются сплошь и рядом, тогда как сочетание всех наинеобходимейших благоприятных условий — крайне редко.

Эта эллинская реформация, как она мне мечтается, могла бы стать чудной почвой для рождения гениев, какой еще никогда не бывало. Это надо бы описать. Здесь мы потеряли несказанное.

6 [36]

Высшая *нравственная* природа эллинов сказывается в их цельности и упрощенности; тем, что они представляют человека упрощенным, они радуют нас, как радует вид зверей.

6 [37]

Стремление философов направлено на то, чтобы *понять*, чем другие просто живут. Толкуя свое бытие и постигая его опасности, они в то же время толкуют свое бытие также и своему народу.

Философ хочет заменить *народную картину мира новой.*

6 [38]

Фалесов союз городов: он прозревал судьбу полиса и сознавал миф как фундамент полиса. Разрушь он миф, то тогда, возможно, разрушился бы и полис. Фалес как государственный муж. Борьба против полиса.

Позиция Гераклита по отношению к персам: ему была ясна опасность эллинского и варварского начал.

Анаксимандр как основатель колоний.

Парменид как законодатель.

Эмпедокл – демократ, замышляющий социальные реформы.

6 [39]

Слова – вот соблазнители философов: они барахтаются в сетях языка.

6 [40]

Власть отдельного человека в Греции исключительно велика: ими основываются города, издаются законы.

6 [41]

Наука исследует ход природы, но никогда не в силах *приказывать* человеку. Склонность, любовь, охота, неохо-

та, воспарение, измождение — ничего этого наука не знает. То, чем человек живет и что он переживает, он должен себе на основании чего-то *истолковать*, а тем самым и оценить. Сила религий в том, что они служат *мерилами ценностей*, масштабами. Любое событие внутри мифа выглядит иначе. Толкование религий обладает тем свойством, что человеческую жизнь оно измеряет сообразно человеческим идеалам.

6 [42]

Эсхил жил и боролся напрасно: он явился слишком поздно. Вот в чем трагическое в греческой истории: *самые великие*, вроде Демосфена, являются слишком поздно для того, чтобы вызволить народ.

Эсхил свидетельствует также о высоте греческого духа, которая вместе с ним и умирает.

6 [43]

Ныне вызывает восторг евангелие черепах — ах, греки бежали слишком стремительно. Я ищу в истории не счастливые времена, а такие, которые предоставляют благоприятную почву для порождения гениев. И вот я нахожу времена до Персидских войн. Сколько их ни изучай, все недостаточно.

6 [44]

1. Эти философы — изолированно, сами по себе.
2. Затем как свидетели эллинского начала. (Их философии — Аидовы тени греческой сущности.)
3. Затем как борцы против опасностей эллинского начала.
4. Затем, в ходе эллинской истории, как неудавшиеся реформаторы.
5. Затем, в противоположность Сократу и сектам и vita contempl<ativa>, как попытки выработать *жизненную форму*, какая не выработана еще *и до сих пор*.

6 [45]

Одни люди живут жизнью *драматической*, другие — *эпической*, третьи — чуждой искусства и сумбурной. Пер-

сидские войны – это daemon ex machina в греческой истории.

6 [46]

У Анаксагора: νοῦς[1] есть ἄθεος[2] ex machina.

6 [47]

Попытка создания некоей народной культуры.

Расточительство драгоценнейшего греческого духа и греческой крови! На этом примере показать, насколько рассудительнее должны научиться жить люди. Тиранов духа в Греции почти всегда убивали, их потомство было скудным. Другие эпохи являли свою силу в том, что додумывали до конца и исчерпывали все возможности той или иной великой идеи – христианская, например. Но у греков было очень трудно достичь такого превосходства; все пребывали во вражде друг с другом. Одна только городская культура до сих пор налицо – еще и до сего дня мы живем ею.

Городская культура.

Мировая культура.

Народная культура: насколько слаба у греков, собственно ведь только афинская городская культура, в затуманенном виде.

6 [48]

1. Вероятно, в жизни каждого бывает момент, когда он с удивлением вопрошает самого себя: и как только удается жить! А ведь удается! Момент, когда он начинает понимать, что обладает изобретательностью сродни той, какой он восхищается в растении, которое извивается и карабкается, в конце концов добиваясь для себя толики света, а в придачу – и кусочка земного царства, и таким образом само творит себе свою долю радости на неприютной почве. В описании любым человеком своей жизни непременно есть такая точка, в которой он изумляется,

---

1 Разум (*греч.*).

2 Безбожник (*греч.*).

как это растение еще может жить здесь, и как оно, тем не менее, с неистребимым мужеством продолжает свое. Бывают жизни и такие, когда невзгоды возрастают до крайних пределов, жизни мыслителей; тут надо внимательно вслушаться в то, что рассказывают об этом, ибо тут можно уловить кое-что о *возможностях жизни*, слышать о которых только и дает счастье и силы и проливает свет на жизнь последующих; тут все так изобретательно, осмысленно, отважно, отчаянно и преисполнено надежды, словно кругосветные путешествия величайших первооткрывателей, да и в самом деле нечто в этом роде — путешествия вокруг отдаленнейших и опаснейших областей бытия. Поражает в таких жизнях то, что в них два враждующих, устремленных в противоположные стороны влечения вынуждены идти как бы под одним ярмом; то, которое желает познания, обязано снова и снова покидать почву, на которой обитает человек, дерзая уноситься в область неопределенного, тогда как влечение, желающее жизни, обязано опять и опять ощупью пробираться к какому-либо относительно безопасному месту, где можно устоять. Невольно вспоминается Джеймс Кук, который был вынужден, не выпуская из рук лота, в течение трех месяцев пробираться между рифов; подстерегавшие его опасности порой оказывались столь велики, что он предпочитал возвращаться, ища спасения в положении, которое незадолго до того сам считал одним из опаснейших (Лихтенберг IV, 152). Эта борьба между жизнью и познанием будет тем острее, а это шествие под одним ярмом — тем необычнее, чем сильнее оба влечения, т. е. чем полнее, полноцветнее жизнь и, соответственно, чем ненасытнее познание, чем алчнее толкает оно на все новые приключения.

2. Поэтому я не успокоюсь, пока не предъявлю душе своей череду мыслителей, каждому из которых свойственна та самая непостижимость, каждый из которых невольно вызывает то самое изумление: как именно сумел он обрести свою возможность жизни; мыслителей, что жили в наиболее насыщенную и плодотворную эпоху Греции — в столетие перед Персидскими войнами, ибо эти мысли-

тели открыли даже *прекрасные возможности жизни.* И мне кажется, что наилучшее из всего этого позднейшие греки забыли: и есть ли даже и ныне народ, который мог бы утверждать, что он открыл эти возможности заново? Стоит сравнить мыслителей других эпох и других народов с той чередой фигур, что начинается Фалесом и заканчивается Демокритом, более того — поставить рядом с теми древними греками Сократа и вождей всех сект позднейшей Греции — да, мы сделаем это в данном сочинении и, можно надеятся, еще лучше другие сделают это — и все же я думаю, что любое сравнение обречено завершиться восклицанием: как они прекрасны! Я не вижу среди них ни одной корявой или беспутной фигуры, ни одной поповской физиономии, ни одного бесплотного пустынножителя, ни одного фанатичного приукрашивателя современности, ни одного богословствующего фальшивомонетчика, ни одного согбенного и бескровного ученого; не вижу я среди них и тех, кто придает такую важность «спасению своей души» или вопросу о сущности счастия, что забывают за ними о мире и ближнем. Кто смог бы заново открыть «*эти возможности жизни*»! Поэты и историки должны сосредоточиться на этой задаче, ведь подобные люди — слишком редки, чтобы можно было упускать их. Никоим образом нельзя успокаиваться прежде, чем их образы не будут вопроизведены нами и стократно написаны на стенах, а когда это будет сделано, вот тогда-то уж точно нельзя успокаиваться. Ибо нашей эпохе, столь изобретательной, до сих пор не хватает именно того изобретения, которое, как видно, было сделано древними философами: иначе откуда было бы взяться их достойной удивления красоте? Ведь что такое красота, как не увиденное нами отражение необыкновенного ликования природы по поводу того, что открыта новая плодотворная возможность жизни? И что такое уродство, если не ее неудовольствие самой собой, не ее сомнение, действительно ли она владеет еще искусством соблазнять к жизни?

3. Греческая философия, по-видимому, начинается с нелепой идеи, будто вода является первоначалом и материнским лоном всех вещей; позволительно спросить

себя, неужели здесь и в самом деле есть перед чем остановиться и всерьез задуматься? Да, и по трем причинам. Во-первых, потому что этот тезис содержит высказывание о начале вещей; во-вторых, потому что он делает это, не прибегая к метафорам и мифическим выдумкам; и наконец в-третьих, потому что в нем, пусть лишь в «окукленном» состоянии, заключена мысль: все есть одно. Первое оставляет Фалеса в компании умов религиозных и суеверных, второе изымает его из этой компании и выдает в нем первого естествоиспытателя, в силу же третьего Фалес считается первым греческим философом. В лице Фалеса человек научный впервые одержал победу над человеком мифическим, а человек мудрый, в свою очередь, —над человеком научным.

6 [49]

Как же стало возможным, что Фалес отказался от мифа! Фалес в роли государственного мужа! Что-то непременно должно было предшествовать этому. Коль скоро полис был средоточием эллинской воли и коль скоро он покоился на мифе, то отказаться от мифа, значило отказаться от идеи полиса. Между тем известно, что Фалес предложил создать основанный на клятве союз городов, хотя и не сумел этого добиться: его планы разбились о древнее мифическое понятие полиса. В то же время он понимал огромную опасность, подстерегавшую Грецию в случае, если эта изолирующая сила мифа будет поддерживать разделение между городами. И в самом деле, если бы Фалес все-таки создал свой союз, Греция избежала бы Персидских войн, а тем самым—победы афинян и их превосходства. Изменить понятие полиса и вызвать к жизни панэллинский образ мыслей было задачей всех древних философов. Желая достичь большей свободы и расширить горизонт узких представлений, Гераклит, кажется, опрокинул даже барьер между варварским и эллинским.— Значение для греков воды и моря.

6 [50]

Фалес: что толкало его в сторону науки и мудрости? Прежде всего борьба против мифа. Против основанного

на мифе полиса. Единственное средство защитить эллинство, предотвратить Персидские войны. У всех философов — панэллинская цель.

Анаксимандр. Борьба против мифа, поскольку он изнеживает и укрощает, подвергая тем самым греков опасности.

Гераклит. Борьба против мифа, поскольку он изолирует греков и противопоставляет их варварам. Он размышляет над сверхэллинским мироустройством.

Парменид. Теоретическое низведение мира до некой иллюзии. Борьба против фантастического и зыбкого в мировоззрении в целом: он стремится дать человеку покой вместо политических страстей. Законодатель.

Анаксагор. Мир — неразумен, но при том — исполнен меры и прекрасен: таким должен быть человек, и таким находил он его в древних афинянах, Эсхиле и т. д. Его философия — зеркало древних Афин: законодательство для людей, в нем не нуждающихся.

Эмпедокл. Панэллинский реформатор, пифагорейская жизнь на научной основе. Новая мифология. Понимание неразумности обоих влечений — любви и ненависти. Любовь, демократия, общность имущества. Сравнение с трагедией.

Демокрит: мир неразумен, он лишен меры и красоты и подчинен лишь необходимости. Непременное устранение всего мифического. Мир постижим. Он принимает полис (вместо эпикурейского сада); то была возможность эллинской жизни.

Сократ. Трагическая стремительность греков. Древние философы не подействовали. Виртуозы жизни: древние философы мыслят неизменно *по-икаровски.*

6 [51]

Преувеличенной оценки греков не было, понятно, никогда: ведь в таком случае надо было бы оценивать их так, как они того заслуживают, но именно это и невозможно. Как наша оценка греков может быть справедливой по отношению к ним! Мы всегда оценивали их только *ошибочно.*

7. 1875

7 [1]

Почитание классической древности, какое было присуще итальянцам, т. е. почитание единственно серьезное, бескорыстное, беззаветное из всех, какие только до сего дня доставались древности, есть великолепный пример донкихотства: вот какова филология в лучшем случае. Так было уже у александрийских ученых, так было у всех софистов первого и второго столетий, у аттикистов и т. д. Подражают чему-то чисто химерическому, бросаются в погоню за миром чудес, которого никогда не существовало. Подобная черта присутствует уже в древности: нечто от нее есть в манере копировать гомеровских героев, во всем обращении с мифом. Со временем все греческое само стало объектом для Дон Кихота. Невозможно понять наш современный мир, не учитывая чрезвычайного влияния чисто фантастического. Между тем у всего этого есть антитеза: подражание невозможно. Всякое подражание есть искусственный феномен, и только, а значит, создающий видимость; живое может путем подражания воспринять манеры, мысли и т. п., но *породить* оно, подражание, не способно ничего. Культура, которая копирует греческую, не способна породить ничего. Разумеется, творящий субъект может заимствовать отовсюду, находить пищу во всем. И потому мы можем получить что-либо от греков только будучи творцами. Но как филологи могут быть творцами! Должны существовать ремесла нечистоплотные, живодер; так же корректоры. Как знать, не представляет ли филология собой такое вот нечистоплотное ремесло?

7 [2]

Происхождение филолога. При появлении великого произведения искусства всегда найдется созерцатель, способный не только ощутить его воздействие, но и же-

лающий это воздействие увековечить. Так же обстоит дело и с великим государством, короче — со всем, что возвышает человека. Так и филологи хотят увековечить воздействие античности: сделать это они могут только в качестве *подражающих художников*, а не люд<ей> живущих по этому образцу и подобию.

7 [3]

Происхождение филологии. (Нуждалась ли античность в сословии представителей?)
Нынешнее происхождение филолога.
Отношение филологии к грекам.
Ее воздействие на нефилологов.
Филологи будущего — будут ли таковые?

7 [4]

Дружба, богиня, внемли милосердно песне
которую ныне поем мы дружбе
Куда бы взор друзей ни устремлялся
полон счастия дружбы:
спасительно близка нам
утренняя заря во взоре и
юности вечной неизменный залог в священной деснице.

7 [5]

При тщательном ознакомлении с историей филологии бросается в глаза, как мало обнаруживается в ней по-настоящему одаренных людей. В числе самых знаменитых есть такие, кто разрушил свой рассудок многознанием, а в числе самых понимающих — такие, кто не умел употребить его на что-либо, кроме ловли блох. Это печальная история; я думаю, нет ни одной другой науки, которая была бы столь бедна талантами. Хромые духом, нашедшие своего конька в словоблудии.

Я сам предпочитаю писать нечто заслуживающее такого чтения, какое филологи уделяют своим авторам, вместо того, чтобы корпеть над каким-либо автором. И вообще — самое скромное творчество ценнее, чем разговоры о созданном.

7 [6]

Всякий, кто с одобрением относится к изучению прошлого вообще, вероятно, сочтет уместным, даже похвальным и уж во всяком случае понятным, существование ученых, занятых исключительно изучением греческой и римской античности. Но то, что эти самые ученые в то же время являются воспитателями благородного юношества, богатых сословий, уже отнюдь не столь понятно—здесь есть проблема. Почему именно *они*? Ведь это вовсе не настолько само собой разумеющаяся вещь, как то, что изучающий искусство врачевания сам врачует и лечит. Ибо если бы одно равнялось другому, то занятие греческой и римской античностью было бы равнозначно «науке воспитания». Короче: соотношение между теорией и практикой в филологе не так-то легко определить. Откуда берется его притязание быть учителем в высшем смысле слова и воспитывать не только всех людей науки, но и всех образованных людей вообще?

Эту воспитательную силу филолог черпает, очевидно, в античности; и тогда впору удивиться и спросить: что заставляет нас придавать далекому прошлому такое значение, что только с помощью его познания мы можем стать образованными?

Вообще-то, вопрос этот не задается или задается редко: господство филологии над системой воспитания почти не подвергается сомнению, и античность *имеет* такое значение. Раз так, положение филолога благоприятнее, чем положение любого другого адепта науки, пусть в его услугах нуждается и не самая большая масса людей—например, во враче нуждаются больше. Но в его распоряжении люди избранные, а именно юноши—причем в ту пору, когда в них все распускается, и притом располагающие временем и деньгами для того, чтобы обеспечить себе лучшее развитие. Везде, куда бы ни простерлось ныне европейское образование, в качестве первого и главнейшего его средства приняты гимназии на латинско-греческой основе. Тем самым филология нашла верную и наилучшую возможность популяризировать себя, вызывать к себе уважение: в этом отношении положение филологии благоприятнее положения любой другой науки. И все те, кто прошел через

подобные заведения, в целом убеждены в правильности такого положения дел; они—бессознательные заговорщики в пользу филологии. Стоит прозвучать хоть слову против нее—со стороны тех, чей путь сложился иначе,—возмущение оказывается столь единодушным и не нуждающимся в словах, как будто классическое образование—это своего рода волшебство, приносящее счастье и потому ни для кого не требующее доказательств. Никто даже не вступает в полемику—«ведь мы сами прошли через это».

Между тем есть множество вещей, к которым человек привык настолько, что считает их целесообразными; ибо привычка примешивает всякой вещи сладость, а правоту того или иного дела люди оценивают в большинстве случаев в соответствии со своими пристрастиями. Следовательно, нынешнее *пристрастие к классической древности* нужно рассматривать смотря по тому, что в нем является пристрастием привычки и что—пристрастием к непривычному. Я имею в виду то внутренне деятельное, новое, молодое пристрастие, которое изо дня в день пробуждает плодотворную убежденность, пристрастие к некой высокой цели, которое ищет и средства для ее достижения, продвигаясь шаг за шагом вперед, от одного непривычного к другому непривычному, как альпинист[1].

На каком основании зиждется та высокая оценка античности современностью, которая заставляет строить на ней все нынешнее образование? Откуда идет это пристрастие? Это предпочтение античности?

В ходе исследования я, как мне представляется, установил, что на том же основании, на котором покоится авторитет античности как важного средства воспитания, покоится также и вся филология, т. е. все ее нынешнее существование, вся ее сила. Роль филологов как учителей является точным выражением господствующих воззрений на ценность античности и на наилучшие методы воспитания. Эта мысль заключает в себе два положения; первое: все высшее воспитание обязано быть воспитанием исто-

---

1 В оригинале слово «Alpensteiger», поэтому мы допускаем здесь этот анахронизм, ни в малейшей степени не искажающий суть оригинала (*прим. ред.*).

рическим; второе: греческая и римская история — иная, нежели все прочие, она — *классическая*. Тем самым знаток этой истории становится учителем. Мы не исследуем здесь первого (должно ли высшее воспитание непременно быть историческим), а занимаемся вторым: *в какой именно мере она — классическая?*

В этом отношении весьма распространены некоторые предрассудки.

Во-первых, предрассудок, заключающийся в синонимическом понятии «*гуманитарные* дисциплины»: античность классическая, ибо она есть школа гуманистического.

Во-вторых: «античность классическая, ибо она *просвещенная*».

7 [7]

Il faut dire la vérité et s'immoler[1].

Вольтер

Предположим, что нашлись бы умы более свободные и проницательные, которые были бы не довольны тем образованием, которое сейчас в ходу, и подвергли бы его своему суду: что стал бы говорить на нем обвиняемый? Прежде всего следующее: «Я не знаю, есть ли у вас право обвинять меня или нет, но в любом случае адресуйтесь не ко мне, а к моим создателям; на них лежит долг защищать меня, я же имею право молчать — ведь я не что иное, как их создание». После чего были бы вызваны создатели, среди которых можно было бы увидеть целое сословие — сословие *филологов*. Это сословие состоит, с одной стороны, из людей, использующих свое знание греческой и римской древности в целях воспитания с его помощью юношей 13–20 лет, а с другой — из тех, в чью задачу входит заниматься образованием все новых учителей подобного рода, т. е. быть воспитателями воспитателей. Филологи первого типа суть учителя гимназий, второго — профессора университетов. Первым поручают избранное юношество, дарования и благородство которого уже дало о себе знать и на воспитание которого родители готовы потратить должное количество времени и денег; если же им

1 Надо говорить правду, даже жертвуя собой (*франц.*)

поручают еще и других, которые не удовлетворяют этим трем условиям, то во власти учителей отвергнуть их. В руки филологов второго типа, филологов университетских, попадают молодые люди, чувствующие в себе призвание к высшей и взыскательнейшей из профессий — быть учителями и образователями рода человеческого; и снова в их власти отсеивать оказавшихся здесь случайно. Если образование той или иной эпохи подвергнется осуждению, то на филологов в любом случае будет возложена ответственность за это: ведь либо они намеренно поддерживают негодное образование, по собственной слепоте считая его хорошим, либо не поддерживают его, но слишком слабы, чтобы добиться осуществления того, что они сознают как лучшее. Таким образом, их вина либо в недостатке понимания, либо в бессилии. В первом случае они сказали бы, что не видят ничего лучшего, во втором — что ничего лучшего не умеют. Но поскольку филологи воспитывают преимущественно с помощью греческой и римской античности, то недостаток понимания, о котором шла речь в первом случае, может проявляться как в том, что они *не понимают* античности, так и в том, что они насильственно насаждают ее в наши дни в качестве якобы важнейшего средства воспитания, меж тем как она вовсе не является или уже больше не является таковым. Если же вменить им в вину безволие, то, будучи совершенно правы в своем мнении о присущем античности воспитательном значении и силе, они тем не менее окажутся инструментами не подходящими для того, чтобы античность могла посредством их обнаружить эту свою силу. Иными словами, вышло бы, что они — учителя вовсе не по праву и находятся, более того, живут в ложном положении. Но каким образом они в нем оказались? Потому что заблуждались относительно себя и своего предназначения. Итак, определяя ответственность филологов за дурное современное образование, можно суммировать различные варианты в следующей формуле. *Филолог, желающий доказать свою невиновность, должен понимать три вещи: античность, современность, самого себя; его вина состоит в том, что он не понимает либо античности, либо современности, либо самого себя. Вопрос первый: понимает ли филолог античность?———*

8. Лето 1875

8 [1]

Книги на 8 лет.

Шопенгауэр.
Дюринг.
Аристотель.
Гёте.
Платон.

8 [2]

Против лирической поэзии у немцев. Вот читаю я, будто *Мёрике* — величайший немецкий лирик! Ну не преступно ли быть настолько глупым, чтобы *не* видеть или не желать видеть в Гёте величайшего лирика?

А какой хаос должен царить при этом в голове, какое представление о лирике! После этого я снова заглянул в этого Мёрике и нашел его, за вычетом 4–5 вещиц в манере немецкой народной песни, очень слабым и непоэтичным. Прежде всего у него совсем отсутствует ясность взгляда. А то, что у него называют музыкальным, тоже немногого стоит и показывает, *как мало* люди смыслят в музыке, которая *больше*, чем сладенькие журчания и бренчания! Что до мыслей, то их у него нет вовсе, я же переношу только таких поэтов, у которых среди прочего попадаются еще и мысли, как у Пиндара и Леопарди. Но как можно долго терпеть эту детскую неопределенность чувства в немецкой народной песне! Да после этого я готов хвалить даже Горация, хотя он очень уж определенен и комбинирует словечки и мыслишки, словно мозаику.

8 [3]

В такой последовательности:

Дюринг «Ценность жизни».

Дюринг «Курс философии».
Математика Райса.
Физика и проч.
Естественнонаучная библиотека.
Национальная экономика.
Гигиена.
История.

Первый час дня посвящается учению.
Затем работа над курсом лекций.

На семинаре «Прометей»?
«Хоэфоры»?
«Альцеста»?

8 [4]

Планы всякого рода:

1) цикл лекционных курсов о сущности греческого.

2) собирание обширнейшего эмпирического материала по человековедению. С этой целью читать побольше старых историков, романы и т.д., а также письма.

3) проштудировать Дюринга как попытку игнорировать Шопенгауэра и посмотреть, что мне дает и чего не дает Шопенгауэр. После этого еще раз прочесть Шопенгауэра.

4) постепенное продолжение моих «Несвоевременных размышлений», прежде всего — «Рихард Вагнер в Байройте», «Филологи», «О религии».

5) завершить мои филологические работы, дабы они не совсем изгладились у меня из памяти. Издать первый том собрания филологических работ, содержащий: «“Хоэфоры” Эсхила», «О ритме», «Состязание Гесиода и Гомера», «Диадохи философов».

6) совместно с моими учениками Баумгартнером и Бреннером — предварительные изыскания к учению о стиле.

7) в педагогиуме: Платон, Илиада, учение о модусе, «Агамемнон» Эсхила.

8 [5]

Гёте — прежде всего *эпик*, в значительно большей мере, чем, скажем, лирик. Видеть в нем *величайшего* лирика совершенно неверно.

8 [6]

Эсхил, как все поэты, нерелигиозен.

8 [7]

Одна из вреднейших книг — «Дон Кихот».

8 [8]

Для того, чтобы быть прекрасной, природе вовсе не требуется «прекрасная погода». Иной природе для этого даже *требуется* дурная.

9. Лето 1875

9 [1]

«Ценность жизни» Е. Дюринга, 1865.

Предисловие *Дюринга* к «Ценности жизни». Он ожидает нападок со многих сторон, полагает, что оскорбил школьную философию, во-первых, обращая внимание на экономическое будущее человечества, а затем и возводя понятие справедливости к мести. В остальном он считает, что действует *в полном соответствии с духом времени,* и уверен, что именно об этот самый дух и разобьются попытки проигнорировать его. Дурной слог, плохая осанка, недобор высоты, испорченная манера сжатого изложения («материальные точки зрения», «нация отдаляется от мира грез, в котором был центр тяжести ее бытия», «предпосылание», «принятие во внимание», «колоссальные измерения, которые приходится принимать мышлению»). В языке какая-то алогичность, но при том отнюдь не алогичность энтузиастической рефлексии, а скорее смесь небрежности (неряшливости) и сухости при недостатке стилистического мастерства. О Шопенгауэре даже и вспоминать не приходится, в том числе и в отношении этоса.

«Мироотчаянию» (прекрасное слово), таким образом, не высказано ни слова. Себя он называет «самым решительным антагонистом» Шопенгауэра, но тем не менее «высоко чтит его устремления и достижения»! Возводит к Фейербаху «юное, живое, полнокровное направление, способное ныне отчасти спасти достоинство философии, энергично и с успехом противостоя обскурантизму». Берлин, 1865.

Введение.

... «сила оптимизма состоит в способности не замечать и игнорировать» дисгармоническое в этом мире; пессимизм «накладывает друг на друга две системы», «ему

неведома сила цельного мышления». Тем самым выходит, будто оптимизм есть философия *более логичных* людей — в том, что касается умения заключать на основе имеющегося материала, однако они намеренно пользуются материалом неполным, а на прочее закрывают глаза. Позиция пессимистов — алогичная, они сопоставляют два логически несоединимых мира. Высший порядок вещей у них должен не объяснить, а упразднить, уничтожить низший; зачастую за причину существования реального мира они предполагают слепое неразумие. Пессимизм есть порождение не логической, а поэтической необходимости. Между тем оптимизм вообще не является порождением практической необходимости: оптимистам приятно жить, и только когда пессимисты вынуждают их, они пытаются сделать из этой приятности систему и логически оправдаться. Следовательно, оптимизм это, в сущности, *самозащита людей счастливых против утверждений пессимистов, пессимизм агрессивен, его мать — нужда.* Он *древнее* и изначальнее, *нежели оптимизм*, он продуктивен, так что *даже его противоположность* вызывается к жизни именно им. Ego.

В сфере практических суждений и ценностей не существует никакого чистого суждения, чистого познания. В состоянии наших *устремлений*, наших *намерений* коренятся все наши ободряющие или отвергающие жизнь суждения. Вот критика шопенгауэровой философии. Некоторые представления вообще невозможны вне отношения к волению. Всякое *влечение* есть потребность и уже содержит в себе *представление о существовании удовлетворяющего его предмета*; следовательно, влечение — идееобразующе.

Противоположность между чисто теретическими суждениями и практическими оценочными суждениями заключается в следующем: теоретическое суждение предполагает согласование с неким чисто теоретическим понятием, практическое оценочное суждение — согласование с неким устремлением, т. е. с чем-то, что *уже имеет* свою меру, что *должно быть.*

Обобщающее суждение о ценности жизни — это равнодействующая элементарных определений; не может быть теоретического понятия, которое заранее устанавливало бы, как должна быть устроена жизнь, чтобы заслу-

жить наше одобрение. Абсурдными следует считать, таким образом, следующие точки зрения: зло подлежит отрицанию, ибо действительным злом оно является только с точки зрения человека. Или, вслед за Спинозой: ничто не является неприемлемым само по себе; лишь человеческое воление аттестует одно как доброе, другое же клеймит как злое. Если же в принципе отказаться от этого человеческого начала, то теряется и всякая мера для практических оценочных суждений. Помимо этого теряется нравственное суждение (больше нельзя говорить о добром и злом, более того — всякое не чисто теоретическое решение должно быть признано заблуждением).

Итак, ценность вещей измеряется *устремлением*, для того, *кто ни к чему не стремится, никаких ценностей* не существует, для субъекта чистого познания не существует никакого добра и зла, никакого одобрения или отвергания. Тот, кто ни к чему не стремится, производит только чисто теоретические суждения. Мне кажется, таким образом, что весь высокий смысл суждения о ценности жизни сопряжен с высотой и силой устремления, т. е., во-первых, с целью, а во-вторых, со степенью устремленности, обращенности к этой цели.

Всякое утвердительное оценочное суждение есть устремление к чему-то, всякое отрицание — устремление от чего-то. Всякое практическое суждение восходит к симпатии или антипатии.

Возможно, даже все *чисто теоретическое* относится к базовой форме практического. Рассудок предлагает закон о том, что сообразно с рассудком, а что — нет, т. е. что должно быть, а чего — нет, он соглашается с тем, что сообразно его собственной сущности.

Короче говоря, суждение о ценности жизни — это движение души: либо жажда жизни, либо пресыщенность ею. Дюринг отрицает ненависть к жизни: это был бы жизненный порыв, направленный против самой жизни.

В силу сказанного размышления по поводу неизменного в человеческом субъекте — всего лишь предварительная работа, сопряженная с вопросом: а вдруг все устройство чувственной и душевной жизни несовместимо с гармоническим развитием существа?

Является ли этот мир наилучшим? — абсурдный вопрос: у нас нет ровно никакого представления о других возможностях.

Дюринг так формулирует свою задачу: «Отвратительные стороны бытия должны найти свое освещение в гармонии целого» (выражено подло!), «Зло невозможно переделать в добро.» «Боль остается болью, какие бы последствия она ни имела». «Несмотря на то, что мир не находится в полном ладу ни с рассудком, ни с инстинктом, у нас все равно нет никакой возможности средствами рассудка исследовать вопрос, почему жизнь включает в себя зло.» «Мир и жизнь суть фактическая данность, наше примирение с их отвратительными сторонами может быть только фактическим.» «Таким образом, это примирение само существует только в форме *устремления.*» Человек ищет равнодействующую отдельных душевных движений и использует ее в качестве силы сопротивления многообразию впечатлений. Таким путем достигается пусть и не лишенная диссонансов, но все же гармония. Примирение с единичным черпается из созерцания целого. Теоретическая невозможность поставить вопрос об основании фактической данности уже сама по себе есть дисгармония. Нашему рассудку остается только одно: «преодолевать идею отдельного недостатка посредством представления о более общей взаимоувязанности», модифицировать отдельное представление посредством совокупности остальных.

Однако теоретического примирения недостаточно; если бы мышление было в состоянии принести ничем не возмутимый покой, то созерцательная мудрость (как все, обещающее удовлетворение с помощью голой теории, например, искусство) была бы единственным, что заслуживало бы человеческого участия. Но средством совладать с бедами она не служит. Философия просто вынуждена признать, что одного только упорядочения идей недостаточно, если речь идет о том, чтобы достойно встретить беду. Необходимо еще действие и сознание действия; реальная перемена в ощущениях должна создать иную основу для представлений, должно измениться настроение.

Даже такая теория, которая стремится придать миру гармоничный вид, не может обойтись без предпосылки, что против зла необходима действенная сила. *Иметь своим следствием одно лишь упорядочение идей может только то, что для человека совершенно* **неизменно**. Там же, где человеческое вмешательство еще способно изменить вещи, там на первом месте стоит действие. Оптимизм зачастую вызывает презрение, потому что вследствие своей *инертности* приукрашивает зло, да и многие философы усматривали неизменность там, где человеческая деятельность еще могла рассчитывать на успех. «Суждение о ценности жизни будет разным в зависимости от того, где будет проведена линия между неизменным и поддающимся воздействию со стороны человека.»

Таковы идеи, изложенные во введении.

Короче: каждый раз из множества отдельных оценочных суждений в сумме складывается то или иное воззрение на ценность жизни. При отсутствии оценочных суждений речь идет о чистом познании; все они суть душевные склонности; упомянутая сумма также есть не что иное, как душевная склонность: суждение о ценности жизни ни при каких условиях не может быть чистым познанием. Я бы добавил, что было бы еще правильнее именовать все подобные суждения *нечистым познанием*. Нечистота заключается 1) в том, каким образом представлен материал, например—очень неполно; 2) в том, каким образом на его основе складывается сумма; например, может быть сделано неверное обобщение (сумма нашего опыта *никогда не может* быть оправданием суждения о жизни), т. е. неверно логическое выражение суммирования; 3) в том, что каждая отдельная часть материала, в свою очередь, является результатом нечистого познания; причем совершенно неизбежно: никакой опыт, например, связанный с тем или иным другом, не может быть полным в той степени, чтобы дать нам *логическое право* на общую оценку. Все оценки поспешны и не могут быть иными. Следовательно, мера, которой мы меряем,—это наше существо, а оно—величина отнюдь не неизменная, мы подвержены настроениям и т. д., нам надлежало бы знать самих себя, чтобы справедливо оценивать, в каком отношении к нам находится та или иная вещь.

Если, как сказано, все суждения о ценности жизни несправедливы и нелогичны, то можно ли отсюда сделать заключение, что следует *вообще воздерживаться* от каких бы то ни было суждений? Если бы человек мог жить, не прибегая к оценкам, не испытывая антипатий и симпатий! Ведь всякая антипатия связана с соответствующей оценкой, равно как и всякая симпатия. Не бывает влечений, которые *не* сопровождались бы никаким познанием (о том, что содействует, а что препятствует). Мы изначально суть существа алогичные, а потому также и *несправедливые*, и мы **способны это понять**! В этом заключена одна из самых чудовищных *дисгармоний* бытия! Ведь мы носим в себе меру, которую прилагаем к бытию и которая совершенно незыблема: очевидно, это закон тождества. Эта мера, далее, есть как раз единственная известная нам *гармония*. Нам представляется, что существует дисгармоничный мир, а эта гармония закона тождества – не что иное, как теория, представление. Но возможно ли помыслить самопротиворечащее как *действительное*? Так называемая философия действительности из-за этого словечка оказывается во власти популярного предрассудка относительно действительного и недействительного. Но если бы, к примеру, было твердо установлено, что без понятия гармонической реальности никакая оценка вещей, хотя бы даже ложная, вообще невозможна, то ведь суждение, вынесение оценки само есть не что иное, как измерение «действительного» мира с помощью того, который кажется нам **более действительным**.

Итак: различение двух миров, из которых один является худшим, менее действительным по сравнению с другим, *более действительным* и лучшим, *т. е. тезис пессимизма* есть данность, которая предпослана всякому оценочному суждению; она заключена в конституции судящего рассудка, который исходит из тождества как из доступного ему мира. Происхождение рассудка и его конституция не могут быть выведены из практического отношения к вещам, рассудок не является продуктом души. Напротив, всякая симпатия и антипатия уже предполагают рассудок, а в нем – закон противоречия; без *логического* нет никакого ощущения, никакого настроения, никакого представления.

I. *Жизнь как совокупность ощущений и душевных движений.*

Все дело в общей сумме склонностей; надо учитывать даже те, которые вызываются сновидениями. И вообще не имеет никакого значения, основывается ли склонность на истине или лжи.

Жизнь – это не *только* сумма раздражений, поступающих в сознание. Характер и степень их слишком различны. Системы древних выхватывали только одну какую-либо разновидность и делали ее единственной мерой при суждениях: эпикурейцы – ощущение, стоики – абстрактное сознание. Как следствие они приходили на практике к ложным заключениям. Первые были озабочены погоней за приятными ощущениями и недооценивали могучее воздействие на душу абстрактных представлений; вторые торжествовали выдуманную победу над ощущунием и аффектом, впадая в жеманство и руководствуясь внешним шаблоном катехизиса, не одержав победы внутренней: гримасничанье и лицедейство.

Даже жизнь животных не состоит из одних только ощущений; высшим ее ступеням свойственны душевные движения, например, тоска. *Человек, если уж он опустился, всегда опускается ниже животного.* С отказом от некоторых элементов полной жизни всегда связана та или иная разновидность вырождения.

Есть ли точка зрения, делающая душевные движения единственным мерилом ценностей? И напротив, не только стоицизм, но и вся мораль нового времени полагает центром бытия абстрактные представления: в соответствии с совершенно абстрактными максимами, которые *не* должны иметь свой первоисток в аффектах. Однако не существует мотивов действий и склонностей, корень которых не крылся бы в ощущении и аффекте. Игрой аффектов можно объяснить все проявления жизни, вплоть до выработки самых абстрактных идей. Страсти – неотъемлемая часть жизни, и нечего подозревать в них нарушителей счастья. Без любви и ненависти бытие становится голой пустыней. Люди вовсе не жаждут равномерного покоя, они ищут возбуждения и волнений. Они словно провоцируют радость и боль. Ничто великое не совершается без страсти, говорит Аристотель. Жизнь сама есть то ве-

ликое, что не совершается без страсти. Абстрагирование от страстей ведет, с одной стороны, к аскезе, с другой — к расчетливому, блеклому чувственному наслаждению; здесь уничтожается все, что придает жизни ценность. Во втором случае человек опускается ниже животного, в первом — превращается в отвратительное чудовище («он без различия прикасается к корням всех вожделений»). Там отрицается часть условий жизни, здесь — все содержание. Банальное самоубийство — вещь относительно невинная по сравнению с намерением убить саму сущность рода, а не просто отдельного индивидуума. Даже убийство может показаться меньшим преступлением, чем мракобесие отравляющих жизнь своими обвинениями.

И дальше пошла неприкрытая брань, в которой встречается: «Искоренение всего великого и благородного, насмешки и нападки на все гуманные чаяния и чувства»; «в союзе с развратом и старческой пресыщенностью» «та или иная якобы философия осмеливается сеять ненависть к жизни и живому». Как тут не вспомнить Будду, Христа и т. д.! «Когда отдельный человек уходит в монастырь, это можно извинить; когда же это становится общей доктриной, то неизбежно приобретает характер интеллектуального преступления». Сказанное, видимо, должно означать: практическое отрицание со стороны отдельного человека извинительно, но никак не извинительно, если этот отдельный человек выводит отсюда всеобщую максиму — это преступление перед интеллектом. «Если бы узы, скрепляющие человечество, были крепче, то исчезли бы и те печальные исключения, душа не была бы привязана к одним только собственным самолюбивым желаниям, индивидуальная судьба была бы бессильна подавить аффекты, направленные на большее целое, на человечество. Сила страсти сохранялась бы; сила любви и ненависти избежала бы губительной власти индивидуальной судьбы». Здесь все шиворот-навыворот! Во-первых, он убежден, будто аскеты становятся аскетами из эгоизма, будто только личный жребий рождает в них ненависть к бытию. Во-вторых, он совершенно не чувствует общеспасительного и воздействующего на всех пафоса аскетизма; в своих высших проявлениях он означает как раз смерть

и страдание за всех. В-третьих, он путает высокомерие и отвращение с тем, когда человек поворачивается спиной к жизни. Когда он говорит, что «если бы узы, скрепляющие человечество, были крепче, то исчезли бы и те печальные исключения, те духовные самоубийства», он вполне серьезно полагает, что жизнь в одиночестве никак не может быть жизнью ради людей и что уход от жизни есть и уход от людей. В действительности же — наоборот; хотел бы я знать, какие высшие узы вообще связывали бы людей, если бы не было труда одиноких аскетов всяческого рода! Да еще духовное самоубийство! Вспомним об Эмпедокле и Шопенгауэре, о Леопарди, которые выступают у него «преступниками перед интеллектом», о Лютере и сколь многих еще. Не очень-то похоже, чтобы именно «дух» приходил в упадок при таком воззрении на жизнь!

Самоистязательные доктрины выводятся им из искусственно созданных обстоятельств («настрой должен существенно отклоняться от нормального» — излюбленная инсинуация в адрес всех аскетов и любого аскетического философствования как якобы безумного!). Поэтому де эта «карикатура на человеческое» не может быть сколько-нибудь опасным противником. (И тем не менее серьезнейшие представители всех наиболее масштабных религий жили и учили в соответствии с этим!). Опаснее-де мораль — она приносит жертвы абстракциям.

Хочу добавить, что аскетизм, пожалуй, не может возникнуть без некоторого интеллектуального *заблуждения* (относительно тела и души, относительно тела как вместилища аффектов, как у Платона), но это заблуждение относится только к *представлению* о том, каким образом человек избавляется от *воли к жизни*; само же побуждение избавиться от нее здесь не при чем, его нельзя вывести из интеллекта. Тот факт, что подобное побуждение может возникнуть как раз у наиболее благородных людей, разве не служит критерием для оценки бытия? Бранью здесь ничего не решить. Даже если бы в этом заключалось ужасное заблуждение, то все равно возможность такого заблуждения опять же относилась бы к темным сторонам бытия. В особенное бешенство Дюринга приводит упомянутая бесстрастность; но если кто-то отрешился от пафоса и

способен полностью становиться ἦθος[1], то для *нас* это тем более ценно, и возможность такого поведения именно для нас является вожделенной целью. Защитник пафоса нелепо выглядит в роли обожествляющего жизнь. Если без пафоса не может возникнуть ничего великого (в чем позволительно усомниться), то это бросает на саму жизнь жутковатый свет; довольно в возникновении всего великого видеть нечто трагическое, да и в самой жизни—трагедию. «Наша мораль—это идолопоклонство, приносящее живые мотивы в жертву пустым абстракциям». Например, несправедливость—величайшее в мире зло (сомневаюсь!); отказ от нее—первейшая предпосылка умиротворенного состояния души. Она не имеет этого свойства, потому что некое абстрактное правило квалифицирует его как нечто неприемлемое; понятие несправедливости создано инстинктом, инстинктом возмездия, местью; к этому аффекту восходят поблекшие понятия справедливости и долга.

Мораль ставит себе целью выносить оценку любым разновидностям поведения: для этого ей нужна мера. Последняя содержится в непроизвольных определениях, данных самой природой; основа заложена в инстинктах и аффектах. Чисто теоретический разум не может выработать никакого долженствования. Мораль, которая осуждает все разнообразие непосредственных чувств, есть чистейшей воды лицемерие.

«Таким образом, ошибочные принципы *моральной* оценки противостоят правильному отношению к жизни». Теперь он пытается дискредитировать душевное равновесие, оно-де не представляет собой ничего значительного, все дело в силах, которые пребывают при этом в равновесии. Качество и мера взаимосвязанных ощущений и движений души—вот благодаря чему возникает равновесие. Сила абстракции имеет отношение только к определению отдельных факторов, а не к целому.—Все это недодумано или невнятно выражено.

Вырождение системы морали связано с невниманием к различию между теми душевными движениями, кото-

---

1 Спокойное состояние души, сознательное или нравственное отношение (*греч.*).

рые относятся к единичному индивидууму, и теми, которые относятся к взаимоотношениям между людьми. Представим себе человека, единственного в этом мире: он был бы лишен главного источника радости и боли, он не знал бы никаких симпатических возбуждений, ни любви, ни ненависти, ни зависти, ни мести. Несправедливость и вероломство были бы для него вещами непонятными. Человек нуждается не только в природе, но и в себе подобном. Глубине боли (от оскорбления человека человеком) соответствует высота блаженства (когда удовлетворены любовь, честь, слава). Простор между этими полюсами чрезвычайно широк: все дело в том, что человек целиком может стать предметом для другого человека; отнюдь не единичные проявления добра или зла со стороны других, а образ мыслей, выражением которого и представляются нам все единичные проявления, волнует нас до глубины души. Жизненные потребности чисто эгоистические и возникающие в ходе общения с людьми, эгоистическое наслаждение и радость сочувствия – вовсе не равноценны. Бессовестно клеймить самопожертвование как себялюбие и отрицать бескорыстные чувства! Сострадание и любовь концентрируются вокруг представления о другом существе; месть и зависть охраняют собственную самость. Правда, есть претенциозные учения, имеющие целью изолированный субъективизм в совокупности с абстрактным единством всех склонностей, – они и составляют царство эгоизма. Спиноза несвободен от этого. И напротив, Кант первым высказывает догадку, о чем, собственно, идет речь: о различении между моралью, которая оперирует исключительно целесообразностями с точки зрения человеческих потребностей, и моралью, которая имеет в виду отношение одного человека к другому. Первую он презирал, видя здесь всего лишь технику жизни; в этом его односторонность. У Дюринга же: «Глубина проникновения в сущность жизни зависит от того, умеем ли мы отличить зло, являющееся следствием несправедливости и оскорбления, от бедствия, произошедшего с нами по случаю или из-за нужды». «Все, что является пороком или добродетелью с точки зрений собственной выгоды, исчезает в сравнении со значением поступка, которым человек помогает себе

подобному или обижает его.» «Душевные движения одного и другого рода — *совершенно различны.*» «Вот почему самые серьезные покушения на наше собственно благо пусть и огорчают нас, но не столь болезненны, как чувство несправедливости.»

II. *Различение как подлинный предмет чувств.*

Радость жизни жаждет перемен, резкого, рывком, перехода из одного состояния в другое. Быть может, даже ровность настроения есть не что иное, как огромное множество таких рывков, которые по отдельности незаметны. Но при всех переменах нам желанна все же неровность рывка, его высокая энергия; саму перемену мы помещаем там, где находится пик ощущения. *По сути дела только перемена и ощущается.* Для возникновения каждого более сильного ощущения необходимо напряжение противоположностей. Изменение в световом раздражении воспринимается глазом острее, чем его постоянство; в таких случаях говорят, что *привычка притупляет ощущение.* Физиологически притупление объясняется повторением одного и того же внезапного впечатления через некоторые промежутки времени. Решетка на фоне солнечных лучей: глаз не выдерживает резкой смены яркого и темного, сильного раздражения и почти полного отсутствия такового. Всякое ощущение в форме равномерного ритма, почти пустота сменяется почти полнотой, как в случае с решеткой. Отсюда утомление. Длительный звук в течение продолжительного времени очень неприятен; одну и ту же картину трудно созерцать слишком долго. Начало того или иного возбуждения мы потому ощущаем сильнее, что продолжительное раздражение несет с собой усталость. Итак, привычка — это выражение определенной усталости, которая, продлись она долее, вызывает пресыщение.

Скука: ее следует объяснять отсутствием жизненных впечатлений там, где постоянно повторяется одна и та же деятельность; в лучшем случае она переходит в пресыщение и на этом заканчивается. Но часто инстинкт жизни слишком слаб для того, чтобы усилить интенсивность скуки, которая привела бы к отрицанию самого состояния: это наихудшая разновидность вялости! В остальном

она служит движущей силой; она осуждает нынешнюю деятельность духа, провоцируя его на переход в новое состояние. К закоснению жизни она ведет, следовательно, лишь тогда, когда уже наличествует вялость жизненного инстинкта. (Эти слова направлены им против Шопенгауэра, но что за чепуха: «*вялость* жизненного инстинкта».) «Где навсегда утрачена сила душевного движения, там появляется дисгармония между представлениями пока еще подвижного рассудка и минимумом жизненных впечатлений, которым еще открыта *притупившаяся* душа». Он подразумевает аскетов и философов аскетизма: они якобы были одержимы скукой; т. е. при «частичном отмирании способности к жизни»; тут он советует идти путем искусственной самоорганизации и самоограничения преимущественно при помощи абстрактных представлений; для старика будут привлекательны поблекшие образы аффектов, то же самое и в случае, когда человека старит «преждевременное истощение жизненных сил». Тут нет *ничего более опасного*, чем стремление «снова обрести свежесть и привлекательность жизни»; «напрасность такого стремления губительно сказывалась бы на бытии». Здесь необходимо воздержание, тогда отпадет и якобы цепенящее воздействие скуки на жизнь. Образуется более ограниченная сфера жизни, по сравнению с целостной полной жизнью.

Всегда воспринимается только различие, чтобы судить о бытии и величине удовлетворения, надо знать меру устремлений.

Если бы люди не относились к долговременным обстоятельствам с равнодушием, они бы поняли, что и в несчастии возможно счастье. Все зависит от некогда очерченных рамок жизни: и уже в этих-то рамках либо есть удовлетворение, либо нет.

Состояние, которое необычайно волновало нас, впоследствии воспринимается с безразличием, образуя новую индифферентную основу для нового наслаждения жизнью.

Вступление в жизнь—это тоже переход: совершенно новые соблазны самым радикальным образом контрастируют с относительной пустотой и неопределенностью

жизненного влечения. Каждый индивидуум представляет собой новую точку зрения, которая рождает в сознании новый мир.

(Что ж, это та же мифология и мистика, и притом такая, в которую толком не *верят*!)

III. Базовый образ в череде жизненных импульсов.

Смена пиков и провалов, *волна*—вот простейший тип. Эта волнообразная форма—почти во всех природных процессах: с ее помощью распространяется движение. Ритм господствует во всем так называемом мертвом наличном бытии.

Волны—это чередующиеся уплотнения и разрежения материи, в остальном распределенной равномерно. Их основная форма есть чередование сжатий и расширений. Пики и провалы энергии чувства постоянно сменяют друг друга, устойчивые состояния—это равномерный ритм, отдельные пульсации которого мы не различаем. Так, световые и звуковые впечатления воспринимаются нами как *непрерывные*, хотя они ритмичны. Вместе с тем ощущение как таковое вовсе не является движением. Если мы попытаемся представить его себе как таковое, то мы еще раз представим себе эту силу в обратном направлении. Беспрепятственное движение массы в пустом пространстве, с точки зрения нашего ощущения, невозможно представить в качестве силы. Движение целиком принадлежит формальной стороне нашего мышления, не имея ничего общего с ощущением. Чтобы сделаться предметом нашего ощущения, движение должно сначала прекратиться, т. е. привести к какому-то статическому эффекту. Ощущение—это знак сделанного статически-воспринимаемым, т. е. прекращенного движения. Обычное представление, будто ощущение есть прямое отражение возбужденного в нас движения, ошибочно. Движение как таковое нами не воспринимается.

Таким образом, в длящихся состояниях ощущения есть некий элементарный ритм. Ну а в прерывных ощущениях? Имеется ли и там в той же мере периодическое чередование? Внутри каждого класса ощущений пики и провалы совершенно очевидны. Но дело выглядит так,

что различные душевные состояния наступают нерегулярно. Пики жизни имеют вид отдельных вершин.

Фактической формой жизни представляется определенная дисгармония, т. е. смесь согласия и сопротивления. Привлекательность этой игре придает движение ниже границы вполне гармонического. Здесь Дюринг многое берет от аналогии музыки и жизни; впрочем, в символически-мифологическом плане его учение содержится и в моем понимании дионисийского и аполлинического. Дионисийское является в таком случае дисгармонической основой, требующей ритма, красоты и т. д. Ритм органической жизни – в какой мере он приспосабливается к форме настойчивых раздражений? Поначалу может ощущаться противоположность – вплоть до полного исчезновения ощущения, с другой стороны, ритм органической жизни может, по крайней мере на время, полностью уступать настойчивым раздражениям, перетекать в них: все это – дионисийский феномен. И напротив: сдержанность в отношении настойчивых раздражений, удержание собственного ритма, встраивание двух ритмических рядов друг в друга и, наконец, перенесение собственного ритма на настойчивые раздражения (= красота) – феномен аполлинический.

Почему Шопенгауэр так почитал музыку? Вот как объясняет дело Дюринг. Связь звука с ощущением непосредственна (музыка есть «средство выражения»). Если речь идет о сужении чувственного и душевного мира до степени, при которой *объективным* представлениям совершенно нечего означать, музыка есть искомое царство абстракций. Но ведь, согласно Шопенгауэру, именно объективация целиком несет вину за оскудение бытия. В мистическом порыве пытается он найти царство, которое соответствует необузданной свободе мира звуков.

IV. Ход человеческой жизни.

Познание – вот что соединяет опыт жизни в единое сознание и, выходя за пределы индивидуальной жизни, схватывает общую судьбу, которая заставляет умолкнуть, *отзвучать* сиюминутные беды. Так оно, познание, становится философией и ведет к вере в ценность бытия. (Не-

пременно ли так? Быть может, познание *общей* судьбы «заставляет *отзвучать*» сиюминутные индивидуальные беды не только потому, что бремя и боль ее неизмеримо тяжелее, иными словами не только потому, что более сильная боль заглушает менее сильную? Не является ли вера в малоценность бытия наркотиком против индивидуального в той же степени, что и вера в его ценность?)

Если бы мы были ограничены собственной памятью и собственными ожиданиями, то ничего бы не знали ни о рождении, ни о смерти: точно так же, как ничего не знает о них человеческий род в целом. (Происхождение скрыто совершенно, в отношении будущего сомнительно, имеет ли человечество какую-либо цель или нет.) Располагай мы знанием о том, как погибло население того или иного космического тела, наше осознание мира выросло бы безмерно. Узнай мы еще о чем-либо подобном, т. е. также и о цели, поставленной перед нашим родом, то центр тяжести наших устремлений переместился бы; мы перестали бы верить в то, что труды в области науки, искусства и социальных учреждений имеют какое-то *вечное* значение. (При этом мне приходят на память подобные иллюзии отдельных народов, уже распознанные как таковые; греки при каждой олимпийской победе были убеждены, что на такое событие взирает весь мир, не исключая и богов.) Исчезла бы безграничность горизонта, все должно было бы стать практичнее. Бессмертие рода является молчаливой предпосылкой для всех наших высших представлений. (Хотелось бы исследовать вопрос, чем человечество обязано воображению, отсутствию чистоты мышления? Более того, возможна ли высшая жизнь после того, как здесь возобладает скепсис? Например, будет ли еще возможно искусство?)

Основная форма жизни *ребенка* — настоящее; отсутствуют какие бы то ни было дополнительные удовольствие и боль, приносимые сохраняющим представлением; и это счастье! Голод и жажда вызывают, конечно же, куда более сильные чувства, чем в более позднем возрасте. Вся жизнь ребенка имеет укороченный ритм; беспокойной работе роста соответствует беспокойство ощущения. В отношении питания организму приходится не

только поддерживать равновесие обмена веществ, но и обеспечивать прирост: это должно возбуждать ощущение до степени явной боли; тому есть все признаки. Плач предшествует смеху; во всяком случае он преобладает. Добавим к этому состоянию нужды и беспомощности отсутствие сознательного представления, которое чувствует бесплодность своих усилий изменить положение, и тогда мы поймем, сколь велико счастье, что природа осветила светом познания не все свои состояния. (И тем не менее в лице философа познание достигает той степени, при которой отдельный человек в своей беспомощности перед всеобщей ἀνάγκη[1] представляется самому себе именно *обретшим сознание ребенком*!)

Игра для ребенка есть подлинная работа и такая же потребность, как для зрелого возраста—творческая деятельность. (Наблюдая, как именно играет ребенок, можно в полной мере сделать вывод о его будущих занятиях.) Для ребенка игра—самое что ни на есть серьезное дело, вовсе не что-то развлекательно-избыточное, как о том часто думают взрослые. Да и все наше столь серьезное существование было ведь названо игрою; как же из чистого ничто могло бы произойти какое-то иное упорядочение жизненных условий, кроме самого произвольного? Итак, бытие имеет характер свободно выбранного занятия, препятствия созданы лишь для того, чтобы преодолевать их. Дюринг находит эту идею пресной: между тем идея, что мы суть игрушки богов, принадлежала Платону. «Жизнь—не игра, потому что включает в себя настоящие скорби»; как будто это не относится в равной мере и к игре ребенка!

Каждый возраст имеет право на отдельное к себе внимание, не следует более ранние рассматривать лишь как средство для более поздних. Цель не может всегда находиться только вне настоящего.

Ребенок—много больше, чем просто объект воспитания. Педагоги всегда думают лишь о том, что им *надлежит сделать* из ребенка: ребенок живет в настоящем, вот в чем контраст.

---

1 Судьба, рок (*греч.*)

Строго разделить учение и игру. Школа должна демонстрировать трезвую серьезность подготовки к жизни. Преодоление препятствий и ощущение собственных способностей связано с радостью, которая по своей силе превосходит радость от игры. Те, кто смотрит на школу как на начало хирения жизни, правы в отношении определенных искусственно созданных обстоятельств: быть в школе значило быть в тюрьме. Но труд учения может приносить радость и удовлетворение; то, что делает из него противоположность этому, заключается в обстоятельствах случайных и поддающихся изменению.

Дурацкий принцип, будто речь идет только об обучении труду и о тренировке сил! Дюринг может с полным правом сказать, что это — насмешка над сущностью жизни. (За этим обычно прячется бессилие педагогики, например, гимназической.) Эта максима абстрагируется от успеха, уродует естественное соотношение между трудом и наградой за него и сводит его к пытке, которой не соответствует никакого воздаяния. Да и вообще странным выглядит желание сделать из жизни этакую гонку с препятствиями. Природа соединила удовлетворение не с усилием, а с успехом от этого усилия: иначе это чувство исчезнет, уступив место чувству отвращения к бесполезному по сути занятию.

Душевный мир ребенка ограничен домом и семьей; все доброе или худое, что случается с ним здесь, чрезвычайно усиливается вследствие такой ограниченности горизонта. Величайшим злом является несправедливость обиды одного человека другим, величайшим счастьем — то, которое вырастает из взаимной приязни, какого бы рода она ни была. Как важно, чувствует ли ребенок родительскую любовь или нет! Родительская любовь представляет собой прежде всего независимый от рассудка инстинкт, коренящийся в чувственном; вот почему она может нарушаться противопоставленными ей инстинктами и нуждается в рассудочном подкреплении. Справедливость по отношению к ребенку не может быть заменена любовью. Ребенок обладает острейшим инстинктом справедливости, ибо его желание справедливого коренится в природном влечении, что сродни потребности в мести. В подобном случае детская душа ненавидит даже родителей.

Позднейший опыт скорее приглушает ощущение определенных разновидностей несправедливости. Между тем семейный порядок редко может служить образцом справедливого. Кроме того, в семье все основано на иерархии, а не на правовом равноправии.

Различение между справедливостью и несправедливостью легче всего дается тому, кто является страдающей стороной, но трудно для того, кто совершает несправедливость; понятие справедливости возникает именно в страждущем. Мстя за себя, страждущие становятся учителями справедливости для всех. Способность угнетенных к сопротивлению подразумевается. Равное право — только при равной силе, т. е. среди равных. Везде, где природа создала неравенство, с осуществлением субъективной справедливости дело обстоит скверно. Конечно, и в этих обстоятельствах должно проявлять известную справедливость, но у нее необычный источник: она недобровольна. Понятие о справедливом поведении заимствуется оттуда, где оно развито в наиболее общей форме, но это чувство справедливости абстрактного происхождения слабее и неопределеннее, нежели другая его разновидность, возникшая из инстинкта. Хуже всего со справедливостью обстоит дело, пожалуй, в *школе*: здесь, сверх прочего, еще отсутствует любовь, которая правит в семье. Идея абстрактной целесообразности служит здесь единственной защитой. Если учитель — педант справедливости, то это еще относительное счастье для воспитанника по сравнению с учителем, поступающим сообразно настроению или капризу. Труднее всего забывается именно несправедливость, допущенная по отношению к ученику. Можно даже сказать, что долгая память о смятениях незрелого возраста есть признак благородного нрава.

До пробуждения половой жизни мальчики и девочки ведут относительно спокойное существование. Но тут чувство жизни обостряется до предела. Вскоре к этому добавляются схватки за честь, страсти общественной жизни. Природа и социальная жизнь теперь разделяются в человеке, первая владеет им через любовь, вторая — через честь; поэтому мы оказываемся в поле притяжения более удаленного бытия.

Что такое *честь*? Для начала надо избавиться от множества карикатурных представлений. С одной стороны, честь означает то же, что справедливость, затем — отличие и признание. Задеть честь, оскорбить, значит нарушить справедливость, вмешаться в сферу чужой воли. Дюринг следующим образом высказывается в пользу поединка: «Грубое оскорбление, это признается, должно быть отмщено. Но разве на оскорбления более тонкого, более духовного рода следует закрывать глаза? Разве это не повлечет за собой огрубение чувства справедливости?»

Самопомощь есть первоначальная форма всякого права; этот первоначальный фундамент в принципе не может быть до конца упраздним. Общественная справедливость — это только организованная самопомощь для возмездия за несправедливость. Чему удивляться, если самопомощь, будучи активной основой, усовершенствует свою организацию там, где она недостаточна? Наказания, налагаемые за оскорбление, ни в коем случае не удовлетворяют природного сознания справедливости. Возможно, неприятие общественного разрешения дел, связанных с оскорблением чести, будет не столь острым, если место чиновничьего правосудия займет тот или иной вид суда присяжных. И все же всегда останутся случаи, в которых возможна помощь только частного порядка (т. е. при смертельных оскорблениях, которые никак не могут служить предметом публичного рассмотрения).

Наша германская разновидность понятия чести была чужда древним. Однако не нужно забывать, что естественное представление о необходимости возмездия за несправедливость у них еще не было парализовано противоположным принципом. Общественная жизнь выступила на передний план и тем самым защитила частные обстоятельства от искусственного заострения понятия справедливости.

Человек, пока он смело идет навстречу жизни, остается хозяином своего права и своей чести.

Честь, подверженная оскорблению, есть понятие негативное. Совсем иное дело — признание особых преимуществ и заслуг, т. е. нечто позитивное! Его очарование воздействует на всякий возраст. Представление о мнении,

какое имеют о нас другие, обладает величайшей властью над нашими поступками. Честь такого рода — не что иное, как одобрение нашим делам и нашей жизни со стороны других. Оно требуется повсеместно: необычное в высшей степени нуждается в объективном признании, пусть даже в виде посмертной славы. (Вот что кажется мне самым важным: наши труды и дела суть высшие проявления нашей самости и в совокупности представляют наш идеал, с которым мы связываем жизнь как таковую, т. е. нечто большее, чем только длительность отдельной человеческой жизни. Мы сами относимся к своим трудам как к некоей внеположной нам величине и силе, откуда мы можем черпать утешение и мужество.) Это — потребность в симпатическом возбуждении, а не недостаток собственного суждения, собственного убеждения; мы испытываем подъем, когда получаем одобрение (прежде всего мы чувствуем себя *продуктивнее*! Всякая любовь, всякое возбуждение свидетельствуют о продуктивности).

Бесчестие (ἀτιμία) — это порицание и презрение в отношении нашего существования и наших дел, а вовсе не оскорбление чести (ὕβρις[1]). Отвергающее суждение. Признание и презрение — величайшие моральные силы общественной жизни. Подрывая понятие чести, мы лишаем человеческое существо его корней. Наиболее весомо то возражение, что какое бы то ни было особое отличие может быть достигнуто только за счет других; честь как мотив, который делает людей врагами: в ущербе для других они ищут удовольствие для себя. В таком случае честь несовместима с благородной *скромностью*. Но это же софистика — в простом несуществовании особой чести для толпы усматривать какой-то ущерб, какую-то несправедливость. Да, несправедливость часто вмешивается в борьбу за почести, но в самом стремлении измерять собственные достоинства достоинствами других ее нет. Мучительное чувство, вызываемое неудачей притязаний, не *должно* связываться с ненавистью к конкуренту, подобная враждебность имела бы источником не честь, а зависть. Если неудача была закономерной, то должно возникать осо-

1 Кощунство, насилие, оскорбление (*греч.*)

знание допущенной где-то ранее ошибки и тщетности попытки—это должно быть привычно для каждого. Если же заслуга не находит признания в результате несправедливости, то добавляется чувство нанесенной обиды. Но тот, кто неспособен преодолевать несправедливости и обиды, пусть лучше откажется не только появляться на ярмарке почестей, но и вообще жить. Ему следует стать отшельником, сведя таким образом свои симпатические переживания к минимуму. (Прекрасное суждение о жизни, оброненное Дюрингом так, мимоходом!)

Дюринг считает честь, наряду с любовью, причиной, делающей жизнь достойной жизни.

Не стоит пытаться с помощью фантазии превзойти природу и делать из смерти парализующую Горгону жизни. Люди, которые говорят, будто наслаждения жизни искупаются страданиями смерти, не улавливают простой наивности природы. (Тут он прав, ибо природа слишком тупа и слепа, а к тому же еще и слишком жестока, чтобы вместить подобную мысль.)

Мы не рассматривали каких-то из ряда вон выходящих нарушений в ходе жизни—например, необычные болезни. Но зло такого рода сводится к быстро проходящей боли и имеет подчиненное значение. (Какую чепуху несет этот Дюринг!) «Есть даже искушение допустить, что болезненное преодоление препятствий усиливает привлекательность цели и удовлетворение от ее достижения.» (Здесь он сам всего лишь в шаге от «пресной» идеи, будто жизнь—это игра и будто смысл боли тот же, что и диссонанса в искусстве. И надо же додуматься до такого, рассуждая именно о болезни! Словно он не знает, как парализует, как унижает болезнь, как она может заставить любого отказаться из-за нее от высшей цели своей жизни или жить под страхом того, что ему придется это сделать? Да что там, ему ничего не известно даже об использовании болезни в целях медитативного очищения, чтобы вызвать состояние милосердия и доброты!)

V. Любовь.

Ни один вид любви не лишен чувственной основы; нечто непроизвольное присутствует всегда. Нельзя вы-

звать путем простого намерения или доброго пожелания. Завет всеобщего человеколюбия — всего лишь *метафора любви*; воспоминание о знакомом ощущении призывается на помощь, чтобы указать, какую цель *должен ставить перед собой рассудок* в общей системе человеческого общения. Это даже не аналогия любви. Всеобщее человеколюбие — определение рассудочное, вырастающее на почве чувства (воспоминание об отдельных прошлых чувствованиях, дополненное абстрактным стремлением к более общему). Противопоставление Афродиты уранической и Афродиты пандемической справедливо по отношению ко всем временам и всем народам. Человек может абстрагироваться от полноты своего природного существа, отдаться наслаждению момента. Гораздо отвратительнее расчетливость. *Непроизвольность* природы не знает разделения на грубочувственное и благородное. Что есть чувственное, что есть духовное! Тот, кто думает только о самой грубой стороне чувственности, пусть различает вслед за Платоном.

Согласно *широко распространенному мнению*, чувственное и духовное в любви являются противоположностями, так что только там, где удовлетворение чувственной потребности *сдерживают, отрицают*, может возникнуть облагороженный вид любви; без томления неудовлетворенности никогда не возникло бы высокой лирики любовной тоски; творческое усилие приводит к одному эффекту только за счет другого. Там, где желание находит исполнение в своем первоначальном направлении, оно едва ли удовлетворится одними идеями. Словом, чем сильнее препятствие, тем выше любовное чувство.

Однако способ, каким любовь проникает в человека, немедленно лишает волшебного очарования мир утонченных идей и переживаний — задолго до того, как позволительно будет говорить о каком-то необычайном препятствии. (Это возражение опять же вызывает возражение.)

Почему в каждом ощущении, соответствующем тому или иному влечению или потребности, присутствует некое *подобие боли*? Чувство становится мучительным только при необычайных препятствиях. В результате первоначальный росток крепнет. Незначительное возбуждение ощущается не как боль, а как перцепция, стремящаяся к

усилению. Вспомним об ощущении вкуса, о различных степенях кислого. Мы говорим об удовольствии, а между тем одного количественного увеличения было бы достаточно, чтобы вызвать боль.

Шопенгауэр усматривает в удовольствии негативную, в боли—позитивную сторону ощущения: остроумная теория, основанная на поверхностнейших взглядах. Во всякой потребности—нехватка; иными словами, всякое ощущение, связанное с потребностью, квалифицируется как нечто негативное. Но общее движение происходит от боли к удовольствию, это—позитивное направление. Разумеется, и удовольствие улетучивается на пути к точке индифферентности, но было бы нелепым утверждать, что удовлетворение стремится к потребности, а не потребность стремится к удовлетворению. (Хотя Фауст и говорит: «и в наслаждении томлюсь по вожделенью».) Скорее, потребность исчезает в удовольствии. Негативное следует искать в возникновении потребности. (На это я возражу: всякое удовольствие есть возбуждение, которое при усилении раздражения переходит в боль; любая боль отличается от удовольствия только количественно и есть ступень перехода удовольствия в боль. Не всегда это отдельное удовольствие продолжает восприниматься как таковое, ибо мы живем в состоянии бесчисленных единичных возбуждений, преисполненных удовольствия, что выражается в испытываемом человеком чувстве общего удовлетворения. Минимальная степень возбуждения и боли воспринимается как удовольствие: т.е. в каждом удовольствии скрыта потребность, нехватка, желание возбуждения; боль—это только *избыточное* восполнение такой нехватки, удовлетворение такой потребности. Так что, в смысле восполнения нехватки, и удовольствие, и боль позитивны, но при этом боль, побуждая к ослаблению раздражения, создает новую потребность. Удовольствие *требует* усиления раздражения, боль—его ослабления: в этом оба они негативны. Потребность—их общий источник.) Было бы совершеннейшей нелепицей утверждать, будто удовольствие есть не что иное, как утихающая боль, тогда впору было бы искать счастья в такой жизни, где было бы побольше боли,—ведь избыток боли откры-

вает манящую перспективу на такой же избыток удовольствия.

Дюринг различает такое чувство любви, которое возникает вполне нормально, при первом расцвете этого аффекта, и такое, которое сталкивается с препятствиями и сопряжено со страданием. Второе он подвергает осмеянию: только противоестественному взгляду оно представляется вершиной духовного просветления. Правда, кажется, что из жгучей печали может возникнуть возвышенный лиризм. Однако любовь лишь там сохраняет свою истинную природу, где она способна к драматическому представлению. А к чему пассивное томление в процессе деятельной жизни? Поэты ничего не доказывают: придать эффектное выражение неестественному легче, а часто и интереснее, чем естественному; поэтическое ощущение способно пленяться множеством глупостей. Это нездоровая реакция, если, *вместо того чтобы бороться с реальными препятствиями*, воля предается роскоши чувств и идей. Ибо удовольствие от боли объяснимо только тем, что при недостатке направленной на конкретную цель энергии ощущение пытается обрести субъективное завершение и покой перед лицом самого себя в воспроизведениях и чрезмерных взвинчиваниях. Но при столкновении с неколебимостью судьбы ощущение нередко обращается против своего носителя и разрушает его душу. Когда обычная леность отступает перед препятствиями, игра аффектов не слишком серьезна и расслабляет субъект.

Чувственная дружба в своей безупречной форме, сейчас же известны почти исключительно ее искажения. Она являет безрассудство возвышеннейшей влюбленности и благородное, вплоть до смерти идущее самопожертвование у греков—например, у Платона. Любовь объективирована не только как Афродита, но и как Эрос: Эрос ни в коем случае не является идеалом любви женщины к мужчине, а идеалом той самой второй формы. Заметно близкое родство женского с нежным цветением другого пола: и везде, где вследствие различия в возрасте или характере существует противоположность, подобная противоположности между мужчиной и женщиной, он также мог бы, пожалуй, найти себе выражение. Дюринг напоминает о

дружбе самой первой юности с ее более чувственным характером; разница в возрасте мала, натуры сильно различны. Отношения в зрелом возрасте, по Дюрингу, должны представлять собой либо вырожденные формы естественного инстинкта, либо оставшиеся от ранней юности узы приязни.

Эротическая любовь доказывает избыточность чувства *независимо* от природной цели. По Шопенгауэру, любовная страсть есть только выражение стремления природы продолжить жизнь еще в одном индивидууме. (Дюринг называет это «стремлением использовать благоприятную конъюнктуру».) Но и Эрос подстегивал ко всяческому действию, не робел и перед смертью—можно ли тут говорить о какой-то ошибке природы? Она-де произвела плоды своей страсти лишь по недосмотру?

Родительская любовь—тоже в существенной мере чувственная сила. Материнская любовь как инстинкт, как непроизвольный аффект. Любовь ребенка к родителям есть лишь *реактивное* чувство, а не инстинктивная привязанность. Это—благодарность в ответ на определенный образ мыслей. Такая любовь чувственна, пусть не первоначально, но все же сродни родительской привязанности.

Взгляд *Шопенгауэра* на любовь. Тот, кто презирает жизнь, должен презирать и любовь. В действительности не происходит того, что обещает чувство, любовь должна оставаться обманчивой иллюзией. Ощущение и чувство как таковые никогда не бывают обманом. Человек может только уличать сплетение идей в обманчивости, сопутствующей чувству. Представление всегда занято тем, что предвосхищает будущее чувства. Заблуждение здесь возможно, даже неизбежно. Рассудок в соответствии с предшествующим опытом позволяет сфере восприятия без ограничений возрастать и дальше, до тех пор пока еще растет само чувство; вера в преходящий характер чувства для него невозможна. Первая любовь верит в собственную *вечную* значимость. Поэты прославили ее, не считаясь с повседневным рассудком, который один только и знает внешний опыт. Итак, *заблуждение заключено не в законах чувства, а в законах рассудка.* Или нам следует сожалеть, что существуют *изначально неизбежные заблуждения?* (Уж я ду-

маю!) Колдовская власть чувства, порождающая мир грез, является более высокой и более благородной силой, нежели та, которая, страдая и впечатляясь, всего лишь познает. *Творчество стоит выше познания*. Если даже названное колдовство творит только мир поэзии, все равно оно служит отражением действующей в самой основе вещей потенции. Чувство соответствует упомянутым избыточным идеям, так как последние только и создаются этим чувством: здесь нет никакого обмана. (Претензии Шопенгауэра к любви есть, стало быть, претензии к ее *искуственному* характеру; т. е. налицо полемика вроде той, с какой выступал против искусства Платон.)

Где же разочарование, если чувство приобретает более спокойный ритм и возникает брак? Продолжительная сердечная склонность из-за привычки к чувству не может все время оставаться той же, но высокий градус как бы латентной любви проявляется сразу же, едва возникает внешняя угроза. Что означают узы, например, семьи, тоже ведь становится видно только тогда, когда возникает трещина. Возможно, супружескую любовь вовсе не следует ставить ниже любовной страсти.

Рассматривать брак в качестве природного организма и продукта любви—дело не совсем обычное. Его считают общественным институтом, предназначенным для достижения ряда целей (рождение и воспитание потомства); но ведь это не сознательные цели, а причины, принуждающие к образованиям, которые рассудок понимает отнюдь не сразу. Над *социальным* миром инстинкт потрудился значительно больше, чем полагают; инстинкт, а не сознательные намерения.

В древнейшие эпохи народов брак представляет собой правовой институт сродни институту собственности; женщина находится во власти мужчины, не обладая волей, наподобие вещи. Вступая в брак, она меняет собственника: прежде им был отец или дед. По римскому праву супруга в отношении наследства приравнивается к дочери. У других народов заключение брака копирует торговую сделку. Следовательно, изначально брак заключался не между двумя лицами, брак настигал женщину, как рок, женщина не участвовала в создании брака.

Брак предшествует полноценной семье, он должен покоиться на инстинкте. Что же это за инстинкт, способный воспрепятствовать промискуитету?

Низшие чувственные удовольствия пребывают под властью закона *перемены*. Возникает впечатление, что природа ни о чем не позаботилась так мало, как о браке. И действительно, его пытаются объяснить как вынужденное образование, как стремление исключить конфликты и возмущения, связанные с конкуренцией при промискуитете. Как же тогда вышло, что женщина не превратилась просто в рабыню мужчины? Так, чтобы ее можно было бы продать — между тем, как если муж прогонял жену, она возвращалась под прежнюю отцовскую власть. Может возникнуть соблазн истолковать феномен брака как продукт высших форм любви, однако этому противоречит полигамия. Таким образом, брак, по всей видимости, есть осуществление любви, но столь же любви к женщине, сколь и любви к детям. (Эта часть слаба.)

Чего хотят те, кто рассматривают обладание женщиной как могилу своих надежд? Они хулят естественное, потому что влюбились в неестественное. «Вместе с поясом, фатою гибнет милая мечта»: виной такой идеи — искусственность чувства; она является порождением мрачного представления о жизни. Шопенгауэр вместе с поэтами не может без отвращения думать об ощущениях, сопровождающих чувственное наслаждение. Они полагают, что, попрекая природу, они возвышаются над ней.

Подавленность — неизбежное следствие и одновременно приговор предшествовавшему греховному удовольствию. Здесь в Дюринге шевелится «природный юмор». Это-де — всего лишь следствие излишества или проявление низшей животной жизни (как, например, у пчел). Стихия высиживаемых в монастырях теорий — противоестественность. Так же обстоит дело и со всякой призывающей к целибату метафизикой, уверяющей нас, будто болезненная перевозбужденность и ее судьба — это и есть закон здоровой природы.

Другим истолкованием служит перенесение на эту область дарвиновского естественного отбора. Если человек благоразумно стремится к улучшению вида, ему следу-

ет действовать так же, как действует природа; еще лучше, если бы здесь действовал инстинкт. Шопенгауэр усматривает таковой в *индивидуальной* любви. Наивысшие взлеты любви, презирающие судьбу и смерть, суть средства, полагает мыслитель, чтобы достигнуть наиболее благоприятной конъюнктуры для продолжения рода. Природа равнодушна к судьбе отдельной особи, она подвергает ее скорбям и смерти, чтобы обрести бытие в новых формах. Ведь более красивое и более благородное вызывает и бóльшую степень любви. Если любовь не взаимна, имеют место два противоположных вердикта природы: одному кажется, что возможность для улучшения вида благоприятна, а другому—нет. Так что для выявления воли природы необходим вердикт двусторонний. (И вправду! Так оно и есть!) Судьба любви—это не игра ради целей, лежащих вне индивидуального удовлетворения. Разве может природа быть настолько глупа, чтобы ни во что не ставить индивидуальное и жертвовать им только затем, чтобы следом опять же достигать индивидуального? (Но чтобы достигать *продолжения* в индивидуальном.) Если уж искать какое-то истолкование, то избыточность ощущения есть предчувствие всеобщей безграничной жизни, которая обещает последовать за исполнением вожделения. (Все слабо; а глубокое проникновение Шопенгауэра в сущность иллюзорности, сопровождающей все инстинктивное, он вообще оставил без внимания.)

VI. Смерть.

Будь смерть только простым отсутствием жизни, нам нечего было бы и тревожиться о ней; так мы относимся к небытию до рождения. Ощущения жизни порождают обман относительно того, что уже не является больше жизнью. На примере любого сновидения можно убедиться, насколько обратимо естественное соотношение между представлением и ощущением; что-то надавило на область сердца—и сон становится пугающим. Все аффекты создают представления там, где они не находят их в реальности. Потустороннее декорируется картинами, которые служат отчасти продуктами непосредственного страха, отчасти—реактивными аффектами, вожделеющими луч-

шей жизни или справедливости. Коль скоро субъект исчезает, то мы не должны связывать со смертью ни надежд, ни страхов. Что за дело до этой самости! Мы твердо знаем, что будет жизнь и будет страдание; кто же это собственно, для которого будут эти жизнь и страдание? Является ли абсолютным ничто тот, кого ждет сюрприз стать носителем бытия? В таком случае мы можем принимать участие в этом «ничто», мы даже сами *суть* то «ничто», с которым связаны виды на будущую жизнь. Что нам уже выпало прожить, выпадет нам снова («нам» в смысле совершенно неопределенного субъекта). Мечты метафизики нам здесь ничем не помогут, другое дело—все те инстинкты, которые направлены на будущие поколения.

Наш интерес к будущему покоится, далее, на законе, согласно которому представления непроизвольно ведут к практическим склонностям. Например, не хочется думать, что твой труп станет объектом анатомических процедур. Вспомним о тех подробных распоряжениях относительно погребения, которые предпринимаются еще при жизни. А забота о семье, о посмертной славе, о возможных ближайших судьбах твоего рода? Из всего того, что-будет-после-смерти, нас волнует судьба тех, кто продолжит наше существование, а не пустое пространство на грани индивидуального сознания.

Рассмотрим теперь смерть как субъективный опыт: тут-то и начинаются обвинения. Смертность есть-де наказание за первородный грех; все, что рождается, достойно погибели; удовольствие жизни должно быть искуплено последней великой болью. Однако вполне естественная смерть вовсе не является болью, а спокойным тихим уходом. Получается, будто здесь природа отказалась от предсмертных мук как искупления за радости жизни? Если бы пришлось выбирать между жизнью тихой, завершающейся эвтаназией, и бурной, с агонией в конце, то инстинкт выбрал бы вторую. Предположим, некто не предполагает приближения смерти, в таком случае боль предсмертной муки он примет за пугающее предвестие обморока. Отнюдь не перспектива этой муки отравляет существование, нас смущают лишь «гигантские тени наших собственных страхов». Пугающей смерть становится только из-за фона,

который ей придают. Так же, как любовь создает мир упоительных грез, страх создает мир грез адских. Рассудок, ввергнутый в заблуждение, рождает кошмары. Нужно научиться не преодолевать смерть, а выдерживать ее.

Сны имеют такую же власть, что и действительность, их тени застилают день; часто они даже превосходят ощущение действительности. Мучительность ощущений, может быть, и делает жизнь подозрительной, но мы не имеем права принимать в расчет ошибочные теоретические суждения.

Значение смерти следует оценивать в соответствии с тем, что она уничтожает. Тяжелее всего смерть в зрелом возрасте: с болью о неисполненном, с заботой об оставшихся здесь близких. Что делает смерть в данном случае столь горькой? *Несвоевременность*. С достоинством умрет лишь тот, кто был тверд и благороден в жизни.

Если и обвинять жизнь в том, что бывает преждевременная смерть, к чему клонят почти всегда, следует ополчаться не против факта смерти, а против господства случая. Обычное представление о случае совершенно справедливо.

Вместе с тем наивысшая привлекательность заключена как раз в том, чтобы испытывать шансы своего существования. При известных обстоятельствах человеку нравится прямо-таки играть жизнью и смертью; успех, достигаемый с максимальным риском, доставляет ему наивысшее удовлетворение. Случай — это вовсе не неудачный закон природы. Бытие — это не театральное представление, при котором мы только зрители.

Смерть лучше уж следовало бы рассматривать как некое *примирение* всех не укротимых иным способом зол индивидуального бытия. Мысль о преходящем характере всякого ощущения и всякого чувства служит последним убежищем. Смерть во всех случаях — это заключительный deus ex machina. В том, что смерть представляет собой для остающихся жить худшее зло, винить можно было бы, скорее, сам порядок вещей. Индивидуум в строгом смысле незаменим. Отдельному человеку приходится обращать свой взор к общечеловеческому. При таких утратах отдельный человек всегда имеет право жаловаться,

но род не может сожалеть о смерти отдельного члена, так как именно за счет этого поддерживается сопричастность к более высокому и всеобщему характеру жизни. Случай наносит ущерб индивидуальному волению, зато повышает общее чувство значительности жизни. Скорее уж заслуживал бы обвинений мир, в котором ничто не могло бы быть по-настоящему утрачено, но вместе с тем также и по-настоящему обретено. Значение *незаменимых* потерь.

В *добровольной смерти*, казалось бы, содержится общий упрек порядку вещей, при котором она случается; кроме того, она связана с большой болью. Кто готов претерпеть скорее смерть, чем боль утраченной любви или чести, тот придает какому-то отдельному элементу жизни такое значение, что его потеря рассматривается как потеря жизни. Потеря в сущности налицо. Добровольная смерть не обязательно должна заключать в себе осуждение жизни. Сама любовь к жизни предпочитает потерю существования чувству недостатка, недостатка чего-то существенного.

Шопенгауэр связывал с самоубийством две взимопротиворечивые мысли. С одной стороны, оно есть самопомощь природы, сродни пробуждению, которым прерывается чрезмерно усилившийся ужас сновидения. Но тогда решившийся умереть должен стремиться к повторному испытанию шансов жизни, но при определенных обстоятельствах испытывать отвращение к жизни. Но если жизнь—сон, то она всегда и во всем составляет противоположность желанному бодрствованию; возникает противоречие, в силу которого идущий на добровольную смерть расстается со всей цепью сновидений ради более высокой реальности (бодрствования) и тут же снова попадает во власть сновидений прежнего рода. Согласно Шопенгауэру, отказывающийся от бытия отнюдь не достигает высшей цели, плода бытия; он переживает новое рождение, чтобы в новом бытии и его скорбях научиться освобождению от удовольствия жизни. Таким образом самоубийство становится преступлением против извечного порядка спасения. «Кому неизвестна та тривиальная идея, что жизнь представляет собой подготовку к потусторон-

нему? Кто не слыхал об испытании, наказании и тому подобном?» — вопрошает Дюринг.

Было бы большим промахом судить о самоубийстве, следуя меркам расхожих представлений, не учитывая его особого содержания. Добровольная смерть может быть великим поступком, а может — выражением самого ординарного ничтожества или отвратительного уродства природы. В нравственном отношении она может выглядеть индифферентно, а может быть и прискорбной утратой сознания долга и возмутительной несправедливостью по отношению к оставшимся жить.

Смерть — это уничтожение, сущность (которой) которого познается по тому, что уничтожается. Жизнь — вот мера смерти. Еще важнее обратное: смерть — мера жизни. Только при приближении смерти обнаруживается, какое содержание может заключаться в порывах и борениях людей. Высшая энергия жизни проявляется там, где игра удач и неудач превращается в испытание на жизнь и смерть. Потому-то трагическая форма жизни наиболее содержательна, она поднимается до таких высот, где жизнь и смерть смыкаются друг с другом. Серьезность великой страсти поверяется смертью. Мрачный горизонт необходим для того, чтобы пламя жизни вспыхнуло со всем жаром.

Если из всех искусств именно трагедия потрясает нас сильнее всего, верно и то, что сама жизнь тоже находит свое высочайшее выражение в трагической форме. Впрочем, манит больше возможность трагического, чем его действительное осуществление, смелое движение вплоть до последней грани. В жизненном целом нельзя обойтись без смерти, иначе оно превратилось бы в пустую и скучную возню. Смерть — не враг жизни как таковой, а средство, с помощью которого открывается значение жизни.

VII. Общественная жизнь.

После того как упреки в адрес индивидуальной жизни опровергнуты, указывают на *общественное* несовершенство, рисуя еще более страшное будущее. Рост культуры, говорят, только усугубляет невзгоды жизни, неся с собой множество до той поры не известных зол, не удовлетворяя даже простейших потребностей рода; в итоге — повсе-

местная перенаселенность и самое мучительное существование. Предлагаемые контрмеры дают обвинителям жизни повод для новых проклятий. В результате социальное зло предстает чем-то, с чем можно сражаться лишь с помощью еще большего зла и что неустранимо по самой своей сути.

Пришлось бы *отказаться от всякого оправдания бытия*, если бы существовала дисгармония между требованиями субъективной жизни и объективными возможностями их удовлетворения. Если бы, например, перспектива перенаселенности была не возможностью, а неизбежностью, то такая дисгармония была бы налицо. Нет такого опыта, который мог бы доказать нам эту антиномию. Мы с полным правом полагаем, что хотя способность индивидов к размножению и ограничена субъективно известными пределами в отношении скорости, в остальном упирается только в объективные препятствия. Давайте представим себе закон, по которому сама субъективная способность убывала бы с приближением к какому-то определенному пределу, иначе говоря, постепенно исчезала бы с постепенным движением рода. Продолжение рода в конечном итоге должно было бы ограничиться простым восполнением. Эта идея имеет множество аналогий. И в космических, и в индивидуальных образованиях повторяется закон убывания творческих сил и перехода к почти равновесному состоянию устойчивой смены.

Есть только три возможности: либо способность к расширенному размножению остается, тогда поверхность планеты должна увеличиваться (иначе однажды настанет момент, когда людям не хватит места, чтобы хотя бы стоять). Либо расширенному размножению воспрепятствуют соответствующие объективные силы уничтожения. Либо убывание продуктивной силы. Если не принимать во внимание первую возможность, то торможение размножения абсолютно необходимо. Против предположения об убывании субъективной силы свидетельствует опыт: до сих пор он демонстрировал не увеличение и не убывание, а сохранение одного и того же уровня. Размножение служит проявлением этой самой силы в сочетании с длительностью *временных* периодов, от которой в конечном итоге

зависит скорость прироста. Возможно ли предполагать изменение периодичности? Следовательно существовавшее до сих пор постоянство придется прогнозировать и на будущее. Итак, остается третья возможность, к тому же уже доказанная на опыте: «объективные границы неограниченному инстинкту». Именно это представлялось *Мальтусу*, пессимисту социальной философии. Однако он говорит только о бедах, связанных с ростом численности народов, забывая о том, что для человека нет более высокого блага, чем сам человек. В перенаселенном мире вследствие разнообразных лишений человек начнет хиреть и погибнет. В таком случае половая жизнь должна стать привилегией, распределяемой в соответствии с размерами собственности:

Следует различать 1) сам мальтузианский закон, 2) его идейную сторону, 3) его призрак. Закон гласит, что рост народонаселения происходит много быстрее, чем рост средств поддержания жизни (народонаселение увеличивается в геометрической прогрессии, а средства поддержания жизни – в арифметической с постоянным коэффициентом). Что касается арифметического роста средств поддержания жизни, то тут он слишком категоричен. Он рассчитывает на *безграничный* объективный рост этих средств, но для этого необходимо, чтобы увеличивалось количество самой материи; неизбежно настанет момент, когда дополнительное приложение человеческих усилий не даст уже совершенно никакого результата, когда у земли уже нельзя будет вырвать ни малейшей прибавки.

Можно согласиться, что тенденция по созданию субъектов потребности опережает состояние средств по удовлетворению этой потребности; потребность всегда должна предшествовать удовлетворению. По этой причине значительную часть общества Мальтус обрекает на аскезу, причем высказывается в пользу обладателей капитала и собственников. Ради их выгоды большинство должно исполнять свою работу вне уз семьи, наподобие вьючных животных. Мне кажется, что было бы благороднее признать все бедствия, которые могли бы возникнуть из-за перенаселенности, пустяками по сравнению с великой *несправедливостью* этой доктрины в отношении пролетари-

ев. Жить в нищете — скверно, нищета отравляет жизнь, но куда сквернее жить бесправно. Политики не доверяют индивидуальной морали, они хотят вывести из упомянутого учения обычаи и права, ограничивающие заключение браков. Одна часть общества законодательно и административно препятствует другой вступать в браки — вот практическое следствие этого учения. Высшая несправедливость со стороны меньшинства по отношению к большинству! Скверный выбор между бедствиями перенаселенности и лекарствами мальтузианской рецептуры!

В случае реальной перенаселенности там, где она проявляется, нужно либо направить народную силу вовне, либо устранить препятствия дальнейшему росту сил. И здесь не обойтись без родовых мук внутренних и внешних войн. Война есть зло только в том единственном смысле, в каком таковое есть боль вообще. Осуждения война достойна только тогда, когда она не является следствием необходимости. Иногда в механизме общественной жизни некоторые потенции приходится признавать утраченными, дабы вообще стало возможно то или иное действие. В борьбе за право жить она служит средством, ничем не сомнительнее других. Не существует никакой другой последней гарантии права, кроме применения физической силы (если здесь оправдание жизни не переходит во что-то животно-омерзительное, то я просто слепец!). Сознание справедливости находит себе настоящее оправдание только в борьбе (не в начале человеческого общения). Если не отказываться вообще от осуществления справедливости (!), то использования силы избегнуть невозможно. (И этот же самый Дюринг назидательнейшим манером морализирует против Мальтуса в пользу беспрепятственного полового инстинкта.)

И все же должна существовать точка, когда никакое наращивание власти уже не будет в состоянии преобразовать состояние перенаселенности в какое-либо жизнеспособное бытие. В таких случаях, подсказывает Дюринг, массовое убийство предпочтительней аскезы («частичное уничтожение достигшей достаточно полной степени развития жизни лучше, чем прискорбное подавление и торможение жизненной энергии» — кстати, я нахожу, что це-

ломудрие является одним из самых могучих факторов поддержания жизненной энергии).

Далее, жизнь якобы будет становиться *содержательнее* благодаря тому, что возрастает сопротивление, ибо когда в условиях перенаселенности отдельный человек хочет чего-то добиться, «игра индивидуального усилия становится значительнее». (Вот идиотство!) «Взвешивание справедливости становилось бы важней, чем когда-либо прежде». (Приходят на ум полумертвые от голода люди на затерявшемся в море корабле, поставленные перед проблемой, кого съесть первым: тут уж, ясно, понятие справедливости отступает дальше, чем когда бы то ни было!)

В сегодняшнем социальном недовольстве Дюрингу видится только целебный раздражитель, подталкивающий к преодолению инертности; кое в чем социальные бедствия кажутся ему даже еще недостаточными для того, чтобы расшевелить косность народа.

Кроме того, мы не имели бы права рассчитывать на необозримое количество времени, как то делает Мальтус.

VIII. Познание.

В какой мере более или менее высокая степень познания может стать источником радостей или страданий?

Познавательный процесс основывается на некоей потребности. «Чистая радость познания» есть не что иное, как удовлетворение посредством устранения препятствий. Стремление всегда должно предшествовать — точно так же, как во всех практических делах. Труд и здесь служит связующим звеном между потребностью и наслаждением.

«Чистый субъект познания» — химера. Ибо всем проявлениям человеческой сущности, делам и мыслям в равной степени сопутствуют успех или неудача. В сфере теории зло выступает в виде заблуждения. Чисто теоретическое разочарование нельзя рассматривать как зло.

Действительно ли заблуждение как таковое является злом? Может быть им являются не только лишь практические следствия ошибочных представлений? Представление, коль скоро оно считается истинным, в его воздействии на душу неотличимо от настоящей истины. Пред-

рассудки способны делать нас в равной мере как счастливыми, так и несчастными; стоит только вспомнить о блаженстве вследствие суеверия.

Некоторые одушевляющие иллюзии можно было бы считать более ценными, чем истина—например, иллюзию о добром и любящем Боге. Однако вера имеет непоколебимую основу в нашей душе, из которой надо всего лишь устранить теоретически ошибочное. Критика представляет опасность не для веры, а для идущего от рассудка сочинительства в вере.

В конечном итоге согласованность дается только истиной, заблуждение же всегда приводит к противоречию. Вот почему оно—зло. Заблуждение не вызывало бы в нас ничего, кроме равнодушия, если бы в нашей природе не было заложено стремление к истине.

Заблуждение становится субъективным злом лишь тогда, когда оно осознано как таковое. По этой причине элемент удовлетворения всегда при этом присутствует.

Ложная идея о неподвижности Земли ранее не имела никаких последствий; ныне же было бы большим несчастьем, если бы истинная астрономическая система снова, как во времена Аристарха, была утрачена. Без такого краеугольного камня не могла бы продолжить существование свободная наука; правильные представления о космосе ныне имеют значение для души: они призывают человека к скромности. Природа, кажется, вовсе не позаботилась о том, чтобы везде и немедленно приводить нас к истине; дело выглядит так, что иногда она нуждается в заблуждениях. То, что человеку свойственно заблуждаться, еще недостаточное основание для компрометации бытия. Только когда заблуждение переходит в область морали, отравляя восприятие жизни, оно становится опасным.

Чем ограниченнее наши представления, тем легче они оказываются в противоречии с реальным опытом. (!) Непредвзятый человек очень скоро приводит свои идеи в равновесие с объективным ходом человеческих дел. (!) У нас не вызывают никакого сочувствия разочарования, проистекающие из педантичной морали. (Тьфу!)

Абсолютистскую мораль можно сравнить с грамматикой в представлении гувернанток: как некую самодо-

статочную и замкнутую на самой себе власть. Языком можно овладеть только на основе грамматики, после того как подслушал у языка его грамматику. Точно так же и мораль: ее надлежит сначала выделить из движущих сил и основного характера жизни, прежде чем подступиться с нею к жизни.

Мораль существует ради жизни, а не наоборот. Надобно тщательно остерегаться неосновательных предпосылок; следует скорее положиться на характер жизни. Тогда нам обеспечено продолжительное удовлетворение.

Многие обманутые надежды основываются на преувеличенных ожиданиях, которые мы возлагаем на ближнего. Ведь страдая от несправедливости, мы пожинаем плоды нашей собственной сущности. Кстати, то, что люди сознательно проявляют безразличие к нашей судьбе, зачастую — всего лишь видимость: они заняты своими собственными нуждами, и других просто не замечают.

Как может человек отчаиваться в спасении рода! Даже если он всех упрекает в подлости и низости, остается еще он сам. Люди с сильной волей верят в осуществимость своих концепций, а потому не впадают в отчаяние, обвиняя других.

Поистине жалким отчаяние бывает тогда, когда сам чувствуешь, что отстаиваешь то, что ты же и проклинаешь. Большáя часть духовных скорбей в действительности проистекает не из злых поступков людей, а из могущества несчастных случайностей.

И все же страдание остается. Несправедливость как величайшее зло, пусть даже и не в качестве господствующей силы. Невозможно представить себе какое-либо развитие человеческих обстоятельств, не предполагая нужды как подстегивающего мотива. Нет такой мудрости, которая назвала бы вымыслом сообразную *целям* взаимосвязь. Всякое действие природы разумно, оно реализует не просто некую множественность, а бесконечность учитываемого разумом. Совокупность причинных и финальных связей простирается настолько далеко, насколько готов последовать за ними наш разум. То, что мы познаем ясным сознанием, есть лишь отблеск этой *бесконечной взаимосвязанности*: она и человеческое понимание — вещи разного

рода. В вещах есть не только разум, но и нечто, лежащее по ту сторону всякого разума. Синтез этой бесконечной взаимосвязанности всегда останется для нас чем-то недостижимо-потусторонним. Таким образом, разум никогда не будет в состоянии оправдать абсолютное содержание бытия. Масштабом остается не согласованность или противоречивость в системе вещей, а *совокупность впечатления*, производимого жизнью на субъекта. Ощущения и чувства никогда не заблуждаются потому, что они еще не различают между представлением и предметом. Чувство является для разума чем-то трансцендентным, *потому-то оно в известном смысле может репрезентировать абсолютную природу реального.*

Разум мог бы в самой полной мере осуществиться даже в злосчастнейшем уродстве этого мира.

Дело в степени, а *не* в факте страдания.

Непосредственное суждение о ценности бытия должно иметь форму чувства, иными словами: оно должно быть верой.

IX. Вера в ценность жизни.

Когда ограниченный кругозор, на который мы способны, укрепляет нас в вере, что и при дальнейшем исследовании мы будем находить вещи соответствующими требованиям нашей сущности, то возникает вера в ценность бытия.

При этом могут быть помехи. Ужасная судьба отдельного человека может совершенно нарушить в нем доверие к жизни. «В том, чтобы уйти в монастырь, и вообще повернуться спиной к мирской суете порой есть добрый смысл». (Между тем ужас всеобщей судьбы, конечно же, превышает все «индивидуальное» —)

Нормальный душевный строй при этом погибает. У нас нет права требовать от него, чтобы он своими силами стремился к примирению с жизнью. Инструмент поломан.

Но что справедливо по отношению к отдельному человеку, того нельзя сказать применительно к целому; он не вправе требовать от человечества проклясть бытие. Будь человечество сознательным целым, оно не стало бы

поднимать много шума из-за страданий отдельного члена. (Наоборот! Стоит только вспомнить о том, как бывает при зубной боли и т. п. у отдельного человека.) (Именно это самое совокупное сознание следовало бы мыслить себе как постоянно страждущее?) В той мере, в какой возможно испытывать возбуждения, сосредоточенные на других существах, чувство индивидуума может усиливаться вплоть до сочувствия ко всем, что помогает справиться с индивидуальной судьбой и примириться с ней (как?! тем, что научаешься быть причастным к столь многим другим страданиям, превышающим твои собственные! более тяжкая боль побеждает более слабую!)

Что за дело носителю индивидуального сознания до судьбы мира! Посредниками выступают симпатические аффекты. Вне мысли о некоторой солидарности невозможно никакое удовлетворение, никакое примирение. (ego: это совсем уж пустословие; ни один человек не способен в полной мере воспринимать судьбу человечества, в данном случае к примирению ведет весьма опрометчивый переход от индивидуального к общему. Еще немного, и от индивидуума вообще бы ничего не осталось. *Узость* ума и сердца — вот что делает бытие сносным!) Эгоистическая изоляция означает вырождение человеческого. Источник наибольших страданий — мысль о том, что тебя бросили, предоставили самому себе. Верой в лучшую человеческую природу люди морочат друг друга, из тщеславия, из жгучего желания показать себя особенно тертыми и неестественными. Это только *видимость*, когда эгоизм считается господствующим правилом человеческих отношений. (Здесь Дюринг впадает в ребячество. Что он тут водит меня за нос! Собственно говоря, здесь предел всякому пониманию: если он сам всерьез верит в сказанное, то ему впору действительно уповать на всевозможные социализмы!)

Вера в ценность жизни обязана также верить в *человека доброго* от природы (иначе было бы невыносимо, полагает Дюринг). Она затрагивает, с одной стороны, субъективные свойства нашего вида, а с другой, согласование строя великой природы с потребностями и целями человеческого существования. В обоих направлениях она

ищет подтверждения своим еще несовершенным концепциям.

Если что-либо способно настроить душу на философский покой, то это созерцание мира, значение которого бесконечно превышает человеческую судьбу (что же мы знаем о «значении»! в таком случае, для кого оно еще что-то значит!) У философской веры нет худшего врага, чем идеологизм (ведь ему уже более не знакомо строгое понятие реальной объективности, он стирает различие между верой и знанием).

В той мере, в какой мы ощущаем потребность подтверждать наши общие концепции, переходящие границы *познанного* нами, новым опытом и новыми исследованиями, мы пребываем в состоянии веры. Но она имеет фактическую основу, включает в себя знание, пусть и ограниченное, и тем отличается от веры в авторитет. (Впрочем, религии всегда прекрасно умели использовать «пусть и ограниченное» знание и никогда не пренебрегали им вполне. Итак, здесь все то же самое; разве что Дюринг именно *познанное* кладет в основу, на которой потом строится поэзия, тогда как в религиях в основу обычно кладется поэзия, на которую затем при случае опирается также некоторое знание, больше чтобы подпирать, чем держать, но во всяком случае не с тем, чтобы полностью служить фундаментом.)

Приложение.
Теоретический идеализм и единство системы вещей.

Из теоретического идеализма никогда нельзя сделать заключения об идеализме практическом, об идеальной практической позиции тех, кто его исповедует. Напротив, иногда суровый жизненный реализм, как о том до известной степени свидетельствует пример Шопенгауэра, сочетается с основными идеалистическими взглядами. Для Шопенгауэра практический идеализм смешон. Самые благородные черты человеческой природы Шопенгауэр замарал пошлейшими их интерпретациями. (Сплошь абсолютно неверно и подло, господин Дюринг! Я-то полагал, что *практический* идеализм Шопегауэра яснее, чем белый день. И вот находится же подобный умник, осмеливающийся открыто отрицать его.)

Трансцендентное удовлетворение мести.

Чувство справедливости — это ресентимент, оно неотделимо от мести: также и представление о *потусторонней справедливости* восходит к чувству *мести.*

Справедливость заключается в рас(праве)плате, всякому ущербу должен соответствовать ответный — talio[1]. Вот древнейший и поныне распространенный взгляд. С другой стороны, в поисках оснований этому, поддались соблазну целевого обоснования публичной справедливости: предотвращение преступления посредством отпугивания.

Руководствующийся практическими мотивами рассудок не знает справедливости без чувства мести.

В уголовном праве — два рода: чистая целесообразность (т. е. то, что не имеет со справедливостью ничего общего), а также то, что человек обязан считаться с другим; ущерб причиненный из враждебности.

То же и в гражданском праве. Только в той мере, в какой несоблюдение или нарушение того или иного положения является преступлением, понятие ненарушенности становится правовым. Право нигде не предписывает позитивного поведения.

Трансцендентное воздаяние: добро должно приносить благословение, зло — проклятие. Инстинкт благодарности есть основа представления о награде — точно так же, как инстинкт мести — о справедливости. Таким образом, ненависть и любовь тоже имеют свои потусторонние миры.

В таком случае, является ли *«вечная справедливость»* Шопенгауэра чем-то столь серьезным и заслуживающим искреннего уважения? Необузданный инстинкт мести, создающий даже трансцендентные идеи! Те, кто взывают к суду вечности, демонстрируют в зеркале свое же отражение.

Надо учитывать не только близость или противоположность идей, но и прежде всего то, что создает привлекательность игре в целом, власть инстинктов и чувств. Мечты суть <не> только причины, но и следствия наших душев-

---

1 Возмездие (*лат.*).

ных состояний — поэзия на основе влечений и чувства. И как мечты, так же и весь мир представлений и идей.

Представление о трансцендентном судилище — это поэзия и потому, будучи продуктом чувства мести, вступает в столкновение с более благородной позицией сознания. Возмущение перенесенной несправедливостью в большинстве случаев выливается в наши призывы к деснице Божией.

Вот где последняя опора колеблющейся веры: мир морали нуждается в дополнении, иначе наше стремление к справедливому порядку вещей не находит удовлетворения. Для этого должна существовать некая вечная справедливость, возвышающаяся над земными вещами. Для этого был привлечен Бог — как требование инстинкта возмездия: воздаятель, представитель вечной справедливости. Для этого личное бессмертие. Предпосылкой настоящего метафизического воздаяния служит метафизическая вина, а она немыслима без *метафизической свободы*. Вторая предпосылка метафизического воздаяния — дальнейшее метафизическое существование виновного; третья — метафизический судья и исполнитель приговора. Это — *религия мести*. Так понимал религию Кант. Наиболее утонченный вариант — шопенгауэровский. Мировая история есть суд над миром, но такой, когда над физическим значением происходящего имеется еще и метафизическое. Мистическая причинность мирового хода вещей. Мы наблюдаем только исполнение приговора, а именно в форме мирового хода вещей, детерминистически разыгрывающегося бытия: несправедливость и вина находятся вообще по ту сторону существующего мира. «Люди и в самом деле слишком поэтичны, когда речь заходит о том, чтобы увязать несчастье своих врагов с их подлинной или мнимой виной». Именно трусость и бессилие обычно наиболее находчивы в поисках так называемого «воздаяния». Истолковывать события как якобы происходящее торжество справедливости есть отвратительное следствие мести.

Бедствия мира мы еще умножаем за счет трансцендентных призраков; не будем же выдумывать метафизические карикатуры вещей! Естественная картина мира —

даже там, где она не дает удовлетворения — соответствует глубинной сущности нашей природы.

Конец.

Заключительное размышление, мое.

Вера в ценность жизни покоится на отсутствии чистоты мышления. Она возможна лишь когда очень слабо развито сочувствие к жизни и страданиям людей в целом. Если человек умеет обращать внимание преимущественно на людей самых редких, высокоодаренных, с чистой душой, если берется за цель их становление и радуют их свершения, то можно верить в ценность жизни. Точно так же, если у всех людей замечать только одну разновидность инстинктов, наименее эгоистическую, и извинять ее в отношении других: тогда можно возлагать надежды на человечество.

Однако мне, наоборот, кажется много вероятнее, что человек именно тогда способен переносить жизнь и верить в ценность жизни, когда он намеренно утверждает себя одного, не выступает за собственные пределы, так что все внеличное становится едва заметным, наподобие бледной тени.

Словом, ценность жизни для обычного деятельного человека состоит в том, что он считает себя важнее мира, и причина того, что он столь мало причастен к другим существам, заключается в большом недостатке фантазии: он просто не в состоянии мысленно проникнуться другими существами. Тот же, кто в состоянии это сделать, и у кого любящее сердце, неизбежно отчается в ценности жизни; разве что выдумает себе какой-нибудь мистический смысл всего происходящего.

Если же кто-нибудь смог бы вместить в себе совокупное сознание человечества, он рухнул бы под тяжестью проклятий в адрес бытия. Ибо у человечества нет целей. Следовательно в созерцании целого, даже будь он на него способен, человек не смог бы обрести ни утешения, ни опоры, а только отчаяние. Если он, что бы ни делал, всегда будет иметь в виду конечную бесцельность человечества, то его деятельность приобретет в его глазах характер *расточительности*. Мне кажется, это ни с чем не сравнимо

—ощущать себя расточаемым в масштабах человечества так же, как, мы это видим, природа расточительно обходится с отдельной почкой. Все было необходимо и таким остается в нас. Если бы мы только могли *видеть* это зрелище! На этом, собственно, все и закончится.

Наличие *боли* в мире побудило человека неким остроумным способом извлечь для себя из этого еще и некоторого рода счастье. Возьмем жизнеощущение того, кто хочет от бытия одного лишь *познания*, кто *предается* ему и отрекается от многого, кто *покоится* на нем и *борется* за него—для него ведь при этом повсюду пробиваются еще и ростки счастья. Но было бы ужасно сказать, что этим счастьем компенсируется само страдание. Никакой компенсации вообще не может быть! Или скорее так: что значит здесь «компенсируется»? Страдание нельзя сделать чем-то, чего вовсе не было, лишь за счет того, что на смену ему пришло счастье. Удовольствие и неудовольствие вовсе не могут отменять друг друга.

И в заключение я хочу сформулировать свое Евангелие. Вот оно.

Кого уважают, того не любят: это известно. И самой чистой была бы та любовь, предмет которой должен был бы вызывать отнюдь не уважение, а презрение. Презрение входит в компетенцию разума.

Тот, кто был бы способен *чистейшим образом* любить самого себя, т. е. способен на совершенно чистую любовь к себе, был бы человеком, в то же время себя презирающим. Люби самого себя и никого, кроме себя, потому что ты можешь знать только себя; и люби других, если можешь это, т. е. если ты в состоянии полностью познать их и презирать их, как самого себя.

Это—отношение Христа к миру: *любовь к себе* из милосердия, ядро христианства, без всякой шелухи и мифологии.

Самопознание рождается из справедливости к самому себе, а справедливость есть в сущности чувство мести. Если кто-то достаточно страдал от самого себя, достаточно навредил себе в греховности своей—тот начинает испытывать к самому себе чувство мести; результатом явится его проникновенное самосозерцание и результат по-

следнего — презрение к себе. А у некоторых людей — даже аскеза, иначе говоря — *месть самому себе* при активном участии отвращения и ненависти. (Когда очень спешат и много работают, проявляют на самом деле ту же склонность —)

Что при всем том человек еще любит себя, представляется благодатным чудом. И это не любовь жадного, слепого эгоизма. Обычно подобную беспримесную и непостижимую любовь приписывают Богу. Но ведь мы сами способны на такую любовь. Это — самопомилование. Месть отменяется. А значит и самопознание. Мы снова действуем и живем дальше. Однако все обычные мотивы, которыми мы руководствуемся, приобретают иной вид. В этом различие между буддизмом и христианством. Христианин действует из упомянутой любви к себе, и даже если это ему не всегда под силу, у него все же остается еще *«сострадание к себе»*. Всякое сострадание — слабо, как и сам человек. Но Христос презирал самого себя и любил самого себя, а на людей он смотрел как на равных себе.

Христианин действует и считает деятельность неизбежностью: утешение за это он находит в перспективе конца света. Он не слишком-то ценит все земные устремления, они — ничтожны. Если нам известно, что человечество когда-либо исчезнет, то тень бесцельности ложится на любое человеческое стремление. К тому же применительно ко всем устремлениям можно обнаружить и раскрыть лежащие в их основе заблуждения: в основе их всех — отсутствие чистоты мышления. Чем заняты, к примеру, все родители? Они рожают, не неся ответственности, и воспитывают, не располагая знанием о воспитуемом, так или иначе они совершают несправедливость и вторгаются в чуждую область; но они должны это делать, в этом заключается злосчастие бытия. В итоге, что бы ни делал человек, он будет преисполнен неудовлетворения и сострадания к себе.

Человек представляется множеством существ, объединением множества сфер, каждая из которых способна иметь в виду другую.

Конец.

9 [2]

Сохранение энергии. Б. Стюарт.

Универсум — машина, состоящая из атомов и своеобразной среды между ними; законы энергии — это законы, управляющие действиями этой машины.

Глава I.

Наше незнание отдельных существ, притом что мы часто знаем законы, определяющие общности. При очень низкой температуре смертность в Лондоне сильно возрастает. Это мы знаем твердо, но не знаем, каким образом низкая температура вызывает смерть в каждом отдельном случае. За неурожаем всегда следует повышенный импорт зерна, но маршрут отдельной крупинки муки наметить мы не можем. Существует постоянное воздушное течение в направлении экватора, но никто не в состоянии проследить путь отдельной частички воздуха. Так же и в планетной системе, и в международной политике. Природный закон всякого отдельного существа крайне сложен, будь то живое существо или безжизненные частички материи. Разгорелось большое сражение, поле сражения зачастую скрыто от нас, мы не видим, что делают на нем отдельные люди, но суждение об исходе битвы вынести мы можем, а часто даже можем предсказать этот исход. Достижимый для общности совокупный результат определяется *простыми законами.*

Предполагается, что большое число болезней вызывается органическими микробами; мы совершенно ничего не знаем о них. Воздух кишит ими, они борются друг с другом, мы становимся добычей более сильных. Таким образом, мы тесно связаны с целым миром существ, но знаем их не лучше, чем обитателей Марса.

И тем не менее некоторые особенности этих разбойничьих царств нам известны — например, что холера является главным образом болезнью низменных областей, что следует быть внимательным к питьевой воде. Прививка препятствует оспенному мору, но мы подобны пленникам, которым приходится калечить самих себя, чтобы лишить себя ценности для победоносного врага — и он отпускает их на свободу.

Еще более велико наше незнание молекул неорганической материи.

Молекула песка — это наименьшая мыслимая частичка, которая еще обладает всеми свойствами песка; дальнейшее деление, если бы оно было возможным, привело бы к разложению его на химические составляющие — кремний и кислород. Как бы то ни было, деление не может продолжаться до бесконечности. Если каплю воды увеличить до размеров целого земного шара, то отдельная молекула была бы чуть больше ружейной пули и немного меньше крикетного мяча. Мы никогда не сможем добиться того, чтобы увидеть мельчайшие молекулы; наивеличайшие массы вселенной имеют с наимельчайшими то сходство, что они недоступны человеческим органам чувств: первые слишком удалены, вторые — слишком малы.

Эти молекулы сталкиваются друг с другом в постоянном движении и борьбе, пока тот или иной удар не оказывается достаточно сильным, чтобы отделить два или больше простых атомов, из которых состоит молекула. Тогда наступает новое состояние вещей. Основной атом бессмертен, но постоянно подвижен. Здесь — еще одно препятствие для нашего познания: он не может пребывать в покое.

Равенство действия и противодействия.

В каждой системе, предоставленной самой себе, между ее различными частями действуют интенсивные внутренние силы, но действия и противодействия уравнивают друг друга, система остается в покое. Полый стеклянный шар с многочисленными стремительно движущимися золотыми рыбками, будучи осторожно поставлен на колеса, останется стоять, даже если поверхность стола будет гладким льдом: это — одна система. Другую представляет собой ружье с порохом и пулей; когда пуля выбрасывается вперед, само ружье отбрасывается назад. Предположим, ружье весит 3000 граммов, а пуля — 30 граммов и пуля вылетает со скоростью 300 метров в секунду. Тогда 3000 г × 3 м = 30 г × 300 м.

Если я бросаю камень с обрыва на землю, движение кажется имеющим только одно направление, на самом же

деле оно является результатом взаимного притяжения камня и Земли. Земля действительно движется вверх, навстречу камню, совершенно незаметно, но поскольку масса Земли очень велика по сравнению с массой камня, то скорость оказывается необычайно малой. Вес кам. × скор. вниз = вес Зем. × скор. вверх. В общем: если А оказывает на В притягивающее или отталкивающее воздействие, то В, в свою очередь, притягивает или отталкивает А. Несмотря на наше незнание частностей, мы способны установить этот закон.

«Количество движения» — это произведение массы и скорости. Так, в случае с ружьем количество движения в обоих направлениях одинаково. В чем же тут различие между ружейной пулей и прикладом? Пуля способна преодолеть сопротивление: такая проникающая сила является признаком субстанции, имеющей очень большую скорость. Назовем эту способность энергией: она пропорциональна весу или массе тела. Одно и то же, движется ли пуля весом в 60 г со скоростью 100 м в сек. или 2 пули, каждая весом в 30 г. Но энергия не прямо пропорциональна скорости; она растет много быстрее, чем увеличивается скорость. Если скорость пули удваивается, то ее энергия возрастает почти вчетверо. Если скорость стала

в 2 раза больше, то энергия — в 4 раза

в 3 раза больше, то энергия — в 9 раз.

Энергия изменяется как квадрат скорости.

Как можно измерить работу? В качестве единицы веса — килограмм (2 метрических фунта), в качестве единицы длины — метр (= 3,186 рейн. фута).

Если, например, поднять один килограмм на высоту в 1 метр, то мы затратим некоторую энергию; примем ее за единицу работы — килограммометр.

Если умножить поднятый вес (в килогр.) на высоту по вертикали (в метр.), на которую он поднят, то в результате получим проделанную работу (в килограммометрах). Энергия пропорциональна квадрату скорости, измеряем ли мы энергию по толщине доски, которую он может пробить, или по высоте, на которую он может подняться, преодолевая силу тяжести.

10. Лето 1875

10 [1]

Тот, кто наслаждается высшим мгновением, *слепнет*.

10 [2]

Когда любовь еще совсем юна, она парна́я.

10 [3]

Больше всего на свете ты должен любить (а не бояться) Бога и доверять ему.

10 [4]

Нечто от Голландца в вагнеровской воле. Проклятие уничтожения.

Заторможенная воля. Ревнивое, гневное.

10 [5]

Баварский король. Вечерние тени. Постоялый двор.

10 [6]

Математика.
Механика (вместе с историей).
Физика.
Химия.
Естественные науки дескрипт<ивно>.
Физиология.
Космос.
География.
История.
Политическая экономия.
Философия.

10 [7]

Чем тверже шагает жизнь, тем слышнее резонирует смерть.

10 [8]

Писатель. Устный стиль. Перед врагами. Беспокойный ритм, иногда увлекающий. Надломленная диалектика. Упор на авторитарное.

10 [9]

Слуга и друг, Курвенал[1].

10 [10]

Христианство, форма античности, с расточительной основательностью додуманная и доведенная до конца. Александрийское – направление осталось прежним. У прежних тиранических властей отнимают насилие, а взамен им дают культуру.

10 [11]

Общительный талант изобретательности. Втискивание мысли в заданные обстоятельства. Сюда же относится и писательство (по необходимости, так как пример был невозможен).

10 [12]

Кооперативность Б<айройтского> проекта.

10 [13]

Будущность искусства (когда человечество постигнет свой *конец*).

Я мог бы представить себе и искусство, заглядывающее *вперед*, которое ищет свои образы в будущем. Почему такого не существует? *Искусство* привязано к *пиетету*.

10 [14]

Сдержанные от отчаяния, как Якоб Буркхардт.

10 [15]

Всякое искусство уходит в *ботву*, на определенной высоте развития.

---

1 Слуга Тристана в опере Вагнера «Тристан и Изольда» (*прим. ред.*).

10 [16]

Как В<агнер> развязывает музыке язык и ломает ей члены.

10 [17]

Противоположность между высоким уровнем искусства и убогой музыкой *мужских песен.* У греков заботилось *государство.*

10 [18]

Изображение главных характеров.
Обзор разновидностей.
Богатство.

10 [19]

Музыкант—поэт—писатель—актер.

10 [20]

Греки.
Филологи, кастовые учителя (одной из высших каст).
Вагнер.
Религия.
Воспитание народа.
Мужчина и женщина.
Государство.
Здоровье и болезнь.
Университеты, ученые.
Рабочие и аристократы.
Торговля.
Пресса.
Школа воспитателей.

10 [21]

Я готов.

11. Лето 1875

Предварительные наброски к «Рихарду Вагнеру в Байройте»

11 [1]

35. *К Вагнеру.* Борьба с ἀνάγκη; весь прогресс основан на том, что разучаются считать что бы то ни было необходимостью. Вагнер освободил современного человека от отчаяния, будто тот навсегда обречен быть лишь эпигоном. В то время как мы обязаны всем — государством, обществом, религией — старой культуре, он выводит на свет человека, который заключен внутри нас прежде всякой культуры, и тем самым сбрасывает с себя тяжелый груз.

11 [2]

36. Он ощущает *нищету современной культуры* в рамках современного общества, противоречивость требований, он не может вынести квиетистского сидения в своем углу, но как художник он требует вернуть искусству его публичное достоинство и во всем становится революционером. Все в нем профетично. Ученым-словесникам нечего больше сказать. Искусство письма и поэзия впервые познаны и отвергнуты. Одушевляя христианский и северный миф, он тем не менее не высказывает ничего догматического, никакой отсталости, обычной для поэта. Евангелие любви — против власти, условности, духа торговли, денег и договоров. Он понимает бедняков и обойденных нашей культуры, он открывает мима и музыканта. Он размягчает и потрясает сердца. И в окружении веков он притягивает к себе всеобщий интерес и представляет собой поворотный пункт. *Величайший* художник.

11 [3]

Характер новой культуры: *знание* — ее фундамент, *польза* — ее душа. Откуда же взяться надеждам на облагора-

живание человечества? Откуда взяться любви к человеку? Религия ныне не может более способствовать облагораживанию отдельного человека, его чувство истины протестует. «Любовь к Богу» — просто фраза. Так что же, культура закончилась? Польза бестиализирует, а знание мумифицирует. А мстительные вожделения угнетенного до сих пор человечества! Что связывает? Где общее? Разве не все служило инструментом угнетения, а искусство — прежде всего? Ненависть и страсть разрушения слишком понятны. И здесь художник Вагнер — как симптом противоположного. В нем говорит дух *отрицания бывшего до сих пор*; но в той же мере — чувство глубочайшего сострадания, *спасительного*, вступающего в борьбу с необходимостью: *прометеевское* в художнике. В этой борьбе он чуть было не потерял своего искусства: омерзение было слишком велико. «Звучи, героя песнь, расплата — сердца кровь».

Сострадание, толкающее к действенному соучастию!

11 [4]

34. У Вагнера есть элементы, выглядящие *реакционными*: средневеково-христианское, княжеская поза, буддийское, чудесное. С этой стороны он, наверное, приобрел не одного приверженца. Это — его *средства выражать* себя, язык, который еще понятен, но уже получил *новое содержание*. У художника вещи подобного рода должны восприниматься художественно, а не догматически. Сюда же относится и *национально-немецкое*. Он ищет аналогии грядущему в уже бывшем, и потому немецкое в Лютере, Бетховене, в нем самом, немецкое с его великими князьями представляется ему порукой, что нечто подобное необходимому, по его мнению, в будущем уже однажды существовало; храбрость, верность, прямота, доброта, самопожертвование — как он высказал все это в дивной символике своего «Императорского марша», — вот его немецкость. Он ищет тот вклад, который немцы внесут в грядущую культуру. Это, разумеется, не «историзм» германских ученых, как думает Хиллебранд. Ибо это и в самом деле есть реакция, дух лжи и оптимизм. *А великое неудовлетворенное сердце, много большее, чем какая-либо нация* — вот что он называет немецким; вульгаризуя, это называют космополитическим в немце,

но это всего лишь карикатура. Немцы — не национальны, но также и не космополитичны, *величайшие* из немцев; и только их враги привили им глупую иллюзию, что нужно-де ограничиться.

11 [5]

32. *Любовь* в «Тристане» следует понимать не по Шопенгауэру, а по Эмпедоклу, греховное отсутствует полностью, она предстает знаком и залогом вечного единения.

11 [6]

33. В Вагнере налицо **опасные наклонности**: *отсутствие меры* (как легко его гений мог бы раздробиться! Но дело обстоит, как у греков: как художник он — *σώφρων*[1], как человек — нет, *наклонность к помпе и роскоши* (обостренная продолжительными лишениями — жребий всех художников), *ревнивость* (он обречен соизмерять себя со всеми современными силами, а именно с художниками, чтобы обнаруживать в них вагнеровское, хотя бы в зачаточном состоянии, и таким образом ощущать собственную *необходимость*; но если развитию *по направлению к себе* он приписывает необходимость, то *другие* направления развития он рассматривает как отклонения и боковые тропки, даже как заблуждения, как отвлечение сил, как мотовство, и *гневается* на это; он гневается также на славу, которая сопровождает эти блуждающие светила, потому что это ослабляет солнечное сияние над его головой и плодотворность его трудов), *многоискусность, многопонимание* (чтение в чужих душах, широта обзора вряд ли совместимы с нормальным человеческим общением, точно так же невозможно общаться с мудрецом. Единственно любовь близка ему, но она — слепа, тогда как он — *зряч*. Как следствие он привыкает позволять любить себя и царить при этом: он спасает других от отчаяния), *лукавство и искусство вводить в заблуждение*, бесчисленные скрытые мотивы, развязки, как бы вынужденные крайние средства в драме его жизни, которые он молниеносно находит и применяет. *Всегдашняя правота*. Неправота же у него относится са-

---

1 Мудрый (*греч.*).

мое большее к форме, степени или когда ему не был знаком весь материал.

Все эти опасности суть опасности, подстерегающие *драматурга*, особенно возрастающие по ходу его борьбы, которая заставляет не стесняться в средствах. В нем есть что-то от его *героев*, они не грешат.

Религия музыки облекает все его существо: он чувствует, что договоры, власть, блеск, борьба и победа вовсе не приносят благодати, что всякое могучее стремление ввергает в несправедливость, и вот он называет наивысшим любовь. Эмпедокловскую. Он жаждет *помогать, приносить пользу, спасать*—и это обрекает его на такую жизнь страстей и неудовлетворенности.

11 [7]

28. В драме его **страсть продолжительна**, она имеет форму лука, возрастая, стремительно спадая; он не так идилличен, расстилаясь подобно тихому озеру. Его движение беспокойно, словно вокруг невидимых скал, порывисто и внезапно, постепенно оно становится бурным, беспокойство переходит в *покой быстрого широкого движения*, и вот он обрушивается с высоты, блестяще, мощно. *Упоение страстью*, чем-то напоминающее упоение моря своими прибоями и бурей.

11 [8]

29. **Многоглавая страсть** в драме—его стихия: это—душевный процесс в *группе* лиц, который он ощущает *одновременно*. Его оркестр является выражением *сплетения* страстей, символичен, бесконечен; здесь найдет себя человек любой эпохи. Он обладает средством выразительности, которое далеко выходит за рамки языка, условности, жеста; или скорее: слово, жест служат для *прояснения* внутреннего подвижного мира души.

11 [9]

30. **Народность**: в высшей степени примечательно, что как писатель он не прост, не прям, а старается говорить на неестественном для себя языке. Он говорит языком *высшей образованности*, но образованности *старой, внена-*

родной, учено-абстрактной; как только же он оказывается в своей стихии, все это отбрасывается. Еще *вывод*: тебя переносят назад, в состояние, когда еще *сочиняли и почти еще не размышляли*, — во времена возникновения языка.

31. Насколько он *народен*, можно увидеть в сравнении с Гёте. Вся *проблема Фауста* очень понятна нам, людям, только-только покинувшим средневековье; если же отвлечься от этого временно́го аспекта, перед нами *совершенно непонятное* произведение. Гёте сам знал это, но пользовался «варварскими премуществами». Как должен быть устроен *народ*, чтобы охотно принять Фауста в качестве народной драмы! Песни Гёте *следовали* за народной песней, а не опережали ее: как то делает великий поэт.

11 [10]

Последний акт «Гибели богов»: все — закат, летний воздух, позднее лето, раскаленность, во всем разлита печаль. Зигфрид, рассказывающий о своих подвигах, трогательное воспоминание. Трагически внезапно наступает ночь.

11 [11]

О, как мне было в Нирмсдорфе, на золотом лугу! — взошла луна. В Плауэне, у ручья, среди бабочек весной. В Поблесе, когда я плакал об утраченном детстве. В Рёкене, когда я находил пестрые домики улиток. Под Наумбургом, когда с лопатой в руках добывал известняк и гипс. В Пфорте, среди пустых полей, осенью. Когда дедушка толковал мне «Благословенного» Хёльти. Близ Бонна, там, где Вид (?) впадает в Рейн, мною снова овладело чувство детства. Затем в Нойгассе, где я всегда слышал наставительный голос отца.

История, рассказанная экономкой пастора Хоххайма. На Крумме Хуфе — катаясь на коньках при лунном свете, «что заработал днем своею лирой».

Равайяк.

11 [12]

25. Вагнер — *организатор масс*: огромной массы мифа, огромных продолжительнейших сцен. Законодатель самых

великих обстоятельств. Поэтому он может быть *прост*, как *никогда* не бывал ни один драматург. Этим он достигает сильнейшего воздействия. Его отличает проникновение в великий ритм. Что до ритма в малом, то он – за жизнерадостное, подвижное, многообразное; после его музыки всякая другая кажется *натянутой*; все предшествующее он превращает в архаику. Такое чувство, будто никакого оркестра вообще не существовало, пока не зазвучал *его* оркестр: одушевленная жизнь *каждого* инструмента – этого прежде просто не было.

11 [13]
26. *Избыточное* в искусстве: даже доброе той или иной определенной разновидности должно когда-нибудь появиться. *Богатство* искусства, в разнообразии форм и повторений, имеет тот недостаток, что расходует форму, стирает ее. Почему следует быть очень строгим к подражателям. Греческая трагедия закончилась, когда стала добычей дилетантов. Самое прекрасное – это *неподражаемость Шекспира и Вагнера*. То есть во многих вещах, в средствах воздействия они немедленно становятся предметом массового подражания, и нет сегодня одаренного композитора, который не успел бы уже обрести вагнеровского оттенка, в мелизме, гармонии, свободе длящейся мелодии и т. д. Опасность такого подражания очень велика, как у Микеланджело. Тем сильнее должна быть убежденность в *неразрывном единстве* вагнеровских *средств и целей*, чтобы испытывать почти отвращение, если средства берутся изолированно и используются для совсем иных и мелких целей. Вагнер должен так воздействовать на музыкантов, чтобы сделать их виртуозами исполнения и строгими учителями; но охоту к безумному сочинительству он у них должен *отбить*.

27. Особенно велика опасность *натурализма* – после Вагнера. Пугающее, пьянящее и т. д., которое становится *самоцелью*. Ведь тут – необычайное обилие средств.

11 [14]
Чтобы вступить во владение наследием прошлого, мы обязаны понимать, что надо платить по его долгам.

Нужно поправить то, чем оно пренебрегло и в чем оно погрешило: это — простая благодарность за нашу причастность к ее обретениям и достижениям.

11 [15]

24. Довагнеровская музыка имела *эпически-лирический* характер; предметом выражения было *настроение*, скажем, молитвенное, покаянное, веселое и т. п.; определенная однородность форм и большая продолжительность в конце концов приводили слушателя в это настроение. Общая *форма* картины того или иного настроения обретала определенные законы начала и конца, стремление избежать скуки и монотонности определяло *длительность*. Но вот появилось *контрастное воздействие* сменяющих друг друга *настроений*, а затем, *в* одном и том же музыкальном отрезке, еще и *контраст этоса*. Очень часты мужской и женский мотивы. Все это пока самые начальные ступени музыки. При этом она по большей части ставит себе целью только *развлечь*, самое большее — *тронуть*; настроению нельзя быть слишком глубоким, слишком интенсивным, а контрасту поэтому — слишком смелым. Однако постепенно научились находить для всех видов настроения множество символических форм. И тут произошло нечто *новое*: произвольное контрастирование надоело, как надоело *настроение* вообще, ἦθος и его противоположности; хотя в то же время с другой стороны происходило все большее утончение изысканных настроений, зарисовок аномальных характеров (пресыщенных, детских, старческих, национальных). Бетховен *открыл* язык *страсти*, уже не настроения, и в результате стала невозможной сама *форма* музыки настроения; теперь стало уже невозможно ограничиваться зарисовками идиллического озера. Внутреннее драматическое действие — *ибо всякая страсть имеет драматическое развитие* — добыло для себя соответствующую форму; традиционная тема музыки настроения служила во многом препятствием и помехой, она сковывала страсть, подобно суровому, косному закону. Часто возникало *противоречие: пафос, которому приходилось выражать себя в форме этоса*. Для пафоса нужна великая форма, чтобы воспроизвести великую крутую дугу всякой страсти. Бетховен посчитал симфонию подхо-

дящей для этого, хотя еще сохраняя контрасты *состояний*, так что он часто брал от всего протекания страсти три-четыре *ступени*, позволяя как бы дорисовывать *всю* ее *траекторию* по намеченным им четырем точкам ее полета. Как следствие, во многих слушателях такая музыка вызвала отторжение: они не могли дорисовать траекторию, а контрастное воздействие отдельных частей тоже улавливалось с трудом. Вот почему у музыкантов похуже стал наблюдаться чистый *произвол* в частях и их последовательности; не было связности целого, были только четыре фрагмента. (Так же как Эсхил взял из жизни и мифа четыре момента, и впоследствии фрагменты обрели самостоятельность.) Итак, изобретение великой формы страсти, не будучи понято, повело назад по направлению к отдельной части с субъективным содержанием, и взаимосоотнесенность частей друг с другом исчезла полностью; разве что нередко снова прибегали к прежней контрастности. Ибо чтобы изобразить страсть, научиться понимать ее, необходимо ее *иметь*: музыканты вроде Шуберта, Шумана, Мендельсона имели только этос, и потому послебетховенская симфония представляет собой столь странное сооружение. В деталях они лепечут языком бетховенского пафоса, слушателя это сбивает еще больше. Средство не соответствует замыслу, замысел же вообще неясен. Длинная до-мажорная симфония Шуберта скучна, поскольку только кажется, что ее отдельные части находят свое оправдание в целом, на самом же деле—только в мелком, единичном. Единственное достижение этих музыкантов —что они сделали доступнее, распространеннее множество выразительных форм, в особенности это касается песни.

Пример с *девятой* симфонией Бетховена: здесь первая часть задает общий тон, общий выброс страсти и ее развития, оно все длится и длится, это скитание среди лесов, пропастей, чудовищ; вот вдали бушует водопад, он обрушивается вниз могучими прыжками, в его грохоте явен чудовищный ритм. Вторая часть—*отдых во время скитания* (*самоопамятование* страсти и *ее суд над собой*), с видением вечного отдохновения, что печально-блаженной улыбкой осеняет все странствия и погони. Третья часть—

момент наивысшего взлета страсти: ее путь — среди звезд, мятежный, подобный комете, блуждающему огню, призрачно-нечеловеческий, своего рода заблуждение, *неутомимость*, пылание внутреннего огня, томительность, мучительное продвижение вперед, без надежды, без любви: порой насмешливо-грубо, как скитается вечно бесприютный дух над могилами. И, наконец, четвертая часть: разрывающий сердце вопль, душе уже невыносимо собственное бремя, она не выдерживает больше бесконечного скитания, она отбрасывает даже явившееся ей видение вечного отдохновения, она скрежещет, ее мука ужасна. И тут она понимает, в чем ее проклятье: в ее *одиночестве*, в ее оторванности, даже вечность индивидуума — для нее лишь проклятие. И вот она, эта одинокая душа, слышит человеческий голос, обращенный к ней, как и ко всем одиночкам, причем обращенный как к *другу*, призывающий к радости воссоединения многих. Это — ее песня. И тут врывается песня о *страсти* к *человеческому вообще*, с ее особой поступью, особым полетом, который, однако, ни за что не был бы столь высок, если бы не была *столь* велика страсть отдельного *одиночки*, прорывавшегося через ночь. *Сострадательность* соединяется *со страстью* одиночки не в качестве контраста, а в качестве действия вследствие этой причины.

Так у Бетховена. Вагнер же, идя по стопам Бетховена, *изобретает* способ изображения *переплетенных страстей*, и видимая драма ему нужна теперь для пояснения, слова и жеста. Он противопоставляет *людей* друг другу; он избавляется от субъективного в страсти, он больше не изображает *себя* — или нет, все-таки себя, но в качестве отклика на множество ведо́мых страстью лиц, душевная жизнь которых продолжается в нем, пребывая в *искусном взаимопроникновении и соприкосновении*. Задача столь высокая, что угроза впасть в невнятицу слишком велика, и потому на ясность музыкального языка направлена вся сила Вагнера.

Он достиг того, чего еще не достигал никто: самого сильного и самого ясного языка чувства. Вся прежняя музыка кажется натянутой, слабой, манерной, робкой. Невероятная *твердость и определенность* всех градаций чувст-

ва у него бесподобны; в музыке он сделал то, что совершил в пластике изобретатель свободной композиции: на этом основана его дирижерская мощь, проявляющаяся в модификации темпа. У него словно бы более объективное и затвердевшее представление о самых нежных и самых диких душевных движениях, в которые он попадает с железной уверенностью, он *поражает* всегда, как стрелок, в самое сердце. Все представляется ему *индивидуализированной страстью*, она есть в буре и огне, вся природа живет и дышит, всегда без малейшей неопределенности, следуя не мгновенным прихотям, а своей воле, своей жажде.

Итак, драма у него — это живая жизнь множества страстей и их *история*, словно бы узел сил и огненных языков, перекрещивающихся, отталкивающих, питающих и гасящих друг друга.

Благодаря опере было изобретено и стало понятным множество отдельных средств изображения страсти. Ибо необходимо не только изобрести эту символику, но и воспитать для себя аудиторию, умеющую воспринимать ее. В концерте это имеет место в наименьшей степени; там господствует аффектация «высокого искусства» и высокого вкуса. Зато в неудавшегося драматического уродца оперы контрабандой просочилось порядочно вкуса к символическому. Здесь добивались *эффекта* и были достаточно честны для этого, чураясь аристократического ханжества, отстаивающего «достоинство искусства, лишенного эффектов»; здесь постепенно накопили немалую сумму эффектов, т. е. понятных символических форм: теперь мог явится гений и овладеть ими. Ибо нет формы настолько низкой, чтобы в руках гения она не могла послужить выражением самого высокого и благородного. *Шиллером* (и Шекспиром) был воспитан вкус к страсти, обладающей долгим сценическим дыханием, — высокая степень культуры, потому что народ обычно жаждет составленного из кусочков, пренебрегая целым и длительным.

Все эти частичные предварительные и подготовительные формы каждый раз приносили с собой свою собственную меру абсурдности и учености, а эстетическое *выражение* этого, то, что писалось и говорилось *об этом*, было и вовсе тошнотворным. Нужен был взгляд гения,

чтобы, *несмотря на все это*, происходило воспитание для драмы и музыки страсти, чтобы теперь все то, что первоначально составляло целое, но в ходе истории было усвоено по отдельности, соединить снова и отважиться *проверить, поймут* ли теперь это *целое*. Первые попытки Вагнера были лишь относительно удачными, он даже почти отчаялся. Для Германии обычное дело—цепляться за догму, за традицию, и против нового жанра выдвинули возражение, что в нем нет многого, присущего любому из *прежде* известных жанров: в произведениях Вагнера увидели *плохую* оперу, плохую симфоническую музыку, плохую шекспировскую драму. Воздействие ощутили *единицы*, они-то и стали для Вагнера его *публикой*. Он научил ее не обращать внимания на прежнюю эстетику. Расковывая своих слушателей и зрителей, он все более расковывал свои собственные силы, освобождаясь от всего, чему его учили. Им все более и более овладевало божественное чувство, что он обрел свое царство, в котором был господином. «Тристан» проникнут удовлетворением от *новообретенного* мастерства, ничем не стесненного высказывания того, что он *может* и хочет, удовлетворения, равного которому, пожалуй, нет ни в одном другом произведении в мире. Только теперь он нашел *великую форму* (длящуюся страсть, многоглавую страсть); страх быть непонятым, который до сих пор заставлял его все еще слишком выделять и изолировать отдельные части (например, в «Лоэнгрине»), как бы заманивая публику сближением с привычными формами, короче—желание выступить соблазнителем, все это теперь оставило его. Для него нет ничего невыносимей, чем потерять своих слушателей, в этом он поистине художник, который хочет *понятно* говорить об упоительном мире своего существа; произведение искусства, которое не дает понять себя, есть противоречие. Ибо искусство есть как раз сила действительно *сообщающая другим* то, что ты пережил, ничего больше! Теперь он осознал *слабости* коммуникативной стороны *вербальной драмы*, превращенной в *музыку* ради музыки. Первая призвана воздействовать на чувство посредством мысли, слова и жеста, принадлежа тем самым к области *риторики*. Но страсть не всегда *красноречива*, здесь же она обязана быть таковой,

и даже с избытком. Слово — слишком расхожее и затертое средство сообщения, и потому для выражения страсти поэту слова приходится придавать языку и мыслям необычные *краски*, но при этом он легко может стать непонятным; с другой стороны, он должен благодаря глубине мысли и сентенциям возвысить целое, и таким образом впадает в *фальшь*, т. е. *на самом деле* страсть не выражает себя таким языком, а следовательно и не сообщается. Соединив музыку, язык и жест, Вагнер достигает в первую очередь того, что непосредственно изображает сами *основные движения души*, которые выражаются только с помощью слова и жеста, и тогда слово и жест становятся легко понятными. Теперь драматический художник снова может быть *естественным* (прежним надо было преувеличивать, произносить сентенции и т. п.). Весь арсенал драмы *упростился*, идеализирующий элемент достигается не благодаря одной только усложненности композиции и т. д., сила музыки может в любой момент возвысить все. *Язык* превратился из языка мыслей в язык чувств, стал более плотным, отбросил непоющиеся вспомогательные глаголы и т. д. Обретя этот новый *световой* аппарат, он получил возможность придать внутренней жизни *убедительность*, какой не добивался до сих пор ни один художник: он мог обеспечить чудесному мгновенную веру. *В силу этого* он мог изображать также *процессы*, которые в расхожем смысле *едва ли* являются действием, почти всегда разыгрываясь в душе героев, и тем не менее здесь с наивысшей степенью *понятности* обращаются к *участию* слушателя — например, в «Тристане». Отсюда идет *облагораживание жеста страсти, пластического*; и вообще, музыка, благодаря тому, что она как будто длит восприятие (поскольку выпеваемая страсть длительнее, чем высказываемая), несет с собой некое преодоление *непластической взбудораженности, чрезмерной подвижности*, которой страдает словесная драма. — Овладев всем этим, художник обратился к материалу, который был достаточно великим, чтобы продемонстрировать мощь, какой не обладал ни один художник мира, — *к трагедии богов и героев как таковой*. «История религии как трагедия».

11 [16]

Инструментовка: он первым воспитал духовые инструменты для великой роли, все до него — дилетанты по сравнению с ним, даже Бетховен.

11 [17]

Драматический художник располагает теперь *образцом* в лице музыки, который возник благодаря погружению в чужую сущность; Вагнер не фокусничает, подобно поэтам, с драконами, ехиднами и т. п.: область переживаемого им и доступного изображению неограниченна.

Самообладание художника, который, как трех коней, берет под уздцы трояко царящую фантазию, ради высшей цели.

Никакой симфонической расплывчатости.

11 [18]

23. Одно слово о поэте Вагнере. *Мыслить в форме видимых и воспринимаемых событий*, а не в форме мыслей — вот *поэзия в собственном смысле*; она проявляется в мифе, в основе которого не та или иная мысль, как обычно полагают, а который сам есть мышление, хотя и не с помощью понятий; я имею в виду картину мира, облеченную не в слова, а в события. Как музыка непредставима для глухого, который видит только Хладниевы песочные фигуры, так и миф — для *немыслителя*, для народа; и для него-то творит поэт, который в этом отношении сам принадлежит к народу, я подразумеваю — к немыслителям. «Кольцо нибелунга» представляет собой гигантскую *систему идей без понятийной формы идеи*. Возможно, философ и мог бы противопоставить ей нечто вполне ей соответствующее, что совершенно обошлось бы без образа и действия: в таком случае мы имели бы две несовместимые сферы. Из одной нельзя было бы проникнуть в другую: чтобы войти в одну, надо было бы быть чистым мыслителем, в другую — чистым поэтом. Мысли, высказываемые героями поэтического произведения, это не мысли поэта как поэта: он мыслит событиями, сменою сцен, и то, что происходит, и есть его мышление. Путаницу вносят только множество полупоэтов, т. е. художников, которые не вполне являются поэтами.

Когда Вагнер обращается то к христианско-германскому мифу, то к легендам моряков, то к буддийским или языческим немецким мифам, то к протестантской буржуазности, становится ясно, что он *свободен от религиозного* содержания этих мифов и требует того же от своих слушателей; так же, как были свободны от этого греческие драматурги и даже Гомер. Поэт никогда не бывает *набожным*. Нет никакого культа, никакого страха, боязни и заискивания перед этими богами, *в них не верят*. Грек, что был настолько суеверен, что в сценическом герое видел бога, не был тем зрителем, который требовался Эсхилу. Необходимо, чтобы религиозность идолов и фетишей была уже преодолена, если хочешь свободно, подобно поэту, мыслить событиями. Вагнер застал необычайный момент — когда все религии всех *прежних эпох пошатнулись в своем догматическом идольском и фетишистском влиянии*: он — трагический поэт в конце всех религий, «сумерек богов». Так он поставил себе на службу всю историю, он претендует на историю как область своего мышления; его творчество столь необычайно, что все ставшее его не подавляет, но только в нем обретает способность высказаться. В каком свете видит он теперь все ставшее, все прошедшее? Чудесное значение смерти надо здесь поставить на первое место: смерть — это *суд*, но суд свободно избранный, желанный, полный жутковатой прелести, как будто он — больше, чем врата в ничто. (Всякий твердый шаг жизни по доскам сцены резонирует *смертью*.) Смерть — это печать, налагаемая на всякую великую страсть, всякое геройство, без нее существование ничего не стоит. Быть созревшим для смерти — высшее, чего можно достигнуть, но одновременно и тяжелейшее, завоевываемое в героической борьбе и страдании. Каждая такая смерть — это Евангелие любви, а вся музыка — своего рода метафизика любви, она есть порыв и воля в царстве, которое обычному взгляду представляется царством отсутствия воли, погружением в море забвения, трогательной игрой теней прошлых страстей.

11 [19]

22. Искусство Вагнера принадлежит не *нынешнему* искусству: он намного *впереди него* или *над ним*. Его существова-

ние не следует ставить в заслугу нашей эпохе, тем более что она сделала все, чтобы воспрепятствовать его появлению. *Перечислить*, что *помогало* Вагнеру, в чем он находил не препятствие, а поддержку (при этом привести в качестве антипода Мейербера, который всегда искуснейшим образом использовал каждый свой мимолетный успех, — Вагнер всегда поступал наоборот, особенно худо приходилось всегда его «друзьям», он не давал им покоя, вдруг покидая пределы их поля зрения благодаря какой-нибудь новизне, и они стояли, вроде учеников в «Фаусте», задрав головы и растерянно глядя вверх[1]). Столь же мало права у лейпцигцев славить его как своего земляка: их поведение в отношении Вагнера скорее напоминало поведение лейпцигцев во время лютеровой Реформации. Оправдание моих размышлений о Вагнере остается в их «несвоевременности». Ибо все остальное искусство и вся наука, с музыкантами и музыковедами впридачу, только и хотели преградить ему путь. Для меня важно говорить не о противниках Вагнера, иначе я должен был бы говорить о каждом. Кто не погрешил хотя бы пошлым нежеланием слышать или слушанием вполслуха и т. п? Но я молчу: мое понимание дела я вложил в заголовок, назвав это размышление несвоевременным.

11 [20]

21. Как несправедливо было бы думать, будто Вагнер занят одним только искусством и считает его лечебным пластырем для всех прочих несчастий! Оно для него — всего лишь утешение перед лицом ἀνάγκη, но где пределы ἀνάγκη, если иметь в виду перспективу существования человечества! Для индивидуума это остается главным утешением *перед лицом своей индивидуальной* ἀνάγκη; в то же время оно так закаляет индивидуума, что тот начинает бороться за всеобщее. Именно вагнеровская драма показывает борьбу индивидуума не на жизнь, а на смерть с тем, что считается ἀνάγκη: законом, обычаем, договором, властью, деньгами; у индивидуума не может быть жизни прекрасней,

---

1 По-видимому, имеется в виду сцена «Погреб Ауэрбаха в Лейпциге» из первой части «Фауста» (*прим. ред.*).

чем созреть для смерти в этой борьбе и принести себя в жертву. В противовес гибнущему индивидууму выступает неисчерпаемая жизнь рода; есть ли что-нибудь непреодолимое для нее! И тем не менее искусство предназначено для *паузы* в этой борьбе, а не для самой борьбы: для тех минут, когда, оглядываясь назад или устремляя взор вперед, все видишь в символическом свете, когда нами овладевает тихая усталость. Искусство — это сновидение для борца, освежающее сновидение в освежающем сне. Вот сейчас снова наступит день, священные тени исчезнут, и искусство уйдет далёко. Но, начиная с рассветного часа, его *утешение* сопровождает человека. Поэтому оно есть величайшее благодеяние для мира, хотя его счастье подобно тени. Поэтому искусство есть более высокая ступень религии, без ее общих главных мотивов — попрошайничества у богов и купли-продажи, без низкой жажды выгоды. Потому-то исторически искусство появляется в периоды отмирания религий; правда, потом искусство обычно консервирует религию — посредством храмов, торжественных процессий, ритуала, драматических представлений; сверх того еще и врожденная благодарность по отношению к мифическим фигурам, которые на руку искусству. Не исключено, что для человека отнюдь не невозможно состояние, в котором он мог бы обойтись без искусства и религии, но мы не способны его себе даже вообразить. Оба величайших страдания — 1) ненадежность *знания*, отсутствие его общности у всех людей и 2) неравенство *возможностей* — оба они *нуждаются* в искусстве. Невозможно быть счастливым, пока вокруг нас все страдает; невозможно быть нравственным, пока ход вещей определяется силой, властью и несправедливостью; невозможно даже быть мудрым, пока соревнование в мудрости не охватило все человечество. Повсюду отдельный человек сталкивается со своей *неудовлетворенностью*, и как бы ему только удавалось все это вынести, если бы он в то же время не видел в своей борьбе, порывах и гибели чего-то *возвышенного и значительного*? Это показывает ему трагедия; она играет ритмом страсти и ее жертвой; она сохраняет трагический настрой и предъявляет его при любых переменах нравов и религий. Лучше умереть, чем изменить самому заветному в се-

бе, своей страсти, воплощением которой мы являемся! Горе человечеству, если это чувство трагического его когда-нибудь оставит! Однако искусство не служит *непосредственным* учителем и воспитателем поступков; объекты устремлений трагических героев не являются безоговорочными ценностями. Это как в сновидении: все, чего мы так жаждем под чарами искусства, так что даже смерть кажется милее, нежели отказ от желаемого, все это пригождается в жизни редко или не пригождается вовсе; зато искусство предназначено для покоя и отдохновения, для сна делателя; проблемы в искусстве *упрощены*, облегчены, все они сплошь — *аббревиатуры* бесконечно сложного уравнения действительной жизни. Но как раз в том-то и заключается его величие и необходимость, что оно рождает иллюзию некоего *более простого* мира, некоего *более точного ответа на его загадки*. Никто не может обойтись без этой иллюзии; чем сложнее делается познание законов бытия, тем пламеннее мы жаждем такого упрощения, пусть даже на мгновение; тем больше делается *разрыв* между познанием и отдельным человеком; *чтобы свод не рухнул*, существует искусство. Но так как в эпоху умирания религий эта пропасть становится все шире и от отдельного человека требуется все большее напряжение, мы вступаем в *период искусства*, при котором никогда еще не было оно столь *необходимо* и никогда еще так не присутствовало.

11 [21]

О театре и страсти к развлечению. Человек принимает привычное за правильное. Вся наша жизнь и все существо на самом деле в высшей степени необычны и достойны осмысления — продажны (corrupt)!

Вагнер — *Александр наоборот*: не распространитель культуры, а ее концентратор, вогнутое зеркало, сосредоточитель всего что ни на есть культурного: из широты — в тесноту, из рассеяния — в центральную точку. Его сила проявляется в натяжении нитей, столь ослабших. *Вяжущее средство.*

Нельзя быть счастливым, пока — И даже знание служит в укоризну, пока рабочим — — —

Вагнер как каботажник
Сказки для ребят и баб
Байройт, борьба со стихиями

11 [22]

20. История развития культуры, начиная с греков, достаточно коротка, если принимать во внимание собственно пройденный путь и совсем не брать в расчет остановки, движения вспять, робость, движение ползком. Эллинизация мира и ориентализация эллинства – задача великого Александра – все еще остаются последним великим событием; перенесение чужой культуры – все еще проблема, над которой мы бьемся. Между тем *александринизм* проявлялся со все большей силой; за естественным вычетом отупляющей интермедии христианства – ритмической игры обоих факторов друг против друга, от которой пришлось пострадать миру, – поступь науки стала шире. Однако при бесконечном рассеянии эллинского духа собственно культурное воздействие эллинского начала оказывается все более слабым и бесцветным; не хватает прежде всего хоть какого-нибудь единства, все являет собой картину хаотических волн. Вот почему сегодня так нужен ряд *анти-Александров*, которые располагали бы гигантской силой соединять и вязать, стягивать самые удаленные нити и предохранить всю ткань от расползания. Не разрубать гордиев узел греческой культуры, так что его концы разлетаются в разные стороны света, а связывать его, после того, как он был разрублен, – вот *нынешняя* задача. В Вагнере я вижу одного из таких анти-Александров. В нем есть, говоря медицинским языком, что-то *вяжущее*; он спаивает и сцепляет воедино то, что было разъединенным и слабым, вялым; в этом смысле он относится к исключительно влиятельным культурным силам и является первым в некоем новом ряду людей. Он правит религиями, искусствами, науками истории и притом представляет собой противоположность полигистору, таланту накопляющему, сводящему к одному знаменателю, упорядочивающему (каким был Аристотель в отношении природы). Он – ваятель общего образа и одушевитель накопленного, *упроститель мира*. При этом он заключает в себе так много уровней

человечества, что может также вполне проникнуться какой-либо срочной современной задачей; он не только соединяет самые отдаленные точки огромного моря, но и *способен*, если захочет, послужить каботажником, показать, что ему по плечу более мелкая сиюминутная работа.

11 [23]

19. *Реформа театра*—поверхностному наблюдателю это кажется почти смешным. Хорошо, его реформировали, но что же оттого изменилось?—скажет он. Ну а на деле вместе с тем изменился, реформировался современный человек: настолько жестко здесь все взаимосвязано. Совершенно невозможно восстанавливать достоинство искусства, не *обновляя* по справедливости и с любовью все вокруг, в нравах и в государстве. Уже для того только, чтобы уразуметь, какому вырождению подверглось положение искусства, до какой степени постыдно выглядят наши театры, впору добровольно переучиться и взглянуть на преобладающее, обыденное как на нечто весьма необычное и сложное. Самое редкостное варварство, пошлейшая развлекательность, наукообразные цели, высокомерие и актерство с серьезностью искусства, погоня за барышом, светское тщеславие, эмоциональная опустошенность—все это соединилось в театре. Поистине, стоит только сравнить его с *греческим*, чтобы убедиться в том, как низки, и притом на барочный манер, наши порядки. Допустим, мы ничего не ведали бы о греках, тогда наше нынешнее состояние, возможно, вообще никак нельзя было бы осмыслить и все упреки можно было бы счесть за утопические мечтания. Сказали бы: «Раз уж люди так устроены, им прилично именно такое искусство, они никогда и не были другими». В одном и том же месте зреть торжественное умиление и сосредоточенность, вершину нашего счастья, высшую подмогу для благороднейших людей, беззаветнейшее самопожертвование художника, это зрелище всех зрелищ, победоносного творца подобного произведения,—разве сотворить все это—не волшебство? Разве люди, способные переживать такое, не должны быть уже преображенными, обновленными? Разве не найдена здесь гавань среди пустынной морской шири, покой над водами?

Когда я смотрю оттуда, какой пустой и отвратительной предстает современная манера обходиться с искусством, каким унизительным — пение и музицирование в наших концертах и салонах, доклады и прения в наших научных кругах! И каким жалким является положение современного государства, которое к тому же хочет, чтобы его именовали «культурным государством»! Глядя на все это, я испытываю только *одно* желание: никогда более не возвращаться в этот поверхностный мир или быть от него как можно лучше защищенным; и в то же время я хотел бы всем подлинно страждущим подать надежду, что еще есть люди, которые вступятся *за* них и ополчатся *против* угнетающих элементов роскошествующего инстинкта. Я скорее предпочту жить вместе с ремесленником, крестьянином или рабочим, нежели с нынешним «образованным человеком», с человеком благочестивым, простым, без учености, — нежели с ученым, и даже с непритворным рабом себялюбия — нежели со скрывающим его под маской.

12 [24]

18. Вагнер демонстрирует свою *власть* особенно в том, как он подчиняет себе непокорных. Уже не осталось ни одного одаренного музыканта, который внутренне не прислушивался бы к нему и не находил бы, что слушание его музыки дает больше, чем слушание всей остальной музыки вместе взятой. Многие из желающих непременно что-то значить прямо-таки бьются с этим охватывающим их внутренним влечением, но где хотя бы один, который сегодня еще был бы свободен от него? Они мельчают, заняты поиском негодных союзников и друзей, льстят эпохе и так портятся; в особенности же когда они прибегают к аффектированной имитации великой формы, они перестают быть искренними, впадая в преднамеренное лукавство. В лучшем случае они прилежны и выучивают то, что можно выучить в музыке: в надежде, что «образованные люди» не заметят принципиальной разницы между оригиналом и копией, между уроком и тем, чему невозможно научиться, они пускаются во все тяжкие. Всем им, раз уж им так желательно сочинять музыку, показана самая *малая форма*, нечто в том роде, который я вольно назвал бы му-

зыкальной эпиграммой, для этого у них достало бы, пожалуй, остроумия и изобретательности, и они могли бы оставаться искренни; при этом могут возникать и отличные произведения, как у греков, которые брали в оборот самые малые формы, если большие бывали уже заняты.

Сам Вагнер не стремится создать композиторскую школу.

И вот с боязливым усердием ищут опоры в мастерах прошлых лет, затыкают уши и предпочитают походить на Шуберта, Генделя или еще кого-нибудь, только не на Вагнера. Тщетно! Ту же неизбежность видим и среди противников Вагнера из числа писателей; если не считать законченных дураков, тугодумов и бухгалтеров, ныне повержен всякий, даже мало-мальский талант; зависть и ненависть или нужда в хлебе насущном и средствах, обязательства перед газетами, страх перед публикой, заботы о том, как бы поприличнее организовать отступление,—все это придает сегодняшним разговорам и статьям о Вагнере столь омерзительный характер. Время от времени прорывается и настоящая ярость, заходящая так далеко, что именем «Вагнер» клеймится все дьявольское в искусстве прельщения и одурманивания. Но тем лишь пополняют арсенал средств, служащих усилению упомянутой власти! Где бы ни говорили об искусстве, в Японии или в прериях Америки, везде обсуждается только одно—отношение к Вагнеру. И, возможно, вся современная история искусства, объемлющая последние столетия и ближайшие из грядущих, концентрируется вокруг *одного этого имени.*

11 [25]

17. Умение Вагнера *завершать* показывают его занятия немецкой мифологией. Все ученые работали только на него; теперь, после того как дело возрождения немецкого мифа завершено, эта научная отрасль стала ненужной. И стать ненужными—*судьба* ученых! Ведь они и трудятся-то только в перспективе того, что явится гений, который окончательно упразднит их отрасль! Подобно тем, кто ждет избавления, обреченный колдовскими чарами на бессмысленную тяжкую работу в подземелье!—Кто станет сейчас разглагольствовать об Эсхиле или Соф<окле>! На-

родилось более великое, квинтэссенция в том числе и их искусства, одновременно и высшее оправдание того почета, которым они пользовались, будучи принимаемы почти на веру. Поворотной точки достигла и история религии, и история искусства; невероятная сумма знаний теперь, когда произнесено слово избавления, может быть отброшена. Существенная часть учености и истории (в частности—эстетика) устарела, превратилась в ветошь. Неспособность других к завершению показывают, например, занятия немецкой сказкой; она была заново открыта учеными, подслушавшими ее у детишек и старых баб. Но вместо того чтобы почувствовать глубокое *унижение*, которое заключено в превращении мужского мифа в бабью сказку, и разрушить эти чары, с детской наивностью принялись за художественную обработку сказок—например, Швинд; и наш пресыщенный городской житель залепетал по-детски! Вся немецкая романтика была движением ученых, очень хотелось назад в *наивность*, но при этом знали, что в таком виде она никогда не существовала. Сегодня кто не герой, тот не может прорваться к простоте и наивности; они же думали проникнуть туда путем изнеженности, преждевременной старости, стародевического и своего рода намеренного впадения во «второе» детство. Чтобы быть народным певцом, надо не вторить народной песне, а *опережать* ее. И Вагнер понимает это, он народен каждой своей клеточкой.

11 [26]
16. *Диадохи* Вагнера: он тоже завещает свое царство «сильнейшему», но здесь речь идет не о поствагнеровском *искусстве*; с музыкальным творчеством еще долго будут обходится осторожно, время дилетантского продуцирования прошло. В качестве великой культурной силы он обнаруживает себя в том, что невозможно даже сказать, *где еще* может проявиться его влияние. Не посредством одних только понятий, нет, своими *делами* он поставил знак вопроса перед всей нашей культурой, именующей себя современной. Она—не современна, а стара и уже весьма испорчена. Здесь нужны великие завоевания и победы; величайшие царства ждут их. Кто, например, распознает

всю гнилость царства воспитания и низвергнет его? (Если бы тихих, недовольных, глубоких ученых можно было довести до открытого возмущения и заявления своей позиции, это стало бы самым чувствительным кровопусканием существующей системе образования. Остались бы все те среди ученых, кто заражен политикой, и всякого рода литераторствующие.) Он понял и высказал во всеуслышание, что многое крайне слабо; и силы сопротивления у стоявших до сих пор у власти — например, у ученых — едва ли хватило бы на много битв. Именем «Байройт» я обозначаю одно из тяжелейших поражений, которые потерпела немецкая образованная публика; она в этом не участвовала, она бешено сопротивлялась, презрение грядущих поколений постигнет ее.

11 [27]
<15.> *Нравственная основа натуры* Вагнера обнаруживается все очевиднее. И ей нужен солнечный свет, т. е. успех в ее устремлениях. Великая цель сопряжена с великими опасностями! и неспособность достичь ее и, как следствие, недостаточное осознание этой неспособности — порой под влиянием обстоятельств? — *озлобляют*, начинаешь искать причину неудач в других, вступаешь на окольные и потаенные тропинки, продолжая верить в свою цель и винить весь мир, оказываешься словно под гнетом данной клятвы, раздражительным, несправедливым; вот так и случается, что добрые натуры дичают на пути к лучшему. — Даже среди тех, кто стремился к нравственному очищению, среди монахов и отшельников, есть опустившиеся и в высшей степени больные люди. — Вагнер, опустошенный и сломленный неуспехом, являл бы собой натуру страшную, окутанную мрачной меланхолией демона-ниспровергателя. Тут надо говорить со стыдливой сдержанностью перед лицом неизреченной святыни души, и тем не менее можно ли не почувствовать, как Риенци, Голландец, Тангейзер, Лоэнгрин, Тристан, Ганс Сакс, Вотан, Брунгильда в основе своей пронизаны единым связующим потоком нравственного облагорожения, как все чище, все светлее становится этот поток? У кого из художников мы увидим подобную картину? Быть может, у Шиллера. Но масштаб

Вагнера грандиозней, да и путь много дальше. Не только миф, но и музыка служит выразителем этого очищения: и в «Кольце нибелунга» достигается такая высота и святость настроения, что напрашивается сравнение со сверканием ледяных и снежных вершин. Вагнер начинал подобно дикой природной силе, темно и беспокойно, бурно искал удовлетворения там, где его находит большинство, и с отвращением отказался, сделал новую попытку, добился власти, опьяняющего, головокружительного успеха — и снова отречение, попытка сбросить с себя бремя, забыть, начать сначала; весь поток устремлялся то в одну, то в другую долину, затекал в самые мрачные ущелья, бешено обрушивался на скалы и леса, крушил, ревел — среди ночи над этой наполовину уже подземной стихией встала звезда: верность, *верность* до самоотвержения. Он придавал ей все новые лики: верности Елизаветы Тангейзеру, брата — сестре в «Риенци», друга — другу, слуги — хозяину, Эльзы — Лоэнгрину, Сенты — Летучему Голландцу, Брунгильды — заветному желанию Вотана, Брунгильды — Зигфриду; почему это слово светило ему светлее, все время наводило его на размышление, побуждало к поэзии в действиях? В этом — сокровеннейшая тайна Вагнера: соотношение двух глубинных начал его существа — воли и интеллекта; абсолютно необходима их взаимная верность, это — единственное, что ему *требуется*, благодаря чему он сохраняет целостность, к тому же наблюдая вокруг себя жуткие опасности, которые приносит с собой неверность, соблазны, ввергающие в нее. Каждое из этих инстинктивных начал само по себе устремлено в безмерность, требует удовлетворения; глубочайший страх, терзающий душу Вагнера — чтобы они остались верны друг другу. Верность друг другу должны сохранять и его художнические дарования, и все же благороднейшее из любопытств манит в сторону; так, например, манит соблазн симфонической формы: разве вы не чувствуете, как часто Вагнер с жуткой решимостью подчиняется драматическому целому, неумолимому, как судьба, и как музыкант не добирается туда, куда он так стремится?

Эта верность самому себе или некоему высшему себе, верность женского мужскому есть заветнейшая проблема

Вагнера, изнутри этой проблемы он понимает *мир.* А теперь вспомним об избытке талантов, каждый из которых требует своего! *Верность* служит у Вагнера понятием даже более универсальным, чем любовь—любовь полов, братская, к детям. Им полностью исчерпана вся тема верности, и самой прекрасной выглядит, пожалуй, Брунгильда, соблюдающая верность Вотану вопреки его повелению и делающая тем самым возможным спасение мира,—мифическая идея наивысшего ранга и совершенно в его духе. Но тогда чувство, что ты стал жертвой *неверности*, становится самым страшным из всего, что когда-либо измысливал художник, клятва Брунгильды «на острие копья»—самым душераздирающим из всех возможных зрелищ: тигриные когти страсти впиваются в нас. Множество возможностей *трагического*, заключенных в верности, Вагнер первым *открыл* для искусства. Его собственная жизнь прошла через эти возможности, став в результате одной из самых трудных, какие выпадают на долю людей. Над большей половиной его жизни тяготеет *отсутствие надежды*, а поэтому также и отсутствие отчаяния; но как у одинокого путника, бредущего в ночи с тяжелой ношей,—так, верно, бывало на душе и у него: и внезапная смерть казалась ему тогда не пугающим, а манящим, обворожительным призраком. Бремя, путь и ночь—все разом забыто! *Верность* удержала его и поборола тот призрак.

11 [28]
14. В Вагнере как в *музыканте* есть что-то от Демосфена —жуткая серьезность в отношении к делу, хватка, властность хватки, позволяющая ему всякий раз схватывать дело; его рука делает это мгновенно и удерживает, словно она из железа. Он, как и Демосфен, скрывает искусство, заставляет забыть о нем, и все же он, как и тот, представляет собой последнее и высшее явление в целом ряду могучих художников. В нем нет ничего эпидейктического, что присутствует во всех прежних композиторах, которые время от времени играют своим искусством, показывают себя: слушая Вагнера, не думаешь ни об интересном, ни о развлекательном, а чувствуешь только *необходимость.* Для этого нужна невероятная сила воли и наивысшая худож-

ническая чистота характера. Никто не налагал на себя столь строгих законов, как Вагнер, достаточно взглянуть на соотношение звучания голосов и речи, а также вокальной мелодии и симфонического музыкального целого, дабы убедиться, что перед нами подлинное чудо! И разве не служит каждая партитура Вагнера доказательством того, что до него вообще не было по-настоящему напряженного и кропотливого труда? Тщательность и изобретательность в мельчайшей детали прямо-таки идеальны. Как представляют себе поэта? Как нечто весьма ладное и беззаботное, как человека, осчастливленного многими часами досуга, чурающегося труда. Вагнер возвысил всех музыкантов-исполнителей, все они могут вложить в свое исполнение собственную душу, ибо их работа требует души. Вагнер положил конец виртуозному ремесленничеству в искусстве, оно более не прельщает. Своим трудом, бременем, давлением Вагнер облегчил задачу тем, кто творит искусство, он оградил их от ощущения, что они теряют достоинство. Вагнер *помог* всем тем, кто занимается искусством; скоро уже станет невозможно, чтобы *легкомысленное* обращение с искусством, практикуемое у нас при дворах, в городских театрах, концертных обществах, у изнеженных меценатов и всякого рода «людей, приверженных тихому питию», которые с расслабленным самодовольством упражняются в искусствах в своих коморках, избегло всеобщего *презрения*. Мы, знающие, как много всего заключено в верном отношении к искусству, какой узел обязанностей, глубоко презираем по меньшей мере все существующие учреждения по поощрению искусств. *Противоречие* достигло размеров пропасти, и, возможно, потомки окажутся слишком слабы, чтобы преодолеть ее! С Демосфеном все закончилось. Но еще довольно людей, являющих собой плодородную почву, в которую Вагнер может бросить семя, довольно таких, кто умеет хотя бы бороться и работать: Байройт — свидетельством тому. Итак, в будущем нам предстоит приятная работа — с серпом и косой в руках взяться за сорную траву. Эта *работа* облагородит нас, ибо до сих пор в моих глазах называться «меценатом» было делом почти презренным, и я больше ценю откровенных врагов искусства, ибо как-никак в них нередко выдает се-

бя ощущение того, что оно, искусство, есть занятие погрязшего в роскоши и самодовольного класса, далекого от нужд народа, и в сущности—средство именно как-то «выделиться» из него. Долой искусство, если оно в самом себе не толкает к общественной революции, к обновлению и единению народа!

11 [29]

13. *Импровизационность.* Объясняя Шекспира, Вагнер указал на то, что его следует представлять себе актером-импровизатором, достаточно расчетливым, чтобы фиксировать свои импровиз<ации>; подобным же образом он характеризует себя как композитора. «Самоотчуждение» как сущность этих искусств—проникновение в чужие души, удовольствие от этой подстановки; у музыканта такой обмен душами есть феномен высшего рода: антисубъективность в музыканте—совершенно новое явление. Так Вагнер рядом с «Тристаном» ставит «Мейстерзингеров» —радостно-терпкое мастерство «Тристана», перебродившее, светло-золотое мастерство в «Мейстерзингерах»: о таких возможностях старые композиторы попросту не имели никакого представления; если они не высказывали своего настроения, своей страсти, то становились натянутыми или прибегали к заимствованным мелодическим типам. Особенно примечательно, насколько порой музыка находится в решительном противоречии с личным настроением Вагнера: так, например, Хаген созывающий гостей на свадьбу, оказывается одним из наиболее отчаянных самоотчуждений Вагнера. Попробовал бы только кто-нибудь сделать подобное после того, как отдал свои симпатии одной из сторон! Но высшее достижение—это, наверное, Миме. И смотрите: когда на сцене выведены чудеса, как глубоко *верит* в них музыка, например, когда Зигфрид кует свой меч. Именно для этого существует способность отчуждаться от своего времени, о чем наши «поэты» тоже не имеют ни малейшего представления. <Их> рассказы о чудесах—сплошь лукавство; точно так же, как лукавят наши псевдофилософы, когда впадают в «мистику». Это просто проклятие нынешней философствующей публики, когда она с ее лишенными фантазии, трезвыми

и в то же время путаными мозгами делает вид, будто вообще способна к мистике; поэтому всякому, кто обращается в сторону мистики, надо бы посоветовать держаться от нее, как неверным соратникам, на расстоянии шести шагов. Ничего еще если это только мистика от замешательства—там, где рассудок впадает в неуверенность, взор мутится и одумавшийся поворачивает назад—почти каждый мыслитель добирается до этой грани. Вагнер же погружается в чужие головы, чувства и времена и ни в чем нас не обманывает. Великаны, драконы в пещерах, дочери Рейна—все это в устах наших «поэтов» было бы враньем и неуклюжим кокетничаньем: в их плоти нет чар, чтобы одушевить природу и приумножить живое в мире! Пусть на один только миг, но он *испытал* превращение и вынес из этого мига впечатление от него: можно услышать, как ползет *жаба*!

11 [30]

Нам, не слишком избалованным людям своего времени, вдруг был дарован великий человек—мы должны всем сердцем радоваться этому и *показывать* свою радость; ибо радость, не ищущая того, кто мог бы ее разделить, а прячущаяся в свою раковину, заслуживает ненависти. Быть может, мы сумеем таким образом чуть-чуть увеличить количество счастья в мире; при том избытке ненависти и ревности, переполняющем нас и часто даже переливающемся через край, нам менее всего следовало бы скрывать от других свое счастье: это—наш ответный дар, и я очень надеюсь, что от него не убудет. Если истину говорят даже несмотря на то, что она по большей части горька, то было бы зло и жестоко втихомолку упиваться сладкой истиной, не позволяя никому присоединиться.

11 [31]

12. *Что искусство не является плодом роскоши, в которой живут целые классы* или отдельные люди, а есть принадлежность и продукт как раз *освобожденного от роскоши общества*, —мысль новая. Как должно быть устроено такое общество, Вагнер показывает в мифологической картине «Нибелунгов»: там уничтожены боги, прекратился проклятый

круговорот власти и денег, там между людьми царит дух верности и любви. Бывшее до сих пор искусство есть плод роскоши (за исключением церковного); причастна к ней была и музыка, приобретшая характер игры, пока не опамятовалась благодаря Бетховену и не была очищена Вагнером. Для искусства он — личность катарсическая. В самом деле, наиболее прочную опору искусство Вагнера находит среди бедных, малообеспеченных и малообразованных.

И Вагнер совершенно прав: где останавливаются политики и мудрецы, там начинается путь художника, провидца новых идей. Следующая огромная область, которой предстоит овладеть, — это воспитание: только если достаточно большие массы людей ощутят себя в противоречии со всей существующей властью, только тогда они подставят плечо. Это — сектантское искусство и это будет сектантское воспитание, но вовсю стремящееся преодолеть это сектантство. Не в его природе проводить границы и выделять классы, только внешняя сила заставляет его некоторое время быть сектантским. Покуда еще есть люди, не воспитанные по-новому, воспитанным поновому приходится страдать.

«Мы все должны быть *гениями*» — Вагнер.

11 [32]

11. *Прозаические произведения* Вагнера, чрезвычайно насыщенные мыслями, трудны для понимания, потому что он не желает расставлять акценты и в протяженной фразе повышение тона у него не уравновешено понижением; для него важно все, как будто все целиком подчеркнуто. Эти произведения стали бы много понятнее, если бы были услышаны из уст умелого чтеца, ибо они написаны в стиле устной, а не письменной речи. Им присущ беспокойный ритм, неравномерность временны́х периодов, вследствие чего они как проза выглядят сбивчивыми; диалектика во многих отношениях нарушена скачками чувства и подана зачастую даже с какой-то неохотой, как бы прячется, будто художник стыдится иметь дело с логическими понятиями. Больше всего сложностей для не вполне посвященного представляет совершенно необычная и трудноописуемая манера авторитетного достоинства:

у меня такое ощущение, словно Вагнер часто обращается как бы к врагам, к которым он не может испытывать никакого доверия и по отношению к которым он держит себя не естественно, а сдержанно, обуздывая себя. Между тем порывистая страстность нередко прорывается сквозь эту намеренно наброшенную драпировку, и тогда искусственные, тяжелые, перегруженные вводными словами периоды рушатся и из под его пера выходят предложения и целые страницы, принадлежащие к самым прекрасным во всей немецкой прозе: например, в «Бетховене». В общем, когда он писал прозу, ему недоставало читателя; он думал о народе и чувствовал, как народ, когда творил как художник; но в роли разъяснителя-прозаика – к кому обращался он? К тем, кого считал «образованными людьми», учеными? Почти наверняка так: отсюда вымученность, принужденность. Его теоретические сочинения были вызваны необходимостью, он сам описывает это: у него было отнято его лучшее средство объясниться – пример. И тем не менее хотелось бы знать, до какой степени непонимания дошли бы разговоры о Вагнере и о музыке, если бы он не писал: а некоторым произведениям – таким, как «Бетховен», «Актер и певец», «Об искусстве дирижера» – присуща сила, заставляющая *умолкнуть*, она будет проявляться все ясней с прогрессом нашей культуры. Перед нами великий человек, повествующий о пережитом: о чем еще тут могут сказать карлики, ничего не пережившие, наши эстетики и историки искусства! Но даже и более старые почтенные эстетические труды с тех пор заметно потеряли в своем значении; написанное Вагнером сейчас нужнее, чем лессингов «Лаокоон» или проза Шиллера. Кроме того, они богаче, легче для понимания, чем эстетические труды Шиллера, да и много принципиальнее, а потому много больше заслуживают чтения и изучения в школах и университетах, чем шиллеровские. Они вообще являются самым важным из всего, написанного в области эстетики, – скверно, что об этом вообще приходится говорить! Здесь все – и проблема, и решение – пережиты, выстраданы, добыты в победной борьбе, не примешано никакой дурацкой канонизации Аристотеля, никаких заклинаний его именем, как то случается даже у Лессинга.

Сверх того, они являются отличным упражнением для решения одной из прекраснейших задач: наблюдать великого художника в его становлении, видеть, как он самосовершенствуется (даже когда спотыкается, он высекает искры), выбирается из неопределенности—освобожденным, проясненным и «обретшим содержание». В этих сочинениях нет ничего строго-канонического, но канон заключен в его творчестве. Это—попытки постигнуть переживание, очистить его от шелухи с помощью понятий. Кто может сделать это лучше, пусть сделает; для Вагнера было неприятной необходимостью вообще заниматься этим. Ведь за всю его жизнь никто не разделил с ним хотя бы части его бремени.

11 [33]
В *заключение.*
10. *Великое дарование*—это изумительнейшее зрелище на свете; там, где это дарование появляется, земля превращается в летний сад и не перестают цвести розы. Ему все пойдет во благо, сколь бы ни сурова была школа, которую ему пришлось пройти. Оно питается ядом и здоровеет и крепнет, тогда как иной уже давно бы погиб. С каждой опасностью оно становится все мужественнее, с каждой победой—все мудрее. Насмешки со стороны окружающего мира разжигают и подстегивают его, оно упивается ими, как фимиамом восхвалений: если оно спит, то «только чтобы приспать себе новых сил»; если оно заплутало, то знай, что из своих блужданий, из потерянности оно вернется домой с какой-нибудь самой удивительной добычей. Оно дарит телу здоровье и не растрачивает жизненных сил, сколь бы долго ни жило; оно правит человеком подобно крылатой страсти, поднимая его ввысь именно тогда, когда утомленная стопа вязнет в песке или изранена о камни. Оно не может не делиться собой, и каждый вправе насладиться его ароматом; оно не раздумывая благотворительствует и милосердствует, оно нелицеприятно и не скупится раздавать свои дары. Отвергнутое, оно одаривает еще щедрее; ославленное ода́ренным, оно готово отдать впридачу самое дорогое из своих сокровищ; и еще ни разу ода́ренный им не был вполне достоин его даров—

так гласит и древнейший, и современнейший опыт. Потому великое дарование является глубочайшей загадкой, пропастью, где в объятиях друг друга покоятся мощь и доброта, мостом между самостью и тем, что вне ее: кто мог бы назвать цель, ради которой оно вообще явилось? Или великое и в самом деле существует ради ничтожного, величайшее дарование – ради ничтожнейшего, великая добродетель и святость – ради слабого? Окажись это так – будь нам хоть на мгновение позволена такая расточительность, – это было бы подобно солнечному лучу любви, окрашивающему в золото все земное существование.

11 [34]

9. Пример Вагнера еще раз доказывает, что отдельный человек в течение обычной человеческой жизни может явить нечто *совершенно новое* – такое, что свято верящие в каноны постепенности развития отказываются верить своим ушам и глазам. Все одаренные люди очень стремительны; посмотрим, сколько времени потребуется нашим неповоротливым современникам, чтобы нагнать; их вера в неторопливость и муравьиную работу многих совсем не льстит их собственным дарованиям. У такого произведения, как «Нибелунги», у такого предприятия, как Байройт, не было никаких предзнаменований, никаких переходов, никаких посредствующих звеньев. Долгий путь к цели и сама цель не были известны никому, кроме Вагнера; это – кругосветное путешествие в царстве искусства, в ходе которого, как представляется, было открыто не просто новое искусство, а *подлинное* искусство как таковое. Все существовавшие до сих пор современные искусства оказались в результате обесценены до степени одиночных искусств, искусства для отшельников или искусства роскоши; полуживые воспоминания о подлинном искусстве, унаследованные нами, людьми нового времени, от греков, теперь уже неважны. Для многого настала пора отмереть. Всякое построенное на игре, пресыщенное искусство перепугано насмерть, для всякого искусства, гибнущего в монашеском одиночестве, настало избавление. Вся та шумиха и бесконечные разговоры, которые современное образование подняло вокруг искусства, будут восприниматься как бес-

стыдная назойливость — теперь, когда каждый ученик новорожденного искусства берет на себя обет пятилетнего пифагорейского молчания. Он жаждет освящения вод, жаждет очищения; ибо есть ли такой, кто не осквернил рук и сердца мерзостью идолослужения прежнего искусства! *Молчание* и *чистота* — вот его обет перед самим собой.

11 [35]
8. У Вагнера есть исключительная потребность *делиться*, в чем он очень изобретателен. Мысль, такая как у него, зачатая высшей силой и рожденная для красоты, казалось бы, обречена остаться игрой воображения, если бы Вагнер не обладал столь гибкой и ненасытной сообщительностью. Свои мысли он погружает в соответствующие обстоятельства и эпохи, и если их выражение оказывается слабым, то сами они, несмотря ни на что, пребывают в сердце и уме Вагнера во всей их чистоте и величии. Где бы ни замаячила ему издали небольшая или значительная возможность выразить свою мысль на примере, он всегда бывал наготове; где бы ни раскрывалась ему мало-мальски восприимчивая душа, он бросал в нее свое семя. Он не устает надеяться там, где холодный наблюдатель лишь пожимает плечами; он сотни раз обманется, чтобы хоть раз оказаться более правым, чем этот наблюдатель, — и чтобы надолго оказаться более правым, чем все скептики вообще. В больших и малых оркестрах, которыми он руководил, в отдельных музыкантах и актерах, с которыми он перемолвился словом, в городах, которые видели его во всей серьезности его труда, в князьях и дамах, которые наполовину с опаской, наполовину влюбленно пытались подступиться к нему, в разных европейских странах, где он временно обретался, в сообщениях, с жаром пересказывавшихся, в которых он делился своими планами (и которые уже не одно десятилетие составляли чуть ли не единственный хлеб газетных обозревателей от эстетики), в текстах, сочиняя которые он справлялся с периодами затишья в главной работе, в воспитанных им учениках, — везде находим эхо его мысли, часто намеренно искаженное, но тысячекратное; и не придется долго ждать, чтобы это эхо достигло той мощи, которая соответствовала

бы подавляющей мощи властного звука, брошенного им в мир. Тогда уже невозможно будет не слышать его. Пронизывая всех, он в то же время не делается рабом тех, с кем делится собой: он сам уходит все выше, не оставаясь во власти однажды высказанного слова и вообще какого бы то ни было своего прошлого. Достаточно подумать о том (и содрогнуться при этой мысли), что было бы поставлено на карту, если бы Вагнер никогда не смог показать свои идеи на примере, какой он сейчас демонстрирует в Байройте! И сколь велика была бы вероятность того, что идея, которая и во сне не могла бы посетить других, осталась бы лишь сновидением в голове того, у кого она родилась, и что вместо Байройта говорили бы об очередной «утопии». Просто удивительно, чего только не именуют «утопиями» смирные люди, но здесь даже самые непокладистые, самые дерзкие были почти вправе говорить об утопии. Достаточно было бы чуть большего градуса отвращения к людям, разочарования в них, упрямого самолюбия первооткрывателя: и в принципе современники Вагнера всё сделали для того, чтобы внушить ему отвращение и загнать его в самого себя. Однако он не изнемог и не утратил доброй воли делиться.

Он терпел неловкую, жеманную стеснительность, с которой время от времени соглашались покровительствовать его искусству, как будто ночное стечение народа на улицах Нюрнберга (в «Мейстерзингерах») можно было передать с помощью балета; он мирился, хотя часто скрепя сердце, из последних сил, с тем, что его произведения становились достоянием людей как раз под теми названиями и в тех формах, против которых он боролся, — низведенные до «оперы»; он выносил даже самое горькое (великий терпеливец) — видеть своих друзей опьяненными «успехом» и «победой», меж тем как в это самое время его уникальная по возвышенности идея оказывается оболгана, растоптана в самой своей сердцевине. Вознаграждая себя за все эти глубочайшие невзгоды, он проговорил наконец: мой великий труд завершен, теперь вы увидите его — там, на холме близ Байройта. То была его месть: он делился своим ценнейшим достоянием, сокровищем, накопленным за двадцать лет мастерства!

Но тот, кому дают, должен уметь принять, и великий смысл дарения требует великого смысла принятия дара. А в данном случае сокровище почти неохватно: чтобы поднять его, Вагнеру пришлось перенести на всех нас всю свою силу, свою надежду, свое дерзновение, свое молниеносное понимание, свою верность—и эта демоническая способность всей вагнеровской натуры переноситься на других почти столь же чудесна, как и сама его натура. На примере любого оркестра, которым дирижировал Вагнер, можно видеть одно и то же; им названная и им впервые испробованная «модификация темпа» есть, в сущности, перенесение ритма вагнеровской души на души руководимых им музыкантов; и подобно тому, как души музыкантов испытывают освобождение, приобщаются к высокому, так и сама душа музыки освобождается из железной клетки математически расчисленного времени, только теперь становясь внятной для нас. И как Вагнер доносит себя до музыкантов, так непременно будет донесен до зрителей и слушателей дух и ритм его байройтского подвига. Как никогда прежде, разомкнуты навстречу души, напряжены смычки; необозримое может быть полностью завершено только тогда, когда оно еще и продолжает свое действие в необозримость, оставляя после себя борозду, которую уже не засыпать. *Куда* тянется эта борозда, в каком направлении,—кто может знать это до конца? Но одна догадка, одна-единственная наряду с другими, может быть высказана уже сейчас.

(Здесь переход к последней главе: ἀνάγκη, значение искусства, продолжение, его положение в возрожденном обществе, воспитание.)

11 [36]

Вагнер велик для того, чтобы стали великими мы все.

11 [37]

7. *Друзей* Вагнера можно было бы также отнести к *опасностям*, которым он подвергается; в высшей степени удивительно, как он почти бессознательно всю свою жизнь уклонялся от организации какой-либо партии и как, вместе с тем, в завершение каждой фазы его искусства обра-

зуется сплоченный круг сторонников, который внешне ограничивает его. А он проходит сквозь них, не давая связать себя. Его путь был слишком долгим, чтобы кто-либо один мог с самого начала идти рядом с ним, и столь необычен и крут — почти всем рано или поздно не хватало дыхания. Почти во все периоды жизни Вагнера его друзья с радостью *догматизировали* бы его, о врагах нечего и говорить; и если бы в нем была низкопробная жажда власти, то он мог бы стать повелителем немецкого музыкального мира много раньше.

Пагубная уверенность, будто вокруг него должна образоваться и со временем образуется некая композиторская школа, я думаю, никогда не разделялась Вагнером; что́ он хотел воспитать и воспитывал как музыкант — это мастерство дирижера, музыканта-исполнителя, истинно драматического певца. В развитии музыки бывают моменты, когда явное превосходство силы и художническая нравственность проявляются в том, чтобы стать умелым мастером изображения и исполнения, вместо того чтобы продолжать сочинять, т. е. ослаблять воздействие подлинно великого, подражая ему и тиражируя его эффекты. К занятию музыкой следует относиться с особенным трепетом и именно поэтому пресекать бессмысленный инстинкт продуцирования; при том что задача исполнения великого искусства Бетховена и Вагнера только-только поставлена и потребует даже от самых незаурядных талантов беспримерного усердия и силы характера. И потом — воспитать народ до этих высот, что, в свою очередь, возможно только посредством самого лучшего. Сегодня, правда, отвратительная обстановка в наших учебных музыкальных учреждениях не смогла воспрепятствовать тому грандиозному скандалу, который учинили немцы в искусстве, — что великая война нашла себе музыкальное выражение в «народной песне», вроде «Стражи на Рейне», вещи столь приторной и пошлой, что любой солдат немецкой армии плюнет, услышав ее. А попечение о мужских хорах, где разучивают прилизанные народные песни, с сахарной гармонией и изысканным темпом! и справляют праздники немецкой песни, смеясь в лицо нашей великой музыке!

11 [38]

5. *Досуг* и работа у Вагнера: у любого большого культурного движения бывают привалы и передышки; видимо, точно так же обстоит дело и с отдельными дарованиями. Например, в столь же величественном, сколь и надрывном движении Реформации подобным отдохновением-в-себе, покойным сидением и передышкой является Монтень; несомненно, именно так прочитывал его Шекспир. Такую же благотворность я чувствую временами у Горация, и бывают настроения, при которых такие строки несут с собой волшебное умиротворение. Так Вагнер пребывает в истории; и нет никакого сомнения, что сегодня на нее[1] ложится эта миссия – организовать передышку в титанической борьбе за новые цели, как бы ощущение отрешенности. Коль скоро немцы в течение последнего столетия особенно прилежно занимались историческими изысканиями, то отсюда ясно, что в движении современности они представляют собой этакую сдерживающую, амортизирующую, тормозящую и успокаивающую силу – что для иных прозвучит, возможно, как похвала. Вообще-то, это в высшей степени опасный симптом – когда духовные усилия того или иного народа оказываются направлены преимущественно на историю, это признак одряхления, неустойчивости во всех отношениях, усталости; в современной духовной истории наши ученые ставят все это в противоположность всем реформационным и революционным движениям, они не ставят перед собой более гордой задачи, нежели обеспечить себе одну из разновидностей умиротворенного счастья. Разумеется, всякий свободный мужественный шаг минует их, творческий человек может разве что сделать остановку рядом с ними в момент усталости. Таково отношение Вагнера к истории и филологии; она для него – минута отрады на опасном пути. Не исключено, что настанет время, когда история больше не сможет играть этой роли, когда она, как непременно должно произойти, будет написана строже и глубже чьей-то более

---

1 Так в оригинале. Возможно, в немецком издании опечатка, и речь идет о миссии, которая ложится «на него», т. е. Вагнера (*прим. ред.*).

могучей душой, чем это до сих пор делали немецкие ученые: на всех их работах лежит отпечаток украшательства, покорности и удовлетворенности, и ход вещей их вполне устраивает. Хорошо еще, если кто-либо из них дает понять, что причина его удовлетворения в том, что могло ведь быть еще хуже; большинство же пребывают в непроизвольном убеждении, что все—так, как оно произошло, —просто превосходно. Если бы история не представляла собой все еще замаскированную христианскую теодицею, если бы ее писали с большей справедливостью и пылким сочувствием, то она сделалась бы страшным орудием революции: тогда как до сих пор она служила опиумным средством против всего ниспровергающего. Аналогично обстоит и с философией, из которой большинство желает научиться всего-навсего приблизительному пониманию вещей, дабы затем примениться к ним; и даже в самых благородных формах ее роль как умиротворительницы и утешительницы столь педалирована, что квиетисты и лежебоки могут быть убеждены: они искали того же, чего ищет и философия. Для меня же, напротив, важнейший вопрос всех философий состоит в том, в какой мере неизменен ход вещей,—чтобы затем, после того как ответ на этот вопрос получен, с беззаветной отвагой взяться за *улучшение* той *стороны* мира, *которая признана поддающейся изменению.* Да и сами они учат тому же своими поступками, тем, что они трудились над улучшением очень изменчивых человеческих понятий и не стали хранить при себе своей мудрости; тому же учатся настоящие ученики настоящих философий, которые, подобно Вагнеру, способны черпать в них только дополнительные смелость и решимость, а не усыпляющее средство. Вагнер больше всего является философом там, где он наиболее деятелен и героичен, и, быть может, нет более смелой символики для героического и философского отношения к миру, чем слова Зигфрида, обращенные к дочерям Рейна, когда он бросает через голову ком земли: «прочь отброшено будет и это». Вот та философия, которая уничтожает богов, от которой разлетается на куски копье Вотана.

11 [39]

6. Как он, поначалу *ученик*, затем становится повелителем выученного в отношении истории. Когда потом Вагнером снова овладевает его творческая сила, история становится для него чем-то совсем другим; прошлое словно сжимается в комок, уплотняется; он относится к нему, как грек к своему мифу, к чему-то, что дóлжно прясть и формировать дальше с любовью и чутким благоговением; история становится податливей, изменчивей, чем реальность, но при всем том несет в себе больше признаков ушедшей реальности, нежели то или иное прошедшее событие. Где еще рыцарское средневековье своей плотью и духом настолько перешло в произведение, как в «Лоэнгрине»? Разве не останутся «Мейстерзингеры» даже для самых поздних эпох повестью о немецкой сущности, даже больше, чем повестью — разве не останутся они одним из самых зрелых плодов этой сущности, которая всегда реформирует, будучи неспособной к революции, и которая, ширóко покоясь в своем довольстве, все же не разучилась благороднейшему беспокойству *обновляющего поступка?*

Напомнить, что лишь в *музыке ученообразие преодолено в принципе;* это — *высший* триумф современного духа, и Вагнер первый из музыкантов снова являет in nuce[1] ту самую мощь преодоления.

11 [40]

4. Язык поэтических произведений. Вагнер страдает от вырождения и ослабления нашего языка, от грехов и падений прошлых столетий, от вспомогательных глаголов, от многообразных утрат и увечий в обозначениях падежей, от тяжеловесности частиц в нашем синтаксисе, в то же время он с глубокой гордостью радуется древней изначальности и неисчерпаемости, полнозвучной силе его корней, в которых, в отличие от многократно производных и искусственно-риторических языков романских народов, он ощутил удивительную близость к музыке, к подлинной музыке, ее подготовительную ступень. Поэтичес-

---

1 В зародыше, в зачатке (*лат.*).

кие творения Вагнера пронизывают упоение немецким языком, сердечность и искренность в обращении с ним; ничего подобного не найти ни у кого из немцев, кроме Гёте. Любое слово можно спеть, любое слово достойно уст богов и героев; Вагнер предъявлял к своей языковой фантазии столь невероятные требования, что любому другому они наверняка оказались бы не по силам, ибо наш язык чуть ли не слишком стар и выветрен; и все же там, где его посох ударил о скалу, забил могучий ключ. Дерзкая насыщенность, телесность выражения, сила и ритмическое разнообразие, замечательное богатство сильных, значительных слов, упрощенный синтаксис, почти неподражаемая изобретательность в языке колеблющегося чувства и предчувствий, подчас кристально-чистая, брызжущая свежестью народность, близость к пословице — подобные свойства можно было бы перечислять и перечислять, но самое могучее, самое удивительное было бы при этом все же забыто. Если прочесть друг за другом два таких сочинения, как «Тристан» и «Мейстерзингеры», то в отношении слова и языка невольно испытываешь то же изумление, что и в отношении музыки: как возможно творчески владеть двумя мирами, столь же отличными друг от друга своими красками, формами, образами, сколь и душой. Это самая сильная сторона вагнеровского дарования, то, что удается только великому мастеру: для каждого произведения он вырабатывает собственный язык и новой душе он дает также новую плоть, новое звучание. В сравнении с этой редчайшей силой всегда будут мелки и бесплодны порицания, адресованные отдельным шалостям и чудачествам или нередко попадающимся темно́там; впрочем, тех, чьи порицания до сих пор звучали громче прочих, в принципе смущал не язык, а душа, сама манера чувствовать и страдать была для них совершенно недоступной, неслыханной. Подождем, пока душа не переменится в них самих, тогда они сами заговорят другим языком, и тогда, я так думаю, и с немецким языком вообще дело будет обстоять лучше, чем сейчас: чуть более по-вагнеровски и не столь по давид-штраусовски!

11 [41]

2. *Ритмический смысл в целом.* В своей основе любая вагнеровская драма еще более проста, чем античная трагедия; и при этом — высочайшее драматическое напряжение. Оно заключается в воздействии великих форм, их противопоставленности, их простых связей, — все это составляет античное в строении его драм.

Стоит поразмышлять над вступлениями к трем отдельным актам, над соотношением трех актов друг к другу; здесь проявляется скромное величие зодчего, вообще не имеющее себе равных в поэзии нового времени. Напряжение основано на соотношении амплитуд страстей, никогда — на эффекте новизны и неожиданности сценического зрелища. Я очень хотел бы в должной мере обладать ритмическим зрительным даром, чтобы суметь так же обозреть все «Кольцо нибелунга» в целом, как это мне иногда удается с отдельными произведениями; и предчувствую, что здесь еще кроется особый род ритмического наслаждения наивысшей пробы. Сцена с дочерьми Рейна и Зигфридом в последнем акте последней драмы и сцена с дочерьми Рейна и Альберихом в первом акте первой драмы, торжество любви обретших друг друга Зигфрида и Брунгильды в последнем акте «Зигфрида» и торжество прощания разлучающихся в первом акте «Гибели богов» и т. д. Затем еще сцена с норнами в начале первого акта (Вступления) «Гибели богов». В «Тристане» — томление любви (2-й акт) и томление смерти в третьем акте. В отдельных актах (1-й «Тристана», 1-й «Валькирии», 1-й «Зигфрида») финал часто являет собой как бы низвергающийся поток, грохот которого все усиливается, нарастающую широту и одновременно стремительность чувства в соединении с предельной точностью. В других актах видим катастрофу и вслед за этим — потрясение и *остановку* чувства из-за чудовищности произошедшего: так, с Марком во 2-м акте «Тристана», шествие воинов с телом Зигфрида.

11 [42]

3. *Буйная воля,* как бы пробивающаяся к свету всеми путями, через подземелья и пропасти, скачками, карабкаясь,

взлетая, налетая на стены и трепеща; бурный стихийный поток, не вмещающийся в своем русле, выплескивающийся из него во все стороны; израненное, одичавшее морское божество, беспокойно приютившееся на потаенной скале, радующееся буре больше, чем гладкому отражению небес — вот одна из сторон вагнеровской натуры, жуткая, не находящая себе покоя, мучительная для себя и для других (норна дала мне вечно «мятущийся» дух). Такая воля в соединении с духовной ограниченностью стала бы роковой, достигни она случайно власти. Только высота и свобода духа в силах указать этой дикой натуре путь к добру и спасению, охранить ее от бешенства саморазрушения. Этим духом, осенившим Вагнера и, подобно огню, указывавшим путь кораблю, швыряемому бурей в разные стороны, был дух музыки; он направлял его, не налагая на него оков, как то сделал бы, к примеру, дух политики, если бы пожелал соединиться с такой натурой. Вот почему он остался свободным, ибо то был дух любви, кротости и неги, нашептывающий свои чарующе ласковые речи, дух, которому ненавистны насилие и диктат, который ни на ком не желает видеть оков. Бывали часы, времена, когда его терзали ужасные сомнения, не оставил ли его, с ним ли еще этот дух; и когда он снова ощущал вокруг себя могучие взмахи благородных крыл, его охватывала глубокая горячая благодарность и сердце наполнялось невыразимыми обетами: *верность духу* музыки стала его религией.

Как именно музыка вещала воле Вагнера, мы до некоторой степени постигаем из того, как она вещает нам: но кто мог бы сказать об этом с полной ясностью? Достаточно того, что почти *вся* остальная музыка звучит для нас — не для меня одного, ибо поистине мне нет нужды говорить лишь о себе — как отчужденный, стесненный, несвободный язык, словно приходилось играть для тех, кто недостоин серьезного, или приходилось объяснять и показывать тем, кто недостоин даже игры. В *любой другой* музыке лишь на краткие часы нам вдруг становится внятен тот язык, который в музыке Вагнера мы слышим *всегда*; они редки, они словно внезапно охватившее нас забвение, когда музыка говорит сама с собой, устремляя взор вверх,

как Цецилия Рафаэля, прочь от слушателя, который требует от нее развлекательности, удовольствия или поучительности. Я не знаю, где я обрел бы *это чистейшее*, сияющее подобно солнцу счастье, если не благодаря музыке Вагнера — и это при том, что она отнюдь не всегда говорит о счастье, но о страшных, жутких, подземных силах человеческого существования, о страдании, заключенном в любом счастье, и о конечности нашего счастья; следовательно, в самой манере, как она говорит, кроется излучаемое ею счастье. Давайте посмотрим, чем наслаждается, чем упивается сам Вагнер, какими сценами, конфликтами, катастрофами, — и мы поймем, что это за человек и что такое для него музыка. Отношение Вотана к Зигфриду — нечто дивное, невиданное в мировой поэзии: любовь, вынужденная вражда, упоение гибелью. И это в высшей степени символично для вагнеровского характера: любовь к тому, благодаря чему приходит избавление, суд и погибель — но как божественно схвачено!

11 [43]

Под проливным дождем, под мрачным небосводом был заложен первый камень. Возвращаясь в город, мы молчали, и Вагнер долго сидел со взором, обращенным в себя, который не передать словами. То был первый день шестидесятого года его жизни. Ускоренное, уплотненное ви́дение.

Александр, созвавший на пир Азию и Европу, его углубившийся в себя взор — видеть такое!

Я хочу проследить за этим внутренним ви́дением: оттуда байройтское творение различимо с дивной ясностью.

Говорят, гибнущий видит, как мимо него с невероятной стремительностью проносится вся его жизнь. Точно так же и тот, кто запечатлевает дело всей своей жизни в каком-то определенном событии: значение первого камня. *Это бесконечно ускоренное внутреннее ви́дение Вагнера есть*, несомненно, высочайшее зрелище.

Вагнер, изображенный созерцающим свое байройтское творение: мука и тревога от первого до последнего мгновения, яд изувеченного замысла, сколько всего здесь уравновешивает друг друга!

Что ощущал Вагнер, когда закладывался первый камень. Кто способен *сконцентрировать* свои ощущения во время церемонии на ощущениях Вагнера, унес с собой, конечно же, самое драгоценное.

11 [44]

Великое событие открывает свое величие только *великому* наблюдателю. Байройтское событие вызывает во мне тревогу: где те глаза, чтобы увидеть все? Тем более что величайшее зрелище, а именно сам Вагнер, обозрим, по всей видимости, только с какой-то значительно более удаленной точки. И все же для полноты нашей радости мы должны взглянуть на это байройтское свершение не только нашими глазами, но и *глазами Вагнера*, перенестись *в него.*

11 [45]

1. Немцы — *учащийся* народ; и если среди них, в виде исключения, вдруг объявляется великое дарование, то и это дарование показывает их в таком измерении, которое непонятно другим народам. Искусство и замыслы Вагнера на настоящий момент остаются для не-немцев чем-то не поддающимся измерению уже потому, что в своих художниках они не привыкли видеть такой полифонии самого разнообразного знания, и потому, что вообще сам размах и напряжение немецкого знания вызывает в них скорее беспокойство, чем удивление. Для того чтобы достичь мастерства в музыке, сегодня почти любая человеческая жизнь слишком коротка: с трудом успевают выучиться даже в какой-нибудь одной из ее областей, скажем, пытаясь достичь совершенства в искусстве исполнения. Вагнер же стал всесторонним мастером музыки и сцены, изобретателем и преумножателем в любой из их технических составляющих. Но он стал и много бо́льшим: и чтобы стать таким, ему, как мало кому другому, пришлось, осваивая высшую культуру, перепробовать все в той области, в которой ему предстояло творить и изобретать. Вагнер — обновитель исконной драмы, он открыл место искусству в истинном человеческом обществе, поэтически осмыслил восприятие жизни в прошлые времена; он философ, историк, эстетик, немецкий мифолог, первым заключивший в кольцо дивную седую старину, запечатлев на нем руны

своего духа, – какую бездну познаний надо было ему собрать воедино и соединить в себе, чтобы все это могло возникнуть! И, несмотря ни на что, эта сумма не подавила его воли к действию, а частности, пусть и самые соблазнительные, не отвлекли его в сторону. Чтобы оценить всю огромность этого характера, сравним его с великим противоположным примером – с Гёте. Тот похож на ветвящуюся множеством рукавов реку, которая не доносит до моря всей своей энергии, а теряет на своих путях и извилинах по крайней мере столько же, сколько отдает в устье. Да, конечно, такой характер несет в себе и доставляет больше приятного, он окружен атмосферой доброты и благородной щедрости, тогда как напор вагнеровского искусства может пугать и отпугивать. Но пусть робеет кто хочет; мы, другие, должны становиться благодаря этому только отважнее, потому что воочию зрим героя, «который не обучен бояться». Он готов пройти не только сквозь пламя, но и сквозь дым знания и учености ради обретения предназначенного ему творения.

11 [46]

Вагнер в Байройте – *одно зрелище, сопровождающее другое*!

A. *Что он такое и как он стал этим*. Музыкант, поэт, писатель. Импровизаторское. Этическое. Опасности.

B. **Что он может**.

1. *Власть* (1 завершительная, 2 вяжущая, 3 законополагающая, 4 сообщительная).
2. *Воздействие* (девятая симфония, внешне реакционное, «героические напевы», ἀνάγκη).

Филолог
немецкий язык
самовоспитание
драмы
язык поэзии
гармония
пластическое.

Власть Вагнера 1) завершительная
2) вяжущая
3) законополагающая, организующая массы
4) сообщительная.

11 [47]

Введение. С какой точки зрения следует рассматривать байройтское событие?

Что-то новое в течение *одной* жизни – молчание – чистота 9. Взгляд Вагнера.

Становление. Нравственная сущность, 3: противоположности, *верность*

15. 32. Дух музыки.

Учащийся, 1: история, покоренная художником 6.

Опасности 33. Способствовавшее 7.

Несвоевременное 22.

Бытие и формы проявления власти (полифония и единство в проявлениях власти).

Полифония дарования (*воздействие* дионисийской *воли*, которая хочет проявиться во всем). Великая *одаренность* – в заключение?

Актерское (если стараться объяснить все с помощью одного недостатка).

Импровизаторское – самоотчуждение 13.

Развитие музыки страсти и драмы 24. 28. 29.

Поэт 23. Диалог.

Ритмический смысл в целом 2. Не образы из облаков, каким это кажется поначалу.

Передышка: историк и философ 5.

Богатство его образов, глубокая, интимная привязанность к ним!

Прозаик 11.

Делящийся собой 8.

Демосфеновское 14.

Язык поэзии 4.

Вагнер прекраснее всего – в *повторах* (любовные сце<ны>, вопрошания и т. д., одни и те же мотивы – траурный марш).

Завершающее 17.

Анти-Александр, вяжущее 20. Овладеть историей 6.

Организатор масс 25.

Народное 30, 31.

Великое дарование 10.

Будущее. Искусство и ἀνάγκη 21. 35.
Реформа театра — немаловажно. Общество в Байройте и прочее 19.
Покорение 18.
Диадохи Вагнера 16.
Нищета современного искусства 36.
Это не искусство роскоши: реформа общества 12.
Опасные последствия. Натурализм 27.
Композиторская школа.
Избыточность в искусстве 26.
Внешне реакционные элементы 34.
Собрание великих образов и сцен.
Девятая симфония и финал «Нибелунгов».
Он будет: провидец нового порядка.
Представим себе *энтузиазм* общества, которое *всерьез* встало на борьбу с властью и ложью, и вот оно смотрит это произведение! Кто способен увидеть этот *миг*, *ослеп* бы для всего, что есть ныне.

11 [48]

3. Изначальный настрой дифир<амбического> драм<атурга>.
4. Слово, мелодия, жест.
5. Ритм в целом.
6. Поэт.
7. Музыкант.
8. Завершающее, вяжущее.

11 [49]

2. Намеренная *попытка*: **отвлечение** влияния — куда всё:

A) в *чисто* эстетическое и *пресное* (или *не стесненное правилами*)	Обрисовать сторонников Опасности подражания
B) в *компрометирующее* и опасное.	Политическое и т. д. Антинаучное Религиозно-реставративное Безнравственно-ласкающее

11 [50]

—против высокомерия знатоков и их глупости (о праве на фантазию, Эккерман, с. 251) он берет сторону *народа*: он связует, напоминает о невозможности жизни в знании.

—об этом я узнаю на четверть часа раньше многих; но когда я стану стар, у меня будет нечто общее со всеми.

11 [51]

Кто счастлив настолько, что может дать себе отчет в том, *что такое Вагнер*, тот до известной степени причастен к несравненному счастью, которое несет в себе сам Вагнер: к счастью его дарования. Его дар—это растущий лес, бурный рост многообразнейших сил, взаимно ограничивающих друг друга, так что они радостно возносятся вверх, образуя единое целое. Ощущать единство в различном, чтобы глубоко проникнуться любовью к различному, —вот его тайна: его взор от природы устремлен к отношениям, не только к взаимоотношениям между искусствами, но и к взаимосвязям между государством, обществом и искусством; следовательно, за ним в высшей степени позволительно признать способность законодательную. Одним взглядом он обозревает сумму обстоятельств и не позволяет захватить себя мелочам.

Как внутренняя зрелищность эпоса с необходимостью предшествует пластике, так и внутренняя *подражательность* музыки—сценическому искусству.

Страстная тяга к роскоши и блеску в Вагнере: именно потому он оказался способен понять самую суть этого инстинкта, осудить его. Его внешняя жизнь находилась к этой склонности в том же отношении, что и дразнящий фарс с его чередованием нищеты и роскоши. Критикуя искусство роскоши, он критиковал самого себя, прозревал себя.

11 [52]

Как музыкант. Демосфеновское.
Как поэт. Язык.
Сочинения в прозе.
Воздействие путем подчинения врагов.

Завершить, сделать излишним.
Импровизаторское.
Потребность делиться.
Друзья Вагнера.
Свое царство он завещает *сильнейшим.*

11 [53]

Сообщительность в отношении друзей (без подчинения), в отношении врагов (подчиняя).

Завершать.

И как его друзьям не удавалось подчинить его своей любовью, так его врагам не удавалось своей враждой избежать подчинения ему.

11 [54]

Вагнер как музыкант.
Как поэт. Язык.
Ритмик.
Писатель-прозаик.
Вагнер по отношению к истории и философии.

11 [55]

Музыкант
поэт
делящийся собой
писатель
для друзей — воспитатель
диадохи.

11 [56]

Чем станет Вагнер?
Бог хочет власти: договоры, вина, несвобода
Он ищет героя, который по собственной воле сразился бы за него (против него), дабы установить свою власть
Превращение воли. —
потом: только затем, чтобы избыть свою вину.
Как только умирает Зигфрид, Вотан избавляется от своей вины и избирает гибель.

11 [57]

То, что музыка прозрсвает заранее, герой узнает только в конце своего пути: его жизнь — нет ничего в мире, что заслуживало бы большего сострадания; музыка, самая сострадательная вещь в мире, следует за ним на каждом шагу. *Как ей это удается?* Чтобы понять это, нам надо постараться проникнуть в сущность дифирамбического драматурга.

11 [58]

§ 6. Импровизаторское. Дифирамбический драматург. Но прежде надо было явиться музыке Бетховена: музыке *безличной* страсти.
§ 7. Музыкант. Демосфеновское чувство ритма.
§ 8. Поэт и писатель. Сообщительность в форме оглядки назад.
§ 9. Очиститель искусства, очиститель самого себя: «меценат» устранен. *Великое* дарование.
§ 10. Диадохи. Опасность недоразумений: внешне реакционное, внешне натуралистическое.
§ 11. «Кольцо Нибелунга».

11 [59]

Искусство *роскоши*. Употребление средств для неподлинных потребностей. Ослабление подлинных потребностей. Разделение между людьми. Переутомление многих людей в погоне за удовлетворением мнимых потребностей, в то время как подлинные потребности остаются неудовлетворенными. Социальный вопрос — *сохранение роскоши*, т. е. ненужного, излишнего и неудовлетворительного в отношениях между трудом и искусством. Практическое противоядие — это *цинизм* безыскусности, с одной стороны (<1> негативно: для доказательства, что нет нужды в том мнимом удовлетворении; 2. позитивно: *драма* — — —

11 [60]

1. Как *учащийся* (верность).
2. Ритмический смысл в целом.
3. Буйная воля и дух музыки (верность).
4. *Язык* поэзии.

5. Досуг, история, философия.
6. История, покоренная художником (верность).
7. Друзья Вагнера как источник опасности.
Отсутствие композиторской школы.
8. *Сообщительный* талант (переход к заключительной главе).
9. Нечто *новое* в скоротечности жизни. Молчание и сохранение чистоты.
10. Великое дарование.
11. Сочинения в прозе.
12. Никакого искусства роскоши: реформа общества.
13. Импровизаторское — самоотчуждение.
14. Демосфеновское, презрение по отношению к прежним меценатам.
15. Этическое развитие, *верность* — главное понятие.
16. Диадохи Вагнера. Многое очень слабо.
17. *Завершающее*, он делает некоторых ученых излишними.
18. Подчинение сопротивляющихся.
19. Реформа театра, в какой мере это немаловажно.
Люди в Байройте и их противоположность в других случаях.
20. Анти-Александр, вяжущее, упроститель мира.
21. Искусство и ἀνάγκη.
22. Вагнер — несвоевременен. Что способствовало ему!
23. Поэт на исходе религий.
24. Развитие музыки страсти и драмы. Завершение материала *мифа* о нибелунгах.
25. Организатор масс.
26. Избыточное в искусстве.
27. Опасность натурализма после Вагнера.
28. Страсть, наделенная долгим дыханием.
29. Сплетение страстей, многоглавость.
30. Народное (в отношении прозы).
31. Народно в сравнении с «Фаустом» Гёте.
32. Любовь по-эмпедокловски.
33. Опасное в Вагнере.
34. Реакционные элементы.
35. Борьба с ἀνάγκη.
36. Нищета современного искусства.

Драматург — демоническая сообщительность
двусторонняя 1. себя — другим
2. других — себе (самоотчуждение).

Музыкант.
Поэт.
Исполнитель.
Общий организатор.

12. Лето—конец сентября 1875

12 [1]

Влияние *«Орестеи»*. Преддраматическая часть.

Линия *единства* высочайшей пробы в области формы, вплоть до того, что будто играет зыбкими *облаками*; нет ни у одного композитора.

Беспокойство человека, исполняющего должности, несовместимость которых он осознал.

Публика оценила Вагнера все-таки иначе, нежели я предполагал.

12 [2]

Вагнер распахнул огромное царство нашей внутренней природы, разъяснив его также и исторически, применительно ко всему происхождению искусства.

В сытом устоявшемся мире он указывает на силы, из которых выросло все доброе и великое,—в том числе и для самого этого сытого устоявшегося мира.

Он пропускает через нас новый поток таких первородных сил, свидетельствуя о неиссякаемости внутренних источников человеческой природы.

12 [3]

Возможно, и найдется несколько совсем невнимательных людей, которые до сих пор еще ничего не слыхали о Байройте и вещах, связанных ныне с этим именем, а наряду с ними—множество таких, кто не только слыхал, но и пересказывает о нем массу нелепиц. Но даже правдивое и великолепное, что можно было бы поведать об этом,—сколь бледно оно отражается в чувствах и словах людей, пусть и достаточно честных, чтобы признать его; и наоборот, сколь невыразимым оно должно представляться именно тем, кто в полной мере охвачен пламенем того духа, который впервые хочет говорить здесь с чело-

вечеством. Я сам стою посредине между слабочувствующими и онемевшими: в таком признании нет ни преувеличения, ни самоуничижения, а только боль—почему именно так, другим знать не нужно. Но вследствие такого моего срединного положения я чувствую обязанность говорить, высказывая некоторые вещи отчетливее, чем было сделано до сих пор в связи с этими событиями. Я вынужден отказаться от того, чтобы придать разнообразию обуревающих меня мыслей связную форму; при известном умении я мог бы, наверное, создать иллюзию цельности и единства: но я предпочитаю оставаться честным и признаться, что сейчас я не могу сделать этого лучше, чем делаю здесь, хотя выходит у меня, конечно, довольно слабо.

12 [4]

Будущее *байройтских* летних *фестивалей*—объединение всех подлинно живых людей: художники приходят со своим искусством, писатели читают свои сочинения, реформаторы выступают со своими новыми идеями. Это должно стать *целебным источником* для душ: тут пробудится новый гений, там раскроется царство добра.

12 [5]

Музыка Вагнера производит впечатление *возвышенного труда*, по сравнению с более плоской манерой его предшественников.

«Несгибаемо-неукротимое».

12 [6]

Воздействие Вагнера на потомков—все опасности, которых он как художник избежал, в полной мере обнаружатся лишь тогда, когда появятся подражатели: здесь надо *перечислить*.

12 [7]

Сначала мы тому или иному философу верим. Потом говорим: «Пусть он неправ в том, как доказывает свои положения, сами эти положения верны». И, наконец: какая разница, о чем он там говорит, сама *природа* этого челове-

ка важнее, чем сотня систем. Как учитель он может быть сто раз неправ, но право само его существо; его-то мы и будем держаться. В философе есть нечто, чего никогда не бывает в философии, а именно: причина целого множества философий, великий человек.

12 [8]

Как с Вагнером совершенно упраздняются эстетические противопоставления «субъективное», «объективное», романтическое, классическое, наивное, сентиментальное; они просто не *подходят.*

12 [9]

–––писать: ко времени Гёте царило совсем иное.

Дегенерация: нынешние поэты и литераторы, младогерманцы, романтизм, Гёте.

Прогенерация: Лютер, Гёте, Шиллер, Шопенгауэр, Бетховен, Вагнер.

Распространение немецкой сущности *превыше* всего (после Лютера).

Что такое искусство в наше время. По большей части нечто лишенное достоинства или отшельнически-самостное.

Что такое Байройт?

Вовсе не невинное.

Положение искусства по отношению к ἀνάγκη.

Быть может, наши впечатления немного преувеличенны: мы вынуждены *слишком много* бед компенсировать *одним-единственным* – Байройтом.

В некоторых людях искусство сейчас настолько укоренилось для того, чтобы определять и их отношение ко всему остальному миру.

То, что сейчас происходит в Байройте, – это *революция*, формирование новой власти, которая далека от того, чтобы ощущать себя только эстетической.

Для более глубокого взгляда здесь нет ничего революционного, а только *поступательное движение* немецкого духа в лице его гениев: в особенно жутком и даже сбивающем с толку освещении из-за политического щегольства национальным (тогда как все почитаемое националиста-

ми именно нам представляется почти враждебным, по меньшей мере — опасным).

Эстетический феномен ставит вопрос, занят поиском: есть ли еще *родственные* силы?

12 [10]

Пройдет немало времени, прежде чем начнется драма, даже экспоз<иция>.

Детство — старое, по-стариковски мудрое — юность человека, его наивность много позднее у современных людей.

Лейпциг — духовное пригубливание, неосновательность ощущения, внутренняя податливая сущность, дурные господствующие наклонности в литературе.

Он казался слишком дилетантствующим, упивающимся и наслаждающимся без наслаждения.

Никому не следует жаловаться на недостаток опыта, в крайнем случае — на его избыток.

В Тангейзере лучшая натура может, собственно, только страдать и молить за другую, они — разделены.

В Лоэнгрине — тоска из-за могучей способности к любви, к беззаветной верности.

В Голландце — угрюмое скитание, ставшее проклятием: мучительная тоска по дому.

Жажда власти, вихрь чувств, отталкивание омерзительной морали и лживости.

Он остановился на театре, мир которого легкомысленен и в высшей степени ничтожен.

Беспокоен, огромная потребность, всегда готов прибегнуть к самым крайним средствам.

У него не было никакой школы, не было учителя.

12 [11]

Забыть о верности ради положения в жизни, власти, влияния (немецкий мастер).

12 [12]

опасное — склонность к притворству и хитрости

драматическое — верность, произведение искусства будущего

верность учение

верность — жизнь отвлекает — сопротивляться профессии (только в той мере, чтобы ощущать себя мастером)

верность — дарования хотят быть поодиночке.

Байройт — цель.

12 [13]

Для кого я творю? Своих слушателей он видит насквозь взором драматурга. Тут он ревниво смотрит на других.

Образ слушателей, недоверие к ним, отчаяние (вопрос, может ли еще музыкант — — -).

Успех — закрепиться на ступени.

Друзья

Симфоническое.

Каким образом творцу можно обрести истинную любовь?

12 [14]

Общая беда.

Материалы саг.

Он сросся с безыскусной возвышенностью мифа.

Горячая жажда народной души.

Он впервые говорит в духе народного предания.

Он исследует современную цивилизацию.

Наконец он обретает взгляд, устремленный в будущее, он пересоздает миф.

Он даже намерен помочь в осуществлении политического преобразования: большое *заблуждение*, он воображает, будто *наступает* момент становления народа! Революционер на благо театра!

Воздействие посредством текстов, вспомогательное! Воздействие все еще желательно *мгновенное. И как художник он также еще учитывает это* («Тангейзер»)!!

Он пропагандировал свою веру художника (и писателя), то, что сильнее всего на него влияло и волновало его, он соединил в свои художественные произведения. «Тангейзер», «Лоэнгрин». Оставалось *вопросом*: есть ли еще и *другой* Вагнер?

По самым глубоким воздействиям, которые он испытывал, он делал выводы о воздействии, какое окажет сам. Произведения искусства оборачивались вопрошанием: если вы чувствуете так же, как чувствую я, то и ваша нужда будет в том же. При этом ему открылось *несоответствие — страшное одиночество*. У него больше не осталось никаких желаний относительно состояния политического мира.

Для *музыки* он сделал исключение.

Тогда, если множество страждет так же, как страждет он, — это был бы народ. Тогда и **нужда** его была бы в том же. Ибо и его стремление к власти было природно-стихийным, ориентированным на народ. Он увидел свое произведение ближе и посчитал столь же *близким* народ. Он обнаружил в себе *самое глубокое влияние* народной веры и драматической песни. Он соединил их. Что повлияло на него, однажды повлияет и на народ: его составят те, кто связан *общей нуждой*. Он *умножился до народа*.

Третий период: время перестало для него что-либо значить, он полностью ушел в себя, он далек от желания влиять на что-либо, он складывает партитуру за партитурой, отказывается от власти: будущее становится страшно далеким. Верность. Шопенгауэр. Он оказывается в одиночестве.

Появляются *друзья* — предвестники изменившихся времен и нравов, предоставляя убежище; он обнаруживает, что уже успел оказать ни с чем не сравнимое влияние.

Опасность со стороны друзей на ранней стадии.

В войне он видит борьбу против «цивилизации», доверие к немецкой храбрости.

Он постигает: его искусство — это произведение искусства будущего, предвестник нового общества, побуждение к нему. Свое положение в отношении грядущего он понимает иначе, чем на более ранней стадии.

Верность.

12 [15]

Когда множество претерпит ту же нужду, что и он, это будет народ: так говорит он себе. Тогда их общая потребность найдет и общее для всех удовлетворение. Пы-

таясь понять, что более всего утешает и одушевляет его в его нужде, он обнаруживает миф и музыку: здесь обретает он самое глубокое удовлетворение, стало быть, в этом и заключена его самая глубокая потребность, самая глубокая нужда. Музыка же есть исключение среди искусств, она не служит роскоши, она возникла как своего рода утешение для простолюдинов и простецов, он видит дивную взаимоувязанность одной с другим и свою силу драматурга воспринимает как силу, связующую две эти сферы. Свое творение, которое оказывает на него теперь столь исключительное воздействие, он выставляет как вопрос: где вы, те, на которых оно воздействует так же? Они должны испытывать то же страдание, что и я, их нужда должна быть в том же, что и у меня. Множество нас есть тот народ, которого мы так ищем. И тут его подстерегает ужасное разочарование, несмотря на вспомогательные усилия письменных сочинений; все пожимают плечами, меряют старыми мерками, критикуют на старый манер, не чувствуют новых вопросов. Он в отчаянии, потому что народа нет, никто не чувствует его нужды, его произведение обращено к глухим и слепым, надежды на влияние и власть напрасны. Он потрясен, он заколебался. Возможность ниспровержения существующего порядка вещей видится ему как надежда — на то, быть может, что потом снова потребуется созидание. Вскоре он становится политическим изгнанником и оказывается в нищете. Это — второй серьезный кризис.

В одиночестве время перестало иметь для него значение, он совершенно ушел в себя, больше никаких надежд. Теперь он отбрасывает всякую мысль о воздействии, все соблазнительное и вопрошающее, облегчающее понимание и говорит только с собой. Его миросозерцание обращается к глубинам, он видит страдание в самой основе и очищается от всякого оптимизма. Жажда вырваться из власти дня в ночь, Тристан. Он снова обретает немецкую лютеровскую бодрость, которой не понять другим народам, перебродившее мастерство «М<ейстер>зингеров». Появляются друзья; многие из них почти опасны в своем желании догматизировать его и т. д. Он проходит сквозь них, даже не соприкасаясь, для него речь идет уже не об эстетике и музыке. Колоссальное творение, общий

итог его прозрений и чаяний, с волшебным метафизическим потрясением в финале. Власть отказывается от себя из любви. Он хочет предъявить это творение, произведение искусства *будущего*, но нынешний день—это не будущее, на которое он рассчитывает. Война, символически понимаемая, придает мужество.

12 [16]

Стремление и воление к власти теперь становится безличностным, начисто перейдя в творчество. Его искусство высшего совершенства и выразительности: он более не думает о *прижизненном* воздействии. Он хочет оставить после себя труд, громоздит одну партитуру за другой.

Вдруг за одну ночь все изменилось. Немецкая война была прочувствована им как своя, чего обычно не бывает в Германии. Он ощутил веру в единое, в то время как по отношению к немцам у него уже не было больше никакой веры, в немецкую храбрость в соединении с разумностью и выдержкой, он увидел нечто родственное своему творчеству и был глубоко счастлив. Быть может, теперь обрету я—не народ, но хотя бы достаточное число друзей и сочувствующих, которым я смогу показать произведение, каким оно задумано. Его заботой было создание *стиля*, традиции для очень отдаленного будущего. И если мы созерцаем ныне «произведение искусства будущего», то должны все время повторять: время, которое подразумевал Вагнер под «будущим»,—это не наше время! То, чем *станет* Вагнер,—это нечто совсем иное, нежели то, чем он может быть сегодня.

12 [17]

И вот перед ним в новом блеске развернулась господствующая идея его жизни. Она во многом изменилась, но, пожалуй, стала еще мощнее, еще привлекательнее. Воздействие, ни с чем не сравнимое воздействие!—посредством чего? на кого? Нет, уже не на театральную публику, как она есть, вообще не на современного человека с его известным отношением к искусству. И не средствами, какими достигался успех до сих пор. В этот миг решающего «уже не»

он постиг сущность *народа* и его противоположность — общество роскоши.

12 [18]

Прошлое двояким образом предстает в *сокращенном* виде: во-первых, потому что оно рассматривается только под одним, пусть даже важным и необходимым углом зрения, а во-вторых, — потому что из увиденного под таким углом мира многое исключено, в соответствии с тем или иным масштабом. Но благодаря такому сокращению более обозримым становится не только прошлое: вся жизнь, и настоящее и будущее, предстает в уменьшенном масштабе, так что суждение о ней может быть вынесено с большей легкостью. Степень близости людей с искусством, глубина или поверхностность, истина или суетность в этих отношениях используются для суждения об эпохах и народах: их потребность в искусстве становится признаком их нравственности и мудрости. Можно довольно много узнать о человеке, если будет доподлинно известно, нужно ли ему искусство вообще, изобразительное или музыкальное, каких мастеров он предпочитает и т. д. Если такую оценку применяет сам художник, его нельзя упрекать за то, что он считает себя обладателем универсального мерила: в его восприятии жизни искусство — это целая солнечная система. Люди вне искусства для него немыслимы, как немыслимы люди вне пространственных и временных представлений. Он не находит ничего, в чем не обнаруживалось бы искусство: в манере человека думать, мечтать, ходить, есть, разговаривать, писать, читать, бороться, почитать, воспитывать, в том, на какие части он делит сутки и жизнь, как он строит государство, какие выделяет в нем сословия, — везде здесь различимы внешняя повадка и внутренний строй, которые определяют все действия. В этой внешней повадке и в этом внутреннем строе есть нечто являющееся *искусством*: некое творческое стремление к — — —

12 [19]

6. Сомнения Вагнера: неужели мир состарился, оскудел?

Опровержение его сомнений Бетховеном: невинность.
«Пасторальная» — вечное человечество.
Музыки недостаточно. Штраус.
Против абсолютного музыканта, по-отшельнически презирающего мир видимости. Драма — не род искусства, не отрасль искусства.
Одушевление внутренней фантазии.
Возбуждение символических движущих мотивов.

7. Изменчивое. Неизменное.
Драма как *пророчество* о более чистой жизни (в противоположность оглядывающейся назад античной драме).
Попытка понять и Вагнера как оглядывающегося назад: *реставративные* направления. *Народ.* Гений.

8. Генерирующая точка в *опере.*
Догадка Шиллера.
Три трудности — *словесная мелодия* и т. д.
Повсюду из вырожденческого образуется ядро.
Образцовость, по видимости это движение вспять, но в большей степени — отвержение ложного, неподлинного, позднего.

9. *Очищение* перед и по ходу творчества.
Писатель.

10. *Поэт.* Миф. Язык. Гёте.

11. Музыкант.

12. Нибелунги: уменьшитель мироздания, его жизнь и сущность в грандиозном отражении.

12 [20]

Возможно, говорил я, что освобожденное искусство будет говорить с людьми и не будет услышано. Давид Штраус слышал «Пасторальную» и не услышал ничего.

12 [21]

Что Фукидид думает о государстве.

Глава 84 книги III Фукидида подлинная. Она якобы темна, в стиле и мысли демонстрирует νεωτερισμός[1], нечто

---

1 Новизна, нечто радикально новое (*греч.*).

революционное. Думаю, идеи, высказанные в этой главе, попросту пугали; отчасти их, пожалуй, еще и не поняли. Тем самым оказалось упущенным одно из немногих свидетельств, приоткрывающее самые заветные убеждения Фукидида, его мнение о том, что же такое человеческая природа!

Человек завистлив, враждебен всему выдающемуся, его зависть хочет наносить вред, так что для него невыносимо положение, при котором зависть лишена вредоносной силы—состояние законности.

Месть им милее права, эгоистический прибыток—положения, при котором им не наносят вреда (не чинят несправедливости); они предпочитают *τὸ κερδαίνετν*[1], нежели *μὴ ἀδικεῖν*[2] (т. е. тому, чтобы им не наносили вреда, не поступали по отношению к ним несправедливо)—и тем не менее они находились в положении, когда зависть не имела вредоносного характера.

Они были защищены друг от друга и от вспышек своей злобной завистливости: и тогда они перешли в состояние беззащитности—зачем? Чтобы отомстить другому. Как раз со своими аффектами справиться они неспособны.

Здесь Фукидид дал свою теорию *государства*, а также предупредил, чтó неизбежно произойдет, если государство перестанет существовать: взаимное растерзание и буйство всевозможных аффектов. Тогда человеческая природа проявится в чистом виде, государство же держит ее в узде. *Πόλισ* выступает здесь не как продукт человеческой деятельности, не как мудрое учреждение, защищающее от столкновения эгоизмов. Фукидид считает, что у людей-то как раз не достает для этого мудрости, что они пребывают во власти сиюминутных аффектов. Государство для него—это, похоже, *божественное установление*. Просматривается глубочайшее почитание *νόμοι*[3]. Люди по своей собственной *φύσις*[4] не могут учредить их!

---

1 Извлекать выгоду (*греч.*).

2 Не грешить (*греч.*).

3 Законы (*греч.*).

4 Природа (*греч.*).

В государстве царит право, не месть, каждый защищен от несправедливости со стороны другого, и недоброжелательство не имеет вредоносного характера. И тем не менее они опрокидывают его, забывая о собственной выгоде: так ослеплены они в своей страсти!

Вместо διὰ πάθους ἐπιθυμοῦντες[1] я предпочитаю чтение διὰ παντὸς ἐπιφθονοῦντες[2] (διὰ παντὸς трижды встречается у Фукидида и в других местах, см. указатель).

Благородство образа мыслей в очень большой степени состоит из добродушия (εὔηθες): дефицит недоверия, безобидность.

12 [22]

По поводу *дарвинизма*.

Чем больше было у человека чувства общности, симпатических переживаний, тем больше он был привязан к своему племени; и лучше других сохранялось то племя, которое состояло из наиболее преданных ему членов. Здесь крепнул славный толковый обычай, здесь индивидуум учился подчинению, а его характеру придавалась, прививалась крепость. — Однако здесь велика опасность стабильности и оглупления.

Те, от кого зависит прогресс, — это свободные от связей, чувствующие себя гораздо менее уверенно и гораздо *более слабые* индивиды, которые опробывают новое и делают это на самые разные лады: они гибнут без числа, не оставив никакого следа, но в целом *разрыхляют* и время от времени *ослабляют* участки стабильности, привнося что-нибудь новое в то или иное ослабевшее звено. Это новое постепенно усваивается в целом исправным организмом.

Дегенерирующие натуры, легкие вырождения имеют важнейшее значение. Везде, где предстоит прогресс, ему обязательно предшествует ослабление.

Наиболее сильные натуры твердо хранят типичное и держатся за него.

Вырождение — это всегда увечье, однако редкая утрата не сопровождается приобретением в чем-либо ином.

---

1 Страстно вожделеющие (*греч.*).

2 Во всем завистливые, во всем ставящие в вину (*греч.*).

Так, например, человек болезненный становится спокойнее и мудрее, одноглазый видит острее, слепой глубже заглядывает в душу.

Не борьба за существование имеет принципиальную важность! Накопление, благодаря чувству общности, устойчивой силы в отдельном человеке и возможность достичь более высоких целей за счет вырождающихся натур и частичного ослабления устойчивой силы. Более слабая натура, будучи более благородной, по крайней мере – более свободной, делает возможной прогресс.

Народ, что местами ослабел, крошится, но в целом еще силен, – именно такой народ способен воспринять инфекцию нового и ассимилировать ее.

Точно так же и отдельный человек: *проблема воспитания* заключается в том, чтобы сделать человека столь крепким и жизнестойким, чтобы в целом его уже ничем невозможно было выбить из колеи. Но *затем воспитатель должен наносить ему раны*: если таким образом будет вызвана боль и нужда, то вместе с ними может быть привито и нечто новое и благородное. Совокупные силы организма воспримут это в себя и тем облагородятся.

Немцы не просто были ранены, они почти истекли кровью, <у них> отняли обычаи, религию, язык, свободу. Они не погибли: но что они являются глубоко страждущей нацией, они доказали, изобретя *музыку*; они на опыте познали благодать болезни.

По сравнению с этим учением дарвинизм выглядит как философия живодеров. А место, которое он отводит отбору, отводит женщине! Разве правда, что женщины испытывают склонность только к самым сильным живодерам! Даже у животных все иначе.

Впрочем, я намерен ограничить свои рассуждения миром людей и поостерегусь делать какие-либо заключения относительно эволюции животных, исходя из законов облагораживания человека посредством более слабых, вырождающихся натур. Хотя поступить так и было бы куда позволительнее, чем, исходя из законов животного мира, включать в животную систематику и человека, как то делает господин Геккель в Йене и ему подобные, вроде Д. Штрауса. –

12 [23]

То, что более идеальные натуры — не очень-то хорошие граждане —

12 [24]

Для понимания, что я имею в виду, говоря о вяжущей силе Вагнера и называя его упростителем мира, важна следующая предпосылка. Он обнаружил две новых проблемы: проблему музыки и проблему драмы; он обнаружил их там, где лежат все великие проблемы: на улице, под ногами у всех и, несмотря на это, скрыто от всех глаз. В чем смысл того, что для нового времени нарождается именно такое искусство, как музыка? Нет ли здесь противоречия, очевидного для каждого, кто попытается нарисовать перед своим мысленным взором образ этого времени? Разве он не вынужден будет признать: нет, из этой эпохи не могла родиться музыка? Но что же тогда такое ее существование? Случайность? Однако случайным может быть разве что единичный мастер, появление же такой вереницы светил показывает со всей несомненностью, что тут речь не о комете. Вагнер отвечает так: существование музыки связано с сильной стороной современности, которая, однако, обусловила чудовищную слабость других органов: это состояние болезненности и бессилия требует лекарства, и именно оно обретается в музыке. Во-первых, она как-то соотносится с языком: так же, как универсальный дословесный язык — с языком разворованным, обессиленным, риторически и поэтически затасканным; общее заболевание всех прибегающих к языку — неспособность достичь действительного взаимопонимания; и если уж поэзия ныне за всех сочиняет, то язык за каждого думает, каждый — раб языка, под этим чудовищным прессом уже нет индивидуальностей. Вознесясь вместе с музыкой, необходимо ощутить себя столь далеким, чтобы во всем, что пишется, во всем, что говорится, улавливать типически однородное: тогда начнет казаться, что никакая индивидуальность в созидании *невозможна*, ибо она пытается опереться на слово, а это теперь неизбежно уводит каждого в привычную колею. Во-вторых, Вагнер почувствовал положение музыки по отношению к наблюдаемому ныне

миру явлений современной жизни: музыка безóбразна и потому антагонистична всякому образу. Везде, где человек ныне формирует облик окружающего, обнаруживает <себя> невыразимое изнеможение: все уже было, причем все бывшее было лучше, даже безобразное было возвышеннее. То, как люди ходили, стояли и двигались, формы общения, манеры публичных ораторов, ухватки молодежи, женские художества, – все, все, в чем обретали плоть прошлые времена, что служило им зеркалом прекрасного или величественного жеста, совершенно деградировало или является поздним подражанием, в лучшем случае – ренессансом, причем в его отцветшей стадии (французская цивилизация). Если взглянуть на музыку как на антагониста гимнастики, то в ней обнаруживается по меньшей мере одна точка, откуда современная жизнь представляется варварской до отвращения. Ибо тот, кто живет в ритмической поступи великой музыки, сначала на своем примере, а исходя из него – и на примере других убеждается, насколько он обычно бессилен противопоставить этой чистой, возвышенной и вместе с тем могучей внутренней жизни музыки нечто, что соответствовало бы ей в образе, в явлении. Обычно после таких попыток у него остается только мучительное впечатление, будто не можешь вырваться из хаотического нагромождения искажений и преувеличений. Между тем впечатление от самой музыки настолько сильно, что требует подчинения не только от ритма гимнастики: все, что заключает в себе какой бы то ни было ритмический образ действий, весь порядок жизни отдельных людей, политика народов, столкновение торговых интересов, борьба сословий, противоречия между народом и не-народом, – ко всему исполненный музыки человек невольно прикладывает мерило музыки, обо всем судит на ее примере; он понимает, что значит основать государство на музыке: греки не только понимали, но и требовали этого. Но не одно лишь ритмическое – также и вдохновенное, честное в своей безличной страсти и притом растущее из неисчерпаемых глубин *спокойное* пламя музыки – все это ставится для него судьями современного мира.

Таков приговор Вагнера этому миру, ибо он не соответствует идеалу, который он носит в себе не как образ, а

как душу музыки. Будь он только музыкантом, он бы отринул, упразднил для себя этот мир. И в самом деле, его глубокое отличие от всех остальных музыкантов нашего времени в том, что те сами по себе отнюдь не склонны отрицать этот мир и не желают его упразднения; отсюда он заключает, что им не присущ тот самый внутренний огонь и, стало быть, они не являются подлинными музыкантами. Он призывает их: либо отриньте в себе музыканта, перестаньте быть им, либо употребите свою внутреннюю силу и переверните мир вверх дном.

Такое отрицание можно мыслить по-разному: революционно или аскетически. В первом случае музыкант обязан прежде всего подумать о том, как обеспечить музыке влияние, он должен выступить против ее упадочных форм, ее презренного положения, злоупотребления ею как средством пустого и бесцельного развлечения. Освящая людей своей серьезной музыкой, делая их орудиями ниспровергающей мощи музыки, он вправе надеяться на повсеместность своего влияния: кто мог бы, например, усомниться в том, что общество, вобравшее в себя истинный дух бетховенской музыки, будет весьма мало похоже на наше нынешнее общество — и в государственных формах, и в воспитании, и т. д.! Далее, это отрицание современных форм может легко привести к следующей ступени отрицания. Кто, подобно Шопенгауэру, видит в музыке некий мир, стоящий за этим миром и еще не вступивший в стадию индивидуации, и кто, кроме того, считает ломкий, глубоко безнадежный характер жизни именно следствием насилия разделяющей нас индив<идуации>, должен создать в музыке пусть и лишенную понятий и образов концепцию лучшего мира, невинного, преисполненного любви, ясно-глубокомысленного.

Музыкант, целиком ушедший в этот мир, находится почти в сфере святости, как показал Вагнер на примере Бетховена: несравнен<ная> чистота, взволнованность, жар, детская непосредственность, полное отсутствие притворства, условности — вот качества музыки, а не прочих искусств, которые, будучи слепками с мира явлений, слишком близко стоят к нему.

В силу сказанного может показаться, что сосуществование музыки и мира явлений — нечто неестественное, что их *несовместимость* очевидна. И вот тут Вагнер сделал

свою вторую находку: он заново открыл проблему *драмы*. Человек, принявший в себя душу музыки и уже из этого состояния полноты взирающий на природу и жребий людей во все времена, делает это не с отвращением, не с ненавистью, а, как Бетховен, смотрит на природу в Пасторальной симфонии – с любовью, со всепонимающим состраданием. В великих образах человеческих устремлений он угадывает черты своих собственных стремлений, хотя знает их тщету и обманчивость целей, а потому способен предвидеть трагический итог этих индивидуальных устремлений. Именно в любви для него – душа музыки: и больше всего он обречен любить как раз то, безнадежность чего ему всего яснее. С другой стороны, великий музыкант, будучи отображением универсальной воли, испытывает естественную симпатию к индивидууму, который с экспансией своих устремлений приближается к мировой воле; в огне, ведущем его по жизни, он признает что-то родственное огню царящей в нем музыки: вот только являемая в музыке воля – чище, невиннее, безобманнее и в своем качестве воли, уже ставшей безличною, ближе к порогу самоотрицания и состоянию святости, от которого еще далек сражающийся герой – хотя, быть может, и не слишком, ибо именно из-за яростности схватки его может вдруг поразить осознание ее безуспешности.

12 [25]

поэзия как литература

французская риторика стиля

ожидать перемен благодаря изобразительному искусству нелепо

весь современный человек целиком и полностью еще лишен музыки, еще не сформирован ею

нехватка музыки в воспитании, как искаженная форма танца относится к орхестике, так видимость – к греческому явлению: французский стиль – к греческому; гимнастические упражнения – жалкие обломки.

12 [26]

Вследствие привычного легкомыслия – или может быть даже глупого высокомерия современного человека – сегодня уже не желают более прислушиваться к плато-

новским возражениям против искусства, возражениям глубоким и основывающимся на богатейшем опыте. Но тот, кто еще способен учиться, должен со всей определенностью признать, что господство того или иного сильнодействующего искусства сопряжено со множеством опасностей и что именно величайшие художники оказывали на потомков такое воздействие, которое должно было бы заставить мыслящих людей испытывать страх при появлении очередного великана. Слишком легко начинает казаться, будто искусство само призвано ставить цели практической жизни, и тогда, вследствие опаснейшего недоразумения, художника воспринимают непосредственно как воспитателя. Если же его чудесное предназначение справедливо трактуется как право *благословлять* на борьбу и целенаправленную жизнь, то столь же справедливо представлять его строжайше отделенным от собственно жизни и отводить его влиянию русло, которое не пересекается с ходом жизни и не определяет его. Мы придем к точке зрения Платона, если будем жестко настаивать на том, что безразлично, каких взглядов придерживается художник в социальном и политическом отношении. Так, например, для афинян не должно было иметь никакого значения, был ли Эсхил за или против ограничения ареопага; более того, я полагаю даже, что только почитая в художнике именно нечто надвременное, можно до некоторой степени защититься от опасностей, связанных с его прямым воздействием на современность. В этой связи я хочу обратить внимание на то, что крайне велик соблазн и потому крайне опасно рассматривать Вагнера не как художника или, иначе говоря, стараться из его творчества извлечь какие-либо определенные указания насчет устройства жизни. Этот соблазн потому столь велик, что Вагнер и сам в различные периоды предпринимал попытку найти более или менее определенные ответы на вопрос о связи его искусства с жизнью. У него есть статьи, совершенно залитые магическим светом того или иного из его творений, а каждое творение окрашено своим, свойственным ему светом.

12 [27]

Любовь и през рение.

Заключение: в чем он упрощает мир?

Следующая глава: историческое развитие музыки.

Вагнер как очиститель искусства, его позиция в отношении жизни—даже как писателя (писать, о чем страдаю).

12 [28]

5.

После перерыва—далее. Упроститель мира, как в философии.

Он смотрит на него под единственным, зато необходимым углом зрения: как обстоит дело с искусством? Тут он весьма *сокращает* историю.

Он *очищает*: он изгоняет впечатление, будто мир органически *состарился.*

Источник природы еще так свеж, человек еще не исчерпан.

Надо только разогнать понятийный туман, ложные страхи, будто человек уже *оскудел.*

Ненависть к изнеженным меценатам.

Сущность *музыки* дает ему свет; музыка противостоит нашему понятийному и литературному миру (мир *видимости* бесплоден, Хиллебранд со своими надеждами смешон). Вагнер формирует внутреннюю фантазию.

Шопенгауэр воспринимает ее как нечто метафизическое, Вагнер вопрошает: существует ли *жизнь*, которая могла бы соответствовать музыке? (Греки основывали свои государства на музыке)

То, что такой мир должен существовать, ему очевидно как *драматургу* (драма—это не *род* искусства, не *ветвь* литературы).

Все феномены он воспринимает как бы в трех измерениях: слухом, зрением, постижением.

Где впервые он увидел подобный феномен? В *опере.* Догадка Шиллера.

Современному художнику приходится всякий раз *очищать*, прежде чем он получит возможность творить—по большей части это бывает прежде всего личное очищение.

5. (b)

Борьба Вагнера в произведении искусства.

6.

Вагнер в опере. Публика. Путь к Бетховену.

Внешне *реакционно-романтическое.* Противоположность *цивилизации.*

7.

Внешне *отчаявшееся.* Противоположность миру *явлений.*

Итак, он выглядит почти как *тип реставратора?*

Логическая косность.

Чувство, прозрение. Бессознательность, инстинктивность. — Но ко всему этому следует относиться только как к *видимости:* его *характер — прогрессивный.*

12 [29]

Борьба Вагнера в произведении искусства.

«Риенци» — противоположность «порядку», реформатор.
«Голландец» — мифическое против исторического.
«Тангейзер», «Лоэнгрин» — католическое против протестантского (романтическое против Просвещения).
«Мейстерзингеры» — противоположность цивилизации, немецкое против французского.
«Тристан» — противоположность явлению.
Метафизическое против жизни.
«Нибелунги» — добровольное отречение прежних владык мира: противоположности мировых периодов — с преобразованием направления и целей.

12 [30]

Гёте всю свою деятельность именует символической.

Так и жизненный путь Вагнера следует понимать символически.

Он начинает изнутри разложившегося искусства, а именно — открывая в нем единственную точку, где еще есть силы.

Исходя из нее, он очищает свое представление об этом искусстве и самом себе.

12 [31]

— — — Он проходит не только сквозь пламя, но и сквозь туман знания и учености — с той *верностью* по отно-

шению к высшему «я» или, вернее, благодаря верности по отношению к нему высшего «я», которое всякий раз выводило его из опаснейших ситуаций. Это высшее «я» требовало от него только *совокупных деяний* всей его полифонической сущности, заставляя его страдать и учиться ради свершения этих деяний, испытывая и укрепляя его путем все более тяжких заданий. Но эти все возрастающие опасности и испытания ниспосылались ему не как лично неудовлетворенному и страждущему, не ради обучения, – они вырастали из взаимосвязи страдания и обучения, из горячего желания противопоставить собственному страданию, которое он воспринимал все более и более обобщенно и для понимания которого должен был обратиться к истории и философии, некую спасительную идею. Это – опасность *умысла*, которым художник перечеркивает чистоту собственного становления; его искусство должно стать на службу этому умыслу, оно должно давать прямо сейчас и больше, чем в состоянии давать искусство, вдобавок искусство новое, в темноте прорывающееся к свету. Избрав его последовательно средством исцеления для самого себя, для современного человека и, наконец, для жизни в целом, он впал в самый тяжелый недуг, в какой только может впасть художник, – недуг определенности умысла. Поначалу он желал от искусства всего того, чего недодала ему его личная судьба; испытав здесь разочарование, он начал требовать от него удовлетворения и компенсации за те чудовищные недостатки, которыми страдает современное человечество и каждый отдельный член его; разочаровавшись и в этом, обреченный на безысходность, он усмотрел в своем искусстве религию, утешение для бытия вообще. И лишь теперь произвольно-умышленное в его волении поднялось до высот столь безграничных, что его искусство и все непроизвольное в его существе смогли проявиться вполне свободно и беспрепятственно.

12 [32]

4.

Размышлять о том, *что такое Вагнер*, мысленно перебирать все жизненные и властные проявления его многообразно-единой натуры, – вот целительное отдохновение, которого не может не желать всякий, кому не давали по-

коя мысли о становлении Вагнера. Подобное поистине великое, добившееся истинной свободы мастерство и дерзновение являет собой самое замечательное зрелище в мире; там, где появляется такое дарование, земля превращается, по крайней мере для наблюдателя, в летний сад. Восторг от такого зрелища чуть ли не заставляет его самого придавать этому исполненному страданий становлению все проясняющую и почти оправдывающую целесообразность, предполагая, что для великой натуры все неизбежно обращается благом и прибылью, сколь бы тяжелой ни была школа, которую она прошла, а также, что, питаясь ядом, она становится лишь здоровее и крепче, что всякая опасность делает ее отважнее, всякая победа — осмотрительнее. —

12 [33]

5.

Нет ничего более безнадежного, чем говорить о столь сложных и редких душевных состояниях с другими, если они сами не способны сделать шаг навстречу говорящему благодаря воспоминаниям о собственных схожих, пусть и гораздо менее выраженных, состояниях и благодаря созерцательным поискам в собственной душе. Но если предполагать наличие таких подготовленных слушателей, я все же считаю возможным постепенно сделать совершенно особое и уникальное впечатление от великого дарования столь ясным для восприятия, что, исходя из решительной отчетливости этого впечатления, мы непроизвольно будем делать заключение о том состоянии, в котором художник ощущает в себе побуждение к творчеству, т. е. воспринимает впечатление, производимое на него миром, как призыв к собственной сокровенной силе. *Но именно от общности знания этого состояния* все-то и зависит, и всякое занятие искусством со стороны нехудожника может иметь только цель обрести в конечном итоге доступ к тем обычно скрытым мистериям души, из которых и рождается произведение искусства. Художник является художником именно и только в качестве сообщающего об этих мистериях; тем, как он говорит и открывает себя, он стремится сделать нас со-посвященными, своим творением он стре-

мится указать нам на нечто, что пребывает до творения, за ним. «Внутренняя сторона природы много богаче, мощнее, блаженнее, страшнее, вы не подозреваете о ней в вашей будничной жизни!» – призывает нас художник. – «Так ступайте же за мною и перестаньте цепляться за тускло освещенный клочок природы и жизни, который кажется вам единственной реальностью. Я поведу вас в царство, не менее реальное, и пусть вы сами, снова выйдя из моей пещеры на ваш свет, скажете, какая жизнь *реальнее*!»

Так в известной степени вещает нам всякий большой художник, Вагнер же – в первую очередь. Он зовет нас вернуться к природе, и как раз в подобном контексте эти слова менее всего способны вызвать недоразумения. Речь, право же, идет не о том, чтобы сделать однажды приятный выбор и отдаться природе, упиваясь идиллическим опрощением, – нет, призыв художника отнюдь не так безобиден. Художник ясно понимает, что никто из нас никогда не найдет дороги в остающийся неведомым изначальный мир природы, если он, художник, не укажет его. Ибо непосильно гнетущее нас бремя, наш взор застилает пелена из холодных, искусственных понятий и ученых мнений, наше чувство практически не отзывается, привычно имея дело с запутанной системой жесточайших закономерностей, или отзывается в неверном ритме, мы разучились даже языку чувства: вот почему мы слишком слабы, чтобы одними только собственными силами обрести природу. Но могущественна и рука нашего наставника и освободителя: он ведет нас, хоть мы и не знаем, куда – пока мы вдруг не ощутим, не услышим, не поймем разом всеми чувствами, где мы: *среди свободной природы*, сами преобразившись в людей, *свободных по природе.*

Значение музыки. Освобождение музыки.
Импровизаторское. Вагнер покоряет. Демосфеновское.
Вагнер как поэт, как прозаик. Вяжущее.

13. Лето–осень 1875

13 [1]

———Зазвучала ли подлинная музыка потому, что люди менее всего заслуживали ее и более всего в ней нуждались? Стоит только поверить в роскошное чудо такой возможности: оглядываясь отсюда на жизнь, видишь, как она светится, сколь бы сумрачной до того ни казалась, какие бы туманы ни заволакивали ее; она сама становится отражением и иносказанием бетховенской музыки, в форме явлений вещая об избавлении и вновь обретенной невинности. «Никогда еще мировое искусство не создавало ничего столь же ясного, как эти ля=мажорная и фа-мажорная симфонии и все внутренне столь близкие им творения маэстро божественного периода его полной глухоты. Воздействие их на слушателя заключается в освобождении от всякой вины, воздействие этой ясности мгновенно превосходит—и насколько превосходит!—то удовлетворение, которое мы испытываем от встречи с прекрасным. Всякое сопротивление гордящегося своими познаниями разума здесь немедленно рушится под чарами торжества над всей нашей природой; познание обращается в бегство, признав свои заблуждения, и беспредельная радость от такого признания заставляет нас ликовать из самой глубины души, сколь бы отчетливо скованная физиономия слушателя ни свидетельствовала о его удивлении относительно беспомощности нашего ви́дения и мышления перед этим наиподлиннейшим миром.

Любая боль бытия утихает в этом безмерном наслаждении игры с ним; Брахма, создатель миров, смеется над самим собой, поняв, что заблуждался на свой счет; вновь обретенная невинность шутя играет жалом искупленной вины, освобожденная совесть беззлобно поддразнивает перенесенную муку.

Теперь он бросил взгляд и на мир явлений, который, освещенный *его* внутренним светом, в волшебном отра-

жении снова открылся его душе. Теперь с ним снова говорит только сущность вещей, являя ему их в тихом свете красоты. Теперь ему понятны лес, ручей, луг, голубой эфир, веселая толпа, влюбленная пара, пение птиц, плывущие облака, раскаты бури, блаженство вдохновенного покоя. Тут все его ви́дение и творение пронизано той удивительной ясностью, которую именно он привнес в музыку. Даже жалобность, исконно присущая всякому звучанию, смягчается до улыбки: мир вновь обретает свою детскую невинность. «Сегодня будете со мною в раю», — кто не услышал этих обращенных к нему слов Спасителя, внимая Пасторальной симфонии?»

7.

———

14. С осени 1875 до весны 1876

14 [1]

1. Вотан стремится к *власти*, теряет свободу, погрязая в грехе и проклятии: ему *нужен свободный.*
2. Должен воспротивиться самому любимому, погубить его, должен покарать самую верную любовь (и Брунгильду).
3. Его охватывает *отвращение к власти.*
4. *Любовь* к прекрасному, *свободному* Зигфриду обращает его, он показывает ему мир, *отрекается.*
5. Он видит, что проклятие обрушивается даже на самое дорогое, и ужасно страдает, он *жаждет небытия.*
6. Только *гибель* свободного *избавляет* мир и богов от *проклятия*: справедливость удовлетворена, Бог может *умереть.*

14 [2]

— Бог возвеличивается тем больше, чем больше отступает.
— Зигфрид, свободный, бесстрашный, рождается от союза противозаконного и нарушающего обычай, его родители гибнут.
— Его, самого свободного, забвение делает несвободным и вероломным; свобода человека утрачивается вследствие забвения прошлого: зло и проклятие, с забвением приходит проклятие.
— Брунгильда из-за любви утрачивает свое знание, погружаясь в глубочайшее страдание, из которого бессильна вырваться. Но из свой судьбы извлекает наивысшее знание: «бездна страданья горькой любви мне открыла глаза».
— Время, которое не только боролось за свободу мысли, но и пыталось, в борьбе с необходимостью, отрешиться от всего прошлого: то будет *народ*,

для которого предназначено искусство будущего (рожденное в противоречии со всем прошлым).

14 [3]

Его сочинения не народны.

Зато народно его искусство: оно преодолевает противоположность между народом и образованными.

Это отделяет его от любой ренессансной культуры (Гёте как один из последних, филолог-поэт—даже «Фауст»).

Уже этим он, как представляется, указывает на некое будущее—как говорит Шиллер.

14 [4]

Лишь в той мере, в какой он озабочен *прочностью положения* своего искусства, он обращается к существующим силам, к образованным людям, к национальному чувству—он думает продолжить жизнь в союзе с могущественнейшим народом, народом Реформации, на которого он возлагает миссию «отгородить море революции в устье спокойной реки человечества».

Но идея его творчества, как и идея всякого хорошего немца, *сверхнемецкая* и не национальная—как и его Реформация.

14 [5]

Призыв Шиллера.

В противоположность этому внешне реакционное.

14 [6]

Перед лицом религии он столь же свободен, как Эсхил перед лицом разных Зевсов.

По сути нерелигиозен.

Будущее общества по Вагнеру—коль скоро он вполне современный человек—это тоже искусство современности.

14 [7]

Чем он станет?

Оглядывающийся на прошлое и толкующий его—он нейтрализовал это прошлое.

Отдельные фазы в Вотане: ради власти — отвращение — предоставляет ей действовать — посвящает ее *свободному человеку*.

Заключение — слова Вагнера: там, где государственная мудрость и искусство и т. д.

Слова Шиллера.

Упроститель мира — толкователь его истории.

14 [8]

Великое событие. Чтобы вполне понять его, необходим вагнеровский взгляд на самого себя: его становление, что он есть, чем он станет. (1)

1. Его становление.

Опасности, связанные с характером и дарованиями.	Детство, рассеянная юность, без наивности затем опаснейший *раскол* в его существе; значение *верности*.	(2)
	Беспокойство и неудовлетворенность во внешней жизни. Опасность сильной тяги к учению. Верность побеждает, его существо сохраняет цельность.	(3)

Какая *задача* стоит перед ним?

Опасности, заложенные в его задаче и миссии	Самая общая задача искусства в наше время.	(4)
	Специальная задача музыки: в отношении языка	(5)
	мира явлений ложного восприятия.	(6)
	Общий настрой и душевная конституция Вагнера как творческого художника, выполняющего свою задачу (представить на примере настроений, вызываемых его искусством у слушателя).	(7)
	Особые настроения в ходе его развития.	(8)

II. Что он есть:
как поэт
воспитатель
музыкант
и в целом (9)

III. Чем он станет.
Как художник будущего он стремится к установлению некой стилевой традиции.

Его средства для достижения этой цели:
образцовые примеры,
литературные труды, (10)
он ищет защиты для своих творений
у существующих властей.
Но *творит* он только для людей
некоего определенного будущего.

Их сущность угадывается по его творениям — насколько вообще из удовлетворения потребностей позволительно делать заключения о самих потребностях.

Мотивы его искусства. (11)

Несовместимость оного с характером сегодняшнего человечества.

Не только зритель будущего, но также толкователь и пояснитель прошлого.

14 [9]

Возможности искусства в том, что касается сообщения
Высшая способность сообщить, *поделиться собой*
в силу высшей ясности
поэт
переплетение страстей
поток одного акта
гораздо более широкий круг состояний
великий ритмический смысл в обуздании страсти,
высшее единство искусства в страстном человеке
опасные свойства

судьба искусства его судьба
талант сообщительности
без подчинения другом
но скорее сообщая себя другу
в остальном посредством примера
единственная трудность у «образованного»
—литературные труды. Народность (Фауст)

14 [10]

9. Художник
10. демоническая сообщительность
11. несообщаемое современному человеку:
произведение искусства будущего
идея «Нибелунгов»

14 [11]

Зигфрид, из союза против всех традиций
свободный человек, без страха
теряет свободу, вероломен, вследствие забвения
даже в своей погибели он избавляет мир от проклятия
Вотан———

15. Весна 1876 (?)

15 [1]

Гипотетические предложения в немецком языке. «Wenn»[1] в первоначальном смысле выражает *пожелание*, предложения же типа «ist dies so, so wird daraus»[2] в первой своей части содержат *вопрос* или *сомнение*. Поэтому второй тип не следует смешивать с первым, еще в меньшей степени он имеет единственное право на существование (как, кажется, полагает В<агнер>, который пользуется почти исключительно только им).

15 [2]

Следует избегать длинных периодов или, коль уж без них не обойтись, трактовать их чисто логически; я хочу, чтобы логический скелет слышнее побрякивал, ибо он призван служить облегчению мышления; ясность — вот первое требование: какое нам (немцам!) дело до красоты и ритмичности периодов!

15 [3]

Самое время наконец подойти к немецкому языку артистически. Его телесность достигла полного развития: если отпустить удила, он стремительно выродится. Надо со знанием и прилежанием поспешить ему на помощь, приложить к нему такие же старания, какие греческие риторы прилагали к своему языку — когда уже было слишком поздно надеяться на новую юность. Ныне в нашем распоряжении какие угодно краски — вплоть до лютерова немецкого стиля, нужно только быть настоящим художником и колористом. Сперва требуется ремесло, чтобы со временем родилось искусство. Наши классики тоже были натуралистами в области стиля.

---

1 Если (*нем.*).

2 Если это так, то получается <то-то> (*нем.*).

15 [4]

1. Подготовка и воспитание. 2. Каркас. 3. Строительный материал.

15 [5]

Дополнения к Давиду Штраусу.

с. 106 «уже давно известно, что «вездесущий» Бог не нуждается в каком-либо особом месте пребывания»
с. 49 «таким образом Шлейермахер в своей манере предлагает новое издание Богочеловека».
с. 287 «дерзко всеохватный класс общества»
с. 238 «с нашей точки зрения, отражение нравственного поступка в наших ощущениях или чувство счастья настолько неотделимо от самого поступка, что это ощущение никакими внешними обстоятельствами уже не может быть более лишено своего счастливого ореола».
с. 49 «христианский культ—это одеяние, скроенное на Богочеловека, начинает болтаться и теряет всякую форму, когда в него облекают просто человека».

15 [6]

Лихтенберг: «Я знаю, что известных писателей, бывших при этом в сущности людьми пустоголовыми (сочетание, часто встречающееся в Германии), несмотря на все их самомнение, лучшие умы, коих я имел возможность об этом спросить, почитали именно за людей пустоголовых».

15 [7]

Наиновейший завет потому передает свою мудрость по наследству «нищим духом», что они либо не учились ничему, либо учились слишком много, либо ничему не учились толком и читали плохие книги, например, только свои собственные.

15 [8]

Не Аристотель ли придерживался мнения, что продукцию стариков, поскольку они не вполне жизнеспособны, следует уничтожать?

15 [9]

Отто Ян, которому бетховенская «Песнь к радости» казалась недостаточно веселой.

15 [10]

Влияние Гегеля и Гейне на немецкий стиль! Последний разрушает едва только завершенное дело наших великих художников языка, а именно — едва только выработавшееся чувство единой стилевой окраски; ему по нраву пестрый шутовской колпак. Его идеи, его образы, его наблюдения, его sentiments, его слова не подходят друг к другу, он виртуозно владеет всеми стилями, но использует это мастерство лишь для того, чтобы перемешать их все. У Гегеля все — жалкая серость, у Гейне — игра электрических огней, которая, однако, ужасно утомляет зрение — не меньше, чем упомянутая серость притупляет его. Как стилист Гегель — factor[1], Гейне — farceur[2].

15 [11]

Новая вера не двигает горами, зато словами — пожалуйста.

15 [12]

Эмпедокл говорил о жителях Агригента, что они предавались наслаждениям так, словно назавтра им суждено умереть, а строили так, словно они никогда не умрут. Штраус строит так, словно его книге придется завтра умереть, а ведет себя так, словно она бессмертна.

15 [13]

Не сама книга Штрауса, а лишь ее успех есть событие, заставляющее нас говорить. В ней нет ни одной мысли, которая заслуживала бы того, чтобы ее отметили как нечто доброе или новое.

15 [14]

Тщательно выстиранные лохмотья — одежда пусть чистая, но все равно люмпенская.

---

1 Изготовитель, ремесленник (*лат.*).

2 Шут, балаганный актер (*фр.*).

15 [15]

Южно-немецкие диалекты давно утратили единственную форму прошедшего времени.

У *Рюккерта* имперфект, презенс и перфект перемешаны самым прискорбным образом, например:

Als er nun bei der Gränze Zoll
nicht wollt' angeben, was er führt,
und seinen Kasten öffnen soll,
der Zöllner hat den Fund erspürt[1].

Подобный *перфект в повествовании* заслуживает всяческого порицания.

15 [16]

Причастие опускается: «die Post ist durch, der Bruder ist mit, das Lied ist aus, die Sonne ist unter, das Thor ist auf, der Gast ist fort, das Geld ist weg, die Festung ist über». «Er hat ein Halstuch um, er hat die Sache weg, er hat das Räthsel heraus.»[2]

15 [17]

Перфекты с «haben» в качестве вспомогательного глагола. Первоначально «er hat ein Haus gebau*tes*», «ich habe ein Kleid gekauftes», т. е. приложение в винительном падеже, как в случае «er *schießt den Hasen* todt» («todten» по-старинному).

15 [18]

Из имперфекта развилась форма конъюнктива. Представление о прошедшем преобразуется в представление об уже более не наличествующем: «er lebte»[3] (подразумевает «er lebt nicht mehr»[4]. Конъюнктив же выражает оспаривание неналичия, исходящее из того, что нечто

---

1 Когда на пограничной таможне//он не пожелал указать, что везет,//и ему приходится открыть свой сундук,//таможенник почуял находку (*нем.*).

2 Здесь и далее немецкие слова и выражения, приводимые нами без перевода, — грамматические примеры, не являющиеся цитатами и не несущие дополнительной смысловой нагрузки (*прим. ред.*).

3 Он жил (*нем.*).

4 Его больше нет в живых (*нем.*).

«не наличествует более». В старом немецком «ich spräche» означало неисполнение в любое время, ныне же мы различаем «ich spräche»[1] (еще не исполнилось) и «ich hätte gesprochen» (неисполнимо в принципе). «Es gienge wohl»[2], но не выходит.

15 [19]

Конъюнктив настоящего времени отличается от индикатива тем, что индикатив выражает знание, а конъюнктив – предположение. Отсюда развилась косвенная речь: отказываясь от определенности знания, мы все же выражаем веру в то, что нечто произошло взаправду. Косвенная речь, ранее бывшая только в форме конъюнктива имперфекта, и сейчас еще встречается. По-старинному «ich spräche» (при условии); по-новому «ich würde sprechen». По-старинному «er spräche» (косвенная речь), по-новому «er spreche» (конъюнктив настоящего времени). В Швейцарии говорят «die Russen seien über den Balkan gegangen»[3] вместо «sollen sein»[4]. Это славно и достойно подражания.

15 [20]

1. Надо стремиться ограничить *использование вспомогательных глаголов*!
2. Избегать *помещения одних предложных оборотов в другие*!
3. Быть осторожнее с «müssen», «dürfen, wollen, sollen, mögen, können»!
4. *Оборотов с «daß»* тоже стало сверх всякой меры.
5. *Создание конъюнктивов и имперфектов!*
6. *Сохранять генетив объекта* вместо чрезмерно разросшихся предлогов, например: den Helden seiner Thaten preisen, den Fremden seiner Herkunft fragen, den Kranken seiner Wunden heilen. Еще сохранился при «anklagen, beschuldigen, zeihen, bezichtigen, überführen, überweisen, erlösen, erlassen (der Haft), entledigen, entbinden, überheben,

1 «Я сказал бы», в настоящем или будущем (*нем.*).
2 «Может, и вышло бы» (*нем.*).
3 «Русские, говорят, перешли Балканы» (*нем.*).
4 «Должно быть, <они сделали то-то>» (*нем.*).

entsetzen, berauben, verweisen (des Landes), entblößen, entladen, entlassen, entheben, würdigen, versichern, befreien, belehren (eines Besseren, der Zukunft)». При наличии «sich» мы много консервативнее: «sich seiner Thaten rühmen, sich langen Lebens freuen», «sich eines Mannes annehmen», «sich einer Sache bedenken, sich der Gelegenheit bedienen, des Lebens wehren, des Todes fürchten», может быть «sich des Verfahrens ärgern, sich der Schickung grämen, sich der Gefahr scheuen».

15 [21]

Совершенно правильно и то, и другое: «mich dünkt» и «mir dünkt», «es friert mich» и «mir friert». «Ich schlage dir ins Gesicht, ich schlage dich ins Gesicht.» Дательный и винительный при dünken, ekeln, schmerzen, ahnen.

15 [22]

Приглагольный *генетив* ныне выглядит торжественно: «es schenkte der Böhme des perlenden Weins»[1], но все еще вполне привычно, например, когда люди находят удовольстве в игре слов и сами играют словами. Des Brotes genießen, des Gehören erstaunen, des Krüppels spotten, der Gefahr achten, seiner Mutter vergessen. Einer besseren Zukunft sinnen, des nahenden Unglücks erschrecken, des fröhlichsten Lebens wimmeln, des muntersten Gesanges ertönen (про лес, например), eines Kindes genesen.

15 [23]

Предлог «von» вытеснил генетив. Но не при «satt, müde, voll, quitt, leer, frei, los, fähig, kundig, theilhaftig, habhaft, überdrüssig, beflissen, gewahr, bedürftig, bewußt, befugt, gedenk, verblichen, froh, werth, ansichtig». Просторечие уже почти не знает генетива: «dem Nachbar sein Garten» впрочем, также и 's Nachbars sein Garten.

15 [24]

Amtmann's—это *генетив* (в смысле «люди Amtmann'a»). *Дательный* множественного числа везде в гео-

---

1 «Богемец налил искрящегося вина» (*нем.*).

графических названиях на -hausen, -hütten, -bergen, -thalen, -felden, -walden, -linden, -eichen. Baden — это «zu den Bädern», Schiffhausen — «zun Schiffhäusern». Так и в Rothenstein, Altenburg. Опущено zu.

15 [25]

Задача: простая выжимка из книги Овербека «Христианская сущность теологии». Из моего «Рождения трагедии».

15 [26]

Остерегаться сложных слов типа «Forschungshülfsmittel», «Culturkampf»[1].

Равным образом — веры в выносливость *одного* слова, как например: «die Anschauung von der Leistungsfähigkeit der modernen Photographie in Verbindung mit Pressendruck»[2].

15 [27]

Различные виды стиля:

A. Стиль интеллекта (неметрический) или «бесчувственный стиль».

B. Стиль воли (либо проза, либо поэзия — метрический или полуритмический) или «стиль нечистого мышления».

1. стиль ἦθος'а 2. стиль πάθος'а

Стиль интеллекта возникает поздно, всегда на основе стиля этоса. Но поначалу по большей части поэтический (его определяет образ индивидуума, жрец, прозорливый с ἦθος), затем скромно-будничный (по образцу аристократа, язык которого прост и избирателен). Отрезвление образа мыслей должно тут проявляться везде, равно как и ненависть к нечистоте мышления.

Письменная речь лишена *интонации*, т. е. чрезвычайно сильного средства достичь понимания. Следова-

1 Вспомогательный материал для исследования, культурная борьба (*нем.*).

2 «Представление о возможностях современной фотографии в связи с типографской печатью» (*нем.*).

тельно, она обязана чем-то *заменить* ее: здесь — главное различие между письменной и устной речью. Последняя может положиться на интонацию, письменная же должна быть более обозримой, более емкой, более однозначной, ее главное усилие направлено на то, чтобы хоть как-то дать почувствовать эмоции, заключенные в интонации. Вопрос: как выделить то или иное слово, не прибегая к помощи тона (ведь у нас нет знаков, указывающих на уровень тона)? Второе: как выделить тот или иной член предложения? Писать надобно во многих отношениях иначе, чем говорить. Отчетливость — это соединение света и тени.

Чтение, чтение вслух, декламация обусловливают три разновидности стиля. При чтении вслух требуется наиболее искусное владение голосом, так как он должен заменить нехватку жестикуляции, стиль книг для чтения обязан быть наиболее совершенен, поскольку в этом случае отсутствуют такие средства выразительности, как голос и жест. *Естественным* жанром можно было бы считать, скажем, чтение вслух, если бы жесты были при этом действительно излишними, то есть не нуждались бы в замещении чем-то другим (чтение за занавесом), — чтение совершенно спокойное, когда тело остается в покое, например, «История» Геродота. Жанр чтения был бы *естественным* при отсутствии какой бы то ни было нужды модулировать голос и жесты, например, в математике.

16. 1876

16 [1]

I эстетика II к этике и учению о счастье

16 [2]

Никто не умен—венчание—руины—девушка, счастье

16 [3]

Люди, обладающие изобразительным даром, видят в вещах одно только изобразимое. Многого они не понимают. Точно так же писатели и учителя. Все они в сущности думают всегда только о своем таланте: становятся ли они в остальном лучше или хуже, им все равно.

Как человек, как музыкант, как филолог, как писатель, как философ,—во всем я теперь замечаю, как обстоит со мной: мне все равно, во всем! Будь я честолюбив, то отчаиваться, может статься, было бы и не от чего, но поскольку во мне столь мало честолюбия, то дела обстоят *почти* отчаянно. Записано близ замка Шильон, около 6 вечера.

16 [4]

Освобождение.
Филолог.
Брак.
Возраст.
Религия.
Вагнер.
и т. д.

16 [5]

Леопарди—Шамфор—Ларошфуко—Вовенарг—Кольридж, беседы.

Переводы.

История литературы.

О филологии.
Книга: Свободный учитель.
1. Путь к освобождению.
2. школа воспитателей.
3. странники.
4. Слава смерти!

16 [6]

Аскеза под общим углом рассмотрения самоубийства, также и неэгоистическое жертвование.

16 [7]

У каждого человека есть свои *рецепты* сделать жизнь сносной (отчасти поддерживая ее легкость, отчасти делая ее легкой, если она вдруг повернется тяжелой стороной), даже у преступника. Надо бы каталогизировать приемы этого общеупотребительного искусства жить. Объяснить, к чему собственно ведут *религиозные рецепты.*

Не облегчать жизнь, а легко к ней относиться.

Многие хотят сначала *сделать ее тяжкой*, чтобы затем предложить *свои крайние рецепты* (искусство, аскезу и т. д.).

16 [8]

«легкая жизнь»
(*ῥεῖα ζώοντες*[1])
«путь к духовной свободе»
греки
учитель
брак
собственность и труд

16 [9]

Легкая жизнь.
Путь к свободе.
Смерть старой культуры.
Учитель.
Женщина и дитя.
Собственность и труд.

1 Легко живущие (*греч.*).

16 [10]

Несвоевременные размышления.

1. Филистер от образования (фальшивомонетчики в образовании).
2. История.
3. Философ.
4. Художник.
5. Учитель.
6. Женщина и дитя.
7. Собственность и труд.
8. Греки.
9. Религия.
10. Освобождение.
11. Государство.
12. Природа.
13. Общительность.

16 [11]

1. Природа, 1883
2. Женщина и дитя, 1878
3. Собственность и труд, 1881
4. Учитель, 1882
5. Общение, 1884
6. Легко живущие, 1880
7. Греки, 1879
8. Вольнодумец, 1877
9. Государство, 1885

16 [12]

Семь несвоевременных размышлений – 1873–78.

К каждому – дополнение в виде афоризмов.

Позже: дополнения к несвоевременным размышлениям (афоризмы).

16 [13]

Каждый день радовать так или иначе – «друг».

16 [14]

делать из добродетели нужду

16 [15]

1 день в неделю ничего не есть.
Вечером только молоко и чай.
Ежедневно 4 часа прогулки. (с записной книжкой)
Сборник: о немецком языке.
высказывания.
Несвоевременные размышления 29–37-й годы жизни
38–48
49–58

16 [16]

К свободе ведет не одна лестница. Если кто-то не может взбираться по одной (например, из-за душевного упрямства), то, возможно, получится по другой. При этом непропорционально развивается какая-либо одна сила — например, чувство независимости, которое с таким же успехом может вести к свободе, как и зависимость в любви.

16 [17]

Материнское присутствует во всякой разновидности любви — но не отцовское.

16 [18]

Признаки безусловного превосходства со стороны человека, с которым находишься в дружеских отношениях, крайне болезненны и глубоко задевают душу.

16 [19]

Consilia juventutis plus divinitatis habent.[1] Бэкон.

16 [20]

В моем стиле есть какая-то сладострастная сжатость.

16 [21]

Поэт должен сначала увидеть вещь *отчетливо*, а потом снова увидеть ее не резко, намеренно завуалировать

---

1 Юношеские замыслы более возвышенны (*лат.*).

ее. Некоторые пытаются сделать это прямо, но тогда ничего не выходит (как у Шиллера). Природа должна просвечивать сквозь покровы.

16 [22]

Кто убавляет, тот—художник, кто добавляет, тот—клеветник.

16 [23]

Этимологии у Вагнера чисто художнические, хотя и ненаучные: это и есть правильное отношение к природе.

16 [24]

delirium tremens[1] аскета

16 [25]

Властное наследие вольнодумца—он смотрит на себя как на учение, которым заклеймено человечество.

Вольнодумец из самозащиты, из властолюбия.

16 [26]

часто месть за *бессилие* (Исократ)

16 [27]

Отметка уровня немецкой культуры после войны—книга Штрауса, в согласии с общей погоней за наслаждениями; *водомер* в потоке немецкой культуры.

16 [28]

Свободомыслящий человек предваряет эволюцию целых поколений.

16 [29]

Люди, как Хиллебрандт, опередившие на несколько лет общественное мнение и только его,—соответственно у них самих только общественное мнение и есть.

---

1 Белая горячка (*лат.*).

16 [30]

Можно гордиться непрерывной чередой *добрых* предков вплоть до родного отца: это легитимация самого себя в собственных глазах. Но *один-единственный* разрыв в этой цепи уничтожает все благородство. Нет ли среди твоих предков насильников, скряг, распутников, злодеев, людей жестоких? — такой вопрос можно было бы адресовать каждому. В этом смысле мое благородство доходит до 4-го колена: глубже я заглянуть не могу.

16 [31]

Многие мужья в глубине души и не думают негодовать на измены своих супруг, учитывая, что благодаря этому они без хлопот избавятся от них.

16 [32]

Непослушание сыновей отцам всегда заходит настолько далеко, насколько это возможно, иначе говоря, послушание — это как раз дозволенный минимум. Но провести его границу во власти отцов, так как в их власти воспитание и, тем самым, привычка.

16 [33]

Цель: настроить читателя на столь эластичный лад, чтобы он встал на цыпочки.

16 [34]

Вольнодумство, сказки о феях, похотливость поднимают человека на цыпочки.

16 [35]

Оставлять себе время на размышление: ключевая вода должна успеть набежать.

16 [36]

Иллюзия полового инстинкта имеет удивительное свойство периодически становиться неизлечимой: снова и снова попадаешь в его сети, хотя в промежутках — полосы полного разочарования.

16 [37]

Если счастья нет, его надо раздобыть.

16 [38]

Бездеятельность людей «деятельных». Им невдомек причина, по которой они работают, они растрачивают vitam безо всякого смысла: им не хватает высшей деятельности, деятельности *индивидуальной*, они мыслят как чиновники, торговцы, но бездеятельны как люди в своей уникальности.

16 [39]

Высшее честолюбие при vita umbratica[1]: быть максимально непохожим!

16 [40]

Несчастье людей деятельных в том, что их деятельность всегда немного неразумна: они катятся все дальше столь же бессознательно, как падает камень.

16 [41]

Быть может, своей бедой или гибелью мы принесем общему благу больше пользы, чем если бы мы победили.

16 [42]

Каждый по каждому поводу имеет собственное мнение, потому что является отдельным существом — но он должен быть очень осмотрителен!

Вещи делятся на такие, о которых возможно знание, и такие, о которых возможны мнения.

16 [43]

Со свободой обстоит так же, как и со здоровьем: она индивидуальна.

16 [44]

Вольнодумец ухватится за кончик события, но не захочет иметь с ним дело во всем его объеме (например, война — Байройт).

---

1 Замкнутый, кабинетный образ жизни (*лат.*).

16 [45]

Современные монастыри — заведения для таких вольнодумцев — нечто невесомое при наших больших возможностях.

16 [46]

Разговор вольнодумцев: будто несколько карабкаются по крутой горе, не борясь друг с другом и не оспаривая почву друг у друга, — омерзительное препирательство.

16 [47]

Как в конечном итоге вольнодумец относится к активной жизни? Без особой скованности, не является рабом своих поступков.

16 [48]

Ученый утратил достоинство, он теперь составляет конкуренцию торопящимся наслаждаться, *активным* людям.

16 [49]

Вовремя достичь внешней цели, маленькой должности, состояния, достаточного для пропитания. Жить так, чтобы всеобщая катастрофа не стала для нас слишком большим потрясением.

16 [50]

Солнечный луч отражается на дне, показывая, по чему катятся волны — по твердым камням.

16 [51]

Созерцательную жизнь *стали ценить меньше.* Противоположность церковника и esprit[1] в какой-то момент сошла на нет, и теперь возможно новое рождение обоих в одном лице.

16 [52]

Все зависит от того, хватит ли вам дыхания, чтобы нырнуть в эту стихию; если хватит, то вы сможете увидеть дно.

---

1 Ум, разум, дух (*франц.*) (*прим. перев.*).

16 [53]

Чтобы видеть явление *целиком*, человеку требуются два глаза—любящий и ненавидящий.

16 [54]

Продуктивные люди редко становятся вольнодумцами; поэтов отличает религиозная отсталость. Политики
———

16 [55]

Образ вольнодумца в прошлом столетии остался незавершенным: они слишком мало отрицали, сохраняя самих *себя*.

17. Лето 1876

17 [1]

Об эстетическом: нечто резкое.

Упускать из виду—главное средство идеализма. Нельзя вглядываться так пристально, *зрителя вынуждают оставаться на значительном удалении, чтобы он созерцал оттуда* (это как со сценической декорацией). Как важен принцип отдаления наблюдателя! Здесь творящий художник не должен позволять себе колебаний. Именно здесь видно, в какой именно степени он должен исходить из наиболее сильных чувств *своего* слушателя.

Размер набрасывает *флер* на реальность; иная художественная болтовня что-то скрывает или приподнимает; нечто «смутное». Последнее средство, на которое уповает искусство, это наивное восприятие! Что очень редко! Из этого получаются довольно дурацкие вещи. Точно так же и в религии.

Большая ценность *нечистого мышления* для искусства.

Для подражания нужна *любовь вместе с насмешкой*, как у Архилоха. Это, пожалуй, самое плодотворное состояние человеческой души!

17 [2]

К неискоренимым *необходимостям* человеческого бытия относится *нелогичное*, из него возникает много *Очень Хорошего*! Нелогичное так крепко сидит в языке, в искусстве, в аффектах, в религии, во всем, что придает ценность жизни! Наивны люди, которые хотели бы превратить человеческую натуру в нечто логическое! Существует, возможно, степень приближения, но сколько всего при этом утрачивается! Время от времени человек опять возвращается к природе, т. е. к своей нелогичной *изначальной пози-*

ции по отношению к вещам. Отсюда берутся его лучшие побуждения.

17 [3]

Два мира один позади другого: жизнь Зигфрида, а на заднем плане – судьба богов. Воспринято в высшей степени метафизически.

17 [4]

С немцами *опять* происходит то же, что и после **Реформации;** они сейчас точно так же полностью утратили вдохновлявший их высокий дух шиллеровской и гётевской реформации; все, что ныне восхваляется, полная тому противоположность, и таким образом у добросовестных сформировалось некое пренебрежение к этому духу. Это полностью зависит от величия человека: его приметы не могут быть оценены слишком быстро. Национальное же, как его теперь понимают, требует в качестве догмы прямо-таки *ограниченности*. Насколько разбойники чувствуют себя выше Шиллера!

17 [5]

К дарвинизму.
Чувство общности с человечеством.
К государству.
К религии.

17 [6]

Сердечное сострадание к себе самому есть высшее чувство, к которому может прийти человек.

17 [7]

Достаточно и того, что благодаря этому на время придет забытье, и тогда человек больше не будет думать о своих страданиях. Лучшее в мире то, что в ответ на его безумие есть сон и забвение: все этические системы рассчитывают на это лучшее свойство этого худшего из миров.

17 [8]

Жизнь не стоит всех стараний.

17 [9]

Многие люди боятся не смерти, но слишком долгой протяженности умирания, например, из-за болезни, и предпочитают этому состоянию жизнь.

17 [10]

Один говорит: «Этот автор мне не близок; он говорит людям так много плохого, что, должно быть, он сам плохой человек». Ответ: «Но ты тогда, должно быть, еще хуже, ведь ты самым лучшим людям, какие есть на свете, говорящим правду и не щадящим себя, говоришь дурное и к тому же еще неверное!»

17 [11]

Больной человек зачастую в душе здоровее, чем здоровый.

17 [12]

Религиозное воззрение на мир без остроты и глубины интеллекта делает религию отвратительнейшей вещью в мире.

17 [13]

Бывают женщины, в которых, куда ни копни, нет ничего внутреннего, одна чистая маска: почти призрачные существа, кровопийцы, никогда не удовлетворенные.

17 [14]

Мы боимся враждебного настроения ближнего, поскольку знаем, что благодаря этому настроению он проникает в нашу подноготную и учится нас презирать, как мы презираем сами себя.

17 [15]

Как получается, что от презрения других мы страдаем больше, чем от своего собственного? Оно нам больше вредит.

17 [16]

Гениальное состояние человека то, когда он к одной и той же вещи одновременно испытывает любовь и насмешку.

17 [17]

Целью государства никогда не должно быть государство, но всегда отдельный человек.

17 [18]

Кто хочет приукрашивать вещи по своему разумению, должен это делать как поэт, который хочет украсить какую-то мысль: он укладывает ее в размер и набрасывает на нее сеть ритма: для этого ему приходится несколько *ухудшать* свою мысль, чтобы она подходила к стиху. *Ухудшение познания* ради того, чтобы вещи склонились перед искусством: секрет жизнелюба.

17 [19]

Самым тонким приемом христианства было заговорить о любви: как это было и у Платона. В этом есть нечто настолько многозначное, собирательное, напоминающее, что даже самый низкий интеллект еще воспринимает блеск этого слова; самая старая женщина и самый разумный мужчина благодарны любви за благороднейшие, бескорыстнейшие мгновения своей жизни.

17 [20]

То, что евреи худший народ на земле, хорошо согласуется с тем, что именно среди евреев возникло христианское учение о полной греховности и недостойности человека — а также, что это учение ими отвергается.

17 [21]

Путь к духовной свободе.

Ступени воспитания.

Родители. Родственники. Соседи. Друзья. Общественные школы. Учителя. История народов. Природа. Математика. География. Путешествия. Древность. Возрасты жизни, отношение к старикам. Служба государству. Служение людям. Выбор вероисповедания. Брак. Женщины.

Дети. Одинокие. Холостые. Наследство. Честь. Неимущие. Бесчестные. Пресса. Увековечение. Отношение к умершим. Благодеяние смерти, зрелость. Слишком раннее понимание бесцельности и бесполезности.

17 [22]

Несвоевременные размышления. Я связал и собрал то, что делает индивидов великими и самостоятельными, а также точки зрения, исходя из которых они могут объединяться. Я вижу, что мы на *подъеме*: скоро мы будем сокровищем всей культуры. Все другие движения враждебны культуре (социалистическое так же, как и великодержавное; власть денег так же, как и власть наук).

Я хочу вернуть людям покой, без которого никакая культура не может появиться и существовать. Так же, как и *простоту*.

17 [23]

Меня интересуют только человеческие *мотивы*: *объективное существование познания* для меня мерзость. Самое высокое познание обесценивается, если люди становятся хуже.

17 [24]

Я оглядываюсь на детские и юношеские годы с сожалением и день ото дня ощущаю себя все более свободным. Переход от скованности в непринужденность.

17 [25]

Напряжение восприятия при возникновении первого из «Несвоевременных размышлений». Страх перед гением и его трудом и при этом видимость штраусиной монументальности. *Подделка* всех духовных продуктов! *Бессилие* в познании! Мораль, колеблющаяся между правотой и несправедливостью, а в целом — развязное сладострастие. Изолгавшаяся разновидность счастья!

17 [26]

Спокойная простота и величие!

Также и в стиле отпечаток этого стремления как результат сконцентрированной силы моей натуры.

«*Путь к тебе самому*».

17 [27]

Как познание может воспламенить волю, так полупознание может ее замутить, сделать нездоровой: тогда она больше не испытывает настоящего голода и жажды и даже не может быть спасена. *Создать индивидуума*, чтобы тогда действительно знать, чего он требует!

17 [28]

Цель деторождения в том, чтобы населять мир людьми *более свободными*, чем мы. Ни одна мысль так не важна, как мысль о наследовании свойств.

17 [29]

Природа учит мужчину жениться многократно, раз за разом. Сперва девушка постарше. Позже ее переход в материнство.

«Алкестида хочет умереть за своего супруга», дарит ему свою материнскую любовь: она хочет допустить второе супружество. Она будет возвращена из Аида.

17 [30]

Меня удивляют люди, которые так вздыхают по своей юности, например, о своих студенческих годах: это знак, что они стали *несвободнее*, а тогда лучше ощущали себя. Я же чувствую как раз наоборот и не знаю ничего менее желанного, чем детство и юность: я чувствую себя сейчас моложе и свободнее, чем когда-либо.

17 [31]

Шагает странник по тропе
В ночной тиши,
И мир по капле льется вглубь
Его души:
И этот холм, и этот лог,
И поворот
С собой он в путь, еще неведомый, берет.

Вдруг слышит рядом птичье пенье:
«Ах, птичка, что за наважденье?

Зачем поешь ты сладко так,
Что сам собою медлит шаг
И в сердце больше нет покоя.
О чем же ты поешь с такою
Любовью и такой тоскою?»

Но птица говорит в ответ:
«Нет, странник, нет,
Не для тебя ни мой привет,
Ни эта песня.
Она о том, что ночь чудесна.
А твой удел — всегда идти
И быть в пути,
Но песнь мою
Тебе с собой не унести.
Едва вдали затихнет звук твоих шагов,
Как затяну я песню вновь
И буду петь до самой рани.
Прощай же, одинокий странник![1] —

17 [32]

Художник нуждается в неверности памяти, чтобы не списывать с природы, а преображать.

17 [33]

«*Над вещами*». — Кто хорошо понял предлог «над», тот понял весь объем человеческой гордыни и нищеты. Кто *над* вещами, тот не *внутри* вещей — итак, даже не *в* себе! Последнее может быть его гордыней.

17 [34]

Неуспех и неуважение — хорошие средства, чтобы сделаться свободным. Можно противопоставить тут свое неуважение, и ответить на это будет нечем! Вот я, такой как есть.

17 [35]

Становясь старше, человек делает себя *излишним.*

---

1 Пер. И. Эбаноидзе.

17 [36]

Я еще оставил себе в «Несвоевременных размышлениях» то тут, то там *запасные выходы.*

17 [37]

Целибат почти лишил католические страны потомства священников; мягкие, наполовину отрицающие себя люди.

17 [38]

Человек разбрасывается то в ту, то в другую сторону, очень мучительно.

17 [39]

Сияющий солнечный свет познания проникает сквозь поток вещей до самого дна.

17 [40]

В отдельных поколениях, так же как в отдельные периоды культуры, воля стремится стать бледной и доброй, чтобы отмереть.

17 [41]

Оценка *созерцательной* жизни понизилась. Поэтому мое размышление несвоевременно. Некогда священник и esprit были противоположностями, оба внутри созерцательной жизни.

17 [42]

Как относится свободный ум к активной жизни? Слегка привязан к ней, но не раб ее.

17 [43]

Активные люди лишь используют найденные созерцателями идеи и вспомогательные средства.

17 [44]

Свободный ум живет для будущего человечества тем, что изобретает новые возможности жизни и отметает старые.

17 [45]

Использовать канон Эпикура.

17 [46]

Восстановление покоя и тишины в царстве интеллекта, устранение современного шума.

Потребность в успокоении и углублении должна охватить людей как никогда прежде, если они наконец однажды устанут от современной гонки.

17 [47]

В свободные умы и иже с ними не годятся те ужасные люди, которые льстят друг другу и в каждом видят патрона или начальника или некий мост к каким-то преимуществам. Скорее, свободными умами становятся те, кто в каждом, даже в друзьях, благодетелях, учителях, видят нечто тираническое, кто решительно отклоняет великие благодеяния.

17 [48]

Честолюбивый тоже может стать свободным умом, ибо это для него средство в корне отличаться от других.

17 [49]

Что может быть целью любого *языкознания*, если не отыскание *универсального языка?* Тогда появился бы европейский универсальный человек. Зачем тогда было бы еще учить эти ужасные *языки*!

17 [50]

Кто хочет как свободный ум хорошо употребить свои деньги, должен основывать институты по подобию монастырей, чтобы сделать возможной устроенную в величайшей простоте совместную жизнь содружества людей, которые больше не хотят иметь ничего общего с этим миром.

17 [51]

Современная болезнь—переизбыток опыта. Посему каждый пусть вовремя идет к себе домой, чтобы не заблудиться в опытах.

17 [52]

Это дурной симптом, что о любви к отечеству и политике поднимают такой шум. Можно подумать, будто нет ничего более высокого, что следовало бы восхвалять.

17 [53]

Мобильность современности столь велика, что все великие достижения культуры при этом исчезают, постепенно утрачивается соответствующий им смысл. Так цивилизация впадает в новое варварство. Но человечеству не следует вливаться в один лишь этот поток «деятельных». Я надеюсь на противовес, на созерцательную стихию в русском крестьянине и в азиате. Это когда-нибудь в немалой степени исправит характер человечества.

17 [54]

Чем дальше на запад, тем больше безумие движения, так что уже американцам все европейцы кажутся умиротворенными и наслаждающимися.

Лишь там, где встречаются и сливаются оба потока, человечество приходит к своей цели: к наивысшему познанию ценности бытия (для одних это невозможно потому, что активность мысли слишком мала, для других это невозможно потому, что эта активность направлена в другом направлении).

17 [55]

Я воображаю себе будущих мыслителей, у которых европейско-американская неутомимость соединяется с воспринятой сотней всевозможных способов азиатской созерцательностью: подобная комбинация решает мировую загадку. До тех пор у свободных умов есть своя миссия: они уберут прочь все заслоны, поставленные на пути слияния человечества: религии, государства, монархические инстинкты, иллюзии богатства и бедности, предрассудки касательно здоровья и рас — и т. д.

17 [56]

Каждый, кто загадочно говорит о своих планах, представляется нам нелепым и важничающим. Едва ли за этим

скрыто что-то серьезное. Нежелание говорить о деле кажется нерасчетливой самонадеянностью и смахивает на педантизм.

17 [57]

Душевное беспокойство, которое я проклинаю, есть, возможно, именно то состояние, которое делает меня продуктивным. Благочестивые, мечтающие о полном умиротворении, выкорчевывают свои лучшие плоды.

17 [58]

Свободный ум «божественнозавистлив» к глупому довольству людей. *νεμεσσητικόν*[1] есть зависть богов.

17 [59]

Простой *облик истины.*

17 [60]

Препятствия необходимы, чтобы породить гения.

17 [61]

Найти *среднюю* линию между тремя дарованиями — моя проблема.

17 [62]

Всякую любительскую склонность сделать центральной и вплести в имеющиеся таланты.

17 [63]

Пороки многим дали повод для вольнодумства. Так же и страх перед вечными наказаниями: эти тягостные мысли стряхивали прочь, отделываясь таким образом от религии.

17 [64]

От религиозных мнений можно легко отвыкнуть, если только вовремя начать.

---

1 Отмщение (*греч.*).

17 [65]

Главная ошибка сегодняшнего преподавания в том, что занятия почасовые и все вперемешку.

17 [66]

Да здравствуют благородные предатели!

17 [67]

Действительно демократические государства должны любой ценой обеспечить *всем высшее* воспитание.

17 [68]

То, что искусство изображает *правду природы*, есть подпитывающая его иллюзия, а не философская действительность.

17 [69]

Святая немилость

17 [70]

Довести опрятность до чистоты: быть может, даже до понятия красоты у греков.

17 [71]

Общепринятые взгляды наследуют посредством привыкания, чтобы применить всю энергию своих личных преимуществ внутри заданного круга. Это защищает от растраты собственных сил.

17 [72]

Человеческое и слишком человеческое.
Пути к освобождению духа.
Облегчение жизни.
Женщина и дитя.
Государство и общество.

17 [73]

Пять малых действий свободы влияют сильнее, чем все вольнодумства.

17 [74]

Мы можем жить как легко живущие боги, если у нас будет живое восхищение истиной.

17 [75]

1. Ограниченные умы.
2. Способ более высокого развития, необходимость вольнодумства.
3. Возникновение вольнодумства—развитие, неприучение.
4. Частично свободные умы.

17 [76]

Государства, браки и т. д. покоятся на вере, не на знании (науке). Но это pudendum[1]: со стороны христианства было дерзостью прокламировать тайну и требовать веры и отвергать знание.

Религия всюду зиждется на вере.

Государство *присутствует*, и выходит, его принцип оправдан. Монархический принцип должен быть истинным, ибо монархия существует.

17 [77]

Что Христос якобы искупил этот мир, это дерзко.

17 [78]

Чистота подразумевает, чтобы по ходу жизни человек все меньше искал убежища в метафизическом.

17 [79]

Нечистое мышление и стиль.

17 [80]

Оценивать искусство по воздействиям и причинам —две эстетики!

17 [81]

Аскет плох<ой> и нерегулярный мозг.

---

1 Стыд (*лат.*).

Экстазис — похоть интеллекта.

17 [82]

Досуг и праздность покидают меня! снова оклеветан!

17 [83]

§ Как достигаются успехи: духовной свободой.
§ Досуг.

17 [84]

У всех перед глазами, что после последней войны немцев с французами почти каждый немец стал на одну ступень более нечестным, сладострастным, жадным, бездумным: всеобщее восхищение Штраусом было памятником уровню максимального обмеления немецкой культуры: некий свободомыслящий состарившийся теолог становится герольдом общественного самодовольства.

17 [85]

В заключение: вольнодумцы суть *легкоживущие* боги.

17 [86]

Религией портишь себе голову — *не* задумываться вовсе.

17 [87]

Вы должны воспитывать не до себя, а за пределы себя.

Ни один из великих не указывает на себя, но всегда выше себя.

17 [88]

Поскольку я еще не имею несчастья, бремени быть причисленным к знаменитостям — исходя из моей скромной неизвестности — — —

17 [89]

Люди придают причинам те же предикаты, что и воздействиям.

17 [90]

Бесхарактерность может быть признаком перевеса ума.

17 [91]

Если все станут вольнодумцами, ослабнет фундамент: такая культура в конце концов рухнет или улетучится, как роса и туман.

17 [92]

То, что мы в начале всех пороков все еще находимся очень близко от добродетели.

17 [93]

Свободный ум действует редко: отсюда неуверенность перед лицом твердого характера.

Он расплывается и в мысли: легкий скепсис.

17 [94]

Народ, который начинает заниматься политикой, должен быть весьма богат, чтобы не погибнуть от этого.

17 [95]

Старокатолическая Франция и греко-католическая Россия никогда не пойдут в одной упряжке – поэтому немецкий государственный деятель поддерживал немецкое движение.

17 [96]

Теми же средствами, которыми разрушали малое государство, можно разрушить и великое.

17 [97]

Свободные торговцы суть преступники государственные деятели и т. д.

17 [98]

Связное мышление затребовано как моральность. Убить кошку у египтян – преступление. Наказывают дей-

ствие, не образ мыслей: не затем, чтобы запугать, но чтобы искупить *всеобщую порчу* от имени Бога.

17 [99]

Ложная аналогия со швейцарским движением. Они хотят себе малого государства—но кантоны не были малыми государствами.

17 [100]

На чистом познании вещей невозможно построить никакой *этики*: тут надо быть подобно природе, ни злым, ни добрым.

17 [101]

Мне хотелось бы определение *негодяя*. Разбойник, убийца, вор таковым не являются.

17 [102]

В католической церкви создано ухо (благодаря исповеди), в которое можно выговорить, без последствий, свою тайну. Какое облегчение! Хороша и мысль исправлять несправедливость посредством *доброго деяния* (пусть даже оказанного другим). Это настоящее «наказание».

17 [103]

Если некто удовлетворил свои потребности, его охватывает скука; как он может ее превозмочь? Только обретя новую страсть, чтобы затем и ее удовлетворить. Потребность вызывают, создав себе нужду, которая благодаря привычке постепенно теряет свой мучительный характер и становится удовольствием. Достаточно подумать о табакокурении.

17 [104]

Свободные и связанные умы.
Женщина и дитя.
Сословия и занятия.
Облегчение жизни.
Человеческое и слишком человеческое.

17 [105]

Лемех

Руководство по духовному освобождению

Первая главная часть:	Свободные и связанные умы.
Вторая	Облегчение жизни
Третья	Сословия и занятия
Четвертая	Женщина и дитя
Пятая	Общество
Шестая	Человек наедине с собой
Седьмая	Школа воспитателей

18. Сентябрь 1876

Лемех

18 [1]

«Если хочешь следовать за мной, то паши при помощи плуга! тогда ты возрадуешь многих, ты возрадуешь непременно бедных и богатых, ты возрадуешь волка и орла и все другие твари».

Майер Хельмбрехт.

Пути к духовной свободе.

18 [2]

1.2. Все публичные школы рассчитаны на посредственные натуры, т. е. на тех, чьи плоды, когда они созреют, не слишком принимают во внимание. В жертву им принесены высокие умы и души, ради зрелости и плодоношения которых, собственно, все и затевается. И в этом мы тоже проявляем себя заложниками времени, культура которого гибнет от средств культуры. Конечно, одаренная натура умеет помочь себе: ее находчивость проявляется именно в том, как она, несмотря на плохую почву, в которую ее посадили, несмотря на плохое окружение, которому ее хотят уподобить, несмотря на плохую пищу, которой ее вскармливают, умеет найти в себе силы сохраниться. Однако в этом нет никакого оправдания той глупости, которая поставила ее в подобное положение.

18 [3]

3. Вызволить себя из непонимающего окружения.— Чувствуешь себя глубоко уязвленным и обиженным, когда люди, с которыми долгое время сохраняешь доверительные отношения и делишься лучшим, чем обладаешь, дают временами понять, что они нас недооценивают. Кто обходится с людьми бережно и не обижает их, дабы самому не быть обиженным, тот обычно к собственному ужасу узна-

ет, что люди этой его бережности вовсе не замечают или же замечают, но не показывают виду, дабы иметь возможность позабавиться.

18 [4]

4. Способ удалять от себя людей. — Нельзя никого разозлить и настроить против себя сильнее, нежели заставив его думать о вещах, которые он всеми силами старается выбросить из головы, например, теологов — о честности исповедания, филологов — о воспитательной ценности древности, государственных мужей — о цели государства, купцов — о смысле всякого накопительства, женщин — о случайности и мимолетности их склонностей и союзов.

18 [5]

8. Полезно требовать большего. — Кто хочет чего-то достичь, должен очень настойчиво требовать еще большего; тогда ему удовлетворяют меньшую меру его требований и остаются довольными тем, что он выказывает свое удовлетворение.

18 [6]

12. Ценность подавленного настроения: — Люди, живущие под внутренним давлением, склонны к преувеличениям — в том числе в мышлении. Жестокость есть зачастую знак внутреннего мятежного настроения, требующего оглушения; в том числе и определенной жестокой безоглядности мысли.

18 [7]

24. Путешествуя с места на место и всюду спрашивая, какие умы в этой местности наиболее уважаемы, убеждаешься, как редки выдающиеся интеллекты. Но именно с уважаемыми и влиятельными интеллектами хотелось бы как можно меньше иметь дела на длительный срок, ибо по ним замечаешь, что они считаются таковыми лишь как проводники выгодных воззрений, что лишь польза многих дает им эту репутацию. Страна из многих миллионов голов съеживается при таком взгляде, и Все, что имеет значение, становится сомнительным Одному.

У таможенников и свободных торговцев речь идет лишь о заслугах тех частных лиц, которые напустили вокруг себя тумана из науки и любви к отечеству.

18 [8]

27. Без продуктивности жизнь становится недостойной и невыносимой: но если так случилось, что у вас нет никакой продуктивности или только слабая, тогда приходят мысли об освобождении от жизни, под чем я понимаю не столько самоубийство, сколько все более полное освобождение от жизненных иллюзий — когда вы наконец словно перезрелое яблоко падаете с дерева. Как только свободный ум достигает вершины, в нем перестают действовать все мотивы воли; даже если бы его воля еще хотела кусаться, она этого больше не может: у нее выпали все зубы.

18 [9]

31. С верой в Бога, свободу и бессмертие следует расстаться, как с молочными зубами, тогда только начнут расти настоящие зубы.

18 [10]

32. Избавиться от страха смерти, вот, пожалуй, одно из средств: познания вечной жизни; другое, во всяком случае более надежное средство, это отдаться влечению к смерти.

18 [11]

33. К религиозным мнениям нас приучают в первые пятнадцать лет нашей жизни, а в последующие пятнадцать от них опять отвыкают; сейчас человек обычно наиболее религиозен на десятом году жизни. — Если это может идти ему на пользу, надо бы сначала давать человеку грудь кормилицы религии, и пусть он пьет себе молоко веры, прежде чем позже и постепенно начнет привыкать к мясу и хлебу познания: но мне это время кажется слишком долгим, учитывая краткость человеческой жизни. Эта нынешняя экономика была бы, возможно, оправдана, если бы человек только на шестом десятке вступал в пору в

расцвета своих сил и умственных способностей. Но в действительности он становится сейчас в одно и то же время и мудрым, и беспомощным.

18 [12]
38. Это признак или очень боязливого, или очень гордого умонастроения, видеть в каждом — и в друзьях, и в благодетелях, и в учителях — опасность тиранического превосходства и остерегаться принимать большие благодеяния. Но нет такого свободного ума, который был бы настроен иначе.

Человеческое и слишком человеческое.

18 [13]
51. Люди, общение с которыми нам неприятно, делают нам одолжение, давая повод расстаться с ними. После этого мы гораздо больше готовы издалека делать им добро или поддерживать их.

18 [14]
52. Можно подумать, будто моральное различие между честным человеком и мошенником слишком велико; напротив, велико обычно интеллектуальное различие. Законы против воров и убийц созданы на пользу образованным и богатым.

18 [15]
55. В мире гораздо больше довольства, нежели недовольства. Практически царит *оптимизм*; теоретический пессимизм возникает из рассмотрения, насколько дурна и абсурдна почва для нашего довольства; он изумляется, сколь мало разума и осмотрительности в этом довольстве; он нашел бы понятным беспрерывное недовольство.

18 [16]
57. Душевное беспокойство, которое проклинают в себе философствующие люди, и есть, возможно, именно то состояние, из которого проистекает их более высокая продуктивность. Если бы они достигли того полного мира, то были бы, вероятно, оторваны с корнем от своей

лучшей деятельности и стали бы в результате бесполезными и ненужными.

18 [17]
58. Каждый, кто загадочно говорит о своих намерениях или дает понять, что он вообще не желает о них говорить, настраивает своих собеседников иронически.

18 [18]
60. Часто в пороках и злых настроениях хорошая склонность собирает в нас свою ключевую воду, чтобы затем сильнее вырваться наружу. Когда добродетель выспалась, она встает посвежевшей.

18 [19]
62. Что может быть мотивом для востребованного ныне отделения наций друг от друга, в то время как все остальное указывает на их слияние? Я думаю, что династические интересы и интересы торговцев идут здесь рука об руку. Кроме того, все либеральные партии используют национальное разъединение как маневр, чтобы сделать социальную жизнь более свободной. При создании больших национальных государств будут избавляться от многих мелких властителей и от влияния отдельных каст угнетателей; при этом, само собой разумеется, та же самая сила, которая теперь должна разрушить мелкое государство, разрушит в свое время и большое. И наоборот, это слепой предрассудок, будто расы и различие в происхождении являются тем, что преобразует сейчас нации в большие государства.

18 [20]
64. О прилежании ученые говорят много красивых слов; все дело в том, что они без своего прилежания умерли бы от скуки.

18 [21]
65. Христианство и Ларошфуко полезны, когда они разоблачают мотивы человеческих поступков. Ибо допущение глубокой несправедливости каждого поступка, каж-

дого суждения оказывает большое влияние на то, чтобы человек освобождался от слишком сильных желаний.

18 [22]
66. Молодые люди часто жалуются на недостаток опыта, в то время как на самом деле они страдают от его избытка: это вершина современной бездумности.

18 [23]
67. Философы второго ранга распадаются на *околоумов* и *противоумов*, т. е. на тех, кто в соответствии с генеральным планом пристраивает к существующему зданию флигель (для чего хватает и добродетели прилежного строителя) и на тех, кто в растущем противодействии и противоречии заходит столь далеко, что в конечном счете противопоставляет существующей системе иную. Все прочие философы являются *пере*умами, историками продуманного и тех, кто это продумал: сюда не входят те немногие, которые стоят сами за себя, растут сами из себя и единственные заслуживают того, чтобы их называли «умами». Последние думают день и ночь, и более совсем этого не замечают, как живущие в кузнице перестают замечать грохот наковальни: с ними происходит то же, что и с Ньютоном (его однажды спросили, как он пришел к своим открытиям, и он просто ответил: «Благодаря тому, что я все время думал об этом»).

18 [24]
68. Публика вдвойне невежлива по отношению к писателям: она хвалит какое-то произведение автора за счет другого его произведения, и затем, если автор однажды написал нечто, она требует от него все новых сочинений — как будто благодаря тому, что была одарена, она обрела превосходство над дарителем.

18 [25]
71. Знаки бесцеремонного превосходства со стороны дружественных или обязанных нам благодарностью лиц очень болезненны и ранят до глубины души.

18 [26]
77. Жалуются на распущенность массы; но если это подтверждается, можно с лихвой вернуть упрек образованным; масса как раз настолько же плоха или хороша, каковы образованные. Она проявляет себя дурной и распущенной, когда образованные проявляют свою распущенность; они идут, как вожди, впереди, они желают жить так, как хочется; они возвышают или развращают ее, в зависимости от собственного стремления к благородству или разврату.

18 [27]
90. Почти каждый хороший писатель пишет только Одну книгу. Все прочее это только предисловия, попытки, разъяснения, дополнения к ней; однако некоторые хорошие писатели так и не написали *своей* книги, например Лессинг, чья интеллектуальная значительность много выше любого из его сочинений, любого из его поэтических опытов.

18 [28]
91. Я различаю *великих* писателей, а именно – формирующих язык, таких, благодаря чьим усилиям язык еще живет или снова оживает, – и *классических* писателей. Последних называют классическими в смысле их подражаемости и образцовости, в то время как великим писателям невозможно подражать. У классических писателей язык и слово мертвы; в раковине уже нет живой плоти, и они нанизывают раковину на раковину. Но у Гёте эта плоть еще жива.

18 [29]
92. Как это получается, что влюбленный сильнее ощущает воздействие трагедии и любого искусства, тогда как подлинно созерцательным состоянием считают лишь полное молчание воли? Скорее кажется, что волю сперва надо как бы вспахать, чтобы она приняла в себя семена искусства.

Легкая жизнь.

18 [30]
101. У каждого человека есть свой собственный рецепт, как надо переносить жизнь, а именно, как сохранять ее легкой или делать легкой после того, как она однажды показала себя тяжелой.

18 [31]
104. Если жизнь на протяжении истории должна восприниматься как все более тяжелая, то следует спросить, хватит ли в конце концов изобретательности людей, чтобы вынести наивысшую степень этой тяжести.

18 [32]
112. Человеку, который не имеет соответствующего христианского утешения и которого, с другой стороны, философия не одаривает взамен полной безответственностью, скверно: он знает самого себя слишком хорошо и презирает себя, поскольку ошибочно вменяет себе в вину эту свою сущность; поэтому он смотрит на ближнего своего со страхом, ибо не может понять его сокрытости. Он считает ближнего своего или действительно лучше себя самого, потому что знает его меньше, или старается считать его лучше себя, чтобы добиться его расположения и вызвать в нем к себе такие же чувства. Тщеславие и честолюбие человека зиждутся чаще всего на чувстве презрения к самому себе: люди хотят, чтобы другие заблуждались относительно них; они радуются каждому суждению со стороны своих ближних, если оно для них благосклонно, даже тогда, когда знают, что оно ошибочно; их стремление состоит в том, чтобы не допустить появления на свет всей правды о них.

18 [33]
113. Средства против боли, применяемые людьми, часто сводятся лишь к оглушению. Но все эти средства относятся к низшей ступени врачебного искусства. Оглушение посредством представлений находим в религиях и искусствах, которые таким образом принадлежат к истории врачевания. Особое умение религий в том, чтобы посред-

ством допущений устранить с глаз долой причину страдания, например, когда родителям, чей ребенок умер, говорят, будто он вовсе не умер, и при взгляде на труп добавляют, будто их ребенок продолжает жить даже еще более прекрасным.

18 [34]

115. Известно, что испытывать любовь и одновременно почтение к одному и тому же лицу – дело нелегкое. Но самым редким и трудным было бы сочетание высочайшей любви и самой низкой степени уважения; т. е. презрение как приговор ума и любовь как влечение сердца. И тем не менее подобное состояние возможно, и оно доказано историей. Тот, кто был бы способен любить самого себя самой чистой любовью, был бы тем, кто в то же время сам себя презирает и кто сам бы себе говорил: не презирай никого, кроме самого себя, ибо ты можешь знать только себя самого. Это и есть, возможно, отношение к миру основателя христианской религии. Любовь к себе из сострадания к себе и из полного к себе презрения есть зерно христианства без всякой шелухи и мифологии. Это чувство презренности проистекает из самопознания, а последнее – из жажды мести. Если некто достаточно настрадался от себя самого, достаточно навредил себе грехами всякого рода, он начинает испытывать к себе чувство мести. Естественные следствия – пристальное самонаблюдение и, наконец, самоуничижение, у некоторых людей это даже аскеза, т. е. месть себе путем грубого наказания отвращением и ненавистью. Даже в том, как человек прилагает все больше стараний, все больше спешит, проявляется все та же склонность мстить самому себе. То, что человек при этом все еще любит себя, кажется чудом, и обычно подобную просветленную непостижимую любовь приписывают Богу, но человек сам способен на такую любовь как на некое самопомилование, ибо он не может перестать любить себя, поскольку его любовь никогда не может быть выдуманной из головы. В этом состоянии любовь становится господином над чувством мести, человек может снова действовать и жить дальше; он, правда, не особенно высоко ценит все эти действия и все земные устремления,

это все почти не имеет цели, но он не может иначе, он может только действовать; и как первые христиане утешали себя близостью конца света и потому надеялись наконец утратить свою презренную, понуждающую к действию природу, так теперь каждый человек может знать, что с человечеством рано или поздно все равно будет покончено, в связи с чем отпечаток бессмысленности накладывается на все человеческие устремления; к тому же он будет находить все больше коренных заблуждений во всех устремлениях и выносить их на свет; в основе их всех лежит нечистое мышление. Он начнет, например, понимать, что все родители безответственно производят на свет своих детей и воспитывают их, не зная того, что следует воспитывать, тем самым неизбежно творя неправое дело и вторгаясь в чужую сферу. Это составляет злосчастность бытия, и в результате от всего, что бы человек ни делал, он будет испытывать недовольство собой, и самое большее, чего он может достичь—это сострадание к самому себе. Любовь и сострадание к себе самому сохраняются впрок для высших ступеней осложнения жизни как сильнейшие средства ее облегчения.

Мать и дитя.

18 [35]
116. На каверзный вопрос, откуда ты, человек? я отвечаю: от отца и матери, на этом хотелось бы и остановиться.

18 [36]
118. Когда я повсюду замечаю упадок немцев, то причину этого вижу в том, что уже четыре столетия при заключении браков всем заправляет пошлость, например, для среднего класса это чистое сводничество ради денег и чинов; дочери должны быть отданы в надежные руки, а мужчины женятся на состоянии или покровительстве; вдобавок смотрят и на детей как на низменную причину браков.

18 [37]
119. Самое лучшее в браке—это дружба. Если она достаточно крепка, то она способна даже мягко откладывать в сто-

рону афродизийское и смотреть поверх него. Без дружбы брак делает обе половины пошлыми и презрительными.

18 [38]
123. Совместная жизнь супругов—лучшее средство, чтобы сделать хорошие браки редкостью, ибо даже лучшие дружеские отношения редко выдерживают это.

18 [39]
124. К самому трогательному в хорошем браке относится взаимное сознание той неприятной тайны, из которой зачинается и рождается новый ребенок. Прежде всего, зачатие воспринимается как унижение любимого из любви.

18 [40]
125. Сыну не нужно быть благодарным своему отцу за свое существование, он скорее мог бы даже укорять его из-за определенных унаследованных свойств (склонность к вспышкам гнева, сладострастие). Отцам надо многое сделать, чтобы исправить то, что у них есть сыновья.

18 [41]
126. Отцы, которые принимают близко к сердцу свою собственную неудовлетворенность и непрестанно стремятся к высоте интеллекта и души, имеют право производить на свет детей. Однажды они поделятся этой склонностью, этим стремлением, тем самым дав ребенку некий великий намек на единственно достойное устремление, и за эти намеки ребенок, повзрослев, будет действительно благодарен своим родителям.

18 [42]
130. Человек предназначен к тому, чтобы стать отцом или матерью, в том или ином смысле. Без продуктивности жизнь ужасна, поэтому я ни в грош не ставлю юность, ибо в юности невозможно или неразумно быть продуктивным.

18 [43]
131. Если бы женщины были так озабочены красотой мужчин, то большинство мужчин стали бы в конце кон-

цов красивы и тщеславны — каково сейчас большинство женщин. То, что мужчина желает красивую женщину, свидетельствует о мечтательности и, пожалуй, о более высоком умонастроении. То, что женщины приемлют и некрасивых мужчин, свидетельствует о их большей рассудочности и трезвости (возможно, и о нехватке у них эстетического чувства). Они больше обращают внимание на дело, т. е. в данном случае на защищенность, обеспеченность существования; мужчины же — на красивую внешность, на просветленность экзистенции, пусть даже это прибавляет ему хлопот.

18 [44]
135. Любовь гораздо ниже дружбы, поскольку она требует исключительного обладания, тогда как хороших друзей можно иметь много и каждый из них может стать другом остальным.

18 [45]
140. Женщины, которые очень любят своих сыновей, по большей части тщеславны и заносчивы. Женщины, которые не видят ничего особенного в своих сыновьях, часто правы в этом, но они дают понять, что от таких отцов нечего ожидать лучших детей, и в этом проявляется их тщеславие.

О греках.

18 [46]
143. Если вспомнить, что греки — это немногочисленные племена на плотно населенной другими народами территории, нашедшие себе место среди племен монгольского происхождения, семитов на побережье и фракийцев, то становится понятно, почему они должны были постоянно поддерживать и усиливать прежде всего свое качественное превосходство; тем самым они очаровывали массу. Чувство, что они держатся одни как более высокое существо среди враждебного, численно превосходящего окружения, все время принуждало их к высочайшему духовному напряжению.

18 [47]
146. Сократ у Платона—в подлинном смысле карикатура; он перегружен свойствами, которые никогда не могут ужиться в Одном Лице. Платон не является в достаточной мере драматургом, чтобы выдержать образ Сократа хотя бы в одном диалоге. Так что это даже зыбкая карикатура. Напротив, «Воспоминания» Ксенофонта дают действительно верный образ, который одухотворен как раз настолько, насколько был одухотворен предмет изображения; надо только уметь читать эту книгу. Филологи в общем считают, что Сократу нечего им сказать, и потому скучают при чтении. Другие люди чувствуют, что эта книга одновременно жалит и осчастливливает.

18 [48]
153. Боги делают человека еще хуже, когда они не желают ему добра; это не только греческая, это человеческая натура. Кого не желают любить, тому втайне желают, чтобы он сделался хуже и тем самым как бы оправдал эту антипатию. В этом заключается мрачная философия ненависти, которая еще не написана.

Продолжение
«Человеческого и слишком человеческого».

18 [49]
154. Глупый князь, которому везет, является, пожалуй, самым счастливым существом под солнцем, так как принадлежность ко двору позволяет ему считать себя мудрым ровно настолько, сколько ему нужно для счастья. Глупый князь, которому не везет, живет все еще сносно, так как он может вымещать свое раздражение и свои неудачи на других. Умный князь, которому везет, обычно представляет собой сиятельного хищника; умный князь, которому не везет, напротив, является весьма разъяренным хищником, которого следует запереть в клетку; он не заблуждается относительно своих промахов, и это делает его таким злым. Умный князь, который при этом еще и добр, обычно очень несчастен, ибо ему приходится делать многое, для чего он или слишком добр, или слишком умен.

18 [50]
155. В принципе, стремления и намерения человека, пусть они даже весьма опасны и странны, считаются простительными или хотя бы извинительными, если он ставит на это свою жизнь. Возможно, люди ничем иным не могут так отчетливо выразить, насколько высоко они ценят жизнь.

18 [51]
156. Наше преступление по отношению к преступникам состоит в том, что мы обращаемся с ними, как с негодяями. Я бы хотел однажды услышать определение негодяя. Собственно негодяйство, по-видимому, нераспознаваемо для ока юстиции, поэтому его не достигает и ее рука.

18 [52]
157. Смысл древнейшего наказания не в том, чтобы отвратить от преступления, но, *во-первых*, в попытке устранить ущерб, например посредством выплаты денежной компенсации родственникам убитого; *во-вторых*, сюда относятся меры, касающиеся всего сообщества, чтобы обезопасить себя как *целое* от гнева обиженного божества, поэтому у Гомера убийца должен быть изгнан со своей родины; на нем лежит не нравственное, а религиозное позорное пятно: он вредит сообществу, к которому принадлежит. Такого рода меры у нас излишни.

18 [53]
158. Основная идея нового, более человечного уголовного права должна состоять в том, чтобы устранять преступление путем возмещения ущерба, компенсации злодеяния добрым делом. Это доброе дело должно быть совершено не в отношении пострадавшего и обиженного, а кого-то другого; ведь обычно злодеяние совершается не против отдельного индивидуума, а против члена человеческого общества — таким образом, преступивший обязан совершить благодеяние обществу. Это не надо понимать упрощенно, как если бы за воровство следовало бы расплатиться подарком; скорее, тот кто проявил свою злую волю, должен однажды проявить и свою добрую волю.

18 [54]
162. Сомнительно, что доброму человеку, который жаждет познания, последнее настолько пойдет на пользу, что он сделается лучше. Некоторая добавка греха могла бы его сделать, пожалуй, мудрее. Каждый по собственному опыту может узнать, в каком состоянии он с наибольшей глубиной и сочувственным пониманием ощущал ненадежность общества и брака.

18 [55]
163. Собственно, однажды наказанный вор имеет право на возмещение, поскольку из-за правосудия его репутации был нанесен урон. Страдание оттого, что он отныне считается вором, далеко превосходит искупление единичной вины.

18 [56]
164. Католическая церковь посредством института исповеди создала ухо, в которое можно выболтать свою тайну без опасных последствий. Это значительно облегчило жизнь, ибо вина забывается с того момента, как о ней рассказали, хотя обычно другие про нее не забывают.

18 [57]
165. Тот, кто действительно ставит небытие выше бытия, должен в отношении ближнего скорее содействовать его небытию, чем его бытию. Поскольку моралисты хотят избежать такого требования, они изобретают такие положения, согласно которым каждый может освободить в небытие только самого себя.

18 [58]
167. На чистом познании вещей не могла бы основываться ни одна из существовавших до сих пор этик—ведь из него следует лишь то, что надо быть таким, как природа, ни злым, ни добрым. Требование быть добрым вытекает из нечистого познания.

18 [59]
168. Несправедливость порой оставляет рану в том, кто ее совершил, однако не часто. Угрызения совести состав-

ляют скорее исключение, чем правило. Так обидев кого-то, кто нам неприятен, что отношения с ним оказываются прерваны, мы даже вздохнем с облегчением, радуясь обретенной свободе. Может быть, несправедливость здесь является необходимой защитой.

18 [60]
169. Государственный муж должен уметь придавать своим мероприятиям видимость добросовестности, он нуждается для этого в восторженных наивных людях, а еще более в тех, кто умеют таковыми казаться.

18 [61]
173. Кто стремится к чистоте также и в духовной сфере, тот выдержит внутри религий только какое-то время и сбежит потом в метафизику; позже он будет ступень за ступенью освобождаться и от метафизики. Возможно, что стремление к чистоте в моральной сфере проложит себе скорее противоположный путь; причем это стремление всегда связано с нечистотой мышления и делает последнее все более нечистым.

18 [62]
176. Лемех плуга врезается и в твердую, и в мягкую почву, он проходит через высоты и глубины и сближает их. Эта книга для добрых и злых, для ничтожных и для могущественных. Злой, читая ее, будет становиться лучше, добрый – хуже, ничтожный – могущественнее, могущественный – посредственнее.

19. Октябрь–декабрь 1876

Бекс начиная с 3 октября

19 [1]

1. Филология — это искусство учиться и учить читать в эпоху, когда слишком много читают. Один только филолог читает медленно и размышляет над шестью строчками целых полчаса. Не полученный результат, а эта привычка и есть вся его заслуга.

19 [2]

2. История филологии — это история породы прилежных, но неодаренных людей. Отсюда бессмысленное подавление и позднейшее возвеличивание некоторых более остроумных и богатых натур, которые *оказались среди филологов.*

19 [3]

3. То, что филологи способны (более, чем, например, медики) к воспитанию юношества, это предрассудок, который вдобавок наказывается их опытом ежедневного вранья. Все происходит так, как с дворниками, которых тоже никому в голову не придет проверить, умеют ли они лучше других подметать улицу; достаточно и того, что они проявляют волю к этому нечистому ремеслу. Точно так же каждое сословие открещивается от ремесла воспитания юношества и довольно тем, что филологи не делают этого.

19 [4]

4. Античность во всех своих главных чертах была открыта художниками, государственными мужами и философами, но не филологами: так обстоит до сегодняшнего дня.

19 [5]

5. Филологи не могут поверить в то, что трагедию Софокла можно в ста местах понять неправильно и мно-

гие непонятные места просто пропустить, но тем не менее понимать и объяснять трагедию лучше, чем это делает основательнейший филолог.

Кто читает умного автора и к концу верит, что он все понял, exc. — тот счастливчик.

19 [6]
6. Я думаю, что понимаю Шекспира лучше, чем учитель новоанглийского языка, хотя я делаю много ошибок. В общем и целом каждый лучше поймет старого автора, чем филолог-учитель языка: почему это происходит? — Потому, что филологи суть не что иное, как состарившиеся гимназисты.

19 [7]
8. Более тонким умам приходится страдать от тех, кто вечно рассказывает истории, над которыми следует *смеяться*, хотя там и усмехнуться нечему.

19 [8]
12. Мастер выберет общение в кругу мастеров других искусств и будет среди **своих** учеников, а не среди товарищей по цеху и вообще тех, кто лишь специалист, а не мастер.

19 [9]
14. Тот, кто способен разделить с нами радость, стоит выше и ближе к нам, чем тот, кто с нами страдает. Сорадование создает «друга» (сорадующегося), сострадание — товарища по несчастью. Этика сострадания должна быть дополнена еще более высокой этикой дружбы.

19 [10]
15. В зависимости от места рождения люди становятся протестантами, католиками, турками так же, как тот, кто родился в стране виноделия, приобщается к вину.

19 [11]
17. Кто в целом много себе отказывает, в малом будет легко давать себе индульгенцию. Какое еще сословие видит в эротике сплошное извращение, кроме католических

священников, которые отрекаются от *любви*. Зато при случае они позволяют себе *похоть*.

19 [12]

18. Можно *говорить в высшей степени уместно* и все же так, что весь мир кричит об обратном. Так Сократ говорил весьма уместно, но — перед форумом всемирной истории; его судьи же решили иначе.

Мастера снисходят в речах до своих слушателей.

19 [13]

19. У кого не было хорошего отца, тому следует им обзавестись. То, что сын берет себе приемного отца, разумнее, чем наоборот: ведь он гораздо точнее знает, что ему нужно.

19 [14]

20. Авторитет врачей держится на неведении здоровых и больных. А это неведение в свою очередь покоится на авторитете врачей.

19 [15]

21. Лучший врач может иметь только одного пациента; каждый человек — это история болезни.

19 [16]

23. Угадать и выдать автора, который себя не называет, значит поступить с ним, как с неким переодетым преступником или с проказливой красоткой, что довольно часто может быть позволительно. Но бывают случаи, когда его скрытность надо уважать по меньшей мере так же, как инкогнито путешествующего князя.

19 [17]

Оценка качеств может быть только сравнительной. Собственный интерес хочет *высшей* оценки.

Соперничество или уничтожение.

19 [18]

24. Иллюзия полового влечения — это сеть, которая, если ее порвать, всегда сплетет себя снова сама.

19 [19]
27. Чтобы извлечь выгоду из опасной денежной спекуляции, надо делать, как принимая холодную ванну — быстро туда, быстро оттуда.

19 [20]
28. Драматический музыкант должен иметь не только уши, но и глаза в ушах.

19 [21]
32. Рабочие жалуются, что они работают сверх нормы. Но та же самая переработка обнаруживается повсюду — у торговцев, ученых, чиновников, военных. У богатых классов сверхурочная работа проявляется как внутренняя потребность в чрезмерно большой деятельности, рабочие вынуждены к ней извне, в этом различие. Снижение этой потребности косвенно пошло бы на пользу и рабочему. Ему бы не хотелось верить, будто нынешний банкир живет с большим наслаждением или более достойно, чем он.

19 [22]
35. Большинство писателей пишут плохо, потому что сообщают нам не свои мысли, а обдумывание мыслей. Часто именно тщеславие делает периоды такими пространными, напоминающими кудахтанье наседки, которая хочет обратить наше внимание на яйцо, т. е. на какую-нибудь маленькую мысль, спрятанную где-то внутри пространного периода.

19 [23]
36. Будучи ребенком, человек наиболее удален от животного, его интеллект наиболее человеческий. В пятнадцать лет, с половым созреванием, он становится на шаг ближе к животному, с достижением тридцати лет (средней линии между леностью и похотливостью) — еще на один шаг. К шестидесяти годам он обычно теряет еще и стыд; и вот семидесятилетний старик предстает перед нами уже как откровенная бестия: стоит только посмотреть в его глаза и на его челюсть.

19 [24]
28. Непослушание и независимость, особенно внутренняя, сыновей по отношению к отцам обычно заходят настолько далеко, насколько возможно, т. е. пока отец еще как-то это терпит; из чего следует, что гораздо неприятнее быть отцом, нежели сыном.

19 [25]
Ирония неблагородна.

19 [26]
41. Как только становится понятно, что некий князь сбрасывается со счетов при политических переменах в своей стране и остается интересным разве что для придворных и сельского населения, надо избегать встречи с ним, поскольку с ним нельзя обходиться как с частным лицом.

19 [27]
42. Трудящийся хочет при помощи искусства развеяться, художник же требует самой высокой собранности. Следовательно, они должны быть недовольными друг другом и готовыми сцепиться. Искусство же существует вовсе не для этих трудящихся, но для тех, у кого есть избыток досуга, и они могут, в порядке исключения, подарить художнику свою высочайшую серьезность: ради существования этого класса досужих олимпийцев трудящимся (будь то рабочие или банкиры или чиновники) приходится расплачиваться своим дополнительным трудом. Если существование этого класса есть зло, то и искусство является злом.

Искусство есть занятие праздных.

Развлечения составляют досуг занятых.

19 [28]
43. К 50 годам каждый здоровый мужчина в Европе разбирается в оружии и военных маневрах, а более способный — даже в тактике. Отныне каждый, кто приведет свое мнение к победе, должен знать, что за его мнением стоит опытное войско. Это и будет определять историю мнений.

19 [29]
45. Три четверти всего вранья пришли в мир благодаря антитезе.

19 [30]
Юность звучит слишком громко.

19 [31]
Тщеславный и влюбленный ошибочно полагают, будто они тщеславны или влюблены из-за кого-то другого.

19 [32]
50. Лучший из авторов стыдится быть писателем, он слишком богат мыслями и слишком благороден, поэтому ему было бы стыдно показывать свое богатство иначе, как по случаю.

19 [33]
51. Чтобы дать созреть виноградной лозе и таланту, одинаково нужны как дождливые, так и солнечные дни.

19 [34]
52. Значение злодеяния недооценивается, если не принимается во внимание, как много языков оно приводит в движение, как много энергии высвобождает и сколь многих людей побуждает к раздумью или к подъему.

19 [35]
53. Погружение Европы во мрак может зависеть от того, останутся ли верными себе пять или шесть свободных умов или нет.

19 [36]
54. Никто не ответственен ни за свои поступки, ни за свою сущность: судить — то же самое, что быть несправедливым. Это касается и тех случаев, когда индивидуум судит о себе.

Положение ясное, как солнечный свет, и все же каждый охотнее идет в тень и к неправде: из страха полностью потерять силу зрения, т. е. из-за мнимых последствий.

19 [37]

35. Моральность распространяется лишь посредством того, что интеллект открывает все больше новых и более высоких возможностей действия и предлагает на выбор множество новых мотивов действия. Человек очень часто захвачен низменным мотивом только потому, что не знает мотива более высокого и остается в своих действиях посредственным и низменным, так как ему не предоставили возможности проявить свои более высокие и чистые инстинкты.

Многие люди всю жизнь дожидаются, когда им представится случай быть хорошими на *свой* лад.

19 [38]

56. При выборе между телесным и духовным потомством стоит сделать выбор в пользу последнего, ибо здесь отец и мать сливаются в одно лицо, и ребенок, если он родился, больше не нуждается ни в каком воспитании; его нужно только ввести в свет.

19 [39]

59. От двух дурных чувств может постепенно избавлять философия: во-первых, от страха на смертном одре, ибо там нечего бояться, во-вторых, от раскаяния и мук совести после совершения поступка, ибо каждый поступок был неизбежен. В отношении всего происшедшего холодный фатализм и есть философский образ мыслей.

Сожаление о поступке не становится, вероятно, меньше оттого, что я признаю, что он был необходимостью: это та боль, которую не облегчить при помощи упрека, мести и т. д. Ведь стремление осудить всю его природу, его esse деяния есть только новая ступень той же самой неразумности, которая хочет сделать нас ответственными за каждое отдельное деяние. Ибо если есть сожаление, то должна быть и ответственность, т. е. где-то должна быть свобода: так Шопенгауэр пришел к понятию интеллигибельной свободы. Но факт сожаления не доказывает рациональной разумности этого сожаления — а ведь только если бы это было так, можно было бы прийти к выводам, сходным с шопенгауэровскими. — Сожаление, кстати, сейчас еще наличествует, но от него, вероятно, можно отвыкнуть.

Но если за дурным, неловким поступком не следует никакого сожаления, то этот прохладный настрой, став привычным по отношению к прошлому, искоренил бы и радость от содеянного. Ну а как поступки человека будут определяться предвосхищением достигаемого удовольствия или неудовольствия — если это упразднить, то никакое чувство больше не удержит его от дурного поступка и ничто не подвигнет его на доброе дело. Он будет в отношении к грядущему столь же прохладен, как и в отношении к прошлому. Теперь наступил бы черед холодного размышления, что же предпочесть — жить или не жить: и следствием было бы самоубийство по убеждению. Признавая или ощущая подобное существо дела, каждый человек, а также любая этика восстают против упразднения свободы — и в последнем оказываются не правы, ибо философия обращает внимание вовсе не на последствия истины, а только на нее саму. — То, что жизнь как целое не должна испытывать никаких последствий ощущения (удовольствия или неудовольствия), отвергается по той же самой причине (отсюда то значение, которое приписывается смертному одру).

19 [40]

65. «Стань тем, кто ты есть»: это призыв, который *всегда* годится только для немногих людей, но лишь для совсем немногих из этого меньшинства он излишен.

19 [41]

66. Этика любой пессимистической религии заключается в том, чтобы избежать самоубийства.

19 [42]

70. И что пришло на помощь вашей добродетели? Голос совести? — О нет, голос соседки.

19 [43]

71. Самодостаточные люди порой проявляют тщеславие из добродушия: например, дабы не посрамить тщеславие определенных классов.

19 [44]
72. Самодостаточный становится тщеславным, если чувствует более высокую самодостаточность другой личности, что, однако, бывает редко.

19 [45]
73. По тому, тщеславен ли кто или преимущественно самодостаточен, невозможно заключить о наличии у него дарования: величайший гений тщеславен иной раз, как юная девица, и даже мог бы выкрасить себе волосы. Это тщеславие, возможно, оставшаяся и повзрослевшая привычка с тех времен, когда он еще не имел права верить в себя и поначалу выпрашивал эту веру по грошику у других людей.

19 [46]
79. Часто удается уйти от преследования скорее благодаря тому, когда идешь не быстрее, а медленнее; это особенно касается литературных преследований.

19 [47]
Коцебу -- «в нем мы и есть душой и телом».
Шекспир, случай в истории театра.
Шиллер лучше как театральный поэт.

19 [48]
84. Набожный чувствует свое превосходство над безбожником: я поверю в христианское смирение, когда увижу, как набожный склоняется перед безбожным.

19 [49]
Я изменяю некоторые ритмы моих периодов ради читателя.

19 [50]
90. Человек скорее подарит кому-нибудь все свое сердце, чем все свои деньги. — Почему так получается? Когда дарят сердце, то остаются при нем, а деньги назад уже не получишь.

19 [51]

93. Ни у однако из писателей до сих пор не было достаточно ума, чтобы иметь право писать риторически.

19 [52]

96. Красивая женщина имеет все-таки нечто общее с истиной (что хотели бы сказать и грешники!): обе осчастливливают больше, когда их желают, нежели когда ими обладают.

19 [53]

99. Союз бывает прочнее, когда союзники верят друг в друга, нежели когда знают друг о друге: вот почему союз влюбленных крепче перед заключением брака, чем после него.

19 [54]

100. Ни один князь, намеревавшийся начать войну, никогда не нуждался в casus belli[1]. Но все мотивы, о которых мы заявляем публично, показывают, что мы все никогда не нуждались в каком-либо casus belli. В основе каждого действия лежат мотивы — и один мнимый мотив.

19 [55]

103. Государственный деятель делит людей на два рода: во-первых, орудия, во-вторых, враги. Так что для него в действительности есть только один род людей: враги.

19 [56]

108. При помощи религии люди либо делают свою внешнюю жизнь трудной, а внутреннюю легкой, либо наоборот: пример первого случая дает христианство, пример второго — гибель религий. Из этого выясняется, что религия возникает, чтобы облегчить сердце, и погибает, когда ей здесь больше нечего облегчать.

19 [57]

110. «Ум глубок ровно настолько, насколько он высок», — сказал кто-то. Что ж, видя обозначение «высокий ум», представляешь себе силу и энергию взлета, полета, а ви-

---

1 Повод для войны (*лат.*).

дя «глубокий ум» — удаленность цели, к которой он направил свой путь. Таким образом, данное суждение хочет сказать, что ум заходит настолько далеко, насколько он может летать. Но это неправда: ум редко заходит так далеко, чтобы речь вообще могла идти о полете. Следовательно, предложение должно гласить: ум редко бывает настолько же глубоким, насколько он высок.

19 [58]

111. Если прежде силу и здоровье телесной конституции испытывала оспа, и люди, не выдержавшие этого испытания, умирали, то теперь как подобное испытание сил и здоровья духовной конституции можно, пожалуй, рассматривать религиозную инфекцию. Ее либо преодолевают, либо духовно погибают от нее.

19 [59]

Элементы образования.

1) Заблуждения.
2) Неправильные выводы.
3) Страсти.
4) Стесненные умы.
5) Забывчивость.
6) Человек как дело.
7) Дегенерирующие натуры.
8) Будущее культуры.

19 [60]

113. Договоры европейских государств остаются сейчас в силе до тех пор, пока сохраняется принуждение, вызвавшее их к жизни. Таким образом, это состояние, в котором насилие (в физическом смысле) играет решающую роль и ведет к своим последствиям. Они суть следующие: большие государства проглатывают малые, государство-монстр проглатывает большое государство — а государство-монстр лопается, поскольку ему в конечном счете не хватает пояса, который стягивал бы его тело: враждебности соседей. Распад на атомистические государственные образования является отдаленнейшей из еще обозримых перспектив европейской политики. Борьба в обществе продолжает и дальше культивировать привычку к войне.

19 [61]
114. Воспитателей больше нет; под этим именем всегда оплачивают лишь тех людей, которые сами не воспитаны. — Есть учителя, но не воспитатели, конюхи, но не наездники.

19 [62]
116. То тут, то там какая-нибудь партия пытается почистить лохмотья испачканного христианства и облачиться в них — результат плачевен, ибо свежевымытый люмпен хоть и выглядит опрятно, но все равно по-люмпенски.

19 [63]
117. При виде бесчисленных церквей, некогда построенных христианами, поневоле говоришь: сейчас явно недостаточно религии на то, чтобы эти здания снести. Точно так же: сейчас не хватает религии на то, чтобы уничтожить религию.

19 [64]
112. Общественные мнения происходят от лени частных лиц. Но что происходит от частных мнений? Общественные страсти.

19 [65]
118) *мы живем в культуре, которая гибнет от средств культуры.*
Упразднение наций — европейский человек.
Воздержание от политики.
Изоляция талантов.
Презрение к прессе.
Религия и искусство только как лечебное средство.
Простая жизнь.
Недооценка общественных различий.
Высший трибунал для наук.
Освобождение женщин.
Дружеские связи — переплетенные круги.
Организация экономики духа.
Учреждения прислушиваются к мнениям о себе.

19 [66]

Привет моралистам.

Отсутствие моралистов.
Деятельные.
Те, кто хотят стать свободными.
Свободный ум.
Ранение.
Без продуктивности невозможно – итак, вольнодумец.
Вздох по былой юности.
Отец или мать.
Рождение гения. Середина пути.
Поэт как *облегчитель.*
Эстетика.
Поэт. Писатель. Филологи.
Искусство – деятельные.
Общество.
Женщина и дитя.
Государство (Греки).
Религиозное.
Высшие моральные положения (добро и зло) (тщеславие).
Высшее облегчение жизни.
fatum tristissimum.

19 [67]

Голос истории.
Все общее сперва:
Дозор вольнодумства: чтобы освободить человека от всего привычного.
1. Человек наедине с самим собой.
2. Женщина и дитя.
3. Общество.
4. Искусство – Поэт – Эстетика.
5. Государство.
6. Религиозное.
7. Облегчение жизни.

19 [68]

Homo liber de nulla re minus quam de morte cogitat et ejus sapienta non mortis sed vitae meditatio est. Spinosa[1].

19 [69]

Кто думает острее, тот не любит поэтических образов, они привносят в память одновременно слишком много разнородного; подобно этому острый слух воспринимает обертоны тона как расстроенный аккорд.

19 [70]

с. 4. свободный ум и философ.
5. внутри одной культуры: примеры.
6. современное состояние.
7. Будущее.

19 [71]

Сострадающий чувствует себя более сильным, это придает желание быть готовным к вмешательству, если он только сможет помочь. Боль как боль эстетическая, отзвук.

19 [72]

Темы:

О максимах.
О новелле.
Против поэтов.
Философствование ради удовольствия, когда думают скорее о предшественниках, чем о последователях (в чем удовольствие?).
Различие между свободным умом и философом.
Фукидид как идеал вольнодумца-софиста.
Происхождение сострадания.
Самоубийство в религиях.
Больной.
Тщеславие ученых.

---

1 Человек свободный менее всего думает о смерти, и истинная мудрость в размышлении не о смерти, а о жизни. Спиноза (*лат.*).

19 [73]

Человек пытается *свести воедино* вещи, которые вызывают в нас схожие чувства, например, весну, любовь, красоту природы, божество и т. д. Это сплетение вещей *ни в коей мере* не соответствует действительным причинным связям. Поэты и философы любят таким образом аранжировать вещи; искусство и мораль сходятся.

19 [74]

Они называют объединение немецких правительств в Одно государство «великой идеей». Это тот же сорт людей, которые будут однажды в восторге от соединенных штатов Европы: это же еще более «великая идея».

19 [75]

Различие языков больше всего мешает увидеть то, что по существу происходит — исчезновение национального и создание европейского человека.

19 [76]

Все основы культуры обветшали: итак, культура должна погибнуть.

19 [77]

10 заповедей свободного ума.

Ты не должен ни любить, ни ненавидеть народы.
Ты не должен заниматься политикой.
Ты не должен быть ни богатым, ни нищим.
Ты должен избегать знаменитых и влиятельных.
Ты должен взять себе жену из другого, а не из своего народа.
Надо чтобы в воспитании твоих детей участвовали твои друзья.
Ты не должен подчиняться никаким установлениям церкви.
Ты должен не сожалеть о проступке, а делать из-за него на одно доброе дело больше.
Ради того, чтобы иметь возможность говорить правду, ты должен предпочесть изгнание.

Ты должен предоставить миру свободу действий в отношении себя, а себе — в отношении мира.

19 [78]

Гл. II. Вольнодумец в современности.
Гл. III. Цели вольнодумца: будущее человечества.
Гл. IV. Возникновение вольнодумца.

19 [79]

Будущее через несколько веков. Экономика Земли, обреченность ущербных рас на вымирание, разведение лучших, единый язык. Абсолютно новые условия для человека, даже для высшего существа? Сейчас именно торговое сословие препятствует полному погружению в варварство (телеграф, география, индустр<иальные> изобретения и т. д.).

19 [80]

Говорить правду, когда царит неправда, доставляет такое удовольствие, что ради этого человек выбирает изгнание и даже хуже того.

19 [81]

Il maudit les savants et ne voulut plus vivre qu'en bonne compagnie. Voltaire (Zadig)[1].

19 [82]

Филологи.

Откуда это оглупление гимназистов? По примеру учителей, которые все оглупляют, авторов и т. д.

Почему филологи так падки на темные места? Из тщеславия: им нет дела до древних, они слишком заняты сами собой.

Есть ли хоть одно умное школьное издание?

19 [83]

Поскольку люди не находят много ценного в понятном для них мире, они полагают, что истинное и важное

---

1 Он проклинает ученых и не хочет больше жить как хорошее общество. Вольтер, «Задиг» (*франц.*).

должно скрываться в необъяснимом; они связывают свои высшие ощущения и догадки с темным и необъяснимым. И вовсе не нужно, чтобы в этом непроясненном царстве было что-то существенное, оно *может* быть и пустым: с людьми при этом будет происходить то же самое, как если бы в их познании были только темные места: оттуда они выуживают то, что им нужно, и населяют темные коридоры духами и догадками.

19 [84]

Если человек привыкает строго держаться правды и остерегаться прежде всего метафизического, непроясненного, то наслаждение поэзией однажды может оказаться для него связанным с чем-то запретным: то будет сладкое удовольствие, но не без угрызений совести во время и после.

19 [85]

Так называемая метафизическая потребность ничего не доказывает о наличии реальности, которая бы этой потребности соответствовала: напротив, именно потому что у нас есть подобная потребность, мы слышим язык воли, а не интеллекта и заблуждаемся, поверив этому языку. Можно было бы принять Бога, будь он доказуем, вовсе *без того*, чтобы некая потребность заставляла нас считать его необходимым.

19 [86]

Темы.

О вольнодумстве.
Необъяснимое и объяснимое.
Закат старой культуры.
Причины искусства.
Самоубийство.
Тщеславие ученых.
Максимы.
Писатель.
Больной.
Исправимость людей.
О новелле.
Общение.

Интеллект женщин.
Дружба.
Фазы морали.
Простота добра.
Надежда.
Благородство.
Борьба с судьбой.
Добро и зло.
Замена религиозных мотивов.
Обещание.
Интеллект и мораль.
Скука—досуг.
Наказание и раскаяние.
Филологи как учителя.
Фукидидовский тип софист<ического> свободомыслия.

19 [87]

Приговоры судов присяжных неправильны по той же причине, что и оценки, выставляемые ученику учителями: они определяются из усреднения различных выдвинутых приговоров. Возьмем самый удачный случай: *один* из присяжных вынес правильный приговор—тогда общий результат будет средним между правильным и несколькими неправильными приговорами, т. е. в любом случае неправильным.

19 [88]

У поэта не должно быть в душе столь же определенного представления о своей публике, как у художника, когда он рассчитывает определенную дистанцию от картины, дабы ее можно было правильно рассматривать, что требует от зрителя определенной остроты зрения. Новейшая поэзия лишь изредка доставляет нам удовольствие, каждый срывает себе то, что ему по вкусу; мы не находимся в необходимой позиции к этим произведениям искусства. Поэты же сами пребывают в неуверенности и прислушиваются то к одному, то к другому из слушателей; они сами не верят в то, что кто-то схватывает всю их интенцию, и стараются понравиться подробностями или

материалом. Насколько же теперь все хорошо сделанное рассказчиком остается незамеченным публикой! Она желает видеть только сюжет рассказа и чтобы ее с силой увлекала его интрига—прежде всего, за счет фактов, которые содержатся, например, в криминальных историях, а не за счет искусства рассказчика.

19 [89]

Доисторические времена на неизмеримой протяженности времени определяются обычаем, ничего не происходит. В историческое время каждый факт приводит к изменению обычая, различию во мнениях, это и есть *вольнодумство*, создающее историю. Чем быстрее происходит обмен мнений, тем быстрее вертится мир, хроника превращается в газету, и, наконец, телеграф устанавливает, в какую сторону за последние часы изменились мнения людей.

19 [90]

Красивая женщина в браке должна обладать очень многими хорошими качествами, чтобы помочь забыть о том, что она красива.

19 [91]

Сообщаемость истины и вообще мнений.

19 [92]

Что может *натворить* это мнение?—спрашивает государственный деятель. Является ли оно силой?

19 [93]

Люди *привыкают оценивать чужое мнение выше*, чем собственное.

19 [94]

Набожные спрашивают: вы счастливы от этого мнения?—это принимается за доказательство за или против истины. Если теперь некий безумец возомнит себя богом и будет от этого счастлив—как это и случается,—то, следовательно, будет доказано, что Бог существует.

19 [95]

В трагедии с необходимостью должно царить красноречие, в котором в свое время упражнялись и которое высоко ценилось. Так у греков, так у французов, так и у Шекспира. У него нельзя не заметить испанского влияния, царившего при дворе Елизаветы: избыток образов, их изысканность не общечеловеческая, а испанская. В итальянской новелле, как и у Лесажа, царит благородная речевая культура дворянства и Ренессанса.

У нас нет красноречия придворного и нет публичного, как у греков: поэтому с речью в драме скверно, ничего кроме натурализма. Гёте в «Тассо» возвращается к образцу Ренессанса. Шиллер зависит от французов. Вагнер вообще отказывается от искусства речи.

19 [96]

Человек склонен в поисках основ приводить все более глубокие обоснования традиционному. Ощущая огромные благотворные последствия, он ищет глубокие и полные мудрости намерения в душе тех, кто вводит обычай. — Но все как раз наоборот; возникновение Бога и брака плоско и глупо, фундамент обычая заложен на весьма низком интеллектуальном уровне.

19 [97]

Если отбрасывают *веру*, то не отбрасывают по*следствия*, которые из нее проистекают. Они продолжают жить дальше в силу обычая: обычай закрывает глаза под повязкой из веры и последствий. Последствие, как кажется, возникает из-за себя самого. Последствие отрицает своего отца.

19 [98]

Что такое *реакция во мнениях*? Если мнение перестает быть интересным, то ему пытаются придать привлекательность, сводя его с противоположным. Но обычно соблазняет как раз противоположное мнение и создает себе нового приверженца: оно тем временем делается интересней.

19 [99]

Аристотель считает, что благодаря трагедии разряжается избыток сострадания и страха, слушатель возвращается домой *более холодным*. Платон считает, напротив, что он становится чувствительней и боязливей, чем прежде.

Вопрос Платона о моральном значении искусства еще не поднят заново. Художнику нужна раскованность страсти. Нам вряд ли понравятся те страсти, которые хочет разрядить в своих слушателях афинский комик: похотливость, бранчливость, непристойности и т. д. Воистину, нравы в Афинах стали мягче. В качестве замены религии искусство не годится, ибо для того, кто все свершил, оно излишне, а для того, кто еще ведет борьбу, оно не заменит религии, а станет в лучшем случае подспорьем религии. — Возможно, его место таково, как это видит Майнлендер: оно служит неким подспорьем познанию, позволяет издали наблюдать покой и успехи познания, как смотрят на голубые горы. Замена религии — не искусство, а познание.

19 [100]

Религии не выражают какие-то истины sensu allegorico[1], они *вообще никаких* истин не выражают — это возражение против Шопенгауэра. Consensus gentium[2] в религиозных воззрениях есть скорее контраргумент против основополагающей истины. Не исконная мудрость жрецов, а страх перед необъяснимым является истоком религии: что здесь есть от разума, то попало в нее обходными путями.

19 [101]

Изучение психологии входило в античные риторики. Насколько мы отстали! Партийная пресса действительно содержит немного психологии, как и дипломатия — все это как практика. Для реформаторов необходима новая психология.

---

1 Путем аллегории (*лат.*).

2 Согласие народов (*лат.*).

19 [102]

Новый реформатор воспринимает людей как глину. Время и учреждения могут им привить все, что угодно, могут сделать из них животных или ангелов. Здесь очень мало прочного. «Перевоспитание человечества!»

19 [103]

Все, что может быть признано полезным для человека в религии, — то, что она непосредственно дает счастье и утешение. Если истину нельзя связать сестринскими узами с пользой, то ее дело проиграно. Ради чего человечество должно жертвовать собой во имя истины? Да не волнуйтесь — оно вовсе и не может этого. Все стремления к истине имели до сих пор в виду пользу: отдаленная полезность математики, вот что ценил отец в своем учащемся сыне. Человека приняли бы за сумасшедшего, если бы он занялся делом, из которого не получается ничего или только вред. Того, кто отравляет людям воздух, которым они дышат, считают опасным для общества. Если религия необходима, чтобы жить, то тот, кто ее подрывает, опасен для общества; если ложь необходима, то ее нельзя подрывать. Итак — возможна ли истина в соединении с жизнью?

19 [104]

Человек заботится о себе — а затем еще о своем сыне: оглядка на него не позволяет человеку жить совсем индивидуально и неосмотрительно. Он хочет учреждений, которые помогали бы его сыну. От этого зависит преемственность человечества: не было бы у людей потомства, все бы смешалось в одну кучу. Забота о детях превращается в заботу о достоянии и обеспеченном положении — о собственности и порядке в обществе. Жадность и тщеславие суть побуждения, которые, возможно, связаны с этой заботой о потомстве: они чрезвычайно сильны в нас от рождения, даже если в каком-то случае нет потомства. Если у устремления отрезана цель — его голова, — тело, тем не менее, еще шевелится.

19 [105]

Хороший воспитатель может при случае глубоко обидеть своего воспитанника только для того, чтобы за-

душить в зародыше глупость, которую тот собирается высказать.

19 [106]

Мученик помимо воли и честный, которого презирают как труса и т. д., в то время как он лишь таков, каким он *может* быть.

19 [107]

В духе стесненных умов – предпочесть *какое-нибудь объяснение* никакому; при этом оставаться удовлетворенным. Высокая культура призывает спокойно оставлять некоторые вещи необъясненными: ἐπέχω[1].

19 [108]

Темное дело считается более важным и опасным, чем ясное. Страх живет в глубинах человеческой фантазии. Последняя форма религиозности состоит в том, что человек в принципе признает существование темных необъяснимых областей; но в них, полагает он, должна скрываться мировая загадка.

19 [109]

Свайные постройки и т. д. доказали, что у человечества был некий *прогресс*. Но позволительно ли такое предположение на основе последних 4000 <лет> человечества – весьма спорно. Наука, однако, шла вперед по пути прогресса: тем самым была уничтожена высочайшая форма прежней культуры, и она никогда уже не сможет возникнуть снова.

19 [110]

Инстинкт подобен червю, которому отсекли голову и который тем не менее ползет дальше в том же направлении.

19 [111]

Шопенгауэр совсем не объясняет любовь. Разве только половую. Да еще – особую склонность, исходящую из

---

1 Воздерживаться (*греч.*).

эстетических симпатий, которые весьма усилились благодаря наследственности. Черный желает черного и презирает белое. С «гением рода» вообще ничего не вышло.

19 [112]

Не ради бессмертия, не с целью размножения люди бывают *влюблены*: это против Платона. Но ради удовольствия. Они влюблялись бы, даже если бы женщины были бесплодными; именно так! Греческая педерастия не противоестественна, ее causa finalis[1], согласно Платону, должно быть «порождение прекрасных речей».

19 [113]

Каждый человек проявляет к себе наибольший интерес, но он привык ставить суждение других выше собственного: вера в авторитет, унаследованная и воспитанная, фундамент общества, нравы и т. д. Из этих обеих предпосылок рождается *тщеславие*: человек устанавливает свою собственную ценность посредством суждения других прежде своего собственного.

19 [114]

Все нравственное было когда-то еще не «нравами», а принуждением. Только с появлением обычая появляются хорошие поступки.

19 [115]

Неэгоистические побуждения следует методически сводить обратно к эгоистическим. Социальный инстинкт восходит к отдельному человеку, который понимает, что он может сохраниться лишь в том случае, если присоединится к какому-нибудь союзу. Затем ценность социального наследуется и все более усиливается, поскольку полезнейшие члены являются и самыми почитаемыми. Теперь ясное пламя пылает везде, где готовы принять любые страдания за отечество (а также за любое другое объединение, напр. за науку). Эгоистическая цель позабыта. «Добро» появляется, когда забывают причину его возникновения. —Родительский инстинкт можно выпестовать только в

---

1 Окончательной, целевой причиной (*лат.*).

обществе, там требуются потомки, поэтому берут под защиту брак и чествуют его. Также и неэгоистическая любовь (между полами) – поначалу вещь вынужденная, *продиктованная* сообществом. Лишь позже к ней привыкают и наследуют ее и, наконец, видят в ней первоначальное побуждение. Сначала влечение требует только удовлетворения, без оглядки на другого индивидуума, брутально.

Нужно ли и все родительские инстинкты у животных сводить к сообществу? –

19 [116]

Здесь начинаются «Мысли и наброски» осени и зимы 1876.

22 декабря 1876 написал я эту последнюю страницу.

19 [117]

Введение

Вспомнить о Гёте: «Если кто-то говорит, он должен говорить позитивно».

19 [118]

Человеческое и слишком человеческое.

Высказывания общительности.

19 [119]

Сентенция как тема общительности.

19 [120]

Старая культура

1. Нечистое мышление в фундаменте культуры.
2. Нравственность.
3. Религия.
4. Искусство (язык).
5. Вольнодумцы.
6. Женщины.
7. Святые.
8. Оценка жизни.
9. Право.
10. Народы.
11. Наука.
12. Исчезновение старой культуры.

20. Зима 1876–1877

20 [1]

14. Существует двоякая эстетика. Одна исходит из воздействия искусства и делает выводы о соответствующих причинах; она пребывает под чарами искусства и сама есть некий вид поэзии и опьянения: некая настройка искусства на струны науки. Другая эстетика исходит из множества абсурдных и ребяческих начал искусства: она не может вывести из этого действительные воздействия и поэтому пытается вообще умерить чувство, связанное с искусством и любым способом подвергнуть сомнению его воздействие, как если бы оно было лживым или болезненным. Отсюда ясно, какая из эстетик годится искусству, а какая нет, и насколько они обе не могут быть наукой.

20 [2]

16.———Действительно, эти выводы заставляют задуматься. Если дурной, неуклюжий поступок однажды перестанет вызывать огорчение, то подобное холодное отношение к произошедшему может стать привычкой, искоренив затем и радость от содеянного. Но поступки человека определяются посредством антиципации удовольствия или неудовольствия, которое должно быть обретено; если эта антиципация так называемого морального удовольствия или неудовольствия исчезнет, то никакое чувство больше не удержит человека от дурного поступка, и ничто больше не подвигнет его на доброе дело: ибо во внимание будет приниматься только полезное или вредное; мораль уступит место учению о пользе. Человек станет по отношению к грядущему столь же холодным и трезвым, как и по отношению к прошедшему. Тогда он созреет для хладного размышления о том, какова ценность его нынешней жизни, в которой всегда еще может быть достаточно боли, что приведет его к мысли, не предпочесть

ли тогда, пожалуй, небытие бытию. Осознавая или чуя такое положение вещей, любой человек и любая философия противятся снятию ответственности: последнее не по праву, поскольку философия должна принимать во внимание вовсе не последствия истины, а только ее саму. То, что человеческая жизнь как целое вовсе не имеет своим результатом чувство удовольствия или неудовольствия, но завершается уничтожением и полным бесчувствием, обычно отклоняют по той же причине: боятся ослабить веру в ценность жизни и поощрить мысль о самоубийстве. Воля к жизни защищается от выводов разума и пытается замутить их: отсюда то значение, которое придается последним минутам жизни на смертном одре, как будто здесь можно было бы чего-то еще бояться или на что-то надеяться.

20 [3]
1. Сентенция — это звено в цепи мыслей; она требует, чтобы читатель восстановил эту цепь собственными средствами: это слишком большое требование. Сентенция — это дерзость. Или она предосторожность: как полагал Гераклит. Чтобы сделать сентенцию съедобной, следует сперва взболтать и смешать ее с другим веществом (пример, опыт, новелла). Большинство этого не понимает и потому в сентенциях позволяет себе ничтоже сумняшеся высказывать весьма сомнительное.

20 [4]
12. В состояние бурного любовного аффекта легче впасть из состояния влюбленности, которая направлена на другое лицо, нежели из состояния полной холодности и свободы сердца.

20 [5]
20. Насколько больше должно быть добра и счастья между людьми, чтобы они могли отдавать друг другу то, что до сих пор отдавали Богу — время, силы, имущество, преодоление сердца, самоотречение, любовь. Насколько же больше? — Вероятно, не намного.

20 [6]
21. Некоторые стремятся посредством хвалы, восхищения, зависти убедить других в своей собственной ценности; это им гораздо важней всего остального и в ход здесь идут любые средства, даже самообман и самоупоение. Для них в сто раз предпочтительней восхищаться собой, нежели быть полезными себе, и они любят себя много больше, чем это требуется для собственной выгоды. Для них тщеславие – лишь средство для самодовольства. Они вовсе не хотят быть выше всех, а только чувствовать себя таковыми, им безразлично, соответствует ли это действительности.

20 [7]
25. Откуда берется зависть богов? Кажется, что грек верил не в спокойное и тихое, но только в высокомерное и дерзкое счастье; ему было огорчительно видеть счастливого. Должно быть, ему становилось от этого не по себе, ибо его душа оказывалась слишком ранимой при виде счастья. Если кто-то обладал великолепным талантом, толпа завистников была особенно велика. Если же с ним случалось несчастье, то говорили так: это судьба, он был слишком высокомерен; и каждый вел бы себя на его месте точно так же, то есть заносчиво, обладай он таким же талантом. Точно так же каждый при случае хотел бы изобразить из себя бога, который насылает на талант несчастье.

20 [8]
30. У тщеславия два источника: либо в ощущении слабости, либо в ощущении силы. Как только человек замечает свою беспомощность одиночки и осознает меру своих сил и того, чем он владеет, он намечает обмен со своими ближними. Чем выше они оценивают его силы и владения, тем больше он может выиграть для себя при обмене. Но он слишком хорошо знает слабые стороны того, чем владеет. Поэтому он их скрывает и выставляет на свет лишь сильные, блестящие свойства. Это один вид тщеславия; сюда же можно причислить и другой, когда человек пытается пробудить видимость блестящих свойств, которых на самом деле нет. Оба эти вида составляют зрячее тщеславие (которое есть подтасовка). Человек, который

тщеславен такой манер, хочет быть желанным и, следовательно, заслуживающим более высокой оценки. Зависть возникает тогда, когда кто-то одержим желанием, но не имеет практически никакой надежды удовлетворить его путем обмена. Мы все жадны до чужой собственности. Во-первых потому, что слишком хорошо знаем недостатки собственного имущества, а их достоинства стали для нас привычными и потеряли свою привлекательность, а во-вторых потому, что другой выставил свое имущество в самом благоприятном свете. Мы прикидываемся влюбленными в свое имущество, чтобы оно могло показаться более привлекательным. При обмене каждый надеется обсчитать другого, а самому получить большую прибыль. Обменивающийся считает себя умным; зрячее тщеславие увеличивает в человеке веру в свою смышленость. Обменивающийся полагает, что он обманывающий, но тот, с кем он обменивается, думает о себе то же самое. Мы ценим чувство зависти, ибо другие, которые нам не завидуют, но могут предложить обмен, вследствие усилившейся алчности завистника будут вынуждены дать более высокую оценку нашему имуществу.

Унаследованное чувство власти порождает слепое тщеславие (в то время как то, зрячее, было зрячим в отношении выгоды); власть не дискутирует и не сравнивает, она считает себя высшей властью, у нее самые высокие притязания; если другие демонстрируют свои дарования и силы с такими же притязаниями, то здесь остается только война: право на эти притязания будет получено или в соревновании, или путем уничтожения одного из соперников, по крайней мере, его выдающихся способностей. Ревность есть возбужденное состояние сильного по отношению к сильному же сопернику; зависть—безнадежное состояние, чувство невозможности победы, т. е. когда он терпит поражение в войне. Зависть при зрячем тщеславии возникает из неутоленной алчности; зависть при слепом тщеславии есть следствие поражения.

20 [9]

35. Резиньяция заключается в том, что человек ослабляет напряжение всех своих мыслей и чувств и возвра-

щает их в то состояние, когда они становятся рутинными и механическими. Это ослабление связано с удовольствием, а механическое движение производится по меньшей мере без неудовольствия.

20 [10]
38. Можно подавить самое большое дарование и духовную изобретательность, если предаваться ненасытному производству и не оставлять времени для накопления родниковой воды.

20 [11]
17.———Чтобы привести пример чрезмерной и почти гибельной прививки: немцы, первоначально отличавшиеся чрезвычайной сплоченностью и толковостью, что описал Тацит, так восхищавшийся их здоровьем, были не только ранены прививкой римской культуры, но почти обескровлены: у них отняли, насколько это было возможно, обычай, религию, свободу, язык; они не погибли, но то, что они глубоко страдающая нация, они доказали своей душевной склонностью к музыке. Ни один народ не имеет столько ран, сколько немцы, и именно поэтому у них есть немалый дар ко всякого рода вольнодумству.

Я хочу во всем этом размышлении намеренно оставаться при человеке и поостеречься из законов о человеческом облагораживании на основе более слабых и вырождающихся натур делать выводы о животных натурах и их законах. Во всем этом размышлении вольнодумец может найти доказательство, что он полезен даже и стесненным умам: ибо он помогает тому, чтобы продукты стесненных умов, их государство, их культура, их мораль не окостенели и не отмерли; он дает снова и снова течь по стволу и ветвям живительному соку обновления.

20 [12]
22. Важнейшая цель человечества, возможно, в том, чтобы была измерена ценность жизни и правильно определено основание, почему она существует. Поэтому оно ожидает появления высшего интеллекта; ибо только последний способен окончательно определить ценность

жизни или отсутствие этой ценности. При каких обстоятельствах, однако, может появиться этот высший интеллект? Представляется, что те, кто в общем и целом содействуют человеческому благоденствию, в настоящее время ставят себе совсем другие цели, нежели создавать этот высший интеллект, определяющий ценности. Стараются обеспечить благополучие как можно большему числу людей и вдобавок понимают это благополучие довольно поверхностно.

20 [13]

4. Часто любят какое-то место, человека и затем избегают его; так велико любопытство сердца.

20 [14]

31. Надо быть очень пошлым, чтобы вернуться домой из обычной компании без угрызений совести.

20 [15]

34. Это практично, при общении с друзьями и супругой проявлять много доверия, но мало фамильярности, при общении же с прочим миром, напротив, мало доверия и много фамильярности.

20 [16]

79. Свободный ум будет испытывать больше угрызений совести, если он начнет свой брак с церковной церемонии, нежели если он соблазнит девушку; хотя последнее достойно порицания и наказания, а первое нет.

20 [17]

108. Кто хвалится своим здоровьем, у того на одну болезнь больше.

20 [18]

	Воспитание свободного ума.
Первая ступень:	под главенством личной пользы.
Вторая ступень:	под главенством обычая.
Третья ступень:	под главенством религии.
Четвертая ступень:	под главенством искусства.

Пятая ступень: под главенством метафизической философии.
Шестая ступень: с точки зрения общей пользы
Седьмая ступень: с точки зрения господствующих представлений о задачах познания.

С января по середину февраля
Сорренто 1877

20 [19]

Оперетта
Позитивизм весьма необходим
Фатум
утонченный героизм
государственный деятель друг человека

20 [20]

Любят грубые выводы — Овербек

20 [21]

Мелодия европейского человека: из чего следует, что еще что-то из этого человека можно сделать.

Что является сегодня господствующей мелодией в Европе, l'idée fixe musicale[1]? Опереточная мелодия (естественно, за исключением глухих или В<агнера>).

1 Музыкальная идея-фикс (*франц.*).

21. Конец 1876—лето 1877

21 [1]

Глетчер камешек цветочек

21 [2]

Все писатели *переживают* слишком сознательно, слишком неуверенно.

21 [3]

Гребень, ожерелье, серьги брошь—*один* стиль это филигрань.

21 [4]

«порядочный преступник»
«тщеславие ученого»
«дружба»
«похвала заблуждению»
«европейский человек»

21 [5]

Тщеславие уживается с самоуничижением—надменность самоубийства.

21 [6]

Период великолепных мот<ивов> [———] личное не безличное.

21 [7]

Открытость, скрытность—как исходные пункты добродетелей низших слоев.

Прилично—вульгарно: для более высоких каст.

21 [8]

Мы неохотно слушаем рассказы о поступках, если рассказчик нам чего-то не досказывает до конца, или же

они должны полностью уйти в сферу удивительного, исключительного.

21 [9]

свободный ум
брак
легкая жизнь
психологические наблюдения

21 [10]

Бодрые прыжки кита доставляют радость, как будто они означают игру и удовольствие: между тем это мучение, которое природа производит внутри его. Так восхищаются бодростью великого государственного деятеля.

21 [11]

Человечество — беспорядочно действующая машина чудовищной мощности.

21 [12]

На вулканической почве хорошо растет все.

21 [13]

Шопенгауэр по отношению к миру, как слепой — к тексту.

21 [14]

Полное предчувствий интуитивно-нелогичное в *немецкой* сущности является знаком, что она отстала, ее все еще определяет средневековье — в этом есть и некоторые преимущества, как и во всех вещах.

21 [15]

Немецкое будущее не есть будущее немецкого кошелька.

21 [16]

Образование глаза важнее, чем образование уха.

21 [17]

Путь от вольнодумства пролегает не к свободе торговли (индивидуальной), но к правительственному преобразовыванию учреждений.

21 [18]

Saugethier Zeugethier[1]

21 [19]

одиннадцатый перст — наперсток

21 [20]

Это ранит, если обязать высокочтимого к благодарности себе.

21 [21]

Сон о жабе.

21 [22]

Честолюбивые люди, приговоренные болезнью к бездействию, становятся сами себе злейшими врагами. Деятельное тщеславие есть некая кожная болезнь души, оно выносит все вредное наружу.

21 [23]

Кто позволяет себе говорить публично, обязан, как только изменит свое мнение, так же публично себе противоречить.

21 [24]

Существуют только индивидуальные доводы против самоубийства. Сильная медицина. Вовсе не моральные доводы.

21 [25]

Не следует желать иметь слишком много прав, но слишком мало тоже не следует.

---

1 Млекопитающее, животное-производитель (*нем.*).

21 [26]

Друг—самый моральный человек. Аристотель.

21 [27]

Все определяется *деянием*—польза.

21 [28]

Для нынешней европейской культуры характерно медленное опьянение и застывание на определенной грани.

21 [29]

Никогда не думают так много о подруге или возлюбленной, как при переходе дружбы или любви в последнюю четверть.

21 [30]

Кто лишь осторожно пробует удовольствия, тот едва ли сохранит после этого послевкусие приятн<ос>т<и>.

21 [31]

Эгоистическое считается *злом* в большинстве случаев не по праву; ибо то, что оно *вредит*, не придает ему такого характера. Оно хочет себя сохранить, характер вынужденной обороны (даже иметь эмоцию нервов может быть потребностью). Вредить без нужды и с намерением —это абсурд.

21 [32]

Жалуются, что социалистические рабочие проявляют такой же стяжательский буржуазный интерес, как только достигают своей цели.

Неправда: это верно. Воззрения исходя из положения; никто не таможенник если———

21 [33]

Всякая общественная еда и питье отвратительны.

21 [34]

Слушать музыку, курить, есть и пить—исходя из лютеранской тяжеловесной уютности.

21 [35]

Против опьянения.

21 [36]

Полезность в существе морали—пограничный житель как убийца.

21 [37]

Непоследовательность принципа, вовлеченная в его движение, вросшая, прорастающая, временами дающая принципу другое направление.

21 [38]

Колокольный звон—золотой свет сквозь окна. Сон. Причина досочиненная a posteriori, словно при зрительном восприятии.

21 [39]

Эдуард Лойхтенберг Роон.
Лемех плуга.
1 Сентенции.
2 К познанию человека.
3 Всеобщая ориентация.
4 Религия.
5 Искусство.
6 Мораль.

21 [40]

Любовь и ненависть близоруки, одноглазы, как и «воля».

21 [41]

Объяснение природы, соответствующее нашим высочайшим настроениям, будет метафизическим.

21 [42]

Место в «Тристраме» о варварстве.
К.Демулен
Палач
Цинизм освежает казнь

21 [43]

Социализм основан на *решении* сделать всех людей *равными* и быть справедливым к каждому: это есть высшая моральность.

21 [44]

Привлекательность науки повышается *теперь* еще и благодаря контрасту.

21 [45]

Кто может, пусть следует за мной и моим правосудием в отношении различных культур.

21 [46]

Философия—это фата-моргана, которая дразнит разгадкой утомленных приверженцев науки.

21 [47]

Содержательные люди в отношении одних и тех же вещей способны на прилив и отлив, приятие и отрицание. Необходимо каждое из этих различных течений———

21 [48]

Истина стоит здесь на голове, что для нее особенно неудобно.

21 [49]

Похоронная процессия когда-нибудь будет использоваться на карнавале как реквизит, как сейчас—другие повозки.

21 [50]

«Тристан»: взлет и переизбыток страсти.

21 [51]

Некоторые познания сами защищают себя: их не понимают.

21 [52]

Вера в истину

Кто самоуничижается
Сострадание молчит

21 [53]

Наука доставляет удовольствие тем, кто двигает ее вперед, и *очень мало* тем, кто получает ее результаты.

Но по-иному обстоит с искусством, религией и т. д. Нам приходится сохранять в себе царство неправды: в этом трагедия.

21 [54]

Фиолетовые (скорее красные, чем голубые) обои, занавески действуют на *нервы* успокаивающе, некий американский врач таким образом лечил безумие.

21 [55]

Даже если человек отвык от религии, он все же верит, что какое-то положение более доказательно, если его настрой кажется нам религиозным, напр. «вполне надежное Евангелие».

21 [56]

А. Условия воспитателя.
1. Наглядность
2. переживание многих культур
3. наука
<Б.> Темы:
В. Досуги — — —

Центры культуры необходимы, иначе опошление: почему бы дворам аристократов, университетам, большим городам не быть ими?

21 [57]

Пахари.
Судья одновр<еменно> духовник.
Предисловие вслед за этим.

21 [58]

Контраст глубоко страдающего размышления, его требования утешения и научной культуры.

21 [59]

Достойная оценка такого метафизика, как Шопенгауэр — знак отличия человека (но ненаучного).

21 [60]

Если бы человек обладал даром *мгновенного проникновения* в истину, если бы ему не приходилось пройти школу заблуждения?

21 [61]

Воздействие смерти на костре, жестокость как источник силы для ближних.

21 [62]

Истина не оказывает влияния, как проходящее солнце.

21 [63]

Начало: наши воспитатели сами не воспитаны.

Заключение: отпугивать *смерть* как можно дольше. Вечность.

21 [64]

Воскрешение каждые 300 лет.

21 [65]

В<опрос>. Если кто-то что-то забирает, получает ли он это?

Да.

А девственность?

21 [66]

Если начинаешь мыслить публично, приходится позволить себе также публично себе противоречить.

21 [67]

Любимая проблема Гёте в «Вильгельме Мейстере».

21 [68]

Сознательное разделение духовных фаз, признак культуры.

21 [69]

Женщины, браки, обручение

21 [70]

Оптим<изм> пессим<изм> ничто [–]

21 [71]

*Серо*зеленое *верхнее платье* и светлоголубая *нижняя* юбка [–] с белыми кружевами

21 [72]

Злые поступки, основанные на заблуждениях, напр. месть из веры в ответственность, точно так же жестокость, далее триумф власти.

21 [73]

Все злые свойства сводятся к инстинкту самосохранения индивида, который, несомненно, сам вовсе не зол. *Недоброжелательность* с голода, если кто-то другой – – –

21 [74]

Из метафизического века в реалистический [+] это смертельный п<рыжок>. Переходы [+]

21 [75]

Против Аристотеля, истории с призраками – благодаря искусству возросла мера сочувствия в людях, затем мораль, также посредством религии.

21 [76]

Каким был бы гений культуры?

21 [77]

Вступление науки в мир окольными тропами не эффективно.

21 [78]

Почему мы все еще колеблемся и сами себе омрачаем наши радости – это все равно – но если кто-то хочет нам вредное [– –] дать [– – –] иначе не надо было бы стыдиться.

21 [79]

Девочка-обезьяна.

21 [80]

То, что мы любим, к тому мы должны все хорошие стороны———

Мы любим самих себя———

21 [81]

Мы оцениваем себя либо на основе собственного суждения, либо исходя из авторитета.

Сравнение—главное средство для того, чтобы быть довольным самим собой.

21 [82]

I К истории культуры
II Человеческое, слишком человеческое.
III Книга сентенций.
IV Возникновение греческой литературы.
V Писатель и книга.
VI Филологика.

21 [83]

Моральность часто зависит от успеха.

21 [84]

Заключительный *обет* касательно науки. Если вы это можете, вы будет обязаны к этому.

22. Весна–лето 1877

22. [1]

Окно в зеленом тюле

22 [2]

Друзьям привет и посвящение.

22 [3]

<Бесконечная мело>дия—берег теряется, отдаешь себя волнам.

22 [4]

Грубость, выдающая себя за силу—искусство.

22 [5]

Поступать так, чтобы человечество и т. д.: тогда пришлось бы не принимать во внимание выгодное. Кто сказал, что вообще для целого полезен *один* определенный вид действий? История говорит обратное. Мы гораздо бóльшим обязаны эгоизму.

22 [6]

Невежественные люди, которые ознакомились с философией, полагают, будто они теперь превзошли все другие науки и могут говорить обо всем. Большего заблуждения и представить себе нельзя.

22 [7]

Огонь, серьезность и счастье—как редко они встречаются в глазах и выражении лица юноши.

22 [8]

1. Филология.
2. Стиль знаменитых немецких писателей.

3. К эстетике музыки.
4. К морали.
5. Возникновение греческой литературы (возникновение книги в ней).
6. Век «против метафизики».
7. Опасности для музыки в будущем.

22 [9]

Скрытый от нас мир гораздо менее значителен, чем тот, который нам известен. Непроизвольно принимают противоположную точку зрения. Но мать-необходимость и отец-заблуждение создали веру.

22 [10]

Предисловие о философии. Всё как *упражнение.*
Состязание Гомера и Гесиода.
Афина как богиня любви.
Собрание элегий Солона.
Пролог «Хоэфор».
Пример искусного возражения.
Жизнь Демокрита.
Скептический взгляд на метрику.
Conjectanea[1] как приложение.

22 [11]

Введение в философию современности.
1 Общие положения (философы).
2 К религии.
3 К музыке.
4 К искусству.
5 Наука и прогресс.

22 [12]

С точки зрения пользы сохранение религии, безусловно, желательно, — пользы, взятой даже в высшем смысле (мораль) (т. е. опекунское государство).

Но ее не сохранить, потому что больше нет *честных учителей.*

---

1 Наброски, заметки (*лат.*).

Итак, следует перевернуть систему воспитания? Согласно намерениям католической церкви? Но все прочие преимущества жизни базируются на науке.

Не *обострять* конфликт—английская практика. Последовательность людям не свойственна.

Исчезновение этой веры высвобождает *силы*, сдерживавшиеся до сих пор метафизическими утешениями. Поэтому нельзя недооценивать.

Эти силы враждебны существующим порядкам.

Необходима ли революция?—В конечном счете, речь идет о крайне малой части европейского человечества.

Рекомендовать правительствам позволять максимум свободы, ничего не подавлять, более того, встать *во главе духовного* освобождения: чем одухотвореннее делают массу, тем более *упорядоченные* пути она ищет.

Со стороны частных лиц—создание объединений, ч<лены> которых воздерживаются от любых форм религии. Пропаганда во всем мире. Тем самым наведение мостов между нациями (в противовес католическому наведению мостов).

22 [13]

И вино, и искусство (праздники) причисляются к этим утешениям. Долой! Объединения против спиртных напитков очень послужат свободным умам.

22 [14]

Национальная идея и войны—отличные средства против революции.

Угасание религиозных интересов (смысл культурной борьбы) тоже.

Не бояться некоторого временного огрубления (как следствия засилья естествознания, механики).

22 [15]

Имеет ли пользу для других жизненный опыт, выраженный в форме сентенций, я не знаю; для тех, кто их изрекает, это благо: сентенции относятся к средствам облегчения жизни.

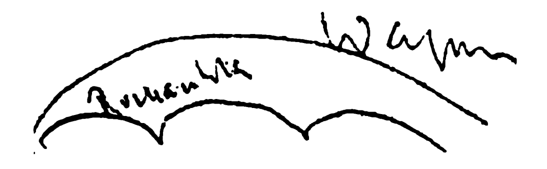
И самые неприятные, самые тернистые события и проделки жизни могут обогатить сентенциями (и дать полон рот удовольствий) и при этом еще помочь немного развеяться.

22 [16]

Государство должно быть представителем науки, а не религии, астрономии, а не астрологии. Последние остаются для частных лиц.

22 [17]

Есть более короткие и более длинные дуги в культурном развитии. Высоте Просвещения соответствует высота контрпросвещения у Шопенграуэра и Вагнера.

Вершины малых дуг оказываются ближе всего к большой дуге — романтизм.

22 [18]

Нашей целью должен быть **единый** *вид* образовательной школы для всего народа — и, кроме того, реальные училища.

22 [19]

Ключ к человеческому поведению.

Некий другой ключ.

22 [20]

Как это возможно, что человек презирает себя во всем (видит себя во всем «грешным») и все же еще любит? Научное объяснение здесь совершенно иное, нежели то, которое дает религиозный человек. Эту любовь он отводит Богу: если во все возможные переживания он вкладывает знаки благого милосердия и любое утешное настрое-

ние понимает как его воздействие, т. е. приписывает все свои лучшие чувства некоему существу вне себя, как воздействующему началу, — если так происходит, то любовь, которой он в принципе любит сам себя, принимает видимость божественной любви. Последняя незаслуженна, заключает далее человек, она есть милость.

Предпосылка та, что человек чувствует себя наделенным свободной волей и дурным: всё это только вследствие неверного, ненаучного истолкования его поступков и состояний. Он вкладывает в одну часть своих поступков понятие греха, а в другую — понятие явленной божественной милости. Фальшивая психология, фантастика в истолковании мотивов являются сущностью христианства.

22 [21]

——— по которому государство является господством дьявола.

22 [22]

Издатель *полагает*, а типограф *располагает*.

22 [23]

Пустынное серое око рассвета, сырой резкий воздух.

22 [24]

Чему вечно жить в песне, то должно погибнуть в жизни (расцвет искусства *реставрации*).

22 [25]

Модиф<ицированный> темп. — Великого художника прошлого можно почтить скорее не той бесплодной робостью, которая оставляет каждую ноту там, где он ее поставил, сколько деятельной любовью и попытками постоянно по-новому вызывать его к жизни, сохранять его в жизни.

22 [26]

Свободный ум. Психологическое. Мораль. Искусство. Религия. Метафизика.

Переход от религии к искусству вместе с «нечистым мышлением», «нелогичное отношение к миру».

Затем «поэт».

Паллиативы. Средства облегчить жизнь. Искусство и т. д.

22 [27]

Мораль
Религия
Искусство
Наконец: стать мудрым

22 [28]

Метафизика: несколько ступеней назад, только познающий человек должен всегда заглядывать выше лестницы, мы как цельные люди являемся не *только* познанием.

22 [29]

Как туман скрадывает высоту гор, так и духовное расстройство.

22 [30]

Я желал бы человеку есть ради насыщения, а не только потому, что это вкусно: причина, для чего нужна наука.

22 [31]

Гунн Аттила «Человек Грозовое облако».

22 [32]

Учит если не скромность, то хотя бы осторожность. Шопенгауэр, Гёте.

22 [33]

Явление. В наших заблуждениях, входящих в конструкцию нашего интеллекта, причина того, что вещь и явление не совпадают.

22 [34]

У кого есть глаза, чтобы видеть, тому следует открыть рот, чтобы сказать: «я видел это иначе», чтобы———

Саламанская пещера.

22 [35]

—если думают при этом о неосознанных целебных воздействиях и подобном———

22 [36]

Любое искусство отвлекает мысль от становления. Любое хочет казаться *импровизацией*, мгновенным чудом (храм как творение Бога, статуя как душа, заколдованная в камне). Так и вся музыка. В некоторой музыке этот намеренный эффект лежит на поверхности благодаря средствам искусства (беспорядок).

22 [37]

Мне нужно принять в себя весь позитивизм, и все же по-прежнему быть носителем идеализма (предисловие).

22 [38]

Самостоят<ельная> жизнь. Книга 9.

22 [39]

Музыка прекрасной души

22 [40]

Расчетливость в анархии

22 [41]

Умереть за кого-то—заурядное доказательство любви.

22 [42]

Мудрость поэта.

22 [43]

Любовь так же беспристрастна, как дождь, который при случае промочит грешника насквозь.

22 [44]

нависшие тучи уныния, дурного настроения

22 [45]

И по-детски, и жутко, и грусти полно
часто во мне это время звучало:
Пою ли я песню его?
Может быть тот перезвон
Превратился в стон колокольный,
Или звучит он с высот,
Как с генуэзских башен,
По-детски и все же жутко,
Жутко и грусти полно.

22 [46]

Школа должна обучать величайшей свободе в области рел<игиозного>, трезвейшему, строгому мышлению. А неясность и привычные склонности будут и так очень далеко расширять свои границы.

22 [47]

Духа молодости, который имеет привилегию даже на некоторые выходки,—вот чего мне теперь не хватает.

22 [48]

Это сочинение, которое в четырех последовательных частях предъявлено общественности под общим мятежным названием «Несвоевременные размышления» и которое во всем существенном завершено между Пасхой 1873 и августом 1876———

Душа излита только в «Несвоевременных размышлениях». Но ненастье, которое путеводит нашей жизни еще в большей степени, чем наша звезда, и которое не особенно мне благоприятствовало, все-таки, возможно, было для меня благоприятно тем, что———

22 [49]

—будь это даже тем же самым насмешливым введением немецкой легковерности в заблуждение———

22 [50]

Охота в *книге.*

Мощный кабан и, конечно, трепетная лань.

22 [51]

Характер драматической музыки, который так же далек от немецкого духа, как и характер политики Бисмарка.

22 [52]

Хотение в любом случае самообман. Мы можем его мыслить только в противоположность долженствованию, как свободное хотение: это и есть заблуждение.

22 [53]

— как свободное хотение: и это есть заблуждение.

22 [53]

— немецкий юноша — Ирония — Благодушный настрой. Смех. Улыбка. Пища червей. Важничанье.

22 [54]

Кто религию и искусство — Гёте ———
Манфред: Эккерман, Ример ———

22 [55]

Играть на флейте времени, чтобы вихрь его танца становился все быстрее — позже великая тишина, где пугающе, как поздней ночью, все кажется призрачным. Я сам нахожусь во времени, оно во мне — самопережитое, само*оргиазм*.

22 [56]

Воля. По одному из свойств этого чувства, хотению, мы вовсе не можем непосредственно понять, куда стремиться.

22 [57]

Один говорит: я воспринимаю, но все существа воспринимают, с самого начала. Другой: я никогда не смогу объяснить, как в определенной точке исторического развития должно было возникнуть чувственное восприятие: итак, оно было всегда.

22 [58]

Поскольку я обнаруживаю в себе чувственное восприятие, как Последнее Несводимое ни к чему иному, то так же должно быть во всех существах.

Но то, что восприятие в существах без мозга (без мышления) является действительно тем, что мы называем восприятием, а не просто механическим процессом, который лишь нами истолковывается как восприятие —

что восприятие осуществляется при помощи интеллекта.

Память, предварительное формирование собственно мозговой процесс.

22 [59]

ликование позн<ающего> человека

22 [60]

Дуэль. Кровь смывает слишком опрометчивое слово, кровь придает задним числом даже сомнительному действию репутацию честного.

Самоубийство, у Аякса — дабы удовлетворить перевозбужденное честолюбие.

22 [61]

Забудется ли запах твой, Сорренто,
Осенняя прохлада диких гор
И беспощадный солнечный простор?
Но часть меня осталась в книге этой:
Часть лучшая — она на алтаре
Тебе — подруге, лекарю, сестре.

22 [62]

Мы не только думаем внутри сновидения, но и само сновидение есть результат мышления.

22 [63]

Скудость чувства справедливости у женщин я нахожу *возмутительной.* Как они подозрительны с их кинжальным рассудком и т. д.

22 [64]

Ранние сочинения были картинами, краски для которых я брал из изображаемого мною материала, как химик, а расходовал их, как художник.

22 [65]

Автор, девушка, солдат, мать—это не эгоистическое?

22 [66]

Изначальные проблемы.
Язык.
Писатель.
Стиль.
Гимн<азия>.
Воспитание.
Свободный ум.

22 [67]

Так же, как нет для человека абсолютно человеческих жестов,—они всегда должны сочетаться с символикой некой определенной ступени культуры, народного склада, сословия,—так же ни у какого искусства нет абсолютной формы. «Взрывать форму» означает только приводить к господству новую символику. Но любая форма есть конвенция или принуждение.

22 [68]

Друзья.

Вы верите только мне—тогда примите одинокого спутника.

22 [69]

Пожалуй, я имею право вспомнить здесь эти стихи. В них высказано то, что я сам не способен был высказать, но что, как множество капель света, тут и там упало мне на душу,—теперь эти капли света брошены дальше [—]

Мое добавление: а именно—как покалеченный кусок руки или ноги относится к целостному облику.

22 [70]

Хороший художник не должен *прислушиваться.*

22 [71]

Не заслуженна — гордость.

22 [72]

— достославная личность Гуттен, Вольтер.

Среди 7 знаменитых швабов у Штрауса преимущество в отваге.

22 [73]

Хорошему мнению о себе я научился лишь у других, и постоянно, задумчиво вычитаю из него, когда я болен.

Спокойное радостное одиночество с самим собой, с добрыми мыслями и смехом — таким, каков я есть —

22 [74]

Когда впервые язык стал считаться наукой — описание последующих *ревнителей* языка. **Базельский манускрипт.**

22 [75]

Пусть разум умы просвещает прекрасно,
Художнику ж только искусство подвластно.
И все ж в этой книге — *художника* сила!
Не разум, но *чувство* ее сочинило.

22 [76]

Хотя мы слышим стук телеграфа, мы не понимаем его.

22 [77]

Характеры:

как соотносится башмак, нарисованный художником, с башмаком сапожника,

как представление художника о башмаке соотносится со знанием башмака у сапожника,

так характеры, обрисованные поэтами, соотносятся с действительными характерами.

22 [78]

Липинер. Лучший успех, какой может быть — это когда книгу приходится откладывать, чтобы перевести

дух; слезы глубокого умиления, опьяненное погружение в благозвучие, смежающее веки, как будто окунаешься в голубую глубину южного моря; томительный восторг, когда мы, стыдясь самих себя, видим поверх собственных пределов.

22 [79]

Если познание и только познание должно вознаграждать за многие другие лишения, а орган познания — голова, то здесь еще и боль, и противоречие —

22 [80]

Все начиналось в Баварском Лесу
Все это в Базеле дальше несу,
В Сорренто все, наконец, прорвалось
В Розенлауи на вольный простор понеслось.
Горы в конце, и в начале пригорки, —
Как тут не вспомнить одну поговорку!
Тринадцать месяцев и мать дитя принесла —
Что же, гора слона родила?
Или просто мышь смешную узрим? —
Отец в сомненьях. Посмейтесь над ним!

22 [81]

Якоб Буркхардт.

Книга во мне проросла, и с тех пор от стыда я сгораю,
Но вот и в тебе расцвело нечто богаче стократ.
Ныне ж я счастия полон, что пойду за сильнейшим,
Когда ликует он сам, видя свой плод золотой.

22 [82]

В форме произведения искусства всегда есть нечто необязательное. Скульптор может добавить или опустить многие мелкие черты — точно так же пианист. Надо это так поставить, чтобы оно воздействовало: т. е., чтобы жизнь воздействовала на жизнь. Как будто кто-то рассказывает историю из собственной жизни. Заснуть —

22 [83]

Блаженный остров

Робинзон

22 [84]

Штраус—Вагнер

22 [85]

Подтверждение того, что молодость [———] Прометей

22 [86]

Бетховен—та благородная сладкая греза, что проникает из сердца в ум и заставляет его вглядываться вдаль в ало растекающихся сумерках, зовется: голод одинокой души.

22 [87]

Исключительное удовольствие, за которое следует благодарить *мораль* (в рассказах) и искусство.

22 [88]

Приков<анный> Пром<етей>, нависший, как радужный мост, над последними тысячелетиями, —величайшая поэма культуры.

22 [89]

Подруга! Тот, кто решился отнять твою крестную
веру,
шлет тебе эту книгу, но прежде ее крестом осенив.

22 [90]

Когда буддизм со своей мягкой моралью рисоедов выступил против войн, Индия оказалась вычеркнутой из истории культурных держав.

22 [91]

У одного неразборчивый почерк, потому что слабы его глаза: так что он сам себя читает с трудом. Другой видит много острее и читает почерк первого лучше, чем тот———

22 [92]

Пред мастером и мастерицей
Вновь рад почтительно склониться
Ваш вольнодумец, славя, кстати,
Рожденье нового дитяти.
Пусть скажут нежные сердца —
Похож ли отпрыск на отца?
(Похож, похож, судите сами:
Хоть и малыш — уже с усами.)
На двух или на четвереньках
Гулять начнет он помаленьку.
В горах ли будет он скакать,
Козлятам молодым под стать,
Себе на радость, понемножку,
Там проторять свою дорожку,
Иль мир отринуть, как тщету,
И жить пустынником в скиту?
В лесу ли, или в чистом поле,
Но будет не во всякой воле
И не по всякому уму,
Что ныне по плечу ему.
Пусть мастер, не смыкая глаз,
Его от бед хранит сейчас!
И пусть укажет мастерица,
Куда и как ему стремиться!

22 [93]

Здесь нынче осень.
Солнце не спешит,
Взбираясь в гору,
Медлит на привалах.
И на поникших нитях ветер вновь
Играет песню
Гаснущей надежды.
О поздний плод,
Что, вздрогнув, упадет!
Скажи, какую тайну
Тебе открыла ночь,
Коль пурпур твоих щек
Сменила бледность страха? —

Я некрасив,
Так говорит цветок,
Но я люблю людей,
И я их утешаю.
Меня увидев
И ко мне склонившись,
Они меня сорвут —
Пусть в их глазах блеснет
Воспоминание о *красоте*
И счастье.
Увидев это, я умру,
Умру легко.
Здесь нынче осень.

22 [94]

В полдень, когда
Идет младое лето по горам,
Оно еще и говорит,
Но мы его дыханье только видим:
Парит морозным следом,
Как на устах зимой у путника.
Ему дают ответ снега,
Родник и ель,
Но мы не понимаем — только видим.
Быстрее мчится со скалы
Поток, как будто шлет привет,
И застывает вдруг, как белый столп,
И слушает. И ели взгляд темней,
Темнее и серьезней, чем обычно.
И между льдом и мертвыми камнями
Вдруг свет. Что это значит?
Как будто глаз умершего еще раз
Коснулся свет, и отблеск в них нашел:
Сын обнял и поцеловал его
В последний раз.
И означает свет:
«Люблю тебя».
И снеговые горы, ель, поток —
Все тоже говорят
Младому лету,
И повторяют вновь:

Люблю, люблю тебя!
И лето их целует всех
Со скорбью,
Всё горячей,
И уходить не хочет:
И только выдыхает, как туман,
Свое дурное слово. –
Здесь слушают его кругом,
Едва дыша:
Оно приносит страх,
Как иней в горы,
И молчит природа:
Она молчит и думает.–
Был полдень.

И мой привет – прощанье.
Я умираю молодым. –

22 [95]

Если познание станет твоей судьбой, то благослови судьбу божественными почестями и пожертвуй ей самое лучшее, самое любимое.

Так весь разлад, все противоборствующее сходится в лад и созвучие.

22 [96]

Клятва того, кто посвящает себя познанию.

22 [97]

Человек, испорченный похвалой и упреками, – дерево, испорченное зноем и дождем – оба они уже испорчены, и всё будет для них поводом для гибели.

22 [98]

Тогда поэты буквально будут учиться молиться на нищету и беспорядок.

22 [99]

Я вовсе не неблагодарный, но я не считаю себя обязанным повеситься на веревке благодарности.

22 [100]

«самое прекрасное стихотворение, которое когда-либо сочинил юноша»

22 [101]

Стать природой!

22 [102]

Женщины, которые не только внешне похожи на гольбейновских, и, скорее всего, не имеют ничего существенно отличного от них ни на уме, ни на сердце.

22 [103]

Ирония заурядна – кухня искусства иронии: прикидываться незнающим, чтобы тем острее проявить свое знание.

Противоположность – скромность: чувствовать себя незнающим там, где другой восхищается знанием и умением.

22 [104]

Все охотно пользуются бранными словами, но никто не верит, что к нему самому хоть одно по праву относится.

22 [105]

Благоразумие требует от человека *выдавать* себя за того, *кем он слывет*, а возможно и за нечто более посредственное.

22 [106]

Я никогда еще не встречал значительного человека, которого бы испортила похвала. Но это дает точный масштаб: если кто-то из-за похвал становится ленивым, значит он незначителен.

22 [107]

Ошибка почти всякой философии в недостаточном знании людей, неточности психологического анализа. Моралисты продвигают познание вперед в той мере, в

какой они не ограничиваются наличествующим анализом человеческих поступков.

Философ простирает свое знание природы на ложные психологические данные и облекает всё в метафизическую потребность.

22 [108]

Люди и мир покажутся гораздо более безобидными.

22 [109]

«Ты должен возлюбить Бога превыше всего.»

22 [110]

Развитие песни, оперы открывает для абсолютной музыки все новое будущее (посредством умножения символики).

22 [111]

Как одно и то же христианство придает одному мрачную мину приговоренного к смерти, а другому—выражение радостного довольства.

22 [112]

Наметанный глаз, чтобы ясно читать прошлое по многократно переписанной рукописи человеческих черт и жестов.

22 [113]

Сознательное воспринимание есть восприятие восприятия, так же как сознательный процесс суждения содержит в себе суждение, которое будет вынесено. Интеллект без этого удвоения нам неизвестен, естественно. Но мы можем показать его деятельность как гораздо более богатую. (Получается, что «восприятие» на своей первой стадии ничего не воспринимает. Лишь удвоение заслуживает этого имени. При удвоении задействована память.) Что такое вообще чувствовать без того, чтобы это проходило через мозг? Желание и боль простираются лишь настолько, насколько позволяет мозг.

22 [114]

Нам хотелось бы назвать промежуточные члены: это были *вырождающиеся* экземпляры, которые не смогли сохраниться таковыми.

22 [115]

Если кто-то при виде страдающих и умирающих остается *черствым*, можно ли осуждать за это?

22 [116]

Всякое постоянство трогает до слез—до такой степени путаем мы постоянное и доброе.

22 [117]

Сила живет в определенном предмете, она привязана к местоположению. Если разрушить предмет, пропадет и сила или жизнь. Сам предмет именуется «смертью» или «жизнью»—«в этом яйце моя смерть», «здесь твоя смерть»—так говорится *по-русски*—это напоминает о метафизиках, которые отрывают «силу» от воли.

22 [118]

«Филистер от образования». Но это бессмысленно —проповедовать ветрам, чтобы они не пускали нам пыль в глаза—они же дуют туда, куда им положено.

22 [119]

Но я вижу больше вас
И хочу поведать

22 [120]

слепой [—], но в куртке, с парою сапог
[———] чем коза и козерог

22 [121]

В человеке душа и тело -
Их двое, ясное дело

22 [122]

И тень и свет ясны уму
Но душу с телом—не пойму

22 [123]

Не боясь, коза топочет,
У моих пасется ног
И спросить как будто хочет,
Что ж я слеп и одинок.

22 [124]

Душеньку прячет он во плоти
Как бы не вытряхнуть по пути

22 [124]

Он будто значителен и высок
Но за спиной небольшой узелок
Там он пытается душу нести,
Думаю, чтоб уберечь в пути

22 [126]

Как тела роняют тень,
Душа роняет свет.
Тени вроде есть у всех
У души лишь нет

22 [127]

Слепой мальчик на горной дороге.

22 [128]

Я полагаю, что своей критикой религии, искусства, метафизики увеличил их ценность: источников силы больше, чем когда-либо.

22 [129]

Придя домой, он распакует душу
Ту же———

22 [130]

Когда я так сижу у дороги
Пока тени не станут холодней,
Пока стадо коз без всякой боязни проходит у моих ног

22 [131]

Мне нужны заросли черники, и ели вокруг, и ледник передо мною.

22 [132]

Я сижу один на склоне
Тени стали холодней
Стадо за теплом в погоне
Убегает от теней
Козы мимо пробегают
У моих теснятся ног
Руку лижут мне[1]
Что я слеп и одинок

22 [133]

отказаться от всякой нравственной фразы (жертва, долг), вовсе не участвовать в великой комедии лицемерия (ибо на этих нитях те, кто видит лицемерие насквозь, ведут вас к *своим* целям: потому что они считают вас слишком трусливыми и глупыми). *Быть честными* — это вам опять-таки кажется «моральным».

22 [134]

Два мальчика сидели
в зарослях черники
и смотрели на большого
зеленого жука,
на спине его
блестела
капля солнца:
он выпал
из прохлады
еловой тени.

22 [135]

Ecce ecce homunculus.

---

1 Седьмая строка в этом наброске не зарифмована с пятой и выбивается из размера (*прим. ред.*).

23. Конец 1876—лето 1877

23 [1]

Ловкие движения ног при поскальзывании, спотыкании, карабканьи являются результатом не слепо действующего, а целесообразного интеллекта, они однажды заучены, подобно движениям пальцев при игре на фортепьяно. Очень многое из этих навыков непосредственно наследуется.

23 [2]

Люди принимают похожее за равное, например, жреца порой принимают за Бога; часть равняется целому, например в магии.

23 [3]

Нельзя объяснить, что такое чувственное восприятие: но я думаю, что если разобраться, это дало бы немного, и, конечно, за этим нет никакой мировой загадки.

23 [4]

Фундаментом всех феноменов культуры послужила та же самая манера мыслить, которая еще и теперь характерна для широких масс и даже для отдельных образованных людей, когда они не особенно задумываются. Эта partie honteuse[1] привела к самым чудовищным и самым великолепным последствиям, культура также имеет pudendum[2] по отношению к материнскому лону, как и человек.

23 [5]

Аристотель считает, что мудрец, *σοπηόσ*[3] есть тот, кто занимается только важным, чудесным, божественным.

---

1 Позорное пятно (*франц.*).

2 Стыд (*лат.*).

3 Мудрый (*греч.*).

Здесь скрывается ошибка во всем направлении мысли. Как раз малое, слабое, человеческое, нелогичное, ошибочное оказалось незамеченным, и все же только путем тщательного изучения именно этого можно стать *мудрым*. Мудрецу следует поубавить гордости, ему не стоит так задирать брови, в конце концов, он из тех, кто доставляет себе удовольствие мешать человеческому довольству.

23 [6]

Стоит чувствам прийти в возбуждение по поводу чего-то, например, собственности, королевской власти, как далее оно возрастает тем более, чем больше забывают первопричину возбуждения. В итоге в таких случаях говорят о «мистериях», поскольку осознают чрезмерную силу чувства, но не могут с точностью назвать его действительную причину. Отрезвление здесь необходимо, но при этом, правда, могучий источник этой силы иссякает.

23 [7]

Позиция Эпикура по отношению к стилю типична во многих отношениях. Он полагал, что возвращается к природе, потому что писал, следуя озарению. В действительности же им была унаследована и воспитана в себе такая неустанная забота о способах выражения, что он лишь давал себе волю, но не был полностью свободен и раскован. «Естество», которого он достиг, было лишь обретенным благодаря привычке инстинктом стиля. Это называют натурализацией; можно натягивать лук несколько слабее, как, например, Вагнер в отношении к музыке, к искусству пения. Стоики и Руссо являются натуралистами в этом же смысле: мифология природы!

23 [8]

Искусство, мешающее науке у греков.

23 [9]

Откуда вообще взялся *инстинкт самосохранения*? Среди многочисленных нецелесообразных образований появились жизнеспособные, способные к *продолжению* жизни; для этого потребовались миллионы лет приспособления

отдельных человеческих органов, пока, наконец, не смогло закономерно возникнуть теперешнее тело и закономерно проявились те факты, которые обычно приписываются инстинкту самосохранения. В принципе теперь все происходит при этом в таком же необходимом согласии с химическими законами, как в случае водопада—с законами механики. У пальцев пианиста нет никакого «инстинкта» попадать на нужную клавишу, а только привычка. Вообще слово «инстинкт» берется только для удобства и применяется там, где закономерные воздействия в организмах еще не сведены к их химическим и механическим законам.

23 [10]

Все цели и устремления человека были когда-то осознанными и для его предков. Но они позабылись. Человек весьма зависим в своих устремлениях от прошлого. Платон<овский> ἀνάμνσις[1]. Червю отрезали голову, но он ползет все в том же направлении.

23 [11]

И темные болезни, например безумие, пляску святого Витта почитали и религиозно идеализировали. При этом их проявления становились все более красочными и великолепными. То же самое происходило с бурным аффектом любви, который принимали за божественный, и, таким образом, идеализировали не только в воображении, но и в действительности.

23 [12]

Это было очень удачной находкой Шопенгауэра, когда он говорил о «Воле к жизни». Мы не хотим позволить, чтобы нас снова лишили этого выражения и благодарны его автору от имени немецкого языка. Но это не может помешать нам признать, что понятие воли к жизни еще не получило от науки гражданских прав, так же как и понятия «душа», «Бог», «жизненная сила» и т. п. Так же как и майнлендерская редукция этого понятия до множества индивидуальных «Воль к жизни» не продвигает нас впе-

1 Припоминание (*греч.*).

ред, — вместо универсальной жизненной силы (которую следует мыслить одновременно вне, над вещами и в самих вещах!) мы получаем тут индивидуальные жизненные силы, против которых можно возразить то же самое, что и против силы универсальной. Ибо пока нет человека, нет и его индивидуальной воли, иначе что же она такое? Но проявляющая себя в самой жизни — это ли воля к жизни? Или по крайней мере воля оставаться *в* живых, т. е., если выбрать более известное выражение, инстинкт самосохранения. Верно ли, что человек, заглядывая вглубь себя, воспринимает себя *инстинктом самосохранения?* Скорее уж он воспринимает собою лишь то, что́ он чувствует постоянно, точнее, что в таком-то органе у него такие-то, обычно довольно незначительные ощущения удовольствия или неудовольствия; движение крови, сокращение желудка, кишечника как-то действует на нервы, он это чувствует постоянно и это чувство постоянно меняется. Сновидение выдает это внутреннее безостановочное изменение чувства и дает ему фантастическое истолкование. Положение, которое принимают во сне части тела, приводит в движение мускулы и влияет на нервы, а те уже влияют на мозг. Наш зрительный нерв, наше ухо, наше осязание всегда так или иначе возбуждены. Но с инстинктом самосохранения этот факт постоянного возбуждения и ощутимости чувства не имеет ничего общего. Инстинкт самосохранения или любовь к жизни — это либо что-то совершенно осознанное, либо только неясное, вводящее в заблуждение слово для обозначения чего-то иного — того, что мы желаем любым способом избежать *неудовольствия*, и напротив, стремимся к удовольствию. Этот универсальный факт для всего одушевленного ни в коем случае, однако, не является первичным изначальным фактом, как это понимает Шопенгауэр под волей к жизни: и избегать неудовольствия, и искать удовольствия предполагает наличие опыта, а последний в свою очередь предполагает интеллект. Сила желания доказывает не волю к жизни, а волю к удовольствию. Великий страх смерти, который Шопенгауэр тоже приводит как аргумент в пользу своего представления о воле, выпестован за долгое время отдельными религиями, которые рассматривают смерть как ре-

шающий момент, — этот страх смерти *стал* великим там-то и там-то. Если же его рассматривать независимо от этого, то он окажется не более чем страхом перед *умиранием*, т. е. неизведанной и, возможно, преувеличенной воображением *болью*, далее — перед потерями, которые вызываются умиранием. Это неправда, будто существовать желают любой ценой, — например, не хотят в виде животных, на которых Шопенгауэр так охотно указывает, чтобы констатировать колоссальную власть всеобщей воли к жизни.

23 [13]

Такие ученые, как Поль де Лагард, считают, что факты религиозного сознания можно подтвердить с помощью науки. Пожалуй, их можно констатировать, описывать, научно объяснять, но для индивидуума это не имеет значения. Ибо, когда становится понятно, насколько почеловечески ошибочно это выглядит по существу, добрая вера в них разрушается. Наука — это смерть всех религий, а быть может, даже и искусств.

23 [14]

Мудрец не знает *никакой нравственности*, кроме той, которая извлекает свои законы из него самого; уже само слово «нравственность» для него не годится. Ибо он стал полностью безнравственным, не признавая никаких нравов, никаких традиций, а только лишь — новые жизненные вопросы и ответы на них. Он идет вперед непроторенными тропами, и чем больше он странствует, тем больше растет его сила. Он подобен тому большому пламени, которое несет в себе собственный ветер, разгорается от него и разносится дальше.

23 [15]

Мы находимся в *счастливейшем* из всех мыслимых моментов для того, чтобы посвятить культуре ее познание: всякая свобода познания уже завоевана и достигнута, и все же мы еще недалеко ушли от всех тех базовых ощущений, на которых зиждется старая культура. Ведь может быть и так, что эта последняя исчезнет уже через несколько поколений!

23 [16]

Момент, когда изобретено и внедрено воздухоплавание, весьма благоприятен для социализма, ибо он меняет все представления о собственности на землю. Человек находится везде и нигде, он лишен корней. Приходится страховать себя посредством обществ, путем строгих взаимных обязательств и *исключением всех, не связанных обязательствами.* Иначе все уходит в воздух и оседает где-то в другом месте, если человек не может платить, не может сдержать обязательство.

23 [17]

Говоря о серьезных и трудных предметах, люди, не обладающие *научной* культурой, просто *болтают*, причем делают это с апломбом. Сократ был прав. Тщеславие — штука почти такая же скверная, как и полное помешательство. Правда, для деятельности, для выстраивания культуры это рвение, этот род безумия весьма существенен. Без ярости ничего не достигнуть. И все же, раз познание истины вообще происходит и доставляет удовольствие, то мы должны высоко держать его знамя, пусть даже без гримасы пафоса на лице.

23 [18]

В рассуждения о *природе* даже у самых свободомыслящих мыслителей вкрадывается мифология. Природа де должна предусмотреть и то, и это, стремиться к чему-то, радоваться или: «человеческая природа была бы крайне несовершенной, если бы — ». Воля, природа суть пережитки старой веры в богов.

23 [19]

Все те, кто сочиняют максимы, легко допускают погрешности, приписывая человеку вообще нечто свойственное тем или иным эпохам или социальным классам. Но то же самое делали философы, которые писали о человеке — и только история в соединении с историей животного мира позволяет осознать, до какой степени не хватало благоразумия. Так, для того, чтобы показать, будто жизнь людей имеет некую моральную метафизическую цель, Шопенгауэр указывает на то, что к концу жизни че-

ловек дает себе отчет относительно своих моральных качеств. Можно подумать, будто подобное чувство, если оно *в наше время* действительно присуще всем, может доказать что-то иное, нежели то, что вследствие определенных мнений и положений веры люди привыкли перед лицом смерти думать о своих грехах. То есть этот факт, как полагает Шопенгауэр, доказывает, что существуют и существовали определенные метафизические представления, хотя это не значит, что они истинны. Теперь известно, что этот факт встречается далеко не всегда, и что, например, в древности человек, умирая, очень часто вовсе не думал о грехах. И если бы даже это наблюдение распространялось на всех и было верным для всех периодов человечества и каждого человека, это вовсе не доказывает истинности утверждения Шопенгауэра.

23 [20]

Когда мужчины с сильными духовными потребностями думают о союзе с женщинами, их охватывает чувство, будто они приближаются к сети, которая все больше затягивается; они предчувствуют непрестанно продолжающееся принуждение, и, наконец, когда речь заходит о воспитании детей, начинается непрекращающаяся, постоянно вспыхивающая борьба.

23 [21]

Когда мы ищем объяснение природе и человеку, отвечающее нашим самым высоким и стойким представлениям, то натыкаемся только на метафизику. Как бы все это выглядело без всех этих возвышенных заблуждений о человеке? Я думаю, *по-зверски*. Представим себе животное, наделенное знанием строгой науки; оно не стало бы человеком, но в целом бы продолжало жить как животное, разве что в часы продолжительного досуга, например, как лошадь в стойле, могло бы читать хорошие книги, которые давали бы ему понять, что *истина и животное* годятся друг для друга.

23[22]

Почти у всех *философов* использование идей предшественников, а также их преодоление недостаточно строго,

и при этом не справедливо. Они не научились *тщательно читать* и интерпретировать, философы недооценивают то, насколько действительно трудно понять сказанное кем-то, и не прилагают стараний это понять. Так Шопенгауэр совсем не понял ни Канта, ни Платона. Как правило, не умеют верно читать и художники, — они склонны к аллегорическим и поверхностным объяснениям.

23 [23]

Как Бог, так и черт может с полным правом говорить человеку: «Ты только презирай разум и науку, — и ты непременно наш». В этом пункте они союзники. Кстати, видно и то, что ничего такого особенного в этом «непременно» нет.

23 [24]

Первоначально человек рассматривает все перемены в природе не как закономерность, а как проявление свободной воли, т. е. слепых склонностей, антипатий, аффектов, гнева и т. п.: природа — это человек, но куда более могущественный и непредсказуемый, нежели обычные люди, это укрытый в своем шатре, спящий тиран. Все вещи суть действия, как он, — не только его орудия и инструменты полагаются ожившими. Языкознание помогает доказать, что человек полностью заблуждался относительно природы и неправильно ее называл. Мы же наследовали эти именования вещей, человеческий дух взращен с этими ошибками, он ими вскормлен и возвеличен.

23 [25]

Социализм упрекают, будто он не замечает фактического неравенства людей; но это вовсе не упрек, а характеристика, ибо социализм *решается* не замечать этого неравенства и рассматривает людей как равных, т. е. допускает справедливость по отношению ко всем, что зиждется на предположении, будто все одинаково могущественны, одинаково ценны; подобно тому, как христианство считает всех людей равными в отношении греховной испорченности и необходимости спасения. Фактические различия (между хорошим и плохим жизненным выбором)

кажутся слишком незначительными, чтобы в итоге принимать их во внимание: так и социализм считает, что все люди по преимуществу равны, различие между добрым и злым, умным и глупым считается незначительным или относительным. Здесь он, впрочем, безусловно, прав в отношении образа человека, пришедшего к нам из далеких времен свайных построек: мы, люди этого времени, *в с<ущности>* равны. В этой *решимости* не замечать различий заключается вдохновляющая сила социализма.

23 [26]

Чем более развит человек, тем глубже он воспринимает движение, беспокойство, происходящее. Менее развитому человеку почти все представляется застывшим, – не только мнения, нравы, но и границы, страны, моря, горы и т. д. На подвижное глаз открывается очень постепенно. Ему понадобилось чудовищно много времени, чтобы схватить неизменное, мнимо длящееся, это было его первой задачей, возможно, уже растения приучали к ней. Поэтому такой неколебимо твердой стала вера человека в «вещи», равно как и вера в материю. Но ведь нет никаких вещей, ибо все течет – так утверждает познание. Однако инстинкт противоречит ему в каждое мгновение.

23 [27]

Для Шопенгауэра мир – это огромный человек, чьи действия мы наблюдаем и чей характер полностью неизменен: мы можем вывести его именно из этих действий. Таким образом, это пантеизм или даже пандьяволизм, ибо здесь вовсе нет стремления к тому, чтобы истолковать все воспринимаемое как доброе и совершенное. Но все это различение между действием как следствием и самим по себе сущим характером как причиной неверно уже применительно к человеку, не говоря о мире. Нечто, называемое характером, само по себе не существует, это упрощенная абстракция. И в этом ценность воззрений таких метафизиков, как Шопенгауэр: они пытаются создать картину мира. Жаль только, что этот мир превращается в человека, – можно было бы сказать, мир есть увеличенный Шопенгауэр. Но ведь это не так.

23 [28]

Самыми горькими являются страдания, которые не вызывают никакого *сильного* возбуждения — ибо высокая страсть, какой бы она ни была, дает ощущение счастья, — страдания, которые давят, изматывают и жалят. Их доставляют нам бесцеремонные люди, использующие свой способ достичь власти, и с тем, например, отягчающим обстоятельством, что, предавая дружбу, они используют интимную доверительность между нами. Единственным большим чувством, которое могло бы возвысить над подобными страданиями, было бы чувство ненависти с намерением отомстить, уничтожить другого. Но обычно хороший человек говорит себе, что злодей вовсе не так уж плох, каким он нам кажется, и что кое-какие заслуги его обеляют: так он подавляет мысль о возмездии, но это его не радует; он уповает на время, на ослабление всех воспоминаний.

23 [29]

Две вещи вредны: гложущая *досада* от обиды, с ее стократным пережевыванием, выплевыванием пережитого, и затем бледное удовлетворение от воображаемой мести — тогда как действительная и скорая месть, даже если ее последствия причиняют нам боль, гораздо здоровее. Такова и жизнь в *эротических* представлениях, которые оскверняют фантазию и постепенно завладевают нами, от чего страдает здоровье. — Здесь должно выручать самовоспитание: обоим влечениям следует соответствовать естественным образом и сохранять воображение в чистоте. Отказ от мести и отказ от любви делают человека больным, слабым и дурным.

23 [30]

Берегитесь колец! (Кольца — это свернувшиеся змеи, прикинувшиеся безобидными). Эти золотые свернувшиеся змеи хоть и прикидываются безобидными —

23 [31]

В каких стихах *плачут* столь же много, как в «Одиссее»? — И по всей вероятности эти стихи так же действо-

вали на внимавших им греков древних времен; каждый в слезах наслаждался при этом воспоминанием обо всем выстраданном и утраченном. Каждый пожилой человек имел некоторое число общих с Одиссеем переживаний, он во всем сочувствовал страдальцу.

Меня часто трогает до слез вовсе не трогательное у Гомера, но простое, скромное, прилежное, равно как и в «Германе и Доротее»; например, Телемах в первой песне.

23 [32]

Возможно, *неэгоистический* инстинкт есть позднее развитие *социального* инстинкта; во всяком случае, не наоборот. Социальный инстинкт возникает из принуждения интересоваться другим существом (раб—своим господином, солдат—своим вождем) или из страха, с пониманием, что надо действовать сообща, чтобы не пропасть поодиночке. Это чувство, будучи унаследованным, проявляется позднее, но первоначальный мотив при этом не осознается; он становится потребностью, которая при случае требует своего удовлетворения. Тогда интерес к другому —к общности, к делу (такому, как наука) *кажется* неэгоистическим, но в основе своей он таковым не был.

23 [33]

Основательные знатоки североамериканцев говорят, что «господствующее мнение в Соединенных Штатах направлено против любого, кто отказывается от стремления к тому *максимуму*, которого он способен достичь. *Отставание по доброй воле* считается срамом, разновидностью проступка перед обществом».

23 [34]

Мир без эроса.—Стоит задуматься: если эрос способен доставлять двум людям взаимное удовольствие, насколько иначе выглядел бы без этого наш мир зависти, страха и раздора!

23 [35]

Трагические юноши.—В склонности юношей к трагедии, в их манере предрекать себе печальную судьбу, думать

плохо о людях скрыто нечто от того удовольствия, которое они переживают, когда кто-то восклицает: «Как он мудр для своего возраста: как хорошо он уже понимает устройство мира!»

23 [36]

Это великолепное зрелище: из локальных интересов, из личностей, привязанных к каким-то мельчайшим отечествам, из произведений искусства, которые созданы для одного дня, для праздничных торжеств, из сплошных точек, разбросанных во времени и пространстве, постепенно вырастает длящаяся, соединяющая страны и народы культура: локальное становится универсальным, мимолетное получает монументальное значение. Надо проследить за этим ходом истории; правда, иногда по пути у кого-то останавливается дыхание, — настолько натянута пряжа, настолько близок к разрыву узел, который связывает самое далекое с поздним! — Гомер, сначала для всех эллинов, затем для всего эллинского культурного мира и, наконец, для любого — это факт, над которым можно плакать.

23 [37]

Шопенгауэр справедливо говорит: «Понимание строгой необходимости человеческих поступков есть та пограничная линия, которая отличает философские головы от прочих». А вот это неверно: «последнее и истинное разъяснение относительно внутренней сущности всей совокупности вещей должно быть по необходимости тесно связано с разъяснением относительно этической значимости человеческой деятельности». Также неверно: «делать заключение способны все, выносить суждение — лишь немногие».

23 [38]

Даже если кто-то принимает муки и смерть за свою веру, этим он еще не доказывают *истину*, а только *крепость своей веры* в то, что принимает за истину. (Христианство, собственно, исходит из недопустимого положения: «во что сильно верится, то верно». «То, во что сильно верится, делает блаженным, мужественным и т. п.»). Пафос

«истины» сам по себе вовсе не требуется, поскольку он только отвлекает от дальнейшего исследования и проверки. С этим пафосом связана некоторая разновидность слепоты, с ним можно даже оказаться в дураках, как об этом говорит Винклер. Время от времени необходимо переживать скептические периоды, чтобы иметь право называться ученой личностью. Шопенгауэр многократно подкреплял свою позицию руганью и проклятьями, и почти везде с пафосом; без этих средств его философия, возможно, была бы менее известной (например, когда он называет извращенностью образа мыслей «неверие ни в какую метафизику»).

23 [39]

Тому, кто пишет о внутренних мотивах человека, не стоит просто холодно указывать на них; ибо так ему не удастся сделать свои выводы достоверными. Он должен уметь пробуждать воспоминания о той или иной страсти, настроении, и должен таким образом быть художником изображения. К тому же опять-таки необходимо, чтобы он все эти аффекты знал из опыта; ибо иначе он вызовет негодование холодностью и видимостью недооценки того, что так *глубоко* трогало и потрясало других. Поэтому он должен пройти все важнейшие ступени человеческого и быть способным встать на любую из них: он должен *побывать* религиозным, искусным, сладострастным, честолюбивым, злым и добрым, патриотом и космополитом, аристократом и плебеем, и сохранить силу изображения. Ибо с его темой не так, как с математикой, где имеются вполне определенные средства выражения, числа, линии, которые абсолютно однозначны. Каждое слово о мотивах человека неопределенно, оно изобразительно, но надо уметь *сильно* изображать, чтобы показать сильное чувство.

23 [40]

Есть *каплющие* мыслители и *текучие*, различающиеся между собой так же, как и родники. Лихтенберг терпеливо подставляет свою чашу и, наконец, ее наполняет; но у него не хватило времени передать нам полную чашу; его

родственники отмеряли нам только капли. Здесь легко оказаться несправедливым. Текучий мыслитель создает собой видимость того, кто *полон сил*, но это может быть всего лишь заблуждением.

23 [41]

Не только вера в Бога, но и вера в добродетельных людей, добрые дела, в достоинство «неэгоистических» побуждений, то есть даже заблуждения в области психологии помогли человечеству двигаться вперед. Это большая разница, подражает ли некто с восторгом героям Плутарха или скрупулезно их анализирует. Вера в Бога сделала людей лучше, тогда как убежденность в обратном делает людей слабее, подозрительней и т. п. Таково влияние Ларошфуко и автора этих психологических наблюдений: эти меткие стрелки всегда попадают в яблочко, но в интересах человечества хотелось бы пожелать, чтобы у них не было этих чувств уничижения и подозрительности.

23 [42]

Привлекательность некоторых сочинений, например, «Тристрама Шенди», заключается, помимо всего прочего, в том, что в них есть противодействие унаследованному и воспитанному стеснению, с которым стараются не замечать некоторые вещи и не признаваться в этом, т. е. здесь при определенной «девственности души» ведется хитрая игра. Если представить себе, что эта стеснительность больше не наследуется, то пропадет вся привлекательность. Поэтому ценность самых замечательных сочинений очень сильно зависит от довольно изменчивой конституции внутреннего мира человека; усиление одних, ослабление других чувств делает тех или иных писателей первого ранга скучными: так, например, испанская честь и набожность у драматургов, средневеково-символическое у Данте становятся порой несносными и наносят вред нашему восприятию их носителей.

23 [43]

Чрезвычайная *ненадежность* всякого *обучения* имеет своей причиной то, что у него больше нет признанного

всеми фундамента, и что сегодня ни христианство, ни античность, ни естествознание, ни философия не имеют решающей и господствующей власти. В итоге, колеблясь, курсируют между направлениями самых разных течений. Наконец, национальное государство требует еще некой «национальной» культуры, чтобы таким образом возвести неясность в высшую степень—ибо национальное и культура противоречат друг другу. Даже в университетах, твердынях науки, находятся люди, которые со скрытностью предателей все еще признают религию или метафизику в качестве более высокой власти над наукой.

23 [44]

Учителя целых классов вкладывают совершенно ошибочное честолюбие в то, чтобы находить индивидуально разный подход к своим ученикам. Но ведь в высшей степени вероятно, что учитель, имея очень косвенное и одностороннее отношение к ученикам, знает их поверхностно и делает грубые ошибки в оценке того или иного характера (который к тому же у молодых людей еще податлив и не должен рассматриваться как сложившийся). Вред, который сопутствует обучению в классе, где к отдельным ученикам относятся в корне неверно, перевешивает все возможные достоинства индивидуального подхода к воспитанию, причем перевешивает существенно. В целом все суждения учителей об индивидуальности ученика ошибочны и поспешны; и уж во всяком случае нет и намека на то, что такие суждения научно взвешенны и осмотрительны. Следует всегда подходить ко всем ученикам одинаково и с равным уважением, считать их уровень довольно высоким и даже позволять себе при выставлении отметок очевидную недооценку. Надо также настолько сосредотачиваться на интересной подаче своего предмета, чтобы, коль скоро хотя бы одному ученику явно неинтересно, учитель ставил это в вину исключительно *себе*: вот надежный рецепт, который, кроме того, оставляет совесть учителя спокойной. Впрочем, само собой разумеется, что воспитание в классе это лишь временная мера, поскольку каждый отдельный человек не может воспитываться отдельным учителем, и таким образом индивиду-

альный характер и дарование будут обречены идти своими собственными путями: что очевидно чревато опасностями. Но разве отдельный воспитатель не представляет собою такую же опасность?

23 [45]

Наивный удивляется, что государство поддерживает воспитание и школу отнюдь не беспристрастно, – зачем же иначе оно так старалось бы взять их в свои руки! Это средство обуздывать умы. (Надежда каждого учителя получить место! Так их *приручают.*)

23 [46]

Нам выпадает некая новая радость, когда нас забавляют *метафизические представления*, и нас, как старинная история с приведениями, очаровывают торжествующая мина, трогательность мнимого открытия, таинственный трепет. Не будем же недоверчивы к самим себе! Мы обладаем плодами долгого господства метафизики, определенными сложными настроениями и ощущениями, которые относятся к высочайшим достижениям человеческой природы: мы от них вовсе не отказываемся, позволяя себе эту невинную усмешку. Но почему бы нам не посмеяться, когда Шопенгауэр хочет нам метафизически объяснить неприязнь к жабам, а также, что родители становятся случайными причинами появления гения рода и т. д.?

23 [47]

Отметить Рэ как меткого стрелка, который всегда попадает в яблочко.

23 [48]

Морального *самонаблюдения* сегодня ни в коем случае недостаточно; для того, чтобы ознакомиться с запутанными мотивами наших поступков, нужны история и сведения об отсталых народностях. В наших поступках разыгрывается вся история человечества, сюда вплетены все ее великие заблуждения и фальшивые представления; поскольку мы их уже больше не разделяем, мы их и не ищем больше в мотивах нашего поведения, но они проявляются

в них как настроение, цвет, обертон. Предполагается, что если классифицировать эти мотивы поведения человека, исходя из *необходимого* удовлетворения его претензий, то все мотивы будут действительно перечислены. Но ведь существовали бесчисленные, почти невероятные, даже безумные желания, разгадать которые сейчас было бы не так просто: они все еще продолжают действовать в нас.

23 [49]

Иногда нас охватывает возмущение, например, в случаях глубоких потрясений от скорби, измены, любовных домогательств, когда мы слышим всему этому естественно-историческое объяснение. Но подобные ощущения ничего не *доказывают*, их опять-таки надо объяснять. Ощущения *стали* глубокими, но они не были таковыми всегда; и нет никакой реальной причины для их максимального усиления, они основаны на воображении.

23 [50]

Если у гениев есть неприятные, даже дурные свойства, то надо тем более быть благодарными за их хорошие свойства, ибо они все же принесли свои плоды на такой почве, при таком соседстве, таком климате и таких вредителях.

23 [51]

Кое-что в возрожденном католицизме оценивается нами неправильно, поскольку здесь представлены проявления религиозности, свойственные южанам. Он кажется нам показным, мечтательным, неоправданно-преувеличенным: но ведь и протестантизм тоже понятен только северным натурам.

23 [52]

Музыка лишь постепенно стала такой символической, люди учились все лучше распознавать душевные процессы в определенных оборотах и фигурах. Изначально они не были в них заложены. Музыка не является непосредственным выражением воли, но только в полноте искусства она может *казаться* таковой.

23 [53]

Музыка как искусство в целом не имеет никакого характера, она может быть священной и низкой, тем и другим она становится только тогда, когда насквозь проникается символизмом. Те сублимированные обожествления музыки вообще, какие можно найти, например, у Беттины, суть описания воздействия *определенной* музыки на вполне определенных индивидов, которые несут в себе все те сублимированные состояния, *посредством* которых они и сближаются с музыкой.

23 [54]

Изначально все неэгоистичное хвалят потому, что оно полезно, эгоистичное <бранят> потому, что оно вредно. Но что, если бы это было *заблуждением*! Если бы эгоистичное было гораздо более полезным, в том числе для других людей, нежели неэгоистичное! Что если, порицая эгоизм, подразумевают только *глупый* эгоизм! В принципе хвалят же разумность? Но, разумеется, добро и глупость ходят вместе, un bon homme[1] и т. д.

23 [55]

Судя по новелле «У фьорда Малангер» Т. Мюгге единственный талантливый немецкий новеллист в стиле <Вальтера> Скотта; он, безусловно, мастер во всем.

23 [56]

Хвала Эпикуру. — Мудрость ни на шаг не обошла *Эпикура* — и часто на много тысяч шагов отстает от него.

23 [57]

Если я располагаю вещи по степени удовольствия, которое они доставляют, то на первом месте стоит музыкальная импровизация в удачный час, затем прослушивание отдельных вещей Вагнера и Бетховена, затем до полудня отдельные мысли пришедшие во время прогулки, затем сладострастие и т. д.

---

1 Добряк (*франц.*).

23 [58]

Наслаждение в искусстве зависит от знаний (упражнение); то же и в отношении народного искусства. Нет никакого непосредственного воздействия на слушателя, выхода за пределы интеллекта. Многим не нравится музыка Вагнера, потому что высшее музыкальное образование похитило у них способность наслаждаться.

23 [59]

Люди, которые исключительным образом освобождаются от унаследованно-нравственного, суть без-«совестные», могут стать таковыми только так, как появляются уроды; рост и само-создание продолжается после рождения как результат унаследованных привычек и сил. В этом случае можно было бы расширить понятие врожденного уродства и говорить, например, об *изуродованных*. В отношении последних прочее человечество имеет те же права, как и в отношении уродов и монстров: оно может их уничтожать, чтобы не поощрять распространение отстало-неудавшихся. Например, *убийца*—это изуродованный.

23 [60]

Обычный опыт: дела шли плохо, но много лучше, чем я ожидал.

23 [61]

Счастье и несчастье.—У некоторых людей счастье выказывает себя более волнующим образом, нежели их несчастье.—Кто может слушать без слез веселую музыку, звучащую из сумасшедшего дома?

23 [62]

На прогулке вдоль лесного ручья мелодия, которая внутри нас, кажется слышимой, в сильных дрожащих тонах; иной раз она кажется даже опережающей на один звук тот внутренний образ мелодии, которому мы следуем, и обретает собственную самостоятельность, которая, однако, всего лишь иллюзия.

23 [63]

Главным элементом честолюбия является стремление прийти к *ощущению* своей *власти*. Радость от власти несводима к тому, что нас радует восхищение других. Хвала и хула, любовь и ненависть равны для честолюбца, желающего власти.

Страх (негативное) и воля к власти (позитивное) объясняют нашу сильную зависимость от мнения людей.

Удовольствие от власти. — Удовольствие от власти объясняется стократно пережитым неудовольствием от зависимости, бессилия. Нет этого опыта, нет и этого удовольствия.

23 [64]

Признак возвышенных натур. — Метафизические представления человека суть свидетельства его возвышенной натуры, благородных потребностей, поэтому следует всегда говорить о них в почтительнейшем тоне.

23 [65]

Польза и вред всякого мученичества. — Многие мученические смерти стали источником силы для людей с точки зрения убежденности-непреклонности, но не с точки зрения строгого испытания истины. Жестокости вредят истине, но полезны для воли (которая манифестирует себя в вере).

23 [66]

Насколько утешает несчастного незаслуженность наказания? Его используют на благо человечества как средство устрашения. Но ведь он не заслужил, чтобы его рассматривали как средство? Однако как только будет признано, что никто не заслуживает чего-либо, эта точка зрения тоже вряд ли кого-то утешит. Впрочем, при любых обстоятельствах следует радоваться тому, что служишь средством улучшения человечества.

23 [67]

Обычная форма недоверия. — Мы несправедливо недоверчивы к книгам, выводы которых нам не нравятся — и наоборот. Внутри одной партии никогда всерьез не об-

суждаются принципы партийной борьбы; только противоборствующие партии и их интересы вызывают сильную критику.

23 [68]

Иной попадает по гвоздю, но не по шляпке, он безнадежно искажает проблему. Было бы лучше, если бы он вообще не брался за дело.

23 [69]

Замена случайного необходимым. — На стадии более высокого духовного освобождения все случайно-естественное, с чем обычно связана жизнь, следует заменить на избранно-необходимое. Кто издавна имеет неподходящих друзей, должен от них освободиться; смотря по обстоятельствах следует выбрать себе нового отца, новых детей.

23 [70]

Неверная оценка большого влияния. — Сводить значительное воздействие к значительным причинам — весьма распространенная ошибка. Во-первых, это могут быть незначительные причины, которые, тем не менее, действуют на протяжении долгого времени. Затем объект, на который оказывается воздействие, может быть подобен увеличительному зеркалу; плохой поэт может оказывать большое влияние, поскольку публика как раз под стать ему, — например, Уланд среди своих швабских земляков.

23 [71]

Ищи такого одиночества, чтобы быть максимально полезным многим или всем: если ты ищешь иного, то оно сделает тебя слабым, больным и отмирающим членом.

23 [72]

Не отсутствие любви, а отсутствие дружбы создает несчастные браки.

23 [73]

Выражение «*жалование*» занесено в наше время из той эпохи, когда низкорожденный, несвободный всегда чувствовал себя осчастливленным, облагодетельствован-

ным, если ему вообще что-то давали или жаловали, когда его взбадривали, подобно животному, то кнутом, то пряником, но он никогда ничего не «заслуживал». Когда кто-то делает то, что он должен делать, то здесь нет никакой заслуги: если ему несмотря на это все-таки заплатили, то это уже чрезмерная милость, доброта.

23 [74]

Нынешние драматурги зачастую исходят из ложного понимания драмы и являются *дракотургами*[1]: у них во что бы то ни стало нужно драться, кричать, шуметь, стрелять, убивать. Но «драма» означает «событие», factum, в противоположность fictum. Даже историческое происхождение греческого слова-понятия не дает им такого права. История драмы подавно не дает, так как изображения «драки», грубого действия греки как раз избегали.

23 [75]

Прежнее доказательство посредством чуда. – Когда кто-то погружает свою руку в расплавленный, текучий металл и вынимает ее невредимой, то это и сейчас приводит в изумление, но прежде при этом несомненно верили, что видели чудо: кто это проделывал, сам верил в таинственную силу и сверхъестественное содействие. Тот, кто и теперь не знает объяснения этому факту, считает все же, что все происходит естественно, и ему это удалось бы так же, как предыдущему. Прежде можно было бы подобным образом *доказать* любое утверждение, и каждый поверил бы подобному доказательству.

23 [76]

Научные методы *освобождают* мир от великого пафоса, они показывают, сколь неадекватны были, врабатываясь в такую высоту чувства. Сейчас смеются и удивляются перебранке, которая доводит до бешенства двух врагов а затем и целые поколения и, наконец, определяет судьбы народов, в то время как сам повод, возможно, давно забыт; но подобное происшествие является символом всех больших аффектов и страстей в мире, которые в

---

1 См. сноску к 24[1].

своем первоисточнике всегда смехотворно малы. Теперь человек, наконец, застывает в удивлении перед *высотой* своих чувств и *низменностью* их происхождения; но со временем это противоречие смягчается, ибо пристыжающее чувство комического очень тихо работает в человеке, который здесь, наконец, начал кое-что понимать.

Есть амбициозные добродетели, которые могут удерживать свою высоту только при метафизических предпосылках, например, девственность. В то время как сама по себе она значит не больше, чем бесцветная непродуктивная полудобродетель, склоняющая еще и к тому, чтобы судить о своих ближних как о еретиках.

23 [77]

Если различать ступени моральности, то в качестве первой я бы назвал подчинение обычаю, а второй — *почтение* и *пиетет* перед обычаем и его *носителями* (стариками). Скованность интеллекта, ограниченность его горизонта и дерзновения, *возрастание чувства* внутри ограниченной области дозволенных представлений. — Напротив, требование неэгоистических, неличных действий, в которых обычно видят первоисток морали, выдвигается пессимистическими религиями, поскольку они исходят из отрицания эго, личности, так что метафизическое значение «радикального зла» должно было быть заложено в человеке изначально. Из пессимистических религий Кант взял как радикальное зло, так и веру в то, что неэгоистическое является отличительным признаком морального. Но теперь это существует, как верно замечал Шопенгауэр, лишь как уступка определенным чувствам, напр. состраданию, благосклонности. Однако ощущений *нельзя требовать*, им нельзя приказывать. А мораль всегда требовала, вследствие чего она не может полагать «сострадание и «благосклонность» (неэгоистичность) решающими признаками «морального человека», — ведь мы нередко слышим об «аморальных людях», которые на самом деле весьма добродушны и сострадательны.

23 [78]

Ошибочной предпосылкой всякой морали является заблуждение, будто человек действует свободно и облада-

ет ответственностью. Любой закон, любое предписание (в государстве, обществе, школе) основаны на этой вере, мы настолько привыкли к этому, что и хвалим и осуждаем, — даже *после* того, как нам довелось кое-что понять про имеющую место безответственность. Но в то же время мы ведь не осуждаем и не хвалим природу. Требовать неэгоистических поступков, как это делают пессимистические религии, требовать любви: это основано на том же основном заблуждении.

23 [79]

Чтобы объяснить моногамию и ее широкое распространение, надо уберечься от праздничных гипотез, на которые соблазняет нас известный стыд перед мистерией. Прежде всего вовсе не надо думать о моральном происхождении: ведь у зверей она тоже достаточно распространена. Всюду, где самок меньше, чем самцов, или найти ее самцу бывает трудно, возникает желание защитить обладание ею от новых притязаний других самцов. Самец не отпускает от себя однажды обретенную самку, потому что он знает, как трудно найти новую, если потеряешь эту. Моногамия — это не добровольное ограничение себя *одной* самкой, когда еще есть выбор среди многих, но утверждение собственности в условиях, когда не хватает самок. Поэтому ревность достигла ее нынешней силы за чрезвычайно долгий период, будучи унаследованной нами из царства животных. В человеческом обществе обычай моногамии многократно санкционировали из различных соображений полезности, прежде всего для блага семьи, которая должна быть по возможности прочно организована. В такой семье росла ценность женщины, в результате чего она, *исходя из своего положения*, стала предпочитать отношения моногамии всем прочим.

Когда-то женщина действительно была собственностью, подобно домашней рабыне, но в совместной жизни двоих в совместных радостях и страданиях, когда женщина все же может отказаться от какой-то работы, а в чем-то и служить заменой мужчине, утверждалось более высокое положение супруги. Теперь, когда женщины в цивилизованных странах фактически составляют большинство,

моногамия защищена только постепенно ставшими сверхмощными санкциями обычая; естественного базиса для нее больше нет. Именно поэтому за спиной почитаемой и празднично оберегаемой и освящаемой моногамии фактически существует некий род полигамии.

23 [80]

Если Шопенгауэр отдает первенство воле и только присоединяет к ней интеллект, то тогда весь наш нрав, насколько он нам сейчас известен, более не пригоден для подтверждения этого. Ибо он стал сплошь интеллектуальным (так же, как стало интеллектуальным и наше восприятие звуков музыки). Я считаю: и удовольствие, и боль, и желание мы больше не можем рассматривать отдельно от интеллекта. Возвышенность, многообразие, мягкость нрава воспитаны благодаря бесчисленным процессам мышления; поэзия относится к нынешней музыке, как к учительнице всяческой символики, так же и мысль—по отношению к нынешнему нраву. Эти мысли были многократными заблуждениями; напр. настроение набожности целиком зиждется на заблуждении. Удовольствие и боль преобразовались в некое *искусство*, как раз посредством того же самого искусства. С подлинными мотивами поступков дело обстоит ныне так же, как с мелодиями современной музыки: уже нельзя сразу сказать, где мелодия, а где сопровождение, гармония; также и в мотивах поступков все искусственно переплетено, многие мотивы сопровождают друг друга и взаимно придают друг другу гармонию, окраску, выражение, настроение. У определенных настроений мы можем предполагать волю отделенной от интеллекта, но это заблуждение: они есть результат. Каждое побуждение стало интеллектуальным; все, что мы переживаем, напр., в любви, является результатом всех раздумий об этом, всей связанной с этим метафизикой, всех родственных *созвучных соседствующих настроений*.

23 [81]

Что касается *происхождения искусства*, то здесь не следует исходить из эстетических состояний и тому подобного; это поздние результаты, как и сами художники.

Просто человек, как и животное, ищет удовольствия и в этом изобретателен. Мораль возникает, если он ищет полезного, т. е. того, что не тотчас же или вовсе не доставляет удовольствия, но ручается за *безболезненность*, причем —в интересах многих. Прекрасное и искусство обращаются к непосредственному созданию как можно более сильных и разнообразных *удовольствий*. Человек преодолел существующие у животных ограничения, связанные с течкой; это указывает ему на путь изобретения удовольствий. Многие чувственные радости он унаследовал от животных (привлечение цветом у павлинов, радость пения у певчих птиц). Человек изобрел труд без усилий, *игру*, занятие без разумной цели. Полет фантазии, измышление невозможного, даже бессмысленного доставляет радость, потому что это занятие без смысла и цели. В движении рук и ног есть некий эмбрион тяги к искусству. Танец—это движение без цели; бегство от скуки—мать всех искусств. Все *внезапное* нравится, если оно не *вредит*, —в этом штука: все блестящее, громкозвучное (свет, грохот барабана). Ибо напряжение спадает благодаря возбуждению, которое, однако, не наносит вреда. Требуется эмоция сама по себе, плач, испуг (в страшных историях), напряжение: все, что возбуждает, приятно, даже неудовольствие в противоположность скуке воспринимается как удовольствие.

23 [82]

Если кто-то поддерживает науку во вред человечеству (собственно, нет предустановленной гармонии между содействием науке и человечеству), то ему следует сказать: если ты хочешь к своему удовольствию пожертвовать человечеством ради твоего познания, то мы пожертвуем тобой ради всеобщего благополучия, здесь добрая цель оправдывает свое средство. Если бы кто-то ради эксперимента захотел отравить человечество, мы бы одели на него оковы как на особо опасного субъекта. Мы требуем: благо человечества должно быть пограничным пунктом в области исследования истины (не как направляющая мысль, но как мысль ограничивающая). Конечно, здесь недалеко до инквизиции; так как всеобщее благо было поводом для преследования еретиков. В известном смыс-

ле *инквизиционная цензура* необходима, хотя методы будут все более гуманными.

23 [83]

Старинный город, лунный свет в переулках, одинокий мужской голос—это действует, как будто прошлое живо, вернулось и хочет говорить с нами—неизлечимость жизни, бесцельность всех устремлений, блеск лучей вокруг, глубина счастья во всех печалях и утратах: вот вам тема.

23 [84]

У художников переоценивают элемент *импровизации*, которой у наиболее оригинальных художников как раз нет,—разве что у полусамостоятельных подражателей. Бетховен ищет свои мелодии во многих пьесах, он весь в поиске. Но сами художники желают, чтобы в них превыше всего оценивалось инстинктивное «божественное», а вот представляют существо дела, когда говорят об этом, не верно. Фантазия (как напр. у актеров) проявляет множество форм *без отбора*, более высокая культура художественного *вкуса* отбирает лучшие из них и убивает прочие с твердостью ликурговской повитухи.

23 [85]

Преимуществом нашей культуры является *сравнение*. Мы сопоставляем самые разные продукты прежних культур и оцениваем их; делать *это* хорошо и есть наша задача. Наша сила должна проявиться в том, как мы *выбираем*; мы должны быть судьями.

23 [86]

В заключение: *разум и наука— «высшая сила человечества!»*

23 [87]

Мы называем *моральным* того, кто подчиняется признаваемому им закону и действует сообразно последнему, будь то государственный закон, будь то глас Божий в форме религиозных заповедей, будь это даже только совесть

или философский «долг». Верит ли он по праву или не по праву в эти законы, безразлично; для морали важно только то, что он ими руководствуется. – Внутри разнообразных сфер эгоизма есть различение высокого и низкого: стоять здесь на стороне более высоко настроенного эгоизма мы тоже называем моральным. При этом мы не то чтобы называем моральный способ действия непременно *добрым*. Душевная доброта признается за человеком, который охотно проявляет сочувствие, сорадование, самопожертвование и т. д. не с оглядкой на законы, но по внутреннему побуждению. То есть мораль ставшая инстинктом, связанная в своих проявлениях с удовольствием, как это обычно происходит после длительного унаследования и привычки – это называется у нас добротой.

23 [88]

Говорят о смягчающих обстоятельствах: они должны уменьшать *вину*, и вследствие этого наказание должно быть менее суровым. Но если обратиться к генезису вины, то постепенно вина снимается совсем, и тогда не может быть уже никакого наказания. Ибо по существу при несвободе воли нет вообще никакой вины. Если понимать наказание как устрашение, то не может быть никаких смягчающих обстоятельств, относящихся к происхождению вины. Если преступление констатировано, то наказание следует неминуемо; человек есть средство для всеобщего блага. И христианство утверждает: «не судите» – с оглядкой на собственные недостатки. Христос: «Бог да судит». Но это заблуждение.

23 [89]

Философы пытаются доказать *волю к жизни* тем, что они признают страшное или бесполезное в жизни и все же не прибегают к *самоубийству* – но их *изображение* жизни может быть *ложным*! –

23 [90]

Как бы ни отвечали сегодня на вопрос критики способности познания, исследование настолько трудно, самопроверка мысли настолько субтильна, что их результат не имеет ничего общего с результатами прежних религий,

искусства и морали. Последние обязаны своим появлением не подобным научным процедурам, а в высшей степени ненаучным. Потребность в них не влечет за собой никаких последствий для «истинности», реалистичности их допущения.

23 [91]

В хорошо написанном *рассказе* главный мотив будет развертываться так же, как растет растение, все отчетливее, пока наконец как новое и в то же время знакомое не раскроется цветок. Искусство рассказчика главным образом в том, чтобы дать прелюдию теме, многократно предварить ее символически, подготовить настроение, в котором предвосхищается наступление грозы, сделать слышимыми звуки, сопровождающие основную мелодию, и любым способом возбудить изобретательность читателя, как будто он должен сам разгадать загадку; но затем *решить* ее таким образом, чтобы читатель был ошеломлен. — Как играет ребенок, так должен работать мужчина, школьное событие может отчетливо показать все действующие лица некого будущего большого политического действа. — Вероятно, и *философию* можно *изложить* так, чтобы основное утверждение поставить в самый конец, притом сильнейшим образом акцентировав его.

23 [92]

Это знак *величия*, уметь высоко осчастливить *скромными даяниями*.

23 [93]

Философия великих людей соответствует обычно тому *возрасту жизни*, в каком созрела ее *концепция*. Поэтому тот, кто близко знаком с двадцатилетним Шопенгауэром, может вычислить, *предсказать* буквально всю философию Шопенгауэра.

23 [94]

Каждого человека *воспитывают* обстоятельства, приятели, родители, братья и сестры, события времени, места, — но это все воспитание случаем, и оно на самый разный манер способствует тому, чтобы сделать его по-

настоящему несчастным. Однако человечество в целом так и не вышло за пределы такого *воспитания случаем*: мешает метафизическое представление (перед которым тушевался даже острый ум Лессинга), будто Бог взял в свои руки воспитание человечества, и мы не можем полностью познать его пути. Отныне воспитание должно ставить себе экуменические цели и исключить случай даже в судьбах народов, — задача настолько великая, что целый новый род воспитателей, новая формация врачей, учителей, священников, естествоиспытателей, художников прежней культуры — — —

23 [95]

Благоразумие античных поэтов проявляется в том, что они поднимают *чувство с одной ступени на другую* и таким образом очень значительно его усиливают. Новые пытаются делать то же с наскока или же изо всех сил натягивают одновременно все струны страсти. Но если им это не удается сначала, они тут же теряются. Хорошая книга должна, как целое, быть похожей на лестницу чувств, к ней должен быть доступ только с одной стороны, читатель должен чувствовать себя сбитым с толку, если он на свой страх и риск попытается найти в ней свою дорогу. Каждая хорошая книга сама себя так защищает; кто же будет с удовольствием тянуть за собой нить с нанизанными словами, которые он пока не понимает? Говоря иносказательно: когда мне читали «Стойкого принца» Кальдерона в переводе Шлегеля, я чувствовал следующее: я тянул мою нить какое-то время, пока наконец малодушно не отпустил, сделал новую попытку и снова тянул за собой нить с нанизанными словами, но объясняющее, выручающее слово приходило редко: мука, досада, как при виде картины, на которой все изображения выцвели, поблекли и могли означать что угодно.

23 [96]

Ошибка моралистов состоит в том, что они, чтобы объяснить моральное, противопоставляют друг другу эгоистическое и неэгоистическое как моральное и неморальное, т. е. конечную цель морального развития, наше сегодняшнее восприятие, они приняли в качестве исходного

пункта. Но эта последняя фаза развития обусловлена многочисленными ступенями, влиянием философии и метафизики, христианства, и потому совершенно не годится для объяснения происхождения морали. Более того, возможно, что неэгоистический поступок—хотя и расхожее понятие, но вовсе не действительный факт, а только кажимость; напр., отвод сострадания может вернуть к эгоизму, так же, как, вероятно, не существует злых деяний самих по себе, нанесения вреда без личного повода и т. д. Царство морального было прежде всего царством *нравственного*, но вовсе не во все времена «добрым человеком» называли того, кто соблюдал обычай *не*эгоистических поступков, проявляя сострадание и тому подобное, но скорее того, кто вообще следовал *обычаям*. Ему противостоял злой человек (безнравственный), не соблюдающий обычаев.

23 [97]

Сочувствие к ближнему есть *поздний* результат культуры: насколько далеко должна была развиться фантазия, чтобы мы почувствовали другого как себя самого (только когда мы посредством воспоминания научились воспринимать наши собственные *вовсе не* нынешние боли и радости как переживаемые сейчас). Здесь безусловно велико участие искусства, когда оно учит нас сочувствовать даже воображаемым переживаниям несуществующих лиц.

23 [98]

Хорошая *рецензия* на научную книгу состоит в том, чтобы *лучше решить* поставленную в ней проблему; соответственно критика произведения искусства должна была бы состоять в том, чтобы некто лучше воплотил мотив, который предполагалось воплотить в этом произведении искусства, например, чтобы музыкант доказал на деле, что другой не справился со своей темой; точно так же скульптор, романист. Всякая хорошая критика означает улучшение; поэтому *умение улучшать* является непременным условием для критика.—Теперь посмотрите на обычных критиков искусства и философии! Они говорят: «Это нам не нравится»; но чем, если не делом, они собираются доказать, что их вкус по своему развитию стоит выше?

23 [99]

О *предчувствиях* говорят, будто, например, религия предчувствовала определенные знания, пусть даже смутно. Подобной связи между религией и наукой не существует. То, что называют предчувствием, основывается на совершенно других мотивах, нежели научные, и на других методах, даже не на полунаучных. Это *случайность*, если что-то одно выглядит похожим на другое. Все религии вместе могут смутно содержать в себе определенные общие «истины», и некоторые думают, будто говорят что-то в пользу философии, когда привлекают на ее сторону религиозную фантастику. Однако все как раз наоборот: наука и религия *никогда не смогут* в своих результатах признать себя похожими.

23 [100]

Даже внутри высокоразвитых наций в одно и то же время продолжают жить рядом друг с другом люди самых разных уровней культуры. В Германии и Швейцарии кое-где еще осталось все, что владело душами со времени Реформации, и можно вернуться на несколько столетий назад и говорить с людьми из тех времен. Но ведь и очень богато развитый человек (как Гёте) проживает большие временные периоды, целые столетия в разных фазах своей натуры.

23 [101]

Художники суть *адвокаты страсти*, ибо она полна эффектов и дает художнику десятикратную возможность проявить свое искусство. Так возникает видимость, будто страсти—это что-то великолепное, вожделенное, раз у поэтов для них на устах прекраснейшие слова; однако в действительности они прославляют страсти потому, что прежде всего хотят прославить самих *себя*. Отчасти они тоже страстные натуры, и в этом смысле—свои собственные адвокаты. Но теперь именно они устанавливают в мире ценности, достойные прославления, они прирожденные панегиристы вещей, и они действительно изменили отношение людей к страсти, т. е. *утончили, облагородили ее саму*: напр. любовь. В этом их заслуга.

23 [102]

Госпожа де Сталь: век познания имеет свою невинность, как и золотой век.

23 [103]

Ценность угрызений совести для духовного освобождения. —Нет сомнения, что угрызения совести внесли серьезный вклад в приумножение духовной свободы в мире. Они нередко побуждали к критике тех представлений, которые, из-за совершенных прежде поступков, действовали особенно болезненно; и тут открывалось, что в этих представлениях не было толком ничего, кроме привычки и всеобщего мнения в окружающем нас обществе. Если бы можно было избавиться от того и другого, удалось бы избежать и угрызений совести.

23 [104]

Художники могли бы быть счастливейшими людьми, поскольку им позволено создавать совершенное как *целое*, и даже часто; в то время как другие всегда работают над малыми частями целого. Но художники избалованы созерцанием совершенного целого, и требуют именно этого, они на многое претендуют, они завистливы, не привыкли владеть собой, заносчивы в суждениях, и их творениям то и дело не хватает наслаждающихся и восхваляющих ценителей.

23 [105]

Пафосу место в искусстве. —Кто не станет ядовитым и не возмутится внутренне, слушая кого-то, кто воспринимает свою жизнь слишком патетически и говорит о «Голгофе» и «Гефсимании»! —Мы терпим патетическое только в искусстве: живой человек должен быть скромен и не слишком криклив.

23 [106]

Желать того же, что хочет другой, и притом ради него самого, не ради нас, —вот что создает друга, говорит Аристотель. Здесь описывается неэгоистическое поведение; если мы длительное время находимся в таком настро-

ении по отношению к определенным личностям, это и есть дружба. Согласно ныне принятому пониманию морали, отношения дружбы—наиболее моральные из всех существующих.

23 [107]

Надо какое-то время прожить в метафизическом сумраке только для того, чтобы узнать, какое это удовольствие видеть все вещи в трезвой утренней свежести и глубоко дышать чистым воздухом.

23 [108]

Правильно читать.—Искусство правильно читать настолько редко, что почти каждый сперва нуждается в интерпретации документа, закона, договора; особенно много испорчено христианскими проповедниками, которые с кафедры постоянно подвергают Библию сомнительнейшим процедурам толкования и повсюду вызывают почтение подобной искусственной софистической манерой, и даже побуждают к подражанию.

23 [109]

Если мораль восходит к точке зрения всеобщей пользы и вреда, то тогда следует мерить моральность поступка не намерением индивидуума, а самим деянием и его успехом. Расщепление души и исследование подноготной относятся к такому устройству этики, при котором речь вовсе не идет ни о пользе, ни о вреде. Надо требовать поступка и не заботиться столь боязливо о мотивах (переплетение которых, впрочем, куда большее, нежели это предполагает *любой* психологический анализ поступка, всегда несколько заблуждающийся).

23 [110]

Переходная духовная атмосфера.—Мы освободились от многих представлений—Бог, вечная жизнь, воздающая потусторонняя и посюсторонняя справедливость, грех, спаситель, необходимость спасения; некий вид временного недуга требует заполнения пустующих мест, кожа мерзнет от холода там, где она прежде была прикрыта одеждой. Тут появляются философии, которые представ-

ляют собой как бы *переходную атмосферу* для тех, кто еще не может прямо выносить свежий горный воздух.

Сравним, как греческие философские секты служили в качестве переходной атмосферы: старый полис и его образование в них еще действуют: но *к чему* следует переходить? Это как раз и не найдено. Или это был *софист*, полностью свободный ум?

23 [111]

Можно уже пропускать мимо ушей, когда люди жалуются на утраченную народность (в одежде, обычаях, понятиях права, диалектах, поэтических формах и т. д.). Как раз этой ценой можно подняться к над-национальному, к всеобщим целям человечества, к основательному знанию, к пониманию и наслаждению прошлым, а не туземным. Короче, именно так перестают быть варварами.

23 [112]

Возвышенное действует, как возбуждающее средство и перец на все усталое, прекрасное приносит успокоение возбужденному—в этом главное различие. Возбужденный пугается возвышенного, усталый скучает перед прекрасным. Впрочем, возвышенное, если его отделить от прекрасного, идентично с безобразным (т. е. со всем не-прекрасным); и как есть искусство прекрасной души, так есть искусство и безобразной души.

23 [113]

Самоуничижение.—Та сильная склонность к самокопанию и самоуничижению, которая наблюдается у грешников, кающихся и святых, ведет зачастую к общей усталости их жизненной воли (или нервов), против чего они тоже применяют самые болезненные возбуждающие средства.

23 [114]

Если принять в расчет, что заблуждения великих философий обычно имеют свой исходный пункт в ошибочном объяснении определенных человеческих действий и переживаний, что на основе ошибочного анализа, например, так называемых неэгоистических поступков, строит-

ся ошибочная этика, что затем ей в угоду призываются на помощь религия и мифологический вздор, и что наконец тени этих мрачных духов проникают в физику и общее мировоззрение, — если принять в расчет все это, то становится ясно, насколько несправедлива привычная недооценка психологического наблюдения, в то время как результат этой недооценки — поверхностность психологического наблюдения — поставила опаснейшие ловушки человеческому мышлению и суждениям и продолжает их ставить. Откуда тогда такое невнимание? Оттого ли, что даже пустым и тщеславным отбросам общества, мужского ли, женского ли пола, при случае удаются такие замечания, и что здесь в определенные моменты имеют обыкновение разбрасывать моральные сентенции, как конфетти на карнавале остроумного кокетства? — Но совсем другое дело, когда строго взвешивающий мыслитель высказывает то же самое психологическое положение, которое уже некогда было открыто в этих кругах, и дает ему чеканку и профиль *своего* авторитета. Возможно, ничто ныне не является более необходимым, чем, в качестве подготовки любого будущего философствования, воздвигая камень на камень, камешек на камешек, накапливать психологическую работу и смело противиться любому пренебрежению работой такого рода. К каким открытиям придет следующее поколение, если оно овладеет этим материалом! — Конечно, надо не подпускать к этой сфере тот нечестный дух, в котором, например, Шлейермахер призывал своих учеников исследовать психологические факты религиозного сознания: ибо здесь с самого начала имелось в виду сохранение религии и дальнейшее существование теологии (которой он хотел задать новую работу).

Так же, как в природе нет цели, но несмотря на это она творит вещи, наделенные высочайшей целесообразностью, так же будет работать без цели (пользы, блага людей) и настоящая наука, но она станет частью природы, т. е. во всем невольно достигнет целесообразного (полезного).

23 [115]

В особенностях индогерманских языков, отличающих их от материнского праязыка, можно распознать оста-

точные следы утраченных языков, на которых изначально говорили народы, завоеванные и побежденные индогерманскими кочевыми племенами, после чего и язык завоевателей как бы становился победоносным и перенимался побежденными. Возможно, в акценте и прочем остались старые навыки, и они перешли в заново выученный язык.

23 [116]

В благодарность за последствия. — Некоторые метафизические и исторические гипотезы защищают столь рьяно лишь потому, что благодарны им за их последствия.

23 [117]

Наслаждение природой. — При критике наслаждения природой сбрасывается со счетов многое, что вовсе не имеет отношения к эстетическому возбуждению, — например, воздействие нежного легкого воздуха при восхождении на высокую гору, сознание победы над тяжестью, сознание преодоленной трудности, отдых, географический интерес, намерение найти красивым то же самое, что находили красивым другие, заблаговременное предвкушение будущего рассказа об этом.

23 [118]

Есть места в побочной теме аллегретто симфонии ля мажор[1], которые делают жизнь такой же приятной, будто стоишь у живой изгороди с розами летним вечером.

23 [119]

Надежда — это радуга над низвергающимся с кручи потоком жизни, стократно проглоченная пеной и сызнова вечно возникающая, с нежной, прекрасной смелостью перепрыгивающая через него там, где он наиболее дик и опасен.

23 [120]

Не следует недооценивать даже неглубоких, веселых, смешливых женщин, они здесь для веселья, в мире слишком много серьезного. Даже заблуждения в этой об-

---

1 7-я симфония Бетховена (*прим. ред.*).

ласти имеют свою сладкую сторону.—Если женщины станут дельнее, содержательней, то в мире больше не останется надежного места для безобидной глупости. Торговля любовью относится к безобидной стороне бытия.

23 [121]

Сократовское средство.—Сократ был прав: дабы не попасть полностью под иго эроса, надо довольствоваться менее красивыми женщинами.

23 [122]

Если кто-то привык сочинять книги, то его, возможно, вполне светлые мысли растекаются так, что становятся неуклюжими и темными. Даже Кант из-за своей ученой манеры сочинения книг (которая даже с обывательской точки зрения считается академической обязанностью) обрек себя на тот многословный стиль изложения, который вдвойне достоин сожаления, поскольку Канту (из-за его академических обязанностей) вечно не хватало времени. В процессе сочинения ему часто приходилось снова и снова вдумываться в круг своих мыслей. Если бы он ограничился изложением в кратчайшей форме всего того, что уяснил для себя *до* написания (возможно, во время прогулки), как это делал Юм, то все споры о верном понимании Канта, которые продолжаются до сих пор, стали бы излишними.

23 [123]

Ранние речевые навыки готовят все мысли к моментальному действенному употреблению и поэтому легко становятся препятствием для глубокого понимания и вообще основательного проникновения в себя самого.—Поэтому демократические государства пестуют речевую подготовку в школах.

23 [124]

Человек с опытом неохотно возвращается в те места и к тем и людям, которые были ему некогда особенно дороги. Счастье и разлука должны быть в итоге сведены вместе: так удается нести сокровище дальше.

23 [125]

В то время, как Шопенгауэр высказывается о мире явлений в том смысле, что они в своих общих чертах позволяют познать сущность вещи в себе, более строгие логики отрицают любую связь между безусловным, метафизическим миром и тем, что известен нам, так что в явлении вовсе не проявляется вещь в себе. Обе стороны, как мне кажется, просмотрели, что именно разные ошибочные представления интеллекта становятся причиной, почему вещь в себе и явление кажутся находящимися в неразрешимом противоречии. Мы настолько опутали явление заблуждениями, оно настолько переплелось с ними, что уже никто не может мыслить мир явлений отдельно от них. Итак, обычные, с самого начала унаследованные нелогичные привычки интеллекта создали всю эту пропасть между вещью в себе и явлением; эта пропасть будет существовать до тех пор, пока существуют наш интеллект и его заблуждения. Шопенгауэр в очередной раз собрал воедино все характерные черты нашего мира явлений — т. е. мира, сотканного из интеллектуальных заблуждений и унаследованных нами представлений о нем, — и вместо того, чтобы предъявить обвинение интеллекту, признал саму сущность вещей причиной такого фактического характера мира. С этими обеими точками зрения история происхождения мышления разберется самым решительным образом, в результате чего, возможно, мы придем к следующему положению: то, что мы сейчас называем миром, есть результат множества заблуждений, которые постепенно возникали в общем развитии органических существ, переплетались друг с другом и теперь унаследованы нами как совокупное богатство прошлого. Вызволить нас из этого мира строгая наука действительно способна по сути лишь в незначительной степени, поскольку она не в состоянии сломить силу древнейших привычек, — но она может прояснить историю возникновения этого мира как представления.

23 [126]

Это верно, никогда еще в Германии не философствовали так много, как сейчас: даже по сравнению со време-

нем наивысшего господства Гегеля над немецкими умами не появлялось столько философских сочинений, как за последние 15 лет. Но не ошибаюсь ли я? Или я вправе предположить, что в этом признаке заложена большая опасность? Сам *род* излюбленного сегодня философствования таков, что в нем виден симптом решительного *отрицания* точных, строгих, методических штудий. Это развлекательное, иногда остроумное перебрасывание мячиков философских идей, которые теперь стали уловимы для любого понимания; подобная игра воспринимается лучше, нежели изнурительное обкатывание отдельных трудных проблем науки и создает возможность пускать пыль в глаза в компанейском и общественном масштабах. — Я хотел бы ошибаться.

23 [127]

Кто говорит о привлекательности опасности, знаком с удовольствием от переживания страха как такового.

23 [128]

Женщины в колониях. — Уважение и обходительность, которые американцы оказывают женщинам, унаследованы из тех времен, когда последние были в значительном меньшинстве: это особенность колониальных стран. Кое-что у греков объясняется этим. Исключение: где колонисты находят много женщин, там обычно их оценка падает.

23 [129]

Высокоразвитый человек обходится с естественной стороной бытия, такой как еда, питье и т. д., просто, без долгих речей и ложного украшательства, которые любили на ранних стадиях культуры. Сюда же относятся общительность, брак; всем этим вещам не придается теперь такое большое значение, как прежде. Они стали «бесформенней», некрасивей, они утратили религиозную составляющую, а вместе с этим и немало «поэзии». Однако эти потери обильно компенсированы, прежде всего сэкономлено много энергии и времени (как с нашей одеждой), и весь смысл направлен теперь уже не на эти внешние проявления. Тот, кто хочет в чем-то достичь мастерства, благодаря своей цели поднимается до уважаемого сословия.

Как в искусствах, куда мы посредством одухотворения перенесли множество безобразного, так же и в жизни: надо почувствовать, что пульсирует в этих на первый взгляд некрасивых формах жизни, какие *новые* и *более высокие* силы, и тогда взору откроется высшая красота.

23 [130]

Метафизическому философствованию свойственно заострять проблему и объявлять ее неразрешимой, — тогда ее решение становится возможным только посредством чуда, например, сущность актерства видится в самоотчуждении и буквальном перевоплощении, меж тем как проблема собственно в том, *какими средствами обмана* актер достигает того, чтобы нам *казалось*, будто он перевоплотился.

23 [131]

Мыслящий дух у музыкантов обычно свеж, они часто остроумнее, чем ученые; ибо в занятии своим искусством они умеют приводить рефлектирующее мышление в состояние почти полного покоя, некого вида жизни во сне; поэтому, когда музыкант прекращает занятие музыкой, он оказывается таким веселым и по-утреннему свежим.

Но в основном это заблуждение, так как обычно образование музыканта слишком слабенькое, и у него недостаточно материала, *на* котором можно было бы выказать <мыслящий> дух. Точно так же обстоит дело с мыслящим духом у женщин.

23 [132]

Тот, кто формулирует сентенции на немецком языке, сталкивается с трудностью, которая состоит в том, что как раз в концовке они не могут быть четко и строго отточенными, поскольку именно туда, как катящиеся камни, вваливаются вспомогательные глаголы. — Даже тончайший ум не может по достоинству оценить искусство шлифовки сентенций, если он сам не состязался на этой ниве. Без такого практического опыта ее считают более легким делом, чем это есть в действительности, а удавшееся находят недостаточно острым. Поэтому читатели сентенций получают от них сравнительно неболь-

шое удовольствие, так же как и обычные созерцатели камей. Только в соревновании познается мастерство: поэтому необходимо ради радости познания действительно заниматься какой-то наукой или искусством и время от времени сочинять роман, философское размышление или речь. Тогда, размышляя о собственном опыте, постигаешь родственные этому опыту пограничные области — и открывается доступ ко многим из лучших радостных ощущений.

23 [133]

Несправедливость заключается и в том, чтобы находить великих людей *слишком великими*, а явления в мире слишком глубокими. Тот, кто хочет придать миру глубочайшее значение, оплетает мир баснями; мы все еще глубоко в них втянуты, сколь бы свободомыслящими ни хотели себе казаться. С древнейших времен существует сильная склонность переходить границы, слишком плотно наносить краски, воспринимать блестящее как наиболее вероятное. Сила проявляет себя преимущественно в этих слишком резких акцентах; но сила умеренности гораздо более высока, а справедливость труднее, чем преданность и любовь. — Если убийца не хочет признавать зло своего поступка и присваивает себе право называть добром то, что весь мир считает злом, он выпадает из развития человечества: должны ли мы признавать за ним это право? Если кто-то оправдывает так называемые дурные деяния, игнорируя принятые мнения и утверждая безответственность, можем ли мы сказать: «Он может выдвинуть это лишь чисто теоретически, но не вправе так поступать на практике»? Или: «Как мыслитель он прав, но он не вправе творить зло». В каких пределах индивидуум может отрешиться от своего прошлого? В пределах своих возможностей? А если он поймет, что в этом прошлом действовали ложные выводы, расчеты на банальную выгоду? Что при этом исчезают нимб над добром и серный дым вокруг зла? Если сильнейшие мотивы, извлеченные из чести и позора ближних, больше не действуют, потому что этому суждению он может противопоставить истину?

23 [134]

Почему не сочиняют целые *истории народов*, революций, политических партий? Почему сочинитель романа не соперничает с историком? Здесь я вижу будущее писательского искусства.

23 [135]

Прежде давали определения, исходя из убеждения, что каждому слову, понятию присуща сумма предикатов, которую всего лишь нужно вывести. Но в слове скрывается только весьма ненадежный намек на вещь. Определение дают разумным образом только затем, чтобы указать, что бы хотели знать, понимать под неким словом; при этом каждому оставляется возможность самому по-новому очерчивать смысл этого слова, — это ни к чему не обязывает.

23 [136]

Школа воспитателей возникает на основе понимания, что наши воспитатели сами не воспитаны, что потребность в них постоянно растет, а качество становится все ниже, что науки путем естественного распределения области применения труда для каждого едва ли смогут противостоять варварству, что не существует трибунала культуры, который без оглядки на национальные интересы оценивал бы духовное благо всего человеческого рода, — международное министерство воспитания.

23 [137]

Сентенция проигрывает, если она изолирована, в книге же, напротив, ее окружение действует как трамплин, с которого можно до нее подняться. Надо уметь незначительными мыслями окружать значительные, оправлять их, как драгоценный камень, менее ценным материалом. Если сентенции следуют одна за другой, то можно невольно принять одну за оправу другой, отодвинуть какую-то из них на задний план, чтобы подчеркнуть другую, иначе говоря, получается суррогат книги.

23 [138]

Так как *искусство* становится все более *одушевленным*, более поздние мастера замечают, что произведения ис-

кусства прежних времен им не соответствуют. Это побуждает их вносить какие-то поправки и верить, будто все дело в технических средствах, которых как раз тогда не хватало старым мастерам. Как полагает Вагнер, оркестровка Бетховена *могла бы быть* сделана лучше, т. е. одушевленней, если бы инструменты тогда были лучше. Особенно, полагает он, в том, что касается модификации темпа, Бетховен и все более ранние композиторы никак не могут быть оценены высоко. В действительности же душа еще не была настолько чутко подвижной, настолько живой в каждое мгновение. Все древнее искусство было застывшим, жестким; в Греции, как и у нас. Господствовали математика, симметрия, строгий такт. — Следует ли признать за современными музыкантами право вкладывать *больше души* в старые произведения? Да, ибо только благодаря тому, что мы отдаем им свою душу, они продолжают жить. Кто знает драматичную, полную души музыку, будет непроизвольно исполнять Баха совсем иначе. Услышав иное исполнение Баха, он его перестает понимать. *Возможно* ли аутентичное исполнение вообще?

23 [139]

Создатели индогерманских языков принадлежали, вероятно, к высшей касте и использовали подручные более бедные языки. В них говорило высокое философское и поэтическое образование, которое формировало соответствующий язык, — он продукт сознательного искусства, здесь требовался музыкальный, поэтический гений. Потом он становится языком поэтов и мудрецов, позже распространяется среди низших каст и странствует вместе с воинственными племенами дальше. Это было драгоценным завещанием родины, которое бережно хранили.

23 [140]

Поэты, сообразно своей натуре, которая свойственна именно художникам, т. е. редким, исключительным людям, не всегда прославляют то, что заслуживает прославления всеми людьми, но предпочитают то, что именно им, как художникам, кажется достойным. Точно так же они редко попадают в точку, будучи сатириками. Сервантес

мог бы бороться с инквизицией, но предпочел высмеивать ее жертвы, т. е. еретиков и всякого рода идеалистов. Прожив жизнь, полную злоключений, он сохранил желание осуществить литературное генеральное наступление на дурной вкус испанского читателя; он боролся против рыцарских романов. Незаметно это наступление переросло под его пером во всеобъемлющую иронию над высокими устремлениями: он заставил смеяться всю Испанию, включая простолюдинов, поверивших в его мудрость. Это факт, что ни над какой другой книгой не смеялись так, как над «Дон Кихотом». Подобный успех позволяет отнести его к декадансу испанской культуры, он стал национальным несчастьем. Я считаю, что он презирал людей, в том числе и себя самого; разве он только потешается, рассказывая, как при дворе герцога издеваются над больным? Не следовало ли ему посмеяться еще и над еретиком на костре? Да, он даже не избавляет своего героя от той ужасной ясности по поводу его собственного состояния, которое наступает в конце жизни. Такую заключительную сцену ему диктуют если не жестокость, то по меньшей мере холодность, бессердечие и презрение к читателю, которому, как он понимал, и эта сцена не помешает захлебываться от смеха.

23 [141]

Любое поначалу окаменевшее, мучительное чувство постепенно становится приятным. Вынужденное становится привычным, затем обычаем, наконец, добродетелью, связанной с удовольствием. Но люди, достигшие этой последней ступени, не хотят ничего знать о том, что этот путь начали их далекие предки.

23 [142]

Человек стремится порой к эмоции как таковой и использует себе подобного только как средство. Особенно это проявляется в жестокости. Но есть нечто от этого и в удовольствии от трагического (Гёте находил эту склонность к жестокости у Шиллера). В драматическом искусстве человек вообще ищет эмоций, например, сострадания, но без необходимости оказывать помощь. Подумайте о канатоходцах, цирковых акробатах.

Страсти свойственны человеку: потому особенно страстные народы, например греки и итальянцы, находят такое удовольствие в искусстве страсти, эмоции самой по себе; без этого они бы скучали.

23 [143]

Чувство не может оставаться ровным и постоянным, оно должно либо возрастать, либо убывать. Почитание греческого полиса складывалось в какую-то бесконечную сумму, и в конце концов индивид уже не мог вынести эту нагрузку.

23 [144]

Неученым людям свойственно предпочитать хоть какое-нибудь объяснение вещи никакому, они ничего не хотят слышать о воздержании <от суждения>.

23 [145]

Богато одаренный человек многократно переживает состояние *зрелости*, т. е. проживает одну за другой различные культуры и в какой-то момент достигает высшей точки в понимании и усвоении каждой из них. Так человек может предчувствовать в себе содержание целых веков, ибо путь, совершаемый им через различные культуры, проделали до него одно за другим многие поколения. — Он так же многократно проходит через состояние *незрелости*, совершенного расцвета, перезрелости: всю эту лестницу он преодолевает сначала, возможно, как религиозный человек, затем опять как художник и, наконец, как ученый.

23 [146]

Не перестаешь удивляться тому, как *Шекспиру* удалось сделать речь своих героев столь точной, богатой мыслями. Фразы, которые они говорят, значительны и в то же время соответствуют их характерам. Чтобы объяснить это, можно было бы предположить, будто такая речь представляет собой мозаику *из случайно найденных отдельных предложений*. Но я хотел бы возразить, что драматург всегда наделяет своих персонажей высказываниями, кото-

рые соответствуют характеру каждого и определенной ситуации. Это совсем не похоже на то, что делаем мы, когда говорим что-то лишь ради истины, невзирая на личность и ситуацию. Но мы тоже иной раз спрашиваем сами себя: «что бы ты сказал, *если бы* пережил это?» К такой *гипотетической речи* драматург привык, это стало его натурой, придумывать мысли, исходя из таких предпосылок.

23 [147]

Подобно тому, как старые осмысленные религиозные церемонии превращаются в конце концов в предрассудки, непонятные процедуры, так и история вообще, если только она по привычке продолжится, станет подобна магической бессмыслице или карнавальному переодеванию. Солнце, которое должно сиять при провозглашении непогрешимости папы, голубь, который при этом должен лететь, кажутся сегодня лишь сомнительными трюками, которые только на обман и рассчитаны; но старая культура переполнена этим, и невозможно определить, где начинается обман. Сегодня в одном из переулков Неаполя проходит помпезная католическая похоронная процессия, а в непосредственной близости шумит карнавал: пестрые процессии, костюмы и украшения в подражание прежним культурам. Но и эта похоронная процессия когда-нибудь станет таким же историческим карнавальным шествием; пестрая шелуха останется и будет забавлять, зерно же будет потеряно или выпадет, и спрячется в искусных приемах, используемых священниками ради пробуждения веры.

23 [148]

Античность в целом—это эпоха таланта к *праздничному веселью.* Находилась тысяча поводов для радости, не без остроумия и серьезных раздумий; добрая часть умственной деятельности, которая сегодня направлена на изобретение машин, на решение научных проблем, была тогда обращена к тому, чтобы приумножить источники веселья. Восприятие, воздействие должны быть направлены в сторону приятного; мы изменяем причины страдания, мы профилактичны, они же были паллиативны.—

Наши праздники становятся по сути культурными праздниками и в целом редки.

23 [149]

Нас забавляют мелкие пакости, потому что от них нам мало вреда, например, от *сарказма*; и если мы чувствуем себя в полной безопасности, то даже большая пакость (скажем, ядовитая слюна памфлета) доставляет нам удовольствие; ибо она не вредит нам и благодаря этому сближается с эффектом комического, — это захватывает врасплох, слегка пугает и все же не наносит вреда.

23 [150]

Искусство не относится к природе, но только к человеку. — В природе нет никакого *тона*, она нема; нет никаких красок. И никакой формы, ибо последняя есть результат отражения поверхности в глазу, но нет собственно как таковых ни верха, ни низа, ни внутреннего, ни внешнего. Если бы можно было видеть иначе, нежели позволяет отражение, то речь шла бы не о формах, а, возможно, о том, чтобы глядеть внутрь, так что взгляд постепенно рассекал бы предмет. Природа, из которой вычитается наш субъект, есть нечто очень равнодушное, неинтересное, а вовсе не таинственная первооснова, вовсе не раскрытая мировая загадка. Мы же способны благодаря науке постоянно выходить за пределы наших чувственных представлений, например, постигать звук как колебательное движение. Чем больше мы обесчеловечиваем природу, тем более пустой, незначительной становится она для нас.

Искусство целиком зиждется на очеловеченной природе, на природе опутанной и пронизанной заблуждениями и обманами, от которой нельзя перенять никакого искусства; <она> не вмещает сущность вещей, ибо полностью привязана к глазу и уху. К сущности ведет только способный к заключениям рассудок. Он поучает нас, например, <что> даже материя есть древний закоренелый предрассудок, откуда следует, что глаз видит зеркальные поверхности и что человеческий осязательный орган весьма груб, — ведь там, где мы чувствуем наделенные сопротивлением точки, мы невольно начинаем конструи-

ровать непрерывные наделенные сопротивлением *поверхности* (которые, однако, существуют только в нашем представлении). В этом привычная иллюзия отражающего глаза, который в принципе тоже есть всего лишь грубый орган осязания. Клубок электрических токов, которые в определенных точках меняют направление, воспринимался бы как нечто материальное, как твердое тело. А ведь химический атом—это такая фигура, которая обрисована конечными точками различных движений. Мы сегодня привыкли различать движущееся и движение; но здесь мы находимся под воздействием древних ошибочных выводов. Движущаяся вещь выдумана, сфантазирована, поскольку наши органы недостаточно тонки, чтобы всюду воспринимать движение, и отражают для нас нечто устоявшееся, тогда как не существует ни «вещи», ни устоявшегося.

23 [151]

Поскольку новое воспитание человека требует гораздо более напряженной умственной деятельности, человечество должно более энергично бороться за *здоровье*, чтобы не получить нервное, перевозбужденное, даже безумное потомство (иначе было бы вполне возможным будущее поколение сумасшедших и перевозбужденных—таких безумных иногда изображали из себя перезрелые индивиды в поздних Афинах). Речь идет о здоровой паре родителей, правильном укреплении женского организма, гимнастических упражнениях, которые должны стать такими же привычными и желанными, как хлеб насущный, о профилактике болезней, рациональном питании, жилье, вообще о знании анатомии и т. д.

23 [152]

Христианство утверждает: «Нет никаких добродетелей, а только грехи». Тем самым любое человеческое действие становится оклеветанным и отравленным, подорвано и доверие к человеку. Далее этому вторят философы вроде Ларошфуко, они низводят прославленные человеческие добродетели к ничтожным и неблагородным движущим силам. В таком случае нужно сказать себе, что нет как таковых ни добрых, ни злых действий, что в

одном ряду с утверждением христианства можно выдвинуть противоположное положение античности: «Нет никаких грехов, а только добродетели», т. е. действия с точки зрения добра (хотя представление о добре различно). Каждый поступает ради собственной выгоды, никто не бывает злым добровольно, т. е. себе во вред. Свидетельство большого прогресса считать, что моральное не имеет ничего общего с вещью в себе, но является «мнением» и относится к сфере весьма изменчивого интеллекта. И подобно тому, как наше ухо создало чувство для музыки (которой тоже не существует самой по себе), мы получили в качестве высшего достижения человечества моральное чувство. Но оно основано не на логических законах мышления и строгом наблюдении за природой, а, так же как и способность к искусствам, на всевозможных ошибочных ложных суждениях и выводах. Наука не может не раскрыть этот нелогичный фундамент морали, как она это делает с искусством. Возможно, тем самым она надолго несколько ослабит это чувство. Но *чувство истины* само есть одно из высших и мощнейших *цветений морального чувства.* Здесь заложена компенсация.

23 [153]

Варваризирующее воздействие абстракции и сублимации в случае аристотелиз<ма> в науке.

23 [154]

Если думать о более высокой степени полезности, об экуменических целях в связи со словом «мораль», то в *торговле* будет содержаться больше морали, чем в жизни согласно кантовскому требованию: «Поступай по отношению к другому так, как ты хотел бы, чтобы поступали по отношению к тебе», или христианской заповеди: «Люби ближнего Бога ради». Положение Канта выдает мелкобуржуазное частное уважение к обычаю и противоречит экуменическим целям: об их существовании он вообще не имеет понятия. И как мало значит вытребованная любовь вообще, а особенно такая не непосредственная любовь, как христианская любовь к ближнему, доказала история христианства, которая, в отличие от буддийской

морали рисоедения, сплошь насильственна и кровава. И что это вообще значит: «Я люблю ближнего ради Бога!» Разве это не то же самое, как если бы кто-нибудь сказал: «Я люблю всех служащих полиции справедливости ради», или, как сказала одна маленькая девочка: «Я люблю Шопенгауэра, потому что он нравится дедушке, – он был с ним знаком»?

23 [155]

Пафос чувства пришел в мир благодаря определенным воззрениям на вещи, а не благодаря самим вещам: например, все, что *Фауст* в первой сцене излагает как причину своих страданий, совершенно ошибочным образом, а именно на почве метафизических измышлений, стало таким многозначительным. Если бы он мог это признать, то исчез бы весь пафос его настроя.

23 [156]

(Из предисловия)

После того как я из года в год убеждался, насколько трудно отыскание истины, я стал недоверчив к убеждению, будто ее нашли: в нем главное препятствие для поиска истины. Если бы все те, кто так высоко ценил это свое убеждение, приносили ему всяческие жертвы, не жалея на службе ему ни чести, ни плоти, ни самой жизни, если бы они хотя бы половину своих сил посвятили исследованию, по какому праву они придерживались того или иного убеждения и каким путем они к нему пришли, – сколь миролюбиво выглядела бы тогда история человечества! Насколько больше было бы познанного! Все ужасные сцены, преследования еретиков миновали бы нас по двум причинам: во-первых, потому что инквизиторы прежде всего допрашивали бы самих себя и за наглость защищать абсолютную истину были бы уволены; во-вторых, потому что сами еретики перестали бы разделять столь слабо обоснованные положения, какими являются положения всех религиозных правоверных и еретиков, после того, как они бы их основательно изучили.

Теперь я размышляю над темой, которая, возможно, является важнейшей для человечества, – ибо что хороше-

го и дурного возникло и стало сильным иначе, как благодаря воспитанию? — к тому же этим следует серьезно заниматься только после того, как неверие станет господствующим образом мыслей. Здесь я хотел бы прежде всего предостеречь пламенных и жаждущих убеждений юношей не рассматривать сразу же мое учение в качестве путеводной нити для их жизни, но скорее как тезисы, которые следует хорошо продумать и с практическим применением которых человечество может подождать до тех пор, пока они в достаточной мере не защитят себя от всяческих сомнений и доводов. Кроме того, истина не свалилась ко мне с неба, я не «гений», у меня нет интуитивных прозрений сквозь дыру в покрове явления. Шопенгауэр мог бы стать предостерегающим примером: он был не прав во всех пунктах, из-за которых считал себя «гением».

23 [157]

Жизнь будет легкой и приятной благодаря безоговорочному освобождению духа, которое однажды в порядке опыта опрокинет все представления, делающие жизнь столь тягостной, столь невыносимой. Чтобы обрести радость этого облегчения, мы предпочтем самую простую жизнь, и она предоставит нам эту радость.

23 [158]

Пауль Винклер, 1685, «человек до тех пор мудр, пока ищет истину; но если он хочет видеть ее найденной, он становится глупцом».

23 [159]

Читателям моих ранних сочинений я хочу настоятельно объяснить, что я отказался от метафизически-художественных воззрений, которые там в сущности преобладают: они приятны, но непрочны. Тому, кто преждевременно позволил себе высказаться публично, вскоре приходится публично же этому противоречить.

23 [160]

В *заключение*

Я хотел бы стать *мудрым* к 60 годам и полагаю, что это цель для многих. Можно по очереди приобщаться к

множеству наук и переплавлять их в себе. Счастье нашего века, что какое-то время еще можно расти внутри религии и иметь подлинный доступ к искусству в лице музыки; вряд ли это нам будет возможно в грядущие времена. Только с помощью этого личного опыта можно понять долгие пути человечества, что важно, поскольку вся наша культура обретается на этих путях. *Необходимо* понимать религию и искусство – иначе нельзя стать мудрым. Но надо уметь смотреть за их пределы, иначе, оставаясь в их пределах, их нельзя будет *понять*. Точно так же и метафизика есть ступень, которую следует обязательно пройти. Точно так же история и все относительное. Необходимо большими шагами проделать путь человечества уже в качестве индивидуума и выйти за пределы прежних целей.

Кто хочет стать *мудрым*, тот стремится к *индивидуальной цели*, в которой сходятся все пережитое, счастье, несчастье, несправедливость и т. д., как средство и помощь. Более того, здесь человеческая жизнь обретает верный облик, ибо *старый* человек легче всего достигает цели, исходя из всей своей природы. Жизнь протекает интересно, тема весьма велика, и ее не исчерпать раньше времени. – Даже познание не имеет никакой иной цели.

23 [161]

Нравственная чистота человека поддерживается некоторыми ложными представлениями сильнее, нежели это могла бы сделать истина. То, что Бог хочет блага, что плоть должна быть побеждена ради освобождения души, что существует ответственность за все поступки и помыслы, все это возвысило человечество и сделало его более утонченным. Уже одно только провозглашение «добра»!

23 [162]

В долитературные времена более высокая интеллигенция должна была представлять себя совсем иначе, нежели в литературные. Отдельная личность, не связанная письменной традицией с прежними мудрецами и не предупрежденная об условности познания, могла принимать себя почти за сверхчеловека. Мудрец все больше теряет в достоинстве.

23 [163]

Если *слова* уже есть, то люди верят, что им что-то должно соответствовать: напр. душа, Бог, воля, судьба и т. д.

23 [164]

Так называемая метафизическая потребность есть инстанция, противоположная истине какой-нибудь метафизики. Воля командует.

23 [165]

Польза, которую чистый человек приносит своим близким, заключена в том, что он дает образец. Благодаря этому он вырывает их из рук их дикого демона, пусть только на мгновение. — Очень многое определяется мгновениями.

23 [166]

Благородные мотивы — самые сложные; все простые мотивы стоят довольно низко. Это так же, как с простыми и сложными организмами. Длительность и трудность всего пути бросают свет величия и высоты на того, кто по нему идет.

23 [167]

Если бы люди не строили дома для богов, архитектура до сих пор оставалась бы в колыбели. Задачи, которые человек ставил перед собой на основе ошибочных допущений (напр. душа отделяется от тела), дали толчок для возникновения высочайших форм культуры. «Истины» не в состоянии дать подобных мотивов.

23 [168]

Кто хочет обрести опыт в *искусстве*, пусть создает произведение искусства, другого пути к эстетическому суждению нет. Большинство художников только потому полезны, что проникаются сознанием великих мастеров, удерживают его и утрируют: то есть они подобны теплопроводящей среде. Можно написать новеллу, роман, трагедию, вовсе не вызывая этим кораблекрушения в своем основном занятии; причем нет нужды это обязательно печатать. Вообще следует учиться быть разносторонне

продуктивным: в этом главный фокус того, как стать мудрым во многих вещах.

23 [169]

Это одна из степеней культуры, когда ценится великое и крайности, — великие люди, высочайшая продуктивность, нежнейшее сердце. Но чтобы понять мир, надо подняться на более высокую ступень, где по своему воздействию становится важнее малое и незаметное, как, например, несвободные умы и т. д.

23 [170]

Благоприятнейший момент для того, чтобы народ взял на себя предводительство в научных делах, наступает тогда, когда индивидуум унаследует достаточно силы, упорства, непреклонности, чтобы позволить себе победоносную, радостную изоляцию от общественного мнения. Этот момент сейчас опять наступил в Англии, которая в настоящее время несомненно идет впереди всех народов в философии, естествознании, истории, в области открытий и распространения культуры. Научные гиганты обращаются там друг с другом как короли, которые, хотя и рассматривают друг друга как родственников, исходят при этом из признания собственной независимости. В Германии, напротив, верят в возможность достичь всего благодаря воспитанию, методам, школам. Это знак того, что ей не хватает характеров и натур первопроходцев, которые во все времена искали своих путей. Здесь разводят полезных рабочих, которые работают сообща, в такт. Норма им была задана еще в те времена, когда Германия, благодаря своим оригинальным умам, осуществляла духовное водительство Европы, — на исходе прошлого столетия.

23 [171]

Недостатки стиля подчас придают ему особую привлекательность. — Стиль Александра фон Гумбольдта. В его мыслях есть что-то неуверенное, пока речь не заходит о фактах. К тому же во всем присутствует приподнятость, с помощью избранных красивых слов придан некий глянец и все это дополняется длинными периодами. В целом этот стиль создает определенное настроение, вызывает некую

жажду, приходится сощуривать глаза, если очень хочется увидеть что-то отчетливое, иначе все расплывается вдали дразнящей туманностью: подобно тому миражу, который кажется (влечет чувства) морем, оазисом или лесом усталому, изнывающему от жажды.

23 [172]

Новое изложение *учения об искусстве* должно исходить из того, что человек радуется любому *возбуждению души* как таковому, именно самим эмоциям, даже самым болезненным. Он хочет упоения. Искусство, играя, возбуждает его до слез, до боли, до гнева, до страсти, но без практических дурных последствий. Однако есть также и люди, которые терпят даже эти последствия, лишь бы пережить эмоции (жестокий).

23 [173]

Шопенгауэр, к сожалению, протащил контрабандой в понятие «интуитивное познание» самую скверную мистику, как будто последняя позволяет непосредственно вникнуть в сущность мира, как будто есть некая дыра в покрове явления и как будто есть такие особые, привилегированные люди, которые якобы способны без трудов и строгости науки, благодаря чудесному ясновидящему оку, сообщать нечто окончательное и решающее о мире. Таких людей не существует, и чудо больше уже не находит себе верующих даже в области познания.

23 [174]

Вылупившаяся гусеница шелкопряда еще какое-то время таскает за собой свою пустую куколку: притча.

23 [175]

Склонность и неприязнь неразумны. — Когда склонность или неприязнь сжимают свои зубы, из них трудно вырваться, как если бы черепаха вцепилась в палку. Любовь, ненависть и черепаха глупы.

23 [176]

При неэгоистическом влечении приязнь к определенной личности есть нечто решающее (если это не удо-

вольствие от сострадания и тем более не защита от неудовольствия, которое мы чувствуем при виде страдания). Но делает ли приязнь этот процесс все-таки нравственным? Является ли всякая заинтересованность в чем-то находящемся вне нас нравственной? — Ведь и любой интерес к предмету (в искусстве и науке) относится к области неэгоистического, — но нравственного ли при том?

23 [177]

Нерелигиозное понимание философии. — Рассматривать некую философию, исходя из потребностей религии, значит, понимать ее совершенно превратно. Идут поиски новой веры, нового авторитета, — но кто нуждается в вере и авторитете, тому удобнее и надежнее в привычных религиях.

23 [178]

Был вечер, еловый запах струился в окно, вдали виднелись серые горы, на их вершинах сверкал снег. Над всем простиралось спокойное синее небо. — Чего-то такого, как оно есть само по себе, мы не видим *никогда*, но всегда накладываем на это нежную мембрану души — ее-то мы и видим. Унаследованные впечатления, собственные настроения просыпаются при подобных картинах природы. Мы видим нечто из нас самих — в этом смысле этот мир и есть наше представление. Лес, горы, это же не только понятие, это наш опыт и история, часть нас самих.

23 [179]

Суеверие. — Сильно взволнованные люди наиболее суеверны. Возрождение религий происходит во времена больших потрясений и ненадежности. Когда все уходит из-под ног, человек хватается за спасительную веревку иллюзий потустороннего.

23 [180]

Умирающий ребенок. — Ребенку, который умирает, дают все, что он хочет, сладости — что с того, если вредно для желудка? — И не находимся ли мы все в положении такого ребенка? —

23 [181]

Процессия в праздник Евхаристии, дети и старики довели меня до слез. Почему? — Вечером из окна сумасшедшего дома звучит фортепьянная музыка.

23 [182]

Не должны ли многие из тех, кто *честолюбив*, искать в сущности лишь эмоций, связанных с честолюбивыми устремлениями? Подобное чувство можно сдерживать, задушить или дать ему вырасти; последнее делают те, кто жаждет эмоций. Многие даже стараются злиться — настолько далеко заходит эта потребность в эмоциях.

23 [183]

Уважение к чужому мнению чаще всего объясняется *страхом*; так же обстоит с изрядной частью любезности (желания не вызвать неприязни). Таким образом человеческая *доброта*, с помощью унаследования, воспитывается посредством страха.

23 [184]

Польза о<тсталых> т<очек> з<рения>. — Отсталые т<очки> з<рения> (политические, социальные или целые типы художников, метафизики) так же необходимы, как и прогрессивные движения: они производят необходимое трение и являются источниками сил для новых устремлений.

23 [185]

Вера сдвигает горы. — Это интересный предрассудок, будто *вера* способна двигать горами, будто определенный высокий уровень правдоподобия преображает вещи соразмерно этой вере, будто заблуждение становится истиной, если только при этом нет ни грана сомнения: т. е. сила веры восполняет недостаток познания; мир становится таким, каким мы его себе представляем.

23 [186]

Любовь и ненависть — не изначальные силы. — За *ненавистью* стоит *страх*, за *любовью* — потребность. За страхом и

потребностью—опыт (суждения и память). Интеллект представляется более древним, чем чувственное восприятие.

23 [187]

Расширение опыта.—Бывают случаи, когда *сновидения* действительно обогащают круг нашего опыта: кто бы знал, не будь снов, как себя чувствует *воспаривший*?

23 [188]

Тоска по смерти.—Как страдающий морской болезнью в предрассветных сумерках высматривает с корабля берег, так часто тоскуют по смерти, зная, что не могут изменить ход и направление своего корабля.

23 [189]

Печаль и вожделение.—Почему человек в состоянии печали более склонен слепо предаваться чувственным удовольствиям? Жаждет ли он одурманивающего в них? Или это потребность в эмоциях любой ценой?—Санчо Панса говорит: «если человек чересчур предается печали, он становится зверем».

23 [190]

Когда Рихард Вагнер исполняет Бетховена, то само собой разумеется, что сквозь Бетховена будет звучать душа Вагнера и что темп, динамика, трактовка отдельных фраз, общая драматургия будут полностью вагнеровскими, а не бетховенскими. Тех, кого это раздражает, можно понять, но сам Бетховен сказал бы: «Это—я и ты, но это хорошо гармонирует; пусть так и будет». Напротив, если Бетховена исполняют незначительные мастера, то берется нечто от души незначительного мастера,—ибо аромат души тотчас начинает витать над музыкой и его невозможно из нее выветрить.—Я опасаюсь, Бетховен этому не обрадовался бы и сказал: «А вот это—я и не-я, черт побери!»

23 [191]

Филолог—это тот, кто умеет читать и писать, поэт же—тот, кто, в ясном соответствии со словообразованием и сообразно истории должен «*диктовать*», так как он

не умеет читать и писать. Из этой противоположности читающе-пишущих ученых и поэта можно вывести много важных вещей.

23 [192]

Принципа «цель оправдывает средства» придерживаются в своем образе действий не только государство, которое наказывает, чтобы запугать, но и каждый отдельный человек, который хвалит или бранит, поскольку бранить имеет смысл только тогда, когда это может стать средством запугивания и после — руководством к действию. Похвала поощряет к продолжению начатого дела, но поскольку то и другое совершается так, *будто* речь идет о уже содеянном, то в любой похвале и укоризне нельзя избежать лжи и заблуждения. Это именно те средства, которые освящены более высокой целью. Если, правда, предположить, что все — как бранящие, так и бранимые — проникнутся учением о полной безответственности и невиновности, то укоризна более не будет действовать, даже если привычка, особенно — к тщеславию и честолюбию, останется более сильной, чем все обретенные в учениях убеждения.

23 [193]

Ах, если бы посредственности могли себе представить, с какой уверенностью *олигархи духа*, которые были и есть во все времена, оценивают их успехи как посредственные! Даже огромный успех у масс не смог бы их утешить.

23 [194]

Девиз:

Танец мысли, тебя
одна из граций ведет:
о, как мне радостен смысл! —
Увы! Что вижу! Упали
С водительницы покровы,
и вот, ведет хоровод
страшная необходимость.

Розенлауибад
июнь 1877
август 1877

23 [195]

И если автор этой книги спросит себя, на благо кого он хотел бы составить свои записки, то он с достаточной нескромностью назовет того самого мыслителя, который, как автор сочинения о происхождении нравственных ощущений, завоевал себе право собственности на пограничные области своего научного ареала и поставил во главу своих исследований ту же решающую, господствующую и в этой книге мысль. Это положение, выкованное молотом исторического познания, может, вероятно, послужить однажды топором, который будет положен у корней «метафизических потребностей человека», и в этом смысле оно принадлежало бы к наиболее чреватым последствиями положениям человеческого познания.

23 [196]

Путевые заметки,
читать в пути

Предисловие,———

Люди, которые очень много работают в одной определенной области, сохраняют свои общие воззрения о вещах в мире почти неизменными: они становятся в своих умах все жестче, все деспотичней. Поэтому так важно то время, когда человек вынужден отложить свою работу, ибо только тогда в него снова могут просочиться новые понятия и ощущения, и его силы уже не растрачиваются на ежедневное исполнение долга и привычных обязанностей. Нам, современным людям, приходится много путешествовать ради нашего духовного здоровья, и путешествовать будут тем больше, чем больше работают. Так что к путешествиям нужно прибегать тем, кто работает над изменением всеобщих воззрений.

Из этого определенного отношения вытекает определенная форма изложения: ибо окрыленной и беспокойной сущности путешествия противоречит та долго прядомая система мыслей, которая доступна лишь самому терпеливому вниманию, требует недель тишины и отрешенного одиночества. Это должны быть такие книги, которые не пролистывают, но часто раскрывают: на каком-то предложении останавливаются сегодня, на другом завтра, и задумываются снова и снова из самой глубины

сердца, — за и против, вникая и отвлекаясь, куда повлечет дух, так что при этом каждый раз мыслям становится весело и вольготно. Постепенно из таким образом возбужденного — настоящего, потому что не вынужденного — размышления приходит некое общее изменение взглядов, и вместе с ним — то общее чувство духовного отдохновения, как будто лук опять снаряжен тетивой и натянут сильнее, чем обычно. Путешествие удалось.

Если теперь, после таких предварительных замечаний и перед лицом этой книги, останется еще какой-нибудь существенный вопрос, то уже не мне на него отвечать. Предисловие есть право автора; право читателя — послесловие.

Фридрих Ницше

Розенлауи-Бад, 26 июля
Летнее солнцестояние 1877
(Середина солнцеворота?)

23 [197]

1 *Новогодняя ночь*: призрак звона в моих ушах
сам замирает
Холод — звезды блещут
О ты
Надменная личина Вселенной
старое и новое время — *перед* Новым
годом.

2 фонтан в лунном сиянье
прекрасно скучает коварно
хочет холодом течь

3 Утром на корабле. Куда? Мы не отваживаемся
на смерть

4 Слепой у дороги. Душа не подает признаков

5 Ecce homunculus — Колокольный звон

6 Alpa Alpa

7 Campo Santo

8 Горный хрусталь

24. Осень 1877

24 [1]

К учению об искусстве

1 действительные и мнимые страдания гения
2 служит ли доказательством художественной состоятельности произведения то, что оно захватывает?
3 прежде серьезность была в выдумывании форм и символов; теперь—в ином
4 отрицание вдохновения; избирательная способность суждения
5 дракотурги, не драматурги[1]
6 затор продуктивной силы: объяснение импровизации
7 использовано несовершенное
8 мыслящий дух музыкантов свеж, но необразован.
9 более слабая мораль художников в отношении познания истины
10 искусство консервирует, соединяет прежние и нынешние воззрения
11 художники вправе отрицать прогресс.
12 одухотворенная музыка в восстановленном католицизме
13 как мог Шекспир вложить в уста каждого персонажа столь характерную речь, если бы не чудо?
14 наше тщеславие питает культ гения и вдохновения
15 честолюбие окрыляет греческих художников

---

1 См. 23 [74]. Как неконвенциональный вариант перевода игры слов «Drastiker (от drastisch — грубо, ядрено, резко) — Dramatiker» можно было бы также предложить: «Драматюки — драматурги». (*Прим. ред.*)

40 возможно, к искусству скоро будут относиться как к воспоминанию
41 происхождение искусства
42 при метафизических предпосылках искусство имеет высшую ценность
43 радость от бессмыслицы

24 [2]

Вступление: Заключение от действия к причине.

I или IV происхождение искусства 7 15 19 21 25 41 43 Эстетическое состояние—молчание воли ложно. Здесь мы остаемся холодны.

III художник как гений 1 4 6 13 14 26 30 35 39

IV или I оценка искусства 2 17 16 22 29 36 37 42

V нежелательные последствия искусства 5 9 10 20 24 28 33

VI будущее искусства 3 8 11 23 32 38 40 34

II по образцу религии 12 18 27 31 сюда же «о музыке»

к III: вера в гения искажает представление о происхождении произведения искусства 4 6 13 26, о жизни художника, в том числе и у самого художника 1 35

объяснение веры. Все великое преувеличено. 30
наше тщеславие 14
выживание[1] обожествленных людей
отличие «оригинального» все же лишь относительно 39.

Различие между вещественным и невещественным, художественный гений невещественен, он взыскует действенного образа мира—«интуитивное познание», мир в его уме объективнее, чище, яснее.

24 [3]

Дружба. Женщина и дитя. Воспитание. Облегчение жизни. Прогресс. Писатель. Смерть. Общество. Негодующие мысли.

Манеры. Здоровье.

Приемы искусства. Опыт. Мыслитель. Необходимость. О его времени. Юность. Война. Наказание. Инте-

---

1 В оригинале стоит «survival».

ресное. Чистота. Месть. Дуэль. Праздники. Свободный ум, неудобный характер. Отдельные аффекты и состояния. Мораль. Религия. Наука. Философия. Писатель. Искусство. Государство и общество. Возникновение культуры. Облегчение жизни. Мысли одинокого негодования. Профессия. Общество. Дружба. Женщина и дитя. Вопросы воспитания.

Похвала. Больше требовательности. Верность. Справедливость. Скромность. Ненависть. Страх. Честолюбие. Любовь. Страсть. Грубость. Счастье несчастье. Невежливость. Тщеславие. Подозрение. Стыд. Честность. Преступник. Презрение. Дух. Полузнайка. Мужество. Речь. Скука. Злобность. Опасность. Величие. Смерть. Утешение. Лень. Притворство. Гуманность. Всеобщий прогресс.

Нечестность. Вырождение. Надежда. Зависть. Коррупция. Полемика. Работа. Благодарность. Глубокие люди. Мастер. Пригодность. Усердие. Добродетель. Злая воля. Ученик. Дипломаты. Укоризна. Обреченность. Лесть. Талант. Призвание. Заслуга. Смех. Благородство. Самоотречение. Партия. Память. Привычка. Доверие. Юность. Мгновение. Аристократизм. Власть.

24 [4]

1 Убежденность и истина (вера сдвигает горы) (Верность).
2 Ответственность.
3 Справедливость (частная похвала и укоризна).
4 Мистерии (брак—королевство, будущее) стыд
5 Гибкость культуры. Меланхолия.
6 Происхождение нравственности. Обычаи. Привычка. Благожелательность. Общение с людьми.
7 Аскеза и святость.
8 Сознание греха.

24 [5]

Метафиз<ика>
Политика, пресса, партия, общество
Воспитание, школа, преподавание
Культура
Мораль

Музыка
Молодежь
Окружение, общение
Автор
Искусство. Гений.

24 [6]

Политическая болезнь нации является обычно причиной ее духовного обновления и силы.

24 [7]

Родители не являются, как хотел бы метафизический философ, случайной причиной детей, — скорее, дети являются случайным следствием родителей; последние хотят в принципе удовольствия, и при этом у них случайно появляются дети.

24 [8]

При этом герой — дракон.

24 [9]

Все маленькие поэты верят, что здравый человеческий рассудок доступен всем, и что, стоит им этого только пожелать, они будут им обладать. И они не догадываются, что неизбежно останутся маленькими поэтами именно потому, что *никогда* его не обретут.

24 [10]

Эпилог. — Я приветствую всех вас, мои читатели, тех, кто не будет нарочно читать эту книгу лживыми и косыми глазами, вас, кто способен увидеть в ней нечто большее, чем дурацкую комнату смеха, где вывешены для поклонения искаженные шутовские образы духовной свободы. Вы знаете, что я дал и как я дал; чтó я смог и насколько больше хотел — а именно натянуть электрическую связь над столетием, от покоев умирающего до родильной палаты новой свободы духа. Попытайтесь же вы теперь за все хорошее и плохое, что я высказал и сделал, отплатить сторицей! Есть среди вас такие, кто может воздать за малое большим и за желаемое — осуществленным; с каким

чувством я думаю о каждом из них, выражено здесь, в конце книги ритмическим приветствием:

Книга во мне проросла, и с тех пор от стыда я
  сгораю,
Но вот и в тебе расцвело нечто богаче стократ.
Ныне ж я счастия полон, что пойду за сильнейшим,
Когда ликует он сам, видя свой плод золотой.

25. Осень 1877

25 [1]

Социализм.

Первое: В качестве наблюдателей мы заблуждаемся относительно страданий и лишений низших слоев населения, поскольку невольно пользуемся мерками собственного восприятия, как будто можем сами, с нашим в высшей степени возбудимым и восприимчивым умом, встать на их место. В действительности страдания и лишения возрастают с развитием культуры индивидуума; низшие слои наименее восприимчивы к ним; улучшить их положение, значит, сделать их более восприимчивыми к страданиям.

Второе: Если принимать во внимание не благосостояние отдельного индивидуума, а цели человечества, то возникает вопрос, *могут* ли быть достигнуты при тех отрегулированных порядках, которых требует социализм, такие же великие результаты, какие *были* получены при неотрегулированных порядках прошлого. Вероятно, великий человек и великий труд вырастают лишь на хищной воле. Других целей, кроме великих людей и великих творений, у человечества нет.

Третье: Поскольку необходимо выполнять очень много тяжелой и грубой работы, приходится содержать людей, которые ею занимаются, пока машины не возьмут на себя эту работу. Если в рабочий класс проникнут потребности в более высоком образовании, он уже больше не сможет выполнять эту работу без того, чтобы не испытывать несоразмерных страданий. Развитый рабочий стремится к досугу и требует не облегчения работы, а освобождения от нее, иначе говоря, он хочет взвалить ее на кого-нибудь другого. Возможно, следовало бы подумать об удовлетворении его желаний и о массовом ввозе варварских народностей из Азии и Африки с тем, чтобы ци-

вилизованный мир в дальнейшем заставил служить себе нецивилизованный мир. Таким образом не-культура рассматривалась бы именно как обязанность к подневольному труду. На самом деле в государствах Европы культура рабочего и работодателя часто настолько близки, что дальнейшее требование изнурительной механической работы вызывает чувство возмущения.

Четвертое: Как только станет понятно, как возникла идея доступности и справедливости, придется возразить социалистам, делающим справедливость своим принципом. В природном состоянии положение: «на что имеет право один, то доступно и другому» не годится, — здесь решает сила. Поскольку социалисты добиваются полного ниспровержения общества, они апеллируют к силе. Только когда представители будущего порядка вступают в борьбу с представителями старых порядков, и обе эти силы оказываются равными или одинаково мощными, они могут договориться друг с другом, после чего на основе договоров *устанавливается* справедливость.

Прав человека не существует.

Пятое: Когда чернорабочий говорит богатому фабриканту: «Вы не *заслуживаете* вашего счастья», то он прав, но его выводы из этого ошибочны: никто не заслуживает ни своего счастья, ни своего несчастья.

Шестое: Счастье на земле будет приумножено не путем изменения институтов общества, а благодаря тому, что будет обречен на вымирание мрачный, расслабленный, мечтательный, желчный темперамент. Внешнее положение дел мало что добавляет к этому. Поскольку социалисты часто обладают этим скверным видом темперамента, они при любых обстоятельствах будут уменьшать счастье на земле, даже если им удастся создать свои новые порядки.

Седьмое: Благосостояние существует в мире только внутри обычая, твердых нравов, ограничений; социалисты состоят в союзе со всеми силами, которые разрушают обычаи, нравы, ограничения; у них еще никак не проявились новые конститутивные способности.

Восьмое: Лучшее, что приносит с собой социализм, это возбуждение, которое он распространяет в самых

широких слоях общества: он *поддерживает* людей и завязывает с теми, кто находится в самом низу, некий вид практически-философского разговора. В этом смысле он является источником силы духа.

25 [2]

Предисловие

Если даже с автором случается, что он, склоняясь над собственной книгой, смотрит в нее с отчуждением и с губ его срывается вопрос: я ли это или не я?, то насколько сильнее должно быть подобное чувство у читателей его более ранних сочинений, особенно если они лично с автором не знакомы и он предстает перед ними лишь как дух и характер своих сочинений. Этим читателям, моим современникам на все времена, верным, отважным вдохновителям и защитникам моего высшего я, — я должен дать разъяснение не о том, что это за книга, а о том, что она значит для них и для меня, такое же разъяснение, которое я даю самому себе, когда, как уже сказано, смотрю порой с удивлением в глаза собственному детищу и нахожу его то несколько жутковатым, то слишком безобидным.

Каждый из нас, типичных представителей этого века, несет в себе то внутреннее вольнодумное возбуждение, которое в недосягаемой всем прежним временам степени делает нас чувствительными к малейшему давлению любого авторитета и противоречащими ему. Это просто случайность, что никто из нас до сих пор не стал всецело типом современного вольнодумца, ведь мы ощущаем во всех нас тягу к нему и почти воочию воспринимаем размеченные контуры его существа. От автора этой книги, уже давно старавшегося проследить за этим великим человеческим типом, который вырос из нашего века и перерос его, чтобы однажды стать опорой будущей культуры, не ускользнул ни один из недостатков этого типа; тем самым он стремился помочь себе разглядеть, согласно своим внутренним представлениям, образ свободного ума нашего времени и постепенно его нарисовать. Он тщательно сосредоточивался на тех часах, в которые этот ум говорил из него, и нашел закон этих часов, вну-

треннюю взаимосвязь изречений его, в результате чего тот стал для него личностью, а личность — почти образом. Наконец, ему уже не приходилось просто описывать себя самого в качестве типа современного свободного ума; ему пришла в голову более отчаянная мысль позволить говорить этому уму, даже доверить ему книгу. Если слушатель этих речей сможет доверительно почувствовать его близость, если он ощутит, как эта почти нервозная вольнодумная возбудимость, это сопротивление последним остаткам подавления и вынужденной умеренности привязаны к праздничной, мягкой и почти радостной душе, с которой никому не надо быть начеку из-за ее коварства или внезапных взрывов! У этого вольного юноши отсутствуют ворчливый тон и озлобленность — свойства старых собак и людей, которые долго просидели на цепи; современный вольнодумец родился не из борьбы, как его предшественники, а скорее из *умиротворения*, присущего *распаду*, в состоянии которого он застал все духовные силы прежнего несвободного мира. После того, как в истории произошел этот величайший перелом, его душа может оставаться без зависти и почти без потребностей, он требует для себя не многого, совсем не многого; ему будет достаточно, как наиболее желанного состояния, свободного бесстрашного парения над людьми, обычаями, законами и привычными оценками вещей. Радостью от подобного состояния он охотно делится; кто хочет от него большего, того он отправит с тенью усмешки на устах, доброжелательно покачивая головой, к своему брату, свободному человеку дела: к «свободе» которого он, конечно, имеет свое отношение, о чем можно было бы рассказать некоторые истории. —

После того, как таким вот образом автор — я даже чуть было не сказал, поэт — произнес пролог в пользу своего произведения и героя, тот может уже выступить сам и начать свою монологическую игру. Будет ли это трагедия? Или комедия, или трагикомедия? Возможно, нет такого слова, которое годилось бы для точного обозначения: так пусть придут нам на помощь стихи и подготовят слушателя:

Мыслей игра, тебя
одна из граций ведет:
о, как мне радостен смысл! —
Увы! Что вижу! Упали
С водительницы покровы,
и вот, ведет хоровод
страшная необходимость.

25 [3]

I Философия культуры.
II К истории нравственных восприятий.
III Религиозная жизнь.
IV Из души художника и писателя.
V О первых и последних вещах.
VI Человек в общении.
VII Женщина и дитя.
VIII Взгляд на государство.
IX Человек наедине с собой.

26. Зима 1877–1878

26 [1]

О пользе страсти к умалению. Немало людей считают, что для поддержания самоуважения и определенной сноровки в делах совершенно необходимо принижать и умалять в своем представлении всех известных им людей. Поскольку эта самая сноровка всем нам приносит выгоду, то мы волей-неволей должны санкционировать необходимый для этого инструмент — зависть и страсть к умалению.

27. Весна–лето 1878

27 [1]

Художественные средства фабулы у Гесиода.

Вдохновение от муз, процесс.

27 [2]

Вокруг таких совершенно пустых происшествий, как покушение, создается шум. Пресса есть перманентный ложный *шум.*

27 [3]

Я сказал, будучи еще студентом: «Вагнер — романтик, это не искусство середины и полноты, но последней четверти: скоро наступит ночь». Думая так, я был в<агнерианцем>, я не *мог* по-другому, но я *знал* это лучше.

27 [4]

Сильный, свободный человек — это *не*-художник. (Против Вагнера.)

27 [5]

В состоянии ли Вагнер дать показания о самом себе?

27 [6]

Энергия греческой музыки в пении в унисон. Ее более *тонкое* развитие в тоне и ритме, — в результате чего *гармония* нам **вредит**.

27 [7]

8 пунктов, по которым я должен вынести свое решение.

27 [8]

К усиливающейся набожности: Трейчке и французы тоже: «Все вещи должны служить Богу наилучшим образом».

27 [9]

Страсти — вывод: убеждение.

Последняя часть: наедине с собой. Начало: и так вперед, к мудрости. Отсюда вывод: Генуя.

27 [10]

О страстях.
Религия.
В общении.
Женщина и дитя.
Художник и писатель.
Будущее образования. (*Изолировать фазы)*
Человек наедине с собой.

27 [11]

Мы стоим слишком близко к музыке, мы только намекаем, в последующие времена совсем не будут понимать наши сочинения о музыке.

27 [12]

Я знаю, что независимость мышления на земле возросла, и кто высказывается против меня — см. Эмерсон: Гёте, с. 9.

27 [13]

Что такое фривольность? Я ее не понимаю. И все же Вагнер вырос в противоречии к ней.

27 [14]

Упреки к произведению связаны с большим удовольствием. Более того, с пользой (редко для автора), потому что они принуждают *поклонников* находить себе *основания.*

27 [15]

Живая *форма камня,* подражающая *форме дерева* — как *сравнение* для стиля речи и письма (стиль чтения).

Ассирийские колонны с волютами ионических капителей – согласно изображениям.

Египетские колонны прото*дорические.*

Трон Амикла и Зевса в Олимпии, *переходящий в зверя – ассирийское.*

Уход за волосами в древнегреческом искусстве – ассирийское.

Замечательно про то, как можно позволить себе уйти, когда заканчивается церемония.

Изображение зверей у ассирийцев.

Противопоставление применения огромных масс и грубости материала в *циклопических постройках.*

Уметь «эстетически обращаться к нам».

Антипатия к кругу и своду.

Древняя Гр<еция> полна лесов – древняя *зала* в прямоугольнике, это и есть начало.

27 [16]

——— как в самом большом городе никто никому не мешает, таков же и наш дружеский разговор перед публикой: нас не слышит никто из тех, кто только начал прислушиваться. – Но нас действительно мало.

27 [17]

Люди, которые тщетно пытаются создать из *себя принцип* (как Вагнер).

27 [18]

Драматурги заимствуют – свое главное содержание – художественные мысли из эпоса (Вагнер еще и из классической музыки).

27 [19]

Драматурги суть *конструктивные* гении, не изыскивающие и оригинальные, как эпики.

Драма стоит *глубже,* чем эпос – более грубая публика – демократическая.

27 [20]

Я радуюсь, что природа *не* романтична: неправда свойственна только человеку. Отделить себя от нее как

можно дальше и значит познавать, совершить *обратный перевод* человека в природу и ее правду. Какое мне тут дело до искусства! — Но здоровый воздух, защита от солнца и сырости, отсутствие людей — вот *моя* природа.

27 [21]

Я наблюдаю страдающих, которые устремляются к горному воздуху Энгадина. И я тоже отсылаю пациентов к *моему* горному воздуху — *какого* же рода их болезнь?

27 [22]

Странник своим друзьям
Ф.Н.

27 [23]

Безоговорочная любовь к искусству Вагнера в целом и в частностях точно так же *несправедлива*, как и отрицание его в целом и в частностях.

27 [24]

Его музыке не хватает того же, что и его писаниям — диалектики. Напротив, искусство *амплификации* очень велико.

Его произведения представляются нагромождением великих *прозрений*; хочется найти еще более великого художника, чтобы их *обработать*.

Всегда задумывается самое *крайнее* выражение — в каждом *слове*; но превосходная степень лишь ослабляет.

Ревность ко всем периодам *меры*: у него на подозрении красота, грация, он приписывает «немцу» только *свои добродетели* и понимает под этим также все свои недостатки.

27 [25]

Это действительно *искусство современности*: эстетический век его бы отверг. Утонченные натуры отвергают его и *сейчас*. *Огрубление* всего эстетического. Направленное против идеала Гёте, глубоко отставшее. Моральный контраст этой самозабвенной пламенно-верной натуры Вагнера действует как *жало*, как возбуждающее средство: даже это чувство используется ради *воздействия*.

27 [26]

Я назвал «нравственнейшей музыкой» то место, где все наиболее *экстатично*. Характерно!

27 [27]

Вагнер *против* разумных, холодных, довольных – здесь его величие – несвоевременное – против фривольных и элегантных, – но и против справедливых, умеренных, радующихся миру (как Гёте), против кротких, милых, ученых людей – в этом его оборотная сторона.

27 [28]

Эпические мотивы для внутренней фантазии: многие сцены действуют гораздо слабее при наглядном воплощении (гигантский змей[1] и Вотан).

27 [29]

Вагнер не может своей музыкой *рассказывать*, не может *доказывать*, он нападает, опрокидывает, мучает, напрягает, ужасает – чего не хватает в его образовании, он делает своим принципом. *Настроение* заменяет композицию: он идет слишком прямым путем.

27 [30]

Обращаясь к *не*художественным натурам, следует **воздействовать** *всеми* вспомогательными средствами, – не *искусством*, а *воздействуя на нервы* вообще.

27 [31]

Завершив тему, Вагнер всегда в замешательстве, как быть *дальше*? Поэтому *долгая* подготовка – напряжение. Собственную хитрость, свои слабости выдавать за достоинства. То есть импровизаторское.

27 [32]

Что в нашем времени выражает Вагнер? Череду грубости и нежнейшей слабости, одичание естественных инстинктов и нервозную сверхчувствительность, тягу к

---

1 Имеется в виду сказочный персонаж «Зигфрида» Фафнер. (*Прим. ред.*)

эмоции от усталости и удовольствие от усталости. — Это понимают вагнерианцы.

27 [33]

Я сравниваю музыку Вагнера, которая хочет воздействовать как речь, с рельефной скульптурой, которая хочет воздействовать как живопись. Высочайшие законы стиля нарушены, благороднейшее больше не может быть достигнуто.

27 [34]

Высшего пафоса я достиг, когда набрасывал черты шопенгауэровского человека: *разрушительный* гений, против всего становящегося.

В качестве противовеса я нуждался в созидающем метафизическом художнике, который может навевать прекрасный сон в такой трудной повседневной работе.

Недовольство *трагическим мышлением* нарастает.

Противоядие: *пессимистическая* критика мышления и получаемого от него *удовольствия*. Критика гения.

1. фаза: Штраус. Неудовлетворенность. Взамен *удовольствие* от борьбы.
2. фаза: *Попытка закрыть глаза* на историческое познание.
3. фаза: Удовольствие разрушения.
4. фаза: Удовольствие одурманивания.

27 [35]

Ритм пришел в поэзию греков *не* из танца. Танец и поэзия независимы. **Итак:** *музыка* и *танец* должны долгое время оставаться независимыми.

27 [36]

Мощные черные ели, выделяющиеся на фоне гор и весенней зелени. Вечерами солнце на длинных проплешинах в лесу — ждешь самого веселого танца.

27 [37]

Мои заблуждения относительно Вагнера вовсе не индивидуальны, очень многие говорят, что мой портрет

верен. Вводить живописца в заблуждение — свойство мощного воздействия подобных натур. Но против справедливости грешат как посредством благосклонности, так и неблагожелательности.

27 [38]

Вагнер прибегает к честолюбивейшей *комбинации* всех средств ради сильнейшего воздействия, тогда как старые музыканты спокойно разрабатывали отдельные виды.

27 [39]

Рассмотреть формообраз<ующую> силу армии.

27 [40]

Если бы природа не была превращена вами в комедию, вы бы не стали верить в Бога — театральные машины и механика, кулисы и неожиданности — — —

27 [41]

Психологический закон в развитии страсти (действие, речь, жесты) и в музыкальной симфонии не совпадают: утверждение Вагнера можно считать опровергнутым посредством его же искусства.

Все великое — там, где доминирует музыка, или там, где доминирует драматургия, а *не* в их параллелизме.

27 [42]

После войны мне казалось, что власть есть долг и содержит в себе вину.

Я видел в Вагнере противника времени, даже в том, в чем это время обладает величием и в чем я сам чувствовал в себе силу.

Лечение холодной водой казалось мне необходимым. Я исходил из подозрительности в отношении человека, из его презренности, которой я прежде пользовался, чтобы подняться к заносчивой метафизической мечте. Я *знал* человека достаточно хорошо, но я его неверно *измерил* и ошибочно судил о нем: не было оснований его отбрасывать.

27 [43]

Живой Шопенгауэр не имеет ничего общего с метафизиками. Он в сущности вольтерьянец, 4-я <книга> ему чужда.

27 [44]

Мое изображение Вагнера касалось не только его, я хотел описать *идеального монстра*, который, однако, возможно, способен воспламенить художника. Действительный Вагнер, действительный Байройт были для меня как плохой, самый последний оттиск эстампа на дешевой бумаге. Мое желание видеть действительных людей и их мотивы было чрезвычайно возбуждено этим постыдным опытом.

27 [45]

Вагнер напоминает лаву, которая, застывая, препятствует собственному движению и вдруг останавливается, зажатая глыбами, которые сама образует. У него не бывает Allegro con fuoco.

27 [46]

Прелесть и искренность могут общаться и *по-немецки*.

27 [47]

Его душа не *поет*, она *говорит*, но так, как говорит самая сильная страсть. Звук, ритм, жестикуляция речи у него *естественны*; музыка, напротив, никогда не бывает вполне естественной, это вид *заученного* языка с умеренным запасом слов и *другим* синтаксисом.

27 [48]

Но затем мне открылся взгляд на *тысячу* источников в пустыне.

Этот период очень полезен от преждевременной старческой мудрости.

27 [49]

Теперь мне прояснились древность и взгляд Гёте на великое искусство: и только *теперь* я смог обрести *простой*

взгляд на *действительную* жизнь человека: я получил *противоядие*, благодаря которому уже не страшен никакой отравляющий пессимизм. Шопенгауэр стал «историческим», *не* как знаток человека.

27 [50]

Вагнер *беден* мелодиями, и мелодии у него *бедны*. Мелодия есть нечто *целое* со многими прекрасными пропорциями. Отражение упорядоченной души. Он *стремится* к этому: когда у него *есть* мелодия, он почти душит ее в своих объятиях.

27 [51]

Наша молодежь возмущается *трезвостью* нашего времени. Она предалась культу эксцесса, страсти, экстаза, самого мрачного, терпкого представления о мире.

27 [52]

Вагнер борется с «фривольностью» в себе, которой для него, плебея (по сравнению с Гёте), становится радость от мира. V<ide> п<еред этим>

27 [53]

Манера Вагнера—разными способами подражать самому себе. Поэтому среди музыкантов ему стали мгновенно подражать. Это легко.

27 [54]

У Вагнера нет силы освобождать и возвышать людей в общении: он не уверен, а недоверчив и надменен. **Так же** воздействует его *искусство* на коллег: оно завистливо к соперникам.

27 [55]

Противоречие грубости в действиях и сверхтонкости в восприятии.

27 [56]

Неясность окончательных задач, неантичная расплывчатость.

27 [57]

Искусство оркестровых красок, с тончайшим ухом француза, Берлиоз, подслушано (давно).

27 [58]

«Тангейзер» и «Лоэнгрин» — вовсе не *хорошая* музыка. Однако захватывающее, трогательное вернее всего достигается вовсе не чистейшим и высочайшим искусством. *Огрубление.*

27 [59]

Не хватает естественного благородства, которое было у Баха и Бетховена, прекрасная душа (даже Мендельсон) — более глубокая ступень.

27 [60]

В музыке тоже есть своя *логика* и *риторика* как стилистические противоположности.

Когда Вагнер разрабатывает тему, он становится ритором.

27 [61]

Глубокое *недоверие к своему* музыкальному изобретению в диалектике. Он всеми способами маскирует этот недостаток.

27 [62]

Изображение «Рождения трагедии» — парящая гирлянда облаков, белая в ночном небе, сквозь нее мерцают звезды — неясно, слишком ясно, призрачно освещенная долина.

27 [63]

На мосту — после встречи с друзьями — одиночество.

27 [64]

Живя на горных перевалах.

27 [65]

В Богемском лесу я поднялся над *фазой.*

27 [66]

«Филистер от образования» и историческая болезнь начинают меня окрылять.

27 [67]

У Шопенгауэра. Сначала **удерживая** его в большом против единичного, позже в единичном против целого.

27 [68]

«*Музыкальный эвфуизм*» Вагнера (Лист)

27 [69]

Музыка дочерей Рейна—осенняя красота

27 [70]

Проблема: музыкант, у которого не хватает чувства ритма.

Еврейский ритм (параллелизм), перезрелость ритмического чувства, возвращающегося к примитивным ступеням.

Середина искусства пройдена.

27 [71]

Если бы мы обладали греческими субъективными способностями, которые [—] «оригинальность».

Но никакого *образования* в *узком*, ограниченном.

27 [72]

Развитие украшений речи.

27 [73]

«Получено в награду за тончайшую внутреннюю умеренность» Буркхардт.

27 [74]

Существует нечто, что в высшей степени пробуждает недоверие к Вагнеру: это недоверие Вагнера. Это подкапывает так сильно, что я дважды сомневался, неужели музыканты———

27 [75]

Зависть Платона. Он хочет обладать Сократом *для себя*. Он пронизывает его собой, желает его приукрасить, *καλὸς Σωκράτης*[1], отнять у всех сократиков, изобразив себя продолжателем его жизни. Но он представляет его совершенно внеисторически, на опаснейшей грани (как это проделывает Вагнер с Бетховеном и Шекспиром).

27 [76]

Греки *без чувства греха*. Орест—заслуживающий уважения преступник. Безумие, никакой потребности в спасении.

27 [77]

У Вагнера в сочинениях нет величия, покоя, но есть надменность.—Почему:—

27 [78]

Место у Тэна о семитах.—Впрочем, я ввел читателя в заблуждение: это место никак не касается Вагнера—неужели Вагнер семит? Тогда мы понимаем его настроенность против евреев.

27 [79]

Я был влюблен в искусство с подлинной страстью и в конечном счете не находил во всем сущем ничего, кроме искусства—в возрасте, когда обычно вполне разумным образом душу заполняют другие страсти.

27 [80]

Шопенгауэровский человек побудил меня к скепсису в отношении всего чтимого, превозносимого, до сих защищаемого (а также в отношении греков, Шопенгауэра, Вагнера), гения, святого—пессимизм познания. Таким *обходным путем* я взошел на *вершину*, с самыми свежими ветрами. Сочинение о Байройте было только паузой, кратковременным спуском, *передышкой*. *Там* мне открылась ненужность Байройта для меня.

---

1 Прекрасный Сократ (*греч.*).

27 [81]

Кто нападает на свое время, может нападать только на самого себя: что же еще он может видеть, если не самого себя? Так же и возвеличивать в другом можно лишь самого себя. Самоуничтожение, самообожествление, самоунижение — это наш суд, любовь, ненависть.

27 [82]

Я сыт по горло удовольствием от иллюзий. Даже в природе меня раздражает видеть какую-нибудь гору как факт состояния души.

Наконец я понял, что даже наше удовольствие от истины зиждется на удовольствии от иллюзии.

27 [83]

Вагнер борется против монументального, но верит в общечеловеческое!

Традиция стиля — он хочет добиться *монументального* там, где это менее всего позволено — в темпе! —

27 [84]

У меня нет таланта быть верным и, что еще хуже, нет даже честолюбия казаться таковым.

27 [85]

Любое наслаждение заключается в том, насколько тонка способность к суждению. Любая *критика* мастера открывает нам путь к другим мастерам. Тысяча источников в пустыне.

27 [86]

Какая *польза* от сумасбродств и излишеств Вагнера и его партии? Или их можно *сделать* полезными? Благодаря им, всюду разносится его *гремящий колокол*. Иного я ему и не желаю.

27 [87]

Я *против специального* развития религиозного чувства, ибо его сила должна идти на благо *другим развитиям*. Теперь все это растрачено впустую, что вовсе не радует.

27 [88]

Друзья—мы бы не хотели превратиться в призраков. —Мучение после очередной встречи.

27 [89]

Вагнер гонится за одним безумием, время—за другим; оба в одном и том же темпе, одинаково слепо и неверно.

27 [90]

Все «идеи» Вагнера сразу же становятся жесткой манерой, он ими *тиранизирован*. Как только *подобный человек может позволять себя так тиранизировать!* Напр., своей ненавистью к евреям. Он умерщвляет свои темы так же, как и свои «идеи», неистово стремясь к повторению. Проблема чрезмерной широты и длительности—он мучает нас *своим* восторгом.

27 [91]

Я умею звонить в колокола (сочинение о Рихарде Вагнере).

27 [92]

Всему превосходному свойственна некая *срединность*. Рихард Вагнер—это музыка для перезрелых музыкальных периодов.

27 [93]

Бетховен умел это лучше, чем Шиллер. Бах—лучше, чем Клопшток. Моцарт—лучше, чем Виланд. Вагнер—лучше, чем Клейст.

27 [94]

Вагнеровское пренебрежение формой вызывает в памяти запись у Эккермана: «не составляет никакого труда быть остроумным, если ни к чему нет уважения».

27 [95]

Друзья.—Ничто не связывает нас, но мы радуемся друг другу до такой степени, что один поощряет направ-

ление другого, даже если оно диаметрально противоположно его собственному.

27 [96]

Музыка, конечно, не монументальна. *Гораздо* **больше** поэзия (благодаря мыслям).

27 [97]

Рефрен (Сорренто) воспринимается нами *в ложном освещении: так* со *всей* музыкой прошлого.

28. Весна–лето 1878

Memorabilia[1]

28 [1]

Осень – боль – стерня – дикие гвоздики, астры. Очень похоже на то, чтобы было при пожаре в Лувре. – Чувство осени культуры. Никогда не было более глубокой боли.

28 [2]

Непреходящее недоверие к так называемым моральным поступкам. Человек поступает так, чтобы наилучшим образом себя чувствовать. 15. В качестве исключения – идущее наперекор, самоуничижительное, высокогорное чувство нравственности.

28 [3]

14. *Шплюген.* Символ<ический> уход и приход поколений. Середина между севером и югом, летом и зимой. Замок в солнечном сиянии в полдень. Лес, вечер, монумент<альная> история написана.

28 [4]

13. Я не встречал ни одного человека с убеждениями, который бы вскоре не вызвал во мне чувства иронии этими убеждениями.

28 [5]

В 1877 году я не собирался ничего требовать от будущего. Даже здоровья – ибо оно лишь средство, а *чего* хотел бы я достичь при помощи этого средства?

28 [6]

*Виндлюкке**. Камни как свидетели древности.

---

1 Достойное воспоминаний (*лат.*).

Крумме Хуфе*, лунный свет, коньки. «Что днем я заслужил м<оей> шарманкой, то вечером на ветер я пущу».

Счастливые дни жизни!

28 [7]

Ребенком увидел Бога в сиянии. — Первое философское сочинение — о происхождении дьявола (Бог мыслит себя самого, он может это только благодаря представлению о своей противоположности). Тягостное предвечерье — служба в капелле Пфорты, далекие звуки органа.

Будучи родственником священника, очень рано увидел всю духовную и душевную ограниченность, прилежность, высокомерие, декоративность.

28 [8]

Семь лет — чувствовал потерю детства. Но в 20 лет под Бонном, там где Липпе (?)[1] впадает в Рейн, почувствовал себя ребенком.

28 [9]

Даймонион — предостерегающий голос отца.

28 [10]

Башня в Сорренто на горе «Домашняя обезьяна»
evviva evviva il cuor di Maria
evviva il Dio que tanto l'ama[2].

28 [11]

«*Апологию* Сократа» читал и объяснял с внутренним волнением. Удовольствие от «Меморабилий», которые я понимаю, по-моему, лучше, чем филологи.

28 [12]

Я инстинктивно заблуждаюсь относительно интеллектуальности людей, их объективных интересов, кото-

---

1 Ницше поставил здесь вопросительный знак вполне обоснованно, поскольку Липпе впадает в Рейн значительно севернее (*прим. ред.*).

2 Да здравствует, да здравствует сердце Марии,
Да здравствует Бог, которого так люблю (*ит.*).

рые я всегда ставлю вровень с моими. Я обращаюсь с ними в этом отношении очень благородно.

28 [13]

Домоправительница пасторского жилища. — Свидетельство прежней серьезности. Ребенок Христос среди книжников.

28 [14]

Прогулка в Голис, когда Ричль распознал во мне филолога, раннее теплое солнце в феврале. Блины.

28 [15]

Одно из главных качеств: *утонченный героизм* (который я, кстати, признаю и в Эпикуре). В моей книге нет ни слова против страха смерти. Во мне его мало.

28 [16]

Моя сущность *раскрывается* — *развивается* ли она?

С самого детства нагружен чужим характером и чужим знанием. Я открываю себя самого.

28 [17]

Митрамания*. — Ожидание первого луча солнца — *наконец* его увидеть и — высмеять его и погасить *себя*.

28 [18]

Застывание знания — непроизвольная эпилепсия деятельности.

12. Я будто подстрелен стрелой познания, отравленной ядом кураре: все вижу.

28 [19]

О *путешествующих*: одни умеют делать из малого многое, большинство — из многого малое.

11. *Стать* тем, кто много повидал (путешествовал); видеть, переживать, вживаться, изживать — пять ступеней; мало кто достигает самой верхней.

28 [20]

10. Это секрет всех тех, кто добился успеха. Выдавать свои ошибки за достоинства. Таков Вагнер.

28 [21]

Делать наши страдания полезными для других, как делает государство, казня преступников.

28 [22]

Митра — надежда
Митрабезумие!

28 [23]

Меня ранил тот, кто меня разбудил.

28 [24]

Grotta di *Matrimonio**, идиллическая картина бессознательной жизни.

28 [25]

Тиберий: безумие возможности действовать. Противоположность: безумие возможности знать.

28 [26]

8. Меня не обидели: тем не менее, я расстаюсь с людьми. Никакой мести.

28 [27]

7. Утонченный героизм с *закрыванием глаз* на самого себя, — по себе замечено. Возможно, другие закрывают глаза в *своих* действиях.

28 [28]

Мать — природа — прошлое — совершить убийство — Орест — преклонение перед великим преступником. Его сделали святым.

Культ Эриний (как плодотворный).

28 [29]

6. Чтобы столкнуть челнок, не нужно много силы. Байрон в эдинбургской критике. Позже злословие.

28 [30]
5. Впрячь его болезнь в плуг.

28 [31]
4. Не позволить никаким страданиям довести себя до веры в δεύτερος πλοῦς[1].

Отвергать роль *страданий* как наказания и испытания (будущее).

28 [32]

Зимним утром пар конюшни.

28 [33]
3. В Сорренто я поднял девятилетний слой мха.

Сны о мертвых*.

28 [34]

Выдумать жизнь как *праздник*, исходя из митрамании.

28 [35]

Христос должен был искупить мир? Пожалуй, следовало бы его отговорить.

28 [36]

Сеять по своим ошибкам.

28 [37]

Проблема Фауста преодолена с помощью метафизики.

28 [38]

Предъявить индивидууму иск за смелый *произвол* жизни. Только теперь!

28 [39]

Искусство воспоминания, преодоление дурных, горьких элементов. Борьба с болезнью, раздражением, скукой.
2. Митра убивает быка, на котором повисли змея и скорпион.

---

1 Вторая навигация (*греч.*).

28 [40]

Вновь обрести античное представление о мире! Действительно *мойры* превыше всего, *боги* — представители реальных сил! Стать античным!

28 [41]

Мне нужны склянки от мазей и лекарств *всех* античных философов.

28 [42]

Сон с жабой.

28 [43]

Нео-античность.

28 [44]

Любить великое, даже если оно нас унижает. — Почему не должен художник преклонять колени перед истиной, а вождь духовного движения — со стыдом пасть ниц перед справедливостью и сказать: « Я знаю, богиня, мое дело — не твое дело, прости, но я не могу иначе».

28 [45]

Воздействие моих сочинений: я отношусь к этому очень *скептически*. Я видел *партии*. «Я буду ждать, пока Вагнер признает что-то из написанного *против* него», говорил я.

28 [46]

При неудовлетворенности легко развивается *отравление духа*: так обстоит с целями «Байройтских листков».

28 [47]

Высочайший смысл формы, *последовательное* развитие сложнейшего на основе простейшей основной формы — это я нахожу у **Шопена**.

28 [48]

В *немецкой* музыке слишком высоко оцениваются **моральные** факторы.

28 [49]

Бесстыдство влезать—это действительно может быть состраданием, но я хотел бы сострадания *с* участием интеллекта; шопенг<ауэровскому>, что оно должно быть еще и *интеллигентным*, я совершенно не доверяю.

28 [50]

Естественная ошибка *музыканта.*

Биографии

28 [51]

Оркестр в Байройте слишком в глубине, уже из середины музыкальную правильность приходится принимать на веру.

28 [52]

У Вагнера ум дилетанта, который считает объяснение, исходящее из *одной* причины, наилучшим. Таковы евреи: одна вина—значит, один Спаситель. Так он упрощает немецкое, культуру. Ошибочно, но сильно.

28 [53]

Лист, *представитель* всех музыкантов, *никакой не музыкант*: князь, не государственный деятель. В нем сто музыкальных душ, соединенных вместе, но недостаточно собственной личности, чтобы отбрасывать тень.

Если хочется иметь собственную личность во плоти, то не следует стесняться иметь и собственную тень.

28 [54]

Мне не раз выпадало счастье задеть лучшую струну в каком-то человеке и целый день наслаждаться ее звучанием; другие, по моей рекомендации, знакомились с ними, и обнаруживали невыносимых, заносчивых, ребячливых молодцов,—а ведь это были те же самые, благодаря кому я смог увидеть истинное сокровище душевной доброты, скромного мужества и доверия.

28 [55]

«Задние мысли», т.е. человек думает только о том, как это произошло, а не о том, как это должно бы происходить.

28 [56]

Против переписки между друзьями. Как только начинают писать письма, уже начинают заблуждаться.

28 [57]

Я говорил: «Из трудов Вагнера можно было бы многое узнать о возникновении произведения искусства». А именно — о глубокой несправедливости, самолюбовании и завышенной самооценке, презрении к критике и т. д.

28 [58]

Что меня порой выводит из терпения у женщин, так это то, что они отрицают и срамят хорошее, даже превосходное, если оно не освящено авторитетом, который у них считается высшим. За этим следует жалкая растрата ума, чтобы сделать хорошее плохим, а незначительное чем-то необычайным, многозначительным.

28 [59]

Под ханжеским именем сострадания за спиной распространяется подлейшая клевета.

28 [60]

Под ореховым деревом, как под родной крышей, совсем по-домашнему.

29. Лето 1878

29 [1]

Что Гёте ощутил у Г.Клейста и чего он сам сторонился — это присущее тому чувство *трагического*: то была неисцелимая сторона его натуры. Сам же он был соглашателем и излечимым. Трагическое имеет дело с неизлечимыми страданиями, ком<едия> — с излечимыми.

29 [2]

Никто лучше Вагнера не умеет выдавать свои ошибки за достоинства. Здесь проявляется глубокое *лукавство его художественного чувства*. Все художники отчасти таковы, *женщины* тоже.

29 [3]

Надо уметь *расставаться* с какой-то фазой жизни, как солнце с мощным сиянием, даже если не хочется снова всходить —

29 [4]

Истина, как и солнце, не должна быть слишком яркой: иначе люди бросятся в ночь, и станет темно.

29 [5]

Напитки и роскошь нужны для бедных *мыслями*, которые хотят *ощущений*. Поэтому художники так легко вырождаются.

29 [6]

Кто выбрал неверную дорогу и замечает это, становится недоверчивым, его будто душат.

29 [7]

Если не считать жизнь хорошим делом, которое надо поддерживать, то все наши научные устремления потеряют смысл (пользу), и тогда к чему истина?

29 [8]

Чтобы стать *позитивным*, Дюринг становится ненаучным (этика).

29 [9]

Вся разница в том, готов ли человек по своему темпераменту к минутному или к длительному счастью. Но это легко путают и стремятся к ошибочным целям (искусство и философия). Это портит темперамент и дарование тоже.

29 [10]

С точки зрения *интеллектуальной совести* люди делятся на *добрых*, которые имеют добрую волю, позволяя себя обучать, и тех, кто не имеет подобной воли, — это *злые*.

29 [11]

Я считал себя удивительно далеким от философов, и шел вперед в тумане и печали. И вдруг —

29 [12]

Контур-фантом. От любого изгиба прочертить законченный круг.

29 [13]

Кто принимает восхваления, тот или лжец, или совершенно слеп в *отношении себя*.

29 [14]

Метаф<изика> делает мышление неестественным, неплодотворным (оно не срастается), в конечном счете, *пустопорожним*.

29 [15]

Мотивы *трагического* мировоззрения: прославление борьбы непобеждающих. Неудачники здесь в большин-

стве. Страшное потрясает сильнее. Страсть к парадоксам, ночь предпочитают дню, смерть—жизни.

Траг<едия> *и ком<едия>* дают карикатуру на жизнь, а не ее отображение. «Патологично».

Гёте против *трагического*—зачем его искать?—Соглашательская натура.

29 [16]

Столь одаренных существ, какими я представлял себе гениев, никогда не существовало.

29 [17]

Какое грандиозное впечатление производит на древних учение о бренности! (Гораций и Антонин)

29 [18]

«У греков значительное было большим, незначительное (например, Panta Attribut) маленьким»

29 [19]

Гений это ничто, если он не поднимает нас столь высоко и не делает настолько свободными, что мы больше в нем не нуждаемся.

Освобождать и позволять освобожденным презирать себя—это участь вождей человечества, вовсе не трагическая—они ликуют оттого, что их путь будет продолжен.

29 [20]

Простая и бледная роза, которая растет на горных склонах, трогает нас больше, чем богатые переливы красок садовых цветов.

29 [21]

Почему в Байройте не было ученых? Им это не было *нужно*. Прежде я поставил бы им это в упрек. Теперь—

29 [22]

Нам вовсе не нужно любить наших врагов, нам достаточно только *верить*, что мы их любим—в этом тонкость христианства и это объясняет его массовый успех.

Даже *верить* вовсе не необходимо, достаточно часто об этом *говорить* и в этом *признаваться.*

29 [23]

Создать портрет, исходя из догадок, перед лицом произведения. («Рихард Вагнер»: как образ современника подпадает под чары произведения — это формирование идеала.)

29 [24]

Вечером вниз по реке, когда жар солнца пробивается сквозь лоснящуюся листву каштанов.

29 [25]

Что *следование природе* ошибочно, у Монтеня III 354.

29 [26]

Liv. 41, c. 20: Персей «nulli fortunae adhaerebat animus, per omnia genera vitae errans, uti nec sibi nec aliis qui homo esset satis constaret»[1]. Монтень III 362.

29 [27]

Юнг-Штиллинг, место об удовольствии в *христианской* морали.

29 [28]

Человек хочет жить не только приятно или полезно: это должно быть еще и *заслуженно*, причем в той мере, в какой ему становится все ясней, что приятного не так уж много. Он хочет вознаградить себя посредством *чести.*

29 [29]

Дитя мое, живи так, чтобы тебе не пришлось стыдиться самого себя; говори свое слово так, чтобы каждый мог о тебе сказать, что на тебя можно положиться; и не забывай, что доставлять радость само доставляет радость.

---

1 Тит Ливий: «И настолько переменчив он был в своем образе жизни, что ни сам о себе, ни другие о нем не могли понять, что он за человек» (*лат.*).

Выучи заранее, что голод всегда приправляет пищу, и избегай удобства, ибо оно делает жизнь пошлой. Ты должен однажды совершить нечто великое: для этого ты должен сначала *стать* чем-то великим.

29 [30]

Тот запах с пшеничного поля, который напоминает запах меда.

29 [31]

Название:

Новый обзор
Сочинение Ф.Н.

29 [32]

Искусство барокко приносит с собой искусство высоты и распространяет его — это заслуга!

29 [33]

Искусство Вагнера — для ученых, которые не отважились стать философами: недовольство собой, обычно тупое оглушение, время от времени купание в *противоположном*.

29 [34]

Мои моральные наблюдения уходят прочь от *середины* — феномен *еще не* восстановленного здоровья.

29 [35]

Воспитание. Две главные эпохи. — 1) закрытие занавеса. 2) Открытие занавеса. Если после этого чувствуют себя хорошо, значит, это было *вовремя*.

29 [36]

Мнимое искусство *для всех* (у Вагнера), потому что одновременно применяются более грубые и более тонкие средства. Но *очень* связано с определенным музыкально-эстетическим образованием, особенно — *моральное* равнодушие.

29 [37]

Время, когда книги и разговоры *перегружены* мыслями, вовсе не время *богатства* мысли. Когда последнее наступает, оно *принуждает* к порядку и простоте в домашнем хозяйстве. Молодые люди любят перегруженное, ибо оно пробуждает *иллюзии* у *бедных* (которых большинство).

29 [38]

Здесь не будут рождаться не только мастера, но даже неумехи.

29 [39]

Кто рассчитывает на *искусство вдохновения*, чтобы добиться успеха в своем искусстве, должен *многое* брать в помощь из родственных областей, вечно захватывать, потрясать, красть раздумья и суждения, вспоминать о глубочайших бедах и переживаниях.

29 [40]

Кто не отваживается доверять рассудку, подвергает его подозрению. Люди чувства.

29 [41]

Ирония—ложь о том, что знают, но делают вид, будто не знали.

Ко благу других (Положение метафизики в воспитании?).

29 [42]

Три типа божественной юности—Аполлон, Гермес, Дионис—удивительно, что такое сформировали; какое мужество!

29 [43]

Боги *становятся юными* в созерцательной фантазии художников.

29 [44]

«Красота второго сорта»—чувственное веселье наряду с *высокими* идеалами.

Было бы жаль, если бы это не было изображено. Новые области, не высоко благородные, но еще идеальные. Не божественные.

29 [45]

Отчего бы нельзя было предаваться *метафизическим играм*? и расходовать на это совершенно неимоверную энергию творчества?

29 [46]

Вагнерианцы ничего не хотят менять в себе, их раздражает пошлое, конвенциональное, брутальное, — искусство должно *временами* магически поднимать их над этим. Слабоволие.

29 [47]

Не нуждаться *более* в искусстве Вагнера или все еще *нуждаться* —

29 [48]

В нем заключены чудовищные движущие силы — *они увлекают за его пределы.*

29 [49]

Почему бы не позволить считать метафизику и религию *игрой для взрослых?*

29 [50]

Отдавая серьезное в распоряжение метафизики и религии, люди более не располагают им для *жизни* и ее задач.

29 [51]

Искусство Вагнера предназначено для тех, кто сознает существенную *ошибку* в направлении своей жизни: великая натура либо скованная низменной деятельностью, либо растрачиваемая в праздности или в браке по расчету и т. д.

Бегство от мира здесь = **бегство от себя**.

29 [52]

«Боги Греции» — этап на пути разочарования: наконец, свобода от метафизики.

29 [53]

Вера в Бога — это то же, что прежде вера в призраков. (Лихтенберг?)

29 [54]

Ребенок не хочет отказываться от своей сказки.

29 [55]

Если жизнь не является высшей ценностью (метафизика), следует ли ее тогда сбывать за самую низкую плату? И почему только люди так говорят? Детское упрямство? — Как будто нам не приходится постоянно с самого детства отказываться от каких-то ценностей!

29 [56]

Нельзя себе представить, как трудно бывает выйти за пределы *литературного восприятия.* Можно заблуждаться относительно других оттого, что их литературное образование *недостаточное* или просто *другое.*

30. Лето 1878

30 [1]

Моей ошибкой было то, что я приехал в Байройт с неким идеалом: поэтому мне пришлось пережить самое горькое разочарование. Меня оттолкнул избыток безобразного, искаженного, чересчур пряного.

30 [2]

О мотивах поэтического искусства
Предвзятые мнения о поэтах
Афоризмы

30 [3]

Я видел, как в высших сословиях распространяется осознание значения социалистических идей, и я должен был бы сказать вслед за *Гёте*: «люди, кажется, не чувствуют, что надо сперва все потерять, чтобы достичь своего рода двусмысленной выгоды».

30 [4]

Гёте: «То томящееся, что было во мне заключено и что я в прежние времена, возможно, слишком лелеял, а в последующей жизни всеми силами стремился перебороть, было уже не к лицу мужчине, и он искал поэтому полного окончательного удовлетворения». *Конец?*

30 [5]

Гёте: «Прекрасное—это когда мы видим закономерно живое в его великой деятельности и совершенстве, и это влечет нас к воспроизводству, и мы чувствуем себя полными жизни и вовлеченными в высшую деятельность».

30 [6]

Середина, лучшее (в выборе проблемы, выражения, в искусстве). Мощная эст<етика>. Это не барочный стиль.

30 [7]

Монтень: «кто был однажды настоящим глупцом, никогда уже больше не станет действительно мудрым». Это, чтобы почесать себя за ушами.

30 [8]

Мильтон у Тэна I, 656. «Правда, которая сперва приносит позор.»

30 [9]

Влияние Шопенгауэра

1) в руках ультрамонтанов—протестантов и католиков;
2) чистейшая наука запачканная спиритизмом;
3) истории о духах;
4) верящие в чудеса как фр<ау> В<агнер>;
5) философия бессознательного;
6) гений и вдохновение у Вагнера, так что все познанное отвергается; «интуиция» и «инстинкт»;
7) злоупотребление «волей», практически непреклонной под пером поэта становится средством достижения эффекта;
8) грубое заблуждение, будто сострадание представляет интеллект, вынесено на сцену с подлинно испанской истовостью веры;
9) королевская власть как надмирное;
10) взгляд на науку с высоты: даже в ней распространяется метафизика;
11) биография Гвиннера, Шопенгауэр как преддверие христианства.

Повальная *благочестивость*, совершенно по-вольтериански настроенный Шопенгауэр, которому была бы непонятна его четвертая книга, отодвинут в сторонку.

Мое недоверие к системе *с самого начала. Личность* выходит на первый план, он *типичен* как философ и подвижник культуры. К *преходящему* в его учении, к тому, что *не* определяло его жизнь, присоединялось однако *всеобщее почитание*—в противоположность мне. Продукция философа казалась *мне* единственным действием, которое он продолжает после себя оказывать,—но *меня* самого сдерживало суеверие относительно *гения*. Отвод глаз.

30 [10]

После Демосфена речь должна быть скульптурно «высечена резцом».

Демосфен изучал Фукидида с точки зрения стиля.

30 [11]

«*Сдержанность* древних авторов в применении вызывающих удивление средств выражения, которые были в их распоряжении».

30 [12]

По возможности избегать нагромождения более чем двух кратких слогов — ритмический закон Демосфена.

30 [13]

Заканчивать речь, как и трагедию, по возможности спокойно и с достоинством — это по-афински.

Мы любим заканчивать по-другому.

30 [14]

Полезное образование
Декоративное образование.

30 [15]

Поскольку я сравнил Вагнера с Демосфеном, я должен показать и *противоположное.* Бругэм у Бласса, 188, 196 — с. 173.

30 [16]

Величайшего оратора-импровизатора Демада ценили выше Демосфена. Согласно Теофрасту, последний «достоин Афин», первый — «превыше Афин».

30 [17]

«Человек, который состоит из слов, притом из горьких и искусственных», сказал Эсхил о Демосфене.

30 [18]

Афина Паллада

О полезном и декоративном воздействии способности суждения.

30 [19]

Вагнер, чьи писательские образцы и попытки (вначале) принадлежат тому времени, всеобщую ошибку которого так описал один француз—au delà <de> sa force[1].

30 [20]

Декоративные искусства
Развлекательно-декоративное образование
Возросшая *разборчивость* по части *роскоши.*

30 [21]

Вечное строительное искусство римлян.
Мост в испанской Алькантаре.

30 [22]

«Мысленный образ» вместо образа фантазии.

30 [23]

Драматург, когда он говорит о себе, играет некую роль; это неизбежно. Вагнер, говорящий о Бахе и Бетховене, говорит как тот, каким бы он хотел казаться. Но он убеждает только убежденных, его мимика и подлинное существо яростно спорят друг с другом.

30 [24]

Недостаток метафизики: она делает равнодушным к действительному порядку этой жизни—как и к морали. Она всегда пессимистична, ибо стремится вовсе не к *здешнему счастью.*

30 [25]

Относительно греческих поэтов нас приучили обманывать самих себя. Пусть бы каждый сказал, как есть: то мне не нравится, а это мне мало что говорит, здесь я не согласен с принятой оценкой и т. д., —тогда было бы больше уважения к филологам как к честным людям, даже несмотря на риск, что их *классический* вкус может быть поставлен под сомнение.

---

1 За пределами свих сил (*франц.*).

30 [26]

Греческий *дифирамб* является **стилем барокко** поэтического искусства.

30 [27]

Против *нашего* восторга от чрезмерности метафор, редких слов и т. д. — Хвала Еврипиду.

30 [28]

Что станет с искусством, которое достигло своего конца? Оно отомрет само — оказанное им воздействие пойдет на благо другим областям, точно так же, как и освобождающаяся *теперь*, при его *кончине*, *не использованная* энергия. Но **куда**, например?

30 [29]

Путь к мудрости

Усиление
Соразмерность (красота как пропорция)
Освобождение.

30 [30]

Тем же самым способом, как мы сейчас *сознательно* укрепляемся при помощи духа, так же благодаря аналогии получают обратное заключение.

30 [31]

Волны, в тихий летний день шелестящие у берега — счастье в саду Эпикура.

30 [32]

Драма — религиозный факт, первоисток — в храмовом культе. Ошибочное понятие мифа — греки считали его историей. Поэты, напротив, *выдумывали* без всякого стеснения.

30 [33]

Гёте: «порой не следует вредить заблуждению, чтобы не навредить истине».

30 [34]

Гёте определяет *долг* так: «когда *любят* то, что сами себе *предписывают*».

Обычно: «когда *предписывают* себе то, что *любят*».

30 [35]

Чувство *ритма* проявляется сперва в большом: противопоставление *колы* (гекзаметр и гекзаметр). Еврейская ритмика на этом остановилась. То же и периоды в прозе. Постепенно *чувство времени* становится тоньше, прежде всего в *заключении*.

30 [36]

«Ipsum viventem quidem relictum, sed sola posteritatis cura et abruptus vitae blandimentis.»[1] Тацит, ист. II 54.

30 [37]

Кто не переживал, как подлейшая клевета и самая ядовитая зависть прикидываются состраданием, тот еще ничего не знает о злобе.

30 [38]

Так как все хотят счастья, то свойства, аффекты весьма различны и едва поддаются изменениям. Таким образом *все* начинания следует использовать *остроумно*. Этика для остроумных.

30 [39]

Вероятно: господство *специалистов* и самомнение массы, будто это она сама может господствовать с их помощью.

30 [40]

Когда производишь нечто, выходящее за пределы духовного и эмоционального кругозора твоих знакомых — зависть и ненависть как сочувствие, — партия рассматривает этот труд как вырождение, заболевание, совращение. Вытянувшиеся лица.

---

1 Он был еще жив, но уже порвал все ниты, связывающие его с этим миром, и помышлял лишь о мнении потомства (*лат.*).

30 [41]

Вместо того, чтобы переливаться в жизнь, вагнеровское искусство только подпитывает в вагнерианцах тенденции (напр. религиозную, национальную).

30 [42]

Мы похожи на *живых* зверей на щите Гефеста — *эстет<ический>* феном<ен>, но *свирепый*!

30 [43]

Надо иметь мужество любить в искусстве то, что нам действительно нравится, и признаваться в этом, даже если здесь проявляется *дурной* вкус. Так можно продвинуться вперед.

30 [44]

Перевернутая мораль, напр. в «Тристане», когда нарушитель верности берется делать упреки: совсем иначе у греков.

30 [45]

Слишком много музыки к вагнеровской драме.

30 [46]

Новелла: по причине смерти moriendi perdere causas. Самоубийца, который в поисках смерти — — —

30 [47]

При чтении книги обычно воображают, что основной тон — это первое, что из нее слышно — но при этом в нее что-то *вносят*, и именно это и слышат.

30 [48]

Гл. VII. Воспитание.

Германия в своей акции-реакции проявляет себя варварски.

30 [49]

К моральным «заслугам» стремится прежде всего тот, кто не может сделать свой успех очевидным — несвободный, стесненный.

30 [50]

Искусство Вагнера рассчитано на близоруких, — необходима слишком большая близость (миниатюра), но в то же время и на дальнозорких. Но не на нормальное зрение.

30 [51]

Тогда я верил, что мир с эстетической точки зрения — это спектакль и таким воспринимается его поэтами, но как моральный феномен является *обманом*: поэтому я пришел к заключению, что мир может оправдать себя только как эстетический феномен.

30 [52]

Когда я вслушивался в общее звучание греческих философов, я думал, что воспринимаю звуки, которые привык слышать в греческом искусстве, а именно в трагедии. В какой степени дело тут действительно было в греках, а в какой — просто в моем слухе, слухе человека, очень нуждающегося в искусстве — этого я и сейчас не могу высказать с определенностью.

30 [53]

1 Одиночка и многие
2 Продолжение искусства
3 Нео-древность
4 Источники силы
5 Образ ближайшего будущего
6 Собственность
7 Воспитание.

30 [54]

Польша — единственная страна европейско-римской культуры, которая никогда не переживала Ренессанса. Реформация церкви без реформы всей духовной жизни, поэтому не были пущены крепкие корни. Иезуитство — дворянская вольница создала для этого почву. Точно так же было бы с немцами без Эразма и влияния гуманистов.

30 [55]

Греки были *готовы*, когда Гомер показал им произведения искусства — он мог *рассчитывать на понимание длинных*

обозримых композиций — тут народ должен быть *развит*! Подумайте о германцах с их эффектами мгновения в «Эдде»!

То, что Гомер умел, а именно *строить композицию*, видно по творческой ревности *Гесиода*, который тоже строил композицию.

30 [56]

Я хотел бы, чтобы правильно мыслящие читатели приняли эту книгу как некий вид покаяния за то, что я прежде дал ход довольно опасной эстетике, старанием которой было представить все эстетические явления как «чудо» — — тем самым я нанес ущерб сторонникам Вагнера и, возможно, самому Вагнеру, который согласен со всем, что придает высокий ранг его искусству, будь то обоснованно или необоснованно. Возможно, своим одобрением со времен его сочинения о «назначении оперы» я склонил его к еще большей определенности и привнес несдержанность в его сочинения и поступки. Я очень об этом сожалею.

30 [57]

Измышление *поэта* может стать *мифом*, если оно по мере распространения встречает доверие. Как зыбка грань между употреблением слова и злоупотреблением им.

30 [58]

С гармонией *удовольствий*, в которых купается человек, *действительно* обстоит так же, как с гармонией сфер: мы их больше не слышим, когда живем внутри них.

30 [59]

Анализ *возвышенного*.

30 [60]

Мой способ сообщать историческое по сути дела состоит в изложении моих собственных *переживаний* в той или иной связи с прошедшими временами и ушедшими людьми. Ничего взаимообязывающего — что-то мне вспомнилось, прочее — нет. Наши историки литературы скучны, ибо они заставляют себя обо всем говорить и судить, даже там, где они ничего не *переживали*.

30 [61]

Что *еще воздействует*? Принцип живописцев, музыкантов и поэтов: они сначала спрашивают сами себя, исходя из времени, когда они не были непродуктивными.

30 [62]

Страх, что вагнеровским фигурам не поверят, будто они *живые*: поэтому они ведут себя так сумасбродно.

30 [63]

Мы делаем ошибки по отношению к намеченному нами образу жизни, потому что наше настроение весьма различно в момент намерения и в момент исполнения.

30 [64]

Искусство начинается с карикатуры. Когда нечто *имеет значение*, это радует. Когда над значительным подтрунивают и смеются, это радует еще больше. Высмеивание как первый знак более высокой душевной жизни (как в изобразительном искусстве).

30 [65]

«Там, однако, где искусство *ограничивает* себя в своих *средствах*, оно должно быть *мощным* в своей *сути*». Якоб Буркхардт.

30 [66]

Греческая проза—намеренное ограничение в средствах. Почему? Простое в конце подъема. Сложное в начале и напоследок.

30 [67]

Я вытянул при этом жребий идеалистов,—в результате объект, значащий для них так много, будет внушать им отвращение. Идеальный монстр; настоящий Вагнер съеживается.

30 [68]

Как источена и изъязвлена человеческая жизнь, как всецело построена на обмане и лицедействе, как все возвышающее, все иллюзии, всякое удовольствие от жизни

проистекают из заблуждения—и как поэтому следует искать происхождение такого мира не в моральном существе, но возможно в неком художнике-творце. При этом я имею в виду, что этому существу вовсе не подобает почитание в христианском смысле (который выдвигает Бога любви и добра) и даже не побоялся бы заикнуться о том, не может ли это представление, насильственно привитое немецкой сущности, так же насильственно быть вырвано из нее. При этом я полагал, что открыл в искусстве Вагнера путь к немецкому язычеству, по меньшей мере мост к специфическому нехристианскому воззрению на мир и человека. «Боги злы и умны: они заслуживают гибели, человек добр и глуп—у него есть лучшее будущее, и он его достигнет, как только те уйдут в свои последние сумерки», —так мог бы я тогда сформулировать мое кредо, в то время как сейчас я———

30 [69]

То, что сначала является *привычным*, будет потом дополнительно отягощено не только пиететом, но и *разумом* и *причинами*, и как бы *пропитано* ими. В результате дело выглядит вполне разумным (многое в нем исправлено и приукрашено). Это вводит в заблуждение относительно его *происхождения*.

30 [70]

Национальное есть влияние одной прошедшей культуры на совершенно изменившуюся, на других принципах построенную культуру. То есть логически противоречивое в жизни народа.

30 [71]

Мы должны воспротивиться ложному подражанию Вагнера. Если он вынужден, чтобы создать «Парсифаля», черпать новые силы из религиозного источника, то это не образец, а опасность.

30 [72]

Есть читатели, которые предпочитают несколько высокопарный и неуверенный тон моих ранних работ тому, к которому я стремлюсь ныне—максимальной опреде-

ленности характеристик и гибкости во всех движениях, осторожной умеренности в употреблении всех патетических и иронических средств искусства. Пусть те читатели, которые не хотели бы дать зачахнуть своему вкусу, найдут для себя в представляемых здесь на их суд сочинениях нечто приятное взамен тому, что я огорчил их изменением моего вкуса. Ведь мы постепенно в столь многих и серьезных устремлениях стали настолько непохожими, настолько чужими, что в момент, когда мне еще раз приходится обращаться к вам, я хотел бы говорить только о безобиднейшем из различий — о различии стиля.

30 [73]

Вагнер не питает настоящего доверия к *музыке*: он привлекает родственные ощущения, чтобы придать ей характер величия. Он сам настраивается на *другого*, он сперва предлагает своим слушателям опьяняющие напитки, чтобы они поверили, будто *их опьянила музыка.*

30 [74]

«*Детское* искусство кощунствует больше всего». Группа перед статуей, статуя *перед* гермой и т. д. «Как раз трудностей они еще не знают». Якоб Буркхардт.

30 [75]

Ковер — родина бесконечно себя *повторяющего*. Его можно найти на вазах и бронзовых сосудах. Так как все мелко и бесчисленно, видишь не выражение души, но только *жесты.*

30 [76]

Самое отрадное явление — это Брамс, в чьей музыке течет больше немецкой крови, чем у Вагнера — этим я хотел бы сказать много хорошего, но отнюдь не *только* хорошего.

30 [77]

Хочу лишь признаться: я надеялся, что благодаря искусству у немцев можно будет полностью отбить охоту к *застоявшемуся христианству*, а немецкая мифология как ослабляющая, приучающая к политеизму и т. д.

Какой страх перед *реставративными* течениями!!

30 [78]

Как некто, прощающийся навсегда, проявляет теплые чувства даже к менее уважаемым знакомым и протягивает им руку, так и я именно сейчас, неудержимо удаляясь от берегов, к которым прежде направлял мой корабль, чувствую в себе большее расположение к некоторым моим ранним работам.

30 [79]

Древнее *портретное сходство* в Микенах—позднее этот след прервался.

Животный мир лучше, чем человек—он связан не символически.

30 [80]

Трудно нападать на Вагнера в частностях и не быть правым; его способ искусства, его жизнь, характер, его мнения, склонности и антипатии,—все имеет больные места. Но как целое это явление выдерживает любые нападки.

30 [81]

То, что Платон в конце отвернулся от искусства, символически-типично.

30 [82]

Если бы Вагнер думал об этом по-другому, мы бы, пожалуй, стали еще и большими вагнерианцами, чем сам Вагнер.

30 [83]

Развитие *Софокла* я понимаю полностью—неприятие помпы и пышных эффектов.

30 [84]

Улыбка—это выражение жизни, моментального (даже когда они умирают, эгинцы).

30 [85]

Самое высокое задание в **конце** публично *поблагодарить* Вагнера и Шопенгауэра и в то же время как бы заставить их выступить против себя.

30 [86]

Фракийский *пессимизм* v<ide> у Геродота: рожденного оплакивали.

30 [87]

Тем писателям, которые с умом пишут *против* разума, следовало бы подумать, как не опротиветь самим себе.

30 [88]

Богатый стиль следует за **великим**.
Города, художники и школы соревнуются.
Тело образуется задолго до выражения души.
Бедра гораздо раньше груди.

30 [89]

Полезное стоит выше *приятного* (прекрасного), так как оно косвенным образом достигает приятного, причем на длительное время, а не на мгновение, или же стремится создать базис для приятного (напр. здоровье). Искусство прекрасного или рассчитано лишь на мгновение, или совпадает с полезным; полезное никогда не является *своей собственной* целью, в отличие от *приятного*.

30 [90]

Никогда нельзя забывать заслугу Вагнера, ибо он во второй половине 19 века по-своему (что, правда, вовсе не выказывает в нем доброго и проницательного человека) вспомнил об искусстве как о важном и великолепном занятии.

30 [91]

Ужасно, до какой степени я сам мог испытывать удовольствие от стиля Вагнера, который настолько небрежен, что не достоин этого художника.

Стиль Вагнера. Привычка поспешно высказывать свое мнение о важных вещах без достаточных знаний сде-

лала его неопределенным и неуловимым; к тому же честолюбивое стремление сравняться с остроумными фельетонистами; и, наконец, высокомерие, которое легко сочетается с небрежностью: «смотри, все было очень хорошо».

30 [92]

Самое лучшее в голоде то, что он вызывает аппетит.

30 [93]

Предисловие. Положение мудреца по отношению к искусству. Греки *тоньше,* чем мы: мудрец — человек со вкусом.

Не только голод понуждает (просто он не должен быть слишком мучительным) — «любовь» тоже, говорят мечтатели, — но ведь и вкус тоже. Да, вкус уже предполагает аппетит — иначе нам не будет вкусно. Критика — это удовольствие от хорошего и **увеличение удовольствия** посредством познания неудачного. Откуда тогда бесчисленные критики, если нет при этом удовольствия? В этом смысле *на пользу* даже плохое, когда оно взывает к уничтожению и доставляет при этом удовольствие. В том числе удовольствие *сделать лучше.*

30 [94]

Эмерсон, с. 328 (эссе) «глаз дорисовывающего ума».

30 [95]

Предисловие. Эту книгу я мог бы переписать, сообразуясь с душой художника и писателя; на самом деле это продолжение пятой главной части, которая носит это же название.

30 [96]

Предисловие. Я не знаю другого способа познать что-то хорошее, как самому совершить что-то хорошее. Это дает нам крылья, на которых можно лететь к некоему далекому гнезду, в котором гнездится хорошее.

30 [97]

Шопенгауэр оптимист, когда он говорит (Parerga, II с. 598): «Существует 2 истории: *политическая* и история *литературы* и *искусства.* Первая — история воли, вторая —

история интеллекта. Поэтому одна сплошь устрашающая, даже ужасная — вторая, напротив, всегда *радостная* и *ясная.*» О-го-го!

30 [98]

Как бы мы ни подвергали анализу мораль, — наша собственная, угнездившаяся во всем нашем существе, не может быть при этом проанализирована. Характер нашей правоты и неправоты остается вне поля критики. «Тональность поиска это одно, а тональность обладания — другое».

30 [99]

Меня беспокоит, что влияние Вагнера в конце концов впадает в тот поток, который пробивается по ту сторону гор и который способен протекать даже сквозь горы.

30 [100]

Шопенгауэр, Парерга II 630: «<то, что> иной человек содержит в себе по крайней мере 10-кратно большую степень бытия, нежели другой — *бытийствует* в десять раз больше». Тогда *мудрец* является *наиреальнейшим существом.*

30 [101]

Сравнение III акта «Тристана» с симфонией; «Рождение трагедии» — неясно и высокопарно, как я тогда любил выражаться по примеру Вагнера —

30 [102]

В четвертом веке открыт мир внутреннего волнения — Скопас, Пракситель, *выражение.* (Но еще нет Фидия. Законы **строгости**.)

30 [103]

Эмерсон с. 331, эссе. «*Жизнь истины* холодна и в этом смысле печальна, но это не жизнь раба и т. д.»

30 [104]

«Быть великим, значит быть неверно понятым».

30 [105]

Охарактеризовать *идеальность Шиллера* (лучше всего по письмам Кернера).

30 [106]

Фриз в Фигалии—высочайшей страстности.

30 [107]

Та же сумма таланта и прилежания, которая создает классика, через какое-то время *опоздания* создаст художника барокко.

30 [108]

От него требуют, чтобы он при *хорошей игре* делал плохую мину.

30 [109]

Вагнер прервал движение, пагубно, больше не выйти на дорогу.

Мне мерещилась некая *совпадающая* с драмой *симфония*. Вытекающая из песни.

Но оперу, эффект, ненемецкое Вагнер увел куда-то прочь. Все мыслимые средства искусства на самом высоком подъеме.

30 [110]

Полное отсутствие морали у героев Вагнера. У него есть чудесное озарение, возможное только в искусстве: упрек грешника, обращенный к невиновному: «О, король» —Тристан к Марку.

30 [111]

Попробуйте послушать второй акт «Гибели богов» *без* драматургии: сумбурная музыка, дикая, как дурной сон, и такая ужасно отчетливая, будто она хочет быть услышанной даже глухими. Это *речь не говорящая ничего*, и это устрашает. Драма—это чистое избавление.—Разве это *похвала*, что такая музыка сама по себе невыносима (отвлекаясь от отдельных, намеренно изолированных мест) как *целое*?—Достаточно того, что эта музыка *без драмы*—бес-

прерывное отрицание всех высочайших стилевых закономерностей старой музыки: кто к ней окончательно *привык*, перестает чувствовать эти законы. Но *выиграла* ли драма от подобного дополнения? Добавлена *символическая интерпретация*, некий вид филологического комментария, который связал вечно *свободную фантазию понимания* — тирания! Музыка — это *язык толкователя*, который беспрерывно говорит и не дает нам вставить слова; более того, говорит тяжелым языком, который опять же требует *толкования*. Кто сначала *отдельно* выучил поэзию (язык!), затем претворил ее зрительно в действие, затем отыскал и понял музыкальную символику и полностью вжился, да, влюбился во всю эту троицу, — тот получит в итоге огромное наслаждение. Но ведь как *претенциозно*! И ведь это невозможно иначе, чем на отдельные мгновения — ибо слишком захватывающе это десятикратное общее напряжение глаза, уха, ума, чувства; высочайшая нагрузка восприятия без *всякого* продуктивного противодействия! — Это могут очень немногие, откуда же воздействие на *столь многих?* Потому что внимание *рассеивается*, многие места стираются, потому что внимание уделяется то музыке, то драме, то одной только сцене — в итоге произведение *разъято*. — Таким образом *жанру* вынесен приговор: результатом является не драма, а какой-то момент или *произвольный* выбор. Создатель *нового жанра* должен обратить здесь внимание! Вовсе не *искусства* вечно друг подле друга — а *умеренность* древних, которая соразмерна человеческой природе.

30 [112]

Многие из путей музыки еще не открыты (или не *были еще открыты* без влияния Вагнера). Органические образования вроде симфонии с ее противоположностью драмой (или пантомимой без слов?) и затем *абсолютная музыка*, которая вновь обретает законы органического построения и использует Вагнера только как подготовку. Или *превзойти* Вагнера: *драматическая хоровая музыка*. — Дифирамб. Воздействие унисона.

Музыку из закрытых помещений в горы и лесные просторы.

30 [113]

Постепенный **отказ от**

союза наций
союза *партий*
союза *дружбы*
консистенции действий

30 [114]

Понимание *несправедливости идеализма*, в том, что я отомстил Вагнеру за мои обманутые ожидания.

30 [115]

Вагнер, который своими прозаическими сочинениями хочет скорее удивлять, нежели быть понятым.

30 [116]

Весной поросшая травою тропа в лесу—подлесок и кустарник, затем деревья повыше—чувство блаженной свободы.

30 [117]

Натура Вагнера делает *поэтом*, можно изобрести еще более высокую натуру. Одно из его великолепных достижений, которые в конце концов оборачиваются *против него* самого. Так каждый человек должен подниматься над самим собой, поднимать свой взгляд *над* своими возможностями: человек становится чередой альпийских долин, поднимающихся все выше.

30 [118]

Из него вырывались короткие моменты *хорошей* музыки: почти всегда в противоречии с драмой.

30 [119]

Князья и дворяне, чье внешнее отношение к идее праздника очень мило описывается маленькой басней. Высокопоставленный гость и т. д.

30 [120]

Оглушающее или *опьяняющее* действие почти всего вагнеровского искусства. Зато я могу показать места,

где Вагнер стоит *выше*, где от него исходит чистое счастье.

30 [121]

Я никогда не хотел бы снова услышать некоторые звуки невероятной естественности; если б только можно было забыть — Materna[1].

30 [122]

Музыка Вагнера *всегда* чем-то интересна: и таким образом могут отдыхать то чувство, то рассудок. Это общее расслабление и возбуждение нашего существа и есть то, за что мы так благодарны. В результате мы склонны удостаивать похвалы его ошибки и недостатки, поскольку они способствуют нашей собственной продуктивности.

30 [123]

Вагнер, чье честолюбие еще больше, чем его дарование, многократно осмеливался на то, что превышает его силы, — но это пробуждает почти страх, когда видишь кого-то, кто так неустанно штурмует нечто непобедимое — фатум в себе самом.

30 [124]

Искусство, которое отрицает гармонию бытия и выносит ее *за пределы мира*. Все эти запредельники и метафизики.

30 [125]

Критика морали есть высокая *степень* моральности — но с этим, как в любой критике, сплавляются тщеславие, честолюбие, стремление победить.

30 [126]

Наше мышление должно иметь терпкий аромат, как ржаное поле летними вечерами.

30 [127]

Сдувать золотую пыль.

---

1 Материнское (*лат.*).

30 [128]

О Вагнере, как и о Шопенгауэре, можно без стеснения говорить даже при их жизни — их величие, которое мы все еще вынуждены класть на другую чашу весов, будет всегда перевешивать. И тем более следует предостерегать от *опасности* их влияния.

30 [129]

Вздымающееся, бурлящее, колеблющееся в *целокупности* вагнеровской музыки.

30 [130]

Я советую каждому не бояться одинаковых путей (Вагнер и Шопенгауэр). По-настоящему *нефилософское* чувство раскаяния стало мне совершенно чуждым.

30 [131]

Я чувствую себя так, будто выздоровел после болезни; я думаю с невыразимым наслаждением о «Реквиеме» Моцарта. Простая пища снова нравится мне.

30 [132]

Дионис *первый* бог фракийцев, их Зевс, как Вотан.

30 [133]

Мендельсон, в котором им не хватает силы элемент<арного> потрясения (кстати, талант ветхозаветного еврея), при том, что то, чем он обладает — свобода в законах и благородные аффекты в границах красоты, — не заменяют им этого.

30 [134]

Шопенгауэр в сущности прославляет волю (всемогущее, которому служит все). Вагнер *славит* страсть как мать всех великих и даже мудрых.

Влияние на *молодежь*.

30 [135]

Сам Вагнер довольно часто признавал все это в доверительных беседах: я хотел бы, чтобы он сделал то же самое публично. Ибо в чем заключается величие характе-

ра, если не в том, что он в состоянии выступить даже *против себя* ради истины?

30 [136]

Глубокомыслие, примененное к неясному, но высокопарному выражению Вагнера («пространством здесь становится время»).

«Глаз Вотана» трогателен, уголки рта филолога вздрагивают — но недовольство утонченными головами, которые вещают только о партийных помыслах и которые вероятно замечают небрежность.

30 [137]

Природные законы развития искусства суть собственно следствия *психологических* вещей, тщеславия, честолюбия и т. д.

30 [138]

Стиль барокко — об этом следует сказать.

Ход внутреннего развития Вагнера угадать очень трудно — на его собственные описания внутренних переживаний нельзя положиться. Он пишет партийные сочинения для приверженцев.

30 [139]

Мы переживаем закат **последнего** *искусства* — Байройт убедил меня в этом —

30 [140]

Обезображивание человеческой души следует с той же необходимостью, как стиль барокко за классическим — во все времена.

30 [141]

Вагнеровские боги, из которых ни один «ни на что не годен».

30 [142]

Нужно только совершить нечто хорошее и новое, — тогда увидишь по своим друзьям, что это значит: делать плохую мину при хорошей игре.

30 [143]

Высказывание Шиллера «от превосходного нет никакого спасения, кроме любви» – типично вагнеровское. Глубокая ревность ко всему великому, у которого он может взять только *одну* сторону – (Ренессанс, французское и греческое искусство стиля).

30 [144]

Заблуждение сделало поэтов поэтами. *Заблуждение* заставило так высоко оценивать поэтов. И *заблуждение* позволило затем философам подняться еще выше.

30 [145]

У *Вагнера слепое отрицание* хорошего (например, *Брамса*), у партии (фр<ау> (В<агнер>) – *зрячее* отрицание (Липинер, Рэ).

30 [146]

Что такое *партия*, что есть фривольность? С точки зрения последней, я Вагнера не понимал.

30 [147]

Капризы *красоты*: сцена с дочерьми Рейна, прерывающиеся огни, роскошество красок, как при осеннем солнце, пестрота природы; пылающий пурпур, меланхолическая желтизна и зелень наплывают друг на друга.

30 [148]

Стремления к *побегу от разума и мира*.

30 [149]

Кто хотел бы последовать за Вагнером на вершину его тщеславия, тот всегда застанет его *там* говорящим о «немецкой сущности» – впрочем, это вершина его неразумности: ибо если справедливость Фридриха Великого, достоинство и отсутствие зависти у Гёте, благородная отрешенность Бетховена, неутолимо стремящаяся к просветлению внутренняя жизнь Баха, если творчество без оглядки на блеск и успех, без зависти суть собственно *немецкие* свойства, то не удалось ли Вагнеру почти доказать, что он вовсе не немец?

30 [150]

«C'est la rage de vouloir penser et sentir au delà de sa force»[1]. Дудан. — Вагнерианцы.

30 [151]

Греческие художники затрачивали свои усилия на обуздывание, нынешние — на расковывание — острейшая противоположность!

Обуздыватель воли, расковыватель воли.

30 [152]

Мильтон: «это почти одно и то же — убить человека или хорошую книгу». Против *партии.*

30 [153]

Страшная дикость, раздавленное, уничтоженное, радостный вопль, внезапность, словом, особенности, свойственные семитам — я считаю, семитские расы с бóльшим пониманием относятся к вагнеровскому искусству, чем арийские.

30 [154]

К *предисловию.* Я хотел бы дать совет моим читателям: отличительный признак того, что они проникли в чувства автора — — — но здесь ничего не добьешься силой.

Путешествие способствует.

30 [155]

Тварная жизнь, которая дико наслаждается, захватывает, насыщается своей чрезмерностью и жаждет *превращения* — **подобное** у Шопенгауэра и Вагнера.

Соответствие **эпохе** у обоих: никакой лжи и условности, по сути никаких обычаев и нравственности — чудовищное признание, что это есть дичайший *эгоизм* — честность — *опьянение*, не *смягчение.*

---

1 Это страсть хотеть мыслить и чувствовать свыше своих сил (*франц.*).

30 [156]

Признак здоровья древних в том, что даже их философия морали оставалась *по эту сторону* границы счастья. Наше исследование истины является эксцессом: это надо *признать*.

30 [157]

Мы не настолько страдаем от жизни и не настолько вялы и бедны эмоциями, чтобы искусство Вагнера было нам *необходимо* как лекарство. В этом, а не в каких-то неясных мотивах, главная причина **враждебности**: можно ведь не ценить так высоко что-то, к чему нас не влечет никакая потребность, в чем мы не *нуждаемся*.

30 [158]

Время: элементарная, *не* проясненная красотой чувственность (как чувственность Ренессанса или греков), *опустошенность* и *холодность* — вот предпосылки, против которых борются Вагнер и Шопенгауэр, *на* которые они воздействуют — это *почва их искусства*. *Пожар* страсти, *холодность* сердца — Вагнер хочет пожара сердца *наряду* с пожаром страсти, Шопенгауэр хочет прохлады страсти *наряду* с прохладой сердца (Шопенгауэр в жизни, а не в философии).

30 [159]

Гёте — «Смелость, дерзость и грандиозность Байрона, — разве все это не созидательно? Не следует искать этого всякий раз только лишь в безупречно-чистом и нравственном. Все *великое* созидательно, едва оно становится нам близко.»

Это можно применить к искусству Вагнера.

30 [160]

Вольтер, по словам Гёте, «общедоступный источник света».

30 [161]

Упомянуть *Келлера, Буркхардта*: многое из немецкого сейчас лучше сохраняется в *Швейцарии*, здесь его можно встретить *явственнее* сохранившимся.

30 [162]

Суеверие *собственности*—она не освобождает, но *закабаляет*, требует много времени, раздумий, доставляет заботы, связывает с теми, с кем не хотелось бы считать себя равным, но которые нужны; крепче привязывает к месту, к государству. Нищий, конечно, более зависим,— но у него меньше запросов, маленький, рассчитанный на них доход и много свободного времени. Для тех, кто не может найти применения своему свободному времени, стремление к собственности, как и к почестям, орденам и т. д. служит *развлечением*. Богатство часто является результатом духовной неполноценности, но *оно* возбуждает зависть, потому что благодаря ему можно скрывать образованностью свою неполноценность. В этом смысле духовная немощь человека является косвенным источником аморальных притязаний других.—Это *рассуждения* **после войны**. *Образование как маска, богатство* как следствие *настоящей внутренней необразованности и грубости*.

30 [163]

Ничто так не вредит хорошему пониманию культуры, как представление, будто в ней не имеет значения ни что, кроме гения. Это *подрывной* образ мыслей, который приведет к прекращению любых трудов на ниве искусства.

30 [164]

После войны мне не нравилась *роскошь*, презрение к *французам*, национальное; сравнение того, как Вагнер к французам, а Гёте—к французам и грекам. Насколько далеко мы отстали от Гёте—отвратительная чувственность.

30 [165]

Поэтическое искусство у греков старше *других* искусств. *Оно* должно было приучить народ к *чувству меры*, а уж ему должны были следовать другие художники. Но **что** давало меру поэтам?

30 [166]

План

Взгляд на **порчу** *культуры*

Война. Глубочайшая боль, *пожар в Лувре.*
Ослабление *понятия культуры* (национальное), филистер от образования.
Историческая болезнь.
Как в одиночку уберечься от эпидемии?
1) Метафизика Шопенгауэра, надысторическая; героический мыслитель. Точка зрения почти религиозная.
2) Защита Вагнером своего искусства от вкусов эпохи.

Отсюда *новые опасности*: метафизическое приводит к пренебрежению *действительным*, в этом смысле оно в конечном счете *враждебно культуре* и более чем опасно.
Переоценка гения.
Культура музыки отвергает науку, критику; сюда же привходит то, что есть ограниченного в натуре Вагнера. Грубость наряду с перевозбужденной чувствительностью.
У вагнерианцев верховодят превратное толкование и символизация.
Я отдалялся от искусства, поэзии (учился превратно понимать древность) и природы, почти утратил мой добрый темперамент. При этом еще угрызения совести метафизика.

Значение Байройта для меня.
Побег.
Лечение холодными ваннами.
Искусство, природа, доброжелательность возвращаются.

Смысл сообщения
Друзья

30 [167]

Ненемецкое в Вагнере:

отсутствует немецкая прелесть и грация Бетховена, Моцарта, Вебера, струение веселого огня (allegro con brio) Бетховена, Вебера, искренний юмор без всяких гримас.

Нехватка скромности, гремящий колокол. Склонность к роскоши.

Никуда не годный служащий, в отличие от Баха. Не хватает гётевской сдержанности в отношении соперников.

30 [168]

Рядом с моралью пощады стоит *искусство милости* (вдохновение). **Описание**!

30 [169]

Тогда я надеялся увидеть исчезновение христианства, Вагнер тоже послал ему вслед несколько недобрых слов — тупое суеверие — теперь — по ту сторону гор.

30 [170]

Большая опера — из французских и итальянских истоков. Спонтини, когда он создавал «Весталку», вероятно, не слышал еще ни единой ноты собственно немецкой музыки. «Тангейзер» и «Лоэнгрин»: для них еще как будто не было никакого Бетховена, от силы разве что — Вебер. Беллини, Спонтини, Обер создавали драматический *эффект*. У Берлиоза он учился языку оркестра; у Вебера — романтическому колориту.

30 [171]

Все, что хотело бы *выдать* себя за силу, вдохновение, избыток чувств — искусственные средства *слабости* (перевозбужденных художников), чтобы *обманывать*.

30 [172]

Роскошь — средство окраски претязаний символического. *Возвышенное* как непостижимое, неисчерпаемое в отношении великого. Призыв ко всему *иному* величию.

30 [173]

Я не сомневаюсь, что те же самые вещи, замешанные в густую, сладкую кашу, проглатываются охотнее. — Истины о Вагнере.

30 [174]

Эти дикие звери с приступами некоей утонченной нежности и глубокомыслия не имеют с нами ничего общего. Против этого, напр., Филоктет.

30 [175]

Вотан—уничтожить мир из-за дурного настроения.

Брунгильда—позволить уничтожить мир из-за любви.

30 [176]

Вотан, гневное отвращение—пусть мир погибнет.

Брунгильда любит—пусть мир погибнет.

Зигфрид любит, и это делает его средством обмана. Также и Вотан. Как мне это все противно!

30 [177]

Как мастер *Эрвин* фон Штайнбах зависим от своих французских образцов и мастеров, будучи свободен и превосходя их, так и Вагнер зависим от французов и итальянцев.

30 [178]

Сводчатые строения, вероятно, перешли от диадохов к римлянам. *Вероятно.*

30 [179]

Власть и роскошь, воля римлян.

30 [180]

Противоположность: Гораций среди одних только вечных окаменелостей—мы среди сплошь кратковременных; каждое поколение должно возделывать свое собственное поле.

30 [181]

Римляне—**творцы** всех округлых форм, не только гениальные наставники.

30 [182]

У Гёте бóльшая часть искусства перешла в его существо. Иначе у наших театральных деятелей, которые в жизни чужды искусству и только сочувствуют театру——— Театр Тассо.

30 [183]

Воздействие вагнеровской риторики настолько сильно, что наш разум вслед за тем *мстит*—это как с фокусником. Вагнеровские *средства* воздействия критикуют **строже**. В принципе это досада на то, что Вагнер не находит *нужными более тонкие* средства, чтобы провести **нас**.

30 [184]

Как музыка на улице при ветреной холодной погоде.

30 [185]

Радость от психологических наблюдений Рэ одна из самых больших. Отчего? Так я понял, что человеческие мотивы не многого стоят. Как Сократ о мудрых людях, так я—о моральных. Тогда я еще делал *исключения*; чтобы весьма высоко выдвинуть одного, я ставил другого так низко (и при этом, конечно, неправильно понимал автора).

30 [186]

Прошлое столетие имело меньше истории, но больше понимало, что с нею *делать*.

30 [187]

И как только можно так наслаждаться той *тривиальностью*, что *самолюбие* дает *мотив для всех* наших поступков! 1) Это потому, что я долго ничего не знал об этом (метафизический период); 2) потому что это утверждение очень часто может быть проверено, дает толчок нашему остроумию и тем доставляет нам радость; 3) потому что чувствуешь себя заодно со всеми опытными и мудрыми всех времен: это язык честных, даже среди плохих; 4) потому что это язык *мужчин*, а не мечтательных юношей (Шопенгауэр находил свою юношескую философию, особенно 4-ю книгу, совершенно чуждой себе—); 5) потому что это побуждает принимать жизнь по *нашему усмотрению* и отвергает ложные масштабы; это *придает мужества*.

30 [188]

Отступление в этике по сравнению с прошлым веком—Гельвеций. Отсюда вниз—Руссо, Кант, Шопенгауэр, Гегель.

30 [189]

Бурность возбужденного чувства и длительность действия находятся в противоречии. Это пункт, в котором автор сам не имеет решающего голоса: он, создававший свое произведение долгое время, постепенно привык к нему, он не *может* непринужденно перейти на точку зрения воспринимающего. Шиллер совершал такую же ошибку. И в древности тоже многое по праву усекалось.

30 [190]

В это я всматривался с огорчением, иногда даже с внезапным испугом. Но в результате я почувствовал, что, настраиваясь против себя самого и собственных привязанностей, начинаю чувствовать участие и утешение истины—таким образом ко мне пришло гораздо большее счастье, чем прежнее, к которому я сейчас добровольно поворачиваюсь спиной.

30 [191]

«Кольцо Нибелунга» Вагнера—это в строжайшем смысле *драма для чтения*, рассчитанная на внутреннюю фантазию. Высокий жанр искусства, как у греков.

30 [192]

Отсутствие единства в предполагаемых слушателях. В высшей степени *художественны* как воспринимающие, и совершенно *непродуктивны*! Музыка тиранит чувство слишком мучительным воплощением символического, сцена тиранит зрение. Нечто рабски-подавленное в этом искусстве, и в то же время сплошь огонь и пламя—*поэтому* требуется беспримерная партийная дисциплина. *Поэтому* еврейство и т. д. в качестве подстегивающего кнута.

31. Лето 1878

31 [1]

Феопомп сама ревность даже против Платона как *величайшего литератора.*

31 [2]

Причины, по которым греческая литература не кажется нам *чуждой*?

1) гимн<азия> изнеживает

2) инструмент филологии

3) мы слишком многому подражаем

31 [3]

Гл<ава> – нравственное влияние поэтов, ораторов, писателей

Гл<ава> проза и поэзия

31 [4]

Фукидид – совершенный результат *софистического* образования.

31 [5]

Введение

Не следует ничего читать *о* литературах, а также ничего о них *писать*. Таким образом я хочу сказать, *как* надо читать. Задача филологии. – Предостережение от обычного чтения.

31 [6]

Меньше всего я согласен с теми, кто был недоволен декорациями, сценой, машинами в Байройте. Слишком много стараний и изобретательности употреблено на то, чтобы заковать в цепи фантазию в пьесах, при том, что материал вовсе не отрицает своего *эпического* происхож-

дения. Но *натурализм* в *жестах*, в *пении*, по сравнению с оркестром! Что за напыщенные, искусственные, испорченные звуки, что за фальшивая природа слышится в этом!

31 [7]

Искусство современного государственного деятеля состоит в том, чтобы, когда развязывается война, народ вступал в нее с чистой совестью — верой в победу правого дела.

31 [8]

Распрощаться с радостью от романтического, а впридачу — от элементарного.

31 [9]

Друзья, мы радуемся друг другу как свежей поросли природы и мы стараемся не мешать друг другу: так мы вырастаем, как деревья, друг подле друга, и именно потому строго вверх и прямо, что рядом с нами тянутся к небу другие.

32. Осень 1878

32 [1]

Вы похожи на основной тон———

32 [2]

Даже великие люди различаются тем, требуют ли они от себя, поднимаясь к высокой цели, все больших или все меньших усилий. Но стоящему в отдалении это трудно определить, поскольку достигнутое теми для него недостижимо ни при каких обстоятельствах. Тем не менее тот, кто выше всех, может даже отрицать свой идеал.

32 [3]

Стилям в искусстве соответствуют души: изобразить барочную душу. Высокая душа, утонченная душа, благородная душа.

32 [4]

Утонченные обскуранты — Липинер.

32 [5]

Когда художник хочет потрясать, возвышать, преображать человека, то он, бывает, пользуется для этого как художник нечестными средствами. В этом случае его святая цель никак не освящает дела. Ибо его цель подлежит моральному, а его средства — эстетическому суду.

32 [6]

Вокруг нас происходит некое мифотворчество. Причина: мы не до конца честны, вместе с нами пробивают себе дорогу наши красивые слова.

32 [7]

Человек, которого описывает его восторженный поклонник и который ему говорит на это: «Как хорошо

вы меня знаете!», вызывает во мне глубочайшее отвращение.

32 [8]

Большая часть нашего существа остается нам неизвестной. Тем не менее, мы любим себя, говорим, будто о чем-то совершенно знакомом, на основе некоторой памяти. У нас в голове есть *фантом* нашего «*Я*», который нас многогранно определяет. Должна получаться последовательность развития. Это деяние *личной культуры* — мы *хотим создать единство* (но считаем, что его надо просто *открыть*!).

32 [9]

Роман.
Том стихотворений
История
Филология

32 [10]

Люди не могут слышать одновременно звучание обещания и звучание исполнения, ибо из обещания они рас*слышали* нечто, чего в нем не было. — Так и я: я обещал твердость истины — разумеется, с некоторым фантастическим *выражением* — и вот я опрокинул этим невинным детям их горшок с молоком.

32 [11]

Праздничное мне опротивело: что такое *мы!*

32 [12]

Друзья как поношенная одежда.

32 [13]

Эмерсон с. 201: «*сверхдуша*» является собственно высшим результатом культуры, фантазма, над которой поработали все добрые и великие.

32 [14]

« Не надо ли обесчеловечиться?» Кто понял иронию?

32 [15]

Эмерсон считает: «ценность жизни лежит в *необъяснимых* ее способностях: в том факте, что я никогда не знаю, когда я обращаюсь к новому индивидууму, что со мной может произойти». Это настроение странника. Стр. 311 у Эмерсона *важна: страх перед так называемой наукой* — творец входит в свою дверь к каждому индивидууму.

32 [16]

Испытывал ли ты от чего-нибудь сильную радость? Так простись с этим чувством, во второй раз это никогда не повторится.

32 [17]

Удовлетворение после завершения дневного труда — этого *не хватает* пессимистам и мечтателям от искусства.

32 [18]

«В природе все полезно, все прекрасно». Но в конечном итоге, глядя с высоты, у человека *тоже*. Красота *здесь* есть, но нету глаз увидеть ее. Во всяком случае ту природную красоту, которая одновременно является пользой.

32 [19]

Пинии, которые *прислушиваются* и еще больше углубляют впечатление южной тишины и полуденного *покоя*.

32 [20]

То, что мы перестаем читать какую-то *книгу*, часто говорит о том, что мы в ней ничего не можем пережить, потому что нам не хватает подготовки и чувства. То же с людьми. Всякое *неприятие* указывает на то, что в *этой* области нам не хватает органов для нее и продуктивности: были бы мы как почва, мы бы *ничему не дали пропасть*.

У нас есть щупальца ко многим людям — но не ко всем.

32 [21]

История хочет *преодолеть отчуждение*, человек противится прошлому; все должно быть «Я», «биографией» и «издавна знакомым».

32 [22]

Идеалисты сетуют, что художники стремятся «не к устранению роскоши, а к облагораживанию ее». Но то, что называют устранением (это расточение, сублимирование), происходит, однако, на этом пути. Избыточное есть предпосылка всего прекрасного.

32 [23]

«Приходится пешком нести на рынок то, что с трудом наработано», Э<мерсон>.

32 [24]

Приблизительно *однородное* развитие *разума* и *чувства* является *целью* культуры (как основа понимания, взаимной выручки и поддержки). В этом значение таких организующих мировых сил, как Римская империя, христианство и прежде всего наука. В большом и в малом царит *непонимание*: эксцентричный эгоизм *отсюда*, а не от испорченности.

С этой *нивелирующей культурой* связан большой ущерб. «История» – это рассказ о средствах и путях движения в сторону однородности.

32 [25]

Поэты и философствующие фантазеры *мечтают*, чтобы природа (животные и растения) стали *понятными* без науки и методов, просто благодаря любви и интуиции. Точно так же метафизики относятся к *человеку*.

32 [26]

Чего мы *хотим* от благосостояния, здоровья? *Радости* и удовольствия. Однако все источники этого заключены в уме и душе. Благосостоянием и здоровьем мы пытаемся устранить некий вид мусора, который мешает бить источнику. – *Борьба* средств для радости – когда искусство спорит с чувством истины. Но эта борьба сама может стать источником радости. В конечном счете *развитие* человека есть радость всех радостей.

33. Осень 1878

33 [1]

«Лестничное счастье» – Дети на льду, фонарь на ветру лунной ночью у ручья.

33 [2]

Сократу теперь можно возразить, что это не имеет никакого отношения к человеческой добродетели, зато очень немалое – к человеческой мудрости.

33 [3]

Художники полагают, будто приятные моменты, когда перехватывает дыхание, являются целью мироздания: они рассматривают себя как праздничных глашатаев счастливых моментов.

33 [4]

То, что художники не имеют чувства духовной собственности, они издавна проявляли в самом искусстве. Сейчас же в основном тогда, когда они преподносят себя мыслителями и писателями.

33 [5]

Отчего все музыканты – плохие писатели, без чувства ритма, без строгости связывания мыслей? Музыка расслабляет мышление и слишком утончает слух. Неопределенная символизация – это их вполне удовлетворяет.

33 [6]

Молодежь возлагает свои надежды на того, кто всегда выражается слишком сильно, взрослый – на того, чьи слова всегда отстают от его свершений.

33 [7]

Политика – партия – честность

33 [8]

В заключение — «Есть ли большее счастье, чем испытывать душу — жизнь без испытаний: *οὐ βιωτός*[1].»

33 [9]

Что же такое Европа? — Греческая культура, выросшая из фракийских и финикийских элементов, эллинизм, филоэллинизм римлян, их мировая империя христианская, христианство как носитель античных элементов, из этих элементов проросли в итоге ростки науки, из филоэллинизма возникло *философствование*: так глубоко уверовав в науку, идет ныне Европа. Римский мир исчез, христианство померкло. Мы ушли не дальше Эпикура, но его господство бесконечно шире: эллинизация в многократном огрублении и безосновательности.

33 [10]

Итак, поскольку нравственный закон и право установлены людьми, вы полагаете, что можете не считаться с ними. «Всего лишь людьми», говорите вы — но разве вы не знаете, что, презирая так творение рук человеческих, вы презираете самих себя и все ваши запланированные человеческие труды? Вы должны быть умны и ценить это выше, нежели если бы это было «Божьим установлением» — ибо что вам до Бога! Но установление ваших отцов и праотцев — — —

33 [11]

NB. Настоящая *Майя*. — Неустойчивые и бессодержательные ценности[2].

33 [12]

Китайские рабочие, чтобы европеизировать Азию.

---

1 Не стоящее жизни (*греч.*).

2 Предложение построено на игре слов: haltlos und gehaltlos.

34. Осень 1878

34 [1]

Есть, безусловно, много более тонких умов, более сильных и благородных сердец, чем это дано мне, но они полезны мне лишь настолько, насколько я могу с ними сравняться и насколько мы можем помочь друг другу. Что в итоге выходит, для меня, с моей точки зрения, можно было бы не принимать во внимание: мир оставался бы по-прежнему всецело моим миром.

34 [2]

Энтуз<иазм> тоже трудный вопрос.

34 [3]

Болезнь духовной конституции не замечают — но тем более — — —

34 [4]

Косноязычные поэты, ораторы, у которых отказывает дыхание и срывается голос, музыканты без ритма в душе, мудрецы с полынным привкусом слабоумия — эти несовершенства природы одновременно мучители, которые, как под пыткой, заставляют сознаться даже самых закоренелых: да, мы нуждаемся в искусстве.

34 [5]

Мы делаем то, что можем.

34 [6]

По причине своего невежества начинающий берется, как и искусство в своих началах, за самые высокие цели.

34 [7]

Простота — это небольшая долина в горах искусства, не в начале и не в конце пути.

34 [8]

Можно иметь немного сразу, но можно получить все, если только имеешь время. Время—это капитал, который приносит проценты со всех добродетелей и талантов мира.

34 [9]

Есть такая ползучая, едва осознаваемая безнравственность, и она изнуряет более всего,—напр. в искусстве, в размышлениях, при расспросах.

34 [10]

Гомер не герой битвы, Софокл не терпеливый и искушаемый отшельник, певцы верности и преданности суть бессердечные эгоисты, холодные моралисты вроде Гельвеция—добросердечные, но неумные человеколюбы; талант пытается восполнить характер, он как стеклянный глаз для его обладателя, но не для тех, кто этот глаз видит.

34 [11]

Начинающееся господство писателей.

34 [12]

Книга анонимна, газета имеет подпись.

34 [13]

Поэты, как апологеты, энтузиасты или бесхарактерные укрыватели, делают из друзей воров. Выводить образ мыслей из произведения недопустимо.

34 [14]

Пусть кто-то прошел уже всеми волчьими, лисьими и львиными тропами теории познания—первый попавшийся новичок, который вертится на этих тропах, совершенно обнаглеет, если мы дадим зайти солнцу и остановим Землю.

34 [15]

По тому, как восхищается гений, легко распознать, привит ли он дикому деревцу безудержного самолюбия—

в этом случае в великих людях прежних времен он громогласно восхищается собственными блестящими сторонами, и лишь эти стороны выставляет на свет, бросая тень на все прочие. Или же он вырос равным деревцу культивированному: тогда он любит то, что больше и иное, нежели у него, как Гёте.

34 [16]

Как преходящи философ<ии>, видно по их преходяще-действенной силе. Шиллер, для своего времени свежий и полный сил, теперь уже воспринимается исторически: глазурь немецкого идеализма. Такова сегодня вся поэзия – с крапинками немецкого пессимизма, избегающего рассудка и мира.

34 [17]

Кто сейчас представляет в науке и искусстве абсолютную метафизику или даже скептическую метафизику, тот содействует Риму.

34 [18]

То прощание, когда наконец расстаются потому, что чувство и суждение больше не хотят идти вместе, сближает нас с человеком больше всего, и мы с силой бьемся о стену, которую природа поставила между нами.

34 [19]

Художник грезит, будто он за свои большие дары купил себе душу: но он просто сделал ее более емкой, чтобы принимать еще большие подарки с других сторон и считать предложенную цену слишком малой.

34 [20]

Никогда не иметь дела с тем, кто не умеет слушать, но лишь выставляет напоказ себя и свои откровения, ибо он так понимает ведение разговора. Это отличительная черта большого эгоиста, будь он даже столь же одаренным.

И тот, кто принуждает себя к вниманию, тоже эгоист, только вежливый.

34 [21]

Поэт предоставляет свой ум в распоряжение своего сердца, мыслитель незаметно переносит свое сердце в свой ум; первый—как актер.

34 [22]

Летний воздух души—счастье—февраль.

35. Осень 1878

35 [1]

Пренебреж<ение> рабочими———

35 [2]

Париж единственный город———

35 [3]

К «*барокко*»———

35 [4]

Ради мужества мужчине не следует кое в чем сдерживаться. Но как тут с болью не подумать о юношах, которых только запутает и может сбить с толку его непосредственность, тем более, если они уже привыкли прислушиваться к словам своего учителя. Чтобы не мешать их воспитанию, остается только решительно и твердо отдалиться от молодежи, а бразды своего влияния на них отдать им в собственные руки. Пускай *вопреки ему* они останутся верны самим себе! Таким образом, сами того не ведая, они останутся верны учителю.

35 [5]

Некоторым натурам пошло бы только на пользу время от времени устраивать праздник своим страстям.

35 [6]

———заново открыто притягательное величие этого первого садовника душ всех времен———

35 [7]

———предполагается, что в веселой скромности он может болтать, исходя из этого чувства сатурнальной непринужденности. Слушатели———

36. Осень 1878

36 [1]

Дарвинист. — Св. Августин говорил: ego sum veritas et vita, dixit Dominus; *non dixit*: ego sum consuetudo[1]! — Поэтому, увы: он не есть истина и не знает, что такое жизнь.

36 [2]

В Афины со своей совой[2]. — То, что наука и национальное чувство находятся в противоречии, известно, как бы политические фальшивомонетчики время от времени ни пытались этого отрицать. И вот наконец! наступит тот день, когда поймут, что только себе во вред можно обнести *все* высокие культуры национальным забором. Так было не всегда: но колесо вращалось всегда и вращается дальше.

36 [3]

Печать и свидетельство.

«Чистота ума имеет своим следствием и чистоту страсти; поэтому великий чистый ум любит с теплотой и весьма ясно видит то, *что* он любит. — Существует два рода ума: геометрический и такой, который можно было бы назвать *тонким умом*. Воззрения первого — неповоротливые, жесткие, непреклонные взгляды; другой обладает быстротой мысли, которая тотчас ластится к любимому предмету. От взгляда он идет к сердцу и по внешнему движению познает, что происходит внутри».

По Паскалю.

36 [4]

Виланд: «я <не> могу припомнить, чтобы мне доводилось когда-либо слышать слово «немецкий», произне-

---

1 Я — Истина и Жизнь, сказал Господь; но он не сказал: аз есмь привычка (*лат.*).

2 То же, что «в Тулу со своим самоваром». (*Прим. пер.*)

сенное с почтением». Сочинения, издание 1840 г., XXXI, 247.

36 [5]

Мысль—это не только плод человеческого воления, но вдобавок и человек обращается с нею как с по-человечески волящей личностью. Разум перед человеческим миром———

37. Ноябрь 1878

37 [1]

Что нам пользы оттого, если мы чем-то угождаем всему миру, а вовсе не самим себе!

37 [2]

Своенравие в зародыше мысли, или любовь.

37 [3]

Радость поста, радость «долга» — этого нет.

38. Ноябрь–декабрь 1878

38 [1]

Неожиданное поучение. — Только жизнь полная боли и отречений учит нас тому, насколько бытие насквозь пропитано густым медом. Поэтому аскезу нередко выбирают, исходя из лукавого эпикурейства. — «Пессимисты» — это умные люди с испорченным желудком: они мстят себе головой за свое плохое пищеварение.

38 [2]

Слишком утонченные несчастные, как Леопарди, которые гордо мстят за свою боль всему бытию, при этом не замечают, как божественный сводник бытия смеется над ними. Именно теперь они снова пьют его снадобье, — ибо их месть, их гордость, их склонность *мыслить* о своих страданиях, их искусство говорить об этом — разве это опять же не густой мед?

39. 1878–июль 1879

39 [1]

Литерат<ура>.

Характер ошибочно выводится из произведения. Но это в соответствии с наиболее действенным с художественной точки зрения.

Даже художник легко заблуждается относительно себя самого.

Но постепенно его сущность меняется, следуя *за его* любимыми образами.

39 [2]

Винкельман Гёте высосан культурой; потому это предстает пустым для нас.

39 [3]

Страсть к *принуждению*, постоянно новое само-ограничение у греков.

Гомер в *тисках* старой техники.

39 [4]

Метрическое *принуждение.*

Природный недостаток эпоса, отдельные жанры.

39 [5]

Фракийцы первыми совершили переход к науке: Демокрит, Протагор, Фукидид.

39 [6]

Предпосылки новых жанров, отмирание.

Отклоненные темы, отбор.

39 [7]

Огрубление искусства в *драме.*

39 [8]

Книги, которые надо прочесть:

Тэн, Франция перед революцией.
Ленорман, Финикийцы и т. д.
Гутшмид, новые работы по ассирологии.
Дункер, История, первый том.
Делер, Адриан и т. д. (Галле).
Роймонт, Козимо.
Роймонт, История Тосканы.
Стерн, Мильтон и <его> время.
Виллари, Макиавелли в переводе Мангольда.
Петрарка, Гайгер.
Бодиссен, штудии.
Шак, испанский театр.
—об исламе?
Е.Шерер, литературные этюды.
Амброс III том (ренессанс *до* Палестрины).
Пешель, этнография.
Ренан и т. д.

39 [9]

Смотреть обоими глазами—*δις τὸ καλόν*[1].

39 [10]

Выбранное слово хочет иметь вокруг себя свою придворную свиту слов и свой аромат (парфюм).

39 [11]

Век *познания*, чтобы дать душе покой и радость.

---

1 Дважды прекрасное (*греч.*).

40. Июнь–июль 1879

40 [1]

Октябрьский человек. Крестьяне в Шварцвальде.

40 [2]

Только вот человечка мне не хватает.

40 [3]

Я заключаю: *ограничение* своих *потребностей.* В отношении последних однако *каждый* должен постараться стать *знатоком* (напр., в отношении своего питания, одежды, жилища, отопления, климата и т. д.). *Поставить свою жизнь на столь большой или малый фундамент, который можно признать достаточным* — так содействуют всеобщей моральности, т. е. каждый мастеровой будет вынужден обслуживать нас *честно*, потому что мы *знатоки.* Потребности, в которых мы не собираемся стать знатоками, мы должны себе *запретить*: в этом новая моральность.

Осведомленность относительно личностей, которые нам нужны, является первым *суррогатом.* Итак, человековедение там, где настает предел нашему предметоведению.

Итак: обрести совершенно другой род *знания*, на основе наших *потребностей.*

40 [4]

Машина ужасно контролирует, чтобы все происходило правильно и вовремя. Рабочий послушен слепому деспоту, он ему больше, чем раб. Машина *не воспитывает* волю к самообладанию. Она пробуждает реактивные порывы против деспотизма — распутство, несознательность, пьянство. Машина вызывает к жизни сатурналии.

40 [5]

Несвобода образа мыслей и личности *доказывается* склонностью к революции.

Свобода—удовлетворенностью, приспособлением себя и личным *совершенство*ванием.

40 [6]

Против вреда машины, *лекарство*

1) Частая смена функций в одной и той же машине и в различных машинах.
2) Понимание общего устройства и *его* недостатков, и способность к совершенствованию (демократическое государство, которое часто сменяет своих служащих)

40 [7]

При *менее насильственном* характере социальной жизни последние решения (о так называемых вечных вопросах) теряют свою значимость. Стоит подумать, как редко уже сейчас человек занят ими.

40 [8]

Моя величайшая боль.

40 [9]

Меня охватывает страх при виде ненадежности современного культурного горизонта. С некоторой стыдливостью я хвалил культуры, словно бы сидя под колоколом и под перевернутой рюмкой. Наконец, я набрался мужества и бросился в открытый океан.

40 [10]

Сентиментальные настроения (о бренности всех радостей или мелодичный вздох об освобождении из темницы)—всегда только выражение *расстроенной* нервной деятельности. Сюда же относится и большая часть радости от музыки. Есть культуры возрастающей нервной деятельности и таковые же нисходящей; это применимо также к философии, поэзии.

Только усталость (мышления), которая выражается особенно в посещающем время от времени чувстве безнадежности, ведет их в сумеречную вагнеровскую атмосферу.

40 [11]

«Песнь к радости» (22 мая 1872) — одно из моих высших настроений. Только теперь я чувствую себя на *этом* пути. «Братья, радостно, как солнце, шествуйте своим путем —». Каким фальшивым и мрачным был этот «праздник» 1876 года. И теперь из «Байройтских листков» все чадит против «Песни к радости».

40 [12]

В наших театрах герои борются с драконами, а мы должны верить в их героизм, *тем не менее* мы смотрим — итак, *смотрим и* **все-таки** *верим* — точно так же во всем Б<айройте>.

40 [13]

Музыкальная сентимент<альность>.

Описать.

Бессонной ночью, страстно желая уснуть — светло красновато коричнево.

40 [14]

Чем совершеннее машина, тем больше она требует моральности. (Топор, ружье и т. д.)

40 [15]

Чем тоньше ум, тем больше человек *страдает* от избытка желаний. В этом смысле умственная утонченность приводит к тому же, что и моральность ограниченных умов.

40 [16]

Учение о *ближних вещах.*

Деление дня, цель дня (периоды).

Питание.

Общение.

Природа.

Одиночество.

Сон.

Хлеб насущный.

Воспитание (собственное и чужое).

Использование настроений и погоды.

Здоровье.
Отход от политики.

Неестественное смещение:
болезнь (как целительная)
смерть (как милость)
несчастье (как благодеяние)

Борьба против *боли.* Средства борьбы снова приводят к боли (в борьбе заключено преувеличение, доведение-до-крайности). Природа как боль, религия как боль, общество как боль, культура как боль, знание как боль. Итак: *борьба против борьбы!*

Лечение души.
Забота.
Скука.
Желание.
Слабость.
Дикость, месть.
Лишения.
Утрата.
Болезнь.

Радость. Троица радости
1) как подъем
2) как прояснение } 4) триединое.
3) как покой

40 [17]

Мы ценим вещи по тем усилиям, которые нам пришлось приложить на их изготовление или добычу. Отсюда «ценность». Это переносится на истину и дает смехотворные результаты.

40 [18]

Против философ<ски>-религ<иозных> *сводников*

40 [19]

Благодаря распространению самовоспитания, приведшему к самым высоким запросам, *учитель* в своих посредственных формах должен быть уничтожен.

Заменить школу на жаждущие учебы дружеские объединения.

40 [20]

Непоседливая *дорожная жизнь* образованных людей есть доказательство того, что им приходится разыскивать друг друга и что очень мало образованных живут в одном месте. Десяток зрелых и разносторонних представителей духа крепко связаны друг с другом общим волшебством их совместной жизни. – *Поиски природы* являются суррогатом при недостатке хорошего общества. Лучше быть в одиночестве, чем иметь дурного партнера. Если каждое лето регулярно покидают насиженное место, то бегут не столько от себя самого, сколько от своего окружения.

Укорененность, однако, необходима для существования всех общественных институтов. Человек становится путешественником, «странником», если у него нигде нет *дома*. Итак: современный монастырь.

40 [21]

Метафизика и философия суть попытки *насильственно* овладеть плодотворнейшими областями; они всегда гибнут раньше, потому что искоренение лесов не под силу одиночкам.

40 [22]

Против лицемерного пренебрежения к *ближайшим вещам* и их действительного игнорирования (грубое рассмотрение).

40 [23]

Ближайшие и отдаленнейшие вещи.

40 [24]

Когда я *плакал*:

1) Коммуна

2) Стихотворение, Розенлауи

3) Крестьяне Шварцвальда

4) Сон

5) Адрес из Вены, день рождения

40 [25]

Нить, по которой бегут мысли иного мыслителя, так тонка, что мы ее не замечаем, и поэтому полагаем, будто она летит, или парит, или влекома искусством окрыленного поэта. Но как часто по тончайший ниточке взбегает *паук*—

40 [26]

Теперь нам придется оправдывать нашу *замкнутость*: универсально—

40 [27]

Как производят людей с хорошим темпераментом?

41. Июль 1879

41 [1]

Некий философ, которого однажды похвалили указанным образом, писал тем временем своим посохом на песке: «Eheu, Triviam deam fortassis amplexus sim?»[1]

41 [2]

Самая привлекательная книга греческой литературы: Mem<orabilia> Socr<atis>.

41 [3]

Каждый стремится к независимости (свободе) ради *власти*, не наоборот.

41 [4]

Зоркий, слишком сияющий взор и дрожащая рука — Тристан.

41 [5]

Цели делают жизнь бессмысленной и *неподлинной*. Человек работает *ради* пропитания? Питается, *чтобы* жить? Живет, *чтобы* оставить после себя детей (или труды)? Последние точно так же — и т. д. и наконец сальто мортале. Напротив, *в* работе, питании и т. д. всегда имеется *конец*; целью мы соединяем 2 *конца*, один с другим. Я питаюсь, чтобы питаться *и* чтобы жить, т. е. чтобы снова питаться.

Действие хочет быть *повторенным*, ибо оно приятно. Всякое приятное заканчивается. Растения существуют *для того, чтобы* их поедали животные? Не существует *никакой цели*. Мы *заблуждаемся*. — Я обмакиваю мое перо *для того, чтобы*———

---

1 Увы, я посвятил себя Диане? (*лат.*).

41 [6]

Климат принят в расчет, но день и ночь вообще и т. д.

41 [7]

Даже для самого набожного его обед насущный важнее причастия.

41 [8]

В ремесле мы подражаем природе и наоборот, мы радуемся, когда нам кажется, что природа нам подражает, как в цветке альпийской розы, который кажется сплетенным из желтого и красного шелка.

41 [9]

Социалисты способствуют победе *демократии.*

41 [10]

Νεμεσσᾶν[1], неподобающее *уравнивание.*

41 [11]

Когда равный оказывает помощь равному, это не сострадание, а долг – происходит уравнивание. Когда сильный помогает слабому *без* выгоды – сжаливается ли он –?

41 [12]

Ступени: увеличивать славу

1) имея в виду немедленную пользу
2) без этого, но в качестве капитала
3) против немедленной пользы с расчетом на будущую
4) *против* и *без* «тщеславия».

41 [13]

Все малые дела некогда были большими.

41 [14]

«Незнакомка вместо того чтобы прийти, снова отбыла».

---

1 Осуждение, негодование (*греч.*).

41 [15]

Мозг в развитии. Лишь самые молодые его отделы обладают сопровождающим сознанием. Более старые работают без этой *лампы контроля.*

Цель: человек – это большая бессознательная целенаправленная деятельность, как природа растений.

41 [16]

Девушки, которые смеются как горлицы.

41 [17]

В дни теплых февральских ветров, когда маленькие обледенелые лужицы хрустят под ногами детей.

41 [18]

Колея, полная воды.

41 [19]

Полуденный звон деревенской колокольни, при котором одновременно пробуждаются набожность и голод.

41 [20]

Как солнце в ельнике, теплое благоухание и чистая прохлада дуновения ветра.

41 [21]

Комары, облачное небо и сырой, теплый воздух – мои враги.

Скалы, ветер, хвойный лес, луговые травы и много воздуха – мои друзья.

41 [22]

«Сфинкс, Фемистокл, миф, парадокс, софизм, стиль, литература и т. д.»

41 [23]

Кэри, 512. Конкуренция – ее полезность, хотя в основе зло. – Выступает *против* равновесия – но другая группа имеет преимущество борьбы. Третий, который уводит

осла. Но если это англичане, то третий—сам осел, которого уводят.

41 [24]

Сонные и довольные, как солнце в переулках маленького городка в праздник.

41 [25]

Терции—октавы. Мелодия

Детство—учеба—первое волшебство

всюду, где тоска, ощущается чувство потери, но половинчатое новообретение тогдашнего чувства.

«Альпийский накал чувства», когда солнце заходит

Воскресно-послеполуденное одиночество объясняется так же.

Ребенок имеет то преимущество, что бесконечно восхищается простыми вещами.

41 [26]

Чувствительный, очень набожный—притворщик.

41 [27]

Солдат, пуля, сумерки

41 [28]

Определенная нелепость в сопровождающих фигурах ритмических каденций не устраняет этого воздействия, иной раз кажется, что она его даже усиливает.

41 [29]

При приближении грозы, когда седые вершины смотрят страшно и коварно.

41 [30]

Благодаря Жан-Полю Карлейль уничтожен и стал самым плохим писателем Англии; а благодаря Карлейлю опять-таки Эмерсон, *богатейший* американец, соблазнился тем безвкусным расточительством, при котором мысли и образы горстями выбрасываются из окна.

41 [31]

Заключение: станем *теми, кем мы еще не являемся*: — **добрыми соседями ближайших вещей.**

41 [32]

Христианские средства утешения скоро станут устаревшими, — маслом, которое прогоркло. Тогда на первый план в новом блеске снова выйдут средства утешения античной философии, и сюда добавится *наш новый* род средств утешения, исторический.

41 [33]

Большинство людей какое-то время противятся утешителям и преувеличивают словами и жалобами глубину и неисцелимость своей боли. Они находят невыносимым, что утешителю якобы кажется, будто он справился бы легче с этими несчастиями, потерями и т. д.; утешителю дают понять, что причина этого может быть лишь в том, что он *недостаточно глубоко* чувствует и вообще в *способности* глубоко переживать находится гораздо ниже. В действительности они не чувствуют ни на волос глубже, а зачастую даже мельче, чем чувствовал бы тот. Итак, они противопоставляют его мнимому превосходству в преодолении боли такое же свое.

41 [34]

Классический вкус — не потворствовать ничему, что не в состоянии привести силы времени к чистому и образцовому выражению, т. е. чувство адекватных времени сил и задач.

41 [35]

Во взглядах на *искусство* мы хотим *по крайней мере* воспретить себе пристрастность и грубость, а также слепую партийность.

41 [36]

Уродливый и невзрачный зол на моду, потому что она не думает о нем. Ему приходится маскироваться.

41 [37]

Фокус не в том, чтобы устроить праздник, но в том, чтобы найти тех, кто будет на нем *радоваться.* Чаще всего праздник — это представление без зрителей, стол, полный яств, без гостей. Те кто участвуют, князья и солдаты, исполняют свой долг, выбиваясь из сил, и любопытство уличных мальчишек здесь единственная живая *приправа.*

41 [38]

Печенье, сахар, трапеза, лестница.

41 [39]

Против кухни prix fait[1] — в отеле.

41 [40]

Солнечный желтый луг, и над ним темные, коричнево-зеленые полосы леса, а еще выше в мощном подъеме — такие же горные линии, горные вершины, голубоватые, седые и в белоснежном блеске.

41 [41]

Величие *древних* в их универсальном инстинкте, в их глазах и умении ценить все, в незначительности их национального акцента (греки и римляне).

41 [42]

С *окончанием борьбы за существование* возникает общность. *Равновесие* — ее точка зрения.

41 [43]

Единство возникает только в общности. Фукидид: *φθονερόν*[2] против блестящего, чтобы сделать черным — то есть среди *равных.*

41 [44]

Чтобы приблизить природу ко мне, я должен обладать ею один. В общении с людьми она делает меня не-

---

1 С условленной ценой (*франц.*).

2 Завистливое (*греч.*).

терпеливым и становится мне все более чуждой. Люди опьяняют меня; для природы я должен полностью обрести свое равновесие.

41 [45]

Люди слишком много общаются и при этом теряют себя. Кто мало имеет, у того общество отбирает даже это малое.

41 [46]

Кто не научится со временем 2 часа в день находиться в одиночестве, без занятий и долга и (отвратительных полузанятий точения ляс и потягивания-глоточками) — тот — — —

41 [47]

Возможно, боги еще *дети* и обращаются с человечеством как с игрушкой, жестоки по неведению и разрушают невинно. Когда они повзрослеют —

Возможно боги не заботятся о нас, как и мы о муравейнике, хотя —

41 [48]

Основания на месте привычек, *намерения* на месте инстинктов, знания на месте веры, духовно-душевная радостность на месте частых отдельных наслаждений, равновесие всех движений и стремление к гармонии на месте возбуждений и упоений — а *позже* все опять *становится бессознательным*!!

41 [49]

Этот диалог не принадлежит мне. Его мне однажды переслали с единственным примечанием, что мне позволено его прочитать и передать дальше. Первое я сделал, второе делаю.

41 [50]

— — — о благе души не будет и речи, государство не будет иметь нужды оказывать помощь и не будет ради этого ломать себе голову.

41 [51]

Против Вагнера слишком легко быть правым.

41 [52]

Как только будет выставлена оценка, напр. бескорыстию, (*пусть* даже неверная—), она начнет расти.

41 [53]

Различные виды *фантазии* обладают различной силой *увеличения*. Фантазией, которая делает *страх* очень *большим*, спекулирует прежде всего желающий-быть-могущественным.

41 [54]

Нечто, что мы *знаем*, кажется нам благодаря этому значительно возросшим в ценности. Некоторое время—

41 [55]

Прогулка в гавани Неаполя освобождает дух и приближает его к древним. Плодородие, веселье и чума или войны—

41 [56]

Мораль посредника.

Перенесение м<орали> п<осредника>, а так же морали равновесия на душу.

41 [57]

Пощада изначально знак *презрения*.

41 [58]

Бескорыстие становится известным благодаря посреднику, когда между двумя бушует ненависть. В действительности п<осредник> *не* бескорыстен.

41 [59]

Вещь, которой точно соответствует некое *понятие*, оказалась бы лишенной происхождения. Заблуждение Платона относительно *вечных идей*.

41 [60]

Необходим сильный характер, чтобы удержать на высоте дело хорошего вкуса и разума, когда все большие таланты занимают противоположную позицию.

41 [61]

Величайшее стремление искусства не должно опираться на слабых представителей.

41 [62]

———согласно библейской морали, по которой у того, кто мало имеет, будет отнято и то малое, что он имеет.

41 [63]

Наш обскурантизм, наша сентиментальность в трагедии и лирике есть усталость ума, у народов и у каждого в отдельности. Слабость нервов.

41 [64]

Долгий вкус во рту.

41 [65]

Наша задача *инвентаризировать* и *ревизовать* все унаследованное, обыденное, ставшее-бессознательным, проверить на происхождение и целесообразность, многое отбросить, многое оставить жить.

41 [66]

Шелковичный червь, которому нельзя запретить прясть.

41 [67]

Идеальное у Шиллера Гумбольдта — ложная античность, как у Кановы, нечто слишком глазированное, мягкое, не осмеливающееся глядеть в лицо суровой и некрасивой правде, кичащееся добродетелями, приятным *звучанием*, аффективными жестами, но никакой *жизни*, никакой настоящей крови.

41 [68]

Я не могу не плакать, когда читаю слова Гёте к Шиллеру: «и позади него в призрачном мерцании и т. д.» Почему?

41 [69]

<*Странник*>*:* Это для меня слишком плоско. *Тень:* Должна ли сама тень всегда быть глубокой! Подумать только, как она тонка. *Странник*: Я до сих пор не знал, что толстяки имеют больше прав на глубину, нежели тонкие.

41 [70]

Анекдот о кардинале и ночном горшке.

41 [71]

<Ты не можешь> *бегло* читать в сердце, но любишь читать по складам, и иногда получается верное слово.

41 [72]

Странник и его тень.
Болтовня по дороге.

41 [73]

Ривароль. Фонтенель.
Письма *Бейля.*
Весь Мериме.

42 [74]

Если 1 раз почти = 0 раз, 10 раз = 100 раз.

41 [75]

Ежедневно один час: учение о здоровье.

42. Июль–август 1879

42 [1]

Курьезы наших современных писателей, которые знатоку древних языков покажутся грязными пятнами.

Kringel (Ge-ringel)

Kraut (Ge-reutetes)? *Парадо<ксы>*

Kleben (ge-leben)[1]?

К курьезам звучания и грамматического рода.

42 [2]

Кусок сахара, растворенный в чае, и такой же кусок во рту, когда пьешь чай, дают различное ощущение сладости.

42 [3]

Люди *свободной воли* — чудесная иллюзия, позволившая человеку сделаться более высоким существом; самое высокое благородство, заметное как в хорошем, так и в плохом. Однако это уже *звериное*. Кто может подняться над этим, поднимается над зверем и становится *сознательным растением*.

Акт свободной воли был бы *чудом*, разрывом цепи -природы. Люди были бы волшебниками.

Сознание своего мотива несет с собой обман — интеллект является изначальным и единственным *лгуном*.

42 [4]

Платон и Руссо о культуре противоречат в *одном*: Платон считает, что в естественном человеке (дикаре) мы обнимали бы еще и афинского *преступника* (как культурное существо). Он правей, чем Руссо.

---

1 Примеры с фонетически и ассоциативно близкими немецкими словами («Трава вы-корчеванное» и т. д). (*Прим. ред.*).

42 [5]

Величина или незначительность человеческой *силы* является решающей для конституции его ощущений. Он становится злым и диким только, когда против него выступают силы, равные его силам или *уступающие* им. К непогоде у него претензий нет.

Несправедливость князей переносится легче. Хуже всего в этом отношении соседи. Там, где человек *не подчиняется*, он сам становится *тираном*.

42 [6]

Турецкий фатализм заключается в том, что индивидуальную несвободу деятельного человека приравнивают к интеллектуальной и *умаляют* последнюю до индивидуальной. (Ибо для слепого, чьи влечения *послушны* приказам, один лишь мотив *хотеть* видеть—)

42 [7]

1) Месть могущественного другому могущественному—по возможности уничтожение. Пощада, чтобы насладиться муками.
2) *Такое же* отмщение (чтобы ослабить последствия мести).
3) Могущественный против подчиненных. *Глава*, назначающий наказания (точка зрения похожая на общинную; часто личная жажда мести побеждает авторитет главы). Чем сильнее опасность, *тем сильнее его надзор*, тем *строже*, драконовски он наказывает и с каждым разом все капризнее.
4) Устрашение и одновременно *пощада* индивида (с точки зрения общины, *которая* не хочет его потерять).
   Степени боли как эквивалент преступления. Чем нужнее некто, тем *мягче* для него наказание.
   Если верят в *вечную* жизнь и земная жизнь оценивается ниже, то и пощада не столь необходима, так что жестокость возрастает.
   Сделать безвредным, но *по возможности сохранить для пользы* (и поэтому берегут тело)—если же уничтожение *необходимо*, тогда скорее слиш-

ком жестокое, потому что тем самым достигается наибольшее устрашение, т. е. наибольшая польза.

5) Божья кара как эквивалент светской справедливости (т. е. удары судьбы). Благодаря этому большое *смягчение*. Священники возвещают подобные наказания; жаждущий мести **ждет** — тут многое выигрывается!

6) *Муки совести* как эквивалент. Угроза вечного наказания. Христианская точка зрения.

42 [8]

Месть низких более высоким всегда доходит до крайности, уничтожения, потому что только так они могут избежать ответного удара.

42 [9]

Денежные штрафы, *возмещение* ущерба — нечто *иное*. Принести как можно больше *пользы* после нанесения *ущерба*. О боли при расплате не думают. *Преимущество общины*, залог, лишение имущества и т. д.

Отсюда оценка *преступления* в *деньгах*. (*Компенсация* ущерба, исходный пункт.)

42 [10]

Священная зависть и священный гнев.

42 [11]

(В каждом, у кого всегда есть что отдать, есть что-то бесстыдное)

42 [12]

Мелодии, которые не заканчиваются радостно, но, как бешеные собаки, вдруг застывают с поджатыми хвостами. —

42 [13]

Картины, в которых краски хотят выразить то, чего не может выразить живописец.

42 [14]

На зачатие очень часто рассчитывают напрасно, при малой плодовитости лишь *однажды* — это весьма удачное совпадение!

42 [15]

Нам *требуется* пропитание: но *потребности* нашего вкуса иные: сначала принуждение, затем привычка, затем удовольствие, которое хочет повторения (потребность). Совсем как у морального чувства, которое так же различно, как и gustus[1], но цель, которой оно служит, почти та же самая (сохранение человека *при помощи* и против человека).

Моральное чувство есть некий *вкус*, с определенными потребностями и антипатиями: *причины* возникновения каждой отдельной потребности забыты, оно действует как вкус, *не* как разум.

Вкус есть *приспособленный* и *избирательный голод*. Так же и мораль. (Голод, который хочет удовлетворения определенным образом, не химическим. —) Обладая моральным чувством, мы тоже хотим не *все равно* каким образом вести себя в отношении других людей.

42 [16]

При физической или умственной напряженной работе половое влечение невелико. Умеренное трудолюбие в некотором отношении полезно.

42 [17]

Аппиева дорога — наконец все спокойно — земля когда-нибудь: летящий в космосе могильный холм.

42 [18]

Нельзя все время безнаказанно бродить под изваяниями.

42 [19]

Высшая заповедь **социализма** — ты не должен иметь собственности.

---

1 Вкус (*лат.*).

42 [20]

Пока *внутри* общества сохраняется *необходимая оборона* и *устрашение* (человек как средство), войны не прекратятся. Забывается *закаляющее* влияние любой карательной юстиции: презрение, ненависть к преступникам. Присутствие войск есть средство устрашения —

42 [21]

Месть 1) предотвращение продолжения (защита—?)
2) вредный для нас человек должен стать безвредным (примирение?),
3) зависть к победе или к перевесу противника,
4) никогда не *пересаливать* в обскурантизме, в страхе перед тем, что еще только может произойти — мы слишком завышаем меру.
5) Установление нашего авторитета.

42 [22]

Нравственное поучение, которое легче всего было забыто, надо было бы *наказывать особенно сильно*, в качестве предостережения.

42 [23]

Когда музыка обладает «*настроением*», этого ничтожно мало. Настрой должен быть у инструмента, но затем должно прозвучать что-то прекрасное. Точно так же с человеком и с сочинением.

42 [24]

Обмен и *кровообращение*, в этом люди отличаются друг от друга (молоко ежедневно, тогда у него другой *вкус*, — наслаждаются исходя из противоположного).

42 [25]

Обладатель сильной *воли*: 1) он отчетливо видит цель; 2) он доверяет силе, во всяком случае в отношении *средств*; 3) он слушает себя самого больше, чем других; 4) он может долго не уставать, но и в усталости его цели *не бледнеют*. Он опытный горовосходитель; 5) он пугается не часто и не сильно. Итак: тот род свободы воли, которую в нем

прославляют, есть *определенность* и *сила* воления, наряду с опытностью и слабостью фантазии, а также с господством или стремлением к господству и чувством собственного достоинства. Мы говорим о *свободе,* потому что она *обычно* сопряжена с силой и господством.

42 [26]

Месть весьма сложна!

42 [27]

Равновесие. Чувство *свободы* воли возникает из колебания и покоя весов, при равновесии мотивов.

42 [28]

Степени свободы. Если он предпочитает новые мотивы старым (привычки или унаследованные мотивы), осознанные — инстинктоподобным мотивам — — —

42 [29]

Они настолько расширили область pudenda[1], что разговор о пищеварении, даже о зубной щетке считается уже неделикатным, и следовательно люди утонченные даже не *думают* о подобных вещах.

42 [30]

На главный вопрос каждый человек отвечает *отдельно:* являются ли более ценными твои чувства или твои основания (разум)? Это зависит от *наследственности* и *опыта.* (Добрые родители, но глупые!)

42 [31]

Мы хотим радоваться так, чтобы *наша радость была полезна другим.*

42 [32]

Как можно больше *радости самой по себе.* Но не значит ли это ободрять самодовольных? — Разве они так вредны? А опасность разочарования!! Значит ли это ободрять тех, кто обладает только *мнимым* здоровьем?

---

1 Стыда (*лат.*).

42 [33]

Само-открытие
Само-оценка
Само-изменение

42 [34]

Достоинство преступника. Если король имеет право миловать, то у преступника остается право отвергнуть милость.

42 [35]

Против разговоров за столом.

42 [36]

Никогда не принимай участия в так называемых больших застольях, к которым люди все еще приглашают в этом веке.

42 [37]

Сокращение вооруженных сил – это нелепость! *Сломать меч*!? Как меч справедливости, так и войны! *Драгоценнейшее, победоносное* оружие!

42 [38]

Армии *вынужденной обороны*? – Но вынужденная оборона ради самосохранения. Сколько наступательных *войн* велось ради самосохранения! (Чтобы предупредить нападение, чтобы отвлечь народ и т. д.) Завоеватель тоже ищет в конечном счете только своего *само*сохранения, *как той сущности*, которой он является, – он должен завоевывать: «Ваша вынужденная оборона оправдывает любую войну. Сломайте меч и скажите: мы лучше вынесем все, даже погибнем, чем будем сохранять *враждебность* в обществе».

Так же обстоит с *карающей* справедливостью.

Ни одно государство сейчас не признается, что содержит армию из завоевательных намерений. Это значит: обвинять соседей в завоевательных намерениях и в лицемерии. Это *враждебное* настроение.

42 [39]

Ложно направленное честолюбие, напр., пить с молодыми людьми, в то время как тонкость разума———

42 [40]

Контрольная поездка пекаря по городскому печенью.

42 [41]

Более нежные натуры, которым тоже невольно было накрошено в молоко несколько черствых кусков жизни, были бы предельно счастливы, если бы смогли осознать свое благо. А так их мучает тайная зависть к более агрессивным, более сильным, и они слишком охотно льстят их доблестям, т. е. их недоделанной человечности, что для непредвзятого взгляда то же самое, как если бы овца в волчьей шкуре пыталась напугать других овец.

Это, конечно, подражание, достойное смеха, ибо те образцы, которым они завидуют, умеют напугать самих волков, а для этого нужна не только волчья шкура, но и волчья пасть и волчья душа—и еще кое-что.

42 [42]

Чтобы сегодня не крало у завтра его обязанностей!

42 [43]

В дневные часы, когда настает время прилива для ума, кто же будет хвататься за книгу! В эту пору мы хотим быть собственными боцманами и лоцманами.

42 [44]

Даже при словах «вишня и смородина» трогательное чувство **мелодии**.

42 [45]

Эккерман дал лучшее прозаическое произведение нашей литературы, которое достигло высшего пункта немецкой гуманности.

42 [46]

Земной шар, земной круг—*ἀπειρεσίη*[1].

42 [47]

Язык заплетался, сердце ничего не знало об этом.

42 [48]

Socr<atis> Mem<orabilia>—не отрадный курьез, а простодушное соседство.

42 [49]

Озеро и высокогорье. Старик с зеркалом в руке (вечером, когда солнце стоит слишком низко, чтобы отражаться в озере, в нем отражаются горы: кажется, будто этот старик———

42 [50]

Наступит день, когда народ с самым победоносным войском решит совсем *упразднить* армию.

42 [51]

Преступника содержат тюрьме до тех пор, пока—«не истечет срок его наказания». Абсурд! До тех пор, пока он больше не будет настроен против общества! Пока он больше не будет питать чувства мести за свое наказание! Держать его *еще дольше* было бы: 1) жестокостью; 2) растратой сил, которые могли бы пойти на пользу обществу; 3) опасностью сделать его жаждущим мести, ибо он испытывает *чрезмерную* жестокость, т. е. нравственным ухудшением.

42 [52]

В мире *произведений искусства* на протяжении тысячелетий нет *никакого прогресса.* Но в морали, пожалуй,—так же, как в познании и науке.

42 [53]

При поимке преступника с ним следует обходиться мягко, как с больным. Но *полиция*—это совершенно другие люди!

---

1 Беспредельность (*греч.*).

42 [54]

Быть *ответственным,* т. е. знать и по возможности уметь назвать мотивы, по которым действуешь. Но знаем ли мы *все* мотивы какого-либо действия? Их соответственную силу и разновидности?

42 [55]

Прекрасная серьезность—черный шелк, равномерно прошитый красными нитями, приглушенное сияние.

42 [56]

Против карающего правосудия
Опыт о смягчении нравов

42 [57]

Павел—один из тех великих имморалистов, которыми Библия изобилует гораздо больше, чем принято думать.

42 [58]

Предпосылка, что действия по принуждению *не* наказуемы. Только *преднамеренные* действия—но не **все** преднамеренные действия! Там, где кто-то поступает преднамеренно *потому что* или *с тем, чтобы*—там есть принуждение мотивации. Мотивы нельзя наказывать. «Но в этом нет принуждения. Существуют еще и другие мотивы: почему он не следует им?» Вот именно, *почему не следует*?! «Они для него не так весомы, как те!» Почему не следует? Ошибка суждения? Характера? Тогда всюду было бы *принуждение.*

Итак: они для него весомы одинаково, весы в равновесии. «Теперь появляется свободная воля». Но если совсем все равно, поступать так или иначе, то здесь тоже (в этой *завершенности* суждения) присутствует *принуждение.* Ненаказуемо! Итак: как вы не повернете, вы наказываете *вопреки* вашим предпосылкам. Вы наказываете *принужденного.*

42 [59]

«Но тогда общество погибнет!» Так признают, что *наказание* является *необходимой защитой.* Но не злоупотребляйте моральными словами, не говорите о справедливо-

сти. Так как при необходимой защите как раз **мельчайшая** градация наказания *бессмысленна. Нужна индивидуальная* мерка! Но это ведет к *произволу!!*

42 [60]

«У него есть *выбор* между добром и злом! –»

42 [61]

Учителя вместо судей. – Против карающего правосудия. На их место могут вступить только обучающие (которые улучшают разум и благодаря этому привычки – творцы мотиваций!). «Ударить ребенка, и он больше не повторит такой поступок». Здесь удар является *напоминанием* о поучении: *боль как сильнейший возбудитель памяти.* Из этого *получилось бы максимальное смягчение всех наказаний, – и максимальное их уравнивание*! Только как мнемотехническое средство! *Требуется так мало*!

(*Обходясь без похвалы!*)

42 [62]

Если отмерять наказание *сообразно этому*, ne iterum peccet[1], то *мера* будет индивидуально *различной.* Намерение в том, чтобы достаточно сильно выделить, запечатлеть мотив, и здесь важен тот материал, на котором он будет запечатлен. – Но тут мы не имеем *никакой* индивидуальной меры наказания. Итак, намерением не является индивидуальное улучшение. Намерением является *заслуженное* наказание согласно теории свободной воли, – в отношении *свободной* воли *все* рассматриваются как **равные**, потому что это есть акт чуда, без предыстории, вовсе не индивидуальный. По причине этого *равенства* и наказание может стать равным для *всех* людей. – Отличие от других наказаний основано на содержании вины, не на виновнике? Но тогда и наказание должно быть *одно* для всех преступников.

42 [63]

Уравнивание наказаний предполагает уравнивание преступлений. Но в отношении *мотивов* равенства не су-

---

1 Чтобы повторно не грешил (*лат.*).

ществует — а если возвратиться к свободе воли, то невозможно уразуметь, почему должны быть *различные* наказания — должно быть только Одно. Но наказывать *мотивы* было бы неморально — ибо нельзя наказывать несвободного. Итак, похоже, что в отношении этой свободы проводят различия — большая или меньшая свобода воли соответственно большему или меньшему преступлению. Нечто совершенно бессмысленное, нелогичное! Ведь тогда свобода как раз не была бы абсолютной, т. е. были бы налицо *гири*, которые опускали бы чашу весов в ту или иную сторону. Градацию свобод приняли бы за несвободу.

42 [64]

δις ἡβήσας[1]: Гесиод как герой получил ἥβη[2] и жил затем не в Аиде, но с другими героями. Было возможным двоякое продолжение жизни: 1) в Аиде δις παῖδες[3], собственно — потенцированный старческий возраст, 2) в элизиуме δις ἡβήσας.

42 [65]

Мы возлагаем *ответственность* только в том случае, если кто-то может проявить свой разум, т. е. если у него были *основания* и он их может привести. Если мы наказываем его, то наказываем за то, что он предпочел плохие основания лучшим, то есть за *намеренное отрицание своего разума*. Если бы он не видел лучших оснований (по глупости), то нельзя было бы и *наказывать*. Он тогда следовал бы *принуждению*, у него не было бы выбора. Точно так же, если предположить, что хотя он и видит лучшее, но в силу внутреннего принуждения *делает* другое, то его тоже нельзя наказывать: он несвободен (как мать, которая заспала своего ребенка). «Он следует злому умыслу» – но если он должен быть *свободным*, то из абсолютного *произвола*. Как может кто-то намеренно стать неразумнее, нежели ему следует быть! Это называют «свободной волей»: *предпочтение* плохих оснований как мотивов – просто как

---

1 Дважды юный (*греч.*).

2 Юность (*греч.*).

3 Дважды детский (*греч.*).

немотивированное склонение весов, как чудо. (Или это «радикальное зло» и т. д.) На самом деле он выбирает худшее потому, что 1) чувство общинной выгоды унаследовано им слишком слабо; 2) его фантазия слишком слаба, чтобы так представить себе будущую выгоду и грядущее вознаграждение, чтобы это преодолевало соблазн настоящего. Он **должен** в обоих случаях.

Итак: *чудо* будет в обоих случаях либо наказано, либо поощрено. *Изолированный факт.*

42 [66]

Наказывают собственно свободу воли – потому что *стремятся* к *ограничению* посредством закона и морали? Но тогда было бы нечего восхвалять, не было бы ничего морального – даже этот мир остался бы полностью произвольным, беспочвенным.

42 [67]

Аппиева дорога.
Мысли о смерти.

42 [68]

Как атеист я никогда не произносил застольную молитву в Пф<орте> и ни разу не был назначен учителями недельным надзирателем. Такт!

42 [69]

«Das Libell der Mytus der Sophismus»[1] – ошибочное применение или написание чужеземных слов.

42 [70]

История уголовных наказаний.

---

1 Памфлет, миф, софизм (*нем.*).

43. Июль–август 1879

Санкт-Морицские
тропы мыслей
1879

43 [1]

Читать письма Бейля («Стендаля»): он оказал сильнейшее влияние на Проспера Мериме.

43 [2]

Кто споткнется о выражение «млечно-зеленое озеро», читает нёбом, а не глазами.

43 [3]

Позавчера под вечер я весь погрузился в очарование Клода Лоррена и разразился наконец долгим, сильным плачем. Если б мне только дано было это еще раз пережить! Я не знал, что земля являет нам подобное и думал, что это выдумали хорошие художники. Героически-идиллическое теперь — открытие моей души, а все буколическое древних разоблачилось теперь передо мной одним взмахом и стало явью — до сих пор я ничего в этом не понимал.

43 [4]

Jus talionis[1] как частное уголовное право — более высокая ступень нравственности, оно стремится *только* к возмещению. Общинное уголовное право содержит некий избыток — отдельные люди и община *противостоят* друг другу, *отсутствует* состояние равенства.

43 [5]

Неперевариваемость преступления

---

1 Право возмездия (*лат.*).

44. Август 1879

44 [1]

Знаешь ли ты, что каждое из свойств людей и вещей, которым ты сейчас отдаешь свои лучшие слова, воспринимается безоговорочно, как будто это твои свойства.

44 [2]

Шуберт относится к Бетховену, как наивная поэзия к сентиментальной. Шуберто*образная* музыка является *предметом* музыкального восприятия Бетховена.

44 [3]

Моральная извращенность имеет видимость радикально-злого оттого, что человек *сегодня* интеллектуальнее, нежели *завтра*, но также и наоборот. Он нечто различное: но интеллект принимают за нечто *постоянное*.

44 [4]

Положим, некто удручен злым анонимным письмом. Обычное лечение состоит в том, чтобы разрядить свое чувство, огорчив кого-то другого. Мы должны отучиться от этого нелепого способа древнейшей гомеопатии. Ясно, что если человек тотчас же в свою очередь напишет анонимное письмо, которым окажет кому-либо благодеяние и любезность, он тоже достигнет своего выздоровления.

44 [5]

Несчастному, ищущему утешения, надо либо показать, что все люди несчастны: это будет неким восстановлением его чести, поскольку тогда его несчастье не опускает его ниже определенного уровня, как он полагал ранее. Или же надо показать, что это несчастье выделяет его среди людей.

44 [6]

О законе не следует говорить там, где *необходимо* что-то сделать, но только там, где *следует* что-то сделать. Против так называемых естественных законов и, особенно, экономических и т. д.

44 [7]

«*Тщеславие*» — область источников, из которой бьют мощнейшие потоки моральности.

44 [8]

Если мы расстроены или пребываем в желчном настроении, надо тотчас вынуть кошелек или пишущее перо, или подарить что-то первому попавшемуся нищему или первому встречному ребенку – по возможности с самым доброжелательным выражением лица, если же это не выходит, то сделать то же со стиснутыми зубами.

44 [9]

Поэзия — это то, что улетучивается, если ее хотят перевести в прозу.

44 [10]

С такой нежной и стыдливой кожей, что кровь не стесняется просматриваться издалека.

44 [11]

Воззрения Платона — он знал запретные входы ко всем святилищам.

44 [12]

Вальтер Скотт, 2 новеллы = самое лучшее.

3 совершенных писателя.

44 [13]

Жан Поль в общении с н<емецкими> писателями, напр. Ш<иллером>, был больше, чем м<аленький> Г<ёте>.

44 [14]

У ригоризма, проявленного им в «Лаокооне», оказался один важный противник: хорошие поэты. По отно-

шению к нему не следует еще забывать, что бессмертный комизм он———

44 [15]

Ни один партийный человек не знает верности по отношению к себе самому.

44 [16]

Придать большую ценность новым учреждениям – защита и бастион от разбоя и угнетения в духовном и денежном отношении.

45. Август 1879

45 [1]

«те солнечные кроткие октябрьские дни, когда наш умеренный климат достигает своего блаженства и полноты».

45 [2]

«в летней послеполуденной тишине, когда настенные часы говорят отчетливей и далекие колокола на башне звучат басовитей».

45 [3]

«та бледная краска лица горной долины, когда она начинает выздоравливать после зимы и снег уже сошел».

45 [4]

«сейчас все здесь так освещено, так тихо здесь; тишина ли это уставшего от жизни, ясность мудреца? Никто не знает. Ветер между тем набегает на горные склоны, принося позднее лето, но вскоре снова стихает. Его пугает лицо природы, поблекшее, застывшее? Никто этого не знает; все неопределенно, как первые сны странника, прошагавшего целый день».

45 [5]

«надо пройтись субботним днем по деревне, если хочешь увидеть по-настоящему праздничное спокойствие на лицах крестьян: у них впереди еще целый день отдыха, и они прилежно все чистят и наводят порядок в его честь, с тем предчувствием удовольствия, с которым не сравнится само удовольствие. Ведь само воскресенье – уже пред-понедельник».

45 [6]

Одинокий говорит: «Теперь мои часы живут беспечно. Раньше они были моральными и служили указателем долга».

46. Сентябрь–октябрь 1879

46 [1]

Gaudii maxima pars est oblivio. Dolor de se ipso meditatur.[1]

46 [2]

Aegrotantium est sanitatem, medicorum aegritudinem cogitare. Qui vero mederi vult et ipse aegrotat, utramque cogitat.[2]

46 [3]

Короткое лето. – Некоторые натуры довольствуются только мгновением лета: у них была поздняя весна и должна быть долгая осень. Это более духовные существа.

---

1 Величайшая часть радости — забвение. Боль думает о себе самой (*лат.*).

2 Больным следует думать о здоровье, врачам — о болезни. Кто болеет и воистину хочет излечиться, думает о том и о другом (*лат.*).

47. Сентябрь–ноябрь 1879

47 [1]

«Он обладает *сильной волей*», его интеллект, его суждения и фантазия очень ровные в разное время, он говорит те же самые вещи или что-то подобное и привлекательное – это не имеет ничего общего со свободной волей: он *независим* от других, значит *свободен* (т. е. зависим от себя). Несвободный, слабый недостаточно зависит от себя и потому очень зависит от других.

47 [2]

Глупцы, вот мы кто! Думать о таких вещах, когда Европа, похоже, распадается (здесь и там) на две военные, полностью закованные в броню группы, надеясь таким образом избежать общеевропейских войн, однако с тем предполагаемым успехом, что –

47 [3]

Для *народа* – намордник христианства! – Так говорят между собой многие образованные, не причисляющие себя к народу. Во всеуслышание они этого говорить не решаются, страх перед народом – это их намордник.

47 [4]

Когда греческий х<удожник> представлял в душе своих слушателей и зрителей, он не думал о женщинах (или о девушках, как немецкие романисты, или о молодых женщинах, как все французские романисты, или о старых, как английские романисты), он не думал также и о «народе», о массах людей, которые трудились в поту на улицах и в мастерских его отечества: я имею в виду рабов. Он вовсе забывал о крестьянах, о чужеземцах и о тех, кто временно поселился на его родине. Перед ним представали лишь сотни или тысячи правящих мужей,

подлинные граждане его края, т. е. весьма незначительное меньшинство населения с одинаковым воспитанием и одинаковыми притязаниями во всем. Взгляд на такую твердую и однородную величину придавал всем его произведениям некую надежную *«культурную перспективу»*: нечто, чего сегодня не хватает всем, напр., работающим в газетах.

47 [5]

Огромная, коренная ошибка Шопенгауэра кроется в том, что он не видел, что вожделение («воля») является только *видом познания* и более ничем.

47 [6]

Наслаждение тщеславия — это наслаждение средством к некоторой цели, о которой сам уже забыл.

47 [7]

О эта возвышенная полуидиотская серьезность! Неужели нет ни одной морщинки вокруг твоих глаз? Не можешь ли ты поднять мысль на кончики пальцев и подбросить ее вверх? У твоего рта только эти чопорные, унылые складки? Нет никакой возможности расправить плечи? Я хотел бы, чтобы ты однажды присвистнула и повела себя, как в дурном обществе, вместо того, чтобы так добропорядочно и до невыносимости нравственно восседать рядом со своим автором.

Автор всегда должен сообщать движение своим словам.

Здесь читатель; он не замечает, что я за ним наблюдаю. Он мне с некоторых пор знаком — толковая голова: не повредит, если он нас прочитает.

Но он же полностью переменился: не я ли тот, кто его изменил?

Запятые, вопросительные и восклицательные знаки, и читатель должен отдаваться им всем телом и показывать, что движущее может приводить в движение.

Вот он. Он полностью переменился.

Мораль: надо учиться хорошо читать; надо учить хорошо читать.

Мораль такова: не надо писать для своих читателей. Они считают, что писать *не* надо. По возможности для себя———

Обратите внимание, как быстро он читает, как он перелистывает страницы—точно за равное количество секунд, страницу за страницей. Возьмите в руку часы.

Здесь сплошь отдельные, достойные обдумывания мысли, более трудные, более легкие—а он проглатывает их с одинаковым удовольствием! Он *просматривает* их, несчастный, как будто позволительно просматривать собрание мыслей!

47 [8]

То, что драматический персонаж (в том числе и когда тема относится к настоящему) поет, это позволительно, это наш род *котурнов чувства.*

47 [9]

В какой мере чувство превосходства или даже господства может доставлять радость? Не само по себе и не изначально, но только как источник многих благ и препятствие для многих зол—т. е. как *средство*, которое само может доставить радость собственно только предвкушением цели. Но тем чаще власть постепенно становится средством для цели и вожделенной *ради себя самой.* Как нечто вожделенное она доставляет радость, как только достигнута, особенно при взгляде на тех, кто не достиг подобной цели.

47 [10]

По отношению ко всему тягостному и скучному, что приносит (и еще принесет) с собой господство демократии, настраиваешься на более терпеливый и мягкий лад, если рассматриваешь ее как установленный на столетие-

другое очень нужный «карантин», который общество внутри его собственной области———чтобы препятствовать новому «протискиванию», новому хватанию того, что попадется под руку, деспотизмом, насилием, автократией.

47 [11]

Избранная культура———

47 [12]

Скрытные.—Но, возможно, для ваших глаз благотворно, что вы живете в вашей темной комнате—кто имел бы право бранить вас за это!

47 [13]

Рихард Вагнер ищет музыку для тех ощущений, которые вызывает у него ви́дение (внутреннее) драматических сцен. По этой музыке можно заключить, что он является идеальным зрителем драмы.

47 [14]

«Я думаю проделать длительный сон».

47 [15]

Беременность
Ларошф<уко> и Рэ
Культурные поселения против кочевни<чества>
— Вундт «Суеверие в науке»
— полуазиатские варвары
— затуманенное болото
— реторта

Примечания

Список сокращений, принятых в примечаниях

Произведения Ницше:

ВН – «Веселая наука»
ПСДЗ – «По ту сторону добра и зла»
РВБ – «Рихард Вагнер в Байройте»
СЕТ – «Странник и его тень»
ТГЗ – «Так говорил Заратустра»
УЗ – «Утренняя заря»
ЧСЧ – «Человеческое, слишком человеческое»
ЧСЧ (СМИ) – приложение к ЧСЧ «Смешанные мнения и изречения»
ШВ – «Шопенгауэр как воспитатель»

Издания Ницше на русском:

НП – Ф. Ницше. Письма. М., «Культурная революция», 2007.

ПСС – Ф. Ницше. Полное собрание сочинений в тринадцати томах. М., «Культурная революция», 2005– . Ссылки на ТГЗ (4-й том ПСС) даются с указанием номеров строк (стр.).

Произведения Шопенгауэра (книги из библиотеки Ницше):

ШопМВП – «Мир как воля и представление»
ШопП – «Парерга и Паралипомена»

7 32. Зима–весна 1874

Тетрадь U II 5 a

32 [17] *Музыка для Бекмессера …* – Бекмессер – комический персонаж в вагнеровских «Нюрнбергских мейстерзингерах».

32 [71] *… прийти филалеты.* – т. е. «любители истины».

32 [82] Ср. 34 [9]; ТГЗ (ПСС, т. 4, с. 60, стр. 31–34).

734. Весна–лето 1874

Тетрадь U II 6

34 [1] Первый заголовок к ШВ.
34 [9] Ср. 32 [82] и прим.
34 [36] ... *воспитать поколение филалетов.* — См прим. к 32 [71].
34 [37] ... *теолога Гаусрата* – Гаусрат Адольф (1837–1909) – протестантский теолог. Автор труда «Давид Штраус и современная ему теология» (D. F. Strauss und die Theologie seiner Zeit. 1876–1878).
34 [45] Ср. «Одиссея», песнь 11, 23–50.

735. Весна–лето 1874

Папка Mp XIII 3

35 [5] Ср. ПСС, т. 7, 30 [15], 29 [197.198].
35 [6] Гёте «Четыре времени года. Осень», 43.

738. Конец 1874

Папка Mp XII 5

38 [3] *Что бы произошло, если бы Прометей не схитрил в Меконе!* — Прометей обманул Зевса в Меконе, когда устанавливался жертвенный обряд, в результате чего был введен обычай приносить богам в качестве жертвы не лучшие куски мяса, а кости, покрытые жиром. Разгадавший хитрость Зевс в наказание лишил людей огня.

1. Зима–весна 1875

Записная книжка N I 4

1 [1] *Ромундт* Генрих – друг Ницше по годам, проведенным в Лейпциге, с летнего семестра 1873 г. приват-доцент

философии в Базеле, с лета 1874 г. жил вместе с Францем Овербеком и Ницше в так называемой «Берлоге Баумана» (Baumannshöhle), Шютценграбен 45.

1 [4] План «Полного собрания» «Несвоевременных», с некоторыми хронологическими и содержательными изменениями для десяти следующих, которые еще должны быть написаны, в сравнении с 1 [3].

2. До начала марта 1875

Из тетради U II 8a

Заметки к... — позднейшая запись в начало рукописи, в качестве эпиграфа.

2 [1] *Бётлингк, I 335)* — ср. Отто Бётлинг, Индийские изречения. На санскрите и по-немецки, 3 тт., Санкт-Петербург, 1870–1873 (Otto Böhtlingk, Indische Sprüche. Sanskrit und Deutsch, 3 Bde.), книги из библиотеки Ницше.

2 [2] *Mihi scribere* — ср. ЧСЧ, 167 и прим.

2 [8] Ср. Барон Макс Клингер, Размышления и соображения о различных предметах мира и литературы, № 581 (Сочинения, т. XII, 1809) (Fr. Max Klinger, Betrachtungen und Gedanken über verschiedene Gegenstände der Welt und der Literatur).

3. Март 1875

Папка Mp XIII 6b. (U II 8, 239–200)

3 [1] Ср. ЧСЧ, 607.

3 [2] Ср. Й.Ф.Й. Арнольдт, Отношение барона Авг. Вольфа к школьному делу и педагогике... (J.F.J. Arnoldt, Fr. Aug. Wolf in seinem Verhältnisse zum Schulwesen und zur Pädagogik... Braunschweig 1861–1862, 2 Bde. 1, 26). Вольф: «8 апреля тогдашним проректором, знаменитым медиком Эрнстом Готфр. Балдингером не без внутреннего сопротивления — ибо, «кто придерживается подобных doctrinas philosophicae facultatis, должен записываться на теологический, — был, наконец, зачислен как Phi-

lologiae studiosus, – для его тогдашнего положения в науке значительное событие, которое стало для него первым посвящением в цеховую жизнь немецкой филологии».

3 [3] Ср. 7 [6].

3 [6] Ср. Вольф: «Ее называют то филологией, то классической ученостью, то древней литературой, то гуманитарными исследованиями, иногда даже чуждым всему этому и совершенно новым словом “изящные науки”». Прим. к этому: «Последнее название, судя по всему, сегодня все меньше употребляется нацией, которая сделала его модным. Чаше употребляется слово “литература”, чем выражение Belles lettres. Если же его иногда употребляет пишущий по-латыни ученый, преображая в litteras bellas, то с очевидным намерением поиронизировать. Для нашего круга знаний это название совершенно не годится; кроме того, у него есть стороны, которые привлекают не beauté, а совершенно другим».

3 [11] ... *сборника комедий* – имеются в виду комедии Теренция.

3 [13] Ницше об этом: 5 [29], 5 [18]. Ср. 10 [10]; 11 [22].

3 [15] *Поэты – филологи* – ср. 5 [17]; 5 [107]; 5 [109]; 14 [3]; о «поэтах-филологах» итальянского Возрождения ср.: Я. Буркхардт, Культура Возрождения в Италии (J. Burckhardt, Die Kultur der Renaissance in Italien, Leipzig, 1896), 114, 119 сл., 161.

3 [19] ... *многие чувствуют* ... – Ницше намекает на следующее место у Шопенгауэра («О мнимой преднамеренности в судьбе отдельного человека»): «... данные, которые на этот счет могло бы предоставить одно лишь познание, свелись бы, пожалуй, к тому, что случай, который может сыграть с нами сотню злых и будто нарочно придуманных коварных шуток, время от времени поворачивается к нам исключительно благоприятной стороной или же опосредованным образом весьма ощутимо о нас заботится. Во всех этих случаях мы видим руку провидения, причем наиболее ясно тогда, когда случай, вопреки нашим собственным взглядам, более того, на отвергнутых нами путях приводит нас к отрадной цели; и мы тогда говорим: tunc bene navigavi cum nauf-

ragium feci» («мне повезло именно тогда, когда я потерпел крушение»: переведенное Шопенгауэром на латынь изречение стоика Зенона). ШопП 1, 216.

3 [29] *История литературы Бергка* – История греческой литературы Теодора Бергка (Theodor Bergks Griechische Literaturgeschichte, I. Bd., Berlin 1872).

3 [41] Ср. 5 [46].

3 [48] *Вольтер говорил...* – Ницше цитирует из книги М. Клингера «Размышления...» (Fr. M. Klinger, Betrachtungen und Gedanken über verschiedene Gegenstände der Welt und der Literatur, Nr. 94 (Werke, Bd. XI, 1809).

3 [51] ... *лучше быть поденщиком* ... – по словам Ахиллеса в «Одиссее», 11, 489-491.

3 [53] ... *при слове «любовь»* – Ср. 5 [166]; 17 [19]; ЧСЧ, 95.

3 [70] Ср. 5 [111]; 6 [14].

4. Весна 1875

Записная книжка N 1 3b

4 [1] *Пешель* Оскар (1826–1875) – немецкий географ и этнограф. Ср. 39 [8].

Шопенгауэр – Ницше приобрел издание Шопенгауэра, на которое здесь даются отсылки (Frauenstädt-Ausgabe, 1873–1874), 25 июня 1875 г.

Естественнонаучная библиотека – о приобретении Ницше естественнонаучных сочинений в 1875–1879 гг. точные сведения сообщаются в книге: Карл Шлехта и Анни Андерс: Фридрих Ницше – о скрытых источниках его философствования (Karl Schlechta und Anni Anders, F. Nietzsche – Von der verborgenen Anfängen seines Philosophierens, Stuttgart/Bad Cannstatt 1962, 162 ff.).

4 [2] *Рютимайер* Людвиг – профессор зоологии и сравнительной анатомии в Базеле.

4 [3] ... *брошюру Буркхардта* – с мая 1875 г. в руках Ницше был полный конспект лекций Якоба Буркхардта по «Истории греческой культуры», который сделал и посвятил ему его ученик Луис Кельтерборн; этот конспект сохранился в библиотеке Ницше.

4 [4] ... *иметь умысел* ... — ср. 12 [31].

5. Весна–лето 1875

Тетрадь U II 8 b

5 [4] Ср. [59].
5 [7] Ср. ЧСЧ, 261.
5 [17] Ср. 3 [15].
5 [24] ... *не сторонник Демофелеса* ... — Ср. ШопП 2, «О религии. Диалог».
5 [31] Ср. 7 [6].
5 [32] Добавлено позже, в связи с разработкой 7 [6].
5 [34] Ср. 7 [6].
5 [36] Ср. 5 [146]; ЧСЧ (СМИ), 220.
5 [45] Ср. 7 [6].
5 [46] Ср. 3 [41].
5 [54] Ср. 7 [37].
5 [56] К главе 1 из 5 [55].
5 [57] К главам 3 и 4 из 5 [55].
5 [58] Ср. 5 [12].
Хелльвальд Ф.А. фон — историк культуры, сторонник Д.Ф. Штрауса и Э. Геккеля. Ницше ссылается на его самое известное сочинение: «История культуры в ее естественном развитии с древности до настоящего времени» (Kulturgeschichte in ihrer natürlichen Entwicklung von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart, Augsburg 1874), посвященное Геккелю, а именно на его заключение: «Идеалы и наука». Летом 1881 г. Ницше попросил Овербека прислать ему это сочинение.
5 [59] Ср. 5 [4].
5 [60] Этот и некоторые последующие фрагменты из тетради U II 8 возникли, вероятно, во время чтения лекций Якоба Буркхардта по истории греческой культуры, по не сохранившемуся конспекту Адольфа Баумгартнера (ср. прим. к 4 [3]). В настоящих примечаниях указывается по возможности на параллельные места книги Я. Буркхардта (Griechische Kulturgeschichte, Bde. V–VIII der «Gesammelten Werke», Basel, Darmstadt und Berlin

1955 ff.); применяется сокращение GK 1-4. Если такие места невозможно было установить, привлекались подобные из сохранившегося конспекта Луиса Кельтерборна; однако возможно, что некоторые фрагменты возникли на основании мест из конспекта Баумгартнера, которые не удалось установить ни по изданию произведений Буркхардта, ни по конспекту Кельтерборна.

Вот только ... искажений. – Ср. у Буркхардта: «Относительно древних греков со времени великого подъема немецкого гуманизма принято было считать, что, принимая во внимание их воинственный героизм и гражданственность, их искусство и поэзию, их прекрасную страну и ее климат, они были счастливыми людьми, и стихотворение Шиллера "Боги Греции" обобщает их предполагаемое состояние в образе, который не утратил своего очарования и сегодня... Это одна из величайших фальсификаций исторического суждения, которая когда-либо предпринималась...», GK 2, 348.

5 [61] Ср. 12 [22]; ЧСЧ (СМИ), 224.

5 [62] Ср. 3 [51].

5 [66] Ср. 5 [122]; Буркхардт GK 1, 28.

Это – против Вольфа. – Ср. 3 [7].

5 [69] ... *у Сапфо призывающей Афродиту* ... — Ср. Poetarum Lesbiorum Fragmenta: Carminum Sapphicorum Fr. 1. 2.

5 [70] В книге Буркхардта об этом сказано: «Поэтому они со своими творениями и своим искусством выступают, по существу, как гениальный народ на земле, со всеми ошибками и страданиями такового» (GK 1, 12).

... *темпераменте* — Об этом у Буркхардта: «Все своеобразие греческого пессимизма видно на фоне решительного оптимизма греческого темперамента...» (GK 2, 363). В конспекте Кельтерборна: «Религия и рефлексия были пессимистическими, но темперамент оптимистическим; отсюда неслыханная продуктивность... Народ был полон эластичной, пружинящей силы, отсюда живой, оптимистический темперамент, постоянно побуждавший к новым деяниям. Мировоззрение же было совершенно пессимистическим».

5 [73] Ср. ШопМВП 2, 433.

5 [74] Ср. там же, 434, 437.
5 [75] Ср. там же, 438.
5 [76] Там же.
5 [77] Ср. там же, 442.
5 [79] Ср. там же, 445.
5 [80] Там же.
5 [81] Ср. там же, 446.
5 [82] Ср. там же, 447.
... *nugari* ... — Ср. 3 [72]
5 [83] Ср. ШопМВП 2, 448.
5 [100] Ср. 5 [179].
5 [105] Ср. 16 [8].
... *как тяжело живется* ... — Ср. 3 [19].
5 [106] Ср. 3 [31]; 19 [2].
5 [108] Ср. РВБ, 10.
5 [109] *Гёте... поэт-филолог* – Ср. 5 [17].
... *как «Орестея» на Вагнера.* — Ср. 12 [1] и прим.
5 [110] *Бентли... defensor fidei (защитником веры).* — Ср. 3 [37]; Ницше имеет в виду работу Бентли «Опровержение атеизма» (Confutation of Atheism, 1694).
5 [115] ... *желание выдумывать* — ср. Гёте, Кроткие ксении, кн. 6.
5 [117] Ср. 18 [48].
5 [118] Ср. ЧСЧ, 154.
5 [120] Ср. 20 [7].
5 [122] Ср. 5 [66].
5 [125] ... *значение античности в Германии* — Н. приводит название первой статьи в книге Отто Яна «Из научных работ о древности. Популярные статьи» (Otto Jahn, Aus der Alterthumswissenschaft. Populäre Aufsätze, Bonn 1868).
5 [126] Ср. с местом в конспекте Кельтерборна, где сказано: «Абсолютно неверно думать, будто греки были люди целиком посюсторонние и вообще мало беспокоились о потустороннем».
5 [128] Ср. с конспектом Кельтерборна: «Мы никогда не узнаем, сколь часто высокоодаренное, страстное себялюбие преодолевалось и ставилось на службу общему».
5 [131] Ср. 12 [28].
5 [141] Ср. ЧСЧ, 378.
5 [146] Ср. ЧСЧ, 261, 158, 262; ЧСЧ(СМИ) 220.
5 [150] Ср. 5 [139]; ЧСЧ, 114.

5 [152] Нумерация сделана Ницше позднее.
5 [158] Ср. 19 [120].
5 [162] Ср. ЧСЧ, 148.
5 [163] Ср. ЧСЧ, 108.
5 [164] ... *в «помощи ближнему и доброте»* ... — Ср. стихотворение Гёте: «Божественное» (Das Göttliche).
5 [165] ... *Гомер ... событие* — Ср. ЧСЧ, 262.
5 [166] ... *наихудший народ* — Ср. 17 [20].
... *с необходимостью* – Ср. 11 [1].
5 [175] Ср. 23 [82].
5 [179] Ср. 5 [100]; 5 [197].
5 [185] Черновой вариант к ЧСЧ, 234; позже добавлено заглавие: «19. Значение середины пути».
5 [186] Ср. 9 [1].
5 [188] Черновой вариант к ЧСЧ, 235; позже добавлено заглавие: «18. Fatum tristissimum».
5 [190] Черновой вариант к ЧСЧ, 619; позже добавлено заглавие: «15. Преимущество презираемого».
5 [193] Ср. 18 [47].
5 [194] Ср. ЧСЧ, 233 .
5 [196] Черновой вариант к ЧСЧ, 125; ср. 8 [6]; 11 [18].
5 [198] Ср. 18 [46].
5 [199] Ср. 18 [46].
5 [200] Ср. ЧСЧ, 474.

6. Лето (?) 1875

Тетрадь U II 8 c

6 [4] *Нужно одно* — Ср. Евангелие от Луки, 10: 42.
6 [6] ... *все — ложь* — Ср. ТГЗ: «Нет истины, всё дозволено» (слова Тени в главе «Тень». ПСС. т. 4., с. 275, стр. 34). В черновых записях 1884 г. это изречение гласит: «Все ложно! Все дозволено!»
6 [14] ... «*мерзкого притязания на счастье*» ... — Ср. с письмом Йоганна Генриха Мерка (осень 1777), которое цитировал Шопенгауэр в ШопП 1, 434 сл.: «Мерзкое притязание на блаженство, причем на ту его меру, о которой можно только мечтать, портит все в этом мире».

6 [32] «*...чего люди желают для самих себя*» — Цит. по немецкому переводу «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида; книга находилась в библиотеке Ницше.

6 [34] ... *кажущаяся преднамеренность судьбы* ... — Ср.: ШопП 1, 215 сл.

6 [38] Ср. 6 [49]; 6 [50].

6 [44] ... *Аидовы тени греческой сущности* — Ср. 6 [10].

6 [48] *Лихтенберг* — Ницше приводит цитату из книги Г.К. Лихтенберга: «Некоторые обстоятельства жизни капитана Джеймса Кука, большей частью заимствованные из письменных сообщений его знакомых» (*G.Chr. Lichtenberg*, Einige Lebensumstände von Capt. James Cook...).

7. 1875

Папка Mp XIII 6 a

7 [3] Ср. 2 [3].

7 [4] Вероятно, это слова к «Гимну дружбе». В соответствующих нотных листах текст не приводится; работа над этой композицией длилась с 24 апреля 1873 по 29 декабря 1874 года; приводится также метрическая схема.

7 [5] Ср. 3 [31].

8. Лето 1875

Тетрадь U I 6 b

8 [2] ... *будто Мёрике – величайший немецкий лирик.* — Эдуард Мерике умер 4 июня 1875 г.; вероятно, Ницше ссылается на суждение о поэте в связи с его смертью.

8 [3] *Дюринг «Курс философии».* — Книга Евгения Дюринга (Eugen Dühring. Cursus der Philosophie als streng wissenschaftlicher Weltanschauung und Lebensgestaltung. Leipzig, 1875) приобретена 21 апреля 1875 г., сохранилась в библиотеке Ницше. Следы ее чтения — Ницше читал ее весной и летом 1875 г. и перечитывал в 1885 г.

— сохранились на первых страницах. На с. 2 подчеркнута фраза: «Философия есть развитие высшей формы сознания мира и жизни». На поле с. 5 против фразы: «При решении этой великой задачи речь идет не о том, чтобы принижать естественный нрав или, иными словами, побуждения и чувства человеческой природы ради односторонней культуры рассудка, а напротив, о том, чтобы эти естественные свойства нашего существа полностью освободить с помощью рассудка и позволить им работать в таких направлениях, где они проявят себя с наименьшими взаимными помехами» сохранилось замечание Н.: «как будто не форма нрава должна сперва появиться, чтобы ставить рассудку подобные задачи! Т.е. каким же слабым и неповоротливым должен быть нрав ("воля"), чтобы позволить руководить собой таким образом! И чего стоил бы такой мир?!». Против фразы на с. 6: «Устроение жизни, которого добивается она <философия> наряду с чисто теоретическим представлением мировоззрения, относится в значительно меньшей степени к изолированной частной морали индивидуалистического порядка, чем к социальной и политической взаимосвязи всестороннего, в первую очередь духовного, общения», — на полях замечание Н.: «Но исходить следует из индивидуума! И где оно, это *первое*!». Там же, против фразы: «Само собой разумеется, что это взаимодействие в конечном счете должно принять форму государства; но промежуточные ступени, ведущие к этой цели, могут дать множество форм, начинающихся с самых слабых связей, даже со случайных, неорганизованных литературных заявлений, и только позже приведут к упорядоченным объединениям, прежде всего в рамках обычных форм коллективных акций», — замечание Н.: «Никогда!». На с. 9 против слов: «... точно так же, как химический состав тел, к основным элементам и формам может быть сведено и общее понимание бытия», — реплика Н.: «Сомнительное сопоставление!»

Математика Райса. — Вероятно, имеется в виду Ридт, хотя в рукописи четко читается Райс. Ницше перепу-

тал здесь две книги: П. Райс. Учебник физики (P. Reis. Lehrbuch der Physik. Leipzig, 1872) и Ф. Райдт. Элементы математики (F. Riedt. Die Elemente der Mathematik. Berlin, 1868); обе эти книги приобретены 22 июня 1875 г. и сохранились в библиотеке Ницше.

8 [4] ... *прежде всего – Рихард Вагнер в Байройте*... – Здесь впервые «несвоевременное размышление о филологах» отодвинуто назад, и перед ним поставлена работа о Вагнере.

8 [6] Ср. 11 [18]; 14 [6].

8 [7] Ср. 23 [140].

9. Лето 1875

Тетрадь U III 1

9 [1] «*Вместе с поясом, фатою гибнет милая мечта*». – Из стихотворения Шиллера «Песнь о колоколе».

9 [2] Далее следуют выписки из первых 22 страниц книги Б. Стюарта «Сохранение энергии» (B. Stewart. Die Erhaltung der Energie, Leipzig 1875), приобретенной Ницше 20 янв. 1875 г. и сохранившейся в его библиотеке.

10. Лето 1875

Записная книжка N 16

10 [1] Ср. 11 [47]

10 [3] Ср. 22 [109].

10 [4] Ср. 11 [6].

10 [5] Ср. 12 [14].

10 [7] Ср. 11 [18].

10 [8] Ср. 11 [32].

10 [10] Ср. 11 [22].

10 [17] Ср. 11 [37].

10 [20] Ср. 4 [5].

10 [21] Девиз, написанный внутри маленького, напоминающего герб рисунка Ницше; ср. ТГЗ III, Странник.

11. Лето 1875

Тетрадь U II 9 и папка Mp XIII 4, 6-8. 47

11 [4] Ср. 5 [143]; 14 [4].
11 [6] *Эмпедокловскую.* – Ср. 11 [5].
11 [8] Ср. 11 [15]; 14 [9].
11 [9] Ср. 14 [9].
... *«варварские преимущества»* ... – ср. Гёте: Замечания о лицах и предметах, упомянутых в диалоге «Племянник Рамо».
11 [10] Ср. 27 [69]; 30 [147]
Зигфрид рассказывающий... – имеется в виду эпизод из 3-го акта музыкальной драмы Вагнера «Гибель богов».
11 [11] Ср. 28 [6]; 28 [8]; 28 [9].
Нирмсдорф – село, где был священником старший сводный брат отца Ницше, Фридрих Август Энгельберт Ницше (1785–1858); об этом Ницше писал уже в своей ранней автобиографической заметке «Из моей жизни» (1858): «Я помню также о своем пребывании в Нирмсдорфе, где пастором был блаженной памяти милейший дядюшка. Я хорошо помню также, как вечерняя луна освещала мою постель, и я видел перед собой золотистый луг, залитый серебряным светом луны; помню, как тетя Августа говорила: “Взошла луна, и звезды заблистали”» (цитата из «Вечерней песни» Маттиаса Клаудиуса).
Плауэн – Ницше был там в 1853 и 1857 гг.
Поблес – ср. 28 [8].
Под Наумбургом... ср. 28 [6].
... *«Благословенного» Хёльти* – во время одного из визитов Н. в Поблес тамошний пастор, его дедушка Давид Эрнст Олер (1789–1659) объяснял ему стихотворение Людвига Кристофа Генриха Хёльти «Сельская жизнь», первая и последняя строфы которого начинаются словами «Благословен из города бежавший».
Близ Бонна ... – В октябре 1864 г. Ницше вместе с Паулем Дойсseном ездил в Бонн к его родителям, откуда 16 октября (спустя день после двадцатилетия Ницше) они пешком отправились в Нойвид, где речка Вид впа-

дает в Рейн; ср. письмо Ницше родным, написанное в октябре 1864 г; ср. также письмо Ницше к Герсдорфу от 11 октября 1866 г.: «Некоторые дни были такими мягкими и солнечными, что я не переставая вспоминал то единственное и безвозвратное время, когда, впервые освободившись от школьного гнета, в вольном гордом предчувствии неисчерпаемого в своих возможностях будущего впервые увидел Рейн». (НП, 40).

... *Вид (?)* ... — Знак вопроса означает, что Ницше не был уверен, так ли действительно называется речка, ср. 28 [8].

«... *на своей лире*» – Строка из народной песни (по Цооцману).

11 [13] Ср. 12 [6].

11 [29] *Объясняя Шекспира, Вагнер указал* ... – Ср. Р. Вагнер. О назначении оперы: «Во всяком случае мы думаем, что действительно облегчим решение чрезвычайно сложной задачи, если будем рассматривать шекспировскую драму как фиксированную мимическую импровизацию наивысшего поэтического значения...»

...*слышно, как ползет жаба!* – Имеется в виду третья сцена музыкальной драмы Р. Вагнера «Золото Рейна».

11 [31] *Вагнер совершенно прав*... — Ср. Р. Вагнер. Введение к третьему и четвертому томам: «Там, где в былые времена искусство молчало, появилась государственная мудрость и философия; а там, где сегодня кончается мудрый государственный деятель и философ, снова начинается художник».

11 [32] ... *у него было отнято его лучшее средство объясниться – пример.* – Ср. Р. Вагнер. Предисловие к «Произведению искусства будущего»: «Не тщеславие, а настоятельная потребность сделала меня — на короткое время — писателем... я отдал предпочтение стремлению продемонстрировать свою волю только творческими свершениями. То, что мне этого никогда не удавалось добиться полностью, подтверждает мой вывод: не *одиночка*, а лишь общность в состоянии совершать неоспоримо осмысленные, действительно художественные деяния. Понять это и при том *не* отказываться от надежды, означает следующее: необходимо от самого

основания возмутиться нашим искусством и нашими условиями жизни. С тех пор как у меня появилось необходимое мужество возмущаться этим, я решил стать еще и *писателем*».

11 [35] ... *потребность делиться...* — Ср. Р. Вагнер. «Сообщение моим друзьям»: «Но и в этом направлении мной руководило только одно стремление, а именно, по возможности ясно и понятно сообщать другим увиденное мной...».

... *чего только не именуют утопиями смирные люди* ... – Ср. Р. Вагнер. «Искусство и революция»: «Утопии! Утопии! — слышу я крики так называемых практичных людей, великих мудрецов и восхвалителей нашего современного варварства в делах государства и искусства... "Прекрасный идеал, который... к сожалению... недостижим!" Так вздыхает добродушный мечтатель...»

11 [50] ... *о праве на фантазию, Эккерман* — Ницше ссылается на следующие слова Гёте (5 июля 1827 г.): «... французам помешает их рассудок, и они не подумают о том, что у фантазии есть свои законы, к которым рассудок не может и не должен подступаться...»

11 [51] Сверху, над началом фрагмента, в черновике слова: «Другие звуки, и более радостные». Ср. начальные фразы речитатива Девятой симфонии Бетховена.

12. Лето — конец сентября 1875

Тетрадь U II 10, папка Mp XII 4, 13 – 46

12 [1] *Влияние Орестеи* – ср. 5 [109]; Р. Вагнер об Орестее в книге «Моя жизнь»: «Благодаря такому самоотречению и некоторому содействию я добился того, чтобы в это лето [1847 г.], наслаждаясь почти абсолютной уединенностью и большими удобствами, предоставленными мне в моем новом жилище, сохранить настроение, в высшей степени благоприятное для завершения "Лоэнгрина". Еще никогда не испытываемую мной радость этому настроению придавали, наряду с работой над этим сочинением, мои усердные... занятия. Впервые

с созревшим чувством и умом я освоил Эсхила. В особенности убедительные дидаскалии Дройзена помогли мне так ярко вообразить себе картину афинских постановок трагедий, что я смог с неслыханной до тех пор проникновенной силой ощутить воздействие “Орестеи” ... Ни с чем не сравнимым возвышенным потрясением был для меня “Агамемнон”. До финала “Евменид” я пребывал в состоянии восхищения, из которого я уже никогда полностью не возвращался к примирению с современной литературой. Мои идеи о значении драмы и прежде всего театра в решительной степени сложились под влиянием этих впечатлений».

12 [11] Ср. 11 [37]; 12 [12].

12 [12] Ср. 11 [45]; 12 [11]; 11 [37].

12 [14] *Революционер на благо театра!* – Ср. Р. Вагнер. Сообщение моим друзьям: «Таким образом я, исходя из точки зрения художника, а также на уже упоминавшемся пути размышлений о преобразовании театра, пришел к тому, что оказался в состоянии полностью осознать необходимость надвигавшейся революции 1848 года... Я подчеркиваю это, как бы пóшло не отреагировали на мои слова те, кто в насмешку называют меня “революционером на благо театра”...»

12 [19] *Опровержение его сомнений Бетховеном: невинность.* – Ср. Р. Вагнер. «Бетховен»: «То же самое стремление сконструировать доброго человека, руководившее разумным познанием Бетховена, направляло его при создании мелодии этого доброго человека. Мелодии, которая, будучи использованной музыкантами, потеряла свою невинность, он хотел возвратить эту невинность... Иногда это шотландская, иногда русская, иногда старофранцузская народная песня, в которой он узнавал взыскуемое благородство невинности... Но ему надо было найти изначальный тип невинности, идеального “доброго человека” своей веры...».

Предчувствие Шиллера. – Ср. «Призыв к немцам» Ницше (1873): «Удивительное предчувствие Шиллера... что когда-нибудь из оперы, возможно, разовьется трагедия в более благородной форме...» Ср. также Вагнер в «Бетховене»: «Оба сходились в предчувствии сущности

музыки; только у Шиллера это предчувствие сопровождалось более глубокой точкой зрения, чем у Гёте, который, в соответствии со своей тенденцией, воспринимал в ней только привлекательные, пластически симметричные элементы художественной музыки... Шиллер глубже воспринимал затронутую здесь проблему в суждении, с которым был согласен и Гёте и которое полагало, что эпос больше склоняется к пластике, а драма к музыке...» Ср. также письмо Шиллера к Гёте от 29 декабря 1797 г.

12 [21] Ср. 5 [119].

12 [22] Черновой вариант к ЧСЧ, 224.

12 [27] Ср. 12 [24]; 11 [15]; 11 [58]; 12 [26]; 12 [19].
...писать о том, чем страдаю. – Ницше вслед за Вагнером цитирует в данном фрагменте в слегка измененном виде эпиграф к «Мариенбадской элегии» Гёте.

12 [28] Ср. 12 [18]; 12 [24]; 12 [19]; 12 [25].
Хиллебрандт со своими надеждами смешон. – Хиллебрандт выразил свои «надежды» в работе «Двенадцать писем эстетического еретика» (K. Hillebrandt. Zwölf Briefe eines ästhetischen Ketzers, Berlin 1874). Восхищение Ницше этой работой Хиллебрандта встретило резкое неодобрение Рихарда Вагнера и Козимы Вагнер. Так, 20 марта 1874 г. Козима писала Ницше: «По вашей рекомендации я прочитала сочиненьице Хиллебрандта, порадовалась верности его воззрений, но многое нашла достойным порицания... Кроме того, я считаю, что все сочинение построено на ложной основе... И его образовательные надежды кажутся мне весьма мелочными; эти надежды, без сомнения, возникли под влиянием “Рождения трагедии”, “Оперы и драмы”, “Искусства и политики” и т. п., но у него недостает духовной силы присоединиться к надеющимся на это, и он резервирует для себя местечко, которое выглядит совсем как угол, куда забирается обиженный».

12 [30] *Гёте всю свою деятельность именует символической.* – Ср. разговор Гёте с Эккерманом 2.5. 1824 г.: «Все, что я ни делаю, представляется мне символическим, и мне в принципе все равно, делаю ли я горшки или миски».

14. С осени 1875 до весны 1876

Папка Mp XIII 4, 9–12

14 [8] Окончательный план РВБ.

15. Весна 1876 (?)

Тетрадь U II 11

15 [5] до 15 [14]: к запланированному дополнению к «Несвоевременным размышлениям», ср. 16 [12]; номера страниц в 15 [5] указаны по книге Д.Ф. Штрауса «Старая и новая вера», имеющейся в библиотеке Ницше.
15 [7] Ср. ПСС, т. 7, 27 [8].
«нищие духом» – ср. Евангелие от Матфея, 5:3.
15 [8] Ср. ПСС, т. 7, 27 [11].
15 [9] Ср. 2 [125]; ПСС, т. 7, 27 [10].
15 [10] Ср. ПСС, т. 7, 27 [29].
15 [11] Ср. Первое послание к Коринфянам, 13:2; ср. ПСС, т. 7, 27 [35].
15 [12] Ср. ПСС, т. 7, 27 [51].
15 [13] Ср. ПСС, т. 7, 27 [66].
15 [14] Ср. 19 [63]; ПСС, т. 7, 27 [72].
15 [15] до 15 [26] Ср. 8 [4].
15 [27] *«стиль нечистого мышления»* — ср ЧСЧ, 151; 17 [79].

16. 1876

Записная книжка N II 1

16 [3] Ср. 17 [61].
16 [8] Ср. 17 [85]; 17 [74].
16 [9] Вычеркнуто Ницше.
16 [13] Ср. ЧСЧ, 589; 19 [9].
16 [17] Ср. ЧСЧ, 392.
16 [18] Ср. 18 [25]; написано в дни пребывания в Байройте.
16 [19] Бэкон цитируется по книге Р.В. Эмерсона «Новые эс-

се» (R.W. Emerson, Neue Essays (Letters and social aims), Stuttgart, 1876), имеющейся в библиотеке Ницше.

16 [21] Ср. ЧСЧ, 151; 17 [1].
16 [31] Ср. ЧСЧ, 388.
16 [32] Ср. 19 [24].
16 [34] Ср. ЧСЧ, 206.
16 [35] Ср. 20 [10].
16 [37] Ср. 19 [13].
16 [39] Ср. 17 [48].
16 [47] Ср. 17 [42].
16 [50] Ср. 7 [39].
16 [51] Ср. 17 [41]; рядом приписаны слова: «поэтому *несвоевременно*!»

17. Лето 1876

Тетрадь U II 5b

17 [1] Ср. ЧСЧ, 151, ЧСЧ, 279; 17 [16]; 17 [18]; 17 [32]; 17 [79].
17 [6] Ср. 18 [34].
17 [7] Ср. 18 [34].
17 [8] Ср. ЧСЧ, 628.
17 [14] Черновой вариант к ЧСЧ, 335. Ср. 18 [32].
17 [15] Ср. ЧСЧ, 549.
17 [16] Ср. 17 [1]; 16 [53].
17 [18] Ср. ЧСЧ, 151; 17 [1].
17 [19] Черновой вариант к ЧСЧ(СМИ), 95. Ср. 5 [166].
17 [20] Ср. 5 [166].
17 [22] Ср. 22 [48].
17 [31] Приводится в письме Эрвину Роде. Ср. НП, с. 123.
17 [32] Ср. 17 [1].
17 [34] Ср. ЧСЧ, 619; 5 [190].
17 [39] Ср. 16 [50].
17 [41] Ср. 16 [51].
17 [42] Ср. 16 [47].
17 [47] Ср. 18 [12].
17 [48] Ср. 16 [39].
17 [49] Ср. ЧСЧ, 267; 19 [75].
17 [50] Ср. 16 [45].

17 [51] Ср. 18 [22].
17 [53] Черновой вариант к ЧСЧ, 285.
17 [54] То же.
17 [55] То же.
17 [56] Ср. 18 [17].
17 [57] Ср. 18 [16].
17 [61] Ср. 16 [3].
17 [64] Ср. 18 [11].
17 [66] Ср. ЧСЧ, 637.
17 [70] Ср. 18 [61]; ЧСЧ(СМИ), 288.
17 [72] План к «Лемеху плуга».
17 [74] Ср. 16 [8]; 17 [85].
17 [77] Ср. ЧСЧ(СМИ), 98; 28 [35].
17 [78] Ср. 18 [61].
17 [79] Ср. ЧСЧ, 151; 7 [1].
17 [80] Ср. 20 [1].
17 [84] Ср. 16 [27]; 17 [25].
17 [85] Ср. 16 [8]; 17 [74].
17 [96] Ср. 18 [19].
17 [97] Ср. 18 [7].
17 [98] Ср. 18 [52].
17 [100] Ср. 18 [58].
17 [101] Ср. 18 [51].
17 [102] Ср. 18 [53]; 18 [56].
17 [103] Ср. 23 [81]; ЧСЧ, 611.
17 [104] План к «Лемеху плуга».
17 [105] То же.

18. Сентябрь 1876

Рукопись M I 1 (Gast)

18 [1] См. прим. к ПСС т. 7, 1 [30].
18 [11] Ср. 17 [64].
18 [12] Ср.17 [47].
18 [16] Ср. 17 [57].
18 [17] Ср. 17 [56].
18 [18] Ср. ЧСЧ, 83; 17 [92].
18 [19] Ср. ЧСЧ, 475; 7 [96].

... избавляться от ... отдельных каст угнетателей ... — после этой фразы в черновике следует: «Но это движение, которое не может остановиться. Им движет не "раса", а выгода. Единственный представляющий расу народ, евреи, не затронут этой образующей государства тенденцией — у них есть своя выгода».

18 [21] Ср. 23 [152]. В черновике: «Христианство и Ларошфуко были правы, осуждая человеческие мотивы: понять это совершенно необходимо, чтобы освободиться от сильных желаний».

18 [22] Ср. 17 [51], СЕТ, 203.

18 [25] Ср. 16 [18].

18 [28] В черновике: «Слова Гёте: "Зверь живет и в ракушке"».

18 [30] Ср. 16 [7].

18 [33] Ср. 5 [161]; ЧСЧ, 108.

18 [34] Ср. 17 [6].

18 [37] Ср. ЧСЧ, 378.

18 [38] Ср. ЧСЧ, 393.

18 [42] Ср. ЧСЧ, 539; 18 [8].

18 [46] Ср. 5 [198].

18 [47] Ср. 5 [193].

18 [48] Ср. 5 [117].

18 [51] Ср. ЧСЧ, 66; 17 [101].

18 [52] Ср. 17 [98].

18 [56] Ср. ЧСЧ, 568; 17 [102].

18 [57] Ср. 19 [41].

18 [60] Ср. 31 [7].

18 [61] Ср. 17 [70]; 17 [78].

19. Октябрь–декабрь 1876

Тетрадь U II 5c

19 [1] по 19 [6] — написано рукой Пауля Рэ с исправлениями Ницше.

19 [2] Ср. 3 [31]; 5 [106].

19 [10] Ср. ЧСЧ, 226.

19 [11] Ср. ЧСЧ, 598.

19 [13] Ср. ЧСЧ, 381; 16 [37].

19 [17] Ср. 20 [8]; 21 [81].
19 [18] После ... *сплетет себя снова сама*... вычеркнуто: «имеет странный характер, ее можно полностью осмыслить, но она снова и снова ловит человека в свои сети; периодически она бывает неизлечимой».
19 [24] Ср. 16 [32].
19 [25] Ср. 22 [103]; ЧСЧ, 372.
19 [41] Ср. 18 [57]; 19 [39]. Черновой вариант: «Движущим мотивом этики Шопенгаэура является боязнь недвусмысленно высказаться в пользу самоубийства».
19 [43] Ср. ЧСЧ, 546.
19 [44] То же.
19 [45] Черновой вариант к ЧСЧ, 583.
19 [47] Ср. ЧСЧ(СМИ), 170.
19 [49] Черновой вариант к ЧСЧ, 198.
19 [54] Ср. ЧСЧ, 596.
19 [61] Ср. ЧСЧ(СМИ), 181.
19 [62] Ср. СЕТ, 199; 15 [14].
19 [64] Ср. ЧСЧ, 482 и прим.
19 [66] Попытка скомпоновать материалы, входящие в данном издании в 18-ю (материалы к планировавшемуся произведению «Лемех плуга») и 19-ю группы.
19 [67] Ср. 5 [194].
19 [89] Ср. ЧСЧ, 224.
19 [94] Ср. ЧСЧ, 120.
19 [99] Имеется в виду книга Филиппа Майнлендера «Философия искупления», вышедшая в 1876 году, экземпляр которой сохранился в библиотеке Ницше.
19 [103] Ср. 5 [175]; 23 [82].
19 [104] Ср. ЧСЧ, 436; 19 [110]; 23 [10].
19 [106] Ср. ЧСЧ, 73.
19 [107] Ср. 23 [144].
19 [110] Ср. 19 [104]; 23 [10].
19 [117] Ср. Гёте. Максимы и размышления: «Если мне приходится выслушивать мнение другого человека, оно должно быть позитивным; проблематичного хватает во мне самом».
19 [119] Ср. ЧСЧ, 35; 22 [15].
19 [120] Ср. 17 [1]; 17 [79].

20. Зима 1876–1877

Папка Mp XIV 1 a (Brenner)

20 [1] Ср. 17 [80].
20 [2] Ср. 19 [39].
20 [7] Ср. 5 [120].
20 [8] Ср. 19 [17].
20 [10] Ср. 16 [35].
20 [12] Ср. 5 [188].
20 [14] Ср. ЧСЧ, 351.
20 [15] Ср. ЧСЧ, 304.
20 [19] Ср. 20 [21]; 28 [27].

21. Конец 1876 – лето 1877

Записная книжка N II 3

21 [1] Ср. 22 [131].
21 [21] В книге Л. Ф. Бернулли «Франц Овербек и Фридрих Ницше» содержится рассказ Овербека об этом сне про жабу: «Однажды он рассказал соседке по столу: “Недавно мне снилось, будто моя рука, которую я положил на стол, вдруг стала прозрачной, как стекло; я четко различал в ней кости, ткани, игру мускулов. Внезапно я увидел сидевшую на моей руке толстую жабу и почувствовал неудержимое желание проглотить ее. Я преодолел свое ужасное отвращение и проглотил ее”. Молодая женщина рассмеялась. “Что же тут смешного?” – спросил Ницше с ужасной серьезностью, остановив на девушке свой наполовину вопрошающий, наполовину печальный взгляд». Ср. 28 [42].
21 [23] Ср. 21 [66]; 23 [159].
21 [25] Ср. ЧСЧ, 340.
21 [26] Ср. 23 [106].
21 [27] Ср. 23 [109].
21 [30] Ср. ЧСЧ, 35.
21 [31] Ср. ЧСЧ, 102, 104.
21 [36] Ср. ЧСЧ, 94; 23 [109].

21 [38] Ср. ЧСЧ, 13.
21 [39] План для публикации ЧСЧ под псевдонимом. В конце зачеркнут пункт «История».
21 [40] Ср. ЧСЧ, 566.
21 [41] Ср. 23 [21].
21 [43] Ср. 23 [25].
21 [44] Ср. ЧСЧ, 257.
21 [46] Ср. ЧСЧ(СМИ), 31.
21 [47] Ср. ЧСЧ, 500.
21 [48] Ср. ЧСЧ(СМИ), 208.
21 [49] Ср. 23 [147].
21 [53] Ср. ЧСЧ, 251.
21 [56] Ср. 23 [145]; ЧСЧ, 272.
21 [61] Ср. 23 [65]; ЧСЧ, 630.
21 [63] Ср. 23 [136].
21 [66] Ср. 21 [23]; 23 [159].
21 [70] Ср. ЧСЧ, 28.
21 [72] Ср. ЧСЧ, 99.
21 [73] Ср. ЧСЧ, 102.
21 [74] Ср. ЧСЧ, 27.
21 [76] Ср. ЧСЧ, 241.
21 [77] Ср. ЧСЧ(СМИ), 90.
21 [81] Ср. 19 [17].
21 [84] По-видимому, соотносится с ЧСЧ, 292, которым Ницше поначалу намеревался закончить свое произведение.

22. Весна–лето 1877

Записная книжка N II 2

22 [4] Ср. ЧСЧ(СМИ), 121.
22 [5] Ср. ЧСЧ, 49; 23 [54].
22 [6] Ср. ЧСЧ, 594.
22 [10] Ср. 8 [4]; 21 [82].
22 [15] Ср. ЧСЧ, 35.
22 [16] Ср. ЧСЧ, 472.
22 [20] Ср. ЧСЧ, 134, 135; 21 [80].
22 [21] Ср. ЧСЧ, 473, 308.
22 [25] Ср. ЧСЧ(СМИ), 126; 23 [138]; 23 [190].

22 [27] Ср. ЧСЧ, 292; 23 [160].
22 [33] Ср. ЧСЧ, 16; 23 [125].
22 [34] *Саламанкская пещера* – интермедия Мигеля Сервантеса.
22 [39] Ср. ЧСЧ, 152.
22 [41] Перечеркнуто Ницше.
22 [43] Ср. ЧСЧ, 69; Евангелие от Матфея, 5:45.
22 [45] Ср. ЧСЧ, 628; 23 [197]; 22 [55].
22 [47] Ср. ЧСЧ, 599.
22 [48] Ср. 17 [22].
22 [57] Ср. 22 [58]; 22 [113]; 23 [3].
22 [58] Ср. 22 [57]; 22 [113]; 23 [3].
22 [59] Ср. ЧСЧ, 292.
22 [60] Ср. ЧСЧ, 365.
22 [61] Посвящение Мальвиде фон Мейзенбуг.
22 [62] Ср. ЧСЧ, 13.
22 [63] Ср. ЧСЧ, 414, 416.
22 [64] Ср. ЧСЧ, 205.
22 [72] Взаимосвязь неясна: Д.Ф. Штраус был также автором произведений об Ульрихе фон Гуттене и Вольтере; возможно, для запланированного нового издания «Несвоевременных размышлений»? Ср. 22 [48].
22 [73] Ср. ЧСЧ, 625.
22 [74] Ср. ЧСЧ, 11.
22 [77] Ср. ЧСЧ, 160.
22 [78] Имеется в виду «Прометей» поэта Зигфрида Липинера.
22 [81] Ср. 24 [10]. Набросок посвящения Якобу Буркхардту.
22 [89] Посвящение неизвестной, вероятно, Луизе Отт (см. НП, с. 124–126) или Изабелле фон дер Пален; набросок письма к ней есть в той же записной книжке, из которой в данном издании сформирована 22-я группа фрагментов: «Это было на вокзале в Турине, когда я в смутных выражениях обещал Вам что-то (ибо я боюсь говорить о еще не родившихся детях). Короче: я имел тогда в виду эту книгу. Прошу Вас принять ее как меня самого, Вашего случайного попутчика, и благоволите — — — фр. ф. д. Пален».
22 [90] Ср. ЧСЧ, 477; 23 [154].
22 [92] Посвящено Рихарду и Козиме Вагнер, в слегка измененном виде приведено в биографии Ницше, написанной Элизабет Фёрстер-Ницше.

22 [96] Ср. ЧСЧ, 292; 21 [84].
22 [101] Ср. 23 [114].
22 [103] Ср. ЧСЧ, 372; 19 [25].
22 [105] Ср. ЧСЧ, 373.
22 [107] Ср. ЧСЧ, 37; 23 [114].
22 [109] Ср. 10 [3].
22 [110] Ср. ЧСЧ, 216.
22 [113] Ср. 22 [57]; 22 [58]; 23 [3].
22 [119] Этот и последующие поэтические фрагменты 22 [119] — 22 [127]; 22 [129]; 22 [130]; 22 [132] трактуют тему «Слепой у дороги. Душа не подает признаков»; см. 23 [197].
22 [131] Ср. 21 [1].
22 [135] Ср. 23 [197], а также 40 [2]?

23. Конец 1876 – лето 1877

Папка Mp XIV 1 b

23 [3] Ср. 22 [57]; 22 [58]; 22 [113].
23 [10] Ср. 19 [110].
23 [13] Ср. 23 [114]; ЧСЧ, 132
23 [15] Ср. ЧСЧ(СМИ), 179.
23 [19] Ср. ЧСЧ, 2; ЧСЧ(СМИ), 5.
23 [21] Ср. ЧСЧ, 40, 519.
23 [25] Ср. 25 [1].
23 [34] Ср. ЧСЧ, 141, 135.
23 [37] Ср. ЧСЧ, 271; ЧСЧ(СМИ), 33.
23 [38] Ср. ЧСЧ, 629–637.
Винклер — имеется в виду Пауль Винклер, ср. 23 [158].
23 [40] Ср. ЧСЧ(СМИ), 18.
... его родственники ... — работы Лихтенберга были изданы сначала его братом Л.К. Лихтенбергом (в 1799–1800 г. г.), а затем его сыновьями К.В. и Г.К. Лихтенберг (1843–1846).
23 [41] Ср. ЧСЧ, 37; 23 [75]; 23 [161]; 23 [152].
... автора этих психологических наблюдений ... — имеется в виду Пауль Рэ.
23 [43] Ср. ЧСЧ(СМИ) 181; 36 [2].

23 [45] Ср. ЧСЧ(СМИ) 320.
23 [46] ... *Шопенгауэр хочет...* – Ср. у Шопенгауэра: «Причина ужаса и испуга ... при виде этих животных ... должно быть ... связана с гораздо более глубокими, метафизическими и таинственными вещами» (ШопП 2, 457).
23 [47] Ср. ЧСЧ, 36; 23 [41].
23 [48] Ср. ЧСЧ(СМИ), 323.
23 [52] Ср. ЧСЧ, 215.
23 [61] Ср. 23 [181].
23 [66] Ср. 28 [21].
23 [68] Ср. СЕТ, 326.
23 [69] Ср. ЧСЧ, 381.
23 [72] Ср. ЧСЧ, 378.
23 [82] Ср. 5 [175]; ЧСЧ, 517.
23 [84] Ср. ЧСЧ, 145, 155.
23 [85] Ср. ЧСЧ, 23.
23 [87] Ср. ЧСЧ, 96.
23 [94] Ср. ЧСЧ, 242; ЧСЧ(СМИ) 179, 180, 181.
23 [96] Ср. ЧСЧ, 96.
23 [99] Ср. ЧСЧ, 131.
23 [100] Ср. ЧСЧ(СМИ), 323; 23 [145].
23 [111] Ср. СЕТ, 215.
23 [112] Ср. ЧСЧ, 236.
23 [114] Частично переработано для ЧСЧ, 37, 38. Ср. 22 [107].
23 [125] ... *более строгие логики* ... – Ницше имеет в виду работу А. Шпира «Мышление и действительность» (A. Spir, Denken und Wirklichkeit).
23 [130] ... *сущность актерства* ... – Ср. 11 [29].
23 [136] Ср. 21 [63].
23 [138] Ср. ЧСЧ(СМИ), 126; 23 [190]; 22 [25].
23 [140] Ср. 8 [7].
23 [142] *Гёте находил ... у Шиллера* – Ср. сказанное Гёте Эккерману 18 января 1825 г.
23 [144] Ср. 19 [107].
23 [145] Ср. ЧСЧ, 272; 21 [56]; 23 [100].
23 [146] Ср. ЧСЧ, 176.
23 [152] Ср. 18 [21]; 23 [41]; 23 [161];23 [167].
23 [154] Ср. ЧСЧ, 25.
«*поступай по отношению к другому...*» – ср. Евангелие от Матфея, 7:12.

«люби ближнего...» — ср. Левит, 19:18.

23 [158] *Пауль Винклер* – ср. «Две тысячи мудрых мыслей, собранных опытным человеком» (Zwey Tausend Gutte Gedancken zusammen gebracht von Dem Geübten), Görlitz... 1685; № 1034: «Человек мудр до тех пор / пока ищет мудрости / но когда он сочтет / что нашел ее / то становится глупцом». Ср. 23 [38].

23 [159] Ср. 21 [65].

23 [161] Ср. 23 [41]; 23 [152]; 23 [167].

23 [167] Ср. 23 [41]; 23 [152]; 23 [161].

23 [168] Ср. 23 [132].

23 [173] Ср. ЧСЧ, 164; 23 [156].

23 [181] Ср. 23 [61].

23 [184] Ср. ЧСЧ, 26.

23 [185] *Вера сдвигает горы.* – Ср. Первое послание к Коринфянам, 13:2.

23 [189] *«... становится зверем»* — См. М. Сервантес: «Дон Кихот», т. 2, гл. 11. Эти же слова Санчо Пансы цитируются в письме Козимы Вагнер к Н. от 19 октября 1869 г.

23 [190] Ср. 22 [25]; 23 [138]; ЧСЧ, 172; ЧСЧ(СМИ), 126.

23 [197] *Слепой у дороги.* –Ср. 22 [119]–22 [127]; 22 [129]; 22 [130]; 22 [132].

Ecce homunculus – Ср. 22 [135].

Колокольный звон. – Ср. 22 [45].

Alpa Alpa — ср. ТГЗ, II, Прорицатель (ПСС, т. 4, с. 141, строки 34–35). Сообщая об одной из своих встреч с Ницше летом 1877 г., Рейнхарт фон Зайдлиц пишет: «Ницше со смехом рассказывал, что ему снилась поднимающаяся в гору бесконечная тропинка; на самом верху, у вершины горы, он хотел пройти мимо пещеры, когда голос из темной глубины крикнул ему: “Альпа Альпа — кто несет свой прах на гору? ”».

24. Осень 1877

Папка Mp XIV 1 c

24 [1] Числа 1–43 относятся к афоризмам, которые частично были включены в ЧСЧ и ЧСЧ (СМИ), либо к фрагмен-

там, вписанным под такими же номерами в черновую тетрадь.

24 [2] Перечисленные в 24 [1] фрагменты здесь сгруппированы в шесть глав.

24 [3] Темы к ЧСЧ.

24 [4] Набросок плана к ЧСЧ.

24 [5] То же.

24 [7] Ср. 23 [46].

24 [10] Ср. 22 [81].

25. Осень 1877

Папка Mp XIV 1 d (Gast)

25 [1] Ср. 23 [25]; ЧСЧ, 446.

25 [2] *Мыслей игра, тебя...* – Ср. 23 [194].

27. Весна – лето 1878

Записная книжка N II 5

27 [1] Заметка для семинара по «Трудам и дням Гесиода» (зимний семестр 1878 г.)?

27 [2] 11 мая 1878 г. было совершено первое покушение на кайзера Вильгельма I. Ср. ЧСЧ(СМИ), 321.

27 [5] Ср. 30 [135].

27 [8] Ср. Послание к Римлянам, 8:28.

27 [10] *Изолировать фазы* – Ср. 27 [65]; 27 [34].

27 [12] *Эмерсон* – Ницше ссылается на немецкий перевод книги Р.В. Эмерсона «О Гёте и Шекспире».

27 [13] Ср. 30 [146].

27 [14] Ср. ЧСЧ(СМИ), 149.

27 [15] Заметки из лекций Я. Буркхардта (?). В летний семестр 1878 г. Буркхардт читал об «истории греческой культуры» и об «искусстве древности», и Ницше присутствовал на лекциях в качестве вольнослушателя.

27 [19] Ср. 39 [7].

27 [20] Ср. 31 [8].

27 [26] Ср. 28 [33].
27 [31] Ср. ЧСЧ(СМИ), 296; 28 [20]; 29 [2]; 11 [9].
27 [43] Ср. 30 [9].
...4-я <книга>... – Речь идет о «Мире как воле и представлении».
27 [45] Ср. 30 [167].
... тысячу источников... – ср. у Гёте в «Зимнем путешествии в Гарц».
27 [52] *V<ide> п<еред этим>* — т.е. 27 [13]; ср. также 27 [27]; 30 [146].
27 [57] Ср. 30 [170].
27 [69] Ср. 30 [147]; 11 [10].
27 [70] Ср. 30 [35].
27 [71] См. прим. к 27 [15].
27 [73] То же.
27 [76] Ср. 28 [28].
27 [78] Ср. 30 [153].
27 [86] Ср. 30 [167].
27 [88] Ср. 27 [63]; ЧСЧ(СМИ), 242.
27 [94] *... слова Эккермана* — См. его разговор с Гёте 29 ноября 1826 г. (о Байроне).

28. Весна–лето 1878

Записная книжка N II 6

28 [1] Ср. 30 [166]; 40 [24].
... более глубокой боли – Ср. в письме к Карлу фон Герсдорфу от 21 июня 1871 г. (НП, 82).
28 [3] *Шплюген* — там Ницше был в первой половине октября 1872 г.
28 [6] Ср. 11 [11].
Виндлюкке – возвышенность по пути из Пфорты в Бад Кёзен.
Крумме Хуфе — место на окраине Наумбурга, где было два пруда и где Ницше в детстве катался зимой на коньках.
28 [8] Ср. 1 [11].
... утрату детства — ср. СЕТ, 168, 260; ЕН, глава «Почему я так умен».

28 [9] Ср. 11 [11].

28 [10] Ср. 27 [97]. Мальвида фон Мейзенбуг писала Ольге Моно из Сорренто в феврале 1877 г.: «...мы только что возвратились после долгой поездки на ослах (т.е. Ницше и Рэ были верхом на лошадях), так как это было первое после зимы божественное утро; мы забрались в горы над заливом Салерно, откуда были видны оба залива по обе стороны местности, за калабрийскими горами, еще покрытыми снегом, что выглядело восхитительно на фоне синего неба; залив Салерно значительно южнее и синее, чем неапольский; все усеяно цветами; перед нами чудесные островки сирен, наверху, где мы сидели, нас окружила целая банда почти африканского вида загорелых ребятишек, черноглазых, белозубых, они улыбались нам, дарили цветы и под конец спели, ужасно комично, так называемую духовную песню с припевом: Viva, viva il cuor di Maria, Eviva [sic]/Dio che tanto l'amà. Не восхитительна ли эта языческая чувственность?».

28 [11] Ср. 18 [47]; 41 [2]; 42 [48].

28 [13] Ср. 11 [11]

... *среди книжников* – ср. Евангелие от Луки, 2:41-52.

28 [17] *Митрамания* – ср. 28 [34]; прим. к 28 [24].

28 [20] Ср. ЧСЧ(СМИ), 296; 9 [2].

28 [21] Ср. СЕТ, 323.

28 [23] Ср. «Зигфрид» Р. Вагнера, третий акт; по свидетельству Йозефа Панета, еще в 1884 г. Ницше говорил о своем отношении к Вагнеру, что оно заключено в словах, мелодию к которым Вагнер играл во время их первой встречи: «Ах, меня ранил тот, кто меня разбудил!» Ср. Элизабет Фёрстер-Ницше: «Жизнь Фридриха Ницше», где с большими пропусками приводятся письма Панета к своей невесте. В одной из черновых тетрадей Ницше 1869 года есть его рассказ о первом визите к Вагнеру в Трибшене: «Перед домом я долго стоял молча и слушал постоянно повторяющийся скорбный аккорд».

28 [24] *Грот Матримонио* – грот на Капри, который Ницше посетил во время своего пребывания в Сорренто; грот, собственно, назывался Митрамания или Матромания;

друг Мальвиды фон Мейзенбуг, Ф. Грегоровиус, писал об этом: «Все говорит о том, что тут была келья монастыря. Название Матромания, которое народ с неосознанной иронией переиначил в Матримонио, считая, что в этой пещере Тиберий якобы справлял свои свадьбы, происходит от "Magnae Matris Antrum" или "Magnum Mithrae Antrum". Говорят, храм был посвящен Митре не только потому, что персидского бога солнца чествовали в пещерах, но и потому, что в этом гроте был найден один из рельефов, изображающих жертвоприношение Митре. Эти рельефы изображали Митру в персидских одеяниях, стоящим на коленях перед быком, в шею которого он вонзает жертвенный нож и которого жалят змея и скорпион и кусает собака...» (Figuren, Geschichte, Leben und Szenerie aus Italien. Leipzig 1856). Ср. 28 [39]; Ницше неоднократно проявлял интерес к образу римского императора Тиберия; ср., например, ВН, 36. Особенно значимо в этой связи ПСДЗ, 55: «Жертва императора Тиберия богу Митре на острове Капри, этот самый жуткий из всех римских анахронизмов».

28 [25] Ср. прим. к 28 [24].

28 [28] Ср. 27 [76].

28 [29] Ср. ЧСЧ(СМИ), 394.

28 [31] *δεύτερος πλοῦς* — плавание на судне с гребцами в безветренную погоду, выражение употреблялось в качестве поговорки, напр. у Платона и Аристотеля; Ницше намекает на то место в ШопМВП 2, где говорится: «...страдание, как определено судьбой, является вторым путем (*δεύτερος πλοῦς*) для достижения этого отрицания <воли>; более того, можно предположить, что большинство приходит к нему только на этом пути...» (ШопМВП 2, 463).

28 [32] Ср. НП, 48–49.

28 [33] Ср. НП, 128–129.

28 [34] Ср. 28 [17] и прим. к 28 [24].

28 [37] Ср. 23 [155].

28 [39] Ср. прим к 28 [24].

28 [42] Ср. 21 [21] и прим.

28 [43] Ср. 28 [40]; 30 [53].

28 [49] Ср. ЧСЧ(СМИ), 68.

28 [59] Ср. ЧСЧ(СМИ), 377; 30 [37].
28 [60] Ср. ЧСЧ(СМИ), 49.

29. Лето 1878

Записная книжка N II 4

29 [1] Ср. 29 [15]; ЧСЧ(СМИ), 23; СЕТ, 124.
... *Гёте ощутил у Г. Клейста* ... — Ср. Гёте. Заметки Тика о драматургии: «Его <Тика> пиетет перед Клейстом представляется мне чистейшей любезностью. Во мне этот писатель, при всем моем искреннем участии к нему, всегда вызывал ужас и отвращение, как прекрасно задуманное природой тело, пораженное неизлечимой болезнью».
... *был ... излечимым* — Ср. письмо Гёте к Цельтеру от 31 октября 1831 г.: «Что до трагедии, то тут есть один щекотливый пункт. Я не рожден быть трагическим поэтом, поскольку по природе своей склонен к примирению; поэтому чисто трагический случай, который изначально должен быть непримиримым, меня не интересует, и в этом до крайности пошлом мире непримиримая позиция кажется мне совершенно абсурдной...»
29 [2] Ср. 28 [20].
29 [6] Смысл не совсем ясен; ср. письмо Ницше к Карлу Фуксу, написанное в конце июня 1878 г., в котором говорится: «Метафизические извращения в последнее время так меня возмущают, что я даже чувствую, будто мне сдавливают горло, пытаясь задушить».
29 [15] Ср. 29 [1]; СЕТ, 124.
29 [22] Ср. ЧСЧ(СМИ), 96.
29 [24] Ср. ЧСЧ(СМИ), 49.
29 [30] Ср. ЧСЧ(СМИ), 49.
29 [32] Ср. ЧСЧ(СМИ), 144.
29 [41] Ср. ЧСЧ, 372.
29 [42] Ср. прим. к 27 [15].
29 [43] То же.
29 [44] То же.

30. Лето 1878

Записная книжка N II 7

30 [3] Ницше цитирует статью Гёте «Кампания во Франции».
30 [4] То же.
30 [5] То же.
30 [8] Ср. И. Тэн. «История английской литературы». Немецкий перевод в трех томах (Лейпциг, 1878–1880), сохранился в библиотеке Ницше. Подчеркнутое Ницше место гласит: «Когда рождается истина, она подобна незаконнорожденному, ибо обрекает открывшего ее на позор...».
30 [9] Ср. 27 [43].
30 [10] Ср. Фридрих Бласс. «Аттическое красноречие» (Friedrich Blass. Die attische Beredsamkeit, Leipzig 1877).
30 [11] Цитата из лорда Брогэма по книге Ф. Бласса (см. предыдущее прим.).
30 [14] Ср. 30 [18]; 30 [20].
30 [19] Ср. 30 [150] и прим.
30 [21] Ср. прим к 27 [15].
30 [33] Ср. ЧСЧ(СМИ), 285; Гёте. «Максимы и размышления», 149.
30 [34] Ср. Гёте. «Максимы и размышления», 829.
30 [35] Ср. 27 [70].
30 [37] Ср. ЧСЧ(СМИ), 377; 28 [59].
30 [39] Ср. ЧСЧ(СМИ), 318.
30 [43] Ср. ЧСЧ(СМИ), 329.
30 [44] Ср. 30 [110].
30 [53] Ср. 28 [43]; 30 [48].
30 [63] Ср. ЧСЧ(СМИ), 70.
30 [65] Ср. прим к 27 [15].
30 [68] Ср. 30 [51]; 30 [77].
30 [74] Ср. прим. к 27 [15].
30 [75] Ср. прим к. 27 [15].
30 [79] Ср. прим. к 27 [15].
30 [80] Ср. 41 [51].
30 [84] Ср. ЧСЧ(СМИ), 124; прим. к 27 [15].
30 [88] Ср. прим. к 27 [15].
30 [89] Ср. ЧСЧ(СМИ), 101.

30 [91] *«смотри, все было очень хорошо»* – ср. Бытие, 1:31.
30 [93] Ср. ЧСЧ(СМИ), 149, 170.
30 [94] Ср. ЧСЧ(СМИ), 398; в экземпляре книги Эмерсона из библиотеки Ницше это место подчеркнуто.
30 [98] Ницше цитирует Эмерсона: «Опыты», 211.
30 [102] Ср. прим. к 27 [15].
30 [103] Это место у Эмерсона подчеркнуто Ницше.
... жизнь раба и т.д. — у Эмерсона: «Раб слез, самоунижения и страстности».
30 [104] Цитата из Эмерсона.
30 [106] Ср. прим. к 27 [15].
30 [107] Ср. ЧСЧ(СМИ), 144.
30 [114] Ср. 30 [1].
30 [117] Ср. ЧСЧ(СМИ), 407; 29 [19]; 29 [48].
30 [124] Ср. ЧСЧ(СМИ), 17.
30 [135] Ср. 27 [5].
30 [143] Ср. ЧСЧ(СМИ), 351. Цитируемые Ницше слова принадлежат не Шиллеру, а Гёте («Максимы и размышления», 45).
30 [146] Ср. 27 [13].
30 [147] Ср. 27 [69].
30 [148] Ср. 29 [51].
30 [149] Ср. ЧСЧ(СМИ), 298; 30 [167].
30 [150] Ср. ЧСЧ(СМИ), 141; 30 [19].
Дудан – неполная цитата из книги Дудана (Mélanges et lettres, Paris 1878), имеющейся в библиотеке Ницше. Полностью это место гласит: «Страсть нашего времени и последних пятидесяти лет – желание мыслить и чувствовать сверх своих сил».
30 [153] Ср. 27 [78].
30 [159] Ср. сказанное Гёте Эккерману 16 декабря 1828 г.
30 [166] Ср. 28 [1]; 40 [8]; 40 [24].
30 [167] Ср. 30 [149]; 27 [45]; 27 [86].
30 [170] *У Берлиоза...* — ср. 27 [57].
30 [178] Ср. прим. к 27 [15].
30 [179] То же.
30 [181] То же.
30 [183] Ср. ЧСЧ(СМИ), 250.
30 [188] Ср. СЕТ, 216.
30 [192] Ср. 30 [68].

31. Лето 1878

Записная книжка N I 5

31 [1] Этот и следующие фрагменты (до 31 [5]), видимо, связаны с подготовкой к семинару о Фукидиде для зимнего семестра 1878–1879 учебного года.
31 [4] Ср. УЗ, 168.
31 [7] Ср. ЧСЧ(СМИ), 320; 18 [60].
31 [8] Ср. 27 [20].

32. Осень 1878

Записная книжка N III 2

32 [2] Ср. ЧСЧ(СМИ), 350.
32 [3] Ср. ЧСЧ(СМИ), 144.
32 [4] Ср. ЧСЧ(СМИ), 27.
32 [5] Ср. ЧСЧ(СМИ), 136.
32 [13] *«сверхдуша»* – так Ницше переводит выражение «Over-Soul» из книги Эмерсона «Опыты»; Фабрициус перевел его как «высшая душа». В этом фрагменте Ницше имеет в виду подчеркнутое им место в книге Эмерсона, где говорится: «Пейзаж, фигуры, Бостон, Лондон такие же изменчивые факты, как какие-нибудь институты прошлого или как мерцание тумана или дыма; таково же и общество, таков и мир. Душа постоянно устремлена вперед, создавая перед собой новый мир и оставляя позади старые миры».
32 [14] *«... обесчеловечиться?»* – Ницше цитирует самого себя; ср. ЧСЧ, 1 (в конце).

33. Осень 1878

Записная книжка N III 4

33 [1] Ср. ЧСЧ(СМИ), 352; 28 [6]; 11 [11].

34. Осень 1878

Записная книжка N III 5

34 [6] Ср. 30 [74].
34 [7] ЧСЧ(СМИ), 222, 117.
34 [10] ЧСЧ(СМИ), 151.
34 [12] ЧСЧ(СМИ), 156.
34 [13] Ср. 39 [1].
34 [16] Ср. CET, 125.

36. Осень 1878

Папка Mp XIV 2

36 [4] В цитируемом Ницше издании (Лейпциг, 1839–1840) Виланд пишет: «Хотя во времена моего детства мне часто напоминали о разных обязанностях, но об обязанности быть немецким патриотом в ту пору говорили столь мало, что я не могу вспомнить, слышал ли я хоть раз слово "немецкий", произнесенное с пиететом ("немецкость" была тогда словом совершенно неизвестным)». «О немецком патриотизме» (1795).

39. Ноябрь–декабрь 1878

Записная книжка N I 3 с

39 [8] Ницше имеет в виду следующие книги:
Ленорман – Франсуа Ленорман. Начала культуры (François Lenormant (1837–1883), Die Anfänge der Cultur, Jena 1875).
Дункер – Максимилиан Дункер. История древности (Maximilian Duncker (1811–1886), Geschichte des Altertums, 7 Bde., Leipzig 1878–1883).
Делер – Ср. письмо Ницше к Франциске и Элизабет Ницше от 7 декабря 1878 г.: «... еще одно пожелание касательно книг: Делер, История римских императо-

ров после Домициана...». Элизабет Ницше не смогла найти эту книгу, после чего Ницше писал в письме к ней от 10 декабря 1878 г.: «...оставь поиски. Я не могу точно указать название книги. У меня уже есть четыре книги о римских императорах Бёле (в переводе Делера), от Августа до "Тита и его династии"...».
Козимо – вероятно, имеется в виду книга Альфреда фон Роймонта (Alfred von Reumont (1831–1887) «Lorenzo de' Medici il Magnifico» (Leipzig, 1874).
Штерн – Альфред Штерн. «Мильтон и его время» (Alfred Stern (1846–1936), Milton und seine Zeit. 2 Bde., Leipzig 1877).
Виллари – Паскуале Виллари (1827–1917), историк из Флоренции, друживший с Мальвидой фон Мейзенбуг и Карлом Хиллебрандом; перевод его книги о Макиавелли вышел в Рудольштадте в 1877–1882 гг.
Бодиссен – Вольф Вильгельм Фридрих Бодиссен. Исследования семитской религиозной истории (Wolf Wilhelm Friedrich Baudissin, (1847–1926), Studien zur semitischen Religionsgeschichte, Leipzig 1876–1878).
Шак – Адольф Фридрих Шак. Испанский театр (Adolf Friedrich Schack(1815–1894), Spanisches Theater. 2 Bde., 1845).
Шерер – Эдмон Шерер. Изучение современной литературы (Edmond Schérer (1815–1889), Etudes sur la littérature contemporaine. 10 Bde., Paris, 1866–1895), в библиотеке Ницше сохранился восьмой том (1885).
Амброс – Август Вильгельм Амброс. История музыки (August Wilhelm Ambros (1816–1876), Geschichte der Musik, 1862–1878).
Пешель – Оскар Пешель. Этнография (Oskar Peschel (1826–1875), Völkerkunde. Leipzig, 1874).

40. Июнь–июль 1879

Записная книжка N IV 2

40 [3] Ср. СЕТ, 318.
40 [4] Ср. СЕТ, 220.

40 [7] Ср. 41 [50].
40 [8] Ср. 28 [1]; 30 [166]; 40 [24].
40 [10] Ср. 41 [63].
40 [13] Ср. CET, 154, 168.
40 [16] Ср. CET, 5, 332; 40 [23].
40 [17] Ср. CET, 4.
40 [18] Ср. CET, 282.
40 [19] Ср. CET, 180.
40 [20] Ср. CET, 219; 16 [45]; 17 [50].
40 [23] Ср. CET, 5, 6; 40 [16].
40 [24] Ср. 28 [1]; 30 [166]; 40 [8].
Стихотворение — летом 1877 г. Ницше сочинил в Розенлауибаде 22 [93] и 22 [94]; см. также 23 [194] и другие поэтические фрагменты из группы 22.
Крестьяне Шварцвальда — ср. 40 [1].
40 [26] Ср. CET, 229.

41. Июль 1879

Записная книжка N IV 1

41 [2] Ср. CET, 86; 18 [47]; 28 [11]; 42 [48].
41 [4] Ср. CET, 222.
41 [7] Ср. CET, 5.
41 [9] Ср. CET, 275, 292.
41 [10] Ср. CET, 30; 17 [58].
41 [22] Ср. 42 [69].
41 [23] *Кэри* – Х.Л. Кэри. Учебник по народному хозяйству и социальной науке (H. C. Carey, Lehrbuch der Volkswirtschaft und Sozialwissenschaft. Wien, 1870); эта переведенная с англ. книга сохранилась в библиотеке Ницше.
41 [46] Ср. CET, 324.
41 [56] Ср. CET, 190.
41 [58] То же.
41 [62] Ср. Евангелие от Матфея, 25:29.
41 [63] Ср. 40 [10].
41 [66] Ср. Гёте «Тассо», V 2; CET, 9.
41 [68] Ср. Гёте «Эпилог к “Песням колокола” Шиллера».

42. Июль–август 1879

Записная книжка N IV 3

42 [3] Ср. CET, 12.
42 [6] Ср. CET, 61.
42 [7] Ср. CET, 33.
Чем нужнее некто … — ср. CET, 28.
42 [10] Ср. CET, 30.
42 [12] Ср. CET, 204.
42 [17] Ср. CET, 14; 42 [67].
42 [18] Ср. CET, 214.
42 [19] Ср. CET, 285.
42 [20] Ср. CET, 186.
42 [21] Ср. CET, 33.
42 [25] Ср. CET, 9; 47 [1].
42 [26] Ср. CET, 33.
42 [27] Ср. CET, 9.
42 [42] Ср. Евангелие от Матфея, 6:34.
42 [48] Ср. CET, 86; 28 [11]; 18 [47]; 41 [2].
42 [54] Ср. CET, 23.
42 [56] Ср. 42 [38]; 42 [61].
42 [57] Ср. УЗ, 68.
42 [58] Ср. CET, 23, 28.
42 [61] Ср. 42 [38]; 42 [56].
42 [62] Ср. CET, 28.
42 [65] Ср. 44 [3].
42 [66] Ср. CET, 23.
42 [69] Ср. 41 [22].

44. Август 1879

Записная книжка N IV 4

44 [2] Ср. CET, 155.
44 [3] Ср. 42 [65].
44 [7] Ср. CET, 60.

45. Август 1879

Рукопись M I 3

45 [5] Ср. Джакомо Леопарди: «Суббота в деревне» (Giacomo Leopardi. Deutsch von Paul Heyse, Berlin 1878, 1, 165f.; книга имеется в библиотеке Ницше).

46. Сентябрь–октябрь 1879

Отпечатанная рукопись D 13

46 [1] Ср. письмо Ницше к Шмайтцнеру от 27 октября 1879 г.: «Два латинских афоризма прошу также вычеркнуть».

47. Сентябрь–ноябрь 1879

Записная книжка N IV 5

47 [1] Ср. СЕТ, 9, 10; 42 [25].
47 [9] Ср. 41 [3].
47 [14] Ср. Шиллер: «Смерть Валленштейна», акт V.

Фридрих Ницше
Полное собрание сочинений
Том 8

Научный редактор
И.А. Эбаноидзе
Оформление и верстка
И.Э. Бернштейн
Корректор
А.Б. Грановская

Подписано в печать 28.07.2008.
Формат 84×108/32. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура NewBaskervilleC. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22. Тираж 1500 экз. Заказ № 3578.

Издательство «Культурная Революция»
Адрес: Москва, ул. Мясницкая, д. 9/4, стр. 1
Телефон/факс (495)6218471
E-mail frederih@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.